

актуальная история

Анатолий КОШКИН

Россия и Япония

УЗЛЫ ПРОТИВОРЕЧИЙ

Annotation

История взаимоотношений России со своей дальневосточной соседкой — Японией не столь продолжительна. Первый официальный контакт произошел в 1792 г., а дипломатические отношения установлены лишь в 1855 г. Но полтора столетия межгосударственных связей вместили в себя множество событий, которые, к сожалению, характеризовались не столько добрососедством и сотрудничеством, сколько противоречиями и вооруженными конфликтами.

В предлагаемой читателю книге предпринята попытка подробного рассмотрения основных аспектов российско-японских отношений с момента их зарождения до настоящего времени.

-
- [Анатолий КОШКИН](#)
 - [От автора](#)
 - [Вместо предисловия](#)
 - [Глава I.](#)
 - [Навстречу солнцу.](#)
 - [Скрытые столбы русских](#)
 - [«Мондзэн бараи», или «От ворот поворот»](#)
 - [Глава II.](#)
 - [«Открытие» Японии](#)
 - [Уступка вице-адмирала](#)
 - [Русские уходят с Курил](#)
 - [Глава III.](#)
 - [«На расстоянии пистолетного выстрела»](#)
 - [Черeda поражений](#)
 - [Граф-«полусахалинский»](#)
 - [Глава IV.](#)
 - [Российско-японское сближение](#)
 - [Союзный договор](#)
 - [Вторжение в Сибирь](#)
 - [Глава V.](#)
 - [Сначала Китай, затем Россия](#)
 - [«На границе тучи ходят хмуро...»](#)
 - [Халхингольская авантюра](#)

- [Глава VI.](#)
 - [Номонханский синдром](#)
 - [Союз с Гитлером](#)
 - [Пакт со Сталиным](#)
- [Глава VII.](#)
 - [«Лучше пролить кровь...»](#)
 - [Дипломатическая прелюдия войны](#)
 - [Японский вариант «блицкрига»](#)
- [Глава VIII.](#)
 - [Предупреждения разведки](#)
 - [План «примирения» СССР с Германией](#)
 - [Сталин решает вступить в войну.](#)
- [Глава IX.](#)
 - [Громыко говорит «нет»](#)
 - [«Не поверил своим ушам»](#)
 - [Фиаско Хрущева](#)
- [Глава X.](#)
 - [Япония как «непотопляемый авианосец» США](#)
 - [Попытки сделки вокруг Курил](#)
- [Глава XI.](#)
 - [Поиск компромисса](#)
 - [«Все или ничего»](#)
 - [Власть новая — претензии старые](#)
- [Послесловие](#)
- [Документы и материалы](#)
- [Иллюстрации](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
- [comments](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)

- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)

- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)

- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)

- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)

- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)

- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)

- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)

- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)

- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)
- [328](#)
- [329](#)
- [330](#)
- [331](#)
- [332](#)
- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)
- [337](#)
- [338](#)
- [339](#)

- [340](#)
- [341](#)
- [342](#)
- [343](#)
- [344](#)
- [345](#)
- [346](#)
- [347](#)
- [348](#)
- [349](#)
- [350](#)
- [351](#)
- [352](#)
- [353](#)
- [354](#)
- [355](#)
- [356](#)
- [357](#)
- [358](#)
- [359](#)
- [360](#)
- [361](#)
- [362](#)
- [363](#)
- [364](#)
- [365](#)
- [366](#)
- [367](#)
- [368](#)
- [369](#)
- [370](#)
- [371](#)
- [372](#)
- [373](#)
- [374](#)
- [375](#)
- [376](#)

- [377](#)
- [378](#)
- [379](#)
- [380](#)
- [381](#)
- [382](#)
- [383](#)
- [384](#)
- [385](#)
- [386](#)
- [387](#)
- [388](#)
- [389](#)
- [390](#)
- [391](#)
- [392](#)
- [393](#)
- [394](#)
- [395](#)
- [396](#)
- [397](#)
- [398](#)
- [399](#)
- [400](#)
- [401](#)
- [402](#)
- [403](#)
- [404](#)
- [405](#)
- [406](#)
- [407](#)
- [408](#)
- [409](#)
- [410](#)
- [411](#)
- [412](#)
- [413](#)

- [414](#)
- [415](#)
- [416](#)
- [417](#)
- [418](#)
- [419](#)
- [420](#)
- [421](#)
- [422](#)
- [423](#)
- [424](#)
- [425](#)
- [426](#)
- [427](#)
- [428](#)
- [429](#)
- [430](#)
- [431](#)
- [432](#)
- [433](#)
- [434](#)
- [435](#)
- [436](#)
- [437](#)
- [438](#)
- [439](#)
- [440](#)
- [441](#)
- [442](#)
- [443](#)
- [444](#)
- [445](#)
- [446](#)
- [447](#)
- [448](#)
- [449](#)
- [450](#)

- [451](#)
- [452](#)
- [453](#)
- [454](#)
- [455](#)
- [456](#)
- [457](#)
- [458](#)
- [459](#)
- [460](#)
- [461](#)
- [462](#)
- [463](#)
- [464](#)
- [465](#)
- [466](#)
- [467](#)
- [468](#)
- [469](#)
- [470](#)
- [471](#)
- [472](#)
- [473](#)
- [474](#)
- [475](#)
- [476](#)
- [477](#)
- [478](#)
- [479](#)
- [480](#)
- [481](#)
- [482](#)
- [483](#)
- [484](#)
- [485](#)
- [486](#)
- [487](#)

- [488](#)
 - [489](#)
 - [490](#)
 - [491](#)
 - [492](#)
 - [493](#)
 - [494](#)
 - [495](#)
 - [496](#)
 - [497](#)
 - [498](#)
 - [499](#)
 - [500](#)
 - [501](#)
 - [502](#)
 - [503](#)
 - [504](#)
 - [505](#)
 - [506](#)
 - [507](#)
 - [508](#)
 - [509](#)
 - [510](#)
 - [511](#)
 - [512](#)
 - [513](#)
 - [514](#)
 - [515](#)
 - [516](#)
 - [517](#)
 - [518](#)
 - [519](#)
 - [520](#)
 - [521](#)
-

Анатолий КОШКИН
РОССИЯ И ЯПОНИЯ:
Узлы противоречий

От автора

История взаимоотношений России со своей дальневосточной соседкой — Японией не столь продолжительна. Первый официальный контакт произошел в 1792 г., а дипломатические отношения установлены лишь в 1855 г. Но полтора столетия межгосударственных связей вместили в себя множество событий, которые, к сожалению, характеризовались не столько добрососедством и сотрудничеством, сколько противоречиями и противоборством. Сами японцы объясняют настороженность и подозрительность к северному соседу, впрочем, как и ко всем иностранцам, островной изолированностью своей нации. В известной степени это так, ибо Страна восходящего солнца длительное время была закрыта из-за боязни порабощения более развитыми в военно-техническом отношении державами Запада. Режим изоляции должен был сохранить уникальную духовную культуру японцев, не допустить внедрения «варварских» идеологических и религиозных догм.

Фактом истории является то, что, в отличие от помышлявших о превращении Японии в полуколонию правительств западноевропейских государств, русские цари не ставили перед собой задачу подчинения — в каком бы то ни было виде — нации Ямато. Напротив, они желали видеть Японию независимой, ибо овладение занимающими важное стратегическое положение Японскими островами позволяло западноевропейским соперникам России противостоять ее стремлению укрепиться на Дальнем Востоке и Тихом океане. Если американцы «открывали» Японию, направив на столичный Эдо (Токио) дула артиллерийских орудий военных кораблей, то русские терпеливо вели затяжные дипломатические переговоры, стремясь к взаимоприемлемым условиям установления отношений. При этом российским посланникам приходилось преодолевать внушенное японским правителям западноевропейцами ложное мнение о так называемой «угрозе с севера», агрессивности России. Следует отметить, что тезис «о необходимости защиты от северного соседа» глубоко внедрен в сознание японцев, сохранившись до наших дней. Его не смогло устранить широкое проникновение в японское общество

русской культуры — литературы, музыки, изобразительного искусства, которые весьма ценимы в Японии.

Недоверие друг к другу усугубила Японско-русская война 1904—1905 г.^[1] Хотя нападение на российские армию и флот совершили японцы, многие жители этой страны считают, что со стороны Японии это была справедливая превентивная война. И по сей день можно услышать мнение, что в условиях борьбы империалистических держав за обладание азиатскими колониями и рынками сбыта у Японии не оставалось иного выбора, как защищать свои интересы вооруженным путем.

Даже открытое вооруженное вторжение на российский Дальний Восток и в Сибирь в 1918 г. трактуется не как агрессия, а как «посылка войск» для наведения порядка. Если Японско-русская война проходила на территории третьих стран — Кореи и Китая, то «сибирская экспедиция» явилась первой попыткой отторжения от России ее восточной части в пользу Великой Японской империи, как стали именовать это государство.

Традиционная подозрительность и враждебность к России многократно усилились после победы в России пролетарской революции. Планы захвата и включения в состав империи российской территории «вплоть до Урала», обретя дополнительную идеологическую составляющую, были переведены в практическую плоскость — генштаб армии составлял оперативные планы войны на севере, в оккупированной Маньчжурии у границ СССР накапливались войска и вооружения. Якобы существовавшая угроза разрушения императорского строя и замена его на коммунистический режим стала тем жупелом, на борьбу с которым мобилизовалась японская нация.

В 20—30-е гг. прошлого столетия милитаристская Япония своими вооруженными вылазками на границах СССР создавала опасность возникновения новой «большой» войны. Эта опасность еще больше возросла после образования военного союза наиболее агрессивных стран мира — Германии, Японии и Италии.

Хотя в годы Второй мировой войны Япония так и не осмелилась реализовать тщательно разработанные военные планы нападения на СССР с Востока, она эффективно помогала своей союзнице Германии, угрозой нападения приковывая советские дальневосточные дивизии к маньчжурской границе. И лишь в августе 1945 года, разгромив

японскую Квантунскую армию, советские войска обеспечили безопасность восточных районов нашей страны.

Агрессивная политика милитаристской Японии в Азии, массовые убийства мирных жителей оккупированных стран, человеконенавистнические планы истребления миллионов людей с использованием бактериологического оружия создавали в мире, в том числе в нашей стране, впечатление о японцах как о жестоких и коварных врагах.

Со своей стороны японская пропаганда внедряла столь же негативное отношение к русским. Вступление СССР в войну против милитаристской Японии на стороне союзных США и Великобритании потребовало от советского правительства денонсировать заключенный в апреле 1941 г. на пять лет советско-японский пакт о нейтралитете. Поэтому участие СССР в войне представляется в Японии как проявление «вероломства» русских, с которыми-де нельзя заключать никакие политические соглашения. Обвинения в нарушении пакта сопровождаются требованиями вернуть перешедшие по итогам войны к России (СССР) «исконные японские территории». При этом если официальный Токио требует «возвращения» южной части Курильских островов, то националистические силы страны выдвигают притязания на всю Курильскую гряду и южную половину острова Сахалин, которая именуется в Японии Карафуто.

Выдвижение территориальных требований не позволяет заключить между двумя странами мирный договор. Однако отсутствие такого договора не означает, как считают многие, сохранение между Россией и Японией формального состояния войны. Прекращение состояния войны, равно как и другие составляющие содержание мирного договора вопросы, разрешены в подписанной правительствами и ратифицированной парламентами обеих стран Совместной декларации 1956 г.

В предлагаемой читателю книге предпринята попытка подробного рассмотрения названных выше и других аспектов российско-японских отношений с момента их зарождения до настоящего времени. При этом автор уделил особое внимание не раз имевшим место в истории двух государств перипетиям споров и переговоров по пограничному размежеванию. Длительный опыт общения с японскими учеными и политиками позволяет предположить, что высказанные позиции и

выводы автора найдут немало оппонентов в Стране восходящего солнца. Автор будет приветствовать контрдоводы и контраргументы и готов к продолжению дискуссии. Ибо только совместными усилиями исследователей, сопоставлением мнений и концепций, обнародованием ранее закрытых документов можно ослабить накал непрекращающегося более полувека противоборства вокруг оценок истории взаимоотношений двух соседних стран и народов. Взвешенные и сбалансированные оценки событий прошлого могут в значительной степени помочь политикам находить точки соприкосновения, выработать взаимоприемлемые компромиссные решения.

Автор выражает благодарность издательству «Вече» и всем, кто способствовал выходу в свет этой книги.

Вместо предисловия

Приоритет в установлении контактов европейцев с Японией принадлежит португальцам, которые одними из первых проникли в Китай и другие земли Востока, ныне именуемые Азиатско-Тихоокеанским регионом. До путешествия итальянского купца Марко Поло (XIII в.) в Китай европейцы не знали о Японии. Считается, что именно он был первым европейцем, который услышал от китайцев о существовании к востоку от азиатского материка «островного царства», богатого золотом и серебром и называемого «Дзипангу».

Слухи о существовании где-то в водах Великого океана «восточного Эльдорадо» будили воображение европейцев. Однако первые выходцы из Старого Света оказались в Японии по воле случая. В 1542 г. сильный шторм занес португальских моряков на остров Танэгасима, что у южной оконечности одного из четырех главных японских островов — Кюсю. До этого японцы имели торговые контакты лишь с корейцами и китайцами. Люди необычной для них белой расы вызвали немалое любопытство. Однако наибольший интерес не знавшие огнестрельного оружия местные феодалы проявили к вооружению пришельцев — аркебузам.

Почти сразу же была организована торговля этим оружием, за которое японцы платили золотом. Закупленные у португальцев аркебузы в Японии стали называть «танэгасима» по имени острова, где произошло первое знакомство местного населения с извергающим огонь и сеющим страх и панику оружием. Торговля с вновь открытой страной сулила большие барыши. Лишь за шесть первых месяцев после высадки на Танэгасиме португальцам удалось весьма выгодно продать свыше 6000 аркебуз. На протяжении последующих 50 лет, пока португальцы оставались монополистами, оружие являлось основной статьей японского импорта.

Интересы португальцев, а затем испанцев, голландцев и британцев к Востоку не ограничивались лишь выгодной торговлей. Их целью было превращение стран Восточной и Юго-Восточной Азии в колонии и полукolonии. При этом важным инструментом экспансии стало миссионерство, внедрение христианства. Это в равной степени характерно и для тогдашней политики западноевропейских государств

в отношении Японии. Однако японское центральное правительство сегуна скоро осознало, что распространение католичества и расширение иностранной торговли ведут к подчинению страны европейцам. Католические миссионеры грубо вмешивались во внутренние дела Японии. В 1637—1638 гг. на острове Кюсю произошло крупное Симабарское крестьянское восстание против притеснений властей. Среди восставших было много крестьян, принявших христианство. Восстание было использовано находившимися под влиянием европейцев феодалами для борьбы с верховным правителем — сегуном. Дальнейшее распространение христианства создавало угрозу центральной власти, вело к усилению сепаратистских настроений.

Для пресечения миссионерской деятельности европейцев и недопущения колониального подчинения страны правительство сегуна еще в 1636 г. издало эдикт об ограничении контактов своих подданных с иностранцами и запрете японцам под страхом смерти покидать страну. Запрещался ввоз в Японию каких бы то ни было книг, упоминавших о западных странах и христианской религии. Правительственным указом 1639 г. иностранцам было предписано прекратить всякую торговлю в Японии. В стране вводился строгий режим самоизоляции. Закон об изоляции гласил: «На будущее время, доколе солнце освещает мир, никто не смеет приставать к берегам Японии, хотя бы он даже и был посланником, и этот закон никогда не может быть никем отменен под страхом смерти». Приверженцев христианской веры, как европейцев, так и японцев, правительство подвергало жестоким казням: их зарывали живыми в землю, распинали на кресте, сажали на кол, распиливали на части, сжигали живыми, нередко целыми семьями, бросали в кратер действующего вулкана или завязывали в мешки и сжигали на медленном огне. По существующим сведениям, за 1614—1650 гг. за принадлежность к христианской вере было казнено 2128 человек, в том числе 71 европеец. Однако в действительности жертв было больше.

Ограниченная торговля была разрешена только голландцам. Им был выделен маленький островок Дэдзима в нагасакской гавани, где они проживали под строгим наблюдением властей. Объявленная политика самоизоляции, хотя и затормозила развитие страны и

консервировала ее феодальные порядки, в то же время эффективно воспрепятствовала превращению Японии в зависимое государство.

В отличие от западноевропейцев проникновение русских на Восток осуществлялось как освоение новых земель поселенцами, вхождение сибирских и дальневосточных районов в состав Российского государства. Если на вновь открытые территории Восточной Азии из Западной Европы направлялись купцы, военные корабли, чиновники и миссионеры, то из России продвигались в восточном направлении не только заинтересованные в добыче пушнины купцы, но и искавшие свободной пахотной земли и вольной жизни казаки, беглые крестьяне, промысловые и служивые люди. Относительная легкость продвижения русских объяснялась тем, что оно проходило без противодействия других держав, ибо в XVI в. Сибирь, как Америка до Колумба, была неведомой для европейцев землей. Хотя в ряде случаев местные племена оказывали сопротивление русским, остановить их продвижение на Восток они не могли. В результате к середине XVII в. русские землепроходцы и промысловые люди вышли к Тихому океану.

Считается, что сведения о Японии стали поступать в Россию в середине XVII в. Первые же письменные упоминания об этой стране датируются 1670 г., когда было завершено составление в Холмогорском монастыре книги «Космография». В нее была включена глава «О Иапонии или Япон-острове».

Важные сведения о Японии были получены от отправленного в 1675 г. послом России в Китай Николая Спафария. Он доносил в Москву: «Великий и славный остров Японский, как пишут китайские земнописатели и чертежи, начинается против устья Амура реки и простирается далеко против Китайского государства и для того иногда из Китайского государства в двои суток плавают в Японский остров. А от устья Амура сколь далеко стоит, того еще не ведомо, а кажется не очень далеко будет, потому что иные острова меньшие видятся от усть Амура от берегу морского с гор, как о том видели в прежних летах казаки, которые зимовали на усть Амура».

Интерес России к Японии объяснялся не столько наличием в этой стране запасов золота и серебра, сколько стремлением русских мирно и взаимовыгодно торговать. Отсутствие у русских агрессивных намерений признает весьма популярный в современной Японии автор исторических романов и эссе Сиба Рётаро, кстати нередко критически

относившийся к внешней политике России. Он писал в своей книге «О России. Изначальный облик Севера»: «...Россия хотела получать продовольствие из Японии для того, чтобы осваивать Сибирь. Во имя этой цели Россия изучала Японию, оказывала радушный прием потерпевшим кораблекрушения, наконец, выражала желание установить дипломатические отношения с правительством Японии. Это желание было очень настойчивым...» Признается и то, что проводившая российскую «государственную политику» на Дальнем Востоке Российско-Американская компания не имела «никаких замыслов обращения в свою собственность территории Японии, единственного независимого государства в морях Дальнего Востока».

В качестве «моста» для мирной и дружественной торговли русские видели соединяющие Камчатку с Японией Курильские острова.

Глава I.

Россия на Курилах

Навстречу солнцу

Одним из важных географических открытий стали обнаружение в 1648 г. якутским казачьим атаманом Семеном Дежневым пролива, соединяющего Ледовитый океан с Тихим, и выход русских на берега Чукотки. Отсюда землепроходец Владимир Атласов с небольшим отрядом в 1697—1699 гг. прошел через весь полуостров Камчатка, обложил местное население ясаком и привел его в российское подданство. Одновременно аборигены обращались в православие.

Освоение новых земель русскими в то время происходило главным образом по суше, ибо у России не было морского флота. Когда Атласов со товарищи открывал Камчатку, Петр I отправляется в Голландию, где учится строить корабли. Флот был необходим России как для отстаивания своих интересов в Европе, так и для защиты новых владений на Дальнем Востоке.

В исторической литературе существует указание на то, что первыми русскими, посетившими в 1649 г. северные Курильские острова, был отряд во главе с якутским казачьим десятником Михаилом Стадухиным. Затем в 1654 г. совершил плавание на Курилы и его брат — Тарас Стадухин. Однако назвать это «географическим открытием» трудно, ибо целью братьев было не исследование обнаруженных островов, а добыча пушного зверя. Видимо, правильнее считать датой открытия русскими Курильских островов 1700 г., когда они были впервые нанесены на составленную Семеном Ремезовым карту, известную под названием «Чертеж вновь Камчадалские земли»^[1].

Сначала русские даже предположили, что расположенные к югу от Камчатки острова и есть «Япония». Однако это заблуждение было развеяно потерпевшим кораблекрушение и попавшим в плен к камчадалам японцем по имени Дэмбэй. Хотя высказывается мнение, что русские имели дело с выходцами из Японии еще с начала XVII в., наиболее важные и достоверные сведения о японском государстве были получены именно от Дэмбэя. Обобщая написанное о Дэмбэе в России и Японии, можно составить представление о его вкладе в дело расширения знаний русских о государстве на Японских островах.

Первооткрыватель Камчатки Атласов узнал о Дэмбэе в 1698 г. Оказалось, что он не индеец, как считали камчадалы, а купец из

японского города Осака. Атласов забрал пленника в свой отряд, где японец прожил два года. Дэмбэй рассказывал о торговле японцев с китайцами, об императоре, сегуне, климате, домашних животных, оружии, архитектуре, кораблях, деньгах, товарах и религии японцев. Возвращаясь на континент, Атласов взял с собой Дэмбэя, который был доставлен сначала в Якутск, а в конце декабря 1701 г. по приказу Петра I в сопровождении служивых людей был отправлен в Москву. 8 января 1702 г. состоялась аудиенция Дэмбэя у российского монарха.

После продолжительной беседы Петр I издал царский указ, который гласил: «1702 года, января в 8 день по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича великия и малыя и белыя России самодержца присланный из Якутского иноземец Дембей ставлен пред великого государя в Преображенском. И великий государь... указал его, Дембея, в Москве учить русской грамоте, где прилично, а как он русскому языку и грамоте навькнет, и ему, Дембею, дать в научение из русских робят человек три или четыре — учить их японскому языку и грамоте. А о крещении в православную христианскую веру дать ему, иноземцу, на волю, и его, иноземца, утешать и говорить ему: как он русскому языку и грамоте навькнет и русских робят своему языку и грамоте научит, и его отпустят в Японскую землю. А ныне ему, иноземцу, пока он в Москве будет, давать ему, иноземцу, своего великого государя жалование на корм и одежду по небольшому, чем ему проняться»^{2}.

Сначала Дэмбэй был отправлен в Артиллерийский приказ, а затем в 1705 г. переведен учителем японского языка в специально созданную «школу японского языка» при Петербургской мореходной математической школе. Впоследствии для преподавания в этой школе были направлены с Камчатки еще несколько японцев. Судя по сохранившимся источникам, Дэмбэй выполнял свои обязанности добросовестно. Однако японский язык и особенно иероглифическая письменность трудно давались его ученикам. Так как для овладения японским языком требовалось много времени, вопреки своему обещанию Петр I не позволил Дэмбэю вернуться на родину. Более того, в 1710 г. он был крещен и получил имя Гавриила. Как православный Дэмбэй и был погребен после кончины на чужбине.

История Дэмбэя, а затем еще нескольких привезенных в Москву и Петербург с Камчатки японцев является свидетельством немалого

интереса российских властей и лично Петра I к Японии, их стремления установить отношения с этой страной. Еще в 1702 г. Петр I ставит перед своими наместниками в Сибирском приказе задачу «разведать путь в Японию, установить характер вооружения страны, разнообразие товаров, имеется ли спрос на русские товары». При этом предписывалось предпринять попытку завязать торговые отношения. Эта цель оставалась главной и в последующий период.

Однако добраться до Японии было непросто. С Камчатки поступали рапорты о том, что «от Курильского острогу и от того-де места за проливами земля, а проведать-де той земли не на чем, судов морских и судовых припасов нет и взять негде потому, что-де лесу близко нет и якорей взять негде»^{3}.

Тем не менее Петр I не забывал о своих новых владениях на Дальнем Востоке. В 1707 г. он издает указ о присоединении к России Камчатки. Одновременно предписывалось продолжать искать пути в Японию, исследовать Курилы. В 1710 г. царь издает новый указ по этому поводу. Во исполнение царских указов русские землепроходцы плавали на байдарках к Курильским островам, посещая и их южную часть, в частности остров Итуруп. Наиболее известные в истории походы на Курилы были предприняты в 1711 г. казачьим атаманом Данилой Анциферовым и есаулом Иваном Козыревским. Тогда ими были подробно обследованы северные Курильские острова — Шумшу и Парамушир.

После гибели Анциферова в 1713 г. Козыревский отправляется во вторую экспедицию на Курильские острова. На сей раз ему удастся пройти по всей цепи архипелага. Несомненная заслуга Козыревского состоит в достаточно точном описании Курил и изготовлении карты, известной под названием «Полная карта до земель Мацумаэ». На карту были нанесены все острова Курильской гряды, включая южный остров Кунашир. Важным источником знаний о Курилах стали также подробные доклады Козыревского. Так, об острове Итуруп он писал: «Итуруп, двенадцатый остров — большой по своим размерам и имеет многочисленное население. Его жителей... японцы называют “эдзо”. Такие же жители Курил населяют и соседние острова. У них иные язык и обычаи по сравнению с описанным выше народом. Они бреют свои головы. Приветствуя друг друга, подгибают колени. (Восхищает их отвага и умение, проявляемые на войне.) На острове густые леса и

множество диких зверей, особенно медведей. Тут и там встречаются реки, в устьях которых, как в гаванях, могут находить укрытие от ветра и непогоды большие корабли. Об этом следует упомянуть, так как на соседних островах лесов мало и невелики удобства для больших кораблей».

А вот как Козыревский описывал впервые увиденный русскими южнокурильский остров Кунашир: «Остров Кунашир. Живут иноземцы те же, что и на Итурупе и Урупe; и вера одна, а язык один или свой имеют, и о том не уведомился; и на Матмайской острове (Хоккайдо. — А.К.) к ним ходят, на котором стоит город Матмай, и с Матмайского к ним приходят с годовыми товарами и торгуют. И сей остров больше Итурупы и Урупа и многонароден. А в подданстве ли оные кунаширцы к Матмаю городу или нет, и о том в достаток не уведомился. А итурупцы и урупцы самовластно живут и не в подданстве и торгуют повольно»^{4}. Немаловажное значение имело то, что экспедиция Анциферова и Козыревского впервые собрала с жителей северных островов Курил — Шумшу и Парамушир — ясак (дань пушниной), что свидетельствовало о намерении утвердить на этих территориях российские порядки^{5}. После окончания Северной войны со Швецией Петр I вновь проявил интерес к Дальнему Востоку, описанию морских путей в Америку. С этой целью в 1721 г. совершили плавание к Курильским островам Иван Евреинов и Федор Лужин — дипломированные специалисты, окончившие Санкт-Петербургскую академию геодезии и картографии. Отчет об этом путешествии с картой Курильских островов был представлен в 1722 г. Петру I и получил монаршее одобрение. В отчете содержалось важное сообщение о том, что на Курилах японцев не было.

Стремясь продолжить исследование и освоение дальневосточных земель, царь приказал готовить новую экспедицию под командованием служившего в российском флоте датчанина Витуса Беринга. Осуществленная уже после кончины Петра I по указу императрицы Екатерины I экспедиция Беринга подтвердила наличие пролива между Азией и Америкой.

Важность закрепления России на Курильских островах была подтверждена Екатериной I в утвержденном ею в 1727 г. документе «Мнение Сената» о Восточных островах. В нем указывалось на необходимость «взять во владение острова, у Камчатки лежащие,

поелику земли те к российскому владению касаются и ни у кого не подвластные. Восточное море теплое, а не ледовитое... и может в будущем воспоследовать коммерции с Японом или Китайскою Кореею»^{6}.

Первые непосредственные контакты с японцами вблизи основного острова Японии — Хонсю удалось установить русской экспедиции во главе с датчанином Мартином Шпанбергом. Предпринятая в 1738—1739 гг. камчатская экспедиция Шпанберга, обойдя юг Камчатки, прошла от острова к острову по всей Курильской гряде и вышла к Японии. Тем самым был открыт путь к восточным берегам Японских островов. Принципиальное значение имел сделанный Шпанбергом вывод о том, что «под властью японского хана только один Матмай остров, а прочие острова (Курильские. — *А.К.*) неподвластны»^{7}. Этот вывод позволял российскому правительству рассматривать Курильские острова как свое приобретение, ранее не принадлежавшее какому-либо государству.

Одной из целей экспедиции Шпанберга на парусниках «Архангел Михаил», «Надежда» и «Св. Гавриил» было обследование Японских островов. Были поставлены следующие задачи: 1. После постройки трех судов в Охотске разведать на них морской путь в Японию. 2. Достигнув территории Японии, ознакомиться с ее политическим строем, обследовать порты и по возможности установить мирные торговые отношения с ее народом. 3. Если на Камчатке имеются японцы, потерпевшие кораблекрушение, вернуть их в Японию и использовать это как проявление дружбы.

О том, что российское правительство не желало конфликтов с Японией и иными государствами по поводу принадлежности тех или иных дальневосточных территорий, свидетельствовали данные экспедиции Шпанберга предписания. В одобренном Сенатом и утвержденном императрицей документе строго воспрещались какие-либо «нападения и недружбы». Предписывалось: «Ежели... к самой Японии острова или земли найдутся подвластные хана японского или иных азиатских владетелей, такие осмотреть же и искать с народами, живущими на тех островах и землях, дружелюбного обхождения... И между тем проводывать о их состоянии и прочем, о чем мочно, а никакого на них нападения и недружбы не показывать и, побыв тут,

следовать до самых японских берегов и там по тому же разведывать о владетьстве, о портах, могут ли обходиться в том дружески»^{8}.

Первые контакты русских с японцами в водах у японской территории произошли 18 июня 1739 г. Суда экспедиции Шпанберга подошли к восточным берегам Японии для пополнения запасов воды и продовольствия. Согласно данной инструкции при контактах с японцами Шпанберг и его команда терпеливо разъясняли, что русские корабли приходят «ради единого восстановления с ними, японцами, соседственной дружбы и коммерции». Сохранились довольно подробные описания попыток организовать обмен товарами. Однако эти попытки были скоро пресечены местными японскими чиновниками, которые в условиях «закрытия» страны потребовали ухода русских судов от японских берегов. Тем не менее попытки мирным путем «открыть» Японию русские мореплаватели и купцы не оставляли.

Возвращаясь из Японии, экспедиция Шпанберга подробно картографировала южные Курилы, включая Шикотан и группу островов, именуемую в настоящее время в Японии Хабомаи. Этим островам были даны русские названия: Зеленый, Цитронный, Три Сестры, Фигурный (всего на карту было нанесено более 30 островов). В память об этой экспедиции остров Шикотан был назван островом Шпанберга^{9}.

Сведения об экспедиции Шпанберга и ее результатах достигли Европы. Французская газета «Газет де Франс» писала 22 февраля 1740 г.: «Открытие русскими Курильских островов имеет для России огромное значение... Островитяне приняли экспедицию Шпанберга с многочисленными проявлениями дружбы».

Составление подробной карты Курил позволяло выдвигать права на владение исследованной и описанной территорией. В сборнике «Русские Курилы» отмечается: «Официально изданная географическая карта... является юридическим документом-извещением, отражающим позицию издавшей его стороны в отношении, во-первых, состава собственной территории и протяженности собственных границ и, во-вторых, в отношении юридического статуса (т. е. принадлежности тому или иному государству) других территорий.

В XVIII — первой половине XIX столетия карта имела особенно большое значение. С точки зрения международного права того времени,

когда многие территории еще не были обследованы и потому никому не принадлежали, приоритет в издании географической карты «новой земли» давал опубликовавшей ее стране право претендовать на владение этой территорией. Иными словами, действовал принцип: первый издавший карту «новой территории» имеет преимущественное право считать ее своим владением, даже если не он первый ее открыл. И оспорить такой картографический аргумент было весьма непросто.

Дополнительное преимущество получала та страна, которая издавала карту на, иностранном языке (в то время международным языком картографии была латынь), поскольку таким образом придавала своему «извещению» статус не только внутреннего, но и международного документа»^{10}.

Опубликованную по результатам экспедиции Шпанберга карту Курильских островов можно считать именно таким «извещением». В последующем она была положена в основу составленного географического Атласа 1745 г., который был издан на русском, французском и голландском языках. Следует отметить также переведенную с русского и изданную во Франции карту Афанасия Шестакова 1726 г., на которой обозначены и подробно перечислены все острова Курильской гряды.

Японские правительственные историки, признавая приоритет русских в открытии и освоении северных и центральных Курильских островов, в то же время пытаются отстаивать права Японии на южнокурильские острова. При этом утверждается следующее:

«Судя по письменным источникам, их “открытие” (южнокурильских островов. — *А.К.*) принадлежит голландцам. Курильские же острова (Тисима) первыми заселяют русские, а северные острова Японии — Хабомаи, Шикотан, Кунашир и Итуруп — японцы. Однако важным является то обстоятельство, что одно только открытие — это недостаточное условие для того, чтобы настаивать на праве владения территорией.

Голландец Мартин Гериц де Фриз (? — 1647) в 1643 г. увидел острова Кунашир и Итуруп и высадился на острове Уруп...

В 1711 г. экспедиция Данилы Анциферова (? — 1712) и Ивана Козыревского высадилась на острове Шумшу, два года спустя их вторая экспедиция добралась до острова Парамушир. Получив от айнов сведения о порядке расположения 14 островов, простирающихся до

острова Мацумаэ (ныне Хоккайдо), И. Козыревский составил «Чертеж морским островам» (1713). Русская экспедиция Мартына Шпанберга (? — 1761) проплыла вдоль Курильских островов и, следуя открытым морем, достигла города Симода. Члены его команды, высадившись на берег в районе города Симода, вернулись на корабль, принеся с собой мандариновые деревья, жемчуг и другие предметы. Во второй половине XVIII века предводитель отряда казаков Иван Черный провел исследование Курильских островов с севера до девятнадцатого острова — Итурупа и основал русское поселение на острове Уруп.

С другой стороны, в Японии в 1653 году самурай княжества Мацумаэ Хироёси Мураками провел исследование острова Эдзо (Хоккайдо. — *А.К.*) и впервые нанес на карту острова Кунашир, Итуруп и другие северные районы. Представленная на основе этой карты в 1644 году княжеством Мацумаэ правительству Токугава географическая карта называется Картой периода Сёхо. Это самая древняя в мире карта, на которой ясно обозначены группа островов Хабомаи, острова Шикотан, Кунашир и Итуруп. Айны, которые ранее жили на этих островах, платили дань княжеству Мацумаэ и вели с ним торговлю»^[11]. Такова версия японских историков.

В данном отрывке обращает на себя внимание попытка авторов выделить южнокурильские острова из состава Курильского архипелага и определить их не как Курилы, а как некие «северные острова Японии». Заметим, что подобная «географическая новация» появилась лишь после Второй мировой войны с целью обосновать современные претензии японского правительства на данные территории. Но об этом позже.

Здесь же в связи с приведенным мнением японских ученых представляется целесообразным кратко рассмотреть процесс распространения японцев с их основного острова Хонсю в северном направлении.

Первые японские переселенцы появились на южном побережье острова Эдзо (Хоккайдо) еще в XVI в. Однако историю колонизации этого острова, видимо, правильным было бы начать с 1604 г., когда здесь была учреждена администрация княжества Мацумаэ (в тогдашней русской транскрипции — «Матмай»). В то время заселенный аборигенами — айну — остров Эдзо рассматривался как неапонская территория. Само же княжество Мацумаэ считалось «независимым» от

центрального правительства. Его целью было покорение и эксплуатация аборигенного населения острова. Айнам запрещалось вести сельское хозяйство. Им вменялось в обязанность заниматься в интересах пришельцев рыболовством и охотой, в чем айну были довольно искусны. При этом периодические восстания аборигенов против засилья японцев жестоко подавлялись.

Реальная территория княжества Мацумаэ была невелика. Центром считался замок Фукуяма, построенный в 1606 г., а позже стал центром замок Мацумаэ. Население княжества росло медленно. Так, в 1662 г. здесь насчитывалось всего лишь 14—15 тыс. человек, а в 1788 г. — 26,5 тыс. человек, т. е. за 126 лет число жителей увеличилось лишь на 11,5—12,5 тыс. человек^{12}.

Каких-либо достоверных сведений о том, что в XVII в. люди из княжества Мацумаэ совершали плавания и посещали Курильские острова, нет. Это, конечно, не исключает вероятности того, что от айнов-эдзосцев японцы были наслышаны о расположенных к северу от Эдзо островах. Известно было и то, что населяющие эти северные земли люди представляют ту же айнскую народность. Вполне допустимо и то, что японцы через айнов Эдзо имели торговые контакты с айнами-островитянами. Однако при всем этом датированная 1644 г. «Карта периода Сёхо» едва ли могла быть составлена японцами по результатам экспедиции на Курилы хотя бы потому, что, как отмечалось выше, за пять лет до этого в Японии был введен запрет под страхом смертной казни покидать японские берега. К тому же сама «Карта периода Сёхо» представляет собой не столько карту в подлинном смысле этого слова, сколько похожий на рисунок план-схему, скорее всего сделанный кем-либо из японцев без личного знакомства с островами, по рассказам айну. Первые попытки княжества Мацумаэ устроить японскую факторию на острове Кунашир относятся лишь к 1754 г. Фактом истории является и то, что впервые японцы как представители японского государства оказались на южных Курилах в 1785 г., спустя полтора столетия после составления «Карты периода Сёхо». Во всяком случае, едва ли есть основания использовать данную карту как подтверждение «исконной принадлежности» южных Курил Японии. С другой стороны, существуют указания на то, что Курилы были отнесены к Российской империи еще во времена правления Анны Иоанновны. Назначая в 1730 г. Г. Писарева «начальником Охотска»,

императрица определила, что под его надзор и управление отдаются и Курильские острова, на коих надлежало продолжать собирать ясак с местного населения. Согласно российским источникам, начало регулярных контактов русских с аборигенами южнокурильских островов относится к середине XVIII в. В 1755 г. сборщик ясака Николай Сторожев впервые взял дань-ясак с части жителей острова Кунашир. Впоследствии данью облагалось также население островов Уруп, Итуруп, Шикотан. Сбор ясака осуществлялся на этих островах регулярно до начала 80-х гг. вплоть до монаршего указа о его отмене. Российские исследователи уделяют этому факту особое значение. Отмечается, что «в то время сбор с местного населения дани являлся одним из наиболее важных условий и одновременно признаков подданства этого населения (а значит, и принадлежности территории, на которой оно проживало) стране, которая эту дань получала (традиция, хорошо известная с глубокой древности и в Европе и в Азии)»^{13}. С 60-х гг. плавания русских промысловых судов на южные Курильские острова участились. Здесь русские основывали свои зимовья и стоянки. В эти годы местное население островов Уруп и Итуруп было приведено в русское подданство. Хотя купцы и сборщики налогов обирали айнов, в то же время они приобщали их к цивилизации — учили пользоваться огнестрельным оружием, разводить скот, выращивать овощи. Велась и миссионерская деятельность — многие айны крестились и принимали православие, а некоторые обучались грамоте и овладевали русским языком.

Во второй половине XVIII столетия продолжалось картографирование русскими Курильских островов, включая южные. Подробное описание Курил составил в 1770 г. Иван Черный. Известны и составленные в конце 70-х гг. штурманами Иваном Очерединым и Михаилом Петушковым подробные для тех времен карты южной части Курильского архипелага. Продолжались и попытки установления контактов с местными жителями острова Эдзо (Хоккайдо). В конце 70-х гг. берегов этого острова достигли корабли купца Антипина и других торговых людей. В 80-е гг. фактов русской деятельности на Курилах было накоплено вполне достаточно для того, чтобы в соответствии с нормами международного права того времени считать весь архипелаг, включая его южные острова, принадлежащими России. Это было зафиксировано в российских государственных документах. Прежде

всего следует назвать императорские указы (в то время императорский или королевский указ имел силу закона) 1779, 1786, 1799 гг., в которых подтверждалось подданство России южнокурильских айнов (именовавшихся тогда «мохнатыми курильцами»), а сами острова объявлялись владением России. Важно отметить, что проблемами включенных в состав Российской империи Курил и населявших их народностей непосредственно занималась императрица Екатерина II. Существует документ от 30 апреля 1779 г. «Указ Екатерины II Сенату об освобождении от податей населения Курильских островов, принявшего российское подданство». Указ гласит: «Ея И.В. повелевает приведенных в подданство на дальних островах мохнатых курильцев оставить свободными и никакого сбора с них не требовать, да и впредь обитающих тамо народов к тому не принуждать, но стараться дружелюбным обхождением и ласковостию для чаемой пользы в промыслах и торговле продолжать заведенное уже с ними знакомство. А при том обо всех состоящих в подданстве народах, которые обитают на лежащих от Камчатки к востоку Курильских островах, в рассуждении ясачного с них сбора рассмотреть и по примеру вышеупомянутого постановленного ныне от ея И.В. о мохнатых курильцах правила сделать надлежащее определение, и что учинить, об оном уведомить его, генерал-прокурора, без продолжения».

Указом императрицы от 22 декабря 1786 г. Коллегии иностранных дел Российской империи надлежало официально объявить о принадлежности открытых на Тихом океане земель российской короне. Во исполнение указа была составлена на высочайшее имя записка об «объявлении чрез российских министров при дворах всех морских европейских держав, что сии открытыя земли Россией не могут иначе и признаваемы быть, как империи вашей принадлежащими». Среди включенных в состав Российской империи территорий значилась и «гряда Курильских островов, касающаяся Японии, открытая капитаном Шпанбергом и Вальтоном».

О том, что все Курильские острова, включая южные, во времена правления Екатерины II входили в состав Российской империи неопровержимо свидетельствует «Карта Иркутского Наместничества, состоящая из 4 областей, разделенных на 17 уездов». На карте все Курильские острова, включая Эторпу (Итуруп), Кунашир и Чикота (Шикотан), окрашены как территория Российской империи в тот же

цвет, что и Камчатка. Курильские острова в те годы административно входили в Камчатский уезд Охотской области Иркутского наместничества. Сама же карта Иркутского наместничества являлась частью главного официального картографического издания того времени — «Атласа Российской Империи, состоящего из 52 карт, изданного во граде Св. Петра в лето 1796-е в царствование Екатерины II». Как отмечалось выше, продвижение русских на Курильские острова имело целью не только освоение этих вновь открытых территорий, но и диктовалось заинтересованностью установить торговлю с Японией. Такая торговля должна была разрешить проблему закупки продовольствия для снабжения им русских промысловых экспедиций и поселений на Аляске и островах Тихого океана. При этом вопреки утверждениям голландцев и других западноевропейцев русские не имели в отношении Японии никаких враждебных и, тем более, захватнических замыслов. Об этом предупреждала Екатерина II. В 1788 г. императрица повелела строго наказывать русским промышленникам на Курилах, чтобы они «не касались островов, под ведением других держав находящихся»^{14}. Эти указания неукоснительно выполнялись, и русские экспедиционеры и купцы остров за островом осваивали Курилы, только убедившись, что жители их «самовластны».

Наряду с императорскими указами территориальная принадлежность Курил отражалась, как уже отмечалось, на русских географических картах и атласах, служивших выражением официальной позиции правительства в отношении статуса той или иной территории, прежде всего территории собственного государства. В частности, вся Курильская гряда, вплоть до северных берегов Хоккайдо, обозначалась как составная часть Российской империи в Атласе для народных училищ 1780-х гг., в упомянутом выше Атласе Российской империи 1796 г., а также на «новейшей географической карте России» 1812 г.

Что же касается Японии, то она оставалась закрытой для внешнего мира страной — режим изоляции просуществовал до середины XIX столетия. Одним из главных элементов этой политики был не только запрет на выезд японских подданных из страны, но и запрещение строительства крупных судов и естественно связанная с этим политика нерасширения японской территории, искусственно консервировавшая Японию в рамках ее средневековых границ.

Скрытые столбы русских

То, что русские появились на южнокурильских островах, в частности на Итурупе, раньше жителей Страны восходящего солнца, подтверждается и японскими источниками. В японских донесениях того времени указывалось, что на Итурупе «проживает много иностранцев, одетых в рыжие одежды, и там строятся сторожевые посты». Когда японцы впервые попали на этот остров в 1786 г., «некоторые из местных жителей айну уже свободно владели русским языком и могли быть даже переводчиками»^{15}.

Как уже отмечалось, в XVIII в. не только Курильские острова, но и север Хоккайдо не являлись японской территорией. В документе от октября 1792 г. глава центрального правительства Японии Мацудайра признавал, что «район Нэмуру (северный Хоккайдо) не является японской землей»^{16}. В то время Хоккайдо в большей своей части был незаселен и неосвоен. Общепринятым было именовать эти северные земли «эбису-но куни» — страной варваров. Весь остров Хоккайдо перешел под власть центрального правительства Японии лишь в 1854 г. Контакты жителей расположенного на южной оконечности Хоккайдо княжества Мацумаэ с айнами южных Курил отмечались в XVIII столетии, однако это были торговые связи с независимыми от Японии курильцами. К тому же в условиях изоляции страны центральное японское правительство эти контакты не поощряло. Коль скоро даже Хоккайдо считался чужой землей (гайти), то расположенные к северу от него Курильские острова никак не могут рассматриваться как «исконные японские территории».

Во второй половине XVIII в. русское правительство беспокоило не столько возможное противодействие японских властей утверждению России на Курилах, сколько подозрительная активность у побережья дальневосточных российских владений кораблей Великобритании и Франции. В 1779 г. суда английского капитана Джеймса Кука посетили Курильские острова, побережье Чукотки и Камчатки. Французские корабли Лаперуза побывали в Петропавловске-на-Камчатке и у Сахалина. Для того чтобы оградить эти владения от посягательств западноевропейских колониальных держав, было необходимо официально включить их в состав Российской империи. С этой целью 2

января 1787 г. Екатерина II подписала указ о снаряжении кругосветной морской экспедиции для точного описания и нанесения на карту всех Курильских островов от Матмая (Хоккайдо) до камчатской Лопатки, чтобы их «все причислить формально к владениям Российского Государства». Было наказано также обеспечить «недопущение» иностранных промышленников «к торговле и промыслам в принадлежащих России местах и с местными жителями обходиться мирно»^{17}. Указания императрицы свидетельствовали о намерении еще раз заявить на весь мир, что Курильские острова и другие открытые и освоенные русскими дальневосточные территории отныне и навсегда принадлежат российской короне. Хотя из-за начавшейся Русско-турецкой войны экспедицию пришлось отложить, российское правительство своими действиями неизменно демонстрировало окончательность решения вопроса о российской принадлежности Курильских островов.

Однако западноевропейские державы не желали мириться с утверждением России на Дальнем Востоке, перспективой установления ею торговых и иных отношений с Японией. В ход были пущены слухи о «коварных замыслах русских», якобы вознамерившихся покорить Японию. В качестве «обоснования» этих утверждений до сведения японцев доводились ложные сообщения о «строительстве на Курилах крепости», опираясь на которую русские-де готовят захват страны Ямато. Плаванья же русских кораблей вдоль японских берегов представлялись, чуть ли не как рекогносцировка, предшествующая нападению. Подобные слухи убеждали японские власти в правильности избранной политики изоляции. В результате предпринимавшиеся в 70-е гг. неоднократные попытки русских установить с японцами торговые отношения неизменно заканчивались неудачей. В 1778 г. на остров Эдзо зашло судно купца Павла Лебедева-Ласточкина с товарами для Японии. Возглавлявший экспедицию Антипин настойчиво предлагал японцам открыть торговлю, но безуспешно. Японские участники переговоров были непреклонны — ссылаясь на законы страны, они заявляли, что русским запрещено посещать Эдзо, и требовали покинуть японскую территорию. Максимум, на что соглашались японские чиновники, — это осуществлять ограниченный торговый обмен на Кунашире, без заходов русских судов в гавани собственно Японии. Заметим, что подобное японское условие лишний раз подтверждает отсутствие в то

время у японского правительства каких-либо замыслов о включении Куна-шира в состав своей метрополии. Кунашир рассматривался, по крайней мере, как нейтральная территория. Более того, власти княжества Мацумаэ признавали, что подобная торговля имела нелегальный, или, выражаясь современным языком, контрабандный, характер.

Масштабы торгового обмена с Японией через айнов южнокурильских островов не могли удовлетворить потребности русских. Задачи освоения Дальнего Востока в условиях нерешенности здесь продовольственной проблемы вынуждали российские власти продолжать добиваться «открытия» Японии и широкой торговли с ней. К этому побуждали и активные действия западноевропейцев и американцев, которые не скрывали своих намерений опередить Россию в распространении своего влияния на Японских островах и овладеть перспективным японским рынком.

По указу Екатерины II от 13 сентября 1792 г. «О установлении торговых сношений с Японией» к берегам этой страны была направлена экспедиция во главе с 26-летним поручиком Адамом Лаксманом, которой поручалось, кроме всего прочего, доставить японскому правительству приветственное послание, поименованное в указе «открытым листом», а также подарки японским высокопоставленным чинам. Это придавало экспедиции статус российского дипломатического посольства. Поводом для посещения Японии было избрано возвращение на родину троих японцев, потерпевших кораблекрушение у Алеутских островов. По расчетам инициаторов экспедиции, японские власти должны были откликнуться на подобную гуманитарную акцию. Разработанная тактика дала свой результат — миссия Лаксмана ознаменовала первый дипломатический контакт России с Японией. В качестве «открытого листа» было составлено послание японскому правительству от иркутского генерал-губернатора И.А. Пиля, в котором предлагалось установить между двумя странами торговые отношения^{18}. На борту избранной для экспедиции бригантины «Екатерина» находились купцы с лучшими российскими товарами. Хотя в указе императрицы речь шла об установлении с Японией «торговых связей», в действительности направление миссии преследовало не менее важную цель — продемонстрировать западным державам права на новые владения

России в северо-западной части Тихого океана, в частности на Курильские острова. Это было необходимо в связи с тем, что в конце 80-х — начале 90-х гг. в этот район все чаще стали наведываться для завязывания торговли и ведения звериного промысла английские суда. Прибыв 9 октября 1792 г. к северным берегам Хоккайдо в районе залива Нэмуру, Лаксман отправил губернатору княжества Мацумаэ письмо, в котором изложил цель российской экспедиции. По получении послания губернатор направил его центральному правительству в столицу государства Эдо. Вопреки ожиданию японские власти на сей раз не потребовали от русских немедленно покинуть японские берега. Более того, для встречи с прибывшим посольством России в Мацумаэ были направлены полномочные представители правительства сегуната. В ходе последовавших переговоров, которые проходили в доброжелательном духе, российским представителям было предложено вести переговоры в японском порту Нагасаки, который являлся официально установленным местом международной торговли Японии. При этом в прибытии «Екатерины» в гавань столицы Эдо было категорически отказано. Подтверждая свое согласие вести дела с Россией на общих основаниях, центральное правительство выдало русскому посольству документ — письменную лицензию с разрешением зайти российскому судну в Нагасаки для проведения переговоров об условиях торговли и дальнейших двусторонних сношений. Однако в силу причин как внутреннего, так и международного характера этот шанс установить с Японией торговые отношения своевременно использован не был. После возвращения миссии Лаксмана в Россию торговля продолжалась на островах южных Курил при посредничестве населявших их айнов. На островах Уруп и Итуруп обосновывалась русская колония. В 1794 г. на остров Уруп прибыло для постоянного проживания два десятка человек во главе с передовщиком (руководителем поселения) Василием Звездочетовым. Русские зимовья существовали и на Кунашире. Признавая факты продвижения русских до южнокурильских островов и освоения их, японские авторы в то же время напоминают, что княжество Мацумаэ тоже проявляло интерес к этим территориям. И с этим можно согласиться. Однако существенно то, что при этом ставится под сомнение право Российской империи на включение этих земель в состав своего государства. В частности, утверждается: «В 1754 году

княжество Мацумаэ приступило к непосредственной эксплуатации острова Кунашир, учредив там торговый пункт, а в 1786 году чиновник центрального правительства Токунаи Могами провел исследование островов Итуруп и Уруп... Отметим, что “открытие” островов может служить лишь одним из оснований для требования права на владение этими территориями, но наличие только этого основания является недостаточным. Необходимо учитывать вопросы в их совокупности: осуществлялся или не осуществлялся в дальнейшем на справедливой основе суверенитет над этим районом, а также выдвигали или не выдвигали другие государства возражения против осуществления суверенитета над этими территориями?»^{19}.

С середины XVIII в. японцы из княжества Мацумаэ действительно бывали на Кунашире и вели там торговлю. Правда и то, что правительственный чиновник посетил Итуруп и даже «арестовал» находившихся там русских. Однако в то время ни княжество Мацумаэ, ни центральное японское правительство, не имея официальных отношений ни с одним из государств, не могло выдвигать в законном порядке претензии на «осуществление суверенитета» над этими территориями. К тому же, как свидетельствуют документы и признания японских ученых, правительство бакуфу (ставка сегуна) считало Курилы «чужой землей». Поэтому вышеуказанные действия японских чиновников на южных Курилах можно рассматривать как произвол, чинимый в интересах захвата новых владений. Россия же в отсутствие официальных претензий на Курильские острова со стороны других государств по тогдашним законам и согласно общепринятой практике включила вновь открытые земли в состав своего государства, оповестив об этом остальной мир. В конце XVIII в. России пришлось вести войны с Турцией и Швецией, что ограничивало возможности направления новых экспедиций на Тихий океан. К тому же российское правительство стало уделять все большее внимание своим владениям на Аляске и Алеутских островах, которые считались более перспективными с точки зрения коммерческой выгоды. Добытая здесь пушнина приносила большую прибыль. Для объединения всех русских купеческих компаний на Тихом океане в одну мощную силу царское правительство создает в 1799 г. «под высочайшим покровительством» Павла I Российско-Американскую компанию. Сначала главная контора компании находилась в Иркутске. Однако после того как ее

акционерами стали царь и члены его семьи, а также многие близкие ко двору сановники, управление компании было переведено в Петербург, и она стала рассматриваться в качестве государственного предприятия. Российско-Американской компании было передано монопольное право и на хозяйственное освоение Курильских островов. В именном указе императора Павла I Сенату вновь со всей определенностью закрепляется владение Курильскими островами Российской империей. Указ гласил: «Учреждаемой компании для промыслов на матерой земле Северо-Восточной части Америки, на островах Алеутских и Курильских и во всей части Северо-Восточного моря, по праву открытия России принадлежащих, именоваться: под высочайшим е. и. в. покровительством Российской Американской компанией)...

По открытию из давних времен российскими мореплавателями берега Северо-Восточной части Америки, начиная от 55 градуса северной широты, и ряд островов, простирающихся от Камчатки на север к Америке, а на юг к Японии, и по праву обладания оных Россией пользоваться компанией всеми промыслами и заведениями, находящимися ныне по северо-восточному берегу Америки от вышеозначенного 55 градуса до Берингова пролива и за оный; также на островах Алеутских, Курильских и других, по Северо-Восточному океану лежащих».

Однако интерес вновь созданной компании к активному освоению Курил был ограниченным. Добыча шкур ценных животных здесь сокращалась, торговля с айнами велась вяло. Продолжала оставаться острой проблема снабжения находившихся в труднодоступных районах промысловых людей продовольствием. В силу этих причин русское население на Курильских островах не увеличивалось. Японцы не преминули воспользоваться ситуацией, предприняв действия по изгнанию русских с расположенных недалеко от Эдзо южных Курил, которые практически были не защищены.

В японской литературе предпринятые японскими вооруженными отрядами захватнические действия на южных Курилах нередко описываются как нечто невинное и само собой разумеющееся. Читаем в одном из источников: «В 1798 г. чиновник сёгуната Дзюдзо Кондо установил на южной оконечности Итурупа памятный знак, подтверждавший принадлежность этого острова Японии...

Аналогичные знаки были воздвигнуты на северной оконечности Итурупа и Кунашира»^{20}.

В то же время добросовестные японские ученые указывают на захватнический характер этих учиненных с ведома властей вооруженных налетов: «Высадившись 28 июля 1798 г. на южной оконечности острова Итуруп, японцы опрокинули указательные столбы русских и поставили столбы с надписью: “Эторофу — владение Великой Японии”»^{21}. Одновременно вырывались и уничтожались установленные на островах православные кресты. В 1801 г. японский вооруженный отряд пытался силой изгнать русских из их поселений на острове Уруп. Высадившись на острове, японцы самовольно поставили указательный столб, на котором вырезали надпись из девяти иероглифов: «Остров издревле принадлежит Великой Японии». Так происходило обращение доселе не принадлежавших нации Ямато южных Курил в «исконно японские территории». Следует отметить, что одновременно японцы стали высаживаться и закрепляться и на южной части Сахалина, где на побережье залива Анива была основана японская фактория. Сюда летом на время рыболовного сезона приплывали японские рыбопромышленники. Японская экспансия на южные Курилы заметно активизировалась после создания в 1802 г. в городе Хакодате на острове Эдзо (Хоккайдо) специальной канцелярии по колонизации Курильских островов. Это проявилось в продолжении сноса русских знаков-крестов (включая и остров Уруп), установленных еще в XVIII в., насильственной высылке русских промышленников, запрещении айнам торговать и общаться с русскими. На южные Курилы стали направляться «для охраны» вооруженные японцы. Не имея сил для предотвращения этих незаконных действий японцев, российские власти на Камчатке и Сахалине вынуждены были временно мириться с чинимым произволом.

Существовала и другая причина терпимости русских. Освоение западного побережья Америки и Алеутских островов потребовало в еще большей степени, чем ранее, незамедлительного разрешения проблемы снабжения колонистов продовольствием. Везти продукты питания и другие необходимые товары через Сибирь было сложно и дорого. Существовала надежда, что все же удастся убедить японское правительство начать торговлю с Россией и организовать регулярные закупки в Японии риса и других необходимых для российских

промысловых судов и населения на Дальнем Востоке и в Америке продуктов. Поэтому российское правительство, не желая осложнять отношения с Японией из-за южных Курил, рассчитывало отстаивать их принадлежность России на переговорах с представителями центральной японской власти. Было признано необходимым направить в Японию официальное российское посольство с высокими полномочиями. Предложение организовать кругосветное плавание русские моряки высказывали еще в 1732 г. Имелось в виду достичь Камчатки морским путем вокруг мыса Горн. По неизвестным причинам проект не был принят. К идее вернулись в 1785 г. после создания Российско-Американской компании и расширения российского присутствия в Мировом океане. Тогда, кроме практических целей экспедиции, важна была демонстрация российского флага признанным морским державам, в первую очередь Великобритании. Для кругосветного плавания было выделено четыре военных и одно транспортное судно. Начальником экспедиции был назначен капитан 1-го ранга Г.И. Муловский. Предполагалось, что, пройдя мимо мыса Доброй Надежды, корабли проникнут в Тихий океан. Затем экспедиция должна была разделиться: одному отряду предписывалось проследовать к берегам Северной Америки, а другому — обследовать Курильские острова, обойти остров Сахалин, осмотреть устье Амура и собрать достоверные сведения о Японии. К 1787 г. подготовка к экспедиции была полностью завершена, но ее пришлось отложить из-за начавшейся войны с турками, а затем со шведами. После завершения войн в Европе стремление России не уступать колониальным державам в приобретении внешних рынков, затруднения в содержании американских владений, проблемы установления прямых торговых отношений с Китаем и Японией поставили вопрос о кругосветной экспедиции на Дальний Восток и в Северную Америку в повестку дня российской внешней политики. Такая экспедиция была снаряжена, и 7 августа 1803 г. корабли русского флота «Надежда» и «Нева» вышли из Кронштадта. Капитан «Невы» Ю.Ф. Лисянский должен был привести свой корабль к берегам Северной Америки. Начальнику же всей экспедиции капитан-лейтенанту И.Ф. Крузенштерну надлежало на «Надежде» следовать в Японию. Кругосветная экспедиция русских вызвала интерес и настороженность в Европе. Немецкая газета «Гамбургские ведомости» сообщала: «Российско-Американская

компания ревностно печется о распространении своей торговли, которая со временем будет для России весьма полезна, и теперь занимается великим предприятием, важным не только для коммерции, но и для чести русского народа, а именно, она снаряжает два корабля, которые нагрузятся в Петербурге съестными припасами, якорями, канатами, парусами и пр. и должны плыть к северо-западным берегам Америки, чтобы снабдить сими потребностями русские колонии на Алеутских островах, нагрузиться там мехами, обменять их в Китае на товары его, завести на Уруппе, одном из Курильских островов, колонии для удобнейшей торговли с Японией, идти оттуда к мысу Доброй Надежды и возвратиться в Европу. На сих кораблях будут только русские. Император одобрил план, приказал выбрать лучших флотских офицеров и матросов для успеха сей экспедиции, которая будет первым путешествием русских вокруг света. Начальство поручается господину Крузенштерну, весьма искусному офицеру, который долго был в Ост-Индии». В действительности же главным лицом среди участников экспедиции был высокопоставленный царский сановник, действительный камергер, действительный статский советник, кавалер ордена Св. Анны 1-й степени Н.П. Резанов. Являясь главным уполномоченным Российско-Американской компании, он хорошо разбирался в дальневосточных делах. Высокие регалии Резанова и его опыт, по мнению правительства, должны были способствовать выполнению возложенных обязанностей главы дипломатической миссии в Японию в ранге чрезвычайного посланника и полномочного министра Российской империи к Японскому двору. Посол имел утвержденную царем инструкцию, которой предписывалось обрисовать в переговорах с японскими сановниками могущество и достоинство России, пояснить различия русской православной веры и католичества. Разговаривать с японскими сановниками следовало учтиво и ласково, «по всем правилам и просвещению европейскому», убеждать японцев во взаимной выгодности торговли с Россией. Резанов вез с собой царскую грамоту сегуну и проект ноты японскому правительству об условиях торговли. Имелось в виду, что русские купцы в Японии будут подчиняться японским законам^{22}.

Конкретно правительством ставились перед Резановым следующие цели: 1) расширить права, предоставленные России по лицензии А.Э. Лаксману, т. е. разрешить вход не только в Нагасаки, но и в другие

порты не одного, а нескольких русских судов для торговли; 2) в случае отказа истребовать разрешение на торговлю на острове Матмай (Эдзо), а если и в этом будет отказано, то наладить посредническую торговлю с Японией через курильцев острова Уруп; 3) собрать подробные сведения о том, принадлежит ли остров Сахалин Китаю или Японии, какие там проживают народности и можно ли с ними установить торговые отношения, а также выяснить, какими сведениями располагают японцы об устье реки Амур; 4) выяснить состояние отношений Японии с Китаем и Кореей, принадлежит ли часть островов Рюкю Японии, или же они подчиняются своим собственным правителям, разведать, нельзя ли договориться с ними о торговле^{23}.

Японский автор излагает содержание инструкции Резанову несколько по-иному: 1) сохранять авторитет представителя могущественной державы и одновременно быть миролюбивыми; 2) подчеркивать отличие русской религии от католичества; 3) изложить обстоятельства оказания содействия потерпевшим кораблекрушение японцам и договориться, каким образом впредь доставлять их в Японию; 4) овладеть японским этикетом, принятым на официальных приемах; 5) получить разрешение на заход русских судов в порты, помимо Нагасаки; 6) если не будет получено согласие на торговлю, то добиться разрешения на обмен товарами между Россией и Японией при посредничестве айнов Урупа и Сахалина^{24}.

Содержание инструкции свидетельствует о том, что в Санкт-Петербурге были информированы о существовавшем в Японии режиме «самоизоляции» страны и отдавали себе отчет в сложности поставленных перед Резановым задач. Вместе с тем считалось, что японские власти уже связаны данным во время экспедиции Лаксмана письменным обещанием о допущении российского корабля в Нагасаки и задача состоит в том, чтобы побуждать их соглашаться на расширение торговли. Стремление же искать внешние рынки не только в Японии, но и в других соседних с ней странах и районах подчеркивало серьезную озабоченность проблемой обеспечения продовольствием российских владений на Востоке. В то же время направление миссии Резанова всего лишь на двух небольших кораблях (к японским берегам прибыла одна «Надежда») должно было подчеркнуть миролюбивый характер политики России на Дальнем Востоке, отсутствие каких-либо иных, кроме торговых, целей в отношении Японии. Демонстрация японцам

миролюбия должна была убедить Эдо (Токио), что в отличие от западноевропейских государств и США у русских отсутствуют замыслы подчинить Японию или оказывать на нее давление. Весьма разумным представляется наставление направлявшимся в Страну восходящего солнца российским представителям терпеливо разъяснять отличие православия от католичества, фактически запрещенного в стране. Это также должно было породить у японцев доверие к русским.

Однако было бы неверным сводить цели и задачи первого русского плавания вокруг Земли лишь к посольству в Японию. Известный русский историк Н.М. Карамзин писал об экспедиции: «Англومان и галломаны, что желают называться космополитами, думают, что русские должны торговать на месте. Петр думал иначе — он был русским в душе и патриотом. Мы стоим на земле и на земле русской, смотрим на свет не в очки систематиков, а своими природными глазами, нам нужно и развитие флота и промышленности, предприимчивость и дерзание». Можно сказать, что именно первая русская кругосветная экспедиция поставила Россию в ряд мировых морских держав, что оказало серьезное влияние на последующие международные отношения, в том числе на Дальнем Востоке.

О значимости, которую придавали в российской столице кругосветному плаванию, свидетельствует тот факт, что император Александр I лично перед отплытием посетил корабли «Надежда» и «Нева».

«Мондзэн барай», или «От ворот поворот»

После длительного, полного опасностей похода 15 июля 1804 г. русские мореплаватели бросили якорь в Петропавловской бухте. За шестинедельную стоянку на Камчатке «Надежда» была отремонтирована и приготовлена к дальнейшему плаванию. Переход из Петропавловска до Японии занял месяц — 8 октября 1804 г. российское посольство прибыло в Нагасаки. Прибытие в Нагасаки, а не в Эдо, где располагалась ставка сегуна, должно было убедить японцев в стремлении российского правительства неукоснительно следовать ранее достигнутым договоренностям. Однако выданная японцами десять лет назад Лаксману лицензия на посещение Нагасаки русским торговым судном, как оказалось, устарела. К тому же русские прибыли не просто для обмена товарами, а для переговоров с японским правительством, что по японским представлением могло быть воспринято как «дерзость». Тем не менее «Надежду» отгонять от японских берегов не посмели, хотя и в гавань долго не пускали. О направлявшемся в Японию российском военном корабле власти Японии были предупреждены голландцами за месяц до его прибытия в Нагасаки, но, похоже, так и не пришли к общему мнению о том, как поступить с незваными гостями. На всякий случай местные власти решили поначалу «интернировать» русских — «Надежду» окружили многочисленные сторожевые лодки, на которых находилось не менее 500 вооруженных японцев.

В чем же причина столь странного «гостеприимства»? Ведь ничто в поведении прибывших русских не давало оснований для беспокойства. Озабоченность и подозрительность японских властей вызывало то, что, как им представлялось, русский царь организовал кругосветную экспедицию специально, чтобы доставить из далекого Санкт-Петербурга в Японию своего посла с миссией, подлинные цели которой были неясны и подозрительны. Противники контактов с могущественным соседом, подогреваемые антирусскими нашептываниями голландцев и других западноевропейцев, довольно эффективно насаждали миф об «угрозе с севера». Свое нежелание налаживать отношения с Российской империей они прикрывали ссылками на явно устаревшие законы об изоляции страны. На это

обращает внимание в своей книге Сиба Рётаро: «Спустя 106 лет после того, как Петр I положил начало российскому мореплаванию, в 1803 г. российские корабли совершают первое в истории России кругосветное плавание. Это было путешествие Крузенштерна — достижение, которым Россия должна гордиться. В эпоху парусных судов кругосветное путешествие было делом не простым. Оно не только приносило славу стране, но и служило доказательством высокого уровня развития данного народа, его государственности, науки и техники.

С этого времени российский флот обретает свою мощь. Трижды, начиная с плавания Крузенштерна в начале XIX века, когда в Японии продолжалась эпоха Эдо, российские военные корабли отправляются в кругосветные путешествия, и трижды они добиваются цели, оправдывая великие надежды России...

Но Япония приходит в замешательство, полагая, что все это делается неспроста... Все три кругосветных плавания в XIX веке имели своей целью установление отношений с Японией для решения проблемы поставок продовольствия и других экономических проблем Сибири. Условия и цели оставались неизменными в каждом из плаваний, и каждый раз Япония упрямо отворачивалась, считая высшим государственным благом политику «закрытия страны».^{25}

Резанов намеревался вскоре покинуть Нагасаки и направиться в Эдо для переговоров. Кратко разъяснив местным чиновникам цели своего визита, он передал им адресованные японскому правительству бумаги. При этом была вручена памятная записка, переведенная на голландский язык, в которой сообщалось: «Нынешнее посещение связано с тем, что, давно уважительно относясь к вашей стране, мы желали бы, чтобы посла препроводили в Эдо и пригласили на аудиенцию для беседы об установлении в дальнейшем лояльных русско-японских отношений... Когда вам передавали японцев, потерпевших кораблекрушение несколько лет назад, то посол Лаксман подробно сообщил, что вы проявили в отношении наших посланцев любезность. Благодарим за милость вашего государства. На этот раз мы также привезли четырех потерпевших кораблекрушение японцев и передаем вам».^{26}

По приказу губернатора Нагасаки российские документы, в том числе копия грамоты Александра I сегуну, были незамедлительно

направлены с курьером в Эдо. Однако время шло, а указаний из центра не поступало. Начались томительные месяцы ожидания. Лишь через 76 дней пребывания на неудобном, продуваемом сильными ветрами внешнем рейде после ухода из нагасакской гавани китайских и голландских кораблей было позволено перевести «Надежду» ближе к городу. Но сходить на берег офицерам и команде без разрешения не позволялось. Посещавшие «Надежду» японские чиновники объясняли это указанием губернатора о том, что «до тех пор, пока не будет разрешения из Эдо, приобретение товаров и выгрузка людей на берег запрещены». Исключение было сделано лишь для заболевшего Резанова — на берегу был огорожен крошечный клочок земли, где под неусыпным и мелочным наблюдением японской охраны посол мог совершать прогулки. Правда, затем условия пребывания на берегу были улучшены. Хотя японцы обращались с Резановым исключительно вежливо, он описывал свое пребывание в Нагасаки как «почетное заключение». Послу потребовались большая выдержка и немалое самообладание, чтобы не вспылить и демонстративно покинуть Японию. Он понимал, что именно на это и надеются японские власти. В то же время Резанова предупредили, что в случае выражения резкого недовольства со стороны русских или действий, которые можно было признать оскорбляющими японцев, не исключалось даже нападение на российский фрегат и физическое уничтожение посольства и команды «Надежды». Поэтому пришлось смириться.

Задержка указаний из Эдо была вызвана и тем, что среди членов влиятельного совета старейшин не было единого мнения о том, как поступить с прибывшим русским посольством. Определенные разногласия по этому поводу существовали и между сегуном и императором. Император фактически дезавуировал выданную десять лет назад Лаксману лицензию, сославшись на то, что его разрешения на это не испрашивали. В конце концов, было решено направить в Нагасаки инспектора тайного надзора К. Тояму с инструкцией отклонить предложение русских об установлении торговых отношений. Он имел предписание при общении с русскими показать им, что «мы не чувствуем к ним ни недоброжелательства, ни расположенности».

Первая официальная встреча Резанова с Тоямой, а также с новым и старым губернаторами Нагасаки состоялась 23 марта 1805 г., спустя полгода после его прибытия в Японию. Тояма вел себя надменно,

выговаривая российскому послу за то, что он позволил себе без предварительных переговоров прибыть на корабле в страну, да еще передавать послание о желании России торговать с Японией. При этом грамота русского царя и другие документы были неуважительно названы «непонятными бумагами». Резанов, с трудом сдерживая раздражение, ответил, что никто не вправе воспрепятствовать русскому императору писать и направлять письма. Главным же из того, что было произнесено японским представителем, стало требование незамедлительно покинуть японские воды и впредь к берегам Японии не приближаться... Обстановка накалилась настолько, что посол и его свита демонстративно отказались от предложенного протокольного угощения.

На следующий день вместо переговоров Резанову был зачитан ответ сегуна Иэнари, смысл которого сводился к тому, что связь и торговля с иностранным государством приносит ущерб, а не пользу Японии, а потому она отвергает все сделанные российской стороной предложения. Ответ завершался словами: «Не тратьте напрасно усилий и расходов, приходя с этим вновь. Отплывайте немедленно!» Так как царские подарки сегуну были отвергнуты, русские также отказались принимать от японцев дары. Однако затем обмен подарками все же произошел, но не на официальном, а личном уровне между местными чиновниками и командой «Надежды». Дипломатическая же миссия Резанова завершилась провалом. Примененная японскими властями оскорбительная форма обращения с русским посольством в Японии именуется «мондзэн бараи», что по-русски означает «от ворот поворот». Ситуация усугублялась тем, что японцы своим поведением, желая того или нет, нанесли оскорбление российскому монарху, а в его лице и всей Российской империи.

Со своей стороны российский посол счел необходимым без каких-либо дипломатических экивоков и со всей определенностью и строгостью предупредить японские власти от посягательств на южные Курилы. На встрече с японским уполномоченным Тоямой был официально передан меморандум, в котором, в частности, говорилось: «Я, нижеподписавшийся, всепресветлейшего государя императора Александра I действительный камергер и кавалер Николай Резанов объявляю японскому правительству... (4) Чтобы Японская империя далее северной оконечности острова Матмая отнюдь владений своих не

простирала, поелику все земли и воды к северу принадлежат моему государю»^{27}. Трудно сказать, была ли это личная инициатива Резанова, или текст был заранее составлен в Петербурге в виде меморандума, который надлежало вручить японскому правительству на переговорах в Эдо.

Не удержался посол и от завуалированной угрозы, заявив, что такой необоснованный отказ на «самые искренние, доверительные намерения соседней Империи» оскорбителен для ее правительства и императора, который, чтобы не потерять свою репутацию в глазах других стран, знающих силу русских, оставить это без ответа не сможет. И это оказалось не просто словами. В ответ на столь неуважительное отношение японцев к официальному посланнику российского императора Резанов вознамерился преподать им урок.

Некоторые заинтересованные в открытии торговли с Россией японцы во время бесед в Нагасаки давали Резанову понять, что для изменения позиции Эдо достаточно небольшого силового воздействия с севера, с тем, чтобы «потеснить» оттуда японских промышленников. А это-де вызовет дополнительное недовольство населения и вынудит правительство сегуна — бакуфу — согласиться на торговлю с Россией^{28}. Однако предпринимать против японцев какие-либо меры силового воздействия без позволения правительства было неосмотрительно. Поэтому Резанов 18 июля направляет Александру I письмо, в котором пишет: «Я не думаю, чтобы Ваше Величество вменили мне в преступление, когда, имея теперь достойных сотрудников, каковы Хвостов и Давыдов, и с помощью которых, выстроив суда, пушусь на будущий год к берегам японским разорить на Матмае селение их, вытеснив их с Сахалина и разнести по берегам страх, дабы, отняв между тем рыбные промыслы и лиша 200 000 человек пропитания, тем скорее принудить их к открытию с нами торгова... Накажите меня как преступника, что, не дождав повеления, приступаю я к делу: но меня еще совесть более упрекать будет, ежели пропущу я понапрасну время... а особливо, когда вижу, что могу споспешествовать исполнению великих Вашего Императорского Величества намерений»^{29}. Лейтенант Н.А. Хвостов и мичман Г.И. Давыдов, о которых говорилось в письме императору, были на службе у Российско-Американской компании и находились в Петропавловской гавани на Камчатке. Вернувшись из Японии, Резанов приказывает этим

морским офицерам на фрегате «Юнона» и тендере «Авось» после соответствующей подготовки совершить плавание к берегам Сахалина и Курил. В задачу офицеров входило выяснить, действительно ли японцы, проникнув на эти острова, притесняют приведенных в русское подданство курильцев. В случае подтверждения этих сведений офицерам надлежало японцев «прогнать»^{30}. Иными словами, речь шла о защите принадлежавших Российской империи территорий от незаконных действий японцев.

Во исполнение приказа Хвостов и Давыдов в 1806—1807 гг. совершили экспедицию на Сахалин и Курилы. О результатах этой экспедиции в одном из российских исследований сообщается: «Сахалин. Хвостов и Давыдов посетили Южный Сахалин дважды — в 1806 и 1807 годах, где ими в заливе Анива было ликвидировано описанное Резановым японское поселение, сожжено два небольших судна и взято в плен несколько купцов из Мацумаэ. Кроме того, местному айнскому старшине Хвостов выдал грамоту о принятии жителей Сахалина в подданство России и под защиту русского императора. Одновременно Хвостов водрузил на берегу залива два русских флага (РАК и государственный) и высадил несколько матросов, которые основали поселение, просуществовавшее до 1847 года.

Курильские острова. Русские экспедиционные суда посетили Курилы в 1807 году. В ходе проведенного рейда было ликвидировано созданное японцами на о. Итуруп военное поселение, а также взят “приз” (т.е. захвачено японское судно) у побережья северного Хоккайдо — Мацумаэ. Здесь же на южных Курилах Хвостов, по завершении экспедиции, в 1807 году отпустил взятых в плен японцев, за исключением двух, оставленных им в качестве переводчиков; вместе с отпущенными пленными Хвостов передал адресованное японским властям письмо, в котором он излагал причины, побудившие Россию предпринять военные действия»^{31}.

Японские авторы изображают действия Хвостова и Давыдова как неправомерные и даже разбойные. При этом они объясняются в первую очередь стремлением Резанова «отомстить» японцам за их отказ вступать с русским послом в переговоры. Такая оценка событий имеет в своей основе стремление затушевать тот факт, что российские офицеры выполняли приказ по изгнанию японцев с территорий, которые были задолго до описываемых событий включены в состав Российской

империи. К тому же, как отмечалось выше, вооруженная акция должна была «сохранить лицо» России, не оставить без ответа нанесенное оскорбление. В Эдо это понимали. Тем не менее в современной японской историографии вся ответственность за происшедшее возлагается исключительно на российскую сторону. Утверждается, что русскими офицерами были совершены якобы ничем не спровоцированные бесчинства и произвол в отношении мирных японцев. Читаем: «Правительство России и в 1803 году снарядило в Японию миссию под началом Николая Петровича Резанова (1764—1807), но Резанов по прибытии в Нагасаки на полгода попал под строгий надзор. Ему отказали даже в приеме государственной грамоты и подарков. От такого непочтительного отношения подчиненный Резанову капитан Николай Александрович Хвостов пришел в ярость и стал в период с 1806 по 1807 год нападать на японские поселения и сторожевые посты на островах Сахалин, Итуруп и Рисири, поджигал дома, насиловал и грабил население. Этот инцидент отрезвил японцев, которые, уповая на закрытие страны, пребывали в благодушном настроении, и породил вполне определенное чувство страха перед Россией»^{32}.

Попытка списать все на вспышку гнева русских офицеров не состоятельна — ведь экспедиция на Сахалин и Курилы была предпринята не сразу, под впечатлением момента, а на следующий год и имела вполне конкретные цели по устранению японцев с захваченной ими территории. Об этом же свидетельствует тот факт, что на Сахалине Хвостов установил на берегу залива Анива столб с российским флагом, а старшине находившегося там селения выдал серебряную медаль и грамоту, в которой было сказано: «Всякое другое приходящее судно, как Российское, так и иностранное, просим старшину сего признавать за Российского подданного»^{33}.

В Петербурге, видимо не разобравшись в подлинных намерениях Резанова, сначала осудили поступки Хвостова и Давыдова и даже вознамерились привлечь их к ответственности. Однако у них нашлись защитники, которые усматривали в действиях двух российских офицеров не «разбой», а защиту российских интересов на Курильских островах и Сахалине. О том, с какими целями была предпринята экспедиция на «Юноне» и «Авось», Хвостов со всей определенностью сообщал японским властям. По завершении экспедиции он, отпустив

пленных японских купцов, направил с ними образцы сукна, шерсти и других российских товаров, а также письмо губернатору Эдзо (Хоккайдо). В письме сообщалось: «Соседство России с Японией заставило желать дружеских связей и торговли к истинному благополучию подданных сей последней империи, для чего и было отправлено посольство в Нагасаки, но отказ оному, оскорбительный для России, и распространение торговли японцев по Курильским островам и Сахалину, яко владениям Российской Империи, принудило, наконец, сию державу употребить другие меры, которые покажут, что россияне могут всегда чинить вред японской торговле до тех пор, как не будут извещены через жителей Урупа или Сахалина о желании торговать с ними. Россияне, причинив ныне столь малый вред Японской империи, хотели только показать им через то, что северные страны оной всегда могут быть вредимы от них... и что дальнейшее упрямство японского правительства может совсем лишить его сих земель»^{34}. Осуществленная, возможно, излишне жестким методами попытка отстоять права на обладание Россией Сахалином лишней раз обратила внимание Петербурга на необходимость оградить эту территорию от домогательств других стран, в первую очередь Японии. В августе 1808 г. Александр I дал указание заселять остров русскими «с тем, однако же, чтоб с находящимися на Сахалине жителями обходиться миролюбиво, не делая насилия, жестокостей и не разоряя их селений». На остров стали направляться группы русских переселенцев. Но не отказывались от своих замыслов в отношении Сахалина и власти Страны восходящего солнца. Наиболее известным эпизодом проникновения японцев на Сахалин является экспедиция с целью изучения острова, предпринятая Мамия Риндзо. Дело изучением не ограничилось — этот «путешественник» то ли самолично, то ли по указанию японских властей уничтожил поставленные Хвостовым на Сахалине российские столбы, что было открытой демонстрацией притязаний Японии на эту землю. В последующие годы японцы стали все чаще наведываться на южные Курилы, препятствуя русским вести там промысловую и хозяйственную деятельность. Одновременно собирались сведения об экономическом, политическом и военном положении России на Дальнем Востоке и в мире в целом. Было очевидно, что Наполеоновские войны в Европе, неизбежное вовлечение в них Российской империи не позволят Петербургу направлять для

охраны своих окраинных восточных владений сколь-нибудь крупные силы. Это, безусловно, поощряло японское правительство на попытки дальнейшего вытеснения русских с Курильских островов. Не встречая должного отпора, японцы обосновывались на Кунашире и Итурупe с намерением превратить эти, а возможно, и другие, более северные, острова Курильской гряды в колониальные владения.

О том, что власти Мацумаэ полны решимости подчинить себе территории к северу от Хоккайдо, свидетельствовал сознательно организованный инцидент с пленением и длительным удержанием на японской территории капитана В.И. Головнина, который в июле 1811 г. с группой моряков шлюпа «Диана» высадился на южном побережье острова Кунашир для пополнения запасов пресной воды и продовольствия. Целью экспедиции Головнина было научное описание «малоизвестных земель Восточного края Российской Империи», в том числе южных Курил. Сама формулировка свидетельствовала о том, что «Диана» направлялась на принадлежащие России территории, к каковым относился и Кунашир. Однако японцы, похоже, уже считали его своим. Попытки русских сначала освободить Головнина пушечным огнем с «Дианы», а затем через год путем обмена на потерпевших кораблекрушение японцев не увенчались успехом. По замыслу японских властей, длительное удержание в плену посланного из Петербурга российского капитана, кроме всего прочего, должно было продемонстрировать миру «силу и доблесть» нации Ямато, не побоявшейся бросить вызов могущественному северному соседу. Инцидент с пленением Головнина правительство сегуна намеревалось использовать и для того, чтобы вынудить российские власти принести официальные извинения за рейды Хвостова и Давыдова на Сахалин и Курилы. Извинений добиться не удалось, но японцы удовлетворились направленным иркутским губернатором наместнику сегуна на острове Эдзо разъяснением о том, что эти офицеры предприняли свои действия без согласия на то российского правительства. Этого оказалось достаточным, чтобы освободить Головнина и других пленных, но к заметному улучшению отношения японцев к русским не привело. Более того, пример этого инцидента породил у японских властей представление о том, что Россия настолько заинтересована в торговле с Японией, что готова ради этого идти на дальнейшие уступки. Впоследствии правители Страны восходящего солнца не упустили это

из виду и упорно добивались на переговорах от российских представителей удовлетворения своих требований.

Глава II.

Дипломатия отступления

«Открытие» Японии

После неудачной попытки посольства Резанова установить межгосударственные и торговые отношения с Японией интерес российского правительства к этой внешнеполитической задаче на какое-то время ослабел. К тому же Наполеоновские войны, соперничество с Великобританией в Средней Азии отвлекали внимание Петербурга от дальневосточных и североамериканских территорий. Из важных событий, касающихся этих российских владений, можно отметить лишь упоминавшееся выше подписание в 1808 г. императором Александром I указа о заселении Сахалина русскими промышленниками и крестьянами. С другой стороны, японцы, видя ограниченные возможности России по удержанию дальневосточных земель, взяли курс на вытеснение русских не только с Курил, но и с Сахалина. Наместники сегуна на Хоккайдо открыто рекомендовали центральному правительству «снарядить военные суда и произвести нападение на собственные пограничные земли русских», исходя из того, что «атака является лучшим средством обороны»^{35}. В Эдо многие разделяли это мнение.

В первой половине XIX в. российские власти уделяли большее внимание Сахалину, чем южным Курилам, промысел пушнины на которых сокращался. Однако русские продолжали посещать острова, поддерживали контакты с местным населением. Как российские Курильские острова именовались в международных документах. Так, например, в вербальной ноте американскому правительству по поводу заключения с США Конвенции от 3/17 апреля 1824 г. было указано: «Предоставленное ст. 4 Конвенции гражданам Американских Соединенных Штатов право на производство рыбного промысла и торговли с прибрежными жителями в колониальных российских водах у Северо-Западных берегов Америки (на северо-западном берегу Америки к северу от 50°40' северной широты) должно подразумевать право приставать к берегам Восточной Сибири и островам Алеутским и Курильским, признанным с давнего времени прочими державами в исключительном владении России».

Не давая оснований подвергать сомнению принадлежность Курильских островов и Сахалина российской короне, царское

правительство в то же время не отказывалось от попыток возобновить переговоры с Японией об установлении торговых отношений. При этом в Петербурге рассчитывали на то, что, согласившись начать торговлю, японское правительство не сможет уклониться от определения линии прохождения границы между двумя государствами. Как и прежде, поводом для контактов были возвращения спасенных русскими японцев. Японские архивы свидетельствуют: «25 июля 1836 г. русское судно прибыло на Итуруп, оставило четырех наших людей, потерпевших крушение во время плавания, и тут же ушло»^[36]. В мае 1843 г. на Итуруп были доставлены шестеро рыбаков из префектуры Томияма. Была сделана попытка начать переговоры, поскольку обстановка складывалась благоприятно, но ни у той ни у другой стороны не было переводчиков.

В июле 1852 г. в гавань портового города Симода прибыло судно Российско-Американской компании «Князь Меншиков» под командованием Линденберга. В Японию были доставлены семеро потерпевших кораблекрушение японцев. Капитан российского корабля привез письмо и подарки губернатору Симоды. Он также имел послание правительству бакуфу от одного из руководителей Российско-Американской компании Н.Я. Розенберга. Однако Линденбергу было отказано в просьбе сойти на берег. При этом не были приняты не только письма и подарки, но и находившиеся на борту «Князя Меншикова» спасенные японцы. Было предложено отправиться в Нагасаки и передать японцев там.

В начале 50-х гг. предпринимаются более энергичные, чем ранее, меры по закреплению России на Сахалине. В 1853 г. на южной оконечности острова, в заливе Анива, основывается сторожевой пост Муравьевский, после чего было объявлено, что Сахалин является русским владением. Учреждение поста было вызвано не столько намерением ограничить посещения острова японцами, сколько стремлением не допускать туда зачистившие западноевропейские суда. После окончания «опиумных войн» в Китае Великобритания, США и Франция заключили с цинским правительством неравноправные договоры и не скрывали своего намерения распространить свое влияние и на близлежащие страны, в том числе Японию. Был отмечен повышенный интерес «путешественников» из этих стран и к Восточной Сибири и особенно к районам устья Амура и острову Сахалин. Это не

могло не обеспокоить российское правительство. Генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев предупредил русское правительство о необходимости предотвратить появление в этом районе англичан и французов. Он писал: «Кто будет владеть устьями Амура, тот будет владеть и Сибирью...»^{37}. Перспектива обострения отношений России с Великобританией и Францией в Европе требовала незамедлительных мер по недопущению проникновения кораблей этих стран в Амур и защите русского побережья Тихого океана. В устье Амура был основан военный пост Николаевск-на-Амуре. Это было весьма своевременно, ибо в начавшейся в конце 1853 г. Русско-турецкой войне Великобритания и Франция выступили на стороне Турции, что создало угрозу и русским владениям на Дальнем Востоке.

С другой стороны, российскому правительству стало известно о намерении США предпринять решительные действия по «открытию» Японии, не останавливаясь при этом перед использованием военной силы. Заинтересованные в расширении торговли с Китаем американцы стремились получить в Японии промежуточные стоянки для направлявшихся в китайские порты своих судов. При этом учитывалось и важное стратегическое положение Японских островов, опираясь на которые можно было контролировать обширный регион Северо-Восточной Азии. Заинтересованность в «открытии» Японии проявляли и англичане, которые также желали превратить ее порты в свои базы на Дальнем Востоке. «В этом отношении, — писал британский адмирал Стирлинг, — Япония была столь же полезна для нас, как была бы на ее месте британская колония».

Американские промышленники настаивали на усилении влияния США в Северо-Восточной Азии и по чисто экономическим мотивам. В частности, они требовали от своего правительства обеспечения неограниченного зверобойного и рыболовного промысла у русских берегов Тихого океана. В 1848 г. советник Верховного суда США А. Пальмер представил президенту Полку документ, в котором сообщалось, что 700 американских судов ежегодно промысляют и получают прибыль до 10 млн. долларов в северной части Тихого океана. Пальмер рекомендовал правительству США добиваться от России свободного проникновения американских судов в Сибирь, Камчатку, на Курильские и Алеутские острова и Аляску, а также полной свободы судоходства по Амуру и его притокам. В планы американцев

входило и проникновение в гавани и заливы Сахалина. При этом предлагалось иметь дело не с русскими, а с некими «независимыми начальниками острова». С конца 40-х гг. американские китобои проникли в Охотское море, где хищнически истребляли китов в российских водах. Протесты российского правительства игнорировались. Неоднократно предпринимались и попытки американцев проникнуть на Амур. Российский посланник в Вашингтоне Бодиско предупреждал свое правительство о том, что в случае закрепления американских торговцев на Амуре «изгнать их оттуда будет трудно, если не невозможно»^{38}. Для «защиты» американских интересов в этом регионе необходимо было иметь поблизости стоянки кораблей США. Наиболее подходящим местом базирования американского флота считались Японские острова.

После неудачных попыток убедить бакуфу допустить американские суда в порты Японии правительство США направило в эту страну военную эскадру под командованием коммодора М. Перри, который был одним из наиболее активных проводников политики Вашингтона на Дальнем Востоке. Вопреки установленному порядку эскадра прибыла не в Нагасаки, а без всякого согласования с японскими властями самовольно вошла в порт Урага, что в заливе Эдо (Токийском). Перри в довольно грубой форме потребовал от правительства Японии заключить с США торговый договор и открыть ряд японских портов для регулярного посещения американскими кораблями, в том числе военными. В подтверждение решительности своего намерения добиться удовлетворения этих требований командующий эскадрой демонстративно направил пушки своих кораблей в сторону японской столицы.

В Японии и по сей день испытывают неприязненное чувство к Перри. Весьма нелестную характеристику этому американцу дал японский писатель Сиба Рётаро: «...Перри полагал, что на восточных людей эффективно действуют только запугивания и угрозы, и твердо стоял на этих позициях. Он добился успеха, но оставил о себе в истории дурную славу человека, пользовавшегося недопустимыми методами. Перри не просто не любил подчиненные, они относились к нему с ненавистью и презрением. Позднее дочь Перри вышла замуж за человека из богатой еврейской семьи, и сам Перри пошел к нему на содержание. Если в дом хозяина приходили гости, Перри подавал им

угощение в качестве дворецкого: еще один пример того, что гордыня и раболепие часто соседствуют, словно две стороны одного листа бумаги...

Перри, подобно героям американских вестернов, появился в заливе Эдо совершенно внезапно. В соответствии с японскими правилами контактов с иностранцами было бы естественно зайти в порт Нагасаки. Появление же иностранного корабля чуть не перед глазами самого сегуна было неслыханным нарушением. Тем не менее, знавший об этом Перри ворвался в залив Эдо, встал там на якорь и направил пушки на Эдо. Как он и предполагал, в правительстве и среди общественности страны началась невиданная за всю историю Японии паника, и, в конце концов, был заключен Договор о мире и дружбе». В Японии и по сей день не забывают, что «мир и дружба» с США начинались под дулами американских «черных кораблей».

Активизировала свою дальневосточную политику и Россия. Не желая уступить западным державам в вопросе об установлении отношений с Японией, царское правительство спустя полвека после неудачной миссии Резанова решает направить к японскому правителю новое российское посольство. На сей раз, сложная дипломатическая миссия была возложена на опытного военного и дипломата Е.В. Путятину, имевшего звания вице-адмирала и генерал-адъютанта. Зная о намерении американцев действовать угрозой и силой, в Петербурге решили, наоборот, добиваться задуманного без всякого принуждения, действуя исключительно дипломатическими методами. Об этом свидетельствует инструкция, данная главе российской миссии правительством. Инструкцией предписывалось воздерживаться «от всяких неприязненных по отношению к японцам действий, стараясь достигнуть желаемого единственно путями переговоров и мирными средствами». Сиба Рётаро особо отмечал, что «в отличие от Перри Путятин, в соответствии с полученными им инструкциями, всегда был в отношениях с японской стороной чрезвычайно тактичен и деликатен».

Весьма разумным был и план вступить в переговоры с японским правительством после того, как прояснится отношение Эдо к американским требованиям об «открытии» Японии. Другими словами, российская миссия намеревалась воспользоваться уже созданным

прецедентом. В этом случае японцам было бы трудно сослаться на изоляционистские законы страны.

Путятин вышел на фрегате «Паллада» из Кронштадта в октябре 1852 г. По пути в Японию через мыс Доброй Надежды он получил от капитана одного из американских пароходов сведения об экспедиции Перри. В своей информации в Петербург глава российской миссии сообщал, что «из разговоров на этом пароходе видно, что при малейшем сопротивлении американцы готовы действовать вооруженной рукой и что, истратив огромные суммы на снаряжение этой экспедиции, они не воротятся, не достигнув цели»^{39}. Имея такую информацию, Путятин еще больше утвердился в намерении во что бы то ни стало добиться от японских правителей согласия на установление отношений с Россией на условиях, не уступающих японо-американским соглашениям.

Выйдя 26 июня 1853 г. из Гонконга, через месяц, 25 июля, русская эскадра собралась у островов Огасавара. В состав эскадры входили флагманский фрегат «Паллада», шхуна «Восток», корвет «Оливуца», транспортное судно Российско-Американской компании «Князь Меншиков». 10 августа российские корабли бросили якоря в гавани Нагасаки. Как и в случае с Резановым, эскадра тотчас же была взята в кольцо многочисленных японских сторожевых лодок. Сообщая местным чиновникам о целях посещения Японии, Путятин заявил, что имеет поручение российского правительства разрешить важные вопросы отношений двух стран, в частности, установить государственную границу на Сахалине. Так как губернатор Нагасаки был не вправе давать какой-либо ответ прибывшим, он направил в Эдо гонца с докладом о прибытии миссии. Сообщалось и о том, что глава миссии имеет письмо российского канцлера К.В. Нессельроде к совету старейшин японского государства.

Поступивший из Эдо ответ был обнадеживающим — японские правители соглашались принять послание российского канцлера, но просили ждать прибытия в Нагасаки представителей бакуфу. Подобное ожидание не устраивало Путятина, и он выразил намерение, не теряя времени, направить эскадру прямо в столицу. Эти слова русского посланника обеспокоили губернатора Нагасаки, который в примирительном тоне попросил Путятина отказаться от своего намерения. Он говорил, что не может дать санкцию на посещение

русской эскадрой Эдо, ибо «японскому глазу будет больно видеть иностранные суда в столице». Памятуя о данных инструкциях, Путятин решил воздержаться от несогласованных с японскими властями действий. Начались томительные месяцы ожидания посланцев бакуфу.

Затягивание начала переговоров с русской миссией объяснялось не только желанием отделаться от Путятина, взяв его измором. На то были и объективные причины. Как отмечалось, именно в это время японская дипломатия находилась в состоянии шока от поведения commodора Перри. К тому же умирает сегун Иэёси. В этой обстановке Эдо хотел избежать или хотя бы отсрочить переговоры с русскими. С другой стороны, российский посол считал недостойным месяцами ожидать аудиенции столичных чиновников. Тем более что он получил сообщение о начале Русско-турецкой войны. 11 ноября вице-адмирал извещает японцев о своем решении направиться в Шанхай. Одновременно он сообщает губернатору, что из Китая он вновь зайдет в Нагасаки и, если к тому времени уполномоченные для официальных переговоров столичные чиновники не придут, российская эскадра незамедлительно направится в Эдо.

Получив в Шанхае информацию о ходе Крымской войны и складывавшейся международной обстановке, Путятин 22 декабря возвращается в Нагасаки. Видимо, должным образом восприняв предупреждение о направлении российских кораблей в Эдо, правительство бакуфу сочло за лучшее направить в Нагасаки своих уполномоченных представителей во главе с чиновником тайного надзора Х. Цуцуи.

В последний день 1853 г. в городском управлении Нагасаки был устроен прием в честь русской миссии, а с 3 января 1854 г. переговоры наконец-то начались. Японский автор следующим образом характеризует членов японской делегации и ее цели: «Цуцуи являлся главным уполномоченным правительства, но, поскольку ему было семьдесят шесть лет и он плохо слышал, фактически главным лицом японской стороны на переговорах был Кавадзи Тосиакира. Среди способных людей правительства бакуфу (а их было не так много) он был личностью весьма заметной. Главная его обязанность состояла в затягивании переговоров с тем, чтобы воспрепятствовать направлению в Эдо русской эскадры»^{40}.

Среди российских исследователей нет единства по поводу того, что являлось главной целью миссии Путятина — установление торговых отношений и получение права на посещение японских портов или установление между двумя государствами границы. Как отмечалось выше, «открытие» Японии было необходимо России в первую очередь для того, чтобы за счет торговли с этой страной ослабить проблему обеспечения увеличивавшегося в дальневосточных районах российского населения продовольствием и товарами повседневного спроса. Естественно, для налаживания добрососедских отношений немаловажным было и определить линию прохождения границы с тем, чтобы исключить инциденты и недоразумения по этому поводу. Поэтому спор о приоритетности той или иной задачи едва ли существенен, ибо речь шла об установлении дипломатических отношений, включающих урегулирование всех вопросов, в том числе территориальных. В связи с этим следует отметить пассивность японской стороны, для которой в тот период пограничное размежевание не являлось насущной задачей. Более того, японские представители довольно откровенно говорили, что не готовы к обсуждению этой проблемы. За этим, кроме всего прочего, скрывалась боязнь из-за неопытности в ведении международных переговоров оказаться в проигрыше.

Отвечая на предложения Путятина рассмотреть весь комплекс двусторонних отношений, Кавадзи говорил: «У вашей страны и нашей страны своя территория, свой народ, и, хотя у нас нет взаимного общения, мы мирно сосуществовали. Для того, чтобы сейчас заново провести пограничную линию, надо прежде всего изучить документы, обследовать местность, привести достоверные факты и после этого обеим сторонам, направив своих представителей, еще раз обсудить вопрос и установить взаимную границу. Этого в один день сделать нельзя... Что касается вопроса о дипломатических отношениях и торговле, то издавна в нашей стране существует на это строгий запрет. Летом этого года Америка тоже добивалась установления торговых связей. Поскольку в настоящее время обстановка в мире коренным образом изменилась, то нельзя упорно цепляться за старые законы. К тому же, если дать разрешение вашей стране, нельзя отказать в таком же разрешении Америке. Если разрешить вашей стране и Америке, то

необходимо будет дать такое же разрешение и остальным странам. Наши возможности для этого слишком малы.

К тому же в нашей стране только что назначен новый сегун, а для такого решения надо собрать на совет удельных князей. Поэтому раньше чем через три-четыре года ответ дать не сможем. Если вопрос решится, то мы сообщим вам»^{41}.-

Из этих слов японского уполномоченного следует, что в начале 1854 г. центральное правительство еще не теряло надежды на то, что все же удастся если не избежать, то хотя бы оттянуть «открытие» страны американцам и русским. Однако недооценивать угрозу обстрела японской столицы «черными кораблями» Перри правительство бакуфу не могло. С другой стороны, в Эдо понимали, что в случае принятия американских требований сослаться на строгость изоляционистских законов на переговорах с русской миссией будет трудно. Как бы то ни было, линия на затягивание переговоров была сохранена.

Долгие и утомительные беседы с Кавадзи результата не давали — японцы упорно отказывались идти на уступки в вопросе о начале торговли с Россией. Тогда Путятин решил изменить направленность переговорного процесса, сосредоточив внимание на территориальном вопросе. Он, видимо, полагал, что достижение договоренности по проблеме прохождения границы на устраивающих японцев условиях позволит развить успех и побудить партнеров по переговорам к изменению их жесткой позиции по поводу торгового обмена.

Международная обстановка складывалась не в пользу России, и миссии Путятина в частности. В условиях начавшихся военных действий с Великобританией и Францией российская эскадра не могла неопределенно долгое время в безопасности находиться у японских берегов. В дальневосточные воды России была направлена объединенная англо-французская эскадра в составе 6 судов (212 орудий), которая неоднократно под прикрытием пушечного огня предпринимала попытки высадить десант на восточное побережье Камчатки и захватить Петропавловск. Английские и французские военные корабли создавали постоянную угрозу и для российской дипломатической миссии. Путятин оказался перед выбором: или вернуться в Россию ни с чем, тем самым предоставив американцам и западноевропейским державам преимущественное право на выгодную

торговлю с Японией и использование ее портов своими торговыми и военными судами, или искать компромиссное решение.

Для того чтобы вывести переговоры из тупика, вице-адмирал решил продемонстрировать более гибкую позицию. Возможность компромисса была заложена еще в послании Путятину Верховному совету Японии от 18 ноября 1853 г., в котором сообщалось: «Гряда Курильских островов, лежащая к северу от Японии, издавна принадлежала России и находилась в полном ее заведывании. К этой гряде принадлежит и остров Итуруп, заселенный курильцами и отчасти японцами. Но русские промышленники в давние времена имели поселения на сем острове: из этого возник вопрос, кому владеть им, русским или японцам...»^{42}. Путятин фактически предложил японцам провести границу между Итурупом и Кунаширом, который в этом случае отходил к Японии. Это воодушевило японских переговорщиков, ибо, опасаясь присоединения России к США и западноевропейским государствам с целью совместного давления на Эдо, правительство бакуфу втайне не исключало варианта размежевания, по которому все Курильские острова, включая Кунашир, признавались российскими. В 1854 г. в Японии была составлена «Карта важнейших морских границ великой Японии», на которой линия ее границы на севере проведена жирной чертой по западному и северному побережьям острова Эдзо (Хоккайдо)^{43}. Отсюда следует, что при благоприятных обстоятельствах Путятин мог отстоять права России на южнокурильские острова, с которых русские были вытеснены силой.

Японцы по правилам торгового первоначально выдвинули заведомо неприемлемые условия, потребовав ухода русских с Сахалина и передачи во владение Японии всех Курильских островов. Путятин же твердо настаивал на том, что граница должна проходить по проливу Лаперуза, то есть весь Сахалин надлежало оставить за Россией. Тем самым изначально создавалась тупиковая ситуация. Скорее всего, это делалось японцами сознательно, с тем чтобы лишить русскую миссию надежд на быстрое нахождение компромисса по территориальному размежеванию и убедить ее больше не поднимать этот вопрос. Естественно, Путятин отверг необоснованные притязания. Однако он терпеливо, приводя исторические факты о принадлежности данных земель Российской империи, продолжал настаивать на необходимости установления между двумя странами официально признанной границы.

При этом он не мог выходить за рамки определенных Петербургом переговорных позиций.

Возможность определенных территориальных уступок Японии ради установления с ней торговли допускалась царским правительством. Однако предусмотренные уступки рассматривались как максимум того, на что могла пойти Россия. На наш взгляд, отказ от прав России на южные Курилы считался своеобразной компенсацией Японии за ее согласие признать российским весь Сахалин, обладание которым в Петербурге считалось фактором особой геополитической важности. Как отмечалось выше, владение Сахалином позволяло контролировать устье Амура и прилегающие к нему обширные, стратегически важные пограничные районы на континенте. Пределы возможного компромисса с Японией по территориальному размежеванию были определены в специальном документе царского правительства.

В «Дополнительной инструкции» МИДа России послу Е.В. Путятину от 24 февраля 1853 г., в частности, говорилось: «По сему предмету о границах наше желание быть по возможности снисходительными (не проронивая, однако, наших интересов), имея в виду, что достижение другой цели — выгод торговли — для нас имеет существенную важность.

Из островов Курильских южнейший, России принадлежащий, есть остров Уруп, которым мы и могли бы ограничиться, назначив его последним пунктом Российских владений к югу, — так, чтобы с нашей стороны южная оконечность сего острова была (как и ныне она, в сущности, есть) границею с Японией, а чтобы с Японской стороны границею считалась северная оконечность острова Итурупа.

При начатии переговоров о разъяснении пограничных владений наших и японских представляется важным вопрос об острове Сахалине.

Остров сей имеет для нас особенное значение потому, что лежит против самого устья Амура. Держава, которая будет владеть сим островом, будет владеть ключом к Амуру. Японское Правительство, без сомнения, будет крепко стоять за свои права, если не на весь остров, что трудно будет оному подкрепить достаточными доводами, то, по крайней мере, на южную часть острова. В заливе Анива у японцев имеются рыбные ловли, доставляющие средства пропитания многим

жителям прочих их островов, и по одному этому обстоятельству они не могут не дорожить означенным пунктом.

Если Правительство их при переговорах с Вами явит податливость на другие наши требования — требования по части торговли, то Вам можно будет оказать уступчивость по предмету южной оконечности острова Сахалина. Но этим и должна ограничиться сия уступчивость, то есть мы ни в коем случае не можем признавать их прав на прочие части острова Сахалин.

При объяснении обо всем этом, Вам полезно будет поставить Японскому Правительству на вид, что при положении, в котором находится сей остров, при невозможности Японцам поддерживать свои права на оный — права, никем не признаваемые, означенный остров может сделаться в самом непродолжительном времени добычею какой-нибудь сильной морской державы, соседство коей едва ли будет японцам так выгодно и безопасно, как соседство России, которой бескорыстие ими испытано веками.

Вообще желательно, чтобы Вы устроили сей вопрос о Сахалине согласно с существующими выгодами России. Если же встретите непреодолимые со стороны Японского Правительства препятствия к признанию наших прав на Сахалин, то лучше в таком случае оставить дело это в нынешнем его положении.

Вообще, давая Вам сии дополнительные наставления, министерство иностранных дел отнюдь не предписывает оных к непременному исполнению, зная вполне, что в столь далеком расстоянии и в совершенном неведении хода настоящих дел в Японии, ничего нельзя предписать безусловного и непременного.

Вашему Превосходительству остается, следовательно, полная свобода действий»^{44}.

Итак, хотя Путятину в крайнем случае позволялось пожертвовать южными Курилами, он, действуя по обстановке, был волен как воспользоваться данным позволением, так и продолжать отстаивать российские права на эти земли. Вице-адмирал, похоже, все же рассчитывал склонить японцев к признанию Сахалина владением России, а потому сознательно не уступал по Итурупу, стремясь использовать этот остров как «приз» для японцев в случае их согласия с российской позицией по сахалинскому вопросу.

При этом Путятин был исполнен решимости выполнить порученную ему миссию. Он противился предложению японской стороны отложить вопрос о заключении российско-японского договора «на три-четыре года». Однако и бессмысленное пребывание в Японии не входило в планы российского посланника.

Уступка вице-адмирала

В обстановке, когда переговоры, по сути дела, зашли в тупик, Путятин решает вновь на время покинуть японские берега с тем, чтобы получить сведения о событиях в европейской части России, ходе Крымской войны. Нельзя исключать, что при этом целью паузы было дождаться результатов американо-японских переговоров, а затем иметь дело с уже «открытой» Японией. Не случайно перед отплытием вице-адмирал, вручая представителям бакуфу проект российско-японского договора, заявил о желании получить от японской стороны письменное подтверждение того, что «если право на торговлю и различные преимущества будут предоставлены другим великим державам, то, чтобы таковые распространялись и на Россию». Просьба Путятина была выполнена. 23 января 1854 г. во время прощального визита японские уполномоченные вручили главе российской миссии документ, в котором говорилось:

«1. Когда впоследствии правительство японское откроет свои порты для торговли, тогда Россия будет допущена ранее к этой торговле, чем какая-либо другая нация.

2. Если бы впоследствии Япония открыла торговлю для других наций, то в уважение соседства все права и преимущества, как торговые, так и всякого другого рода, которые будут предоставлены другим нациям сверх данных России, в то же время будут распространены и на российских подданных».^{45}.

Суть документа состояла в том, что после «открытия» Японии России будет предоставлено право наибольшего благоприятствования. Теперь многое зависело от того, чем завершатся переговоры с японцами commodора Перри. Придя 1 февраля в порт Наха (остров Окинава), Путятин узнал, что двумя днями раньше отсюда направилась в залив Эдо американская эскадра.

Во избежание столкновения с военными кораблями Великобритании и Франции вице-адмирал решил вернуться к российским берегам. По пути он зашел в Нагасаки и предложил обсудить вопрос о Сахалине во время его прихода в залив Анива. Затем российская эскадра вошла в устье Амура.

Вскоре стали известны результаты американо-японских переговоров. 31 марта 1854 г. в городе Канагава (Иокогама) был подписан договор, по которому Япония открыла для торговли с США порты Симода и Хакодатэ. Город Симода был определен как место пребывания американского консула. В октябре были установлены отношения и между Японией и Великобританией. Период трехсотлетнего затворничества нации Ямато завершился.

Путятин вновь оказался перед выбором. С одной стороны, были созданы условия для заключения долгожданного договора об установлении торговых отношений с Японией на весьма выгодных, аналогичных американским, условиях, а с другой — новый поход к японским берегам был сопряжен с немалым риском быть атакованным англо-французской эскадрой. Сложность состояла и в том, что в отличие от японо-американских соглашений, которые касались в основном прав на посещение портов, заключение российско-японского договора требовало разрешения сложного территориального вопроса. Путятин понимал, что быстро эту проблему на устраивающих Россию условиях разрешить не удастся. Конечно, если действовать по американскому методу, шантажируя японское правительство началом военных действий, можно было заставить Эдо согласиться с признанием российскими всего Сахалина и южных Курил. Однако Путятин отвергал методы силового давления. В рапорте генерал-адмиралу великому князю Константину он писал: «Имея другие повеления, я никак не намерен и не могу следовать их (американцев) примеру и потому буду продолжать действовать в отношении к японцам по принятой мной системе кротости и умеренности»^{46}.

Путятин счел необходимым воспользоваться сложившейся ситуацией и, не теряя времени, вновь отправился в Японию, чтобы добиться от японского правительства выполнения данного обещания установить отношения с Россией на уровне не ниже, чем с США. Дабы не привлекать внимания англичан и французов и избежать впечатления демонстрации силы, вице-адмирал прибыл в уже открытый для американцев Хакодатэ, а затем в Осаку лишь на одном фрегате «Диана». Однако власти Осаки, напуганные поведением Перри, миссию не приняли. Вскоре из Эдо было получено согласие начать новый раунд переговоров с русскими в расположенном на полуострове Идзу городе

Симода. Для ведения переговоров туда были направлены уже известные российскому посольству Цуцуи и Кавадзи.

Вопреки ожиданиям Путятин японские уполномоченные вновь заняли в отношении японо-российского договора уклончивую позицию. Не имело эффекта и предложение российской стороны не спешить с установлением границы, а сосредоточиться на вопросах открытия торговли. Настроение у вице-адмирала было мрачное — вновь предстояли изнурительные переговоры, перспективы которых не вселяли оптимизма. Ситуация еще более осложнилась, когда в дипломатию неожиданно вмешалась стихия. На следующий день после начала переговоров, 11 декабря 1854 г., в результате мощного землетрясения и цунами фрегат «Диана» потерпел крушение, и команда во главе с вице-адмиралом оказалась на берегу, в полной зависимости от благосклонности японских хозяев. Русским морякам был предоставлен приют в рыбацкой деревне Хэда.

Сложившееся положение не могло не сказаться на ходе переговоров. Японская сторона продолжала настаивать на своих требованиях, в частности по вопросу о включении южной части Сахалина до 50° северной широты в состав Японии. Это требование было выдвинуто еще на переговорах в Нагасаки. Японский автор объясняет позицию представителей Эдо следующим образом: «Путятин вел с Кавадзи детальные переговоры. Между ними состоялось восемь встреч. Тем не менее, вопрос об установлении торговых отношений никак не сдвигался с мертвой точки. С трудом Путятину удалось вовлечь уполномоченных в обсуждение вопроса о границах. Он подчеркнул, что остров Итуруп является русской территорией, но японцы захватили его. Далее он твердо заявил, что весь Сахалин является территорией России. Кавадзи же утверждал обратное. Во время посещения русского корабля подчиненный Кавадзи Накамура Тамэя вместе с переводчиком Морияма Эйносукэ увидел там карту, изданную в Англии, на которой линия государственной границы между двумя странами на Сахалине проходила по 50-й параллели. Об этом он сообщил Кавадзи. На этом основании Кавадзи и предложил Путятину провести пограничную линию именно по 50° с. ш».^{47}

Уступка Японии южной половины Сахалина была чрезмерным требованием, с которым в Петербурге не смогли бы согласиться. Понимая это, Путятин доносил 18 июля 1855 г. в столицу: «После

окончательной гибели фрегата я крайне опасался, чтобы японцы, воспользовавшись нашим положением, не стали вовсе отказываться от заключения трактата или, по крайней мере, не вздумали бы делать новых притязаний относительно определения границ.

Я до сего не раз находился вынужденным объяснить им, что скорее совсем с ними разойдусь, нежели соглашусь на неуместные их требования; опасения мои были, однако же, излишни, японцы принимали искреннее участие в нашем бедствии и, хотя сначала настаивали, чтобы целое племя айносов острова Сахалин было признано японским, но окончательно согласились выпустить эту статью и вообще были умереннее и сговорчивее, чем можно было ожидать...»^{48}.

Умеренность и сговорчивость японцев, о которой писал Путятин, имела различные причины. Одна из них, на наш взгляд, состояла в том, что в действительности для Японии было выгодно установление добрососедских отношений с могучим соседом на севере. Правительство бакуфу не желало оставаться один на один с американцами, которые с самого начала проявили неуважение к Стране восходящего солнца и явно не собирались иметь с ней дело на равных. Отношения с Россией, которая демонстрировала искреннее стремление к добрососедству, могли стать противовесом своекорыстной политике США, сдерживая их намерение подчинить себе Японию.

С другой стороны, как уже отмечалось выше, российское правительство не желало усиления влияния США в Северо-Восточной Азии, обоснованно усматривая в дальневосточной политике Вашингтона угрозу интересам России. Не отвечало российским интересам и обретение американцами особого положения в Японии. Можно предположить, что в известной степени «американский фактор» помог русским и японцам прийти к согласию по поводу установления отношений.

Необходимость определения линии прохождения границы на севере все в большей степени осознавали и японцы. В противном случае возникала опасность включения в борьбу за обладание Курилами западных держав. На Эдо произвело впечатление сообщение о том, что направленные в ходе Крымской войны на Дальний Восток английские и французские корабли не только бомбардировали Камчатку, но и совершили нападение на Уруп, разрушив на острове

русскую факторию. Следующими «трофеями» могли стать южные Курильские острова, а затем и северные районы собственно Японии. О такой опасности предупреждал японцев и Путятин.

Хотя по поводу Сахалина разногласия оказались непреодолимыми, японцы стали склоняться к тому, чтобы, воспользовавшись трудной для русских ситуацией, убедить их пожертвовать не только Кунаширом и Малой Курильской грядой, но и Итурупом. Как отмечалось выше, Путятин имел разрешение на такую жертву, но хотел использовать Итуруп как козырь в торге по поводу Сахалина. К сожалению, это не удалось. Самый крупный остров Курильской гряды был отдан Японии ради установления торговых отношений. Это решение Путятин до сих пор вызывает споры среди историков.

Следует отметить, что Путятин не сразу согласился на сдачу Итурупа. Сначала он предложил разделить остров пополам. Однако японцы «убедили» вице-адмирала в нецелесообразности такого решения, припугнув тем, что такое предложение «замедлит переговоры». Они знали, что русская миссия, опасаясь нападения англичан и французов, стремится завершить переговоры как можно скорее, и, конечно, использовали эту заинтересованность. Ниже приводится фрагмент из материалов переговоров Путятин с японскими уполномоченными в январе 1854 г:

«Путятин: Курильские острова с давних времен принадлежали нам и на них находятся теперь русские начальники. На Уруп Российско-Американская компания ежегодно посылает суда скупать меха и проч., а на Итурупе Русские имели свое заселение еще прежде, но так как он теперь занят Японцами, то нам и предстоит поговорить об этом.

Японская сторона: Мы считали все Курильские острова издавна принадлежащими Японии, но так как большая часть из них перешла один за другим к вам, то об этих островах нечего и говорить. Итуруп же всегда считался нашим, и мы полагали это дело решенным, равно как и остров Сахалин, или Крафто, хотя мы и не знаем, как далеко последний простирается к северу.

Так как мы не имеем точного понятия о Сахалине, то желательно бы знать, как Вы приблизительно полагаете провести на этом острове границу.

Путятин: Я считаю справедливым оставить за Японией те места, на которых Японские подданные имеют свое поселение. Вся же

остальная часть Сахалина должна считаться принадлежащею России. Японскому Государству могут по справедливости принадлежать только те места, право на которые оно подтвердит верными документами и докажет, что они ей всегда принадлежали.

Вам должно принять во внимание, что северная и средняя часть Сахалина никогда не были под вашей властью, что даже на самой южной оконечности острова вы появились недавно и еще не имеете там прочных заселений, следовательно, вам будут возвращены только те места, которые вами действительно заселены прежде других.

Во многих местах острова мы имеем уже в настоящее время свои посты и даже пользуемся ломкою каменного угля в копиях, которые находятся гораздо южнее половины острова. При посещении этих мест Русскими они не нашли в них ни одного Японца, а встретили их только в самой южной части острова, в заливе Анива, и то в малом числе. Японское Правительство не может иметь притязаний на места, которыми мы пользовались, и, следовательно, России бесспорно должна принадлежать гораздо большая часть острова, нежели Японии.

Я думаю теперь заключить вопрос о Сахалине условием, что только те земли могут быть возвращены Японии, которые давно ей принадлежали, и перейду теперь к вопросу об острове Итуруп.

Так как в прежние времена Русские имели свои поселения на Итурупе, но впоследствии по разным обстоятельствам оставили их и теперь остров занят Японцами, то я полагаю разделить его пополам, так чтобы половина принадлежала нам, а другая Японии.

Японская сторона: Делить Итуруп нам будет чрезвычайно трудно, и это только замедлит переговоры. Уславливаться о Сахалине нам гораздо легче, ибо он заселен частью Русскими, частью Японцами.

Путятин: Итуруп мы можем разделить на том же основании, как и Сахалин, оставив за вами те места и земли, на которых вы имели постоянные поселения, и удержим за собою те из них, которые принадлежат Айнасам (айну).

Японская сторона: Айнасы всегда считались подданными нашего Правительства, и, следовательно, все им принадлежащее должно считаться принадлежащим и Японскому Правительству.

Путятин: Когда мы имели поселение на Итурупе, то на приведенном вами основании, Айнасы принадлежали и нам, тем более что, кроме Итурупа, они заселяют еще многие из островов Курильской

гряды, принадлежащие с давних времен России. Мы не объявляем притязаний на Айносов, обитающих на острове Езо (Хоккайдо), но имеем равное с вами право на Айносов острова Итурупа, и потому и необходимо определить на нем нашу границу.

Японская сторона: Что значит для обширной империи, какова Россия, такой маловажный остров, как Итуруп? Дележ его будет сопряжен для нас с большими затруднениями, а потому не лучше ли, приняв в уважение наши доводы, оставить это дело, как оно есть»^{49}.

В конце концов, Путятин ради установления межгосударственных отношений решил воспользоваться данным ему правом уступить южные Курилы. 7 февраля (26 января) 1855 г. он подписал Симодский трактат, по которому устанавливалось, что «границы между Россией и Японией будут проходить между островами Итуруп и Уруп», а Сахалин объявлен «нераздельным между Россией и Японией». В результате к Японии отходили острова Хабомаи, Шикотан, Кунашир и Итуруп, долгое время входившие в состав Российской империи. Согласно трактату для торговли с Россией открывались три японских порта — Нагасаки, Симода и Хакодате. В точном соответствии с японо-американским договором русские также получали в этих портах право экстерриториальности, т. е. их не могли судить в Японии. Впоследствии при подписании в 1858 г. в Эдо дополнительного договора более детально были определены условия, на которых должны были строиться торговые отношения двух стран.

В работах современных исследователей подчас встречается критика принятого Путятиным решения, в результате которого Россия фактически отказалась от части своей территории. Для такой критики, на наш взгляд, существуют основания, ибо южные Курилы были отданы без какой-либо компенсации. Такая жертва могла бы выглядеть в какой-то мере оправданной, если бы японцы согласились признать российским весь Сахалин. Но этого не произошло — проблема принадлежности Сахалина осталась неразрешенной. В этой ситуации Путятин имел достаточно прав, в том числе моральных, до конца отстаивать если не все южные Курилы, то уж, по крайней мере, имевший важное стратегическое и хозяйственное значение остров Итуруп.

В оправдание же занятой вице-адмиралом позиции можно еще раз сослаться на крайне неблагоприятные для России международные

условия, в которых проходила завершающая стадия переговоров. Можно допустить и то, что предпринятое Путятиным смягчение ранее заявленных территориальных условий заключения договора в известной степени носило субъективный, личностный характер. Как отмечалось выше, глава российской миссии всерьез опасался ужесточения переговорной позиции Японии после кораблекрушения «Дианы» и даже собирался в этом случае покинуть Японию ни с чем. Однако проявленные японцами искреннее участие и помощь потерпевшим, вплоть до готовности построить для миссии новый корабль, не могли не породить у Путятина чувство благодарности. Он писал: «Доброе расположение к нам японцев, несмотря на внушения врагов наших англичан, старавшихся во время последнего их посещения Нагасаки очернить все действия русского правительства, выказалось не только в выражении симпатии при нашем бедствии, но и в содействии, оказанном нам для возвращения в отечество». Оказало это влияние на ход переговоров или нет, гадать трудно. Фактом истории является то, что в сложившихся неординарных обстоятельствах Путятин счел возможным максимально использовать предусмотренные инструкцией уступки.

Полувековые усилия российской дипломатии наконец-то увенчались успехом — отношения с Японией были установлены, как сейчас принято говорить, «в полном объеме». Подписанный договор официально именовался «Трактат о торговле, заключенный между Россией и Японией в Симодэ 26 января 1855 года». В преамбуле трактата целью соглашения определялось «поставить между Россией) и Японией мир и дружбу». Далее следовали статьи договора:

«Статья 1. Отныне да будет постоянной мир и искренняя дружба между Россией и Японией. Во владениях обоих Государств Русские и Японцы да пользуются покровительством и защитой, как относительно их личной безопасности, так и неприкосновенностью их собственности.

Статья 2. Отныне границы между Россией и Японией будут проходить между островами Итурупом и Урупом. Весь остров Итуруп принадлежит Японии, а весь остров Уруп и прочие Курильские острова к северу составляют владение России. Что касается острова Крафто (Сахалина), то он остается неразделенным между Россией и Японией, как было до сего времени.

Статья 3. Японское Правительство открывает для Русских судов три порта: Симода, в княжестве Идзу, Хакодатэ, в области Хакодатэ, и Нагасаки, в княжестве Хизен. В этих трех портах Русские суда могут отныне исправлять свои повреждения, запасаться водою, дровами, съестными припасами и другими потребностями, даже каменным углем, где его можно иметь, и платят за все это золотою или серебряною монетою, а в случае недостатка денег заменяют их товарами из своего запаса. За исключением упомянутых гаваней, Русские суда не будут посещать других портов, кроме случаев, когда по причине крайней нужды судно не будет в состоянии продолжать свой путь. Сделанные в таких случаях издержки будут уплачиваться в одном из открытых портов.

Статья 4. Претерпевшим крушение судам и лицам в обоих Государствах будет оказываться всякого рода пособие, и все спасшиеся будут доставляемы в открытые порты. В продолжение всего их пребывания в чужой земле они пользуются свободою, но подчиняются справедливым законам страны.

Статья 5. В двух первых из открытых портов Русским дозволяется выменивать желаемые товары и имущества на привезенные товары, имущества и деньги.

Статья 6. Российское Правительство назначит Консула в один из двух первых упомянутых портов, когда признает это необходимым.

Статья 7. Если возникнет какой-либо вопрос или дело, требующее обсуждения или решения, то оно будет обстоятельно обсуждено и устроено Японским Правительством.

Статья 8. Как Русский в Японии, так и Японец в России всегда свободны и не подвергаются никаким стеснениям. Учинивший преступление может быть арестован, но судиться не иначе как по законам своей страны.

Статья 9. В уважение соседства обоих Государств, все права и имущества, какие Япония предоставила ныне или даст впоследствии другим нациям, в то же самое время распространяются и на Русских подданных.

Трактат сей будет ратифицирован Его Величеством Императором и Самодержцем Всероссийским и Его Величеством Великим Повелителем всей Японии или, как сказано в прилагаемом особом условии, их уполномоченным, — и ратификации будут разменены в

Симодэ не ранее девяти месяцев, или как обстоятельства позволят. Ныне же размениваются копии с трактата за подписью и печатями Полномочных обоих Государств, и все статьи его получают обязательную силу со дня подписи и будут хранимы обеими договаривающимися сторонами верно и ненарушимо.

Заключён и подписан в городе Симода, в лето от Рождества Христова 1855, Января в 26 день, или Ансей в первый год, 12 месяца в 21 день»^{50}.

Трактат подписали Е.В. Путятин, Цуцуи Хидзэн-но-ками и Кавадзи Саэймондзи.

Японские историки позитивно оценивают результаты миссии Путятина, особо отмечая выгодное для Японии разрешение вопроса о принадлежности южных Курил. Подчеркивается и миролюбивая уважительная манера обращения русских с японскими представителями: «Во время этих переговоров вопрос об определении границы был успешно разрешен благодаря тому, что обе стороны — Япония и Россия признали тот факт, что власть России простиралась до острова Уруп, а власть Японии — до островов Итуруп и Кунашир. Не прибегая к угрозе применения военной силы, Е.В. Путятин добился договоренности путем переговоров. В этом отношении его поведение кардинально отличалось от американской “дипломатии канонерок”, проводя которую США добились открытия портов Японии, направив в нарушение запрета ее правительства четыре своих военных корабля непосредственно в Токийский залив и прибегнув к угрозе открыть артиллерийский огонь по замку Эдо.

Российская сторона выразила благодарность Японии за то, что российские военные моряки смогли возвратиться на родину на новом судне, построенном вместо потерпевшего крушение в бухте Хэда...»^{51}.

Территориальное размежевание на Курилах произошло в пользу Японии. При этом серьезной проблемой для России оставались необоснованные претензии японского правительства на южную половину Сахалина. Вопрос о закреплении этого острова за Россией выдвинулся как один из приоритетных в дальневосточной политике Петербурга.

Русские уходят с Курил

После заключения трактата с Японией Путятин по указанию царского правительства продолжил дипломатическую деятельность на Дальнем Востоке. 13 (1) июня 1858 г. он подписал с китайскими уполномоченными Тяньцзиньский договор о переводе российско-китайских отношений на более высокий уровень и улучшении условий торговли.

В подписанном в мае того же года Айгуньском договоре определялось, что левый берег Амура является владением России, а правый — до реки Уссури — принадлежит Китаю. Однако пространства от Уссури до моря оставались неразграниченными и находились «в общем владении» обоих государств. Поэтому новым договором затрагивалась и пограничная проблема. Статья 9 Тяньцзиньского договора гласила, что «неопределенные части границ между Китаем и Россией будут без отлагательства исследованы на местах доверенными лицами от обоих правительств» и заключенное ими условие о граничной черте составит дополнительную статью к настоящему трактату. По назначении границ сделаны будут подробное описание и карты смежных пространств, которые и послужат обоим правительствам на будущее время бесспорным документом о границах^{52}. Тем самым подписанным Путятиним договором закладывались основы пограничного размежевания и с Китаем.

Эту важную дипломатическую работу продолжил направленный затем в Китай с миссией граф Н.П. Игнатьев. Одной из главных задач миссии было заключение соглашения о включении в состав Российской империи Приамурья и Приморья, что позволяло иметь удобные порты для российского флота. До этого кораблям дальневосточной флотилии приходилось базироваться в замерзающем в зимнее время устье Амура у Николаевска. Согласно заключенному 11 ноября (30 октября) 1860 г. Пекинскому трактату эти территории «на вечные времена» объявлялись владением России. Для закрепления на вновь включенных в состав России землях и для их защиты был заложен город Владивосток.

После присоединения Приамурья и Уссурийского края к России владение Сахалином приобретало особо важное военное значение, ибо теперь был открыт прямой путь к этому острову по Амуру. С другой

стороны, Сахалин являлся естественным прикрытием дальневосточного побережья России.

Очередная попытка добиться признания прав России на весь Сахалин была предпринята адмиралом Н.Н. Муравьевым-Амурским, который при посещении Эдо российской эскадрой в 1859 г. поднял этот вопрос перед представителями центральной японской власти. Имея на то полномочия Александра II, адмирал передал пожелание российского императора заключить с японским правительством аналогичный Айгуньскому договор, по которому граница между двумя странами проходила бы по проливу Лаперуза. В обоснование предложенного проекта соглашения было заявлено, что «Сахалин с давних пор принадлежит России». По предложению российской стороны в случае признания Сахалина российским рыболовные промыслы японцев вблизи острова оставались в их частном владении и под защитой русских законов.^{53}

Реакция правительства бакуфу была отрицательной. Было заявлено, что следует произвести раздел острова по 50-й параллели, т. е. пополам, или оставить Сахалин неразделенным, как это предусмотрено положением Симодского трактата о совместном владении.

Японские историки дают такую версию этого визита: «В 1859 году адмирал Николай Николаевич Муравьев-Амурский, прибывший в город Канагава во главе эскадры из семи кораблей, потребовал с позиции превосходства передать во владение России весь остров Сахалин, но получил отказ японского правительства. С другой стороны, правительство России, прилагая все силы для колонизации Сахалина, фактически ставит его под свое управление. В результате такой политики между японским и российским населением, проживавшим на острове, стали возникать конфликты».^{54}

В целом же российское правительство продолжало политическую линию на поддержание с Японией добрососедских отношений, твердо придерживаясь невмешательства в ее внутренние дела. Оно уклонялось от совместных вооруженных акций, предпринимавшихся эскадрами английских, американских, французских и голландских кораблей, отвечавшими бомбардировками японских городов на отдельные нападения агрессивно настроенных против иностранцев самураев. Примером стремления русских разрешать возникавшие проблемы

мирно стала в целом сдержанная реакция Муравьева-Амурского на нападение на русских моряков в Иокогаме, когда были зарублены мечами мичман и матрос и еще один матрос тяжело ранен. Несмотря на призывы англичан и французов отомстить за эти и другие убийства иностранцев, русские ограничились требованием найти и наказать виновных.

Россия строго придерживалась нейтралитета в развернувшейся в Японии в 60-е гг. борьбе против власти сегуна сторонников обновления. Это со всей очевидностью проявилось в период гражданской войны, когда сегун обратился к правительству России с просьбой об оказании помощи. Западные же государства, рассчитывая на дополнительные привилегии в торговле и расширение своего влияния на японскую центральную власть, открыто вмешивались во внутреннюю борьбу в стране. Французы, сделав ставку на сегуна, предложили ему военную помощь, а британское правительство поддержало оппозицию против сегуна.

Следует отметить, что заключенные правительством бакуфу договоры об «открытии» Японии стали одним из поводов для гражданской войны. Консервативно настроенные слои населения выступили против заключения неравноправных договоров с американцами и европейцами и развернули движение за свержение сегуна и изгнание иностранцев из страны. С этими призывами они апеллировали к императору. Под давлением оппозиционных сил император вынужден был издать в 1863 г. указ об изгнании иностранцев. Как бы во исполнение этого указа по личной инициативе властитель княжества Тёсю отдал приказ обстрелять американское торговое судно в Симоносэском проливе. Американцы тут же ответили, обрушив на форты Симоносэки шквальный огонь из пушек своих военных кораблей. Опасаясь расширения движения против иностранцев, объединенная эскадра английских, французских, голландских и американских военных кораблей в сентябре 1864 г. в качестве меры устрашения вновь предприняла обстрел Симоносэки, произведя значительные разрушения. Однако это не устрасило противников «открытия» страны. Воинственные феодалы и деклассированные самураи-ронины княжеств Сацума и Тёсю продолжали борьбу против политики сегуна и его окружения.

Хотя борьба за власть в стране отвлекала японское правительство от дипломатических проблем, попытки разрешения вопроса о принадлежности Сахалина продолжались. Эдо беспокоили сообщения о том, что на остров прибывает все больше русских, которые строят жилища и разрабатывают каменноугольные месторождения в южной части Сахалина. В июле 1862 г. в Петербург после посещения ряда европейских государств прибыла японская миссия во главе с С.Такэноути, которой было поручено продолжить переговоры о разделе Сахалина по 50-й параллели. В случае отказа российского правительства заключить соглашение на таких условиях предусматривалось предложить вариант аренды Японией южной половины острова. Японская дипломатическая миссия была принята императором Александром II, а также министром иностранных дел А.М. Горчаковым. Российскую делегацию возглавлял директор Азиатского департамента МИДа Н.П. Игнатъев. Шесть раундов переговоров результатов не дали — японцы упорно стояли на своём. Хотя стороны договорились продолжить обсуждение проблемы на местном уровне, а именно с командующим русской эскадры на Тихом океане П.В. Казакевичем, правительство бакуфу уклонилось от выполнения этой договоренности.

Тем временем продолжалось военное строительство на Сахалине — из донесений японских агентов следовало, что русские сооружают на острове форты, оснащая их пушками и другим вооружением. Опасаясь полной утраты позиций Японии на Сахалине, губернатор Хакодате рекомендовал Эдо несколько отойти от занятой позиции и попытаться убедить царское правительство пойти на компромисс, а именно — на раздел острова не по 50-й, а по 48-й параллели.

Несмотря на начавшиеся в стране волнения, бакуфу направляет в 1866 г. в Петербург полномочную делегацию для обсуждения вопроса о государственной границе на Сахалине. Однако состоявшиеся в российском МИДе переговоры к кардинальному решению проблемы не привели. Российское правительство, отвергнув предложение Японии о демаркации границы по 48-й параллели, настаивало на праве России владеть всем островом. Договориться удалось лишь о заключении временного соглашения о совместном владении Сахалином. В подписанном 18 марта 1867 г. документе предусматривалось: «Русские и японцы должны поддерживать мирные и дружественные отношения и

разрешать конфликты путем переговоров между местными властями России и Японии (ст. 1). В силу общности владения Сахалином русские и японцы имеют право свободно передвигаться по острову, возводить постройки и заниматься промыслом (ст. 2). Местным жителям предоставляется личная свобода и право распоряжаться своим имуществом (ст. 3). В случае согласия японского правительства на изложенные выше предложения России местные губернаторы (Эдзо и Приморской области) могли быть уполномочены заключить трактат (ст. 4). «Временные правила» вступали в силу не позже чем через шесть месяцев после их подписания (ст. 5)»^{55}. Правительство бакуфу, по сути дела, отвергло эти «временные правила». С тем, чтобы укрепить позиции Японии в споре о Сахалине, было принято решение «форсировать переселение японцев на Сахалин».

Разрешению территориальной проблемы мешала настороженность японского правительства по поводу укрепления позиций России на Дальнем Востоке, стремления русских расширить количество стоянок для своего флота не только вблизи Японии, но и на ее территории. Хотя, как отмечалось выше, Россия не вмешивалась во внутренние дела японцев, она была вынуждена отстаивать свои интересы в прилегающих к Японии районах, где ей противостояли США и западноевропейские державы. Подчас в эту борьбу великих держав волей-неволей вовлекалась и Япония. Так, например, на ход переговоров о Сахалине и японо-русские отношения в целом весьма неблагоприятное влияние оказал инцидент на острове Цусима.

1 марта 1861 г. российский корвет «Посадник» вошел в бухту этого острова под предлогом проведения срочного ремонта, что в крайних случаях допускалось Симодским трактатом. Однако этим дело не ограничилось. Капитан корвета Н.А. Бирюлев то ли по своей инициативе, а скорее по согласованию с вышестоящим начальством без разрешения японцев приступил к строительству на берегу острова складского помещения и лазарета для последующего использования их кораблями российского флота. По существу, это была заявка на превращение Цусимы в постоянную стоянку русских кораблей. Существует достаточно оснований предположить, что эти действия были предприняты с целью упредить занятие Цусимы англичанами. Как сообщают японские источники, еще в 1859 г. английским военным кораблем была предпринята попытка захвата острова. Тогда в

результате происшедшего столкновения англичанами были убиты и ранены несколько японских чиновников. Эта вылазка не была случайной. Английский консул в Хакодате сообщал в Лондон: «Для нас срочной необходимостью является захват Цусимы и превращение ее в остров Перим». Поэтому действия корабля российского флота можно расценивать как направленные на предотвращение использования Цусимы в качестве военно-морской базы Великобритании. Аналогичные замыслы по поводу Цусимы имели и французы.

Именно защитой острова от англичан Бирюлев пытался объяснить свои действия японцам. Однако местные жители восприняли их как намерение отобрать у них землю и оказали сопротивление. В начавшихся стычках один крестьянин был убит, двое пленены. Получив сообщение об инциденте, по поручению правительства губернатор Хакодате передал российскому консулу И.А. Гошкевичу требование «принять надлежащие меры с тем, чтобы немедленно удалить русский военный корабль из Цусимы». При посредничестве консула командующий дальневосточной флотилией И.Ф. Лихачев отдал приказ Бирюлеву покинуть Цусиму. Желая уладить инцидент, МИД России в направленном в Эдо разъяснении ответственность за происшедшее возложил на Лихачева и Бирюлева. Хотя инцидент нанес определенный урон российско-японским отношениям, объективно Япония оказалась в выигрыше. Увидев, что русские не будут терпеть превращения Цусимы в стратегически важную военно-морскую базу Великобритании, англичане отложили свои планы захвата острова.

В 1868 г. борьба за власть в Японии достигла своего апогея. Власть сегуна слабела на глазах. В конце концов, сёгун Ёсинобу вынужден был передать ее молодому императору Муцухито (Мэйдзи). Выступившие против императора войска бывшего сегуна продолжали сопротивление, но в конце января в битвах близ Киото были разбиты. Власть окончательно перешла к императору и его сторонникам. Наступила эпоха, которую назвали «реставрацией Мэйдзи» (Мэйдзи исин). В историографии принято считать «реставрацию Мэйдзи» своеобразной незавершенной буржуазной революцией.

Новое правительство было озабочено в основном внутривластными проблемами. Однако жизнь заставляла уделять внимание и налаживанию связей с внешним миром. В первую очередь предстояло определиться в отношении соседних государств. В этот

период явственно проявилась взаимозависимость внутренней и внешней политики. Новое правительство было весьма озабочено трудоустройством разорившегося и потерявшего жизненную перспективу класса самураев. Среди членов правительства родилась идея сформировать из безработных самураев армию и направить ее на завоевание Кореи. При этом сторонники этой идеи рассматривали включение завоеванной Кореи в состав Японии как важное средство укрепления мощи и влияния страны в будущем противоборстве с мировыми державами, в том числе с Россией. Не исключалась и возможность завоевания Сибири. Член правительства известный военачальник периода гражданской войны Сайго Такамори считал военный поход в русскую Сибирь вероятным и даже разрабатывал соответствующие планы. Его ближайший соратник генерал-майор Кирино Тосиаки самоуверенно заявлял, что «в военном отношении Россия не представляет собой чего-либо серьезного. С одним батальоном можно дойти до Петербурга»^{56}. При этом указывалось на отсутствие в Сибири железной дороги и малочисленность войск и населения в обширных восточных районах России. Однако нельзя исключать, что подобные настроения при оценке российского потенциала и политики на Дальнем Востоке явились результатом неправильно понятого миролюбивого курса России в отношении своего дальневосточного соседа. В проявленном русскими дружелюбии, стремлении вести дела с дальневосточным соседом «с кротостью и умеренностью» японцы, в силу особенностей менталитета, усматривали слабость России, отсутствие необходимой военной мощи для отстаивания своих интересов. С другой стороны, при всей неприязни к американцам и англичанам, японцы вынуждены были с большим уважением и покорностью отвечать на их «политику канонерок». Заметим, что подобное ошибочное восприятие российской дипломатии существовало в Японии довольно долго.

Проблема определения принадлежности Сахалина перешла к новому правительству императора Мэйдзи. Переговоры по этому вопросу активизировались после прибытия в Японию в 1872 г. постоянного поверенного в делах и одновременно консула Е.К. Бюцова. О политике царского правительства в отношении Японии в то время свидетельствует полученная консулом инструкция, в которой было сказано, что «мы занимаем в отношении Японии совершенно

исключительное положение, отличное от того, в котором находятся другие иностранные государства; оно обусловлено, с одной стороны, близким соседством нашим к Японии, с другой — отсутствием, по крайней мере, на некоторое еще время, торговых интересов, привлекающих туда другие нации; наше соседство не позволяет нам оставаться равнодушными ко всему происходящему в Японии: мы должны зорко следить за внутренним ее развитием; отсутствие же торговых интересов дает нам возможность быть гораздо снисходительнее других держав в наших требованиях и даже оказывать поддержку японскому правительству». Инструкция предписывала Бюцову «избегнуть и тени вмешательства» во внутренние дела Японии^{57}.

В 1867 г. царское правительство, не оценив в должной степени стратегическую и хозяйственную ценность Аляски и Алеутских островов, за небольшую сумму в 7,2 млн. долларов продает эти территории США. Следует отметить, что Аляска и Алеутские острова были именно проданы, а не «сданы в аренду США на 99 лет», как подчас можно услышать.

Японцы решили воспользоваться прецедентом, и уже на первых переговорах с консулом Бюцовым японский министр иностранных дел Т. Фукусима предложил «продать Японии территорию Сахалина к югу от 50° с. ш.». Ответ был отрицательным, и переговоры по сахалинскому вопросу вновь окончились ничем. Они возобновились лишь летом 1874 г., когда в Петербург в ранге чрезвычайного и полномочного посла прибыл один из наиболее образованных и способных людей тогдашней Японии Эномото Такэаки. Посол был увлечен идеей освоения Хоккайдо, являлся не назначенным, а избранным «президентом Хоккайдо», занимал в правительстве пост уполномоченного по освоению новых территорий. Назначение столь видного деятеля послом в России свидетельствовало, кроме всего прочего, о желании японского правительства разрешить, наконец, территориальный вопрос, наличие которого создавало напряженность в двусторонних отношениях.

В середине 70-х гг. японские власти сознавали, что противостоять России на Сахалине, пытаться конкурировать с ней в хозяйственном развитии острова Япония не в состоянии. Сезонное использование южной оконечности Сахалина для нужд рыболовства не выглядело серьезным аргументом в затянувшемся территориальном споре. Тогда

родилась идея отказаться от претензий на Сахалин, а за это побудить Петербург уступить Японии все Курильские острова до Камчатки. Перед отправлением в Россию Эномото получил от правительства инструкцию, согласно которой он должен был добиться на переговорах следующих целей: «1. Покончить с совместным владением Сахалином, весь Сахалин уступить России; добиться получения всех Курильских островов, как территории, по площади равной половине Сахалина. 2. Провести точную государственную границу»^{58}.

Однако Эномото не спешил излагать основную японскую позицию. В ходе переговоров с директором Азиатского департамента МИД России П.Н. Стремоуховым он предъявил претензию не на южную половину, а на весь Сахалин, заявив: «Ваша страна желает владеть всем островом, имея в качестве границы пролив Лаперуза (Соя). Наша страна также желает владеть всем островом, имея в качестве границы Татарский пролив. Поскольку спор не решен, то хотелось бы провести границу справедливо по естественному рельефу Сахалина». Подобная позиция Эномото удивила российских переговорщиков. Однако впоследствии японский посол выдвинул еще более поразительное предложение о том, что «остров Уруп и прилегающие к нему три небольших острова навечно становятся собственностью Японии и Японии же должны быть переданы русские военные корабли». И лишь 4 марта 1875 г. Эномото впервые заговорил об «отказе от Сахалина за соответствующую компенсацию». Он заявил: «В качестве платы нам хотелось бы получить все Курильские острова»^{59}. На это заявление следует обратить особое внимание, ибо подчас можно услышать мнение о том, что предложение об «обмене» всех Курильских островов на Сахалин якобы сделала российская сторона.

Утверждения некоторых историков о том, что российское правительство якобы с готовностью ухватилось за это предложение, едва ли следует считать верным. Фактом является то, что в условиях обострения ситуации на Балканах, перспективы очередной войны с Турцией, которую вновь могли поддержать западные державы, российское правительство было заинтересовано как можно скорее разрешить дальневосточные проблемы, в частности сахалинскую. Однако предложение отдать Японии все Курильские острова выглядело чрезмерным. Восприняв сделанное Эномото предложение как сознательно завышенное первоначальное условие, российские

переговорщики, согласившись обсуждать идею «обмена», на деле намеревались вести дипломатический торг. Японскому послу был предложен вариант, по которому в обмен на признание Сахалина российским Японии передавались бы Курильские острова за исключением трех северных — Алаида, Шумшу и Парамушира.

Сохранение за Россией этих островов позволяло оставить для российских кораблей свободный выход в Тихий океан, что имело важное стратегическое значение. Это выглядело как разумный компромисс, тем более если принять во внимание уступку при аналогичных обстоятельствах Японии южнокурильских островов. Однако царское правительство не проявило достаточной настойчивости. Складывается впечатление, что в те годы российский император и его министры стали тяготиться дальневосточными владениями, экономические выгоды от которых были не столь велики. Не осознавали они в должной степени и будущее стратегическое значение Курильских островов. С другой стороны, Эномото должен был неукоснительно выполнять инструкцию своего правительства, требовавшего передачи Японии всех Курил до Камчатки. Так как посол отказывался рассматривать компромиссные варианты, было запрошено согласие российского правительства, а затем императора на заключение договора на японских условиях. Монаршее согласие было получено.

25 апреля (7 мая) 1875 г. в Санкт-Петербурге состоялось подписание документа, который остался в истории под названием «Трактат, заключенный между Россией и Японией 25 апреля 1875 г., с дополнительной статьей, подписанной в Токио 10 (22) августа 1875 г.». По соглашению, права на владение всем островом Сахалин получала Россия, а все Курильские острова переходили во владение Японии. Японским судам предоставлялось право в течение десяти лет свободно посещать сахалинский порт Корсаков. За японскими рыбаками закреплялось право вести рыбную ловлю в Охотском море и у берегов Камчатки. За находившиеся на южной оконечности Сахалина японские постройки и другое имущество российская сторона обязалась выплатить компенсации. Таким образом, при заключении соглашения Япония получила четко зафиксированные экономические привилегии. Что касается российских интересов на Курилах, то они были утрачены без какого-либо возмещения.

Хотя договор 1875 г. нередко именуют «обменным», в действительности речь шла не об обмене одной территории на другую, а о сдаче Курил в обмен на формальное признание Японией российских прав на Сахалин, который и так фактически принадлежал России. Следует обратить особое внимание на тот факт, что Россия была вынуждена пожертвовать своей территорией, которая была официально, в том числе с точки зрения международного права, признана таковой по Трактату 1855 г., а «обмененные» японские права на Сахалин не имели никакого юридического оформления. Поэтому утверждения о том, что Петербургский договор 1875 г. «был по-настоящему равноправным договором», справедливы лишь для Японии. Россия же, как и в 1855 г., ради добрососедства с Японией вновь пошла на существенные территориальные уступки.

Японские авторы, признавая, что к моменту заключения соглашения Сахалин уже рассматривался как русский остров, тем не менее, делают акцент на якобы состоявшийся добровольный обмен территориями. Они пишут: «Новое правительство во главе с императором Мэйдзи, будучи поставлено перед проблемой неизбежной русификации всего острова Сахалин, проведя переговоры с правительством России, в 1875 году заключило договор об обмене Сахалина на Курильские острова. Исходя из содержания упомянутого договора, японское правительство, отказавшись от права на совместное владение островом Сахалин, признало полный суверенитет России над всем этим островом. В качестве компенсации Россия уступила Японии Курильские острова, а именно 18 островов, простирающихся от острова Шумшу до острова Уруп»^{60}. Современные японские авторы сознательно именуют «Курильскими островами» лишь 18 островов, пытаясь доказывать, что южные острова Курильской гряды — Хабомаи, Шикотан, Кунашир и Итуруп — по соглашению 1875 г. якобы выходили за рамки этого географического понятия. В связи с современными претензиями на эти острова со ссылкой на Трактат 1855 г. заслуживает внимания мнение о том, что «со времени Петербургского договора 1875 г., по которому Япония стала обладательницей всех Курильских островов, территориальные положения Симодского договора 1855 г. о первом пограничном размежевании между Россией и Японией утратили свое юридическое значение и превратились в один из сюжетов истории российско-японских отношений»^{61}.

Как и продажа в 1867 г. американцам Аляски и Алеутских островов, уступка Японии Курильских островов была серьезной ошибкой царской дипломатии, нанесшей большой ущерб государственным интересам России на Тихом океане. «От обмена Курильских островов на Сахалин, — говорил один из царских дипломатов, — Россия не только не получила выгод, но, наоборот, попала впросак, потому что, если Япония устроит сильный порт на каком-нибудь из Курильских островов и тем пресечет сообщение Охотского моря с Японским, Россия потеряет выход в Тихий океан и очутится как бы в сетях. Напротив, если бы она продолжала владеть Курильскими островами, Тихий океан был бы для нее всегда открыт»^{62}.

Разрешение в 1875 г. территориальных проблем создавало условия для более активного развития российско-японских отношений. Однако наступившая эпоха Мэйдзи ознаменовалась не только модернизацией Японии, но и ее вступлением в борьбу за раздел мира. В 1874 г. она напала на остров Тайвань и стала готовиться к войне с Китаем. Политика экспансии Японии на азиатском континенте неизбежно вела к столкновению интересов ведущих держав мира, приносила напряжение и в российско-японские отношения. Борьба двух государств за влияние в Северо-Восточной Азии вела к ситуации, когда возникавшие империалистические противоречия становилось все труднее разрешать мирными средствами.

Глава III.

Японско-русская война

«На расстоянии пушечного выстрела»

После окончательного, как тогда казалось, урегулирования территориальных проблем с Японией и Китаем российское правительство сосредоточило внимание на освоении своих сибирских и дальневосточных территорий путем заселения их выходцами из европейской части страны и поощрения здесь развития промышленности и торговли. При этом считалось, что «Россия довольна своими границами и не имеет стремления к дальнейшему их отодвиганию в ту или другую сторону». Какие-либо крупномасштабные военные действия России на Дальнем Востоке были затруднены по причине отсутствия здесь сколько-нибудь серьезных вооруженных сил. От берегов Тихого океана до Урала размещалось всего несколько батальонов и не было ни одной крепости.

Хотя японское правительство по мере развития капитализма в стране все более открыто демонстрировало стремление экономически и политически утвердиться в Корее, превратив ее в протекторат или колонию, и навязать Китаю неравноправные договоры, в России это большого беспокойства не вызывало. Более того, это даже считалось выгодным, ибо такая политика Токио вела к обострению японо-английских отношений в борьбе за Китай.

До середины 90-х гг. каких-либо признаков намерения Страны восходящего солнца противостоять в военном отношении мощной соседке на севере — России — не отмечалось. А потому Япония не включалась в число потенциальных противников Российской империи, и ее генеральный и главный морской штабы не имели разработанных планов войны с этим считавшимся заведомо слабым в военном отношении государством. Во второй половине XIX в. российские военное и морское ведомства видели потенциальную угрозу своим владениям на Дальнем Востоке не столько со стороны Японии, сколько от Великобритании. Так, существовал план обороны на случай совместного англо-китайского нападения на российское побережье Тихого океана.

Обстановку в Северо-Восточной Азии существенно изменила развязанная Японией в 1894 г. война с Китаем. Хотя свою агрессию Япония осуществляла под лозунгом «защиты независимости» Кореи от

Китая, в действительности цели были гораздо шире, а именно — обретение стратегически важного плацдарма для вытеснения из региона Китая и России. В значительной степени военное выступление японцев было ответом на российские планы расширения своего влияния в Маньчжурии, строительство здесь российской железной дороги.

Обсуждение российским правительством вопроса о строительстве Сибирской железной дороги началось в 1875 г. Однако тогда речь шла о магистрали протяженностью лишь до Тюмени. В 1880 г. было принято соответствующее постановление кабинета министров. Однако через два года император Александр III принял решение вести железную дорогу через всю Сибирь до дальневосточных окраин государства. Начались затянувшиеся на несколько лет изыскания оптимального маршрута магистрали. В 1886 г. император потребовал перейти от проектов к началу строительных работ. Он начертал на очередном отчете генерал-губернатора Восточной Сибири: «Уж сколько отчетов генерал-губернаторов Сибири я читал и должен с грустью и стыдом сознаться, что правительство до сих пор почти ничего не сделало для удовлетворения потребностей этого богатого, но запущенного края. А пора, очень пора»^{63}.

Принципиальное значение имело обсуждение вопроса о том, будет ли железная дорога проходить полностью по российской территории вдоль Амура, или в целях экономии ее целесообразнее сократить, пустив по территории Маньчжурии. На принятие решения в пользу последнего варианта повлияло поражение Китая в 1895 г. в войне с Японией. Считалось, что прохождение российской железной дороги по территории северо-восточных китайских провинций, кроме всего прочего, должно удерживать японцев от попыток подчинить себе эти земли. С другой стороны, для японцев строительство дороги в Маньчжурии явилось зримым свидетельством нежелания России ослаблять свое присутствие в этом экономически и стратегически важном районе. Председатель Тайного совета Японии маршал Ямагата в заявлении от 29 июня 1894 г. особо отметил, что Японии не следует ждать, пока Россия завершит строительство Сибирской железной дороги. А представитель Японии в Сеуле Оиси заявил в феврале 1893 г., что «Дальний Восток должен составлять достояние Японии и Китая, а Европа как их общий враг должна быть изгнана из этих краев». В своей

книге он призывал «изгнать Россию из Сибири вплоть до Урала и обратить ее (Сибирь) в район для колонизации всех наций»^{64}. Концепцию будущего столкновения с Россией разделяли и другие высокопоставленные японские политики и дипломаты. Эти стратегические построения поддерживали правительства Великобритании и США, для которых обострение российско-японских отношений было весьма выгодным в целях недопущения обеих держав в центральный и южный Китай, где западные державы имели большие торгово-экономические интересы. В прессе США открыто признавалось, что Вашингтон желал бы усилить Японию в противовес России на Дальнем Востоке.

Начиная войну в Китае, японское руководство считало, что Россия вряд ли вмешается в конфликт, по крайней мере, пока не доведет железную дорогу до побережья Тихого океана. Японцам было известно об отсутствии в дальневосточных районах России сил, способных прийти на помощь Китаю, — в середине 90-х гг. на огромной территории Приамурского военного округа было расположено всего 19 батальонов пехоты. Однако, не выступив напрямую против предпринятой антикитайской военной акции, Россия не осталась безучастной к попыткам Японии создать на территории Китая стратегические плацдармы.

Японо-китайская война не могла не окончиться победой Японии, ибо, несмотря на численное превосходство китайцев, в плане вооружения и организации войск силы противостоящих сторон были явно неравными. Русский военный агент на Дальнем Востоке доносил, что среди японских трофеев оказалось «немало луков, стрел и разных дреколий, с которыми китайцы рассчитывали бороться против скорострельного ружья. Но орудия и ружья китайцев в таком состоянии, что не стоят много более, нежели дреколья. Достаточно сказать, что прекрасные пушки Круппа до того заржавели, что у большей части нельзя отворить замков»^{65}.

17 апреля 1895 г. китайское правительство было вынуждено подписать в японском городе Симоносэки мирный договор, по которому признавалась независимость Кореи от Китая, к Японии отходили Ляодунский полуостров с Порт-Артуром, Тайвань и острова Пэнхуледао. Кроме того, Китай должен был уплатить контрибуцию в 200 млн. лян (около 400 млн. рублей серебром). Одновременно были

оговорены многочисленные привилегии для экономической деятельности Японии в Китае, позволявшие извлекать большие прибыли.

Перспектива подобных территориальных итогов войны серьезно обеспокоила царское правительство. Утверждение в Корее и Южной Маньчжурии означало выход Японии непосредственно к границам России. В Санкт-Петербурге уже тогда в полной мере сознавали возникновение угрозы. Еще до подписания японо-китайского мирного договора было созвано особое совещание министров для обсуждения создавшегося положения. Выступивший на нем министр финансов С.Ю. Витте заявил, что настоящая война направлена прямо против России. «Если мы теперь допустим японцев в Маньчжурию, — предупреждал он, — то для охраны наших владений... потребуются сотни тысяч войск и значительное увеличение нашего флота, так как рано или поздно мы неизбежно придем в столкновение с японцами». Решено было воспрепятствовать экспансии Японии на континент. В этом Россия нашла поддержку Германии и Франции, которые, оберегая свои интересы на Дальнем Востоке, также не желали усиления Японии в Китае.

По указанию своих правительств 23 марта 1895 г. послы трех означенных государств сделали в Токио заявление о том, что Япония должна снять претензии на Ляодунский полуостров и не ставить под угрозу независимость Кореи. Хотя японское правительство было возмущено столь явным вмешательством европейских держав, и в первую очередь России, оно не могло не считаться с невыгодной для себя расстановкой сил — российский флот на Тихом океане превосходил японский, обладая более мощной броней и тяжелой артиллерией. Да и в целом Япония еще не располагала силами, позволявшими пойти на риск открытого вооруженного столкновения с державой, неизмеримо более мощной, чем Китай. Уступая объединенному давлению России, Германии и Франции, Токио был вынужден на данном этапе отказаться от установления своего контроля над имевшим важное стратегическое значение Ляодунским полуостровом.

Сложившаяся после японо-китайской войны обстановка характеризовалась российскими генштабистами следующим образом: «Когда война и последние переговоры, порожденные ею, затихли, перед

русским правительством открылся труднейший и сложнейший вопрос об установлении новых начал для нашей политики на Дальнем Востоке, новых потому, что японо-китайская война коренным образом изменила всю обстановку на западных берегах Тихого океана». Необходимо было определиться, кого избрать в союзники в борьбе за интересы России на Дальнем Востоке. В конечном счете выбор был сделан в пользу Китая: «Не доверяя Японии, видя энергично начатые ею вооружения, оказавшись в противоречии с нею и по Ляотонгскому (маньчжурскому), и по Корейскому вопросам, Россия тогда же сочла ее своим врагом, требовавшим для борьбы с собой известной подготовки»^{66}.

Несмотря на то что Россия выступила противником осуществления японских экспансионистских планов, в Токио не отказались от программы колониальных захватов. На средства, полученные в виде контрибуции с Китая, и при финансовой поддержке Великобритании и США японское правительство приняло решение в несколько раз увеличить тоннаж военного флота и численность сухопутных войск^{67}.

Со своей стороны российское правительство ускорило строительство Сибирской железной дороги. Одновременно увеличивалась численность русских войск на Дальнем Востоке, укреплялся, превращаясь в приморскую крепость, Владивосток. Хотя царское правительство не имело планов захвата китайских территорий и Кореи вооруженным путем, в то же время оно не могло согласиться с вытеснением России из Северо-Восточной Азии. В то время расширение российского экономического и политического влияния на азиатском континенте рассматривалось как нечто естественное. И это объяснимо: в условиях, когда отчетливо проявлялось стремление держав мира к окончательному разделу Китая, Россия, одна из крупнейших империалистических держав, уже в силу географического фактора не могла остаться в стороне. Нельзя не учитывать и то, что намерение утвердиться в Корее и Маньчжурии воспринималось и как решение задачи обеспечения безопасности российского государства на Дальнем Востоке.

Не допустив японцев на Ляодунский полуостров, царское правительство вознамерилось само арендовать расположенные на этом стратегически важном участке китайской территории незамерзающие порты для своего Тихоокеанского флота — Порт-Артур и Даляньван (Дальний). При этом руководствовались в первую очередь

соображениями обороны дальневосточных областей России. На состоявшемся в феврале 1898 г. совещании царских министров отмечалось, что «Япония в самом начале уже тогда замышлявшейся ею войны против нас легко вторично овладеет Порт-Артуром, в то время как у нас не закончена еще Сибирская железная дорога...». 27 марта был подписан русско-китайский договор, по которому Порт-Артур и Даляньван передавались в арендное пользование России на двадцать пять лет. Россия получила на арендованной территории права юрисдикции. Порт-Артур был открыт только для русских и китайских судов. Россия получила также право построить железнодорожную ветку к побережью Ляодунского полуострова.^{68}.

Тогдашняя российская политика характеризовалась следующим образом: «В 1897 г. в Царском Селе под председательством царя было принято решение занять Порт-Артур. Министр иностранных дел Муравьев, при поддержке военного министра Ванновского, настаивал в совещании на необходимости захватить эту опорную точку, как крайне важный, влиятельный базис России на Дальнем Востоке.

Один лишь министр финансов Витте высказался против этого шага. Царь присоединился к мнению Муравьева. Таким образом, Россия решила отправить свой флот в Порт-Артур, под предлогом якобы защиты Китая от его врагов. В действительности же в течение трех месяцев велись переговоры со “Срединной Империей”, которая умоляла Россию не проявлять своей дружбы к ней в такой неприятной форме.

Наперекор этим просьбам русская эскадра, миновав Владивосток, в начале 1898 г. высадила свои войска в Порт-Артуре, вызвав этим величайшее негодование в Японии»^{69}.

На глазах японцев, у них под боком в незамерзающем порту создавалась основная военно-морская база русской Тихоокеанской эскадры. В результате, как заметил современник, «Россия и Япония сблизилась до расстояния выстрела из пистолета».

Создание Россией военно-морских баз в непосредственной близости от Японских островов, да еще на территории, на которую претендовала сама Япония, неизбежно вызвало в этой стране всплеск антирусских настроений, стимулировало подготовку к войне. «Ляодунский инцидент, — сообщал из Токио русский военный агент, — послужил поводом к необычайным вооружениям Японии». Реагируя на

тревожные сообщения из Токио, российское правительство было вынуждено срочно усиливать свой флот. В ноябре 1895 г. на специальном особом совещании отмечалось, что рост военно-морских сил Японии представляет серьезную угрозу для России. Совещание констатировало: «России необходимо теперь же... выработать программу судостроения для Дальнего Востока с таким расчетом, чтобы к окончанию судостроительной программы Японией наш флот на Дальнем Востоке превышал значительно японский».

Дабы избежать дальнейшего обострения российско-японских отношений, было решено пойти на уступки Японии в корейском вопросе. После серии переговоров русский посланник в Токио Р.Р. Розен и японский министр иностранных дел Ниси 25 апреля 1898 г. подписали протокол, предусматривавший, что Россия не будет препятствовать развитию торговых и промышленных сношений между Японией и Кореей. Царскому правительству пришлось отозвать финансовых и военных советников из Сеула.

К позитиву в российско-японских отношениях в тот период можно отнести и вступление в силу в 1899 г. заключенного в 1895 г. на выгодных для Японии условиях Трактата о торговле и мореплавании.

Начало XX в. было ознаменовано развертыванием в Китае широкого антиимпериалистического движения народных масс. Возглавляло это движение сопротивление закабалению китайского народа тайное общество «Ихэтуань», что можно перевести как «Кулак, поднятый в защиту справедливости». Это общество, а затем и все движение было названо за рубежом «боксерским». В движении принимали участие разоренные крестьяне, ремесленники, лодочники, кули и другие обездоленные слои населения, которые видели причину своего бедственного положения в засилье «заморских дьяволов», иностранцев европейского происхождения. Наибольший размах сопровождавшееся погромами и нападениями на иностранцев восстание народа получило в Шаньдуне. Попытки китайских властей жестокими методами обуздать восставших результата не дали, и 14 июня 1900 г. отряды «боксеров» вошли в Пекин.

Видя беспомощность властей, иностранные державы решили взять карательные функции на себя. Была создана иностранная объединенная армия, основу которой составили японские и русские солдаты. 14 августа иностранные войска овладели столицей, разделив ее на «зоны

ответственности». Одновременно в августе — сентябре русские войска заняли основные пункты вдоль строящейся железной дороги и центры провинций Северо-Восточного Китая. Наиболее агрессивно настроенные круги царской России решили воспользоваться ситуацией и выдвигали далекоидущие планы по захвату части китайской территории. Этому противодействовало Министерство иностранных дел, желавшее сохранить дружественные отношения с Китаем. Согласно указанию российского правительства к октябрю 1900 г. все русские войска покинули Пекин и его окрестности. Сложнее обстояло дело с Маньчжурией.

Против закрепления русских позиций в Маньчжурии выступали не только японцы, но и западные державы, выдвинувшие лицемерный лозунг «сохранения целостности Китая». Поэтому российское правительство наряду с общими переговорами в Пекине о расширении привилегий иностранных государств и размере контрибуции за подавление «боксерского восстания» параллельно вело и сепаратные переговоры с китайскими властями о правах России в сопредельных северо-восточных провинциях. При этом в правительственных кругах Санкт-Петербурга существовало две точки зрения на маньчжурскую проблему. Согласно первой, которую отстаивали министр финансов Витте и министр иностранных дел В.Н. Ламздорф, считалось возможным в случае разнообразных уступок со стороны центрального китайского правительства вывести русские войска из Маньчжурии. Им противостоял военный министр А.Н. Куропаткин, который предлагал аннексировать северную часть Маньчжурии, естественно, при сохранении на ее территории русских войск.

Его поддерживал командующий Приамурским военным округом генерал Гродеков, который считал, что передача китайцам правого берега Амура явится смертным приговором для амурского побережья России. «Китайцы очень скоро войдут в силу, — писал Гродеков, — будут в состоянии со своего берега разгромить наши поселения и сделают невозможным для нас всякое сообщение по названной реке». Гродеков настаивал на присоединении к русским владениям части Маньчжурии по правому берегу Амура и левому берегу Уссури. Как видно, в основе этой позиции лежали соображения в первую очередь стратегического характера.

Витте же предлагал действовать главным образом путем экономического подчинения Маньчжурии и дальнейшего проникновения в Китай при помощи русских банков и компаний. Он решительно возражал против новых территориальных приобретений в Китае с использованием военной силы. Выступив против предложений Гро-декова, российское правительство объявило 25 августа следующую позицию: «... Как скоро в Маньчжурии будет восстановлен прочный порядок и будут приняты все необходимые меры к ограждению рельсового пути... Россия не преминет вывести свои войска из пределов соседней империи, если, однако, этому не послужит препятствием образ действий других держав»^{70}. Иными словами, вывод войск был обусловлен гарантией свободы действий России в Северо-Восточном Китае.

Российско-китайские переговоры о Маньчжурии сопровождались нажимом Японии, США и европейских держав, стремившихся устранить Россию из Маньчжурии. Это вынудило Санкт-Петербург довести 3 апреля 1901 г. до соответствующих правительств следующее: «Ввиду агитации, возбужденной повсюду распространявшимися ложными известиями касательно отдельного между Россией и Китаем соглашения... вышеупомянутое соглашение предполагалось заключить для того, чтобы, как только окажется возможным, приступить к постепенному выполнению заявленного Россией намерения возвратить Китаю Маньчжурию». В сложившейся обстановке «Россия не только не настаивает перед китайским правительством на заключении оногo, но даже отказывается от каких бы то ни было дальнейших переговоров по сему предмету».

В изданном затем 5 апреля российском «Правительственном вестнике» подробно излагались события, сопровождавшие эти переговоры. В сообщении подчеркивалась дружеская позиция России к китайскому правительству с самого начала народного восстания.

В отношении сепаратного соглашения кратко отмечалось, что оно «должно было служить началом осуществления заявленного императорским правительством намерения возвратить Китаю Маньчжурию, занятую русскими войсками лишь вследствие тревожных событий минувшего года... [однако] к заключению такового соглашения с Россией китайскому правительству созданы были серьезные препятствия, вследствие чего и безотложное принятие

имевшихся в виду мер для постепенной эвакуации Маньчжурии оказалось неисполнимым». Сообщение в «Правительственном вестнике», так же как и циркулярное письмо русским послам, заканчивалось фразой: «...императорское правительство будет спокойно выжидать дальнейшего хода событий»^{71}.

Предпринятые западными державами и Японией попытки вмешаться в российско-китайские переговоры не привели к желаемому результату. Ибо спровоцированное ими прекращение этих переговоров означало не что иное, как продолжение оккупации без каких-либо указаний на то, когда она может быть прекращена. Однако отсутствие договоренности с Китаем создавало неустойчивую ситуацию и для России. Отказ российского правительства выполнять обещание о выводе своих войск укреплял убежденность японцев в том, что русские вознамерились подчинить Маньчжурию себе, с чем Токио не желал мириться.

8 апреля (26 марта) 1902 г. между Россией и Китаем было подписано соглашение о поэтапном выводе из Маньчжурии всех русских войск. При этом российскому правительству удалось внести в соглашение оговорку о том, что войска будут выведены, «буде не возникнет смут и образ действий других держав тому не воспрепятствует». Хотя Витте по итогам своей поездки на Дальний Восток был решительно настроен на разрешение всех проблем исключительно мирным путем и требовал неукоснительного выполнения обязательства о выводе из Маньчжурии всех войск, военные стратеги России были настроены иначе.

Складываявшуюся ситуацию довольно объективно описал в своем труде военный министр, а в годы войны с Японией главнокомандующий вооруженными силами России генерал-адъютант Куропаткин: «К нам недоверчиво, почти враждебно относился Китай, явно враждебно — Япония, недоверчиво — все прочие державы. Положение на месте в Маньчжурии тоже являлось неопределенным. Несмотря на успешные железнодорожные работы и усиление охраны, спокойствия на дороге не было; поезда ходили под конвоем, случаи нападения хунхузов были не редки, доверия к туземным властям и населению не явилось. Все это указывало, что если ограничиваться охраной только тонкой линии дороги, то при первом волнении железная дорога может быть разрушена во многих местах. В особенности

тревожным представлялось положение России, если бы она, атакованная на Западе, вынуждена была вести одновременно войну и на Востоке. В этом случае не было сомнений, что при очищении Маньчжурии от наших войск легко будет вызвать повторение китайских беспорядков 1900 г., причем мы снова потеряем связь с Приамурским краем, и нам вторично придется завоевывать Маньчжурию (с занятием нами Порт-Артура она получила для нас большое военное значение). С каждым месяцем сомнения в возможности выполнить договор 26 марта все увеличивались. Тяжелый период неопределенности, по мере усиления враждебных к нам отношений Японии и Китая, становился все невыносимее. По форме мы продолжали утверждать, что договор 26 марта будет соблюден, мы даже выполнили первую часть его: очистили от наших войск местность Мукденской провинции до реки Ляохе, но, по существу, уже принимали меры, вполне соответствовавшие нашим интересам, вполне необходимые, но идущие вразрез с договором»^{72}.

В Санкт-Петербурге сознавали, что продолжавшаяся оккупация Маньчжурии способствовала сближению Великобритании и Японии на антирусской основе. Заинтересованные в российско-японском военном столкновении английские политики сочли целесообразным пойти на подписание с Токио договора с тем, чтобы подкрепить решимость японцев не уступать России в Маньчжурии и Корее. Англо-японский союзный договор был подписан 30 января 1902 г.

Стороны признавали «независимость Китая и Кореи», не забыв при этом оговорить «специальные интересы» Великобритании в Китае, а Японии — в Китае и Корее. Предусматривалось принятие «необходимых мер», если этим интересам будут угрожать агрессивная деятельность других держав или внутренние беспорядки. В случае войны одной из договаривающихся сторон с третьей державой другая договаривающаяся сторона обязывалась не только соблюдать строгий нейтралитет, но и препятствовать участию в войне иных государств. Если же какая-нибудь другая держава или державы все же присоединились бы к враждебным действиям против одной из держав-союзниц, другая должна была прийти ей на помощь, вести войну сообща и заключить мир по взаимному с ней согласию^{73}.

Подписание союзного договора было с одобрением воспринято в США и Германии. С другой стороны, он озаботил союзную России Францию. В самом же Санкт-Петербурге, сознавая осложнение

положения на Дальнем Востоке, сочли за благо продемонстрировать «миролюбие» и стремление к компромиссам. Жестом именно с такими целями и стало подписание 8 апреля российско-китайского соглашения о выводе войск из Маньчжурии.

Восприняв обещание «очистить» Маньчжурию от российских войск как уступку под давлением противостоявших держав, японское правительство решило, «развивая успех», добиться от России признания своих исключительных прав на Корейском полуострове. Оказывавший заметное влияние на российскую внешнюю политику Витте считал, что Россия не должна идти на риск вооруженной конфронтации с Японией из-за Кореи. Он разъяснял: «Из двух зол — вооруженного столкновения с Японией и полной уступки им Кореи — в ближайшем будущем для России является меньшим второе». И далее: «Нельзя забывать, что война с Японией была бы не только тяжела сама по себе, но ослабит нас на Западе и на Ближнем Востоке. Прекрасно понимая всю опасность для нас войны на два фронта, эти недоброжелатели станут все смелее и смелее ставить свои требования и заявлять нам такие притязания, о которых никогда не осмелились бы подумать, если бы у России не были связаны руки вооруженной борьбой на Дальнем Востоке»^{74}. Хотя геополитические выкладки Витте были весьма убедительны, они не производили должного впечатления на сторонников силовых методов, недооценивавших возрастающую военную мощь Страны восходящего солнца.

В целом же стержнем российской дальневосточной политики оставалось утверждение России в Маньчжурии на долгое время. Противоречия между двумя соперничавшими при дворе группировками — фаворита царя, ротмистра А.М. Безобразова, с одной стороны, и Витте — с другой — сводились к тому, каким путем добиваться полного такого утверждения. Если группа Безобразова не останавливалась перед войной с Японией, то Витте и его сторонники предлагали добиваться целей России на Дальнем Востоке, по возможности не доводя дела до войны или, по крайней мере, оттянув начало войны, чтобы лучше к ней подготовиться.

Выработка того или иного курса диктовалась не только интересами государства, но и корыстными целями так называемой «безобразовской шайки», объединявшей авантюристически настроенных дельцов, стремившихся быстро обогатиться за счет эксплуатации естественных

ресурсов Кореи, в частности лесных концессий на реке Ялу. Для этого была создана промышленная компания, среди учредителей которой было немало представителей высшей русской аристократии и придворных. Деятельность этой компании поддерживали министр внутренних дел Плеве и сам Николай П. Карьера сулившего большие барыши от нового предприятия Безобразова стремительно пошла вверх — в мае 1903 г. он был возведен в звание статс-секретаря, и ему было поручено подготовить совместно с генералом Куропаткиным и адмиралом Алексеевым доклад об утверждении экономического влияния России на Дальнем Востоке. После отставки Витте в августе 1903 г. с поста министра финансов влияние Безобразова на царя по вопросам дальневосточной политики еще больше усилилось. Несмотря на очевидную неподготовленность России к войне, заинтересованные в корейских авантюрах группы не желали отказываться от своих планов дальнейшего овладения богатствами Маньчжурии и Кореи и устранения здесь конкурентов, в первую очередь Японии.

Со своей стороны, воодушевленное союзом с Великобританией и поддержкой США японское правительство ужесточило свою позицию к России. В переданном 12 августа 1903 г. правительству России проекте соглашения Токио открыто потребовал ухода русских из Маньчжурии и признания широких интересов Японии как в Корее, так и в Северо-Восточном Китае. В создавшихся условиях царскому правительству было трудно в полном объеме выполнить данное обещание полностью вывести свои войска с территории Китая, ибо в этом случае Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД) оставалась под прикрытием лишь малочисленной охраны и создавалась угроза вытеснения России из Маньчжурии с опасностью перспективы выхода японской армии на российско-маньчжурскую границу. Поэтому в ответе на японские предложения содержалось согласие России лишь на ограниченное влияние Японии в Корее в плане улучшения гражданского управления. В русском проекте соглашения предусматривался отказ обеих сторон от военного использования Корейского полуострова и признание Маньчжурии во всех отношениях вне «сферы японских интересов»^{75}. О том, что Россия будет твердо отстаивать свои интересы в Северо-Восточной Азии, свидетельствовало создание Николаем П. дальневосточного наместничества во главе с адмиралом Е.И. Алексеевым, которому передавались широкие полномочия для решения

экономических, политических и даже дипломатических вопросов, минуя Министерство иностранных дел. В результате выступавшие за осмотрительную политику на Дальнем Востоке министры были лишены возможности влиять на ситуацию и сдерживать авантюризм «безобразовской шайки».

Характеризуя сложившуюся обстановку, автор вышедшего в 1910 г. труда «Царь и внешняя политика» Владимир Бурцев писал: «Мы имеем в виду безответственную власть царя. Он один мог создать такое положение, при котором полномочные министры должны были уступить преступной воле официально не уполномоченных на вершение государственных дел куртизанов.

За Абазой и Безобразовым, к которым надо еще прибавить Алексеева, стоял другой виновник — царь, прикрывавший и поддерживающий их. Его именем и его властью и при непосредственном его участии они, за спиной официальной власти и официальной дипломатии, вели другую дипломатию, тайную, вероломную и шедшую в полный разрез с очевидными и насущными интересами страны. Его власть, власть и воля царя стали поперек дороги официальной политике министерства. Перед ним, перед его волей преклонились министры Ламсдорф, Витте и Куропаткин, у которых не хватило мужества заставить царя сделать официально выбор между собою и Абазой и Безобразовым и раскрыть, таким образом, преступную двойную игру самого царя»^{76}.

Объективный анализ складывавшейся на Дальнем Востоке ситуации приводит к выводу о том, что Японско-русская война возникла в результате двух экспансионистских потоков со стороны царской России и императорской Японии. Своекорыстные интересы правящих кругов двух стран выросли в столь острое противоречие, которое можно было разрешить только силой. По сути дела, к такому выводу пришла и созданная после войны военно-историческая комиссия российского генштаба, в аналитических материалах которой отмечалось: «...Конец июля 1903 г. явился гранью, отделившей период, хотя и затяжной, но, во всяком случае, дипломатической борьбы на Дальнем Востоке от периода, когда надвигавшаяся война становилась вопросом только тех или иных дней. Основные же причины указанной перемены необходимо искать: по отношению к России — в тех решениях, которые были приняты по приезду А.М. Безобразова с

Дальнего Востока в апреле месяце, а по отношению к Японии — в той полной готовности к войне, которой она достигла еще весной 1903 г. и которую, очевидно, нужно было использовать с наибольшей полнотой и с наиболее яркими и цельными последствиями»^{77}.

Как известно, разразившаяся война велась на территории третьих стран, которые стали объектом колониальных империалистических устремлений России и Японии. Отсюда обоюдная вина алчных правителей двух государств. Однако инициатором и агрессором выступила именно Япония, нарушившая русско-японские договоры, провозглашавшие «постоянный мир и искреннюю дружбу между Россией и Японией».

Признавая вероломный характер нападения, современные японские историки в то же время пытаются изыскивать оправдания тогдашних действий своей страны. Они пишут: «Главная причина японско-русской войны заключается в том, что, осуществив мощное увеличение сухопутной армии, Россия стала серьезно наращивать свои силы в Маньчжурии и с каждым днем усиливала свое давление на Корейском полуострове... Для Японии Японско-русская война являлась в буквальном смысле слова битвой, в которой решался вопрос о том, сохранится ли она как государство или прекратит свое существование.

То обстоятельство, что она напала без объявления войны — это правда. Однако прежде, чем переступить грань войны, Япония, объявив о разрыве межгосударственных отношений, молчаливо выразила свою волю в отношении войны...

Япония заразилась хищнической манерой поведения других держав Европы и Америки. Пожалуй, можно считать, что типичным примером этого является Японо-китайская война (1894—1895)... Одержав победу, Япония отторгла от цинского Китая остров Тайвань и Ляодунский полуостров... Объединившись с Германией и Францией, Россия оказала давление на Японию, и она возвратила Китаю Ляодунский полуостров... Прибегнув к силе, Россия арендовала у Китая Ляодунский полуостров... В результате растущих appetитов России в отношении Кореи противостояние между Японией и Россией приобрело решительный характер... Стремясь устранить влияние России на Корейском полуострове, Япония выдвигала различные компромиссные предложения, но Россия их проигнорировала и даже, наоборот, продолжала наращивать свои войска на Дальнем Востоке. В

январе 1904 г. в России был отдан приказ о мобилизации войск на Дальнем Востоке и в Сибири. И тогда Япония прервала дипломатические отношения с Россией и, нанеся удар по порту Порт-Артур, разожгла пожар японско-русской войны»^{78}.

Стремление японских авторов возложить основную вину за начало войны на Россию и по возможности оправдать свою страну понятно. При этом очевидно намерение представить Японию не активным участником империалистической борьбы, а чуть ли не невинной жертвой российской политики, якобы вынужденно напавшей на своего могущественного северного соседа от отчаяния, защищая свое «право на существование». В действительности же Россия никогда не угрожала собственно Японии, не помышляла завоевывать японскую метрополию и рассматривала это государство лишь как одного из геополитических соперников на азиатском континенте. Японские правящие круги были озабочены не выживанием и защитой независимости своей нации, а утверждением путем победоносных войн своей страны в качестве государства, способного вытеснить европейцев и американцев из Восточной Азии и создать здесь «великую империю Ямато».

Попытки оправдаться тем, что японское правительство, прервав дипломатические отношения, тем самым как бы предупредило Санкт-Петербург о скором начале войны, едва ли можно признать состоятельными. Напротив, японское командование предпринимало все возможное для обеспечения внезапности нападения. Не исключено, что заявление о разрыве отношений преследовало цель спровоцировать Россию на первый удар, что делало бы ее зачинщиком войны. Однако следует признать, что намерение возложить ответственность за войну на японцев было и у русского царя. 26 января 1904 г. Николай II телеграфировал своему наместнику Алексееву: «Желательно, чтобы японцы, а не мы открыли военные действия».

Поэтому если они не начнут действий против нас, то вы не должны препятствовать их высадке в южную Корею или на восточный берег до Гензана включительно. Но если на западной стороне Кореи их флот с десантом или без него перейдет к северу через 38-ю параллель, то вам предоставляется их атаковать, не дожидаясь первого выстрела с их стороны. Надеюсь на вас. Помогите вам Бог!»

Этим указаниям царя предшествовала «циркулярная телеграмма министра иностранных дел императорским российским

представителям за границей» от 24 января 1904 г., в которой ответственность за возможное крайнее обострение отношений возлагалась на японскую сторону. Телеграмма гласила: «По поручению своего правительства, японский посланник при Высочайшем Дворе передал ноту, в коей доводится до сведения императорского правительства о решении Японии прекратить дальнейшие переговоры и отозвать посланника и весь состав миссии из Петербурга.

Вследствие сего Государю Императору благоугодно было Высочайше повелеть, чтобы российский посланник в Токио со всем составом императорской миссии безотлагательно покинул столицу Японии.

Подобный образ действий токийского правительства, не выждавшего даже передачи ему отправленного на днях ответа императорского правительства, возлагает на Японию всю ответственность за последствия, могущие произойти от перерыва дипломатических сношений между обеими империями»^{79}.

Последствия не заставили себя долго ждать. В ночь на 27 января (8 февраля) 1904 г. без объявления войны внезапным нападением флота под командованием адмирала Х. Того на русскую эскадру в Порт-Артуре с одновременной высадкой десантов на территорию Кореи Япония начала военные действия против России. В донесении Того от 28 января сообщалось: «Соединенный флот, покинув Сасэбо 26 января, направился, как было проектировано. Наши миноносцы атаковали неприятеля в полночь 26-го сего месяца. В то время большая часть русских военных судов находилась на внешнем рейде Порт-Артура, и я могу сказать с уверенностью, что военное судно типа «Полтава», крейсер «Аскольд» и еще два судна получили повреждения.

Наш флот появился перед входом в Порт-Артур в 10 часов утра 27 января и около полудня атаковал русский флот, который все еще находился на внешнем рейде. Атака продолжалась около 40 минут. Результаты еще не вполне известны, но я думаю, что это причинило неприятелю немало вреда и сильно деморализовало его. Кажется, суда неприятеля втягиваются одно за другим на внутренний рейд. В 1 час дня я прекратил сражение и приказал моему флоту покинуть место действия. В этом бою нашему флоту причинен весьма небольшой вред, и его боевой готовности не нанесен почти никакой ущерб. Потери около 58 человек, в том числе 4 убито и 54 ранено»^{80}.

В ту же ночь моряки русского крейсера 1-го ранга «Варяг» и канонерки «Кореец» самоотверженно сражались с превосходящими силами японского флота в корейском порту Чемульпо. Предпочитая смерть сдаче в плен, русские моряки сами затопили свои корабли.

Так под покровом ночи Япония развязала войну с Российской империей. В то время лишь немногие могли предсказать победу молодой дальневосточной державы. Американский исследователь международных отношений на Дальнем Востоке Дж. Ленсен отмечал: «Начало войны между Россией и Японией в 1904 году не явилось неожиданностью. Наблюдатели многих стран, включая Россию, ожидали ее. Но никто, кроме японцев, не верил в поражение русской сухопутной армии»^{81}. Военные обозреватели России писали в 1903 году: «Невероятно, чтобы русский флот потерпел поражение, невероятно также и то, что японцы будут высаживаться в Чемульпо и Ляодунском заливе»^{82}. Однако все произошло именно так.

Черета поражений

Как уже отмечалось, генеральный штаб русской армии до самой войны с Японией не имел разработанного плана войны на Дальнем Востоке. Планированием боевых действий на случай войны в этом регионе занимался штаб Приамурского военного округа. Разработанный в конце 1898 г. план имел пассивно-оборонительный характер и предусматривал защиту Южно-Уссурийского края и Порт-Артура до прибытия главных сил из центральных районов России. При этом боевые действия сухопутных войск не координировались с операциями флота. Пассивная оборона предусматривалась и утвержденным в августе 1901 г. Николаем II новым планом, согласно которому боевые действия русских войск должны были развиваться в зависимости от действий противника. Ставились ограниченные задачи по удержанию Владивостока и Порт-Артура. При этом допускалось даже «отказаться от обороны Сахалина и не только не увеличивать число войск, там расположенных, но, напротив того, уменьшить их до последней возможности».

Наступательные действия планировались не ранее семи месяцев после начала войны, то есть после создания численного превосходства русской армии над японской. Столь большой срок для переброски войск был вызван незавершенностью строительства Сибирской железнодорожной магистрали, а потому ее низкой пропускной способностью. По разработанному осенью 1903 г. плану, накопив достаточно войск, русская армия должна была вытеснить японцев из Маньчжурии и Кореи и завершить войну разгромом японских вооруженных сил непосредственно на Японских островах.^{83}.

К планированию войны с Японией на море также приступили с большим опозданием — лишь в 1901 г. Первоначально предусматривалось, что базирование главных сил Тихоокеанской эскадры будет осуществляться на Владивосток. Однако назначенный в 1903 г. наместником на Дальнем Востоке адмирал Алексеев добился сосредоточения флота в Порт-Артуре, дабы «приблизить его к театру военных действий». Российский флот должен был воспрепятствовать проникновению японского флота в Желтое море, а также не допустить высадку противника на западном побережье Кореи. С этой целью на

предполагаемых направлениях действий японского флота предусматривалась постановка минных заграждений, в первую очередь у Порт-Артура и Владивостока. В целом же для флота также определялась тактика пассивной обороны до подхода подкреплений. В инструкции командиру Тихоокеанской эскадры предписывалось «как можно дольше сохранить свои морские силы и никоим образом не проводить рискованные предприятия, хотя бы и смелые, каких, наверное, от флота будет ждать общественное мнение и даже часть личного состава»^{84}.

С другой стороны, планы Японии на войну против северного соседа были тщательно разработаны и имели активно-наступательный характер. В стратегическом отношении японское командование исходило из неподготовленности России к войне на Дальнем Востоке и преимуществ Японии в связи с ее близостью к театру военных действий. Благоприятно складывалась для Токио и внешнеполитическая ситуация, когда его союзные отношения с Великобританией практически исключали помощь России со стороны других европейских государств.

Свидетельством того, что вооруженные столкновения начались отнюдь не спонтанно лишь из-за недружественной политики России, являлась развернутая задолго до начала войны и охватившая не только дальневосточные районы, но и практически всю российскую территорию, а также Маньчжурию и Корею шпионско-разведывательная деятельность японских генерального и главного морского штабов. В результате японское командование имело достаточно подробные данные о наличных воинских частях и военномобилизационных возможностях России^{85}.

Кроме информации чисто военного характера, засланные в Россию японские лазутчики активно собирали сведения о внутривнутриполитическом положении страны, в частности о росте недовольства народа своим тяжелым положением, деятельности революционных организаций, направленной против царизма, за социально-экономические преобразования в стране. Характеризовавшие нарастание революционной ситуации внутренние волнения, необходимость для властей использовать часть войск для подавления антиправительственных выступлений, апатия народных масс серьезным образом учитывались японским командованием при

планировании войны. Расчет делался и на то, что война на чужой, неведомой территории за непонятные цели скажется на моральном духе русских войск. И этот расчет в значительной степени оправдался. Генерал Куропаткин признавал, что при мобилизации «запасные собирались без одушевления и частью с унынием»^{86}.

Если план русских состоял в том, чтобы не вести активных боевых действий до сосредоточения в Маньчжурии крупных сил, то японцы преследовали прямо противоположные цели. Ставилась задача в первые же дни войны завоевать господство на море, уничтожив или блокировав Тихоокеанскую эскадру в Порт-Артуре, и после высадки в Корею и на Ляодунском полуострове разгромить русскую армию в Маньчжурии до подхода войск из центральных районов России. Одновременно надлежало захватить весь остров Сахалин. В основе стратегии Японии лежала идея быстрой победы, ибо одержать верх над могущественной Российской империей в длительной войне было невозможно.

В пользу Японии было то, что русскому командованию не удалось правильно определить наличные силы и мобилизационные возможности противника, а потому оно относилось к нему с явной недооценкой. Так, генерал Куропаткин исходил из того, что Япония сможет выставить в войне лишь около 125 тыс. солдат и офицеров при наличии резервов в 400 тыс. человек. На деле же к февралю 1904 г. сухопутные силы Японской империи насчитывали 850 тыс. бученных солдат, а со всеми видами резервов для пополнения ее численность составляла 4 млн. 250 тыс. человек^{87}. К 1 января 1904 г. русские войска на Дальнем Востоке насчитывали 94,6 тыс. солдат и 3,2 тыс. офицеров. Японцы же подготовили для войны 142,6 тыс. солдат и 8,1 тыс. офицеров.

К моменту нападения Японии русская эскадра на Дальнем Востоке состояла из 7 эскадренных броненосцев, 4 броненосных и 7 легких крейсеров, 37 эскадренных миноносцев и миноносцев и 2 минных крейсеров (минных заградителей). В русской эскадре было на один броненосец больше, но у японцев было вдвое больше броненосных и легких крейсеров. Серьезным недостатком русской эскадры было то, что в нее входили как новые корабли, так и устаревшие, имевшие слабое бронирование и недостаточную скорость хода. В японском же флоте преобладали корабли новой постройки. К началу войны Япония

располагала флотом в 168 кораблей водоизмещением 265 тыс. тонн. Все боеспособные корабли были сведены в Соединенный флот. Командующий флотом вице-адмирал Х. Того слыл искусным стратегом, имевшим опыт боевых действий на море во время Японо-китайской войны.

После внезапного нападения на Порт-Артур русская эскадра не потеряла своей боеспособности. Однако, согласно указанию Алексеева, ответные действия были ограничены лишь постановкой минных заграждений, чтобы не допустить японские корабли к Порт-Артуру и Дальнему. Японцы же задались целью запереть русские корабли на внутреннем рейде. Для этого в ночь на 11 (24) февраля была предпринята попытка проникнуть во вход на внутренний рейд и затопить на фарватере пароходы-брандеры. Однако огнем береговых батарей и эскадры удалось сорвать этот японский план.

24 февраля (8 марта) в командование Тихоокеанской эскадрой вступил один из лучших адмиралов русского флота, проявивший себя в Русско-турецкой войне 1877—1878 гг. вице-адмирал С.О. Макаров. Новый командующий являлся сторонником активных наступательных действий, но он видел слабости и серьезные недостатки вверенной ему эскадры. В своем рапорте наместнику он писал: «Несмотря на всякие несовершенства и недостатки... я нахожу, что мы могли бы рискнуть теперь же попробовать взять море в свои руки и... постепенно увеличивать район действий эскадры; я предусматриваю генеральное сражение, хотя благоразумие подсказывает, что теперь еще рано ставить все на карту»^{88}.

Боевые действия японцев на море сопровождались началом высадки их сухопутных сил в Корею. Перед русской Маньчжурской армией Алексеев поставил задачу: «...Притянуть на себя японскую армию, дабы не дать ей возможности всеми силами обрушиться на Порт-Артур, и задержать ее наступление через реку Ялу и далее к линии Китайско-Восточной железной дороги с целью выиграть время для сосредоточения наших резервов, подходящих из Западной Сибири и Европейской России... Выставив заслон в стороне от Кореи, смотря по обстоятельствам, действовать... на тылы сообщения противника, оперирующего против Артура»^{89}.

Из-за недостатка сил и их разбросанности выполнить эти задачи было трудно — во второй половине марта японцы заняли Пхеньян, а к

10 (23) апреля 45-тысячная 1-я армия под командованием Куроки завершила сосредоточение на левом берегу реки Ялу. Перед противостоявшими этой армии русскими войсками была поставлена противоречивая задача: «Всеми мерами избегать решительного боя с превосходящим в силах противником и не допустить подвергнуть себя поражению до отхода на главные силы нашей армии...», и в то же время надлежало «дать противнику отпор с должной твердостью, но и с благоразумием».

Первое серьезное сражение произошло в середине апреля на реке Ялу, в котором русская армия потерпела поражение. Подавив русскую оборону, японская армия стала продвигаться в Маньчжурию. Русские потеряли в боях 3 тыс. человек. Потери японцев составили 1036 человек. Как отмечали военные историки, «поражение на реке Ялу произвело тяжелое впечатление на русские войска и оказало существенное влияние на дальнейший ход боевых действий русской армии. Оно подорвало веру солдат в своих военачальников и создало ошибочное мнение о силе и возможностях противника. Куропаткин решил всеми мерами избегать решительного сражения до прибытия подкреплений...»^{90}. Японцев же победа воодушевила, подняла боевой и моральный дух их армии, вселила веру в способность не только на равных сражаться с русскими, но и одерживать верх.

В мае японские армии, высадившись на Ляодунском полуострове, блокировали Порт-Артур. Для обороны крепости были выделены четыре дивизии и 1-й Сибирский корпус. Однако даже при таком усилении соотношение сил складывалось в пользу японской стороны. Попытки отбросить японцев от Порт-Артура желаемых результатов не давали. Более успешными были вылазки кораблей русской эскадры с целью отвлечь японский флот от блокады и не допустить переброски на материк дополнительных сухопутных сил противника, в частности японской 4-й армии.

30 мая японцы захватили незащищенный порт Дальний. Армия генерала Ноги продолжала осаду Порт-Артура, а армия генерала Оку с основными силами двинулась на север, в Маньчжурию. В сентябре японские войска предприняли второй штурм крепости. Японские офицеры гнали солдат в многочисленные атаки, не считаясь с потерями.

Бетонные казематы разрушались обстрелом из 11-дюймовых гаубиц. Несмотря на героизм защитников крепости, в течение трех месяцев отбивавших штурмовавших ее японцев, и решение большинства участников заседания военного совета продолжать оборону, командующий русскими войсками на Квантунском полуострове генерал-адъютант А.М. Стессель 20 декабря 1904 г. (2 января 1905 г.) подписал капитуляцию. Однако победа дорого обошлась Японии — ее армия потеряла в общей сложности более 110 тыс. человек и 15 боевых кораблей. 16 кораблей получили серьезные повреждения. Командующий осадной армией генерал Ноги признавался впоследствии: «Единственное чувство, которое я в настоящее время испытываю, — это стыд и страдание, что мне пришлось потратить так много человеческих жизней, боевых припасов и времени на недоконченное предприятие». Смысл сказанного состоял в том, что, несмотря на многократное превосходство в силах, японской армии не удалось овладеть крепостью в открытом бою.^{91}.

Падению Порт-Артура предшествовала Ляоянская операция, которая, несмотря на превосходство в силах и средствах, также окончилась неудачей для русской армии. С потерей в конце августа Ляояна в руки японцев перешла весьма важная база русских войск в Маньчжурии с большими запасами вооружения, снаряжения и продовольствия. В ходе этой операции русские потеряли 541 офицера и 16 493 рядовых, японцы — 600 офицеров и 23 243 рядовых.^{92}.

Стремясь перехватить инициативу и добиться перелома в ходе войны в свою пользу, правительство требовало от Куропаткина предпринять наступательные действия, которые могли бы отвлечь осаждавшие Порт-Артур японские войска. Однако предпринятое на широком фронте сражение у реки Шахэ проходило с переменным успехом. Русским удалось лишь овладеть несколькими сопками, после чего противники остановились на занимаемых рубежах, на которых и оставались до начала Мукденской операции.

После трех месяцев позиционного противостояния, дабы не допустить вызванной чередой поражений деморализации русской армии, правительство решило предпринять широкое наступление в Маньчжурии. К этому времени после отзыва Алексеева в Петербург главнокомандующим всеми войсками на Дальнем Востоке стал генерал Куропаткин, которому было поручено разработать план наступления и

осуществить его. В основу плана была положена идея нанесения разновременных ударов с целью вытеснения противника из ряда районов. Ставилась задача овладеть позициями между реками Хуньхэ и Шахэ, после чего отбросить противника за реку Тайцзыхэ.

Первые сражения были предприняты 12—15 января 1905 г. Добившись ценой немалых потерь определенного успеха и потеснив противника, русские войска неожиданно были остановлены и отведены на прежние позиции. Избегавший активных наступательных действий Куропаткин из-за своей нерешительности не позволил закрепить успех. Доклад генерала в Петербург был весьма противоречив: «...Войска вели себя отлично. С наступлением темноты... части, выполнив возложенную задачу, были отведены назад, не преследуемые противником». Однако царское правительство потребовало продолжать наступление Маньчжурской армии. В районы боевых действий один за другим направлялись эшелоны с подкреплением, артиллерией и боеприпасами. К генеральному сражению, которое должно было во многом решить исход войны, готовилось и японское командование.

К началу февраля в русской Маньчжурской армии насчитывалось более 300 тыс. человек. Силы японцев составляли 270 тыс. человек, но их армия в четыре раза превосходила русскую по количеству пулеметов, что создавало большое преимущество.

Недостатком русских войск было их развертывание для проведения Мукденской операции на 100-километровом фронте в одну линию, что весьма затрудняло осуществление быстрого маневра. Японское же командование, не имея общего превосходства в силах, планировало сосредоточение сил на определенных направлениях. В пользу японцев было и то, что им удалось упредить намеченное на 12 (25) февраля начало наступления войск Маньчжурской армии. Свое наступление они предприняли 5 февраля, захватив инициативу в развернувшемся сражении.

После нескольких дней ожесточенных боев, в которых солдаты и офицеры обеих сторон демонстрировали образцы храбрости и героизма, 24 февраля (9 марта) японским войскам удалось прорвать фронт русских восточнее Мукдена и переправиться через реку Хуньхэ. Отчаявшись, потерявший веру в успешном завершении Мукденской операции генерал Куропаткин отдал приказ об отступлении.

Ответственность за очередное поражение русской армии была возложена на командующего — он был смещен с должности.

Под Мукденом общие потери русских убитыми, ранеными и пленными составили около 90 тыс., японцы же потеряли 71 тыс. человек^{93}. Хотя результаты сражения означали крупный успех японских войск, им не удалось завершить операцию разгромом русских армий, которые довольно быстро не только восстановили боеспособность, но и были значительно пополнены. К концу августа в составе русских армий на маньчжурском театре военных действий насчитывалось 788 тыс. человек, 150 тыс. человек находились в Приморье и в тылу. При этом планировалось дальнейшее наращивание сил. С другой стороны, мобилизационные и финансовые ресурсы Японии иссякали. Токио требовалось решающее сражение, которое убедило бы русское правительство признать если не поражение, то, по крайней мере, неспособность удержать Корею и Маньчжурию. К решающему сражению стремилось и царское правительство, вознамерившееся победой на море взять реванш за поражения своих сухопутных сил. С этой целью на Дальний Восток направлялась Балтийская эскадра под командованием адмирала З.П. Рожественского.

Покинув 15 октября 1904 г. Либавский порт, эскадра достигла театра военных действий лишь в мае следующего года, когда японцы уже всесторонне подготовились к предстоящим сражениям. Японское командование считало возможными три варианта плана русских. Во-первых, переход во Владивосток чтобы, опираясь на эту базу, начать боевые действия против японского флота. Во-вторых, переход в Южно-Китайское море, откуда эскадра стала бы постепенно вытеснять японские корабли на север. В-третьих, захват опорного пункта близ Формозы (Тайвань) или на одном из Японских островов и создание там базы, позволяющей эскадре готовиться к предстоящим боям за господство на море^{94}. Исходя из этих вариантов, командующий Соединенным флотом адмирал Того счел выгодным разместить свои основные силы в Корейском проливе, откуда можно было выдвинуться навстречу русским кораблям при любом развитии обстановки.

У Рожественского же никакого разработанного плана на сражение не было — принимать решения предстояло в зависимости от действий японского флота. Тем самым инициатива заведомо отдавалась противнику. Командующий видел своей главной задачей прорыв во

Владивосток. При этом считалось, что потери при прорыве будут не столь велики. Из соображений экономии топлива было решено идти кратчайшим путем через Корейский пролив. Это создало для японцев большое преимущество, так как, видя все маневры и перестроения русской эскадры, можно было легко выбирать уязвимые цели. При этом ставилась задача как можно скорее поразить сосредоточенным огнем флагманские корабли русских, лишив эскадру управления. Не ограничиваясь боевыми действиями в светлое время суток, японское командование планировало многочисленные ночные атаки миноносцев, чтобы не дать русским оправиться от последствий дневных боев.

Морское сражение началось 14 (27) мая 1905 г. в узком Цусимском проливе, войдя в который эскадра растянулась на несколько миль. Японцы стремились с самого начала охватить головные русские корабли. Рожественский также попытался сосредоточить огонь своих кораблей на флагманском броненосце «Микаса». Однако сразу же проявилось превосходство японцев в артиллерии и слабость бронирования русских кораблей. Пушки русских из-за недостаточной дальности стрельбы часто просто не доставали кораблей противника. Японцы же набрасывались на избранные цели крупными силами. Подчас русскому броненосцу приходилось вести заведомо проигрышную артиллерийскую дуэль с 10—12 кораблями противника. При этом довольно скоро было потеряно управление эскадрой — команды русских кораблей мужественно сражались практически без указаний, не выполняя какой-либо замысел или тактический маневр, а просто отбиваясь от наседавшего врага.

Довольно быстро сосредоточенным огнем из строя были выведены флагманские корабли — броненосцы «Ослябя» и «Князь Суворов». Во главе эскадры стал броненосец «Император Александр III», а затем его сменил броненосец «Бородино», который скоро также был подбит. В результате дневного боя 14 мая из 4 новых эскадренных броненосцев три и несколько других кораблей погибли, что привело к уничтожению боевого ядра Второй Тихоокеанской эскадры. С наступлением темноты для уничтожения оставшихся русских кораблей было послано 60 японских миноносцев. В итоге ночного рейда были потоплены или выведены из строя броненосцы «Наварин» и «Сисой Великий», а также крейсера «Владимир Мономах» и «Адмирал Нахимов». К утру 15 мая Вторая Тихоокеанская эскадра как организованная боевая сила

перестала существовать. Соединения и отдельные корабли ее были разбросаны по Корейскому проливу и не имели между собой связи^{95}.

Оставшиеся на плаву русские корабли продолжали сражаться и наносить урон японскому флоту, но изменить результаты сражения уже было невозможно. Владивостока достигли лишь несколько кораблей эскадры. Поражение было сокрушительным — Вторая Тихоокеанская эскадра потеряла 8 эскадренных броненосцев, 8 крейсеров, 6 эскадренных миноносцев и другие корабли. Из 17 кораблей 1-го ранга 11 погибли, 2 были интернированы, 4 пленены. Потери японского Соединенного флота были невелики — 3 потопленных миноносца и несколько поврежденных кораблей.

В неравной борьбе с превосходящими силами противника погибло 5045 русских моряков, более 800 было ранено и контужено, 6106 человек попали в плен. У японцев было 699 убитых и раненых. Внимательно анализирувавший ход войны В.И. Ленин так определил результаты Цусимского сражения: «Этого ожидали все, но никто не думал, чтобы поражение русского флота оказалось таким беспощадным разгромом... Русский военный флот окончательно уничтожен. Война проиграна бесповоротно...»

После победы на море японцы предприняли операцию по захвату Сахалина. 24 июня (7 июля) 1905 г. японская эскадра из 53 судов, в том числе 12 транспортов, подошла к побережью залива Анива (Южный Сахалин), где был высажен десант, а 11 июля японские войска высадились в районе поста Александровский на Северном Сахалине. Для захвата острова была выделена целая дивизия (около 14 тыс. солдат и офицеров). В течение нескольких дней немногочисленный русский гарнизон, ведя артиллерийский огонь, не позволял противнику продвинуться в глубь острова. Потери японцев с момента высадки составили 70 человек, включая и офицеров. Отдельные бои и стычки русских отрядов и партизан, как на юге Сахалина, так и в северной его части продолжались до 16 (29) июля. Спротивление прекратилось лишь тогда, когда у оборонявших остров не осталось боеприпасов и продовольствия и они вынуждены были принять предложение японского командира десанта Харагути сдаться. Хотя в военном отношении захват Сахалина не оказал существенного влияния на ход и исход войны, его потеря имела важное политическое и морально-

психологическое значение, ибо это была единственная оккупированная японцами часть территории собственно Российской империи.

Граф-«полусахалинский»

В посвященной истории Японско-русской войны литературе нет общего мнения по поводу согласия царя и российского правительства начать мирные переговоры с Японией. Так, бывший командующий русскими войсками на Дальнем Востоке генерал Куропаткин считал такое согласие поспешным и неоправданным. Он справедливо указывал на то, что одержанные японскими армией и флотом победы дались дорогой ценой: «...Японцы потеряли только убитыми и умершими от ран до 110 тыс. человек, то есть цифру, равную всему составу армии в мирное время. Наши потери сравнительно с миллионной армией были в несколько раз меньше, чем у японцев. Во время войны в японских лечебных заведениях пользовалось около 554 000 человек, в том числе 220 000 раненых. Вместе с умершими от болезней японцы потеряли убитыми и умершими от ран и болезней 135 000 человек. В особенности японцы несли сильные потери в офицерах»^{96}. Безвозвратные потери России убитыми составили 50 тыс. человек, а Японии — 86 тыс. человек.

Генерал отмечал, что по мере продвижения японцев в Маньчжурии европейские державы и США уже с меньшим желанием соглашались продолжать финансировать ведение Японией войны. Он отмечал: «... Первоначально казалось весьма выгодным для усиления положения Германии и Англии втянуть Россию в войну с Японией и, ослабив эти две державы, связать им руки: одной — в Европе, другой — в Азии. Но вовсе не в интересах европейских держав было допустить полное торжество японцев на маньчжурских полях сражений. Соединившись с Китаем, победоносная Япония еще выше поставила бы на своем знамени клич: “Азия для азиатов”. Крушение всех европейских и американских предприятий в Азии было бы первой целью действий новой великой державы, а конечной целью ставилось бы изгнание европейцев из Азии». Отсюда делался вывод: «Мы могли воспользоваться поворотом общественного мнения и, прежде всего, затруднить снабжение японцев деньгами. Требовался один крупный успех наших войск, чтобы в Японии и в японских войсках реакция проявилась в сильной степени. Вместе с истощением денежных средств, при упорном продолжении нами войны, мы скоро могли бы

поставить Японию в необходимость искать почетного и выгодного для нас мира». {97}.

С точки зрения соотношения сил противоборствовавших сторон с мнением бывшего главнокомандующего можно согласиться. Военные ресурсы России были велики — ее людские и материальные резервы позволяли продолжать войну и в конце концов вытеснить Японию со всех захваченных ею позиций, возможно и из Кореи. К лету 1905 г. Россия, увеличив пропускную способность Сибирской железнодорожной магистрали, добилась заметного численного превосходства своей армии. Численность русских армий в Маньчжурии была доведена до 445 500 штыков против 337 500 штыков японских {98}. Исследователи этого вопроса отмечали, что «даже после цусимской катастрофы соотношение военных сил на суше вовсе не предопределяло для России необходимости тяжелого и унижительного мира» {99}.

Однако царское правительство, будучи весьма обеспокоено масштабами революционного движения в стране, считало необходимым как можно скорее завершить непопулярную в народе войну и сосредоточиться на борьбе с внутренними врагами. Повсеместные забастовки, крестьянские восстания, проникновение революционных настроений в армию и на флот создавали реальную опасность для царизма. По сравнению с этой грозной опасностью перспектива признания поражения на Дальнем Востоке казалась не столь уж катастрофичной.

В Токио также стремились завершить войну на пике военных успехов своей страны, отчетливо сознавая, что длительную кампанию с Россией Японии не выдержать. Война до крайности истощила японскую казну и практически вычерпала все резервы. К тому же отвлечение в армию и на военные работы до 10 млн. человек создавало серьезные проблемы для экономики страны. Из-за нехватки «пушечного мяса» шла мобилизация в армию допризывной молодежи и уже отслуживших свой срок пожилых людей. С трудом удавалось поддерживать моральный дух пополнявшейся за счет малообученных призывников японской армии — отмечались случаи, когда солдаты отказывались идти в атаку.

О том, что японское правительство изначально рассчитывало на краткосрочный характер военных действий, свидетельствует факт

разработки им еще в августе 1904 г. конкретных условий заключения мира. В перечне японских условий предусматривалось: Россия признает право Японии на свободу действий в Корее; её войска выводятся из Маньчжурии; КВЖД используется исключительно для торгово-промышленных целей; Япония получает железную дорогу Харбин — Порт-Артур; Япония занимает Ляодунский полуостров. В «зависимости от ситуации» надлежало настаивать на покрытии Россией военных расходов Японии, то есть выплате контрибуции, а также уступке всего Сахалина и предоставлении Японии права на рыболовство в российских водах Приморья.^{100} Следует отметить, что инициативу мирных переговоров проявили японцы, когда в июле 1904 г. попытку соответствующего зондажа предпринял японский посланник в Лондоне Хаяси.^{101}

К лету 1905 г. Япония потратила на войну около 2 млрд. иен, а ее государственный долг возрос с 600 млн. иен до 2,4 млрд. иен. Только по процентам японскому правительству предстояло ежегодно выплачивать по 110 млн. иен. Полученные на проведение войны четыре иностранных займа тяжелым грузом лежали на японском бюджете.

Тем не менее в середине 1905 г. Япония была вынуждена взять новый заем. Понимая, что продолжение войны по причине отсутствия должного финансирования становится невозможным, японское правительство под видом «личного мнения» своего военного министра Тэраути через американского посланника еще в марте 1905 г. довело до сведения президента США желание войну закончить. Так как японцы не хотели, чтобы официальное предложение о мире исходило от них, расчет делался на посредничество США. Министр иностранных дел Японии Комура заявлял американскому послу, что японское правительство ожидает от президента Рузвельта помощи в склонении русского правительства к предложению начать мирные переговоры.

Как уже отмечалось, целью США было взаимное ослабление воюющих сторон, что должно было облегчить экономическое и политическое влияние в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В начале войны, в марте 1904 г., президент Рузвельт откровенно говорил германскому послу, что интересы США требуют затяжки войны между Россией и Японией. Надо, «чтобы обе державы возможно сильнее потрепали друг друга и чтобы после заключения мира не исчезли такие географические районы, в которых между ними имеются трения, так,

чтобы в отношении границ сфер их интересов они противостояли бы друг другу приблизительно так же, как и до войны. Это сохранит их в состоянии военной готовности и умерит их аппетиты в других районах. Япония в таком случае не будет угрожать Германии в Цзяочжоу, а Америке на Филиппинах». В другом случае Рузвельт замечал: «Может статься, что обе державы будут драться до тех пор, пока обе не будут полностью истощены, и тогда мир придет на условиях, которые не создадут ни желтой, ни славянской опасности».^{102}.

Для Германии, всячески подталкивавшей Николая II на войну с Японией, главным было ослабление России в Европе. С другой стороны, Берлин был заинтересован в расколе Антанты и образовании русско-германско-французского союза против Великобритании. Отсюда германский интерес «поспособствовать» России после серии позорных поражений с достоинством выйти из войны. Немцы не без основания полагали, что союзническая помощь Великобритании японцам будет расценена в Петербурге как одна из важных причин поражения, что неизбежно породит недоверие и даже враждебность к Лондону.

К лету 1905 г. для западных держав, включая и Великобританию, продолжение Японо-русской войны уже не сулило геополитических выгод. Им было выгоднее не допустить полной победы одной державы над другой. Ибо, обретя господство над Кореей и всей Маньчжурией, Япония могла накопить силы и продолжить свое движение в глубь Китая, создавая реальную угрозу интересам европейских держав и США. Будущая гегемония Японии весьма беспокоила американцев, они желали сохранения присутствия России на Дальнем Востоке в качестве противовеса японцам. Президент США испытывал по этому поводу вполне обоснованные опасения: «Для нашего покоя уничтожение России как восточноазиатской державы было бы... несчастьем».^{103}. С другой стороны, видя экономическое истощение Японии, чреватое военным ослаблением, западные лидеры опасались перехода русских войск в контрнаступление и изгнания японцев с континента. В этом случае Россия на правах победителя могла рассматривать Маньчжурию, а также Корею как свои законные завоевания. Рузвельт же считал, что русских нельзя пускать на Корейский полуостров, а Порт-Артур должен быть «срыт».

Для западных держав было выгодным способствовать заключению между Петербургом и Токио такого мира, при котором стороны

продолжали бы рассматривать друг друга в качестве «естественных врагов». При этом важно было предпринять все меры для того, чтобы полностью исключить возможность заключения российско-японского объединения на антизападной основе. Для достижения этих целей надлежало контролировать процесс завершения войны и выработки условий мирного соглашения. Отсюда в Вашингтоне родилась идея сыграть роль посредника в организации российско-японских переговоров о мире. Однако не желавшее выступать в качестве стороны, просящей о мире, царское правительство не сразу откликнулось на предпринятый в марте 1905 г. зондаж Рузвельта. Тем не менее тогда же российский министр иностранных дел через французов довел до сведения японцев позицию своего правительства, которая была сформулирована в виде своеобразного меморандума о четырех «нет». Из повестки будущих переговоров о мире Петербург заведомо исключал согласие на уступки какой-либо части русской территории, уплату военной контрибуции, изъятие железнодорожных линий по направлению к Владивостоку, уничтожение русского военного флота на Тихом океане. Не согласившись заранее принимать эти условия, японское правительство, тем не менее, от переговоров не отказалось. При этом, сознавая свою неопытность в проведении столь трудных и ответственных дипломатических переговоров, Токио предпочел заручиться поддержкой влиятельных держав мира, в первую очередь демонстрировавших свой «нейтралитет» Соединенных Штатов. Рузвельт соглашался на посредничество, но стремился оговорить его обязательством японцев придерживаться в Маньчжурии провозглашенного США принципа «открытых дверей».

Если до Цусимского сражения осуществлялся лишь закулисный дипломатический зондаж, то в конце мая японское правительство сочло выгодным, воспользовавшись поражением флота России, попытаться навязать царскому правительству свои условия мира. 31 мая японский министр иностранных дел Комура через японского посла в Вашингтоне обратился к Рузвельту с просьбой, выступив «всецело по своей инициативе», пригласить воюющие стороны для переговоров друг с другом. Так как американцы были готовы к такому развитию событий, спустя несколько дней, 5 июня, президент поручает своему послу в Петербурге испросить аудиенцию у царя и от имени США предложить ему организовать встречу представителей России и Японии для начала

переговоров о прекращении боевых действий и выработки мирного договора.

Узнав о намерениях американцев, царь незамедлительно созвал военное совещание под своим председательством. Присутствовавшие на совещании влиятельные члены августейшей фамилии с самого начала выступили поборниками завершения войны. Их главный довод состоял в том, что «следует искать мира, пока нам не нанесен решительный удар». При этом открыто высказывался страх перед надвигавшейся революцией. Дядя царя, великий князь Владимир Александрович, возражал сторонникам продолжения войны: «...Нам нужнее внутреннее благосостояние страны, чем победы... Из двух бед надо выбирать меньшую... Необходимо вернуть внутренний покой России». Николай II соглашался с тем, что для подавления революции следует выйти из войны.

Генералы предлагали до начала обсуждения условий соглашения о мире активными действиями продемонстрировать японцам способность России продолжать вести войну до победного конца, что должно было умерить требования, с которыми Токио мог на пике своих успехов приступить к переговорам. При этом в качестве важного довода в пользу продолжения войны использовалась забота как о международном престиже России, так и морально-психологическом климате внутри страны. Свою озабоченность по этому поводу открыто высказывал на совещании военный министр Сахаров: «При нынешних условиях кончать войну невозможно. При полном нашем поражении, не имея ни одной победы или даже удачного дела, это — позор. Это уронит престиж России и выведет ее из состава великих держав надолго. Надо продолжать войну не из-за материальных выгод, а чтобы смыть это пятно, которое останется, если мы не будем иметь ни малейшего успеха, как это было до сего времени. Внутренний разлад не уляжется, он не может улечься, если кончить войну без победы. Не знаю настроения народа, не знаю, как он отнесется к этому вопросу, но получаемые мною письма и запросы отовсюду говорят о продолжении борьбы для сохранения достоинства и военной чести России».

Однако царь уже смирился с поражением и желал завершить войну, пока она не перекинулась на территорию российской метрополии. Он заявил: «До сих пор японцы воевали не на нашей территории. Ни один японец не ступал еще на русскую землю, и ни

одна пядь русской земли врагу еще не уступлена. Этого не следует забывать. Но завтра это может перемениться, так как, при отсутствии флота, Сахалин, Камчатка, Владивосток могут быть взяты, и тогда приступить к переговорам о мире будет еще гораздо труднее и тяжелее». Военное совещание пришло к заключению о том, что следует, не объявляя перемирия, сначала выяснить японские условия мира. Великий князь Владимир Александрович резюмировал: «...Если условия мира будут неприемлемы для нас по совести, тогда, конечно, придется продолжать войну»^{104}.

Встреча американского посла с царем состоялась 7 июня. Не без колебаний русский монарх согласился с идеей президента США о начале переговоров с японцами. Уже на следующий день Рузвельт официально обратился к воюющим державам с соответствующим предложением и заявил о готовности оказывать личное содействие в организации переговорного процесса.

В июле 1905 г. между американским военным министром Тафтом и японским премьер-министром Кацурой было оформлено соглашение, по которому США фактически присоединялись к англо-японскому союзу. При этом американцы соглашались на аннексию Японией Кореи в обмен на японские гарантии неприкосновенности Филиппин. Главным же было официальное согласие правительства США выступить посредником на российско-японских мирных переговорах. Сам факт заключения такого соглашения подразумевал содействие США в заключении мира на выгодных для Японии условиях. Укрепляло позиции Токио на переговорах и согласие Великобритании заключить англо-японский союз в новой редакции, включавшей обязательство сторон оказывать друг другу прямую военную помощь. Это означало, что в случае возникновения в будущем нового японо-русского столкновения Великобритания становилась противником России в войне. Уверения английского посла в Петербурге в обратном лишь подтверждали антироссийскую направленность англо-японского договора.

Местом мирной конференции по предложению американцев был определен курортный городок на восточном побережье США — Портсмут. Заседания начались 9 августа 1905 г. Японское правительство представляли министр иностранных дел Комура Ютаро и посол в США Такахира Когоро. Николай II назначил своими

уполномоченными председателя совета министров Витте и русского посла в США барона Р.Р. Розена. Началу переговоров предшествовали попытки президента Рузвельта в личных беседах с членами делегаций убедить их пойти на уступки друг другу. В частности, русским «советовалось» согласиться на уплату контрибуции, а японцев президент уговаривал не настаивать на разоружении Владивостока.

Японцы прибыли на переговоры, имея четкие инструкции правительства, в которых требования к России были подразделены на три категории по степени важности и обязательности выполнения. Так как японское правительство знало о категорическом несогласии царя и его правительства выплачивать контрибуцию* выдавать русские военные корабли, отказываться от Сахалина, эти и некоторые другие требования были отнесены во вторую группу уступок, которых следовало добиваться «в зависимости от обстановки». В третью группу входили предназначенные скорее для торга явно завышенные и нереальные условия: разоружение Владивостока и превращение его в чисто коммерческий порт, ограничение военно-морских сил России на Тихом океане^{105}.

Так как русской делегации было запрещено соглашаться с требованиями, затрагивающими собственно российские интересы и имущество, объектами дипломатического торга становились права двух держав в Китае и Корее. Хотя переход к Японии Порт-Артура, Даляня, Ляодунского полуострова и значительной части ведущих к ним русских железнодорожных линий означал, с одной стороны, вытеснение России из Маньчжурии, а с другой — создание Японией здесь угрожающего русским дальневосточным землям военного плацдарма, русское правительство не могло этому противиться. По сути дела, «очищение Маньчжурии» было главным условием, на которое могли согласиться русские уполномоченные ради достижения соглашения о мире. Другими словами, царское правительство намеревалось расплатиться за свою политическую и военную несостоятельность независимостью и интересами корейского и китайского народов.

Как и ожидалось, в Портсмуте японцы сначала предъявили максимальные требования. Они были сведены в 12 пунктов:

1. Россия, признавая, что Япония имеет в Корее преобладающие политические, военные и экономические интересы, обязуется не

препятствовать тем мерам руководства, покровительства или надзора, кои Япония считает нужным принять в Корею.

2. Россия обязуется совершенно покинуть Маньчжурию в течение определенного срока и отказаться от всех территориальных выгод и преимущественных исключительных концессий и прав в этой местности, нарушающих китайский суверенитет и несовместимых с принципом одинакового благоприятствования.

3. Япония обязуется возвратить Китаю под условием проведения им реформ и улучшения управления все те части Маньчжурии, кои находятся в ее оккупации, исключая те, на кои распространяется аренда Ляодунского полуострова.

4. Япония и Россия взаимно обязуются не препятствовать общим мерам, кои Китай признает нужным принять для развития торговли и промышленности в Маньчжурии.

5. Сахалин и все прилегающие острова и все общественные сооружения и имущества уступаются Японии.

6. Аренда Порт-Артура, Талиена (Дальнего) и прилегающие местности и территориальные воды, а равно все права, привилегии, концессии и преимущества, приобретенные Россией у Китая в связи или как часть этой аренды, и все общественные сооружения и имущества передаются и закрепляются за Японией.

7. Россия предоставляет и передает Японии свободную от всех претензий и обязательств железную дорогу между Харбином и Порт-Артуром и все ее разветвления вместе с правами, привилегиями, преимуществами и всеми угольными копиями, принадлежащими или разрабатываемыми в пользу железной дороги.

8. Россия удерживает и эксплуатирует Трансманьчжурскую железную дорогу на условиях и в зависимости от концессии на ее сооружение, а также под условием, что дорога будет эксплуатироваться исключительно для коммерческих и промышленных целей.

9. Россия возмещает Японии действительные издержки за войну. Размер, а равно время и способ этого возмещения будут определены впоследствии.

10. Все русские военные суда, получившие повреждения и интернированные в нейтральные порты, будут выданы Японии как законные призы.

11. Россия обязуется ограничить свои морские силы в дальневосточных водах.

12. Русское правительство предоставит японским подданным полные права рыбной ловли вдоль побережья, в заливах, гаванях, бухтах и реках своих владений и Японском, Охотском и Беринговом морях.

В качестве контрибуции японское правительство потребовало от России огромную по тем временам сумму в 1,2 млрд. иен (в то время иена равнялась приблизительно русскому золотому рублю). Для царского правительства выплата контрибуции была оскорбительной, тем более что Россия не считала себя побежденной. Понимали это и японцы, которые знали, что в случае срыва переговоров русские возобновят активные боевые действия, имея в Маньчжурии полмиллиона солдат и две тысячи орудий. В ответ на японские требования Витте резонно заявлял: «Если бы Россия была окончательно разбита, что было бы лишь в том случае, если бы японские войска пришли в Москву, тогда только мы сочли бы естественным возбуждение вопроса о контрибуции». Официальная русская позиция по вопросу о контрибуции состояла в следующем: «Военные издержки уплачиваются только странами побежденными, а Россия не побеждена. Не может считать себя побежденною страна, территория которой почти не подвергалась нападению со стороны неприятеля... Только в том случае, если бы японские войска победоносно заняли внутренние области России, страна могла бы понять возбуждение вопроса о возмещении военных издержек...» Единственное, на что соглашалась русская делегация по финансовым вопросам, была компенсация затрат на содержание в Японии русских военнопленных, да и то на основе взаимности.

Как беспрецедентное и нарушающее достоинство державы было расценено и требование передать Японии все русские военные корабли, получившие повреждения и интернированные в нейтральные порты. Не вписывалось в нормы международного права и внесение в текст мирного договора нарушавшее суверенитет России требование ограничить ее военно-морские силы. Довольно скоро японцы осознали несуразность подобных условий и отказались настаивать на их выполнении.

Центральным же вопросом мирных переговоров была судьба Сахалина. Как отмечалось выше, в июле 1905 г. весь остров был захвачен японскими войсками. Требование Токио уступить Сахалин не могло быть мотивировано какими-либо разумными основаниями и воспринималось русским правительством как агрессивное покушение на целостность Российской империи. Позиция Петербурга по поводу японских домогательств была жесткой. В инструкции в адрес Витте указывалось: «Ни пяди земли, ни копейки вознаграждения». Столкнувшись со столь твердой позицией, японцы предложили «компромисс» — Россия уступает Японии не весь, а южную половину Сахалина с уплатой 1,2 млрд. иен за сохранение в своем составе северной части острова. Нуждавшееся в деньгах японское правительство выдвинуло это предложение, стремясь получить намеченную сумму контрибуции под видом «выкупа» Россией своей же территории. Несуразность такой постановки вопроса была очевидна, поэтому Витте решительно отверг предложенный вариант.

Переговоры были прерваны, что обеспокоило не только японцев, но и американцев. Президент Рузвельт, стремясь не допустить провала своей посреднической деятельности, решил напрямую вмешаться в переговоры. Понимая, что решение о Сахалине будет приниматься на самом высшем уровне в Петербурге, он 22 августа через посла США в России направил личное послание Николаю II. В нем президент настойчиво советовал уступить японцам в их требовании южной половины Сахалина и выплате возмещения за сохранение другой половины. Свой «совет» Рузвельт сопровождал плохо завуалированной угрозой возобновления войны, в результате чего японцы могут-де захватить всю Восточную Сибирь. В своих последующих посланиях царю он обещал повлиять на японцев, с тем, чтобы сумма выкупа северной половины Сахалина была «разумной».

Приняв 23 августа американского посла, Николай, в конце концов, дал согласие учесть предложение Рузвельта и ради установления мира пожертвовать половиной принадлежавшего России острова Сахалин. В направленной 12 августа Витте телеграмме сообщалось: «...Государь император... готов уступить южную половину Сахалина, но ни в коем случае не согласен на выкуп северной, ибо, по словам его, всякий молодец поймет, что это — контрибуция»^{106}. Не имевшее резервов и не уверенное в продолжении финансовой помощи западных держав

японское правительство сочло за благо принять русское предложение: уступка половины Сахалина и полный отказ от выплаты денег, за исключением только обоюдного возмещения за содержание военнопленных.

5 сентября 1905 г. был заключен положивший конец Японо-русской войне Портсмутский мирный договор. Согласно статье 9 договора Россия уступала Японии южную часть Сахалина по 50-ю параллель. Обе стороны обязывались не возводить на острове укреплений и не препятствовать свободному плаванью в проливах Лаперуза и Татарском.

Стремясь увести Николая II от ответственности за сдачу японцам российской территории — Южного Сахалина, царское правительство и двор представляли эту уступку как проявление дипломатического таланта Витте, который якобы добился весьма многого в отстаивании на переговорах интересов России. С этой целью он был с помпой возведен в графское звание и всячески прославлен. Журнал «Нива» за 1905 г. писал: «...Наибольшие затруднения встретились по вопросу о контрибуции, уступке Сахалина, передаче Японии всех интернированных в иностранных гаванях русских военных судов и ограничения прав России увеличивать свой флот на Тихом океане. По всем этим пунктам Россия ответила категорическим отказом и только после личного вмешательства президента Рузвельта согласилась на уступку южной части острова в границах прежних японских владений. Сама по себе уступка части Сахалина для России тоже не имеет никакого практического значения, так как баснословные минеральные богатства нами не разрабатываются и потому не оправдывают значительных расходов на управление ими.

Но зато в моральном отношении эта жертва, принесенная Россией на алтарь мира, несомненно, стоит нам очень дорого, так как по общепринятому правилу уступка территории равносильна официальному признанию себя побежденной страной. Наши уполномоченные, очевидно, не хотели жертвовать реальными выгодами во имя условных понятий и предпочли уступить часть нашей области, дабы избавить свою страну от продолжения кровопролития, колоссальных военных расходов и риска новых неудач. При тех условиях, в которые мы были поставлены, более сносный мир едва ли был бы возможным. Россия имеет полное право радоваться такой

развязке и считает ее благополучной, потому что при недостаточной боевой организации армии, флота и путей сообщения с театром военных действий, при непрерывных забастовках на заводах военного и морского ведомств и беспорядках внутри империи наименьшее зло должно считаться уже за положительное благо. При наличии таких условий никто бы не решился взять на свою совесть риск продолжать войну без уверенности в победе, потому что, в случае новых неудач, заключение мира обошлось бы гораздо дороже. Простое государственное благоразумие заставило наших уполномоченных считать худой мир лучше доброй ссоры. С решимостью и хладнокровием государственных людей они пожертвовали самолюбием народа во имя его спокойствия...

Высочайшим Указом от 18-го сентября наш “мирный победитель японцев”, С.Ю. Витте, в награду за свою замечательную деятельность на портсмутской конференции возведен в графское достоинство. Награда эта, по словам Указа, даруется ему именно “в воздаяние его заслуг перед Престолом и Отечеством и отличного выполнения возложенного на него поручения первостепенной государственной важности”»^{107}.

Однако подобные славословия и панегирики не могли скрыть позор поражения царизма. Возведение «в графское достоинство» было воспринято с большой долей сарказма и издевкой — в народе Витте окрестили графом-«полусахалинским». Нелестные оценки за унижение России и многочисленные бесполезные жертвы были даны и русскому монарху, как и всему его прогнившему режиму.

Вопреки утверждениям апологетов царского режима о якобы малой значимости для России потери Сахалина отторжение южной части острова привело к принципиальным изменениям всей юридической базы территориального размежевания двух стран. Уже сам факт вероломного нападения Японии на Россию в 1904 г. являлся грубейшим нарушением положений Симодского трактата 1855 г., в котором провозглашались «постоянный мир и искренняя дружба между Россией и Японией». Воспользовавшись поражением России в войне, Япония отторгла южную часть Сахалина не по 47° северной широты, как этого добивалось японское правительство до подписания Петербургского трактата 1875 г., а по 50°, то есть территорию, на которой в прошлом японцы никогда не бывали. При этом

принципиальное значение имело то, что с момента заключения Портсмутского договора фактически прекращалось действие так называемого «обменного» договора 1875 г., ибо отторжение половины Сахалина привело к утрате смысла и содержания этого соглашения, предусматривавшего в обмен на отказ от претензий на Сахалин добровольную передачу Японии всех Курильских островов. По инициативе японской стороны в приложении к протоколам Портсмутского договора было включено условие о том, что все прежние договоры Японии с Россией аннулируются. Тем самым теряли силу Симодский трактат о торговле и границах 1855 г., «обменный» договор 1875 г. и заключенный в 1895 г. трактат о торговле и мореплавании. Это было особо оговорено в приложении к договору № 10.

Таким образом, настояв на отторжении в свою пользу южной половины Сахалина, японское правительство лишилось юридического права владеть Курильскими островами. В отсутствие, какого бы то ни было нового соглашения о принадлежности Курил в последующие годы Япония владела ими только де-факто.

Глава IV.
От союза до интервенции

Российско-японское сближение

Заклученный в 1905 г. в силу внутренних обстоятельств обеих стран российско-японский Портсмутский мирный договор не мог разрешить существовавшие между ними противоречия. Он лишь закрепил на некоторое время сложившееся положение вещей. В Токио понимали, что война была выиграна «по очкам» и в будущем неизбежны новые раунды российско-японской схватки за влияние в Северо-Восточной Азии. В России же и вовсе рассматривали результаты войны как «ничью». В официальных сводках и правительственных изданиях слово «поражение» являлось табу.

С тем чтобы ослабить обвинения правительства в неспособности отстаивать интересы страны и согласи на унизительные условия мирного договора, царские чиновники не останавливались перед фальсификацией итогов переговоров в Портсмуте. Вопреки фактам сдачи Южного Сахалина и выплаты в завуалированной форме контрибуции министр иностранных дел России А.П. Извольский утверждал, что «условия Портсмутского договора, принимая во внимание обстоятельства, сопровождающие его заключение, были весьма льготны для России. Российская империя не платила военных издержек, сохраняла свой флот и не теряла ни пяди своей национальной территории»^{108}. В действительности же царское правительство не только уступило часть территории империи, но и согласилось под видом «расходов на содержание военнопленных» выплатить Японии 46 млн. иен, то есть сумму, которая почти покрывала дефицит японского бюджета.

О том, что националистические круги Японии не были удовлетворены уступками России и требовали от нее неизмеримо больших денежных выплат «за победу» свидетельствовали массовые антиправительственные выступления в сентябре 1905 г. в Токио под лозунгами аннулирования Портсмутского договора как не отвечающего интересам Японии. Предлагалось в качестве минимальных условий добиваться контрибуции в несколько миллиардов иен, перехода под японский контроль всего Сахалина и всей КВЖД, аренды Ляодунского полуострова, отказа России от всех ее прав в Корее и Маньчжурии. В целом как в Японии, так и в России определились два подхода к

дальнейшей дальневосточной политике: одни выступали за продолжение соперничества вплоть до возобновления войны, другие же, исходя из соображений обеспечения спокойствия внутри своих стран, предлагали установить мир и добрососедство. Однако последним было трудно преодолевать сопротивление сторонников конфронтации. Имевшие немалое влияние помещичье-монархические и военно-бюрократические круги обеих стран были заинтересованы в поддержании напряженности для обоснования увеличения военных расходов. Достаточно сказать, что с 1906 по 1911 г. военные издержки Японии возросли с 23,8 до 40 процентов бюджета^{109}.

Хотя в январе 1906 г. Токио и Санкт-Петербург восстановили дипломатические отношения, период послевоенного урегулирования продолжался. Проходил он в обстановке попыток японской дипломатии, произвольно толкуя пункты мирного договора, добиваться все больших преимуществ. Особенно явственно это проявилось на переговорах о заключении торгового договора и русско-японской рыболовной конвенции.

Так как по настоянию японской стороны в связи с войной все ранее заключенные между двумя странами соглашения считались утратившими силу, необходимо было заново создавать систему договоров, регулирующих отношения в различных областях деятельности соседних государств. В частности, надлежало выработать и заключить новый договор о торговле и мореплавании. Считая себя победителем в войне, японское правительство выдвинуло целый пакет требований, существенно расширявших торговые и иные льготы Японии. Не скрывая целей широкого проникновения на русский Дальний Восток, Токио потребовал облегчить для своих граждан визовый режим при въезде на территорию России и отменить пошлины на ввозимые японскими торговцами в Приамурский край товары. В российском МИДе эти требования были расценены как неприемлемые, ибо «могли бы привести к мирному экономическому захвату этого непочатого края...». Тем не менее стремление как можно скорее нормализовать отношения со своим дальневосточным соседом побуждало российское правительство изыскивать пути к компромиссам. Так, например, стороны согласились, что визы японцам будут оформляться лишь на полгода при взимании за это незначительной суммы в 50 копеек. Вместе с тем прибывающим на

российскую территорию японцам на основах взаимности предоставлялось право приобретать недвижимость в России, заниматься земледелием, ремеслами и промыслом.

Если в вопросах установления правил на своей территории русские власти еще могли вести с японцами дипломатический торг, то в отношении Маньчжурии такие возможности были ограничены декларацией принципа «открытых дверей». Здесь приходилось мириться с реально существовавшим соотношением сил. МИД России разъяснял правительству: «В неравной борьбе за преобладание в Маньчжурии нам как слабейшей стороне придется уступать, притом не только в пределах бесспорного японского влияния, но даже в Северной Маньчжурии в сфере наших реальных интересов...»^{110}.

С большим трудом продвигались и переговоры о заключении русско-японской рыболовной конвенции. Согласно статье 11 Портсмутского договора, Россия принимала на себя обязательство «войти в соглашение в видах предоставления японским подданным прав по рыбной ловле вдоль берегов русских владений в морях Японском, Охотском и Беринговом». Японцы с самого начала переговоров стремились расширить толкование этого положения, выторговать для себя дополнительные преимущества и привилегии. В японском проекте соглашения речь шла уже не только о «рыбной ловле», но о праве добывать в русских территориальных водах любые морепродукты, включая животных и морские растения. Предлагалось предоставить японским подданным «право рыбной ловли и добывания всякого рода рыбы и продуктов моря во всех частях русских территориальных вод морей Японского, Охотского и Берингова, где русским подданным разрешается заниматься рыболовством...». При этом предъявлялись претензии на добычу млекопитающих — китов, котиков, нерп, бобров. В результате был достигнут компромисс — японцам предоставлялось право на добычу в русских водах не всех животных, а только китов. По подписанной 28 июля 1907 г. одновременно с договором о торговле и мореплавании рыболовной конвенции японским подданным предоставлялось право участвовать в торгах на рыболовные участки, использование арендованных участков для обработки и хранения рыбы, починки судов, снастей и других надобностей. При этом японцы добились равенства с русскими подданными в правах на аренду участков, размерах налогов и пошлин.

Более того, русское правительство обязалось не взимать пошлин с рыбы и продуктов моря, предназначенных для вывоза в Японию. Так как японские рыбаки значительно превосходили русских в области промышленного лова рыбы, они, по сути дела, взяли рыбные богатства Приморья в свои руки. Достаточно сказать, что из 90 рыболовных участков, сданных в аренду в 1907 г., из-за нехватки ресурсов и кадров только 5 достались русским рыбакам. Использовалась и практика проникновения японских рыбопромышленников через подставных лиц русской национальности в зоны, где японское рыболовство не допускалось. Отмечались многочисленные случаи и других нарушений японцами рыболовной конвенции. Япония применяла практику направления в русские воды вместе с рыболовецкими судами военных кораблей. В результате хищнического вылова японцами рыбные запасы у российских берегов и в Амуре неуклонно сокращались^[111].

Уступки царского правительства при выработке условий рыболовной конвенции объяснялись его стремлением достичь с японским государством общеполитического соглашения с тем, чтобы с большей свободой рук сосредоточиться на политике в Европе. С другой стороны, готовя аннексию Кореи и имея общие интересы в Маньчжурии, Токио также был заинтересован в известном политическом сближении с Россией. Немаловажное значение имело то, что нормализация русско-японских отношений отвечала интересам стремившихся сотрудничать с Японией в Китае Великобритании и Франции. В Лондоне и Париже рассчитывали, что улучшение русско-японских отношений будет способствовать закреплению России на стороне Антанты. Со своей стороны царское правительство стремилось использовать помощь западных союзников в получении от Японии известных гарантий безопасности своих дальневосточных границ.

Инициативу переговоров о заключении общего политического соглашения проявила российская сторона. С таким предложением Извольский обратился к японскому посланнику Мотоно в начале февраля 1907 г. Уже 10 февраля из Токио был получен положительный ответ. Для Японии было важно в договорном порядке оформить разграничение сфер влияния в Маньчжурии. В подписанной 30 июля 1907 г. общеполитической русско-японской конвенции провозглашались «территориальная целостность» Китая и «сохранение статус-кво» на Дальнем Востоке. Однако в секретной части конвенции

Маньчжурия разграничивалась на японскую (Южная Маньчжурия) и русскую (Северная Маньчжурия) сферы влияния. Россия признавала «особые права» Японии в Корее, а Япония — «специальные права» России во Внешней Монголии.^{112}.

В Токио с энтузиазмом были восприняты соглашения с Россией — выгодные японцам торговая, рыболовная и общеполитическая конвенции были утверждены органами верховной власти страны единогласно. Участники переговоров были отмечены высокими наградами и возведены в баронские титулы. Как важное дипломатическое событие были восприняты соглашения с Японией и в Санкт-Петербурге. Витте отмечал, что договор «дал возможность России быть более или менее спокойной на Дальнем Востоке и заняться делами на Западе».

Однако достижение «равновесия сил» и сглаживание противоречий в Маньчжурии не могли быть достигнуты лишь в результате компромиссов между Японией и Россией. О своих интересах в этом регионе открыто заявляли США, которые, оказав разнообразную помощь Японии в войне, настаивали на соблюдении принципов политики «открытых дверей» в Китае, включая Маньчжурию. Рассчитывая на взаимное ослабление в войне России и Японии, вашингтонские политики в первую очередь заботились об осуществлении собственной экспансионистской программы на Дальнем Востоке. Если вытеснение из Китая потерпевшей поражение России не представлялось столь уж сложной задачей, то претензии Японии на главенствующую роль для начала в Маньчжурии и Корее создавали для американцев непростую проблему. Правительство США все больше убеждалось в том, что Япония намерена расширять завоеванные позиции в Китае и не заинтересована в политике «открытых дверей».

Послевоенные годы были отмечены укреплением японского господства в Корее, углублением экономического и политического влияния в Южной Маньчжурии, ростом напряженности в японо-американских отношениях. Противоречия между двумя странами усугублялись иммиграционной политикой США, ставившей под строгий контроль въезд в страну японских переселенцев. Одновременно началась гонка военно-морских вооружений США и Японии, не скрывавших своих намерений обеспечить господство на

Тихом океане. При дипломатических контактах японское правительство заявляло о желании достичь договоренности, регулирующей японо-американские отношения. В ноябре 1908 г. оно даже подписало с государственным секретарем США провозглашавшее сохранение статус-кво на Тихом океане и политику «открытых дверей» в Китае соглашение. Однако все это не выходило за рамки словесных заверений. В действительности же Токио изыскивал пути противодействия американской экспансии в Восточной Азии, рассматривая ее как свою вотчину. Единственной державой, способной оказать поддержку в таком противодействии, была Россия, также озабоченная защитой от США своих интересов в Маньчжурии.

Подобные опасения еще больше усилились после того, как США выдвинули в ноябре 1909 г. план «интернационализации» КВЖД и Южнманьчжурской железной дороги (ЮМЖД) путем их выкупа. Желая привлечь Россию к осуществлению этого плана, американцы запугивали русских японской угрозой, предлагая объединить усилия с тем, чтобы ей противостоять. При обсуждении же этого плана с японцами представители США использовали метод торга. В обмен на согласие допустить американский капитал в Маньчжурию США соглашались мириться с превращением Кореи в японскую колонию. Одновременно японцам давалось понять, что они смогут компенсировать возможные потери от реализации плана за счет России, которая характеризовалась как «подлинный враг Японии». Однако японское правительство, верно оценив подлинные замыслы США, пришло к выводу, что тактика Вашингтона направлена на поочередное изгнание из Маньчжурии России и Японии и закрепление этого района за американским капиталом^{113}.

Намерения США были настолько явными, что при всем недоверии и сохранении враждебности к России правящие круги Японии сочли за благо попытаться создать с ней единый фронт. С осени 1909 г. между Японией и Россией начались переговоры о защите интересов двух стран в Маньчжурии. По итогам переговоров 4 июля 1910 г. было подписано соглашение, которое, по сути дела, явилось ответом на происки американцев. В соглашении провозглашалось обязательство Японии и России поддерживать статус-кво в Маньчжурии и выступать совместно в случае возникновения угрозы сложившемуся положению в этом районе Китая. В секретной части документа подтверждались

установленная соглашением 1907 г. линия разграничения сфер влияния двух стран в Маньчжурии и обязательства сторон «не нарушать специальных интересов каждой из них в вышеуказанных сферах». Вместе с тем подтверждались взаимная свобода действий для ограждения, защиты и дальнейшего укрепления интересов сторон, воздержание от всякой политической активности в сфере специальных интересов друг друга^{114}.

Из содержания соглашения видно, что обе стороны рассматривали Северо-Восточный Китай как протекторат и были озабочены лишь тем, чтобы никто не пытался оспорить это положение. Расчлняя Маньчжурию на «зоны влияния», имелось в виду со временем полностью подчинить себе эти китайские земли. Один из высокопоставленных японских деятелей маркиз Иноуэ однажды с предельной откровенностью сказал русскому послу, что «обеим соседним державам надлежит иметь в виду, что в более или менее близком будущем может возникнуть вопрос о разделе Китая»^{115}.

Начавшаяся в 1911 г. антимонархическая революция в Китае в условиях ослабления центральной власти в стране способствовала упрочению позиций России и Японии в Маньчжурии, а также в Монголии, где скоро начались антикитайские выступления местного населения. В декабре 1911 г. в административном центре Монголии — Урге — был свергнут маньчжурский режим и объявлено о создании независимого монгольского государства. Дабы не допустить вовлечения в этот процесс государственного строительства и Внутренней Монголии, где японский капитал имел большие интересы, японцы стали добиваться от России признания этих интересов. Токио предложил русскому правительству зафиксировать сферы влияния в Монголии подписанием специальной конвенции. При этом Япония претендовала на контроль над всей Внутренней Монголией. После нескольких месяцев переговоров стороны пришли к компромиссу. Подписанной в июле 1912 г. новой русско-японской конвенцией Западная Маньчжурия и Внутренняя Монголия были разграничены на русскую и японскую сферы влияния.

В подписанных конвенциях и соглашениях Россия шла на различные компромиссы главным образом во имя поддержания с Токио мирных отношений. Видя это, японское правительство попыталось оформить японо-русский союз, который должен был помочь Японии

продолжать экспансию в Китае, укрепить позиции в борьбе с западными державами. Проект документа об оформлении союзнических отношений был летом 1914 г. официально представлен царскому правительству. Однако в Санкт-Петербурге не захотели таскать для Японии «каштаны из огня» и от обсуждения этого предложения уклонились. С началом же Первой мировой войны внимание русского правительства переключилось на Запад, что объективно затруднило активную политику в Китае.

Союзный договор

Начавшуюся 1 августа 1914 г. Первую мировую войну в Японии стремились использовать для установления своего контроля над приморскими районами Китая и северной частью Тихого океана. Считалось, что этого можно добиться, приняв непосредственное участие в военных действиях. Однако Япония не сразу решила, на чьей стороне вступать в войну. Альтернативой присоединения к державам Антанты был вариант выступить на стороне Германии и попытаться в ходе войны вытеснить из Китая Великобританию и другие колониальные державы. Но воевать со странами Антанты было опасно и еще не под силу Японии. Немаловажное влияние на выбор формы участия Японии в войне оказывала позиция входившей в Антанту Российской империи. Выступить на стороне противника России — Германии означало вновь вступить в конфронтацию с северным соседом. Это противоречило японским планам создания японо-русского союза для совместного противодействия колониальному владычеству в Восточной Азии западноевропейских держав и США.

До японского правительства стали доходить слухи о якобы имевшем место «тайном сближении между Великобританией и Россией, направленном против Японии»^{116}. О намерении Лондона не допустить активного японского участия в военных действиях против Германии в Китае свидетельствовали настойчивые «советы» англичан ограничиться действиями японского флота в китайских водах против германских военных кораблей в целях защиты торговых путей. Более того, еще 1 августа 1914 г. министр иностранных дел Великобритании Э. Грей дал понять японскому послу в Лондоне, что победа над Германией может быть достигнута без участия Японии^{117}. Было ясно, что англичане имели свои виды на германские дальневосточные и тихоокеанские колонии и отнюдь не собирались их кому-либо отдавать. В Токио укреплялось мнение, что «ограничения для Японии проистекают из условий сепаратного стовора между Великобританией и Россией, игнорирующих интересы империи в Китае». Не желая мириться с этим, японское правительство отдало приказ о спешной подготовке экспедиционной армии для захвата германских

колониальных владений в Китае и на Тихом океане (Маршалловы, Каролинские и Марианские острова).

23 августа в Японии был обнародован манифест об объявлении войны Германии. В тот же день японская корабельная артиллерия обстреляла крепость Циндао, которую занимали немцы. После продолжавшейся два с половиной месяца осады японцы овладели крепостью, а затем и всей провинцией Шаньдун. В октябре—ноябре 1914 г. силами японского флота были оккупированы и островные владения Германии на Тихом океане.

На этом участие Японии в военных действиях в Первой мировой войне ограничилось. Воспользовавшись занятостью великих держав на фронтах борьбы с Германией и ее союзниками в Европе, японское правительство предприняло попытку заставить власти Китая признать главенствующее положение Японии в этой стране. 18 января 1915 г. китайскому правительству был вручен документ, получивший в истории название «21 требование». Требования были разделены на пять групп. Четыре из них включали условия, предусматривавшие передачу Японии прав на бывшее германское владение в Шаньдуне, расширение привилегий в Южной Маньчжурии и Внутренней Монголии, отказ Китая от предоставления третьим странам прав на аренду китайских портов и островов; строительство дорог, портов, хранилищ и складов должно было перейти в руки японских концернов.

В соответствии с пятой группой требований устанавливалось руководящее положение японцев в государственной, политической, экономической и культурной жизни Китая. Китайское правительство обязывалось приглашать японцев в качестве политических, финансовых и военных советников. Китай должен был приобретать в Японии свыше 50 процентов необходимого ему вооружения, создавать объединенные японо-китайские арсеналы оружия. Удовлетворение этих требований напрямую ущемляло суверенитет Китая, вело к установлению японского протектората над этой страной.

После того как Япония для «подкрепления» своих требований направила в Южную Маньчжурию и Шаньдун 7 тыс. дополнительных войск, китайское правительство вопреки протестам народных масс подписало соответствующие японо-китайские соглашения. Хотя в условиях мировой войны на Западе США и Великобритания не желали обострять отношения с японцами, они не собирались уступать им

Китай. Это в Токио хорошо понимали и разрабатывали планы по изменению баланса сил в Китае в свою пользу. Союзником Японии в противоборстве с западными державами могла стать Россия, которая, несмотря на вхождение в Антанту, продолжала рассматривать Великобританию как своего традиционного соперника. Сближение с Японией на антибританской основе отвечало стратегическим целям России. К тому же в условиях затяжной войны в Европе она нуждалась в военных поставках Японии.

Хотя заключенные в 1907, 1910 и 1912 гг. российско-японские соглашения о разделе Маньчжурии на сферы влияния сыграли определенную роль в сдерживании проникновения американского капитала в этот район Китая, американцы не оставляли надежд под флагом «интернационализации» укрепить здесь свои позиции в железнодорожном и строительном бизнесе. Задача совместного противодействия экономической экспансии США в Маньчжурии объективно требовала углубления политического взаимодействия России с Японией.

Наконец, политику Японии в отношении России в данный период во многом определяло стремление использовать влияние северного соседа как одного из главных партнеров Антанты при решении судьбы захваченных Японией германских владений на Дальнем Востоке и Тихом океане. Это побуждало Токио повысить уровень отношений двух стран, придав им союзнический характер.

С конца 1915 г. между правительствами России и Японии начались переговоры о заключении союзного договора. В качестве компенсации за поставки вооружения Япония вопреки условиям Портсмутского договора выдвинула требование о передаче ей участка КВЖД — Куаньчэнцзы—Харбин, а также о предоставлении новых концессий на рыболовство в русских водах и других льгот.^{118} Это затруднило переговоры, которые растянулись на месяцы. Русское правительство отказалось обсуждать японские требования пересмотреть в свою пользу условия разграничения КВЖД и ЮМЖД. В ответ японцы не спешили брать на себя обязательства по поставке России необходимого ей оружия. Лишь 3 июля 1916 г. был подписан договор, устанавливавший союзные отношения на случай войны.

В соответствии с опубликованным текстом стороны приняли взаимные обязательства не присоединяться к каким-либо союзам,

которые были бы направлены против интересов одной из сторон, и в случае угрозы со стороны других стран согласовывать и осуществлять меры по совместной защите своих интересов на Дальнем Востоке. В секретной части договора речь шла о конкретном объекте договора — Китае: «Обе высокие договаривающиеся стороны, признавая, что их жизненные интересы требуют, чтобы Китай не подпал владычеству какой-либо третьей державы, враждебной России или Японии, вступят в откровенные и дружеские сношения каждый раз, когда обстоятельства того потребуют, и согласятся относительно мер, которые должны быть приняты, дабы воспрепятствовать тому, чтобы создалось подобное положение»^{119}.

Привлекая на свою сторону в качестве военного союзника Россию, Токио шел на риск вызвать серьезное недовольство Великобритании, которая в 1911 г. пролонгировала на 10 лет англо-японский союзный договор. Было очевидно, что под упомянутой в русско-японском договоре «третьей державой», которой надлежало противостоять, подразумевались США и Великобритания. Внимательно анализировавший тогдашнюю международную политику В.И. Ленин утверждал, что между Россией и Японией «заключен уже во время теперешней войны новый тайный договор, направленный не только против Китая, но до известной степени и против Англии. Это несомненно, хотя текст договора неизвестен. Япония при помощи Англии побила в 1904—1905 годах Россию и теперь осторожно подготавливает возможность при помощи России побить Англию»^{120}.

Однако в Лондоне решили воздержаться от заявления протеста, дабы не подтолкнуть Японию к дальнейшим изменениям своего внешнеполитического курса, в частности, в отношении Германии. Для того чтобы добиться от стран Антанты и США признания своих новых территориальных приобретений, японское правительство прибегло к шантажу, намекая, что может заключить сепаратный мир с Германией. Несмотря на объявление войны Германии, японцы открыто заявляли, что будут оказывать покровительство германским подданным в Японии, не препятствовать их экономической деятельности и свободному передвижению по стране. Японское правительство демонстративно ответило отказом на просьбы держав Антанты отправить японские войска и военные корабли на Западный фронт против Германии, долго не присоединялось к лондонской декларации о

незаклучении с Германией сепаратного мира. Такая политика давала свой эффект — страны Антанты всерьез опасались, что Япония в удобный для нее момент может перейти на сторону Германии и попытается захватить их дальневосточные владения.

Одной из причин того, что Россия активно поддержала японские претензии на «германское наследство» на Дальнем Востоке и Тихом океане, было, как уже отмечалось, стремление получать из Японии вооружение. Ослабленная войной и внутренними проблемами Россия рассчитывала на поставки из Японии 700 тыс. винтовок и другого вооружения на 300 млн. иен.

Великобритания и США не скрывали своего недовольства заключением русско-японского союзного договора. Госдепартамент США направил правительствам обеих стран ноту, в которой сетовал на отсутствие в тексте договора подтверждения намерения следовать политике «открытых дверей» в Китае. Хотя Петроград и Токио в ответ на ноту на словах подтвердили приверженность этому принципу, действовать они намеревались, руководствуясь исключительно своими интересами.

Союз с Россией позволил усилить позиции Японии в отстаивании претензий на германские колонии. С другой стороны, заключенный союз нейтрализовал Россию при расширении японской экспансии в Китае. 16 февраля 1917 г. японское правительство добилось официального соглашения с Великобританией о передаче Японии после войны провинции Шаньдун. Затем 1 марта поддержка японских притязаний в Китае и на Тихом океане была оформлена японо-французским соглашением, а 5 марта — русско-японским соглашением. Эти обязательства оставались втайне до начала Версальской мирной конференции, и даже США официально о них не были уведомлены. Имея согласие русского правительства на получение «германского наследства», Японии стало легче добиваться от западных держав признания перехода Шаньдуна и германских островных владений в Тихом океане в состав японских владений.

Возросший экономический и военный потенциал позволил Японии претендовать наряду со странами Антанты и США на руководящее положение на открывшейся 18 января 1919 г. мирной конференции в Париже. Хотя поначалу западные державы сомневались в целесообразности предоставления Японии равных с ними прав,

японское правительство все же добилось включения своих представителей в состав рабочего органа Парижской конференции «Совет десяти», в который вошли по два делегата от США, Великобритании, Франции, Италии и Японии.

Китайское правительство рассчитывало добиться на мирной конференции согласия великих держав по следующим основным пунктам: 1. Возвращение Китаю Шаньдуна и ликвидация договоров 1915 г., заключенных с Японией на основе «21 требования». 2. Ликвидация всех особых прав и привилегий иностранных держав в Китае. Под этим понимались: а) ликвидация сфер влияния; б) вывод с территории Китая иностранных военных и полицейских частей; в) ликвидация почтовых учреждений и радиостанций иностранных держав в Китае; г) отказ от консульской юрисдикции; д) возвращение Китаю «арендованных» территорий и селтльментов; е) предоставление Китаю таможенной самостоятельности. 3. Ликвидация всех политических и экономических прав Германии и Австро-Венгрии в Китае.

Так как удовлетворение этих требований прямо затрагивало интересы западных держав, они отказались рассматривать их. Особо непримиримую позицию по поводу сохранения своих прав в Китае заняла делегация Японии, требовавшая официального подтверждения в мирном соглашении перехода к ней всех германских владений к северу от экватора. При этом японцы ссылались на секретные соглашения 1916 и 1917 г., в которых Великобританией, Францией и Россией признавались права Японии на эти территории. Заметим, что делалось это в условиях, когда подписывавшее тайные договоры с Японией царское правительство уже не существовало. Тем не менее, представители западноевропейских держав и США сочли доводы убедительными и предпочли удовлетворить территориальные требования Японии. В обмен на эти и другие уступки западные политики ждали от Японии активного участия в подавлении пролетарской революции в России. Известный японский дипломат С. Того отмечал: «Союзники также страстно желали, чтобы Япония поставила в 1918 г. львиную долю войск для совместного экспедиционного корпуса в Сибири и взяла на себя командование»^{121}.

Проводимая в годы Первой мировой войны крупными державами мира, в том числе Россией, политика умиротворения Японии за счет

интересов Китая не только не ограничила японскую экспансию, но, наоборот, поощрила все новые вооруженные захваты в Восточной Азии, стимулировала японские правящие круги устранить в этом обширном регионе мира влияние как западных стран, так и России, не останавливаясь при этом перед войной с ними.

Вторжение в Сибирь

Февральскую революцию 1917 г. в России политические и военные круги Японии восприняли относительно спокойно и даже с оптимизмом. Считалось, что переход от монархии к власти буржуазии в условиях продолжения кровопролитных сражений на европейском фронте мировой войны надолго отвлечет русских от дальневосточных проблем, позволит Японии беспрепятственно завоевывать Китай, внедряться в экономику Приморья и других районов России. Совершенно иную реакцию вызвало известие о рождении в результате пролетарской революции нового государства — Советской России. «Уже сам факт создания социалистического государства рабочих и крестьян, факт свержения монархии и капитализма вызвал у господствующих классов Японии беспредельный страх и жгучую ненависть к Советскому Союзу», — отмечали японские историки. Советская Россия была объявлена «самым опасным и злейшим врагом», и началась спешная разработка планов «преграждения пути коммунистической революции на восток от Уральского хребта»^{122}. Имелось в виду «собственными силами захватить Сибирь, задушить революцию и установить на территории Сибири марионеточный режим»^{123}.

8 декабря 1917 г. перед слушателями императорской военной академии выступил один из идеологов милитаризма генерал Угаки Кадзу-сигэ, который обрушился на большевиков, обвинив их в том, что они «сломали столетиями существовавшую империю, растоптали принципы демократии и создали анархическую систему власти безответственных интеллигентов и нищих». Страхась воздействия социалистических идей на умы японцев, генерал требовал создания «правительства твердой руки и великой решимости в борьбе против национальных предателей, выставляющих себя революционерами»^{124}.

Японские генералы не считали революционную Россию серьезным противником и предсказывали быстрое овладение доблестными японскими войсками «обширными азиатскими территориями вплоть до границ между Азией и Европой». О том, что выдвинутые впоследствии в качестве обоснования интервенции «гуманитарные причины» были

лишь прикрытием, свидетельствуют откровенные призывы к агрессии, публиковавшиеся в японской прессе сразу после сообщений об Октябрьской революции. О том, что писала в ноябре—декабре 1917 г. рупор реакционных кругов Японии газета «Хоти симбун», свидетельствуют заголовки статей: «Смута в России и требования отправки японских войск», «Один из путей — независимость Сибири», «Неотложная задача отправки войск в Сибирь. Продемонстрируем мощь Японии», «Послать войска!».

Правительство молодой Советской республики, сознавая нависшую над российским Дальним Востоком и Сибирью опасность вторжения, искало возможность вступить в переговоры с Японией. Еще в декабре 1917 г. оно обратилось к японским представителям в Петрограде с предложением пересмотреть все договорные обязательства между царской Россией и Японией и заключить новое торгово-экономическое соглашение. Однако взявшее курс на подавление революции и занятие российской территории японское правительство не желало нормальных отношений с новой Россией.

С конца 1917 г. между США, Англией, Францией и Японией велись активные переговоры об организации интервенции. Было решено, что свержением советской власти на Дальнем Востоке и в Сибири будут заниматься в основном японские войска. Однако в отличие от западноевропейских держав США не собирались полностью отдавать эти богатые природными ресурсами земли японцам. Вашингтонских политиков озаботили попытки Токио заранее оговорить свои права на получение рыболовных, горнорудных и лесных концессий в Сибири, что означало установление там единоличного экономического и политического контроля Японии. С тем чтобы воспрепятствовать этому, было решено направить на российский Дальний Восток и американские войска.

Поводом для начала вторжения было использовано убийство во Владивостоке в ночь на 5 апреля 1918 г. неизвестными двух сотрудников японской торговой конторы «Исидо». Это походило на спланированную провокацию, явившуюся сигналом для начала задуманной операции. Не дожидаясь выяснения обстоятельств происшедшего, в тот же день под прикрытием артиллерии вошедших во внутреннюю гавань порта военных кораблей во Владивостоке высадились две роты японских пехотинцев и подразделение английской

морской пехоты. Быстро заняв центр города, японское командование пыталось представить свои действия как чисто полицейскую акцию с целью поддержания общественного порядка. Однако уже на следующий день масштабы операции были расширены — силами десантного отряда в 250 человек был захвачен прикрывавший Владивосток с моря хорошо укрепленный остров Русский.

То, что проведенная японцами акция знаменовала собой начало вооруженной интервенции, не вызывало сомнений. В день высадки японских войск правительство Советской республики выступило с сообщением, в котором было заявлено: «Давно подготовлявшийся империалистический удар с Востока разразился. Империалисты Японии хотят задушить Советскую революцию, отрезать Россию от Тихого океана, захватить богатые пространства Сибири, закабалить сибирских рабочих и крестьян»^{125}. В директиве правительства Владивостокскому совету содержалось предупреждение: «Не делайте себе иллюзий: японцы наверное будут наступать. Это неизбежно. Им помогут, вероятно, все без изъятия союзники. Поэтому надо начинать готовиться без малейшего промедления и готовиться серьезно, готовиться изо всех сил».

Чтобы двинуться в глубь Сибири, японцы и американцы спровоцировали так называемый «мятеж чехословаков». Входившие ранее в состав австро-венгерской армии чехи и словаки по решению советского правительства направлялись на родину через Владивосток. К концу мая 63 эшелона с объединенными в Чехословацкий корпус 40 тысячами репатриантов растянулись по всей Сибири от Пензы до Приморья. Советские власти беспокоило то, что корпус следовал через незащищенную российскую территорию с оружием. С тем чтобы исключить по пути следования какие-либо инциденты и столкновения, был отдан приказ о сдаче оружия. Воспротивившись этому, корпусное командование призвало своих солдат и офицеров к неповиновению, вылившемуся затем в открытый мятеж^{126}.

В Токио и Вашингтоне тотчас же решили воспользоваться ситуацией. 6 июля 1918 г. Белый дом санкционировал посылку в Сибирь войск «для оказания помощи чехословакам». Для начала было решено направить на территорию России японские и американские войска численностью в 7 тыс. штыков. Однако японцы, для которых главным было быстро занять как можно больше стратегически важных

районов Дальнего Востока и Сибири, не собирались вводить какие-либо ограничения для численности своих интервенционистских войск. Уже 2 августа они под прикрытием миноносцев, высадив десант в устье Амура, овладели городом Николаевск-на-Амуре, а 12 августа перебросили во Владивосток пехотную дивизию, численностью около 16 тыс. человек. Наряду с японцами город оккупировали также меньшие по численности контингенты английских, французских и американских войск.

Командующим оккупационными войсками на российской территории был назначен японский генерал Отани. По официальным американским данным, на российский Дальний Восток было направлено 72 тыс. японских и свыше 9 тыс. американских солдат. При этом следует иметь в виду, что численность японских интервенционистских войск менялась. Так, в литературе существуют указания на то, что в различные периоды оккупации на Дальнем Востоке и в Сибири действовало до 100 тыс. японских солдат и офицеров.^{127}. [2]

Хотя в принятом 7 ноября 1918 г. VI Чрезвычайным съездом Советов обращении к правительствам великих держав, в том числе Японии, было сделано предложение начать переговоры о мире, интервенция на востоке России не только продолжалась, но и охватывала все новые районы — Приморье, Приамурье и Прибайкалье. В условиях острой нехватки здесь регулярных войск повсеместно разворачивается партизанское движение. К осени 1919 г. под руководством подпольных большевистских организаций в партизанских соединениях насчитывалось 45—50 тыс. бойцов: в Забайкалье — 15—20 тыс., в Амурской области — 10 тыс., в Приамурье и на Северном Сахалине — 6 тыс., в Приморье — 10—15 тыс.^{128}.

Имея многократное преимущество в численности войск, оккупанты, тем не менее, не могли своими силами контролировать захваченные огромные просторы восточной части России. Это вынуждало их использовать своих ставленников из числа укрывшихся на территории Китая возглавлявших белобандитские формирования атаманов Семенова, Калмыкова, Гамова. С их помощью на оккупированных японскими войсками территориях отменялись все законы и установления советской власти, реставрировались старые,

дореволюционные порядки. Были восстановлены дореволюционные права офицерства, чины и звания царских чиновников, казачье сословие. Национализированные предприятия возвращались прежним владельцам. Крестьянам было позволено пользоваться только «теми земельными участками, кои были до марта 1917 года»^{129}.

В ходе Гражданской войны значительная часть Сибири была захвачена войсками белогвардейских армий Колчака, который, назвав себя Верховным правителем России, координировал свои действия с японским командованием и получал от него материальную помощь. Все выступавшие за свержение советской власти силы, будь то интервенты или белогвардейцы, применяли крайне жестокие методы борьбы с политическими противниками и партизанами.

По всему Дальнему Востоку и Сибири развернулись кровавые расправы с представителями и сочувствующими советской власти. С целью запугать местное население сжигались целые деревни и устраивались массовые показательные расстрелы, проводились карательные операции. Существует множество свидетельств бесчинств и бесчеловечного обращения оккупантов с местным населением. Вот лишь одно из них. Жители деревни Круглая Рождественской волости сообщали в марте 1919 г.: «Расстреляно японцами 25 человек, после которых осталось 25 душ семейств. Японскими отрядами деревня была посещена 2 раза:

17 февраля 1919 года было сожжено 23 двора, 25 октября 1919 года сожжено 67 дворов, имущество разграблено. Общий убыток от пожара и грабежей выражается в 201 315 рублей золотом»^{130}.

В результате активных боевых действий созданной после революции Красной Армии и сибирских партизанских формирований к концу 1919 г. армия Колчака была разгромлена. Потеряв надежду на восстановление в России прежнего режима, правительства США и Антанты приняли решение об отзыве своих войск из Сибири. Однако правительство Японии, не пожелав присоединиться к этому решению, продолжало оккупацию российской территории. Для того чтобы добиться вывода японских войск с Дальнего Востока, 24 февраля 1920 г. советское правительство официально предложило Токио «начать мирные переговоры с целью гарантировать обоим народам мирное сожительство, добрососедские отношения и взаимное удовлетворение их обоюдных интересов»^{131}.

Хотя в японской оккупационной армии началось брожение и отмечались факты заключения соглашений о перемирии с местными русскими отрядами, далеко не все в Японии соглашались вернуть войска на родину, отказаться от целей интервенции. Предлогом для продолжения пребывания японских войск на российском Дальнем Востоке стали так называемые «Николаевские события». Так как эти события и по сей день используются в Японии в качестве обоснования затянувшейся на годы интервенции, приведем как японскую, так и российскую версии происшедшего.

Японские историки пишут: «Революция в России 1917 года оказала глубокое влияние на капиталистические государства во всем мире. Борьба в каждом из таких государств рабочего класса и коммунистических организаций против капитализма увеличила социальную напряженность. Появление в России государства рабочих усилило у рабочих всех стран чувство солидарности с Россией как государством, порожденным революцией. В результате этого у них не могло не возникнуть мечты осуществить мировую революцию, которую провозгласили большевики.

Капиталистические государства стали на сторону представителей старого строя и их войск — Белой армии, что представляло вмешательство в Гражданскую войну. По настоянию трех государств Антанты два других государства — Япония и Соединенные Штаты под предлогом спасения Чехословацкого корпуса приняли решение о военной экспедиции в Сибирь. Чехословацкий корпус, сражавшийся в период Первой мировой войны вместе с германской армией, в результате революционных волнений, лишившись прежнего места своей дислокации, перемещался в Сибирь. В августе 1918 года войска Англии, Канады, Франции, Соединенных Штатов и Японии высадились во Владивостоке. Японские войска, нарушив договоренность о том, что их численность, как и американских вооруженных сил, будет составлять 7 тыс. человек, продолжали наращивать свою мощь и довели численность войск в максимальный период до 72,4 тыс. человек.

Что касается Гражданской войны, то, начиная с 1920 года, преимущество Красной Армии стало очевидным, и в марте месяце того же года американские войска были полностью выведены на родину. Однако японская армия так не поступила. В феврале 1920 года

произошел так называемый Николаевский инцидент, в результате которого жертвами партизан в городе Николаевске-на-Амуре стали 384 японских местных жителя и 351 японский военный. Поэтому японские войска продолжали находиться в России до октября 1922 года (а на Северном Сахалине — до 1925 года)»^{132}.

В одном из недавних российских изданий на эту тему дается более подробная картина событий: «Николаевский инцидент произошел 12—14 марта 1920 года. Еще в начале февраля отряды красных партизан низовьев Амура захватили крепость Чныррах и до 28 февраля держали с суши в блокаде город Николаевск-на-Амуре, который занимали японский гарнизон и белогвардейцы. Японское командование заключило с партизанами соглашение, по которому обязывалось соблюдать нейтралитет и не вмешиваться в жизнь освобожденного партизанами города.

Однако нейтралитет интервенты соблюдали недолго. В ночь на 12 марта японский гарнизон под командованием майора Исикава, по-самурайски вероломно нарушив недавнее соглашение, внезапно атаковал казармы партизан и их штаб. Однако нападавшие не добились желаемого и не застали амурских партизан врасплох. В ходе кровопролитных трехдневных боев японский гарнизон оказался наголову разгромленным и изгнанным из города.

Несколько позднее, после очищения Амура ото льда, в Николаевск-на-Амуре на военных судах прибыл крупный японский экспедиционный отряд с карательными функциями. Партизаны из-за своей малочисленности и плохой вооруженности, отсутствия боеприпасов не могли защищать освобожденный город и ушли из него вместе с местными жителями. Японцам, по сути дела, без боя достался обезлюдивший город, который прикрывал собой устье реки Амур»^{133}.

Желая отомстить за поражение в Николаевске-на-Амуре, японские каратели организовали в Приморье массовую резню — было убито и ранено свыше пяти тысяч человек, в том числе в топке паровоза сожжен один из руководителей Дальнего Востока Сергей Лазо. В апреле японцы силой разогнали во Владивостоке и других городах Приморья и Хабаровске органы власти, разоружили местные войска. Под предлогом «защиты жизни и собственности соотечественников» в этом же месяце японские войска оккупировали Северный Сахалин.

Так как изгнание японских войск с российской территории было признано «сейчас непосильным», советское правительство в целях временного мирного урегулирования в восточных районах страны решило пойти на создание «буферного» демократического государства на Дальнем Востоке. 6 апреля 1920 г. учредительный съезд трудящихся Забайкалья в Верхнеудинске провозгласил образование самостоятельной Дальневосточной республики (ДВР), включившей в свой состав территорию от Байкала до Тихого океана. Одновременно советское правительство предложило Японии прекратить военные действия на Дальнем Востоке.

Неся потери в столкновениях с частями армии ДВР и партизанами, японцы согласились на переговоры. 14 июля 1920 г. между правительством ДВР и командованием экспедиционных войск на Дальнем Востоке был подписан договор о перемирии, после чего японские войска были выведены из Забайкалья. Потеряв поддержку японцев, бежали в Маньчжурию банды атамана Семенова. После освобождения Чита стала столицей Дальневосточной республики. Хотя японцы продолжали оккупировать Приморье и не желали отказываться от планов подчинения себе входящих в ДВР сибирских территорий, ситуация складывалась не в их пользу. В принятом 4 августа 1920 г. постановлении японского правительства говорилось: «Общее положение в Европе, победы советских армий на польском фронте, возрастающая опасность со стороны Советского правительства, ощущаемая антипатия со стороны Соединенных Штатов и Китая, шаги, предпринятые Америкой в вопросе о Сахалине, общая подготовка Соединенных Штатов к войне... препятствуют нам полностью проводить наши политические проекты в Сибири... Операция против Амурской области должна быть приостановлена, но войска следует держать наготове»^{134}.

Понимая, что Москва рассматривает ДВР как временное образование, японское командование стремилось устранить из Народного собрания и правительства республики коммунистов и способствовать захвату власти в Приморье контрреволюционными силами. С этой целью в начале декабря 1920 г. при прямом участии японцев в Приморье были переброшены из Маньчжурии три дивизии белогвардейцев. Эти войска были использованы при организации переворота и передаче в мае 1921 г. власти выполнявшему волю

японцев «правительству Меркулова». Однако расширить масштабы мятежа за пределы Южного Приморья не удалось.^{135}.

Продолжение вооруженной борьбы Красной Армии и партизан с интервентами, факты разложения и дезертирства солдат и офицеров японской экспедиционной армии вынудили Токио вступить в переговорный процесс. Обсуждение условий мирного урегулирования велось между ДВР и правительством Японии с августа 1921-го по апрель 1922 г. в китайском городе Дайрене. Делегация ДВР предложила подписать договор, предусматривавший обязательство Японии эвакуировать все войска с Дальнего Востока. Однако японская сторона, отклонив это предложение, выдвинула свой проект, обязывающий ДВР уничтожить все укрепления на границе с Кореей и в районе Владивостокской крепости, уничтожить военный флот на Тихом океане, признать свободу проживания и передвижения японских военных чинов в ДВР, приравнять японских подданных к подданным ДВР в области торговли, ремесел, промыслов, предоставить японским подданным право собственности на землю, свободу плавания японским судам по рекам Амуру и Сунгари, передать Японии в аренду на 80 лет остров Сахалин, не вводить в ДВР коммунистический режим и др.^{136}. Расценив подобные требования как направленные на превращение российского Дальнего Востока в японскую колонию, делегация ДВР решительно их отвергла. В ответ японская делегация заявила 16 апреля, что «в соответствии с указанием своего правительства она прерывает конференцию».

Чтобы укрепить свои позиции на переговорах, японцы организовали наступление белогвардейских частей из Приморья на Хабаровск. Пользуясь превосходством в силах, насчитывавшая 20 тыс. штыков армия белогвардейцев овладела Хабаровском и, координируя свои действия с японским командованием, изготвилась к броску в Амурскую область. Однако эти планы были сорваны. В начале 1922 г. армия ДВР нанесла поражение белогвардейцам при Волочаевке, а 14 февраля был освобожден Хабаровск. Последовавшие попытки японцев и белогвардейцев вновь перейти в наступление были сорваны.

Негативное отношение к продолжению интервенции как внутри страны, так и за рубежом, в частности в США, побудило японское правительство вступить в переговоры уже не только с ДВР, но и с РСФСР.

Конференция открылась 4 сентября 1922 г. в Чанчуне. Началу переговоров способствовало заявление японского правительства о готовности до 1 ноября 1922 г. вывести войска из Приморья. Объединенная делегация ДВР и РСФСР потребовала эвакуации японских войск также с Северного Сахалина. Японцы, заявив о своем несогласии прекратить оккупацию острова, выдвинули прежний вариант своих условий. Это завело конференцию в тупик — 26 сентября она была прервана.

Вопреки обещанию об эвакуации войск японское правительство готовило отторжение Приморья. Было заявлено о намерении, объединив Приморье и Маньчжурию, создать на их территории «буфер» под протекторатом Японии. Японская газета «Кокумин» в сентябре опубликовала высказывание начальника генерального штаба японской армии о том, что без создания русско-маньчжурского «буфера» «нельзя осуществить японские планы в Сибири и Маньчжурии»^{137}. Становилось ясно, что по своей воле японские интервенты российский Дальний Восток не оставят.

1 сентября 1922 г. белогвардейские части вновь попытались перейти в наступление из Приморья на север. Однако части армии ДВР и партизанские отряды отбили их атаки, а затем, перейдя в октябре в контрнаступление, овладели опорным пунктом белых в районе Спасска. 15 октября был освобожден Никольск-Уссурийский и войска ДВР вплотную подошли к Владивостоку. Здесь им путь преградили японские войска. 21 октября правительства РСФСР и ДВР направили ноту правительству Японии, в которой заявили решительный протест против «затягивания эвакуации и недопущения русских войск во Владивосток»^{138}. Оказавшись в окружении стянутых к Владивостоку подразделений регулярной армии и партизанских отрядов японское командование вынуждено было подписать соглашение об эвакуации своих войск не позднее 25 октября 1922 г. В этот день Владивосток и весь Дальний Восток перешли под власть правительства Дальневосточной республики. В поздравительной телеграмме председателя Совнаркома РСФСР В.И. Ульянова (Ленина) говорилось: «К пятилетию победоносной Октябрьской революции Красная Армия сделала еще один решительный шаг к полному очищению территории РСФСР и союзных с ней республик от войск иностранцев-оккупантов. Занятие народно-революционной армией ДВР Владивостока

объединяет с трудящимися массами России русских граждан, перенесших тяжкое иго японского империализма. Приветствуя с этой новой победой всех трудящихся России и героическую Красную Армию, прошу правительство ДВР передать всем рабочим и крестьянам освобожденных областей и города Владивостока привет Совета Народных Комиссаров РСФСР».

13 ноября 1922 г. Народное собрание ДВР объявило власть Советов на всем Дальнем Востоке, а 16 ноября ВЦИК провозгласил ДВР составной частью РСФСР.

Глава V.

«Хокусин» — экспансия на север

Сначала Китай, затем Россия

Завершение японской интервенции не привело к окончательному урегулированию между РСФСР и Японией. Под японским контролем оставался оккупированный Северный Сахалин, страны не имели дипломатических отношений друг с другом, отсутствовали торгово-экономическое, рыболовное и другие соглашения. Поняв, что одержать верх над Советской Россией в обозримом будущем вооруженным путем не удастся, деловые круги Японии выступили за развитие с ней экономических отношений. Распространению таких настроений объективно способствовало ослабление международных позиций Токио. Японское правительство вынуждено было согласиться с решениями Вашингтонской конференции 1922 г., ликвидировавшими исключительные привилегии Японии в Китае и установившими нормы для японского военного флота меньшие, чем для ее соперников. Как дипломатическое поражение было воспринято и прекращение действия англо-японского союза. Воспользовавшись ситуацией, американцы стали теснить Японию в Китае и на рынках стран Южных морей.

Движение за установление дипломатических отношений с СССР возглавил видный политический деятель мэра Токио Гото Симпэй. По его инициативе в феврале 1923 г. начались неофициальные советско-японские переговоры. Тогда из-за обструкции антисоветски настроенного правого крыла японского правящего класса и активной деятельности в Японии белоэмигрантских организаций и групп добиться успеха не удалось. Однако заинтересованность деловых кругов в урегулировании существовавших проблем и установлении на долгосрочной основе условий экономического сотрудничества, в первую очередь в области рыболовства, побудила правительство объявить «новую политику» в отношении СССР. Немаловажное влияние на изменение отношения к северному соседу оказало признание его ведущими европейскими державами — в 1924 г. дипломатические отношения с СССР установили Великобритания, Италия, Франция. В мае 1924 г. в Пекине начались официальные советско-японские переговоры, которые завершились подписанием 20 января 1925 г. Конвенции об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией.^{139}.

Согласно статье I конвенции, стороны восстанавливали дипломатические и консульские отношения. По настоянию японской стороны правительство СССР было вынуждено согласиться с положением конвенции о сохранении в силе Портсмутского договора. Однако при подписании конвенции уполномоченный СССР по указанию Москвы сделал специальное заявление о том, что «признание его Правительством действительности Портсмутского договора от 5 сентября 1905 г. никоим образом не означает, что Правительство Союза разделяет с бывшим царским правительством политическую ответственность за заключение названного договора»^{140}. Тем самым советское правительство заявляло, что не считает себя политически связанным с положениями Портсмутского договора в той его части, где говорилось об уступке Японии Южного Сахалина.

Конвенция разрешала проблему вывода всех японских войск с территории оккупированного Северного Сахалина. Заинтересованные в продолжении эксплуатации нефтяных месторождений острова японцы соглашались на эвакуацию с Северного Сахалина только при условии сдачи им в концессию всех или по крайней мере 60 процентов скважин. В результате растянувшихся на месяцы переговоров по этому вопросу был достигнут компромисс о выделении Японии на срок от 40 до 50 лет 50 процентов площади нефтяных и угольных месторождений острова с уплатой концессионерами советским правительственным органам определенного процента валовой добычи.

Несмотря на то что одной из статей конвенции предусматривалось заключение договора о торговле и мореплавании, японские власти всячески затягивали решение этого вопроса. Реализации открывавшихся перспектив развития двусторонних связей во всех областях препятствовала позиция Токио в отношении открыто действовавших вопреки положениям конвенции на территории Японии и ЮМЖД белоэмигрантских организаций. Недовольство нормализацией отношений выражали военные круги, для которых Россия, а затем СССР являлись традиционным противником, под предлогом необходимости борьбы с которым армейские генералы выбивали для себя крупные бюджетные ассигнования.

Идеологи японского милитаризма убеждали народ, что Япония сможет занять достойное место в мире только на пути внешней экспансии. В японской прессе писали: «Если наши экономические и

культурные начинания в Китае и Сибири будут прекращены, нам уготована участь изолированной и беззащитной островной страны»^{141}. На проходивших в 1923 г. совещаниях военно-политического руководства вырабатывались основы внешней политики и стратегии Японии на последующий период. На них были намечены два главных направления вооруженной экспансии — северное и южное. Соответственно в качестве основных вероятных противников определялись СССР и США. Подготовка войны против СССР возлагалась главным образом на сухопутные войска, против США — на военно-морской флот. В Японии были приняты геополитические термины: «хокусин» — «движение на север» и «нансин» — «движение на юг». Если вооруженное столкновение с США рассматривалось в те годы лишь как теоретическая возможность, будущая агрессия против СССР приобретала вполне зримые очертания. Подтверждением этого является составление генеральным штабом армии конкретных планов ведения боевых действий на территории Советского Союза.

В 1923 г. после провала интервенции был разработан новый план войны против СССР, которым предусматривалось «разгромить противника на Дальнем Востоке и оккупировать важные районы к востоку от озера Байкал. Основной удар нанести по Северной Маньчжурии. Наступать на Приморскую область, Северный Сахалин и побережье континента. В зависимости от обстановки оккупировать и Петропавловск-Камчатский»^{142}.

Стремясь не допустить возобновления конфронтации с Японией, советское правительство в мае 1927 г. обратилось к Токио с предложением о подписании между обоими государствами договора о ненападении. Несмотря на установление дипломатических отношений с СССР, японское правительство не желало связывать себя подобным соглашением. Его позиция сводилась к тому, чтобы «в отношении пакта о ненападении, выдвигаемого СССР, занять такую позицию, которая обеспечивала бы империи полную свободу действий»^{143}. Против подписания пакта о ненападении с СССР выступило руководство японской армии. В генеральном штабе и военном министерстве считали, что новую войну следует начать как можно раньше, до того как, СССР усилит свою мощь. По мобилизационному плану 1926 г. против СССР должно было быть использовано 18 дивизий. При этом

считалось, что ослабленная революцией и Гражданской войной Россия «не сможет выставить против Японии и десяти дивизий»^{144}.

Усилившие свое влияние в политике японского государства военные круги добились в апреле 1927 г. сформирования кабинета, который возглавил один из идеологов милитаризма генерал Танака Гиити. 27 июня в Токио проходила так называемая «Восточная конференция», по итогам работы которой 7 июля был принят документ «Политическая программа в отношении Китая». В документе указывалось: «В случае возникновения угрозы распространения беспорядков на Маньчжурию и Монголию, в результате чего будет нарушено спокойствие, а нашей позиции и нашим интересам в этих районах будет нанесен ущерб, империя должна быть готова не упустить благоприятной возможности и принять необходимые меры с целью предотвратить угрозу, от кого бы она ни исходила...» Ссылки на «обеспечение спокойствия» не могли затушевать подлинные цели создателей документа, которые состояли в оккупации Маньчжурии и Монголии и превращении их в управляемые Японией марионеточные государства. «Эта конференция делала маньчжурский инцидент неизбежным», — указывается в японской «Официальной истории войны в Великой Восточной Азии». Перспектива утверждения японской армии в Маньчжурии и Монголии создавала реальную угрозу Советскому Союзу. Для защиты дальневосточных границ страны в августе 1929 г. была создана Особая Дальневосточная армия (ОДВА).

В то же время, несмотря на наличие в правящих кругах Японии противников развития связей с «большевистской Россией», установление дипломатических отношений способствовало активизации торгово-экономических связей. В 1928 г. была заключена советско-японская рыболовная конвенция. В 1929—1930 гг. объем торговли достиг 43,1 млн. иен, в четыре раза превысив довоенный товарооборот между Японией и Россией^{145}.

В мае 1929 г. в СССР был принят первый пятилетний план экономического развития страны. Параллельно началось осуществление программы создания современной военно-технической базы для обороны государства, повышения мощи вооруженных сил до уровня первоклассных европейских армий. Это беспокоило составителей японских планов войны против Советского Союза. В июле 1931 г. в японской прессе было опубликовано выступление

генерала К. Койсо на заседании кабинета министров, в котором говорилось, что «выполнение пятилетки создает серьезную угрозу Японии... Ввиду этого монголо-маньчжурская проблема требует быстрого и действенного разрешения». Перед этим японский посол в Москве Хирота рекомендовал начальнику генерального штаба проводить «решительную политику против Советской России и быть готовыми в любой момент начать войну с целью захвата Восточной Сибири»^{146}. 29 марта 1931 г. военный атташе японского посольства в Москве подполковник Касахара Юкио писал в генеральный штаб: «Япония должна продвинуться по крайней мере до озера Байкал, рассматривать дальневосточные провинции, которые она захватит, как часть собственной империи и создать там военные поселения на долгие годы»^{147}.

Составленный в конце 20-х г. генеральным штабом армии план войны против СССР «Оцу» предусматривал нанесение ударов по советскому Дальнему Востоку с моря и из северных районов Кореи. Однако существовали сомнения в успехе такого десанта. Как указывают японские историки, после разгрома в 1929 г. китайских милитаристских банд и совершавших многочисленные нападения на дальневосточные районы СССР и КВЖД русских белогвардейцев «японская армия резко изменила свои взгляды на Красную Армию»^{148}. После тщательного изучения военно-стратегической ситуации на Дальнем Востоке японские стратеги пришли к выводу о целесообразности до нападения на СССР укрепиться в Маньчжурии, чтобы использовать ее территорию и ресурсы для развертывания наступательных операций на советский Дальний Восток и Сибирь с нескольких направлений. Считалось, что для успеха военных действий необходимо в самом начале войны перерезать в районе Байкала Транссибирскую железнодорожную магистраль. Осуществить это можно было только с территории Маньчжурии.

Овладение Маньчжурией было включено в первостепенные стратегические планы завоевания господства в Восточной Азии. Было решено, воспользовавшись разобщенностью великих держав в период разразившегося в конце 20-х гг. мирового экономического кризиса, в кратчайший срок оккупировать Северо-Восточный Китай. 18 сентября 1931 г., после завершения необходимых приготовлений, японские вооруженные силы спровоцировали так называемый «маньчжурский

инцидент», и через три месяца военных действий вся территория Маньчжурии была оккупирована японской армией.

Захват Маньчжурии был чрезвычайно крупной по своим последствиям акцией в плане расширения колониальной империи Японии. Он оказал важное влияние и на последующее развитие японо-советских отношений, поскольку Япония оказалась в прямом пограничном соприкосновении с СССР.

Японские военные историки признают, что «после оккупации Маньчжурии появилась возможность повторения сибирской экспедиции»^{149}. Среди командования армии укреплялось мнение о том, что в результате овладения Маньчжурией Япония получила преимущества для проведения военных действий против СССР. Группа экстремистски настроенных офицеров и генералов предлагала осуществить нападение в ближайшем будущем. В докладе военного атташе Японии в Советском Союзе Касахары, датированном 1932 г., в частности, указывалось: «Развертывая программу вооружений, мы должны ставить в центр внимания Советский Союз. Японо-советская война в будущем неизбежна... С точки зрения боеспособности СССР для нас было бы выгодным эту войну начать как можно скорее...» Далее японский военный атташе подчеркивал: «Мы должны быть готовы к тому, чтобы радикальным образом разрешить проблему наших взаимоотношений с Советским Союзом. Учитывая то, что в данный момент военные силы Японии и СССР находятся в непосредственной близости, и то, что СССР, ощущая страх, увеличивает свои вооружения на Дальнем Востоке, нужно быть в полной боевой готовности»^{150}.

Советское руководство хорошо понимало, что выход японских вооруженных сил на советскую границу увеличивает опасность военного столкновения с Японией. В этих условиях Москва активизировала свои предложения заключить пакт о ненападении, указывая, что отсутствие такого пакта не свидетельствует о намерении Японии проводить миролюбивую политику. Народный комиссар иностранных дел СССР (министр иностранных дел) М.М. Литвинов во время состоявшейся в Москве 31 декабря 1931 г. беседе с министром иностранных дел Японии К. Ёсидзавой отметил, что СССР уже имеет пакты о ненападении или нейтралитете с Германией, Литвой, Турцией, Персией, Афганистаном, ведет соответствующие переговоры с Финляндией, Эстонией, Латвией и Румынией. При этом он подчеркнул:

«Сохранение мирных и дружественных отношений со всеми нашими соседями, в том числе и с Японией, является основой нашей внешней политики»^{151}.

В Токио не сомневались в искренности стремления Советского Союза заключить пакт о ненападении с Японией. В секретном меморандуме, составленном заведующим европейско-американским департаментом МИД Японии С. Того, говорилось: «Желание Советского Союза заключить с Японией пакт о ненападении вызвано его стремлением обеспечить безопасность своих дальневосточных территорий от всевозрастающей угрозы, которую он испытывает со времени японского продвижения в Маньчжурии»^{152}.

И это было действительно так. В начале 30-х гг. реальная военная опасность для СССР исходила именно от Японии. Германия еще переживала синдром поражения в войне, а основные западные державы — Великобритания, Франция и США — в условиях экономического кризиса были разобщены и занимались внутренними проблемами.

Однако и для Японии, еще не «переварившей» Маньчжурию, скорая большая война с СССР едва ли была возможна. Тем не менее, не желая сеять подозрения у западных держав по поводу отказа Японии от конфронтации с СССР, 13 декабря 1932 г. японское правительство в официальной ноте вновь заявило, что «еще не созрел момент для заключения договора о ненападении». В ответной ноте советского правительства указывалось, что его предложение «не было вызвано соображениями момента, а вытекает из всей его мирной политики и потому остается в силе и в дальнейшем»^{153}.

Одновременно в конце 1932 г. император Японии Хирохито одобрил разработанный генеральным штабом армии план войны против СССР на 1933 г., который учитывал изменившееся после захвата Маньчжурии стратегическое положение: в случае войны японской оккупации подлежало не только Приморье, но и вся территория к востоку от озера Байкал^{154}.

Вопрос о будущей войне против СССР детально обсуждался на проходившем в июне 1933 г. очередном совещании руководящего состава японских сухопутных сил. Военный министр С. Араки настаивал на том, чтобы готовиться к войне, прежде всего против СССР и осуществить нападение на него в 1936 г., когда «будут и поводы для войны, и международная поддержка, и основания для успеха».

Генералы Т. Нагата и Х. Тодзио, напротив, считали, что для ведения войны против СССР «Япония должна собрать воедино все ресурсы желтой расы и подготовиться для тотальной войны». Тодзио говорил о рискованности преждевременного выступления. Поддерживая эту точку зрения, начальник второго управления генерального штаба Нагата указывал, что для войны против СССР «необходимо иметь в тылу 500-миллионный Китай, который должен стоять за японскими самураями как громадный рабочий батальон, и значительно повысить производственные мощности Японии в Маньчжурии»^{155}. Поскольку такую программу выполнить к 1936 г. было трудно, предлагалось воспользоваться заинтересованностью советского правительства в улучшении советско-японских отношений и изучить условия заключения пакта о ненападении с СССР.

Главный смысл предложений сторонников серьезной подготовки к будущей войне с Советским Союзом состоял в том, чтобы прежде создать в Маньчжурии мощную военно-экономическую базу и покорить Китай. Однако большинство участников совещания, хотя и понимали важность «китайского фактора», проголосовали за обращение к императору с рекомендацией сосредоточить усилия и финансовые средства на подготовке к столкновению с СССР, который был определен как «противник номер один».

Агрессивные намерения армейских офицеров и генералов не остались незамеченными в столицах западных держав, которые были заинтересованы в военной конфронтации Японии с СССР и пытались ее стимулировать. Посол США в Японии Дж. Грю доносил в Госдепартамент: «Один из помощников военного атташе сказал мне, что он с группой своих иностранных коллег пришел к заключению, что война (Японии) с СССР совершенно неизбежна и что она начнется весной 1935 г., хотя некоторые из его коллег полагают, что эта война может начаться и раньше». В октябре 1933 г. Дж. Грю, сообщая в Госдепартамент о решимости Японии «устранить в удобный момент препятствие со стороны России в отношении японских честолюбивых планов», отмечал, что «японцев можно легко побудить вторгнуться в Сибирь»^{156}.

В Советском Союзе верно расценивали складывавшуюся обстановку. 3 марта 1933 г. заместитель наркома по иностранным делам Л.М. Карахан писал в ЦК ВКП(б): «Мне кажется, не может быть двух

мнений, что наиболее идеальным выходом из кризиса и из создавшегося на Дальнем Востоке положения для САСШ (США) и для других европейских держав была бы война между СССР и Японией. Нас будут втягивать и толкать на это...»^{157}.

Подыгрывая ожиданиям западных политиков, японское правительство пыталось создать у них впечатление, что оккупация Маньчжурии предпринята с единственной целью создать плацдарм для войны с СССР. За несколько месяцев до начала «маньчжурского инцидента» японское правительство официально запросило английское и французское правительства, может ли оно рассчитывать на их прямую поддержку в случае войны Японии с Советским Союзом. При попустительстве правительства японские правые силы развернули шумную антисоветскую пропаганду, необоснованно стали требовать новых дополнительных льгот при оплате аренды рыболовных участков. 16 марта 1931 г. было совершено покушение на торгового представителя СССР в Токио.

Вскоре после захвата Северо-Восточного Китая японское правительство в конце октября 1931 г. поручило своему послу Хироте обратиться в НКВД СССР с заявлением о том, что, мол, ходят слухи о помощи, якобы оказываемой СССР китайским войскам в Маньчжурии против Японии. В ответе НКВД было сказано, что СССР «уважает международные договоры, заключенные с Китаем... и считает, что политика военной оккупации, проводимая хотя бы под видом так называемой помощи, несовместима с мирной политикой СССР и интересами всеобщего мира». Тем не менее 19 ноября 1931 г. японское правительство вновь в жестких выражениях потребовало «прекращения вмешательства» СССР во внутренние дела Маньчжурии. В ответ 20 ноября нарком по иностранным делам СССР заявил, что «Советское правительство последовательно во всех своих отношениях с другими государствами проводит строгую политику мира и мирных отношений. Оно придает большое значение сохранению и укреплению существующих отношений с Японией. Оно придерживается политики строгого невмешательства в конфликты между разными странами. Оно рассчитывает, что и японское правительство стремится к сохранению существующих отношений между обеими странами и что оно во всех своих действиях и распоряжениях будет учитывать ненарушимость интересов СССР»^{158}.

Делая подобное заявление, советское правительство, по сути дела, объявляло о своем невмешательстве в японо-китайский конфликт в Маньчжурии. Тем самым демонстрировалась твердая решимость СССР не допустить своего вовлечения в этот конфликт, как того хотелось бы западным державам. Это, однако, не означало безучастного отношения Москвы к японской агрессии. 25 сентября 1931 г. газета «Правда» в передовой статье, озаглавленной «Военная оккупация Маньчжурии», писала: «Есть только одна сила, способная положить конец насилию империалистов над трудящимися Китая, — это победа рабоче-крестьянской революции в Китае под руководством китайской компартии. Рабочие и крестьяне Китая уже несколько лет ведут не без успеха вооруженную борьбу против империализма и Гоминьдана. Теперь, когда японский империализм пытается расправиться с китайским народом, рабочие всего мира поднимаются на защиту китайской революции.

Трудящиеся СССР следят за борьбой в Китае с величайшим вниманием. Их сочувствие на стороне китайского народа».

Морально-политическая поддержка СССР китайского народа в борьбе с оккупантами раздражала японские власти. В японской армии бряцали оружием, угрожая СССР войной. На советско-маньчжурской границе начались постоянные «пограничные инциденты». Провокационная активность японской военщины заставила советское правительство потребовать от правительства Японии прекращения антисоветской кампании, «систематически проводимой некоторыми военными кругами в Маньчжурии с целью осложнения отношений между Японией и СССР». Вместе с тем Москва предпринимала шаги по недопущению вооруженного столкновения между двумя странами. Важным свидетельством стремления советского правительства лишить японцев всякого повода спровоцировать военные действия явилось сделанное в июне 1933 г. предложение Советского Союза Японии приобрести построенную Россией в Маньчжурии Китайско-Восточную железную дорогу. При этом было принято во внимание, что японцы, недовольные восстановлением в декабре 1932 г. советско-китайских дипломатических отношений, сознательно нагнетали обстановку вокруг этой дороги, постоянно провоцировали в связи с ее эксплуатацией серьезные конфликтные ситуации. В ходе продолжавшихся два года переговоров советское правительство

уступило КВЖД властям марионеточного государства Маньчжоу-Го (а фактически японцам) за 140 млн. иен, что было значительно ниже российских вложений в строительство этой дороги.

Однако предпринимаемые советской стороной усилия по недопущению обострения отношений с Японией наталкивались на откровенное нежелание японской стороны поддерживать долгосрочное добрососедство с СССР. Напротив, японское правительство и военное командование сознательно строили свою политику таким образом, чтобы угроза возникновения японо-советской войны на Дальнем Востоке стала постоянным фактором. Это вынуждало советское руководство принимать меры к укреплению обороноспособности страны. Началась своеобразная «локальная гонка вооружений» в районе советско-маньчжурской границы. И одна, и другая сторона стремились сосредоточить здесь такое количество войск и вооружений, которое исключало бы поражение в случае войны. Различие состояло в том, что СССР не имел территориальных притязаний к соседним странам на Дальнем Востоке, а был озабочен обеспечением целостности и безопасности своего государства. Япония же вступила на путь экспансии за рубежом, создания с опорой на военную силу обширной колониальной империи, в состав которой планировалось включить и российские дальневосточные и сибирские земли.

Заявив в марте 1933 г. о своем выходе из Лиги Наций, Япония, не обращая внимания на международное общественное мнение, демонстративно продолжала проводить экспансионистскую политику в Китае. Не ограничиваясь Маньчжурией, японские власти стремились расширить плацдарм для военных действий против СССР и Монгольской Народной Республики (МНР) путем широкого внедрения своей агентуры в Хинганскую провинцию, Внутреннюю Монголию и Синьцзян. Японская угроза побудила СССР и МНР заключить 27 ноября 1934 г. двустороннее соглашение о взаимной поддержке всеми мерами в целях недопущения военного нападения. Это нарушало планы японской военщины, которая с начала 1935 г. стала организовывать на маньчжуро-монгольской границе провокации и вооруженные нападения. В марте 1936 г. был подписан протокол о взаимопомощи между СССР и МНР, по которому оба государства в случае военного нападения на одно из них обязались «оказывать друг другу всяческую, в том числе военную помощь»^{159}. Подписание этого соглашения было

использовано реакционными силами Японии для дальнейшего нагнетания в стране антисоветских настроений под лозунгами «агрессивности большевистской России», «борьбы с коммунистической опасностью».

25 ноября 1936 г. в Берлине правительствами Японии и Германии был подписан Антикоминтерновский пакт, вторая статья секретного приложения к которому гласила: «Договаривающиеся стороны на период действия настоящего соглашения обязуются без взаимного согласия не заключать с Союзом Советских Социалистических Республик каких-либо политических договоров, которые противоречили бы духу настоящего соглашения». Тем самым вопрос о заключении договора о ненападении с Советским Союзом был японской стороной фактически снят с повестки дня.

Обретение мощных союзников на Западе (вскоре к Антикоминтерновскому пакту присоединились Италия и ряд других входивших в орбиту Германии европейских государств) поощрило Японию к расширению экспансии в Китае. Предпринимаемые советским правительством меры по укреплению обороноспособности восточных районов страны оказали сдерживающее влияние на японских генералов, заставляли их переносить сроки осуществления военных планов в отношении СССР. Среди японских политиков и военачальников стало утверждаться мнение о том, что «решающему сражению с Советами» должна предшествовать быстрая победоносная война в Китае. Наряду с политическими и экономическими целями такой войны ставилась задача создать в Китае прочный тыл, опираясь на который можно было бы предпринять наступление против СССР.

7 августа 1936 г. японское правительство приняло секретное постановление, в котором указывалось: «Учитывая теперешнее состояние японо-советских отношений, при осуществлении северной политики, основное внимание в мероприятиях в отношении Китая следует направить на быстрое превращение Северного Китая в антикоммунистическую и прояпоно-маньчжурскую зону и также на то, чтобы весь Китай сделать антисоветским и прояпонским»^{160}. За месяц до развязывания японо-китайской войны 9 июня 1937 г. начальник штаба размещенной в Маньчжурии японской Квантунской армии генерал Тодзио Хидэки телеграфировал в генеральный штаб: «Если рассматривать теперешнюю обстановку в Китае с точки зрения

подготовки войны с СССР, наиболее целесообразной политикой является нанесение, прежде всего, удара, если позволят наши силы, по Нанкинскому правительству, что устранило бы угрозу нашему тылу»^{161}.

Ночью 7 июля 1937 г. севернее моста Лугоуцяо (Марко Поло), близ Пекина, возникла перестрелка между китайскими солдатами и японскими военнослужащими из состава так называемой «гарнизонной армии в Китае». Согласно японской версии это был инцидент, который якобы по вине китайской стороны был расширен до масштабов войны. Однако японские документы свидетельствуют о том, что японское военно-политическое руководство использовало эти события для реализации существовавших в Японии планов захвата Китая.

«На границе тучи ходят хмуро...»

Оказавшись в конце 1937 г. в крайне сложном положении, правительство Китая, не полагаясь на помощь западных держав, информировало об этом советское руководство. 13 декабря китайский министр иностранных дел Ван Чунхой заявил временному поверенному в делах СССР в Китае: «Китайское правительство имеет точные сведения, что инцидент в Лугоуцяо в июле месяце был заранее подготовлен японцами на случай отказа Китая от японских требований. После шести месяцев войны Китай теперь находится на распутье. Китайское правительство должно решить вопрос, что делать дальше, ибо сопротивляться дальше без помощи извне Китай не может. Китайское правительство имеет твердую решимость сопротивляться, но все ресурсы уже исчерпаны. Не сегодня так завтра перед китайским правительством встанет вопрос, как долго это сопротивление может продолжаться»^{162}. Призывая СССР оказать помощь, он указывал, что в случае поражения Китая Япония сделает его плацдармом для войны против СССР и использует для этого все ресурсы страны. 29 декабря Чан Кайши поставил перед правительством Советского Союза вопрос о направлении в Китай советских военных специалистов, вооружения, автотранспорта, артиллерии и других технических средств.

Несмотря на то что выполнение этой просьбы создавало опасность ухудшения советско-японских отношений, советское руководство приняло решение оказать прямую помощь китайскому народу. В первой половине 1938 г. СССР предоставил Китаю кредиты на льготных условиях на сумму 100 млн. долларов. В Китай были направлены 477 самолетов, 82 танка, 725 пушек и гаубиц, 3825 пулеметов, 700 автомашин, большое количество боеприпасов. Всего с октября 1937-го по октябрь 1939 г. Советский Союз поставил Китаю 985 самолетов, более 1300 артиллерийских орудий, свыше 14 тыс. пулеметов, а также боеприпасы, оборудование и снаряжение^{163}.

Общая сумма займов СССР Китаю с 1938 по 1939 г. составила 250 млн. долларов. Заметим, что за этот же период США предоставили Китаю заем в 25 млн. долларов. В наиболее трудный начальный период японо-китайской войны помощь США и Великобритании Китаю была

символической. Так, с июля 1937-го по январь 1938 г. Китай получил от США 11 самолетов и 450 тонн пороха^{164}.

Крупномасштабная советская помощь Китаю реально препятствовала осуществлению японских агрессивных планов, и ее прекращение рассматривалось как одна из важнейших внешнеполитических задач Токио. Японское правительство имело все основания считать, что «разрешение китайского инцидента затягивается из-за помощи, которую оказывал Китаю Советский Союз»^{165}.

Стремление изолировать СССР от Китая* сорвать его помощь китайскому народу толкало японские военные круги на сознательное обострение японо-советских отношений. В 1938 г. число японских провокаций на советско-маньчжурской границе резко возросло. Так, например, если в 1937 г. было отмечено 69 нарушений границы японскими военнослужащими, то в 1938 г. их было зарегистрировано почти вдвое больше — 124.^{166} Всего же за три года — с 1936 по 1938 г. — инцидентов на границе было зарегистрировано 231, из них 35 крупных столкновений. Японские источники дают еще большие цифры — 506 инцидентов за три года (1935—г 1937). Информировав посла СССР в Японии о серьезности складывавшейся обстановки, заместитель наркома иностранных дел СССР Б.С. Стомоняков писал 25 июня 1938 г., что «линия японской военщины в Маньчжурии, рассчитанная на провокацию пограничных конфликтов, продолжает проводиться непрерывно и все с большей наглостью».

В марте 1938 г. штабом размещенной в Маньчжурии Квантунской армии в центр был направлен документ «Политика обороны государства», в котором в случае войны с СССР предлагалось силами Квантунской и Корейской армий (японская армия, дислоцировавшаяся на территории Кореи. — *А.К.*) нанести основной удар по советскому Приморью с целью его захвата и отсечения советских войск Особой Дальневосточной армии от войск Забайкальского военного округа. Затем последовательными ударами осуществить наступление на амурском и забайкальском направлениях. Одновременно намечалось вторжение в Монгольскую Народную Республику.^{167}

Разработка этих планов свидетельствовала о намерении японских военных кругов разрешить японо-советские противоречия вооруженным путем. Однако более осторожные японские политики

считали, что приступить к решению «северной проблемы» можно будет лишь при поддержке других держав, когда СССР будет вовлечен в войну в европейской части страны.

Весной 1938 г. японские войска продолжали развивать наступление в Центральном Китае. При этом японские лидеры не скрывали своего намерения вытеснить США и другие западные державы не только из Китая, но и в целом из Восточной Азии. Это вынудило США занять более жесткую позицию. 17 марта 1938 г. государственный секретарь США К. Хэлл выступил с большой речью «Наша внешняя политика», в которой заявил, что США «не намерены отказаться от своих прав и интересов в Китае».

В связи с этим японское правительство, опасаясь обострения отношений с США, решило принять меры, демонстрирующие стремление Японии направить свои военные усилия против СССР. Летом 1938 г. японское военно-политическое руководство предприняло попытку расширить до масштабов серьезного вооруженного конфликта один из пограничных инцидентов в районе озера Хасан в Приморье. Однако цели конфликта не ограничивались демонстрацией японских намерений перед западными державами. Составители японской «Истории войны на Тихом океане» отмечают: «Начиная с 1938 г. японо-советские отношения неуклонно ухудшались. Дело в том, что с этого времени помощь Советского Союза Китаю усилилась... Это раздражало Японию... В генштабе армии формировалась идея прощупать советскую военную мощь, выяснить готовность СССР к войне с Японией... Было решено проверить это нападением на советские войска, мобилизовав 19-ю дивизию Корейской армии, которая находилась в прямом подчинении императорской ставки. Замысел состоял в нанесении сильного удара, с тем, чтобы предотвратить возможное выступление СССР против Японии».^{168}.

Можно считать, что одной из основных целей хасанских событий было «устрашить» советское руководство мощью японской армии, вынудить его пересмотреть свою политику в отношении Китая, не допустить вовлечения СССР в японо-китайскую войну.

Выбор времени диктовался обстановкой на японо-китайском фронте. Готовясь к проведению уханьской операции, японцам было важно убедиться, что Советский Союз не имеет намерения вооруженным путем воспрепятствовать расширению японской

агрессии в Китае. Начальник оперативного отдела императорской ставки полковник Инада говорил по поводу хасанских событий: «Даже если будет разгромлена целая дивизия, необходимо выяснить готовность Советов выступить против Японии».^{169}.

В Японии немало тех, кто пытается оправдывать предпринятые летом 1938 г. действия японской армии. Для «обоснования» своей позиции они изобретают прямо-таки фантастические версии. Согласно одной из них хасанские события были спланированы и спровоцированы Москвой. Якобы в условиях усилившихся в конце 30-х гг. «антисталинских настроений в СССР» Кремль задался целью отвлечь народ от внутренних проблем, создав в стране обстановку военной опасности.

Авторы этой версии пишут: «В то время японская армия перехватила советские кодированные телеграммы и частично их расшифровала. Генеральный штаб проявил особый интерес к двум из них. В одной сообщалось, что в пограничных отрядах боеприпасов осталось менее половины положенного запаса и делался запрос о восполнении необходимого боекомплекта. Во второй — предписывалось незамедлительно занять высоту Тёкохо (Заозерная. — *А.К.*). Это были провоцирующие японскую армию телеграммы в расчете на то, что они будут расшифрованы. Японская армия поддалась на эту провокацию. Она сочла необходимым, упредив советские войска, занять высоту Тёкохо. Тем более что у советских пограничников не было боеприпасов».

По другой версии конфликт был организован советской стороной с целью оказать косвенную помощь Китаю в его сопротивлении японской агрессии.

В условиях, когда японское правительство упорно отвергало предложения СССР о заключении пакта о ненападении, а опасность советско-японского вооруженного столкновения становилась постоянным фактором, советское руководство было вынуждено проявлять заботу об укреплении обороноспособности в восточных районах своей страны. Увеличивалась численность войск, на Дальнем Востоке появились танковые и авиационные части, усиливался Тихоокеанский флот, шло строительство укрепленных районов. Эти меры имели оборонительный характер и не превышали необходимого для защиты границ уровня. «Поскольку оккупация Маньчжурии была

предпринята исходя из стратегии войны против СССР, необходимость увеличения войск возникала не для Японии, а, наоборот, для Советского Союза», — указывал японский военный историк Фудзивара Акира.

Наряду с усилением группировки советских войск оборудовались в инженерном отношении ранее не укрепленные участки советско-маньчжурской границы. Одним из таких пограничных участков и были высоты Заозерная и Безымянная, расположенные к западу от озера Хасан.

Как сообщают японские источники, 6 июля 1938 г. на вершине высоты Заозерная были замечены несколько советских конных дозорных, а затем появились солдаты, которые приступили к отрытию окопов. Об этом было доложено командующему японской Корейской армии генералу Коисо Куниаки. Командующий сначала не придал сообщению особого значения, но рапорт в Токио все же направил.

В отличие от Коисо, в оперативном управлении генштаба проявили к сообщению немалый интерес. Генштабисты и ранее подумывали о том, как испытать силу Особой Краснознаменной Дальневосточной армии, особенно после того, как она 1 июля 1938 г. была преобразована в Дальневосточный Краснознаменный фронт. Японскому командованию важно было также проверить информацию о состоянии советских войск в Приморье, полученную от перебежавшего 13 июня 1938 г. к японцам начальника управления НКВД по Дальневосточному краю комиссара 3-го ранга Г. Люшкова. В генштабе родилась идея: «Атаковав советских солдат на высоте Тёкохо, выяснить, как будет реагировать на это Советский Союз. Пользуясь случаем, прощупать силу Советов в этом районе».

Предлагая провести разведку боем именно на этом участке границы, офицеры генштаба учитывали, что здесь советскому командованию будет весьма непросто развернуть войска, находившиеся в 150—200 км от высоты Заозерная. Принималось во внимание то, что к пограничным сопкам вела лишь одна размытая дождем грунтовая дорога. Это затрудняло быстрое сосредоточение в данном районе советской тяжелой техники и артиллерии. С другой стороны, маньчжуро-корейская дорога отстояла от высоты Заозерной лишь на 6 км. Старший офицер ставки подполковник Нисимура Тосио

свидетельствовал после войны, что эти факторы позволяли рассчитывать на успех японского удара.

Однако если офицеры генштаба среднего звена отрабатывали оперативно-тактические вопросы предстоявшей операции, высшее военно-политическое руководство страны придавало намечавшейся провокации важное стратегическое значение.

Планируя начало широкомасштабной войны в Китае, японское руководство было весьма озабочено позицией СССР в отношении новой агрессии Японии на континенте. Как отмечалось выше, японским военным и политикам было важно выяснить, не окажет ли в этом случае Москва прямую военную помощь Китаю силами своих регулярных войск. С этой целью за десять дней до вторжения в Китай японцы спровоцировали вооруженный инцидент в районе Константиновских островов на Амуре, которые советская сторона считала своими. 29 июня 1937 г. японские солдаты неожиданно высадились на эти острова. Пограничники оказали сопротивление. В завязавшейся перестрелке было убито и ранено несколько советских моряков, потоплен бронекатер, серьезно повреждены другие суда.

Тогда советское правительство предпочло урегулировать инцидент дипломатическим путем. Для японцев это было важным сигналом, свидетельством того, что СССР стремится избегать обострения отношений с Японией. В японской исторической литературе есть указание на то, что занятая во время этого инцидента примирительная позиция Москвы была учтена при принятии японским правительством решения о начале 7 июля 1937 г. войны в Китае.

Вопреки японским расчетам советское правительство не осталось безучастным в отношении агрессии Японии в Китае. 21 августа 1937 г. между СССР и Китаем был заключен договор о ненападении. Значение этого договора не ограничивалось лишь обязательствами сторон не совершать агрессивных действий друг против друга. Это было, по сути дела, соглашение о взаимопомощи в борьбе с японскими захватчиками. В Токио это хорошо понимали.

Японцы рассматривали советскую помощь как вмешательство СССР в японо-китайскую войну и предпринимали попытки выступать с дипломатическими протестами по этому поводу. Их опасения усиливала поступающая информация о том, что правительство Чан

Кайши и лидеры западных держав все настойчивее подталкивали Москву к прямому участию в войне в Китае.

При анализе замыслов японской ставки по использованию пограничного инцидента в районе озера Хасан важно учитывать тогдашнюю обстановку на китайском театре военных действий. В июне 1938 г. ставкой была направлена в экспедиционную армию в Китае директива о проведении операции по овладению трехградьем Ухань, объединявшим крупные промышленные центры — Учан, Ханьян и Ханькоу. 15 июня был отдан приказ о подготовке операции по захвату Ханькоу.

Летом 1938 г. две трети всех сухопутных сил Японии, а именно 23 дивизии, находились на китайском фронте. Против СССР в Маньчжурии и Корее имелось 9 дивизий. В метрополии оставались лишь две дивизии. В этих условиях спровоцировать начало войны с СССР было рискованно. Второе управление генштаба (разведка) считало, что в случае войны СССР сможет выставить на Дальнем Востоке от 31 до 58 стрелковых дивизий, что значительно превышало японские возможности.

И все же в Токио решили рискнуть и путем проведения ограниченной по масштабам операции выяснить, не нанесет ли СССР удар в тыл японским войскам, когда они будут заняты овладением Уханью. Замысел оперативного управления генштаба предусматривал: «Провести бои, но при этом не расширять сверх необходимости масштабы военных действий. Исключить применение авиации. Выделить для проведения операции одну дивизию из состава Корейской армии. Захватив высоты, дальнейших действий не предпринимать».

В исторической литературе со ссылкой на материалы Токийского процесса утверждается, что «22 июля на совещании пяти ведущих министров японского правительства план нападения на советскую территорию в районе озера Хасан был одобрен императором». Появившиеся в послевоенные годы дополнительные сведения позволяют внести в это утверждение некоторые коррективы.

14 июля временный поверенный в делах Японии в СССР Ниси Харухико по указанию Токио потребовал незамедлительного отвода советских войск с высот Заозерная и Безымянная. 20 июля такое же требование выдвинул перед наркомом иностранных дел М.М.

Литвиновым срочно вернувшийся в Москву из поездки в Северную Европу посол Японии в СССР Сигэмицу Мамору. Он подчеркнул, что по соглашению с Маньчжоу-Го Япония взяла на себя обязательства защищать маньчжурскую границу, не останавливаясь перед использованием силы. Советский нарком решительно отверг требование японского правительства и указал, что Советский Союз «посягательств на свою территорию не допустит». Японскому послу была предъявлена приложенная к российско-китайскому Хунчунскому договору 1886 г. карта, согласно которой граница была определена по вершинам высот Заозерная и Безымянная. Однако посол, игнорируя этот документ и доводы советской стороны, продолжал стоять на своем. Впоследствии в мемуарах Сигэмицу признал, что «возможности разрешить конфликт путем удовлетворения односторонних требований японской стороны об отводе войск с самого начала были невелики». Понимали это и генералы из императорской ставки, целью которых было не урегулирование конфликта, а проведение запланированной операции.

20 июля военный министр Сэйсио Итагаки и начальник генерального штаба Номия Канъин запросили аудиенцию императора с тем, чтобы получить его санкцию как главнокомандующего на применение войск и мобилизацию для проведения операции в районе озера Хасан. Хотя они заявляли, что эти действия поддерживают и другие министры, в действительности не все высшие чиновники разделяли мнение о необходимости военных действий против СССР в Приморье. Некоторые из них — министр иностранных дел Угаки Иссэй, военно-морской министр Ионаи Мицумаса, министр внутренних дел Юаса Курахэй — опасались начала войны с СССР. Такая перспектива пугала и императора Хирохито.

В условиях затягивания войны в Китае, победить в которой японские генералы обещали за три месяца, император уже с большей осторожностью воспринимал предложения военных о применении войск. Близкие к императору придворные и личные советники убеждали монарха в неготовности Японии воевать с СССР. Хирохито весьма обескуражил военного министра Итагаки, явившегося за санкцией на проведение операции против советских войск. Император с раздражением бросил министру: «Впредь чтобы ни один солдат и шаг не ступил без моего указания». Это, однако, не означало, что

император был против проведения операции в районе Хасана. Он лишь стремился держать ситуацию под своим контролем.

После неудачной аудиенции вопрос о начале военных действий оставался открытым. В этой ситуации ставка поручила полковнику Инаде отправить в Корейскую армию телеграмму следующего содержания: «Пока рассчитывать на директиву ставки о начале применил войск не приходится... Действуйте по обстановке». Японские историки склонны считать, что эта шифровка сознательно была составлена столь двусмысленно. По сути дела, она давала возможность командирам на местах действовать самостоятельно, что в конце концов и произошло.

Район инцидента входил в зону ответственности 19-й дивизии из состава Корейской армии. В ставке знали о том, что командир этой дивизии генерал-лейтенант Суэтака Камэдзо рвался в бой. Еще 21 июля он придвинул к высотам Заозерная и Безымянная свой 75-й пехотный полк, который готовился к наступлению. Так как приказ из центра задерживался, Суэтака решил ускорить события. 29 июля, воспользовавшись туманом, он отдал приказ захватить Безымянную. Преодолев сопротивление погранотряда численностью 11 человек, японцы овладели высотой. Хотя подоспевшая на помощь рота поддержки из 40-й стрелковой дивизии успешно контратаковала противника, столкновения продолжались.

30 июля генштабом было дано разрешение Корейской армии «применять силу в случае незаконного нарушения границы». Оправдывая свои действия, Суэтака 31 июля доложил в центр, что советские войска вновь нарушили границу и изготвились к превентивному удару. В Токио не осудили самовольные действия 19-й дивизии, хотя и предупредили от дальнейшего расширения конфликта.

В результате предпринятого наступления батальоны 75-го пехотного полка 19-й дивизии при поддержке артиллерии вклинились в глубь советской территории на 4 километра и вышли к населенным пунктам Пакшекори и Новоселки, расположенным к северо-востоку от озера Хасан. Это уже была неприкрытая агрессия, захват территории сопредельного государства.

Докладывая о действиях 19-й дивизии императору, заместитель начальника генштаба Тада Хаяо заверил монарха в том, что японская

армия не будет дальше развивать наступление. В ответ Хирохито «выразил удовлетворение».

Агрессивные действия японской армии нарушали территориальную целостность СССР. 1 августа И.В. Сталин лично приказал командующему Дальневосточным фронтом маршалу В.К. Блюхеру в кратчайший срок выбить японцев с захваченной территории. Он говорил в телефонном разговоре маршалу: «Скажите, товарищ Блюхер, честно, есть ли у вас желание по-настоящему воевать с японцами? Если нет у вас такого желания, скажите прямо, как подобает коммунисту, а если есть желание, я бы считал, что вам следовало бы выехать на место немедленно... Товарищ Блюхер должен показать, что он остался Блюхером периода Перекопа...»

Раздражение Сталина можно понять — на глазах всего мира японцы совершали против СССР откровенную вооруженную провокацию, вторглись в пределы страны. Однако эти упреки в адрес Блюхера нельзя считать полностью обоснованными. Во-первых, без приказа из центра Блюхер не мог использовать силы стратегического назначения, что было чревато опасностью начала войны. Из сообщений разведки ему было известно, что в готовность приводилась не только Корейская, но и Квантунская армия. Во-вторых, командующий Дальневосточным фронтом из-за особенностей местности не мог быстро сосредоточить на узком участке между границей и озером Хасан крупные силы.

3 августа резидент советской разведки в Японии Рихард Зорге сообщил в Москву: «...Японский генеральный штаб заинтересован в войне с СССР не сейчас, а позднее. Активные действия на границе предприняты японцами, чтобы показать Советскому Союзу, что Япония все еще способна проявить свою мощь»^{170}. В тот же день после заседания ЦК ВКП(б) нарком обороны К.Е. Ворошилов направил командованию Дальневосточного фронта директиву, в которой потребовал сосредоточить в районе конфликта 39-й стрелковый корпус в составе трех стрелковых дивизий и одной механизированной бригады. Была поставлена задача восстановить государственную границу. 4 августа наркомом был отдан приказ о приведении в готовность всех войск Дальневосточного фронта и Забайкальского военного округа.

За двое суток в районе боевых действий удалось сосредоточить 15 тыс. человек, 1014 пулеметов, 237 орудий, 285 танков. Всего же в составе 39-го стрелкового корпуса насчитывалось до 32 тыс. человек, 609 орудий и 345 танков. Для поддержки действий наземных войск было выделено 250 самолетов (180 бомбардировщиков и 70 истребителей).

Получая сведения о сосредоточении столь сильной группировки советских войск, японское правительство проявило серьезную обеспокоенность. 4 августа посол Сигэмицу передал Литвинову предложение Токио: прекратить военные действия с обеих сторон и без промедления приступить к урегулированию конфликта. В ответ нарком подтвердил требование правительства СССР незамедлительно отвести японские войска за линию границы. Однако в Токио соглашались отступить, оставляя за собой высоты Заозерную и Безымянную, на которых спешно возводились укрепления. Было ясно, что японцы стремились начать переговоры с тем, чтобы успеть закрепиться на захваченных высотах.

Выполняя директиву Москвы, командир 39-го стрелкового корпуса комкор Г.М. Штерн отдал приказ перейти 6 августа в общее наступление и одновременными ударами с севера и юга зажать и уничтожить войска противника в полосе между рекой Тумень-Ула и озером Хасан. Начавшиеся ожесточенные бои продолжались до 9 августа. За четыре дня японские войска были выбиты с захваченной территории. 10 августа начальник штаба 19-й дивизии полковник Накамура Ёсиаки вынужден был телеграфировать начальнику штаба Корейской армии: «С каждым днем боеспособность дивизии сокращается. Противнику нанесен большой урон. Он применяет все новые способы ведения боя, усиливает артиллерийский обстрел. Если так будет продолжаться и далее, существует опасность перерастания боев в еще более ожесточенные сражения. В течение одних-трех суток необходимо определиться по поводу дальнейших действий дивизии... До настоящего момента японские войска уже продемонстрировали противнику свою мощь, а потому, пока еще возможно, необходимо принять меры по разрешению конфликта дипломатическим путем»^{171}. Как отмечают японские историки, это было «криком о помощи».

В тот же день по указанию Токио Сигэмицу спешно явился в Наркоминдел и вновь предложил, прекратив военные действия,

приступить к переговорам. Советское правительство дало согласие, и в полдень 11 августа военные действия были прекращены. К этому времени все захваченные японцами пограничные высоты (Заозерная, Безымянная, Богомольная, Пулеметная) были освобождены и заняты советским войсками.

Предпринятая по инициативе японской императорской ставки, военного министерства и генерального штаба операция в Приморье стала серьезным испытанием для советских дальневосточных войск. В событиях в районе озера Хасан Красная Армия впервые после Гражданской войны вступила в сражение с кадровой армией крупного и сильного в военном отношении государства. О масштабах развернувшихся сражений свидетельствуют данные о потерях сторон. По числу убитых и раненых эти события выходят на уровень локальной войны.

По сообщению ТАСС от 15 августа 1938 г. японцы потеряли 600 человек убитыми и 2500 ранеными. Японская же «Официальная история войны в Великой Восточной Азии» дает несколько иные цифры: 1440 погибших и раненых, или 22,1 процента от числа принимавших непосредственное участие в боях 6914 человек. Особенно велики были потери в 75-м пехотном полку — 708 убитыми и ранеными, что составило 51,2 процента от списочного состава полка. Как отмечают японские авторы, «обычно при потерях в 30 процентов воинская часть теряет боеспособность, а 50 процентов потерь — это разгром».

Пытаясь оправдать столь большие потери, японские авторы утверждают, что Дальневосточной армии был нанесен еще больший урон, а именно общие потери Красной Армии оцениваются в 5500 человек (1200 убитыми). Согласно же проведенному в 90-е гг. отечественными историками на основе архивных документов исследованию, части Дальневосточной армии потеряли 4071 человека (792 убитыми). О масштабах и жесточенности боев свидетельствует и то, что среди участвовавших в хасанских событиях советских военнослужащих 26 человек были удостоены звания Героя Советского Союза, 95 человек награждены орденами Ленина, 1985 — орденами Красного Знамени, 1935 — орденами Красной Звезды, 2485 — медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги».

Многие японские военные историки дают в своих трудах в целом объективную оценку хасанским событиям. Так, упоминавшийся выше профессор Фудзивара приходит к заключению: «Конфликт на Тёкохо (Заозерная) начинался лишь как один из пограничных инцидентов. Однако он был сознательно расширен по умыслу императорской ставки. Конечно, в условиях разрастания японо-китайской войны у центрального командования сухопутных сил не могло быть намерения начинать еще и большую войну с СССР. Однако перед началом операции по захвату Ухани было решено использовать 19-ю дивизию для провоцирования советского командования с целью выяснить, нет ли у СССР намерения вмешаться в войну в Китае... Ценой огромных потерь все же удалось добиться поставленной цели. Как показала предпринятая разведка боем, советское правительство не имело планов вступления в японо-китайскую войну».

Следует отдать должное советским обвинителям на Токийском процессе. При ограниченности документальной базы (в Японии успели до начала процесса уничтожить или сокрыть касавшиеся хасанских событий документы и материалы) они сумели вскрыть подлинный характер предпринятой летом 1938 г. японской провокационной вылазки на советскую территорию. Объективность проявили и судьи Токийского трибунала. В приговоре указывалось: «Целью нападения могло быть либо желание прощупать силу Советского Союза в этом районе, либо захватить стратегически важную территорию на гряде, господствующей над коммуникациями, ведущими к Владивостоку и Приморью... Трибунал также считает установленным, что военные действия были начаты японцами... Трибунал считает, что операции японских войск носили явно агрессивный характер».

Халхингольская авантюра

Потерпев поражение, японцы, тем не менее, частично добились целей провокации — продемонстрировали западным державам намерение продолжать конфронтацию с СССР и убедились в стремлении советского правительства избегать непосредственного вовлечения Советского Союза в японо-китайскую войну. Однако заставить советское правительство отказаться от поддержки Китая не удалось — советская помощь борющемуся с захватчиками китайскому народу продолжалась.

Весной 1939 г. в Токио рассчитывали, что в обстановке опасности германского нападения СССР не сможет использовать крупные силы в восточных районах страны и в случае вооруженного столкновения с Японией будет вынужден пойти на серьезные территориальные и политические уступки. При этом в качестве главной политической уступки неизменно рассматривался отказ советского правительства от оказания помощи и поддержки Китаю в его борьбе против японской агрессии. Ради этого военно-политическое руководство Японии было готово идти даже на риск большой войны с СССР.

После хасанских событий пришлось вносить коррективы в японские оперативно-стратегические планы войны против СССР. С осени 1938 г. генеральный штаб армии разрабатывал новый вариант плана, закодированный как «Операция № 8». Отличительной особенностью этого варианта было нанесение основного удара не в Приморье, а через МНР в направлении озера Байкал. Генеральный штаб изыскивал такое место для удара, «где противник не ждал наступления». Считалось, что нанесение удара с западного направления необходимо предпринять до того, как Советский Союз значительно укрепит здесь свою обороноспособность.

В исторической литературе при анализе причин развязывания японской армией крупного вооруженного конфликта на территории союзной СССР Монгольской Народной Республики в районе реки Халхин-Гол (в Японии этот район именуется Номонхан) внимание обычно уделяется в основном военным целям этой операции. Действительно, планируя очередную вылазку против Советского Союза, командование японской армии преследовало цель проверить

действенность нового варианта плана и испытать обороноспособность советских вооруженных сил на западном направлении, а также готовность советского правительства выполнить свои обязательства по заключенному 12 марта 1936 г. военному союзу с МНР. Тогда советское правительство заявило, что в случае нападения Японии на МНР Советский Союз поможет Монголии защитить ее независимость.

Среди японских генералов существовало стремление восстановить авторитет императорской армии, подорванный неспособностью быстро завершить войну в Китае и поражением у озера Хасан. В японской «Официальной истории» признается: «Лишившись уверенности в победе, армия находилась в состоянии сильной раздражительности и нетерпения — как в отношении военных действий против Китая, так и в отношении операций против СССР»^{172}.

Однако подлинные причины, толкнувшие японское командование на развязывание военных действий на территории МНР, были гораздо сложнее, чем просто стремление взять реванш за поражение на озере Хасан.

Как уже отмечалось, главная из них состояла в том, чтобы угрозой войны вынудить СССР отказаться от помощи Китаю или, по крайней мере, значительно ее ослабить. В этом случае, по японским расчетам, Чан Кайши должен был прийти к выводу, что «его ставка на помощь со стороны Советского Союза неосновательна» и лучше пойти на мирное улаживание японо-китайского конфликта, разумеется, на японских условиях.

Во-вторых, события на Халхин-Голе рассматривались японским руководством как важный козырь в дипломатической игре с Западом. Это подтверждают японские документы. Так, в «Секретном оперативном дневнике Квантунской армии» в связи с началом халхингольских событий была сделана следующая запись: «Есть уверенность в последовательном разгроме советской армии... Это является единственным способом создать выгодную для Японии обстановку на переговорах с Великобританией»^{173}.

Речь шла о переговорах о заключении между Японией и Великобританией так называемого «соглашения Арита-Крейги», которое вошло в историю как дальневосточный вариант «мюнхенского сговора». По существу, капитулировав перед Японией, английское правительство пошло на признание японских захватов в Китае. В

значительной степени такое решение Великобритании было ускорено событиями на Халхин-Голе. Рассчитывая на расширение халхингольских событий до масштабов войны, правительство Великобритании обязалось не создавать Японии проблем в тылу, в Китае. Это со всей определенностью было оговорено в японо-английском соглашении, которое гласило: «Правительство Объединенного Королевства полностью признает действительное положение в Китае, в котором ведутся крупномасштабные действия, и отмечает, что до тех пор, пока сохраняется такое положение, японская армия в Китае имеет особые права на обеспечение собственной безопасности и поддержание общественного порядка в районах, находящихся под ее контролем. Признается, что она (японская армия) вынуждена подавлять и устранять действия, которые будут выгодны ее противнику.

Правительство Его Величества не намерено предпринимать какие-либо действия или меры, наносящие ущерб осуществлению вышеуказанных задач японской армии...» Заключенное 22 июля 1939 г. в разгар халхингольских событий, это соглашение поощряло Японию на расширение военных действий против СССР.

В-третьих, японское правительство стремилось использовать военные действия против МНР и СССР как фактор сдерживания США от применения к Японии экономических санкций. 10 июля японский посол в США Хориноути убеждал госсекретаря Хэлла, что все действия Японии продиктованы борьбой против Советского Союза. В ходе последующих бесед он неоднократно поднимал тему «угрозы большевизма». Хэлл соглашался с этим, указывая, что США также выступают против усиления Советского Союза.

В результате, хотя 26 июля правительство США все же объявило о денонсации торгового договора с Японией, практическое осуществление этого решения было отложено на шесть месяцев. Существует достаточно оснований полагать, что не последнюю роль при этом сыграл тот факт, что именно в эти дни шли ожесточенные бои между японскими и советскими войсками на Халхин-Голе. Отложенная денонсация торгового договора не привела ни к какому ущербу для Японии. Более того, занятая США позиция позволила Японии закупить в 1939 г. в 10 раз больше американского железного и стального лома,

чем 1938 г. Не прекращалась торговля и другими жизненно важными для Японии стратегическими товарами.

В-четвертых, резкое обострение советско-японских отношений, прямое вооруженное столкновение с СССР отвечали целям Японии, преследуемым на проходивших в 1939 г. в Берлине переговорах об основах военно-политического союза Германии, Японии и Италии («Тройственный пакт»). Токио упорно добивался военного союза, направленного главным образом против СССР, стремясь воздержаться от принятия обязательств по совместному с Германией и Италией участию в войне с Великобританией и Францией, на чем настаивали европейские фашистские державы.

В своих донесениях из Токио Р. Зорге весной 1939 г. следующим образом оценивал ситуацию: «...Сведения о военном антикоминтерновском пакте: в случае, если Германия и Италия начнут войну с СССР, Япония присоединится к ним в любой момент, не ставя никаких условий. Но если война будет начата с демократическими странами, то Япония присоединится только при нападении на Дальнем Востоке или если СССР в войне присоединится к демократическим странам»^{174}.

По расчетам японского руководства, начало военных действий между Японией и Советским Союзом должно было подтолкнуть Германию к согласию с японской позицией. Японское правительство знало о существовавших в Германии «сомнениях относительно способности Японии выполнить глобальные задачи по установлению “нового порядка” в Азии, внести свой вклад в борьбу как против СССР, так и особенно против США и Великобритании».

Токио было известно и о том, что германское руководство стремится подчинить политику и действия Японии как более слабого союзника планам и действиям Германии. Это усиливало позиции японских сторонников вооруженной конфронтации с СССР, которые прямо заявляли, что наиболее важным для доказательства силы и боевой способности японских вооруженных сил не только германскому союзнику, но и руководителям США и Великобритании была бы серьезная военная акция против Советского Союза.

Принимая весной 1939 г. решение об организации крупной военной провокации в МНР, японское военно-политическое руководство считало, что международная обстановка позволяла

рассчитывать на успех даже в случае перерастания конфликта в войну. Представители высшего военного командования Японии признавали после войны: «В Европе в этот период возрастала мощь Германии, она аннексировала Австрию, оккупировала Чехословакию. Обстановка в Европе давала основания считать, что в обозримом будущем Германия может приступить к разрешению своих проблем с СССР. С другой стороны, на Дальнем Востоке японские войска, захватив Ханькоу и Кантон, завершили операционную фазу в китайском инциденте, после чего Япония намеревалась приступить к новому этапу разрешения конфликта, главным образом политическими методами, хотя продолжая при этом военные действия. Японский генеральный штаб надеялся встретить будущее, готовя решающую войну против Советского Союза. В этом случае предусматривалось быстро перебросить в Маньчжурию большую часть японской армии, не создавая затруднений для разрешения китайского инцидента»^{175}.

Хотя в официальной японской историографии утверждается, что события на Халхин-Голе не были спланированы центральным военно-политическим руководством Японии, а первоначально были не чем иным, как одним из многочисленных пограничных инцидентов, в действительности это не так.

В Москве о готовящейся очередной вооруженной провокации против СССР знали заранее. 3 марта 1939 г. разведуправление РККА информировало руководство страны:

«1. Английские круги в Китае считают весьма вероятным, что японцы в ближайшее время предпримут новое вторжение на советскую территорию, причем предполагают, что масштаб этой провокации будет более крупным, чем это было в районе оз. Хасан в июле — августе 1938 г. Однако ввиду того, что цель предстоящего вторжения на территорию СССР заключается в том, чтобы поднять патриотические настроения в японской армии и в народе, это вторжение не будет глубоким и японцы постараются быстро уладить этот “инцидент”».

2. В японских военных кругах в Шанхае муссируются слухи о том, что в мае 1939 г. следует ожидать большого выступления против СССР, причем, по слухам, это выступление может вылиться в войну.

3. По сведениям, требующим проверки, генерал-лейтенант Исихара в настоящее время совершает объезд пограничных частей и укрепленных районов на маньчжуро-советской границе, где проводит

инструктивные совещания с командным составом. Японские военные круги в Шанхае рассматривают эту поездку Исихары как часть плана подготовки к новому нападению на СССР»^{176}.

Непосредственно подготовкой вооруженной провокации занимались командированные в марте 1939 г. в Квантунскую армию из оперативного управления генштаба полковник Тэрада и подполковник Хаттори. В районе намечавшихся военных действий была сосредоточена 23-я дивизия, офицеры штаба которой считались «специалистами по Советскому Союзу и Красной Армии». Сам командир 23-й дивизии генерал-лейтенант Комацубара слыл знатоком «психологии красных», так как до этого был военным атташе в Москве.

К концу апреля подготовка к проведению операции была завершена. Оставалось лишь спровоцировать начало боевых действий. И это тоже было продумано. 25 апреля командующий Квантунской армией генерал Уэда направил командирам пограничных частей «Инструкцию по разрешению конфликтов на границе Маньчжоу-Го и СССР». Согласно этой инструкции командиры передовых частей и подразделений должны были «самостоятельно определять линию прохождения границы и указывать ее частям первого эшелона». При вооруженных столкновениях надлежало «в любом случае, независимо от масштабов конфликта и его места, добиваться победы», для чего «решительно нападать и принуждать Красную Армию к капитуляции». При этом разрешалось «вторгаться на советскую территорию или сознательно вовлекать советские войска на территорию Маньчжоу-Го». Инструкция гласила, что «все прежние указания отменяются»^{177}. Очевидно, что издать подобную провоцирующую войну с СССР инструкцию командующий Квантунской армии без согласования с центром не мог. Скорее, наоборот, указания об издании такой инструкции были получены из Токио.

12 мая командир 23-й дивизии Комацубара, лично проведя рекогносцировку и необходимые приготовления, отправил усиленную двумя ротами разведгруппу дивизии под командованием подполковника Адзумы к границе с задачей «отбросить охранные подразделения монгольской армии за реку (Халхин-Гол)». Монгольские пограничные части оказали сопротивление, что было использовано японцами как повод для расширения спровоцированного конфликта до масштабов локальной войны.

19 мая 1939 г. советское правительство заявило Японии протест в связи с нарушением границы союзной МНР и потребовало прекратить военные действия. К границе спешно направлялись советские войска, в том числе 11-я танковая бригада. Однако японское командование продолжало осуществлять план задуманной операции.

28 мая части 23-й японской дивизии после бомбовых ударов авиации перешли в наступление. Понеся потери, советско-монгольские войска вынуждены были отойти к реке Халхин-Гол. 30 мая японский генеральный штаб направил командованию Квантунской армии следующую телеграмму: «Поздравляем с блестящим военным успехом в действиях вашей армии в районе Номонхан». В тот же день генеральный штаб отдал распоряжение о включении в состав Квантунской армии 1-го авиационного соединения (180 самолетов) и запросил о дополнительных нуждах армии в увеличении численности войск и военных материалов.

Для советского правительства сложилась тревожная обстановка, требовавшая принятия незамедлительных ответственных решений. Хотя анализ ситуации на Дальнем Востоке свидетельствовал о том, что в данный момент японское руководство едва ли было готово развязать большую войну против СССР, по данным разведки, Токио направил командованию Квантунской армии новые инструкции, требовавшие «продолжать в расширенном масштабе военные действия у Буин-Нур (МНР)».

В Кремле было решено, не допуская перерастания халхингольских событий в войну, в то же время преподать японцам чувствительный урок. 1 июня в Москву срочно был вызван заместитель командующего войсками Белорусского военного округа Г.К. Жуков, которому было предложено незамедлительно вылететь в район Халхин-Гола. О том, как оценивались столкновения с японцами советским командованием, маршал Жуков рассказывал в своих мемуарах «Воспоминания и размышления»:

«Войдя в кабинет, я отрапортовал, наркому о прибытии. К.Е. Ворошилов, справившись о здоровье, сказал:

— Японские войска внезапно вторглись в пределы дружественной нам Монголии, которую Советское правительство договором от 12 марта 1936 года обязалось защитить от всякой внешней агрессии. Вот карта района вторжения с обстановкой на 30 мая.

Я подошел к карте.

— Вот здесь, — указал нарком, — длительное время проводились мелкие провокационные налеты на монгольских пограничников, а вот здесь японские войска в составе группы войск Хайларского гарнизона вторглись на территорию МНР и напали на монгольские пограничные части, прикрывавшие участок местности восточнее реки Халхин-Гол.

— Думаю, — продолжал нарком, — это затеяна серьезная военная авантюра. Во всяком случае, на этом дело не кончится... Можете ли вы вылететь туда немедленно и, если потребуется, принять на себя командование войсками?

— Готов вылететь сию же минуту».

Последовавшие события хорошо известны. После кровопролитных боев в июне—июле, перейдя в наступление, в августе советские части под командованием Жукова нанесли сокрушительный удар японским войскам. К 31 августа ликвидация японской группировки вторжения была завершена. Японская авантюра закончилась полным крахом.

По опубликованным советской стороной данным, всего за время боев на Халхин-Голе японцы потеряли более 61 тыс. убитыми, ранеными и пленными. Потери советско-монгольских войск с мая по сентябрь 1939 г. составили около 18,5 тыс. человек ранеными и убитыми.

Характеризуя халхингольские события, Сталин говорил 28 сентября министру иностранных дел Германии И. Риббентропу: «...В августовские дни, приблизительно во время первого визита г-на Риббентропа в Москву, японский посол Того прибежал и попросил перемирия. В то же время японцы на монгольской границе предприняли атаку на советскую территорию силами двухсот самолетов, которая была отбита с огромными потерями для японцев и потерпела неудачу. Вслед за этим Советское правительство, не сообщая ни о чем в газетах, предприняло действия, в ходе которых была окружена группа японских войск, причем было убито почти 25 тыс. человек. Только после этого японцы заключили перемирие с Советским Союзом. Теперь они занимаются тем, что откапывают тела погибших и перевозят их в Японию. После того как уже вывезли пять тыс. трупов, они поняли, что зарвались, и, кажется, от своего замысла отказались».

Как известно, военное поражение Японии сопровождалось поражением политическим. Поступившее в дни мощного

контрнаступления советско-монгольских войск сообщение о подписании советско-германского пакта о ненападении привело японское руководство в сильное замешательство. Р. Зорге следующим образом характеризовал сложившуюся в Токио обстановку:

«Переговоры о заключении договора о ненападении с Германией вызвали огромную сенсацию и оппозицию Германии.

Возможна отставка правительства после того, как будут установлены подробности заключения договора. Немецкий посол Отт также удивлен происшедшим.

Большинство членов правительства думают о расторжении антикоминтерновского пакта с Германией.

Торговая и финансовая группы почти что договорились с Англией и Америкой.

Другие группы, примыкающие к полковнику Хасимото и к генералу Угаки, стоят за заключение договора о ненападении с СССР и изгнание Англии из Китая.

Нарастает внутривнутриполитический кризис.

Рамзай^{178}.

То же сообщал в Москву 24 августа и временный поверенный в делах СССР в Японии: «Известие о заключении пакта о ненападении между СССР и Германией произвело здесь ошеломляющее впечатление, приведя в растерянность, особенно военщину и фашистский лагерь...»

Неожиданный политический маневр Германии был воспринят в Токио как вероломство и нарушение положений направленного против СССР Антикоминтерновского пакта.

Немаловажное значение имело и то, что успешные действия советских войск у озера Хасан и в районе Халхин-Гола оказали помощь Китаю в его борьбе с японскими оккупантами. Маршал Фэн Юйсян заявлял от имени китайского правительства советскому послу А.С. Панюшкину: «Ударами под Хасаном и Халхин-Голом Советский Союз крепко помог китайскому народу»^{179}.

При всех морально-политических издержках советско-германского соглашения оно объективно ослабило Антикоминтерновский пакт, посеяло в Токио серьезные сомнения относительно политики Германии как союзника Японии. Есть все основания считать, что возникшая в оси Токио—Берлин трещина впоследствии привела к тому, что Япония не

пожелала безоглядно следовать за Германией в агрессии против Советского Союза.

Халхингольское поражение свидетельствовало об авантюристичности и порочности японской политики и стратегии. Было очевидно, что Японии не под силу военное противоборство с СССР. В интересах Японии было перейти от конфронтации к установлению мирных отношений, к чему неизменно проявляло политическую волю советское правительство.

Глава VI.

Дипломатические маневры Токио и Москвы

Номонханский синдром

1 сентября 1939 г. нападением Германии на Польшу началась Вторая мировая война. Международная ситуация складывалась не в пользу Японии. Китай продолжал упорное сопротивление, японские войска потерпели сокрушительное поражение на Халхин-Голе, Германия, как тогда считалось, «изменила» Японии, заключив с Советским Союзом пакт о ненападении, напряженными оставались японо-американские отношения. После формирования 4 сентября нового кабинета министров во главе с генералом в отставке Абэ Нобуюки 13 сентября был опубликован официальный правительственный документ «Основы политики государства», в котором указывалось: «Основу политики составляет урегулирование китайского инцидента. Во внешней политике необходимо, твердо занимая самостоятельную позицию, действовать в соответствии со сложной международной обстановкой... Внутри страны сосредоточить внимание на завершении военных приготовлений и мобилизации для войны всей мощи государства»^{180}.

Хотя подписание советско-германского пакта о ненападении рассматривалось в Токио как удар по японским планам совместной с Германией борьбы с «большевистской Россией», японское военно-политическое руководство не стало обострять отношения с Берлином, ограничившись направлением формальной ноты протеста.

Среди японских историков распространены утверждения о том, что после номонханского фиаско в Японии якобы отказались от конфронтации с СССР, а Москва, одержав победу, обеспечила безопасность своих дальневосточных границ. Японские авторы пишут: «Антикоминтерновский пакт, заключенный в 1936 году между Японией и Германией, посеял семена беспокойства у Советского Союза, который шел по пути строительства коммунизма. В 1938 году произошло локальное столкновение японских и советских войск у небольшой сопки Чжанкуфэн (Заозерная) в зоне государственной границы между Восточной Маньчжурией и Советским Союзом. А летом следующего года произошло также столкновение в зоне государственной границы между Западной Маньчжурией и Монголией в районе Номонхан (у реки Халхин-Гол) между японскими и советскими войсками. Монголия тогда

была государством-сателлитом СССР, и на ее территории дислоцировались советские войска. Само столкновение произошло в районе, в котором отсутствовала четкая демаркация государственной границы. В результате Квантунская армия потерпела серьезное поражение, а СССР одержал победу и тем самым выполнил трудную задачу по обороне Сибири и Дальнего Востока»^{181}.

Однако в действительности японские стратеги, как военные, так и политики, продолжали рассматривать Советский Союз в качестве одного из основных потенциальных противников. После халхингольских событий было решено «максимально ограничить военные действия в Китае, сократить число находящихся там войск, мобилизовать бюджетные и материальные ресурсы и расширить подготовку к войне против СССР»^{182}. В декабре 1939 г. был принят «Пересмотренный план наращивания мощи сухопутных войск». Для высвобождения необходимых для будущей войны сил планировалось при необходимости резко сократить число японских войск в Китае (с 850 тыс. до 500 тыс.). Одновременно было принято решение довести число дивизий сухопутных войск до 65, авиаэскадрилий до 160, увеличить количество бронетанковых частей. На китайском фронте должны были действовать 20 дивизий, остальные надлежало разместить главным образом в Маньчжурии.

Был определен срок завершения подготовки — середина 1941 г.^{183} Чтобы обеспечить благоприятные международные условия для осуществления этой программы, было признано целесообразным предпринять дипломатические шаги, призванные нормализовать на определенный период японо-советские отношения. Раздавались голоса в пользу заключения с СССР пакта о ненападении, аналогичного советско-германскому. При этом японское руководство, убедившись во время хасанских и халхингольских событий в стремлении СССР избежать вовлечения в войну с Японией, не опасалось советского нападения. Как и прежде ставилась цель попытаться в обмен на пакт о ненападении добиться прекращения советской помощи Китаю. В согласованном 28 декабря 1939 г. документе японского правительства «Основные принципы политического курса в отношении иностранных государств» по поводу Советского Союза говорилось: «Необходимым предварительным условием заключения пакта о ненападении должно

быть официальное признание прекращения советской помощи Китаю»^{184}.

Заклучить пакт о ненападении побуждала японцев и Германия. При этом германские лидеры были готовы выступить в роли посредника между СССР и Японией. В ходе советско-германских переговоров о заключении пакта о ненападении нарком иностранных дел В.М. Молотов поставил вопрос, готова ли Германия оказать воздействие на Японию ради улучшения советско-японских отношений и разрешения пограничных конфликтов? На встрече с И. Сталиным министр иностранных дел Германии И. Риббентроп заверил его, что германо-японские связи «не имеют антирусской основы, и Германия, конечно же, внесет ценный вклад в разрешение дальневосточных проблем». Сталин предупредил собеседника: «Мы желаем улучшения отношений с Японией. Однако есть предел нашему терпению в отношении японских провокаций. Если Япония хочет войны, она ее получит. Советский Союз этого не боится. Он к такой войне готов. Но, если Япония хочет мира, это было бы хорошо. Мы подумаем, как Германия могла бы помочь нормализации советско-японских отношений. Однако мы не хотели бы, чтобы у Японии сложилось впечатление, что это инициатива советской стороны»^{185}.

Обсуждение данного вопроса было продолжено уже после достигнутого перемирия в боях на Халхин-Голе во время беседы Риббентропа со Сталиным и Молотовым в Москве 28 сентября 1939 г. Из германской записи беседы:

«... Г-н министр (Риббентроп) предложил Сталину, чтобы после окончания переговоров было опубликовано совместное заявление Молотова и немецкого имперского министра иностранных дел, в котором бы указывалось на подписанные договоры и под конец содержался какой-то жест в сторону Японии в пользу компромисса между Советским Союзом и Японией. Г-н министр обосновал свое предложение, сославшись на недавно полученную от немецкого посла в Токио телеграмму, в которой указывается, что определенные, преимущественно военные, круги в Японии хотели бы компромисса с Советским Союзом. В этом они наталкиваются на сопротивление со стороны определенных придворных, экономических и политических кругов и нуждаются в поддержке с нашей стороны в их устремлениях.

Г-н Сталин ответил, что он полностью одобряет намерения г-на министра, однако считает непригодным предложенный им путь из следующих соображений: премьер-министр Абэ до сих пор не проявил никакого желания достичь компромисса между Советским Союзом и Японией. Каждый шаг Советского Союза в этом направлении с японской стороны истолковывается как признак слабости и попрошайничества. Он попросил бы господина имперского министра иностранных дел не обижаться на него, если он скажет, что он, Сталин, лучше знает азиатов, чем г-н фон Риббентроп. У этих людей особая ментальность, на них можно действовать только силой...»^{186}.

Из этих высказываний Сталина ясно, что он был готов к переговорам с японцами о пакте о ненападении и был заинтересован в подобном соглашении, но ждал, когда об этом попросит японское правительство. Понимая это, германское руководство продолжило работу с японцами в этом направлении. Однако Германия при этом была отнюдь не бескорыстна.

Временная нормализация советско-японских отношений на период войны с западными державами была выгодна Германии. В этом случае Японию легче было подтолкнуть к действиям против Великобритании на Дальнем Востоке. По расчетам Гитлера, нападение японцев на дальневосточные владения Англии могло бы нейтрализовать Лондон. «Оказавшись в сложной обстановке в Западной Европе, в Средиземноморье и на Дальнем Востоке, Великобритания не будет воевать»^{187}, — заявлял он. На встречах с японским послом в Берлине Х. Осимой Риббентроп говорил: «Я думаю, лучшей политикой для нас было бы заключить японо-германо-советский пакт о ненападении и затем выступить против Великобритании. Если это удастся, Япония сможет беспрепятственно распространить свою мощь в Восточной Азии, двигаться в южном направлении, где находятся ее жизненные интересы». Осима с энтузиазмом поддерживал такую политику^{188}.

Однако японское правительство продолжало колебаться, небезосновательно опасаясь, что заключение японо-советского пакта о ненападении вызовет осложнение отношений Японии с западными державами. В то же время в Токио понимали значение посредничества Германии в урегулировании японо-советских отношений. Японская газета писала: «Если будет необходимо, Япония заключит с СССР договор о ненападении и будет иметь возможность двигаться на юг, не

чувствуя стеснений со стороны других государств»^{189}. При этом учитывалось и то, что такой пакт давал Японии выигрыш во времени для тщательной подготовки к войне против СССР. В сентябре 1939 г. занимавший ранее пост премьер-министра князь Коноэ Фумимаро сообщил германскому послу в Токио Отту: «Японии потребуется еще два года, чтобы достигнуть уровня техники, вооружения и механизации, продемонстрированного Красной Армией в боях в районе Номонхана»^{190}.

Для демонстрации своего намерения нормализовать отношения с СССР японское правительство сочло целесообразным сначала начать переговоры о заключении между двумя государствами торгового договора.

Перспектива советско-японского урегулирования уменьшала надежды западных держав на столкновение Японии с Советским Союзом. Правительство США в декабре 1939 г. попыталось получить официальное подтверждение японского МИДа о том, что пакт о ненападении не входит в программу переговоров Токио с Москвой. Чтобы успокоить западные державы и побудить их к уступкам Японии в Китае, японское правительство включилось в антисоветскую кампанию, поднятую в США, Великобритании и Франции в связи с советско-финляндским конфликтом.

Нормализация, даже временная, не устраивала не только западные державы, но и гоминьдановское руководство Китая во главе с Чан Кайши. Тайные замыслы и завуалированные действия, направленные на обострение советско-японских отношений и развязывание между ними войны, были откровенно высказаны командующим 5-го военного района Китая генералом Ли Цзунженем в беседе с советским послом в Китае А.С. Па-нюшкиным. 12 октября 1939 г. он говорил: «Война на Западе является выгодной для СССР... Германия, Англия и Франция завязнут в войне. Им будет не до СССР... Англия может подтолкнуть Японию на войну с СССР с Востока... Если на Западе будет война, то, не беспокоясь за свои западные границы, СССР может нанести решительный удар по Японии. Это повлечет за собой освобождение угнетенной Кореи, даст Китаю возможность возвратить потерянные территории. При условии войны на Западе, Англия будет приветствовать войну СССР с Японией, так как в этом случае Англия не будет беспокоиться, что Индия и Австралия будут захвачены

Японией». Генерал заявил, что эта точка зрения «поддерживается многими членами правительства, в том числе Чан Кайши»^{191}.

Для того чтобы не допустить урегулирования советско-японских отношений китайское правительство в конце 1939-го — начале 1940 г. ставило перед Сталиным и Молотовым вопрос о скорейшем заключении между СССР и Китаем военного союза, по которому СССР обязался бы усилить помощь Китаю. При этом китайцы пытались заинтересовать советское правительство возможностью получения после войны китайских территорий для советских военных баз на Ляодунском и Шаньдунском полуостровах^{192}. Перспектива обострения отношений с Японией из-за Китая не устраивала Сталина, основной целью которого было избежать вовлечения в войну, будь то на Западе или на Востоке. В задачу советского руководства входило выиграть время, обеспечить для страны максимально продолжительный мирный период, чтобы успеть подготовиться к отражению агрессии, неизбежность которой в Кремле сознавали.

Успех, как тогда казалось, дипломатического маневра на германском направлении вселял у Сталина надежду на то, что нечто подобное можно осуществить и во взаимоотношениях с Японией. Считалось, что будет нетрудно побудить переживающих «номонханский синдром» японцев хотя бы на время отказаться от враждебных выпадов в отношении Советского Союза. Однако в Японии сохраняли большое влияние сторонники непримиримой политики в отношении СССР, которые выступали против идеи пакта о ненападении, заявляя, что она «подрывает идеологические основы Японии»^{193}. 16 января 1940 г. министр иностранных дел Японии Х. Арита заявил: «Полное урегулирование пограничных проблем будет равнозначно пакту о ненападении. Заключение же такого пакта — дело отдаленного будущего и не очень полезное»^{194}. Заверения о стремлении урегулировать отношения с СССР не означали, что милитаристские круги Японии действительно отказались от агрессивных планов в отношении соседа на севере. Поэтому на сессии Верховного Совета СССР (март — апрель 1940 г.) прозвучало предупреждение: «В Японии должны, наконец, понять, что Советский Союз ни в коем случае не допустит нарушения его интересов. Только при таком понимании советско-японских отношений они могут развиваться удовлетворительно»^{195}.

Позиция Японии в отношении СССР меняется только после поражения Франции в мае — июне 1940 г. и разгрома английской армии под Дюнкерком. Японские правящие круги не желали упустить момент, благоприятный для захвата азиатских колоний западных держав. Ради этого надо было обезопасить свой тыл, приняв меры по урегулированию советско-японских отношений. К этому времени советское руководство позитивно ответило на японский зондаж по поводу такого урегулирования. В ходе беседы с японским послом в СССР С. Того 1 июня 1940 г. Молотов заявил, что он готов «говорить не только о мелких вопросах, считаясь с теми изменениями, которые происходят в международной обстановке и которые могут произойти в будущем»^{196}.

Эту мысль Молотов в более развернутом виде развивал перед Того через неделю, после того, как было достигнуто принципиальное согласие сторон по поводу Соглашения между СССР и Японией об уточнении границы.

Из записи беседы 7 июня 1940 г.:

«Тов. Молотов выражает надежду, что это соглашение явится предпосылкой для разрешения других интересующих Японию и СССР вопросов, в том числе и более крупных.

В ответ на это Того заявляет, что он также надеется, что теперь можно будет с успехом продолжать переговоры по рыболовному вопросу и о торговом договоре. «Кроме того, — добавляет Того, — мы одновременно могли бы начать обсуждение коренных вопросов, интересующих обе стороны. Я надеюсь на успех в решении и других вопросов».

Тов. Молотов заявляет, что он также выражает надежду, что Япония и СССР могут и должны договориться, в том числе и по коренным вопросам.

В ответ на это Того говорит, что он лично думает, что между СССР и Японией нет таких вопросов, которые нельзя было бы разрешить, особенно если есть понимание друг друга. «Я рад заявлению тов. Молотова, — продолжает Того, — и со своей стороны также надеюсь, что обе стороны договорятся по всем вопросам»^{197}.

Очевидно, что и Молотов, и Того под используемым ими эвфемизмом «коренные вопросы» подразумевали пакт о ненападении. Однако ни одна из сторон не хотела первой произнести эти слова

напрямую. Что касается Молотова, то он, безусловно, действовал по согласованию со Сталиным и получил от него одобрение попытки прозондировать позицию японского посла по поводу возможности заключить между двумя государствами политическое соглашение. Иным было положение посла Того, который был осведомлен о том, что в Токио, как отмечалось выше, были противоречивые мнения относительно договора о ненападении с СССР.

Вот что писал об этом в своих мемуарах Того:

«Поскольку отмена Соединенными Штатами договора о торговле и мореплавании совершенно очевидно преследовала цель оказать давление на Японию, ее надежды на *modus vivendi* без коренного изменения политики в отношении Китая были абсолютно тщетными. В этот момент мне подумалось, что Японии не остается ничего иного для укрепления своих позиций, кроме заключения пакта с Россией и мирного урегулирования с чунцинским режимом на умеренных и рациональных условиях. Свои соображения я изложил в телеграмме министерству иностранных дел. Что касается методики достижения договоренностей с СССР, то я рекомендовал министерству сформулировать политику, ориентированную на заключение пакта о ненападении и торгового соглашения...

После заключения перемирия в Номонханском районе в сентябре предыдущего года отношение Москвы к Японии стало дружественным, и различные проблемы решались в атмосфере исключительной сердечности. Поэтому и переговоры о заключении торгового соглашения продвигались чрезвычайно гладко.

В связи со вторым вопросом, а именно пактом о ненападении, инструкция нашего министерства иностранных дел предусматривала, что этот документ должен быть подписан в форме пакта о нейтралитете, и именно на основе этой инструкции я начал переговоры с Молотовым»^{198}.

17 июня Молотов заявил Того, что надеется на то, чтобы параллельно рыболовным и торговым вопросам велись переговоры и по другим коренным вопросам. Это было уже почти прямое предложение приступить к обсуждению договора о ненападении. И такие переговоры начались 2 июля 1940 года.

В Кремле понимали, что сам факт подобных переговоров может создать для СССР немалые сложности во взаимоотношениях с другими

государствами, в первую очередь с Китаем, руководство которого весьма бдительно следило за признаками намечавшегося политического сближения СССР с Японией. Поэтому всем документам, касавшимся переговоров с Того о пакте о ненападении или нейтралитете, был присвоен гриф высшей секретности — «особая папка». Документы с таким грифом предназначались лишь для высших советских партийных и государственных деятелей.

2 июля 1940 г. состоялась первая беседа Молотова с послом Того, на которой стороны приступили к обсуждению конкретных вопросов, касавшихся проекта будущего соглашения.

Ниже приводится сделанная советской стороной запись этой беседы:

«Того: ...За последние 2—3 года, даже в такие периоды, когда отношения между СССР и Японией были наихудшими, нам удалось разрешить различные вопросы, не прибегая к войне. Поэтому Того думает, что все вопросы могут быть урегулированы мирным путем. Безусловно, в некоторой части мира имеются элементы, которые желают столкновения между СССР и Японией в своих интересах, однако мы такой глупости не допускаем и не желаем удовлетворять пожелания этих стран о столкновении СССР и Японии... С другой стороны, в связи с возникновением войны в Европе общая ситуация осложнилась. Япония, так же как и СССР, старается не быть втянутой в орбиту войны, то есть она придерживается политики строгого невмешательства в войну. Однако если, несмотря на миролюбивые стремления Японии, она подвергнется нападению со стороны третьих держав, то она вынуждена будет предпринять меры против этого нападения.

Япония, находящаяся в соседстве с СССР, желает поддерживать с последним мирные, дружественные отношения и взаимно уважать территориальную целостность. Если же одна из стран, несмотря на миролюбивый образ действий, подвергнется нападению со стороны третьих держав, то в этом случае другая сторона не должна помогать нападающей стране. Если будут установлены такого рода отношения, то отношения между СССР и Японией будут стабилизированы и их ничем нельзя будет поколебать. Если Советское правительство придерживается такого же мнения, говорит Того, то далее он хотел бы сделать конкретное предложение...

Молотов: ...Общая мысль о том, чтобы стабилизировать отношения между обеими странами, правильна, и он к этому может только присоединиться.

Далее тов. Молотов просит уточнить слова: «не нападать» или «не помогать одной из нападающих стран». Общая мысль, заложенная в высказываниях Того о том, чтобы не помогать нападающей стороне и не нападать — правильна. Все сознательные люди, как в нашей стране, так и в Японии, не могут не согласиться с этим.

Того: излагает содержание проекта японской стороны. При этом он оговаривается, что дух проекта согласован с Японским правительством, а текст составлен им самим, и он просит Наркома иметь это в виду.

Далее Того излагает существо своего предложения, которое сводится к следующему: СССР и Япония заключают между собой следующее соглашение о нейтралитете.

Статья I

1. Обе договаривающиеся стороны подтверждают, что основой взаимоотношений между обеими странами остается Конвенция об основных принципах взаимоотношений между Японией и СССР, подписанная 20 января 1925 г. в Пекине.

2. Обе договаривающиеся стороны должны поддерживать мирные и дружественные отношения и уважать взаимную территориальную целостность.

Статья II

Если одна из договаривающихся сторон, несмотря на миролюбивый образ действий, подвергнется нападению третьей державы или нескольких других держав, то другая договаривающаяся сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта.

Статья III

Настоящее соглашение заключается на пять лет.

Того отметил, что проект составлен как копия соглашения о нейтралитете, заключенного в 1926 г. между СССР и Германией.

Того: Если Япония и СССР войдут в дружественные отношения и между ними будет заключено соглашение о нейтралитете, то Япония хочет, чтобы советская сторона по своей воле отказалась от предоставления помощи чунцинскому правительству.

Молотов ответил, что сможет дать ответ на японские предложения после того, как этот вопрос будет обсужден Советским правительством.

Основная мысль, высказанная Того, будет встречена Советским правительством положительно...

Касаясь вопроса о Китае, тов. Молотов говорит, что он знаком по печати с теми предложениями, которые были сделаны Японским правительством Франции и Англии по вопросу о помощи Китаю, и благодарит Того за подтверждение наличия таких предложений. Что же касается СССР, продолжает тов. Молотов, то сейчас этот вопрос для СССР не является актуальным, поскольку в данный момент все разговоры о помощи Китаю не имеют под собой почву. Если бы СССР помогал Китаю, то Китай не находился бы в таком положении, в каком он находится сейчас. У СССР имеются свои нужды, и сейчас он занят обеспечением своих нужд по обороне страны.

Того говорит, что он с удовлетворением выслушал заявление тов. Молотова о том, что сейчас вопрос о помощи Китаю не является актуальным и что советская сторона не оказывает помощи чунцинскому правительству... Если советская сторона сейчас не оказывает помощь и не будет оказывать такую помощь в будущем, то Японское правительство желало бы, чтобы Советское правительство сообщило об этом нотой.

Молотов по своей инициативе вновь заявляет, что он не может отрицать того факта, что раньше СССР оказывал Китаю помощь людьми, оружием и самолетами. Другое положение сейчас. Тов. Молотов говорит, что сейчас он не может сказать, что СССР в настоящее время оказывает помощь чунцинскому правительству. Наша страна расширилась (имелось в виду присоединение к СССР польских восточных районов, населенных украинцами и белорусами. — *А.К*), и у нас есть свои нужды по укреплению обороны собственной страны.

Молотов указывает, что если отношения между СССР и Японией будут стабилизированы, то и Америка будет более серьезно считаться как с интересами СССР, так и с интересами Японии.

В заключение Того говорит о своем желании как можно скорее договориться относительно заключения соглашения о нейтралитете»^{199}.

Несколько иначе излагает содержание этой беседы в своих мемуарах Того. В частности, подтверждая факт согласия Молотова на «не предоставление помощи чунцинскому режиму», он сообщает, что

со своей стороны Молотов поставил вопрос о ликвидации японских концессий на Сахалине. Того пишет:

«В ответ на мой план Молотов выдвинул контрпредложение, которое сводилось к тому, что каждая из договаривающихся сторон будет воздерживаться от вступления в группировки со странами, враждебными стороне — участнице пакта. Молотов далее заявил, что готов учесть мою просьбу о непредоставлении помощи чунцинскому режиму, но, с другой стороны, Россия хотела бы, чтобы Япония отказалась от своих интересов на Сахалине (имелись в виду права на добычу нефти и угля). У этих предприятий всегда были нелады с советской властью, и им с трудом удавалось продолжать работу только благодаря огромным субсидиям японского правительства. Поэтому я давно пришел к выводу, что Японии следует отказаться от концессий на Сахалине в обмен на другие права. Если бы Япония была готова отказаться от них, а Советы — прекратить помощь режиму Чан Кайши, переговоры о заключении пакта о ненападении немедленно завершились бы успехом».^{200}.

Согласие прекратить помощь Китаю ради заключения с Японией пакта о ненападении или нейтралитете явилось серьезным внешнеполитическим маневром советского руководства. Было очевидно, что Сталин и Молотов решили повторить и на японском направлении поразивший мир прошлогодний дипломатический разворот в отношениях с Германией. Задача обеспечения безопасности своего государства как с Запада, так и с Востока стала рассматриваться в Кремле как главная цель советской дипломатии. По сравнению с этой задачей все остальные рассматривались как второстепенные.

Если заключение пакта о ненападении с гитлеровской Германией резко ухудшило отношения СССР с Великобританией и Францией, то подписание аналогичного соглашения с Японией грозило серьезным охлаждением, если не разрывом, советско-китайских отношений. В Москве не могли не учитывать и то, что оставленный один на один с Японией Китай мог капитулировать. В этом случае возрастала опасность японского нападения на СССР, ибо, обеспечив свой тыл в Китае, Япония с гораздо большей свободой рук могла действовать на севере — против Советского Союза. Однако в стремлении выиграть время для подготовки к неизбежной большой войне Сталин шел на эти серьезные политические издержки.

Несмотря на строгую секретность начавшихся советско-японских переговоров, в Китае почти сразу узнали об их содержании. Уже 18 июля 1940 г., пригласив советского посла в Китае Панюшкина на беседу, Чан Кайши заявил: «Некоторая часть американцев опасаются, что СССР может пойти на соглашательство с Японией». Послу не оставалось ничего другого, кроме как попытаться дезавуировать эти сообщения, представив их как «слухи». Он отвечал Чан Кайши: «Подобное мнение, конечно, ни на чем не основано. Оно просто смехотворно. По крайней мере, известно, например, что во всей японской армии нет ни единого советского самолета, ни единой бомбы советского происхождения». Далее он заверил своего собеседника в дружбе и верности Советского Союза: «Хорошо известно, что СССР является самым верным другом Китая, что мы оказываем большую помощь Китаю, что мы искренне и неизменно выражаем свою солидарность китайскому народу, ведущему справедливую борьбу за свою национальную независимость, против агрессора. Я думаю, что не исключена возможность сотрудничества между СССР и Америкой по дальневосточному вопросу»^{201}.

В том же духе Панюшкин излагал позицию СССР и в состоявшейся 22 июля беседе с заместителем начальника генштаба Китая Бай Чжунси. Тогда китайский генерал прямо заявил: «Есть люди, которые задают довольно коварные вопросы, например о том, до каких пор СССР будет помогать Китаю, каковы границы этой помощи и т. д».. И в этот раз послу пришлось прибегнуть к дипломатической риторике, заявив: «Дружба СССР и Китая скреплена дружбой наших великих вождей — Ленина и Сун Ятсена, Сталина и Сун Ятсена. Это нас обязывает крепить наши связи, нашу дружбу»^{202}. Вполне можно допустить, что посол говорил это искренне, ибо едва ли был информирован о предстоявшем изменении советской политики в отношении Китая.

Однако дипломатический «блиц» на японском направлении не состоялся. Пришедший в июле 1940 г. к власти второй кабинет Коноэ не стал форсировать заключение политического соглашения с СССР, предпочтя сначала укрепить военно-политический союз с Германией и Италией. В Японии полагали, что, имея такой союз с фашистскими государствами Европы, будет легче побудить советское руководство подписать пакт о ненападении с Японией на японских условиях.

27 июля новый японский кабинет, министром иностранных дел в котором стал Мацуока Ёсукэ, одобрил «Программу мероприятий, соответствующих изменениям в международном положении». В этом документе в качестве важнейшей задачи определялось «установление нового порядка в Великой Восточной Азии», для чего предусматривалось «применение в удобный момент военной силы». Программой намечалось: 1. Укрепить союз Японии, Германии, Италии. 2. Заключить с СССР соглашение о ненападении с тем, чтобы провести подготовку вооруженных сил к войне, которая исключала бы их поражение. 3. Осуществить активные меры по включению колоний Англии, Франции, Голландии и Португалии в сферу японского «нового порядка» в Восточной Азии. 4. Иметь твердую решимость устранить вооруженное вмешательство США в процесс создания «нового порядка» в Восточной Азии^{203}.

В соответствии с этими политическими установками командование вооруженными силами стало разрабатывать возможные варианты вступления Японии во Вторую мировую войну: «южный» — против США и западноевропейских государств и «северный» — против СССР. Предпочтение было отдано «южному». Решение же «северной проблемы» откладывалось до вовлечения Советского Союза в войну в Европе. Так как в «Программе» выдвигалось требование «избежать войны на два фронта», заключение с СССР пакта о нейтралитете оставалось одной из приоритетных задач японской дипломатии. «Отношения с СССР должны быть урегулированы на базе советско-германского пакта о ненападении, — писала японская газета. — Таким путем Япония может достичь безопасности своей северной границы, что даст ей возможность осуществить ее политику экспансии на юг. Это также позволит ей подготовиться к войне против США»^{204}. При этом японские лидеры сочли выгодным приступить к конкретным переговорам с Москвой после заключения военно-политического союза с Германией, что должно было усилить позиции Токио.

Союз с Гитлером

Планируя военную экспансию в Восточной Азии и на Тихом океане, японские стратеги изыскивали возможность обретения влиятельных союзников из числа европейских держав. В отличие от периода войны с Россией 1904—1905 гг., ни Великобритания, ни США не могли выступить на стороне Японии, ибо теперь она наступала на интересы этих держав. Особенно важным считалось объединение с крупным государством в Европе для совместной борьбы с СССР. Еще до оккупации Маньчжурии в марте 1931 г. вышеупомянутый японский военный атташе в Москве Касахара убеждал Токио: «Ввиду того что Японии трудно будет нанести смертельный удар Советскому Союзу путем войны на советском Дальнем Востоке, особое внимание должно быть уделено тому, чтобы путем подрывной пропаганды вовлечь западных соседей и другие государства в войну против СССР»^{205}. Существует немало свидетельств активной работы японской агентуры в этом направлении в Польше, Финляндии, прибалтийских государствах, Турции и других странах.

После захвата Маньчжурии и прихода к власти в Германии А. Гитлера генеральный штаб направил своим военным атташе генерала Х. Осиму, перед которым была поставлена задача следить за германо-советскими отношениями и выяснить, как повела бы себя Германия в случае войны Японии с Советским Союзом^{206}. Присматривался к Японии и Гитлер. Комментируя выход Японии из Лиги Наций, фюрер заявил: «Лига Наций из-за выхода Японии должна пострадать больше, чем сама Япония»^{207}.

Опасаясь остаться в изоляции, японцы стали искать союза с идеологически и политически близким фашистским государством. Уже в феврале — марте 1933 г. объявивший о выходе из Лиги Наций глава японской делегации Мацуока нанес визит в Германию, где в публичном заявлении назвал ее «единственной страной, имеющей столько исторических параллелей с Японией, которая также борется за свое место в мире»^{208}.

Со своей стороны Германия также видела в милитаристской Японии потенциального союзника, способного создать против СССР второй фронт, на Востоке. Японцы всячески поддерживали такие

надежды. В апреле 1934 г. японский посол в Берлине Нагаи в беседе с германским министром иностранных дел Нейратом заявил: «Германия и Япония являются бастионом против большевизма, и на этой основе уже оформилась общность германо-японских интересов»^{209}. С этого времени Гитлер все чаще стал обсуждать в кругу своих приближенных вопрос о заключении германо-японского союза. Ради такого союза руководители рейха готовы были действовать в обход «теории расового превосходства». По поручению фюрера его заместитель Р. Гесс издал специальную директиву о недопущении появления в печати и публичных выступлениях рассуждений о превосходстве арийской расы над «неполноценными» японцами. «Прежде всего, — указывал Гесс, — необходимо избегать всех выражений, которые могли бы быть восприняты как обида и презрение другими народами и государствами земного шара, с которыми германский народ и фюрер желают жить в мире. Мы не должны повторять ошибок старой Германии. Известно, например, какой тяжелый ущерб нанес бывший кайзер взаимоотношениям между Германией и Дальним Востоком». Под «ущербом» подразумевалось, что кайзеровская Германия перед Первой мировой войной якобы «упустила», как писал Гитлер в книге «Майн Кампф», возможность заключить с Японией военный союз, направленный против России.^{210}

После серии предварительных встреч и бесед высокопоставленных эмиссаров двух государств о формировании союза в декабре 1935 г. в Берлин был направлен представитель японского генерального штаба армии для ведения конкретных переговоров. В этих переговорах активное участие принимали японский посол и военный атташе Осима, с самого начала ратовавший за скорейшее военно-политическое объединение с фашистской Германией. Как отмечалось выше, переговоры завершились заключением 25 ноября 1936 г. Антикоминтерновского пакта. Незадолго до подписания соглашения, 7 августа, японское правительство одобрило секретный документ, в котором было записано: «В отношении Советского Союза интересы Германии и Японии в основном совпадают... Наше сотрудничество необходимо направить на обеспечение обороны страны и осуществление мероприятий по борьбе с красными»^{211}. В день подписания пакта министр иностранных дел Японии Арита заявил на заседании Тайного совета: «Отныне Россия должна понимать, что ей

приходится стоять лицом к лицу с Германией и Японией»^{212}. Как указывалось Токийским трибуналом для главных японских военных преступников, Антикоминтерновский пакт был «своим острием направлен против Союза Советских Социалистических Республик».

Приступая к войне за мировое господство, Гитлер стремился создать мощный кулак из государств с тоталитарными идеологией и политикой. В начале апреля 1938 г. он дал указание готовить почву для заключения германо-итальянского союзного договора. Летом того же года начались переговоры между Германией и Японией о заключении германо-итало-японского военного союза, так называемого «Тройственного пакта». На том этапе гитлеровскому руководству такой пакт был необходим для удержания западных держав и Советского Союза от противодействия расширению германской агрессии в Европе, в частности готовящемуся нападению на Чехословакию. Стратегической же целью пакта была совместная вооруженная борьба против любых противников фашистских государств — будь то на Западе или на Востоке. Это позиция Германии явилась тогда определенным препятствием для быстрого заключения военного союза. Опасаясь принятия обязательств по «автоматическому» вступлению в войну с западными державами в случае их вооруженного столкновения с Германией, Токио соглашался подписать «Тройственный пакт» только в том случае, если в текст будет внесена оговорка о его исключительной направленности против СССР. Необходимость внесения в текст пакта такой оговорки мотивировалась тем, что Япония еще не готова «вести эффективную войну на море» против Великобритании и США, а также нежеланием испортить японо-американские отношения и как следствие этого лишиться экспорта из США нефти, железного лома и других стратегических материалов.^{213} Такая позиция не устраивала германское правительство, вследствие чего в переговорах с Токио весной 1939 г. наступила пауза. Тем временем Гитлер форсировал заключение двустороннего военного союза с Италией. 22 мая 1939 г. в Берлине состоялось подписание «Пакта о дружбе и союзе между Германией и Италией», получившего название «Стальной пакт».

Японцы имели достаточно оснований опасаться того, что, создавая блок тоталитарных государств, Гитлер стремится использовать его в собственных интересах, рассматривая других участников как

второстепенных союзников, которым не следует полностью доверять. И они были недалеко от истины. На другой день после подписания «Стального пакта» Гитлер на совещании с высшим командованием вермахта, посвященном предстоящему нападению на Польшу, заявил: «Сохранение тайны — решающая предпосылка успеха. Цель должна сохраняться в тайне даже от Италии и Японии»^{214}.

После подписания «Стального пакта» Германия продолжала добиваться согласия Японии с ее условиями «Тройственного пакта». На это японцы отвечали, что согласны вступить в любую войну на стороне Германии, если только «в составе противостоящей ей группировки государств окажется Советский Союз»^{215}. Однако гитлеровское руководство в то время заботила реакция на захват Польши не столько Советского Союза, с которым намечалось соглашение, сколько Великобритании и Франции, а также США. По планам Гитлера именно японцы могли своими действиями на Востоке создать трудности для этих держав, отвлекая их внимание и силы от ситуации в Европе.

Заключение Германией пакта о ненападении с Советским Союзом было расценено как серьезное политико-дипломатическое поражение Японии, делавшей ставку на тесный союз с европейскими фашистскими государствами. Однако наиболее проницательные политики быстро поняли, что пакт с Москвой Гитлер рассматривает как необходимый, но временный маневр. Это было подтверждено правительством рейха, представители которого уже на второй день после заключения пакта довольно откровенно разъяснили японскому послу в Берлине, что «при всех обстоятельствах, которые могут возникнуть на дипломатической арене, идеи и цели общей борьбы против коммунизма сохраняются».

Ставший к тому времени послом в Берлине генерал Осима с пониманием отнесся к сделанному немцами разъяснению. Хотя 26 августа японское правительство дало ему указание вручить гитлеровскому руководству протест по поводу подписания советско-германского пакта о ненападении, охарактеризовав его как «противоречащий секретному соглашению, приложенному к Антикоминтерновскому пакту», посол счел возможным задержать его передачу. Считая, что в условиях начавшейся Второй мировой войны Японии не следовало портить отношения с Германией, Осима стремился принизить значение дипломатического демарша Токио.

Сообщая лишь 18 сентября о японском протесте, он сказал статс-секретарю германского министерства иностранных дел фон Вейцзекеру: «Как вам известно, в конце августа я отказался выразить резкий протест, как мне это поручило сделать японское правительство. Но я не мог действовать наперекор этому предписанию, поэтому я только телеграфировал, что последовал приказу, и ждал конца польской кампании. Я полагал, что этот шаг тогда не будет так важен».^{216}.

Встречаясь в сентябре с Осимой, Риббентроп утверждал, что Япония в своих же собственных интересах должна установить военное сотрудничество с Германией, так как поражение Германии позволило бы западным державам объединиться в широкую коалицию с целью изгнания Японии из Китая. Он убеждал японца, что германо-советский договор о ненападении «отвечает правильно понятым интересам Японии, поскольку ей выгодно любое усиление Германии», что Японии, следуя примеру Германии, необходимо добиться нормализации отношений с СССР, чтобы затем «свободно развернуть свои силы в Восточной Азии в южном направлении», где находится сфера ее «жизненных интересов». В том случае, если Япония послушается его советов, считал Риббентроп, вполне могла бы осуществиться идея о германо-итало-японском военном союзе, направленном «исключительно против Англии».^{217}. Осима разделял эти идеи и в своих депешах соответствующим образом настраивал Токио.

В разгар польской кампании вермахта германский «восточный фронт» посетил бывший военный министр Японии Тэраути. 20 сентября Гитлер и Риббентроп во время состоявшейся с ним беседы подчеркивали свою заинтересованность в налаживании военного сотрудничества с Японией и развертывании наступления японских вооруженных сил в южном направлении. Тэраути оказался их полным единомышленником. Сопровождавший его Осима высказался за перенос центра тяжести военных усилий Японии в Юго-Восточную Азию. Он говорил: «Япония нуждается в цинке, каучуке и нефти из Голландской Индии, хлопке из Британской Индии, шерсти из Австралии. Если она все это получит, то будет независима и очень сильна».^{218}.

Сторонники сохранения тесных связей с Германией предостерегали от поспешных выводов о «предательстве» гитлеровского руководства, указывали на невозможность германо-

советского сотрудничества в начавшейся войне. В сентябрьском номере влиятельного японского журнала «Бунгэй сундзю» была помещена статья «Германо-советский пакт о ненападении и Япония», где японское правительство подвергалось критике за нерешительность в вопросе о заключении военного союза с Германией и Италией. Важность такого союза для реализации политики внешней экспансии признавало и японское правительство. 4 октября 1939 г. оно приняло документ «Актуальные мероприятия внешней политики в связи с войной в Европе», в котором подтверждалось «сохранение по-прежнему с Германией и Италией дружественных отношений». Более развернуто это положение было сформулировано в правительственном документе от 28 декабря 1939 г. «Основные принципы политического курса в отношении иностранных государств». В нем было записано: «...Хотя между Германией и СССР подписан пакт о ненападении, необходимо сохранять дружественные отношения с Германией и Италией, учитывая общность целей империи с целями этих государств в построении нового порядка»^[219]. Пришедший 16 января 1940 г. к власти кабинет адмирала Ионаи подтвердил эту позицию.

Союзные отношения с агрессивными державами Европы отвечали интересам Японии при осуществлении как «южного», так и «северного» варианта вооруженной экспансии. С одной стороны, по расчетам японского военно-политического руководства, такой союз должен был закрепить распределение сфер господства между Японией, Германией и Италией, облегчить захват японской империей азиатских колоний западных держав и удержать США от вступления в войну. С другой стороны, объединение военных усилий в целях будущего разгрома Советского Союза отвечало основным требованиям японской стратегии и рассматривалось как неременное условие разрешения «северной проблемы».

В соответствии с решениями, зафиксированными в «Основных принципах политического курса в отношении иностранных государств», в начале 1940 г. проходили заседания представителей руководства армии, флота и министерства иностранных дел, на которых согласовывался новый документ «Предложение усиления сотрудничества между Японией, Германией и Италией». Однако более осторожные политические деятели Японии, хотя, в принципе и не возражали против возобновления переговоров с Берлином о союзе,

выступали за то, чтобы дождаться результатов военного противостояния Великобритании и Франции с Германией. Германский посол в Токио Отт информировал центр о том, что позиция Японии будет во многом зависеть от германских успехов в борьбе с англо-французской коалицией.

Начавшаяся 10 мая «битва за Францию» решительным образом изменила ситуацию. В войну против Великобритании и Франции вступила на стороне Германии фашистская Италия. Последовавшая вскоре капитуляция Франции побудила Японию заявить свои претензии на ее колонии в Юго-Восточной Азии. Однако на это требовалось согласие Германии. Стремясь использовать Японию в борьбе против западных держав, германское правительство подыгрывало японским экспансионистским устремлениям. 20 мая 1940 г. Риббентроп сообщил в Токио, что Германию якобы «совершенно не беспокоит дальнейшая судьба Голландской Индии». Тем самым давалось понять, что Германия не будет противиться овладению Японией богатыми природными ресурсами колониями оккупированных ею европейских государств. В ответ министр иностранных дел Японии включил в свое июньское выступление по радио такую фразу: «Правительство никогда не отойдет от политики держав оси и всегда с симпатией относилось к требованиям Германии о создании нового порядка в Европе, тем более что сама Япония стремится к новому порядку в Азии».

12 июля в МИДом Японии был подготовлен проект документа, в котором целью заключения союза с Германией определялось признание политического и экономического руководства Японии в районах Южных морей в качестве ее «жизненного пространства». Одновременно признавалось политическое и экономическое руководство Германии в Европе и Африке. 16 июля этот проект был одобрен руководством армии и флота.

За участие Японии в мировой войне в блоке с Германией и Италией активно выступили политики, вошедшие в сформированный 22 июля 1940 г. второй кабинет князя Коноэ. Министром иностранных дел стал Мацуока, который патетически заявлял в 1936 г. после заключения с Германией Антикоминтерновского пакта: «Поскольку мы боремся против Коминтерна, деятельность которого является в настоящее время главной мировой проблемой, необходимо противостоять ему со всей решимостью. Половинчатые усилия здесь

недопустимы. Мы должны вступить в сражение, поддерживая и обнимая друг друга... Нам остается только, сплотившись, идти вперед, даже если это приведет к совместному самоубийству». После назначения на пост министра он заявил германскому послу в Токио, что Япония рассчитывает на поддержку Германии в ее борьбе за господство в восточноазиатском пространстве и поэтому «сближение с Германией — это ее естественный путь»^{220}.

Хотя при обсуждении вопроса о заключении пакта имели место разногласия между армией и флотом, они не носили принципиального характера. На заседании высших руководителей армии и флота 22 июля было решено, что «если со стороны Германии и Италии будет предложено заключить военный союз, Япония рассмотрит эту возможность». Эта установка была закреплена 27 июля на заседании координационного комитета правительства и императорской ставки в документе «Программа мероприятий, соответствующих изменением в международном положении».

Стремление гитлеровского руководства как можно скорее использовать Японию для реализации собственных стратегических планов усилилось осенью 1940 г., когда стало ясно, что быстро одержать победу над Великобританией не удастся. В этих условиях важно было поощрить Токио на активизацию экспансии в южном направлении с тем, чтобы создать для англичан опасность ведения войны на двух отдаленных друг от друга фронтах. С другой стороны, приняв 31 июля 1940 г. решение о подготовке к нападению весной следующего года на СССР, Гитлер хотел иметь Японию союзницей и в этой войне. В ходе германо-советской войны, по планам немцев, японские войска должны были сковывать советские вооруженные силы на Дальнем Востоке, не допускать их переброски в европейскую часть страны, а при необходимости по согласованию с Германией разгромить их. При этом, однако, Гитлер, продолжая рассматривать Японию и Италию как младших партнеров для выполнения второстепенных задач, распорядился не посвящать руководителей стран-союзниц в планы войны против СССР.

В сентябре 1940 г. в Токио начались официальные переговоры о заключении японо-германского военного союза. Германию на переговорах представлял специальный уполномоченный правительства Г. Штамер. Следуя указаниям, германский эмиссар не скрывал, что в

Берлине хотели бы согласия Японии как с антиамериканским и антибританским характером союза, так и с его антисоветской направленностью. Однако на данном этапе, указывал Штамер, Германии и Японии важно использовать союз в первую очередь для «устрашения Америки». Японские представители с пониманием относились к подобным геополитическим построениям. Уже в начале переговоров посол Германии в Токио генерал Отг докладывал в Берлин, что «атмосфера благоприятствует германскому плану».

Однако сомнения у японцев оставались. Как и ранее, им не хотелось создавать у Великобритании и США впечатление о том, что союз создается против них. Характеризуя позицию Японии, Риббентроп писал своему послу в Токио 26 апреля 1939 г., что после заключения союза Япония хотела бы «вручить декларацию английскому, французскому и американскому послам следующего содержания: пакт является только развитием Антикоминтерновского пакта; стороны рассматривают Россию как врага. Англия, Франция и Америка не должны думать, что подразумеваются они».^{221}.

В отличие от германского японское руководство не желало раньше времени открыто подчеркивать свою враждебность США и Великобритании из опасения подтолкнуть эти страны к кардинальному пересмотру политики в отношении Японии. В Токио весьма опасались прекращения поставок американского стратегического сырья, что ставило бы под сомнение способность Японии продолжать вооруженную экспансию в Восточной Азии и на Тихом океане. В Германии же рассчитывали, что официальное оформление союза с Японией явится эффективным средством удержать США от вступления во Вторую мировую войну.

Японское правительства и командование оказались перед дилеммой: или продолжать настаивать на исключительно антисоветской направленности союза, что могло в качестве ответной меры побудить Германию заявить о своих правах на азиатские колонии поверженных ею европейских государств, или согласиться с требованиями Германии распространить действия союза как против СССР, так и против США и Великобритании.

Стремясь найти выход из затруднительного положения, в июле 1940 г. японское министерство иностранных дел, командование армии и флота согласовали между собой компромиссный вариант. Они

соглашались на то, чтобы в обмен на признание Германией японского контроля над Юго-Восточной Азией Япония оказала бы определенное давление на Великобританию на Дальнем Востоке. Но при этом Япония не брала бы на себя обязательство вступить в войну с ней на стороне Германии.

Однако новый кабинет Коноэ занял более решительную позицию, считая необходимым в определенных условиях пойти на прямое военное сотрудничество с Германией и Италией в борьбе против Великобритании. Эту позицию поддерживала и армия. Флот же не мог безоговорочно согласиться с ярко выраженной антибританской направленностью союза, ибо не был готов к сражениям с мощными английскими ВМС. Тем не менее командование флота, в конце концов, было вынуждено принять сторону большинства.

Окончательное решение о заключении пакта было принято на состоявшемся 19 сентября 1940 г. императорском совещании (Годзэн кайги) в присутствии монарха. На совещании начальник главного штаба ВМС Канъин подчеркнул, что флот дает свое согласие при условии, что «будут приняты все мыслимые меры с целью избежать войны с Соединенными Штатами»^{222}. Это требование легло в основу принятого совещанием решения. Выступая с заключительным словом от имени императора, председатель Тайного совета Хаара Кадо заявил: «Хотя японо-американское столкновение может стать неизбежным, я надеюсь, что будет проявлена достаточная забота о том, чтобы это не произошло в ближайшем будущем, и что не будет необдуманных действий. Я даю свое “добро”, только исходя из этого»^{223}.

27 сентября 1940 г. в Берлине представителями Германии, Италии и Японии был подписан пакт о политическом и военно-экономическом союзе сроком на 10 лет. Хотя официально этот документ именовался Пактом трех держав, он более известен как «Тройственный пакт». Основные статьи пакта гласили: Ст. 1. Япония признает и уважает руководство Германии и Италии в деле создания нового порядка в Европе. Ст. 2. Германия и Италия признают и уважают руководство Японии в деле создания нового порядка в Восточной Азии. Ст. 3. Германия, Италия и Япония берут на себя обязательства поддерживать друг друга всеми политическими, экономическими и военными средствами в случае, если одна из трех договаривающихся сторон подвергнется нападению со стороны какой-либо державы, которая в

настоящее время не участвует в европейской войне и китайско-японском конфликте.

Такими неучаствовавшими державами осенью 1940 г. оставались только СССР и США. Поэтому третья статья пакта предусматривала согласованные военные действия, если одна из договаривающихся сторон окажется в состоянии войны с этими странами. Попытка представить пакт как «оборонительный», заключенный на случай, «если одна из трех договаривающихся сторон подвергнется нападению», едва ли могла ввести кого-либо в заблуждение. «В лексиконе японских и германских агрессоров эти слова надо понимать так: “Когда Советский Союз подвергнется нападению со стороны Японии и Германии”», — указывается в одной из японских исторических работ^{224}. Еще в октябре 1938 г. лидер итальянских фашистов Б. Муссолини писал Гитлеру: «Мы не должны заключать чисто оборонительный союз. В этом нет необходимости, ибо никто не думает нападать на тоталитарные государства. Мы должны заключить союз для того, чтобы перекроить географическую карту мира. Для этого нужно наметить цели и объекты завоеваний»^{225}.

В японском проекте пакта было прямо сказано, что между участниками переговоров должны быть «выработаны меры на случай вступления Японии или Германии в войну с Советским Союзом». В ходе переговоров 7 сентября 1940 г. Мацуока говорил германскому эмиссару Штамеру: «Нам необходимо понять, что после окончания войны в Европе Россия останется великой державой. Это будет создавать угрозу новому порядку в Восточной Азии. Япония и Германия должны быть рядом и должны выработать общую политику против России». Это мнение полностью разделяли и другие участники пакта. Риббентроп, разъясняя направленность Пакта трех держав, говорил: «Эта палка будет иметь два конца — против России и против Америки»^{226}. Итальянский министр иностранных дел Чиано вообще сомневался в целесообразности определения в качестве противника США, называя антисоветскую направленность пакта «очень хорошей»^{227}.

С целью дезориентировать советское правительство относительно намерений создаваемой коалиции и оставить возможность для маневра в японо-советских отношениях Токио согласился включить в пакт статью 5 о том, что положения пакта «не затрагивают политического

статуса, существующего в настоящее время между каждой из трех договаривающихся сторон и Советской Россией». Накануне подписания пакта Мацуока объяснял Тайному совету: «Пока мы строим новый порядок, мы не можем позволить себе, чтобы Советский Союз видел в нас своих врагов». Однако это была, безусловно, тактическая уловка с целью сосредоточить усилия на быстром захвате азиатских колоний западных держав и завершении подготовки к агрессии против СССР. 26 сентября 1940 г. Мацуока от имени правительства с удовлетворением констатировал достижение давно поставленной цели объединения с Германией в войне против СССР. «Япония поддержит Германию в случае ее войны с Советским Союзом, а Германия поможет нам в случае столкновения с Советским Союзом», — заявил японский министр иностранных дел.

Маскировки антисоветской направленности пакта требовало и гитлеровское руководство. «Германское правительство, — телеграфировал 26 сентября 1940 г. в Токио японский посол в Берлине Курусу, — намеревается дать указания своей прессе о том, чтобы особо подчеркивался тот факт, что договор не предусматривает войны с Россией. Но, с другой стороны, Германия концентрирует войска в восточных районах для того, чтобы сковать Россию».

Согласно секретному протоколу Пакта трех держав создавались объединенные военная и военно-морская комиссии, а также комиссия по экономическим вопросам. В протоколе было сказано, что «в случае, если одна из договаривающихся сторон вступит в войну против Советского Союза, другая сторона не должна предпринимать действий, которые могли бы облегчить ее положение».

Участники пакта видели в достигнутом соглашении эффективное средство координации усилий по установлению «нового мирового порядка». Германский посол в Японии Отт телеграфировал 4 октября 1940 г. в Берлин: «Внутренняя цель Пакта трех держав заключается в том, чтобы через уничтожение мирового владычества Англии вызвать новое распределение сил в Европе и на Дальнем Востоке. Средством достижения этой цели могут служить отпор Америке и вывод из строя Советского Союза»^{228}. Со своей стороны, Токио довольно прозрачно давал понять, что для него важно прежде всего «нейтрализовать» США на период создания в Восточной Азии и на Тихом океане японской колониальной империи. Министр иностранных дел Мацуока

«разъяснял» в англоязычной японской прессе, что участники пакта «хотят, чтобы все нейтральные страны, особенно такая мощная страна, как США, не были вовлечены в европейскую войну или в японо-китайский конфликт... Участие Японии в этом пакте отнюдь не означает ее намерения участвовать в европейской войне или возбуждать вражду других государств при условии, что страны, не участвующие в европейской войне или японо-китайском конфликте, не нападут ни на одного из участников этого пакта и не будут мешать осуществлению японского плана установления восточноазиатской сферы процветания. Япония будет очень рада поддерживать с ними дружественные отношения и делить с ними дары природы, имеющиеся в этом районе...».

Похожие цели преследовались и в отношении Советского Союза — важно было, демонстрируя миролюбие, убедить руководителей СССР не вмешиваться в войну в Европе и Китае. Однако в Берлине и Токио сознавали, что, выполняя роль «фигового листка», 5-я статья об отсутствии намерения стран—участниц пакта использовать свой союз против СССР, едва ли будет с доверием воспринята в Москве. Статс-секретарь германского МИДа после подписания Пакта трех держав отметил в своем дневнике: «Оговорка о России довольно неубедительна. Будь я на месте Сталина и Молотова, то не радовался бы, что снова без проведения предусмотренных в германо-русском соглашении консультаций возник десятилетний германо-японский союз».^{229}.

Пакт трех держав был заключен в целях расширения Второй мировой войны, объединения сил наиболее агрессивных в то время государств в борьбе за завоевание мирового господства. Он был направлен как против Великобритании и США, так и против Советского Союза. Однако если в отношении США он преследовал цель путем оказания давления заставить американское правительство продолжать политику изоляционизма и не принимать участие в мировой войне, то в отношении СССР предусматривалось практическое объединение политических, экономических и военных усилий государств-участников в предстоящем нападении на Советский Союз, подготовка к которому уже активно велась.

Пакт со Сталиным

Хотя с приходом к власти второго кабинета Коноэ японцы активно готовились к заключению союза с Германией, в Токио было признано целесообразным не ослаблять дипломатические контакты с Москвой по поводу выработки политического соглашения. Тем более что расчеты на стремление СССР к улучшению отношений с Японией в условиях ее сближения с Германией, имели основания.

Убедившись в том, что новое правительство Японии готово продолжать переговоры о заключении пакта о нейтралитете, советское правительство 14 августа 1940 г. дало ответ на предложенный Того вариант договора. В нем говорилось: «Настоящим Советское правительство подтверждает свое положительное отношение к идее заключения предложенного японским правительством соглашения о нейтралитете между СССР и Японией... Советское правительство понимает настоящее предложение японского правительства в том смысле, что предложенное соглашение, как это видно из его содержания, будет не только договором о нейтралитете, но, по сути дела, это будет договор о ненападении и о невступлении во враждебные коалиции».

Вместе с тем советское правительство заявило, что интересы СССР и Японии требуют еще до подписания договора «урегулировать некоторые существенные вопросы советско-японских отношений, наличие которых в неразрешенном состоянии является и будет являться серьезным препятствием на пути к желательному улучшению взаимоотношений между обеими странами»^{230}.

Принимая 2-ю и 3-ю статьи японского проекта, советское правительство выступило против того, чтобы соглашение основывалось на Пекинской конвенции 1925 г., оставлявшей в силе Портсмутский договор 1905 г., по которому Россия вследствие поражения в Русско-японской войне вынуждена была уступить Японии Южный Сахалин. К тому же Портсмутский договор был нарушен Японией, захватившей вопреки его положениям Северо-Восточный Китай. Наконец, советское правительство продолжало настаивать на ликвидации японских нефтяных и угольных концессий на Северном Сахалине.

К этому времени в ходе так называемой «чистки Мацуока» были заменены японские послы в основных мировых державах. Отзывается на родину и посол в СССР Того. Тем не менее он продолжал встречаться с Молотовым и обсуждать перспективы заключения пакта о ненападении. Ознакомившись с ответом советского правительства от 14 августа, Того запросил о новой встрече с Молотовым. Молотов принял посла 20 августа.

Из записи беседы:

«Молотов выражает сожаление по поводу отъезда Того: “Жаль, что не удастся вести переговоры с Того. Мы научились лучше понимать друг друга, чем раньше”.

Сейчас, указывает Того, имеется подходящий случай для разрешения коренных вопросов. Нужно ковать железо, пока горячо.

Тов. Молотов бросает реплику: “Правильно. Совершенно правильно”.

Молотов: “Советское правительство понимает те плюсы, которые соглашение дает обеим сторонам, и в особенности Японии, поскольку она получает надежное и устойчивое положение на Севере и, следовательно, может проявить себя на Юге с большей активностью”.^{231}.

Указывая послу на преимущества пакта для Японии, Молотов хотел склонить японское правительство к согласию с советскими условиями заключения договора. Эту цель он преследовал и во время последующих встреч с Того.

5 сентября Молотов говорил Того: «Портсмутский договор по очень существенным пунктам нарушен Японией и тем самым потерял свою жизненность в современных условиях. А если так, то и Конвенция об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией от 1925 г. также далеко не соответствует изменившимся условиям. Поэтому делать Портсмутский договор базой нельзя считать правильным».

Того возражает против такого подхода.

Молотов: «Если Япония думает строить свои отношения с СССР на базе Портсмутского договора, заключенного после поражения России, то это глубокая ошибка. Нельзя делать Портсмутский мир, заключенный после поражения России и напоминающий собой

Версальский мир, базой для развития хороших отношений между Россией и Японией»^{232}.

Главная причина нежелания советского правительства признавать действенным Портсмутский договор состояла в том, что в Москве рассчитывали восстановить российский суверенитет над отторгнутым Японией Южным Сахалином.

То, что говорил Молотов послу Того, безусловно, было согласовано со Сталиным. Да и сама идея заключения пакта о ненападении или нейтралитете во многом исходила от советского лидера. Сталин контролировал весь ход советско-японских переговоров.

Его беспокоило то, что японцы затягивали ответ на советские предложения от 14 августа, а также заявление нового посла Татэкавы о том, что он «не будет продолжать те переговоры, которые велись до сих пор, а начнет все переговоры снова»^{233}. После заключения Пакта трех держав это беспокойство усилилось. Заверения Того в том, что «заключение японо-германо-итальянского пакта не отразится на переговорах по коренным вопросам японо-советских отношений», не могли развеять возникшую тревогу. Тем более что в Москву стали поступать сведения о вероятности германского нападения на СССР весной будущего года. Посол США в СССР Л. Штейнгардт в телеграмме государственному секретарю США от 28 сентября 1940 г. сообщал, что реакция советского правительства на «Тройственный пакт» была отрицательной. Сотрудники германского посольства в Москве, писал он, откровенно говорят, что СССР недоволен «Тройственным пактом», они считают, что пакт означает принципиальное изменение германской политики в отношении СССР, и в сугубо доверительном плане высказывают мнение, что следующей весной Германия начнет войну против СССР. По их словам, на германо-советской границе находится неоправданно большое количество немецких войск, при этом они подтверждают, что германского вторжения в Англию осенью 1940 г. не будет.

Аналогичная информация поступала из различных источников и в Кремль. Это заставляло Сталина проявлять заботу о том, как не допустить участия Японии в надвигающейся германо-советской войне. Наиболее эффективным средством решения этой задачи было стимулирование китайского руководства на продолжение сопротивления Японии в Китае. Хотя, как отмечалось выше, летом 1940

г. Сталин был готов пересмотреть свои связи с Китаем ради пакта о ненападении с Японией, осенью он решил, что этого делать не следует.

Об этом свидетельствует личное послание Сталина Чан Кайши от 16 октября 1940 г. В послании говорилось:

«...Мне кажется, что заключение тройственного союза несколько ухудшает положение Китая, а отчасти также Советского Союза. Япония была до последнего времени одна, после же тройственного пакта она уже не одна, так как имеет таких союзников, как Германия и Италия. Но ввиду противоречивого характера тройственного пакта он, этот пакт, при известной международной обстановке может обратиться против Японии, так как он подрывает основы нейтралитета Англии и Северной Америки в отношениях с Японией. Эта сторона пакта тройственного союза, как видно, может создать некоторые плюсы для Китая. Эмбарго на металлический лом и некоторые другие товары из Америки, а также открытие Бирманской дороги являются прямым к тому доказательством.

В этой сложной противоречивой обстановке, по-моему, главная задача в Китае состоит в том, чтобы сохранить и усилить Китайскую национальную армию. Китайская национальная армия есть носитель судьбы, свободы и независимости Китая. Если Ваша армия будет сильна, Китай будет неуязвим.

Теперь много говорят и пишут о возможности мирных переговоров и мире с Японией. Я не знаю, насколько эти слухи соответствуют действительности. Но, как бы то ни было, одно для меня ясно, что Китайская национальная армия крепка и могуча, Китай может преодолеть любые трудности.

Желаю Вам здоровья и успеха в Ваших делах.

И. Сталин»^{234}.

Укрепляя военные связи с Германией и Италией, японское правительство в то же время не отказывалось от намерения оторвать СССР от Китая. Вскоре после заключения «Тройственного пакта» министерство иностранных дел Японии разработало предложения об условиях заключения соглашения с СССР. Чтобы облегчить переговоры, предлагалось подписать пакт, аналогичный советско-германскому, а урегулирование спорных вопросов провести после его заключения. Смысл этого маневра состоял в том, чтобы, уже имея подписанным договор о ненападении или нейтралитете, добиться от

СССР заключения на выгодных Японии условиях рыболовного соглашения, прекращения оказания помощи Китаю, а также попытаться вынудить СССР на территориальные уступки.

Восьмой пункт предложений японского МИДа гласил: «Впоследствии в подходящий период мирным путем включить в сферу влияния Японии (в результате покупки или обмена территориями) Северный Сахалин и Приморье». В случае если советское правительство не пойдет на это, предусматривалось добиться демилитаризации этих территорий. Чтобы побудить СССР пересмотреть свою позицию в отношении японо-китайской войны, планировалось вовлечь его в сговор о разделе сфер влияния в Китае. В программе японского МИДа было записано: «СССР признает традиционные интересы Японии во Внутренней Монголии и в трех провинциях Северного Китая. Япония признает традиционные интересы Советского Союза во Внешней Монголии и Синьцзяне. СССР согласится с продвижением Японии в направлении Французского Индокитая и Голландской Индии. Япония согласится с будущим продвижением Советского Союза в направлении Афганистана, Персии (впоследствии сюда включается и Индия)»^{235}.

Участие СССР в подобном разделе Азии, по расчетам японских стратегов, помогло бы вовлечь его в четырехстороннюю коалицию (Япония, Германия, Италия, СССР), что облегчило бы вооруженную борьбу с западными державами. Политика «превращения врага на севере в друга» должна была исключить весьма беспокоившую Японию и Германию перспективу образования в ходе войны союза СССР, США и Великобритании. Накануне подписания «Тройственного пакта» Мацуока объяснял Тайному совету: «Пока мы строим новый порядок, мы не можем позволить себе, чтобы Советский Союз видел в нас своих врагов»^{236}. В то же время участники «Тройственного пакта» подчеркивали, что избранный в отношении СССР курс имеет временный характер.

Посетивший 17 октября Молотова с прощальным визитом Того выразил свое сожаление по поводу задержки заключения соглашения и указал, что лично он полагал, что пакт будет заключен в июле или самое позднее в августе текущего года. При этом посол объяснил задержку сменой кабинета в Японии.

Молотов же, намекая на то, что, возможно, задержка объясняется заключением «Тройственного пакта», сказал: «Что касается пакта трех держав, поскольку можно судить по теперешним данным, пакт не является препятствием для улучшения и дальнейшего развития отношений с державами, подписавшими пакт»^{237}. Тем самым Молотов дал понять, что советское руководство готово продолжать советско-японские переговоры.

В этот же день заместитель наркома иностранных дел А.Я. Вышинский принимал посла Китайской республики в СССР Шао Лицзы, который напрямую заявил, что «заключение договора о ненападении (с Японией) явилось бы большим ударом для Китая». Далее посол отметил, что «за время четырехлетнего пребывания здесь он убедился в том, что в принципе политика СССР не изменилась, но практическая помощь Китаю за это время приостановилась»^{238}.

Неодобрительно относились к перспективе японо-советского сближения и американцы. Того вспоминал в мемуарах: «...В ходе так называемой “чистки Мацуока” меня отозвали на родину, и переговоры в преддверии их завершения пришлось бросить. Американские представители в Москве, которые внимательно следили за улучшением советско-японских отношений, по всей видимости, решили, что переговоры о пакте о ненападении завершены, коль скоро на моем прощальном приеме в японском посольстве присутствовали, причем довольно долго, народный комиссар иностранных дел Молотов, народный комиссар торговли Микоян и заместитель наркома Вышинский. Мне даже рассказывали, что газетчики дежурили у здания посольства, ожидая подписания пакта. Во всяком случае, американцы настойчиво стремились помешать сближению между Японией и Россией»^{239}.

Назначенный в сентябре 1940 г. новым послом в СССР Татэкава Ёсицугу 30 октября в беседе с Молотовым сообщил, что его правительство прекращает переговоры с СССР о заключении соглашения о нейтралитете и выдвигает предложение о подписании пакта о ненападении.

Посол заявил, что после прихода к власти кабинета Коноэ внешняя политика Японии в корне изменилась. Это нашло свое выражение, по словам Татэкавы, в заключении военного союза с Германией и Италией. В связи с этим японское правительство предлагает советскому

правительству заключить пакт о ненападении, а не пакт о нейтралитете, который-де недостаточен.^{240}.

Посол передал текст пакта о ненападении, аналогичный советско-германскому пакту о ненападении, заключенному в августе 1939 г. Японский проект пакта гласил:

«Обе договаривающиеся стороны обязуются взаимно уважать их территориальные права и не предпринимать никакого агрессивного действия в отношении другой стороны ни отдельно, ни совместно с одной или несколькими третьими державами. В случае, если одна из договаривающихся сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав, другая сторона не будет поддерживать ни в какой форме эти третьи державы. Ни одна из договаривающихся сторон не будет участвовать в какой-либо группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны. Срок действия пакта определяется в десять лет».

Посол сделал два добавления:

— прежние переговоры Того о заключении соглашения о нейтралитете прекращаются.

— японское правительство предлагает все прочие спорные вопросы разрешить после заключения пакта о ненападении.

На вопрос Молотова, в чем заключается разница между прежним и новым предложениями японского правительства, Татэкава повторил, что соглашение о нейтралитете было признано недостаточным, ибо в нем был неясно отражен вопрос о ненападении. И потому после заключения тройственного военного союза было найдено целесообразным заключить пакт о ненападении. При этом он добавил, что прежний кабинет вел переговоры осторожно, а новый кабинет хочет сделать прыжок для улучшения отношений.

В телеграмме Молотова послу СССР в Японии К.А. Сметанину от 1 ноября 1940 г. нарком писал:

«...Напомнив свои прежние высказывания по вопросу о Портсмутском договоре и Конвенции 1925 г., я заявил, что если Япония в улучшении отношений с СССР будет исходить из сохранения Конвенции 1925 г., то это не даст должных результатов, так как Портсмутский договор оставил в нашем народе такой же нехороший след, как и Версальский договор...

Далее я заявил, что по примеру с Германией считаю целесообразным вести обсуждение вопроса о заключении пакта о ненападении с одновременным выяснением ряда практических вопросов, интересующих обе стороны. Татэкава вновь повторил, что сначала следует заключить пакт о ненападении без каких-либо компенсаций, а после заключения пакта японское правительство готово вести переговоры о пересмотре как Конвенции 1925 г., так и по другим вопросам, которые он назвал второстепенными.

Я снова вернулся к вопросу о компенсациях и указал послу, что заключение пакта даст ряд выгод для Японии, развязывая ей руки на юге, а с другой стороны — создаст затруднения для СССР в его отношениях с США и Китаем, а потому следует учесть и то возмещение, которое необходимо для компенсации отрицательных для СССР моментов, сопровождающих заключение этого пакта.

На вопрос Татэкава, что нужно понимать под возмещениями, я не дал прямого ответа, а заявил, что на наши предложения от 14 августа я еще не имею ответа японского правительства, и если бы этот ответ был, то я смог бы продолжать обсуждение этого вопроса»^{241}.

18 ноября во время очередной беседы с Татэкавой Молотов по согласованию со Сталиным изложил суть сделанного ранее предложения о желательности для советской стороны «получить компенсации» в случае заключения с Японией политического соглашения. Было указано, что общественное мнение в СССР вопрос о заключении пакта о ненападении с Японией будет связывать с вопросом о возвращении утраченных ранее территорий — Южного Сахалина и Курильских островов. Было заявлено, что если Япония не готова к постановке этих вопросов, то было бы целесообразно говорить о заключении пакта не о ненападении, а о нейтралитете, не предусматривающего разрешения территориальных проблем. Советское руководство настаивало также на подписании протокола о ликвидации японских концессий на Северном Сахалине.

Из телеграммы Молотова Сметанину от 19 ноября 1940 г:

«...Я заявил, что последнее предложение японского правительства о пакте о ненападении может вызвать известные затруднения со стороны самой же Японии. Дело в том, что, как известно, заключение пакта о ненападении с Германией в 1939 году привело к тому, что СССР вернул ряд территорий, ранее утерянных нашей страной, а потому

общественное мнение нашей страны заключение пакта о ненападении с Японией также, естественно, будет связывать с вопросом о возвращении Советскому Союзу таких утраченных ранее территорий, как Южный Сахалин, Курильские острова, и уже, во всяком случае, на первый раз как минимум встанет вопрос о продаже некоторой группы северной части Курильских островов. Если Япония считает целесообразным поднимать эти территориальные вопросы, то тогда можно будет говорить относительно заключения пакта о ненападении. Но так как я не уверен, что Япония будет считать это целесообразным, то со своей стороны считаю возможным сейчас не будоражить много вопросов, а заключить вместо пакта о ненападении пакт о нейтралитете и подписать отдельно протокол о ликвидации японских нефтяной и угольной концессий...

Татэкава, не возражая против предложения о заключении пакта о нейтралитете, заявил, что, по его мнению, этот пакт также может улучшить советско-японские отношения. На мой вопрос, считает ли Татэкава мои предложения о пакте и о протоколе приемлемыми в качестве базы для переговоров, Татэкава ответил, что лично он считает эти предложения базой для переговоров и сообщит об этих предложениях в Токио»^{242}.

Японской стороне был предложен советский проект соглашения о нейтралитете, который предусматривал поддержание мирных и дружественных отношений и взаимное уважение территориальной целостности (ст. 1). В случае если одна из сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав, другая сторона будет соблюдать нейтралитет на протяжении всего конфликта (ст. 2). Срок действия соглашения определялся в пять лет с автоматическим продлением на следующие пять лет, если за год до истечения срока его действия не последует денонсация.

Осенью 1940 г. Япония приступила к осуществлению южного варианта экспансии: 22 сентября ею был оккупирован Северный Индокитай. Дальнейшее продвижение Японии на юг могло вызвать обострение отношений с США и Великобританией. В этой обстановке затягивание переговоров с СССР было Токио невыгодно. Поэтому японское правительство уже 20 ноября, то есть через два дня после получения предложенного Молотовым проекта пакта о нейтралитете, сообщило, что считает советский проект «заслуживающим изучения».

По вопросу о японских концессиях на Сахалине министр иностранных дел Мацуока предписал Татэкаве: «Рассмотрение вопроса о ликвидации концессий затруднительно. Вместо этого предложите продать Северный Сахалин»^{243}. В беседе с Молотовым 21 ноября посол заявил, что японское правительство считает проект протокола о ликвидации концессий «абсолютно неприемлемым».

Выполняя директиву МИДа, Татэкава заявил Молотову: «... Так как продажа Россией Аляски США уменьшила споры и конфликты между двумя странами, то он (посол) твердо уверен, что и продажа Северного Сахалина положила бы конец спорам и конфликтам между обеими странами и способствовала бы установлению длительного мира между Японией и СССР».

Касаясь предложения о продаже Северного Сахалина, Молотов ответил, что по этому вопросу ему нечего добавить к тому, что он публично говорил 29 марта 1940 г. на сессии Верховного Совета СССР. В этом выступлении Молотов иронически коснулся предложения одного из членов японского парламента о продаже Северного Сахалина и, в свою очередь, заявил, что «в СССР нашлись бы покупатели на Южный Сахалин».

Молотов сказал Татэкаве, что в этом выступлении дан исчерпывающий ответ как о продаже Приморья и Сахалина, так и других территорий и потому такого рода предложения могут рассматриваться только как шутка.

Отвергая японские предложения о продаже Северного Сахалина, Молотов, со своей стороны, развивал мысль о целесообразности выкупа у Японии ранее принадлежавших России территорий Южного Сахалина и Курильских островов. Он говорил: «У Японии имеется много островов, которые ей не нужны, а у нас на Дальнем Востоке островов нет... Поэтому советская сторона может ставить вопрос о покупке Южного Сахалина и Курильских островов за соответствующую цену... Если бы Япония согласилась на продажу, то можно было бы договориться по всем другим вопросам, и у Японии были бы свободные руки для действий на Юге, ибо, как известно, Германия, заключив с СССР пакт о ненападении и обеспечив себе тыл, добилась на Западе больших успехов...»

После этого Татэкава в откровенной форме заявил, что международная обстановка развивается в пользу СССР и нет ничего

удивительного в том, что СССР хочет этим воспользоваться. Однако он считает, что когда говорится о продаже Курильских островов, то это является слишком большим требованием. Вам, видимо, кажется, продолжал Татэкава, что Япония, ведущая длительную войну с Китаем, истощена и поэтому должна делать уступки. Действительно, Япония до некоторой степени истощила свои силы, но теперь она взялась за создание новой структуры и восстановление своих сил вопреки вашим ожиданиям, и к тому же он полагает, что и Чан Кайши также пойдет навстречу Японии.

Не желая осложнять переговоры территориальными проблемами, Молотов счел целесообразным оставить эту тему, заявив, что «речь сейчас идет не о продаже некоторых островов в связи с пактом о ненападении, и вопрос, который он ставил попутно, (мы) не считаем актуальным».

В заключение нарком выразил надежду на получение ответа японского правительства соответственно в духе высказывания Татэкавы в беседе 18 ноября. Одновременно он подчеркнул, что если Япония не считает нужным дать такой ответ, то соглашение не состоится. Тем самым было дано понять, что проектируемый пакт в равной степени отвечает интересам обеих сторон и его заключение возможно лишь при учете высказанных советским правительством условий и пожеланий.

На следующий день, 22 ноября, Молотов телеграфировал в Токио послу Сметанину: «21 ноября имел беседу с Татэкава. Беседа показала, что пока с нашими переговорами ничего не выходит. Мы, во всяком случае, подождем, ускорять события не имеем желания»^{244}.

Не проявило желания ускорить достижение договоренности по поводу условий заключения пакта о нейтралитете и японское правительство. Более того, оно инспирировало антисоветскую кампанию в печати, выступая с различными претензиями и протестами по вопросам рыболовства и японских концессий на Северном Сахалине.

Однако заинтересованность в том, чтобы заручиться нейтралитетом СССР в отношении японо-китайской войны и экспансии Японии в южном направлении, в Токио сохранялась. Японское правительство решило воспользоваться визитом Молотова в Германию. Оно обратилось к немцам с просьбой убедить советское руководство пойти на уступки Японии и продать ей Северный Сахалин. 10 ноября

1940 г., накануне приезда Молотова в Берлин, Мацуока дал указание японскому послу в Германии Курусу просить руководителей рейха поставить перед советским представителем вопрос о заключении между СССР и Японией пакта о ненападении на японских условиях.^{245}.

Риббентроп пытался выполнить эту просьбу. На переговорах с Молотовым он говорил: «Если будет заключен советско-японский пакт о ненападении, Япония продемонстрирует великодушную позицию в разрешении всех других проблем... Насколько мне известно, в случае заключения советско-японского пакта о ненападении и при согласии Китая Япония с радостью признает Внешнюю Монголию и Синьцзян сферами влияния Советского Союза... Что касается японских нефтяных и угольных концессий на Северном Сахалине, то Япония готова проявить понимание советской позиции. Однако для этого потребуются ослабить существующие внутри Японии противоречия по этой проблеме. Если же пакт о ненападении будет подписан, японскому правительству будет легче разрешить этот вопрос».^{246}.

В конце 1940 г. руководство Японии узнало о том, что Германия готовится к войне против Советского Союза. Складывалась ситуация, при которой Япония могла быть поставлена перед свершившимся фактом. В условиях подготовки экспансии на юге Японию беспокоила перспектива вовлечения ее как участника «Тройственного пакта» в войну против СССР на стороне Германии. Этот вопрос обсуждался 16 января 1941 г. на заседании военного отдела императорской ставки. Хотя в докладе начальника оперативного управления генштаба армии С. Танаки говорилось, что «Советский Союз не может готовиться к войне на два фронта», было решено провести соответствующую подготовку к событиям на севере. На вопрос военного министра, сколько времени потребуется на переброску войск, выделяемых для войны против СССР, Танака ответил: «Около четырех месяцев».^{247}.

Однако вступать в войну против СССР одновременно с Германией японцы опасались. Слишком свежи были печальные для Японии воспоминания о халхингольских событиях. Поэтому вновь заговорили о пакте с СССР, который, с одной стороны, должен был обезопасить Японию с севера, а с другой — мог явиться оправданием для отказа напасть на Советский Союз сразу после начала германской агрессии.

Из-за неконструктивной позиции Японии на переговорах о заключении пакта и усилившейся антисоветской пропаганды советское правительство зимой 1940—1941 гг. демонстративно охладило свои отношения с Токио, перейдя на более жесткий тон. Так, например, во время переговоров Молотова с Татэкавой о заключении рыболовной конвенции советский нарком заявил: «...Если Япония думает оставить без изменений на веки вечные Портсмутский договор, на который в Советском Союзе смотрят так же, как в Западной Европе смотрят на Версальский договор, то это является грубой ошибкой. Япония нарушила этот договор. Кроме того, поскольку этот договор был заключен после поражения России, он должен подлежать исправлению»^{248}.

25 февраля 1941 г. японский посол в Германии Осима сообщил о возможном резком ухудшении германо-советских отношений. Такое впечатление он вынес из состоявшейся накануне беседы с Риббентропом, который не скрывал, что на восточных границах рейха сосредоточено «от восьмидесяти до ста немецких дивизий». Содержание этой дипломатической депеши было доложено императору Японии Хирохито. Новость взволновала японского монарха. Он заявил лорду-хранителю печати К. Кидо: «Если Германия в ближайшем будущем начнет войну с СССР, союзнические обязательства заставят нас готовиться к выступлению на севере... Так как у нас связаны руки на юге, мы окажемся перед серьезной проблемой»^{249}. Было принято решение направить Мацуоку в Европу с тем, чтобы на переговорах в Москве, Берлине и Риме из первых рук получить необходимую информацию.

12 марта 1941 г. Мацуока выехал в Европу. Отправляясь в Москву, он имел полномочия заключить с советским руководством пакт о ненападении, но на японских условиях. 3 февраля координационным советом правительства и императорской ставки был одобрен документ «Принципы ведения переговоров с Германией, Италией и Советским Союзом». Документом в обмен на согласие Японии заключить пакт о ненападении предусматривалось вынудить советское руководство на серьезные уступки, а именно продать Японии Северный Сахалин и прекратить помощь Китаю^{250}.

На первой встрече с Молотовым Мацуока сообщил, что формальная цель его поездки в Европу—установление личных

контактов с Гитлером, Риббентропом, Муссолини и Чиано. Он сказал о своем нежелании создавать впечатление, что его поездка связана с переговорами с СССР. Вместе с тем Мацуока говорил, что на обратном пути из Германии он обязательно на несколько дней остановится в Москве.

В завершение беседы японский министр выразил пожелание встретиться со Сталиным, как он заявил, «даже сейчас». К его удивлению, эта просьба была тотчас же удовлетворена. Молотов в присутствии Мацуоки позвонил по телефону Сталину и сообщил, что «Сталин может быть через десять минут».

В ходе беседы с советским лидером Мацуока в форме прозрачных намеков пытался прозондировать позицию Сталина по поводу перспективы присоединения СССР в той или иной форме к «Тройственному пакту». При этом японский министр открыто предлагал в интересах «уничтожения англосаксов» «идти рука об руку» с Советским Союзом. Развивая идею вовлечения СССР в этот блок, Мацуока опирался на сведения о состоявшихся в ноябре 1940 г. в Берлине переговорах Молотова с Гитлером и Риббентропом.

Как известно, решение о нападении Германии на Советский Союз было принято Гитлером в конце июля 1940 г. «Россия должна быть ликвидирована. Срок — весна 1941 года», — сказал Гитлер 31 июля на совещании руководящего состава вооруженных сил Германии. Поэтому предложение немцев советскому правительству присоединиться к «Тройственному пакту» можно рассматривать лишь как операцию по дезинформации, призванную усыпить бдительность Сталина, породить у него представление об отсутствии у Германии агрессивных намерений в отношении СССР. Риббентроп уже в первой беседе в Берлине с Молотовым 12 ноября 1940 г. предложил «подумать о форме, в которой три государства, то есть Германия, Италия и Япония, смогли бы прийти к соглашению с СССР».

Во время бесед с Молотовым Гитлер прямо заявил, что «он предлагает Советскому Союзу участвовать как четвертому партнеру в этом пакте». При этом фюрер не скрывал, что речь идет об объединении сил в борьбе против Великобритании и США, заявив: «... Мы все являемся континентальными государствами, хотя каждая страна имеет свои интересы. Америка же и Англия не являются континентальными государствами, они лишь стремятся к

натравливанию европейских государств друг на друга. Мы хотим исключить их из Европы. Я считаю, что наши успехи будут больше, если мы будем стоять спиной к спине и бороться с внешними силами вместо того, чтобы стоять друг против друга грудью и бороться друг против друга».

Накануне Риббентроп следующим образом изложил германское видение геополитических интересов участников проектируемого союза: «Интересы Германии находятся в Восточной и Западной Африке, Италии — в Северо-Восточной Африке, Японии — на юге, а у СССР — там же на юге — к Персидскому заливу и Аравийскому морю...» Министр предложил оформить договоренность между СССР, Германией, Италией и Японией в виде декларации против расширения войны, а также о желательности компромисса между Японией и Чан Кайши.

Реагируя на эту информацию, Сталин дал в Берлин следующее указание Молотову: «Если результаты дальнейшей беседы покажут, что ты в основном можешь договориться с немцами, а для Москвы останутся окончание и оформление дела, — то тем лучше... Насчет декларации дать принципиальное согласие без разворота пунктов»^{251}.

Главная цель встреч Мацуоки с германскими руководителями состояла в том, чтобы выяснить, действительно ли Германия готовится к нападению на СССР и если это так, то когда может произойти такое нападение. Однако в Берлине считали нецелесообразным информировать своего дальневосточного союзника о конкретных германских планах.

Готовясь к приему японского министра, Гитлер издал 5 марта 1941 г. директиву № 24 «О сотрудничестве с Японией», в которой была определена цель: как можно скорее вовлечь Японию в войну против Великобритании и таким образом связать значительные английские силы на Тихом океане. В результате и американцы должны будут перенести свое внимание на Дальний Восток, воздерживаясь от активного участия в войне в Европе. Япония, однако, должна избегать войны с США. Директивой запрещалось сообщать японцам о существовании плана войны Германии против СССР «Барбаросса».

В Японии не могли не понимать, что в стратегическом плане Германия отводит своему дальневосточному союзнику роль младшего партнера, который должен таскать для нее «каштаны из огня».

Подозрения японцев в искренности германского союзника неизмеримо усилились бы, знай они об истинной оценке Гитлером японских руководителей.

22 августа 1939 г., накануне подписания германо-советского соглашения о ненападении, фюрер, собрав в своей загородной резиденции приближенных генералов, разразился тирадой: «Император (Японии) сродни русским царям. Слабый, трусливый, нерешительный, его легко может смести революция... Нам следует видеть в себе хозяев и относиться к этим людям в лучшем случае как к лакированным полуобезьянам, которые должны знать кнут»^{252}.

Будучи заинтересован в отвлечении японцами англичан на Дальнем Востоке, Гитлер распорядился подчеркнуто радушно принять японского министра, ведя с ним переговоры «на равных». С 27 по 29 марта Мацуо-ка провел три раунда переговоров с Риббентропом и дважды был принят Гитлером. Согласно директивам Гитлера Риббентроп убеждал японского министра атаковать Сингапур. Он говорил: «В случае если Советский Союз выступит против Японии, Германия незамедлительно нанесет удар по СССР. Мы обещаем это. Поэтому Япония может, не опасаясь войны с Советским Союзом, двигаться на юг, на Сингапур».

Отвечая на вопрос Мацуоки о состоянии германо-советских отношений, Риббентроп сказал: «...Конфликт с Россией находится все же в пределах возможного. Во всяком случае, после своего возвращения Мацуока не может докладывать японскому императору, будто возможность конфликта между Россией и Германией исключается. Напротив, положение вещей таково, что такой конфликт следует считать возможным, но не вероятным».

Что касается присоединения России к Пакту трех держав, то министр рейха отметил, что «речь идет не просто о присоединении России к самому пакту, а скорее о другой комбинации. Как уже сообщалось, русские выдвинули на случай своего присоединения к пакту такие условия, которые Германия не может принять», — заявил Риббентроп. Не раскрывая содержания плана «Барбаросса» и не упоминая о нем, Риббентроп тем не менее счел возможным информировать собеседника, что «большая часть германской армии уже сосредоточена на восточных границах государства». Убеждая своего коллегу в быстротечности германо-советской войны, он говорил: «В

настоящее время мы сможем сокрушить Советский Союз в течение трех-четырех месяцев... Я полагаю, что после разгрома Советский Союз развалится. Если Япония попытается захватить Сингапур, ей не придется больше беспокоиться о севере»^{253}.

Гитлер также склонял Мацуоку к нападению на Сингапур, заявляя: «Никогда в человеческом воображении для нации не представятся более благоприятные возможности. Такой момент никогда не повторится. Это уникальная в истории ситуация». По поводу германо-советских отношений фюрер ограничился сообщением, что рейх имеет свыше 160 дивизий, сконцентрированных на советских границах.

Следуя данным ему указаниям, Мацуока, вопреки своему обыкновению, больше слушал, чем говорил. Он знал, что специально приставленный к нему в качестве сопровождающего офицер разведуправления генштаба армии полковник Я. Нагаи по своим каналам передает в Токио содержание берлинских бесед. Тем не менее, Мацуока заверил своих собеседников в том, что «Япония будет всегда лояльным союзником, который посвятит себя общим усилиям и не займет пассивной позиции».

Мацуока давал понять немцам, что без согласия японской армии он не может принимать какие бы то ни было обязательства. В связи с этим показателен такой эпизод. Принимая от Мацуоки подарок — японскую картину-свиток (какэдзику) с изображением горы Фудзи — рейхсмаршал Г. Геринг как бы в шутку обещал посетить Японию с тем, чтобы полюбоваться этой священной для японцев горой, но только после того, как «Япония возьмет Сингапур». Мацуока, кивнув в сторону Нагаи, сказал: «Об этом вам придется спросить у него».

Более откровенно Мацуока говорил об отношениях Японии с Советским Союзом, прямо заявив, что имеет поручение заключить японо-советский пакт о ненападении или нейтралитете. Реакция немцев на это сообщение должна была показать, насколько далеко зашла подготовка Германии к нападению на Советский Союз. Если бы руководители рейха решительно воспротивились такому пакту, это было бы сигналом того, что решение о войне на Востоке принято окончательно. Однако Гитлер и Риббентроп реагировали довольно прохладно. Риббентроп лишь предупредил Мацуоку «не заходить слишком далеко в сближении с Россией». Впоследствии Гитлер заявил, что японцы заключили пакт с СССР «с одобрения Германии». О

причинах такой позиции немцев можно только догадываться. Скорее всего, они рассчитывали на то, что, имея пакт со Сталиным, японцы скорее решатся на захват Сингапура. С другой стороны, на них могло произвести впечатление сделанное Мацуокой в беседе с Риббентропом важное заявление о том, что «никакой японский премьер-министр или министр иностранных дел не сумеет заставить Японию остаться нейтральной, если между Германией и Советским Союзом возникнет конфликт. В этом случае Япония принуждена будет, естественно, напасть на Россию на стороне Германии. Тут не поможет никакой пакт о нейтралитете»^{254}.

Покидая Германию, Мацуока понимал, что руководители рейха явно не договаривают, не хотят раскрывать свои карты японцам, фактически дезориентируют их. Как иначе можно было расценить слова Гитлера о том, что, «несмотря на задержку в осуществлении германского плана высадки на Британские острова, капитуляция Великобритании — это лишь вопрос времени. Великобритания должна быть разбита»? Как объяснить скопление германских войск в восточных районах рейха, которые Мацуока видел своими глазами, пересекая германо-советскую границу? Неужели Германия решила воевать одновременно на Западе и Востоке?

Впоследствии Мацуока признает, что в результате посещения Берлина он оценил вероятность начала германо-советской войны как «50 на 50». «Если бы я знал, что они вступят в войну, я бы предпочел занять в отношении Германии более дружественную позицию и не стал бы заключать пакт о нейтралитете (с СССР)», — заявит он 25 июня 1941 г. на заседании координационного совета правительства и императорской ставки. Но это будет потом. А пока предстояли переговоры в Москве.

Хотя руководители рейха не настаивали на участии японских вооруженных сил в войне против СССР, а стремились направить их против Великобритании, в ходе такой войны могло создаться положение, когда правительство Германии потребовало бы от своего союзника выполнения обязательств по «Тройственному пакту». В этом случае выступление Японии против СССР должно было состояться не тогда, когда японское правительство и командование сочтут момент наиболее благоприятным, а когда это будет необходимо Германии. Это не устраивало Японию, не желавшую играть подчиненную роль в

германской войне против СССР, выполняя вспомогательные задачи. С другой стороны, японское руководство не могло не волновать то, что в результате быстрого разгрома Германией Советского Союза Япония не будет допущена к дележу «русского пирога» или же получит лишь небольшие куски. Поэтому для обеспечения империи свободы действий как на южном, так и на северном направлениях считалось целесообразным иметь пакт о ненападении или нейтралитете с Советским Союзом. К тому же такой пакт мог стать прикрытием подготовки Японии к нападению на СССР. Главные же цели пакта для Японии оставались прежними — добиться от СССР его отказа от помощи Китаю и обеспечить прочный тыл на севере на случай начала войны против США и Великобритании на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии.

По мнению японцев, пакт с СССР должен был, кроме всего прочего затруднить образование союза между Вашингтоном, Лондоном и Москвой. Японский военно-морской министр К. Оикава с нескрываемой тревогой говорил: «Флот уверен в своих силах в случае войны только с Соединенными Штатами и Британией, но выражает опасения по поводу столкновения одновременно с Соединенными Штатами, Британией и Советским Союзом».

Мацуока не мог не учитывать эти опасения. К тому же провал порученных самим императором переговоров в Москве серьезно подорвал бы авторитет японского министра иностранных дел, поставив вопрос о его дальнейшем пребывании на занимаемом посту. Поэтому он решил все же продолжить переговоры с советским руководством о подписании соглашения с СССР.

Готовясь к встрече с Мацуокой, советское руководство из сообщений Р. Зорге знало, что император и ближайшее окружение японского премьер-министра Коноэ хотят заключить пакт о ненападении с Советским Союзом. 10 марта 1941 г. Зорге доносил в Москву: «...Что касается СССР, то Мацуока имеет больше полномочий для самостоятельных действий. Коноэ не верит, что Мацуока сможет заключить с Советским Союзом пакт о ненападении, но он все же надеется, что кое-что в этом направлении Мацуока сможет сделать. Коноэ надеется также получить от Советского правительства разрешение на пропуск через Сибирь немецких военных материалов, заказанных Японией. Наконец, он надеется достигнуть с СССР

соглашения о прекращении сотрудничества с чунцинским правительством»^{255}.

Как уже отмечалось, советскому правительству было не просто принять решение о заключении пакта с милитаристской Японией. В Кремле хорошо помнили реакцию Запада на подписание советско-германского пакта о ненападении, расцененного как «предательство идеи антигитлеровской коалиции». Заключение аналогичного соглашения еще с одним членом Пакта трех держав неизбежно создавало новые проблемы во взаимоотношениях с западными державами, которые могли расценить действия СССР как провоцирующие Японию на расширение экспансии в Восточной Азии и на Тихом океане. Продолжало беспокоить советское руководство и то, что, идя на подписание пакта с Японией, оно рисковало ухудшить свои отношения с Китаем. Однако, с другой стороны, как и в случае с Германией, пакт с японцами отвечал государственным интересам Советского Союза, ибо создавал хотя и ненадежные и явно временные, но все же гарантии, снижал опасность одновременного нападения на СССР с запада и востока.

Вернувшись из Берлина в Москву, Мацуока 7 апреля в беседе с Молотовым попытался выдвинуть японские условия подписания пакта с СССР, в частности, официально предложил продать Японии Северный Сахалин. Это «предложение», как и ранее в беседах Молотова с японскими послами Того и Татэкавой, было решительно отвергнуто. При этом советская сторона продолжала настаивать на ликвидации одновременно с подписанием пакта японских концессий на Северном Сахалине. Было ясно, что советское правительство не отступит от своих позиций.

В довольно сумрачном настроении Мацуока посетил Ленинград, где осмотрел сокровища Эрмитажа и присутствовал на балетном спектакле. Возвратившись 12 апреля в Москву, он телеграфировал в Токио, что Молотов «не проявляет симпатии и шансы заключения соглашения с Россией близки к нулю». Неожиданно в гостиничный номер японского министра раздался телефонный звонок из секретариата Сталина. Мацуока приглашался в Кремль на беседу с советским лидером.

Анализ дипломатических контактов Сталина с иностранными политиками свидетельствует о выработанной им тактике ведения

переговоров, когда на предварительном этапе Молотову поручалось, занимая довольно жесткую позицию, в максимальной степени «дожимать» партнеров, добиваться от них учета советской позиции. При этом в последний момент, когда казалось, что соглашение уже достичь не удастся, вступал в дело сам Сталин, который с присущих вождю широких политических позиций предлагал заранее продуманный компромисс и как бы выводил переговоры из тупика. В этой ситуации иностранному политику было трудно не оценить по достоинству широту взглядов и подходов советского лидера. Подобное произошло и на данной беседе.

После традиционных приветствий Мацуока начал пространно излагать Сталину значение японского лозунга «хакко итиу» («восемь углов под одной крышей»), под которым Японская империя намеревалась создавать «новый мировой порядок». Он убеждал, что этот древний лозунг не означает стремления Японии к переделу мира, что цель Японии — объединить все народы земли «под единой крышей взаимного уважения и комфорта».

Сталин терпеливо слушал, а затем, прервав собеседника, предложил перейти к делу. Отвергнув претензии Японии на Северный Сахалин, он заявил о желании вернуть в состав территории Советского Союза южную часть этого острова, отторгнутую от России в результате Русско-японской войны 1904—1905 гг. Мацуока возражал, ссылаясь на то, что южная часть Сахалина заселена японцами и России лучше обратить внимание на расширение своих территорий за счет арабских стран, вместо того, чтобы претендовать на территории, соседствующие с японской метрополией.

Это была «домашняя заготовка» Мацуоки. Готовясь к переговорам с Советским Союзом, министерство иностранных дел Японии разработало программу заключения с СССР пакта о ненападении. Одним из пунктов этой программы предусматривалось: «В подходящий момент включить в сферу влияния Японии (в результате покупки или обмена территориями) Северный Сахалин и Приморье»^{256}. Для того, чтобы побудить советское правительство пересмотреть свою политику в отношении японо-китайской войны, в документе намечалось предложить Советскому Союзу следующее: «СССР признает интересы Японии во Внутренней Монголии и в трех провинциях Северного Китая. Япония признает традиционные интересы Советского Союза во

Внешней Монголии и Синьцзяне. СССР соглашается с продвижением Японии в направлении Французского Индокитая и Голландской Индии. Япония соглашается с будущим продвижением Советского Союза в направлении Афганистана, Персии (впоследствии сюда включается и Индия)»^{257}.

Попытка Мацуоки изложить этот «план» Сталину реакции последнего не вызвала. Было ясно, что целью вовлечения Советского Союза в подобный сговор было желание не допустить его сближения со странами Запада и все же попытаться привлечь к сотрудничеству с участниками «Тройственного пакта».

Проигнорировав геополитические прожекты Мацуоки, Сталин выложил на стол проект советско-японского пакта о нейтралитете, который состоял из четырех статей. Статья 1 предусматривала обязательство обеих сторон поддерживать мирные и дружественные отношения между собой и взаимно уважать территориальную целостность и неприкосновенность другой договаривающейся стороны. В статье 2 говорилось, что в случае, если одна из договаривающихся сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав, другая договаривающаяся сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта. Статья 3 предусматривала, что пакт сохраняет силу в течение пяти лет.

Предложенный Сталиным вариант соглашения не требовал от Токио никаких уступок, кроме согласия на ликвидацию на приемлемых условиях концессий на Северном Сахалине. К тому же откровенность и примирительный дружественный тон Сталина убеждали Мацуоку, что советский лидер искренне стремится на продолжительный срок избежать новых конфликтов с Японией.

Связавшись с Токио, Мацуока получил согласие на подписание предложенного советской стороной документа. Вместе с тем в инструкциях японского правительства было подчеркнуто, что «Тройственный пакт не должен быть ослаблен».

13 апреля 1941 г. в Кремле был подписан Пакт о нейтралитете между Японией и Советским Союзом. Одновременно была подписана Декларация о взаимном уважении территориальной целостности и неприкосновенности границ Монгольской Народной Республики и Маньчжоу-Го. Была достигнута и договоренность о разрешении в течение нескольких месяцев вопроса о ликвидации японских концессий

на Северном Сахалине. Однако по просьбе японской стороны об этой договоренности в печати не сообщалось.

На состоявшемся затем банкете в Кремле царила атмосфера удовлетворения успешно завершившимся «дипломатическим блицкригом». По свидетельству очевидцев, стремясь подчеркнуть свое гостеприимство, Сталин лично подвигал гостям тарелки с яствами и разливал вино. Однако обилие комплиментов не могло скрыть от наблюдателя, что за столом сидели не друзья, а противники.

Участники банкета с японской стороны, в частности личный секретарь Мацуоки Т. Касэ, рассказывали о состоявшемся за столом диалоге:

Подняв свой бокал, Мацуока сказал: «Соглашение подписано. Я не лгу. Если я лгу, моя голова будет ваша. Если вы лжете, я приду за вашей головой».

Сталин поморщился, а затем со всей серьезностью произнес: «Моя голова важна для моей страны. Так же как ваша для вашей страны. Давайте позаботимся, чтобы наши головы остались на наших плечах».

Предложив затем тост за японскую делегацию, Сталин отметил вклад в заключение соглашения ее членов из числа военных.

«Эти представляющие армию и флот люди заключили пакт о нейтралитете, исходя из общей ситуации, — заметил в ответ Мацуока. — На самом деле они всегда думают о том, как бы сокрушить Советский Союз». Сталин тут же парировал: «Хотелось бы напомнить всем японским военным, что сегодняшняя Советская Россия — это не прогнившая царская Российская империя, над которой вы однажды одержали победу».

Хотя Сталин попрощался с японским министром в Кремле, затем неожиданно он появился на вокзале, чтобы лично проводить Мацуоку. Это был беспрецедентный и единственный в своем роде случай, когда советский лидер счел необходимым таким необычным жестом подчеркнуть важность советско-японской договоренности. Причем подчеркнуть не только японцам, но и немцам.

Зная, что среди провожавших Мацуоку был и германский посол в Москве фон Шуленбург, Сталин демонстративно обнимал на перроне японского министра, заявляя: «Вы азиат и я азиат... Если мы будем вместе, все проблемы Азии могут быть решены». Мацуока отвечал: «Проблемы всего мира могут быть разрешены».

В целом негативно относящиеся к каким-либо договоренностям с Советским Союзом военные круги Японии, в отличие от политиков, не придавали пакту о нейтралитете особого значения. В «Секретном дневнике войны» японского генерального штаба армии 14 апреля 1941 г. была сделана следующая запись: «Значение данного договора состоит не в обеспечении вооруженного выступления на юге. Не является договор и средством избежать войны с США. Он лишь дает дополнительное время для принятия самостоятельного решения о начале войны против Советов»^{258}. Еще более определенно высказался в апреле 1941 г. военный министр Хи-дэки Тодзио: «Невзирая на пакт, мы будем активно осуществлять военные приготовления против СССР»^{259}.

О том, что наиболее антисоветски настроенные японские генералы рассматривали пакт о нейтралитете лишь как прикрытие завершения подготовки к наступательной операции, свидетельствует сделанное 26 апреля заявление начальника штаба Квантунской армии Кимуры на совещании командиров соединений этой армии. «Необходимо, — заявил он, — с одной стороны, все более усиливать и расширять подготовку к войне против СССР, а с другой — поддерживать дружественные отношения с СССР, стремясь сохранить вооруженный мир и одновременно готовиться к операциям против Советского Союза, которые в решительный момент принесут верную победу Японии».

Советская разведка своевременно и объективно информировала Москву об этих настроениях в японской армии. 18 апреля Зорге сообщал, что «Отто (Ходзуми Одзаки. — *А.К.*) посетил Коноэ как раз в тот момент, когда Коноэ получил от Мацуоки телеграмму о заключении пакта о нейтралитете. Коноэ и все присутствовавшие были чрезвычайно рады заключению пакта. Коноэ сразу позвонил об этом военному министру Тодзио, который не высказал ни удивления, ни гнева, ни радости, но согласился с мнением Коноэ о том, что ни армия, ни флот, ни Квантунская армия не должны опубликовывать какое-либо заявление относительно этого пакта. Во время обсуждения вопроса о последствиях пакта вопрос о Сингапуре не поднимался. Основное внимание всех присутствующих было сосредоточено на вопросе использования пакта для ликвидации войны с Китаем...».

28 апреля советский военный атташе в Корее телеграфировал: «22 апреля начальник штаба армии (японской армии в Корее. — *А.К.*)

Такахаси заявил журналистам: “СССР, признавая мощь Японии, заключил с ней пакт о нейтралитете с тем, чтобы сконцентрировать свои войска на западе. Только военная сила может обеспечить эффективность пакта, и поэтому новое формирование ни Квантунской, ни Корейской армии ослаблено не будет и они со своих позиций не уйдут.” Такахаси привел исторические примеры, когда Китай, будучи в военном отношении слабее Японии, шел на заключение выгодных для Японии договоров. Сейчас основной задачей Японии, как он заявил, является завершение китайской войны».

Имея подобную информацию, Сталин понимал, что, несмотря на подписание пакта о нейтралитете, японцы не ослабят свою боевую готовность на границах с СССР. Тем не менее, он считал, что, имея пакт о ненападении с Германией и пакт о нейтралитете с Японией, СССР сможет выиграть время и в течение определенного периода оставаться вне войны. Однако, как показали последовавшие события, «вооруженный нейтралитет» Японии отнюдь не гарантировал безопасность СССР на Дальнем Востоке и в Сибири.

Глава VII.

Вооруженный нейтралитет

«Лучше пролить кровь...»

16 апреля 1941 г. японский посол в Берлине Х. Осима направил в Токио шифровку, в которой сообщалось: «В этом году Германия начнет войну против СССР»^{260}. Аналогичная информация поступала и от японских послов и военных атташе в других европейских странах. 28 апреля, подтвердив неизбежность скорого германского нападения на СССР, Осима рекомендовал центру: «После начала германо-советской войны, двигаясь на юг, оказывать тем самым косвенную, помощь Германии. Затем, воспользовавшись внутренними беспорядками в Советском Союзе, применить вооруженные силы и в согласовании с Германией завершить решение вопроса о СССР»^{261}.

После этого в течение мая в японском генеральном штабе армии проходили интенсивные совещания руководящего состава, на которых вырабатывалась стратегия Японии на случай советско-германской войны. Однако прийти к общему мнению не удалось. Определились три основные точки зрения.

Первая заключалась в том, чтобы осуществить первоначально экспансию на юг, обеспечить экономическую независимость империи, после чего, невзирая на пакт о нейтралитете, обрушиться на Советский Союз. При этом считалось, что США, напуганные японо-германским сближением, не будут оказывать Японии серьезного сопротивления в ее продвижении в южном направлении.

Вторая точка зрения сводилась к тому, что Япония, воспользовавшись советско-германской войной, должна незамедлительно приступить к осуществлению планов оккупации советских восточных территорий. Сторонники этого курса опасались, что, «если Япония не захватит в качестве буферной зоны восточную часть Советского Союза, эта территория не будет гарантирована от германской агрессии»^{262}.

Наконец, было немало сторонников того, чтобы выжидать и готовиться к войне как на севере, так и на юге с целью принять окончательное решение с учетом складывающейся обстановки, в первую очередь в Европе.

28 мая в ответ на запрос Мацуоки Риббентроп через посла Осиму со всей определенностью сообщил: «Сейчас война между Германией и

СССР неизбежна. Я верю, что если она начнется, то может закончиться в течение двух-трех месяцев. Армия уже закончила развертывание»^{263}. Об этом же Осима информировал Токио в телеграмме от 6 июня, в которой выражалась уверенность, что «Россия через несколько месяцев перестанет существовать как великая держава»^{264}.

В связи с этим интерес представляют опубликованные в последние годы оригиналы разведдонесений Р. Зорге в Москву в мае—июне 1941 г.

2 мая Зорге доносил: «Я беседовал с германским послом Оттом и морским атташе о взаимоотношениях между Германией и СССР. Отт заявил мне, что Гитлер исполнен решимости разгромить СССР и получить европейскую часть Советского Союза в свои руки в качестве зерновой и сырьевой базы для контроля со стороны Германии над всей Европой... Возможность возникновения войны в любой момент весьма велика, потому что Гитлер и его генералы уверены, что война с СССР несколько не помешает ведению войны против Англии.

Немецкие генералы оценивают боеспособность Красной Армии настолько низко, что они полагают, что Красная Армия будет разгромлена в течение нескольких недель. Они полагают, что система обороны на германо-советской границе чрезвычайно слаба»^{265}.

Эти данные соответствовали содержанию передаваемых из Берлина Осимой телеграмм, что свидетельствует о высокой степени достоверности разведдонесений Зорге. И это объяснимо, ведь информацию Зорге черпал из высших эшелонов японского правительства. 10 мая он сообщил в Москву: «...Отто (Ходзуми Одзаки, неофициальный советник премьер-министра Ф. Коноэ. — *А.К.*) узнал, что в случае германо-советской войны Япония будет сохранять нейтралитет по меньшей мере в течение первых недель. Но в случае поражения СССР Япония начнет военные действия против Владивостока. Япония и германский ВАТ (аппарат германского военного атташе в Токио. — *А.К.*) следят за перебросками советских войск с востока на запад»^{266}.

30 мая Зорге сообщает: «Берлин информировал Отта, что немецкое выступление против СССР начнется во второй половине июня. Отт на 95% уверен, что война начнется...»^{267}. Наконец, за два дня до германского нападения, 20 июня, советское руководство было

проинформировано из Токио: «Германский посол в Токио Отт сказал мне, что война между Германией и СССР неизбежна... Инвест (Ходзуми Одзаки. — *А.К.*) сказал мне, что японский генеральный штаб уже обсуждает вопрос о позиции, которая будет занята в случае войны... Все ожидают решения вопроса об отношениях СССР и Германии»^{268}.

Правящая верхушка Японии в ожидании развязки лихорадочно готовилась к новой ситуации в мире. Военный атташе посольства Франции в Токио 18 июня доносил в центр (Виши): «Атмосфера кажущегося спокойствия, которая царит в настоящее время в Японии, несколько необычна в сравнении с активностью высших органов правительства — таких, как Императорский генеральный штаб, Совет дзусинов (высшие советники императора из числа бывших премьер-министров Японии. — *А.К.*), Совет министров, которые собираются почти ежедневно»^{269}.

22 июня 1941 г., получив сообщение о начале германского вторжения в СССР, министр иностранных дел Японии Мацуока спешно прибыл в императорский дворец, где весьма энергично стал убеждать японского монарха как можно скорее нанести удар по Советскому Союзу с востока. В ответ на вопрос императора, означает ли это отказ от выступления на юге, Мацуока ответил, что «сначала надо напасть на Россию»^{270}. При этом министр добавил: «Нужно начать с севера, а потом пойти на юг. Не войдя в пещеру тигра, не вытацишь тигренка. Нужно решиться»^{271}.

Эту позицию Мацуока отстаивал и на заседаниях координационного совета правительства и императорской ставки. Им приводились следующие доводы:

а) необходимо успеть вступить в войну до победы Германии, из опасения оказаться обделенными;

б) поскольку на принятие решения в пользу войны с СССР немало влияние оказывала боязнь возможной перспективы одновременной войны против Советского Союза и США, Мацуока убеждал высшее японское руководство и командование в том, что этого удастся избежать дипломатическими средствами;

в) министр иностранных дел высказывал уверенность, что нападение на Советский Союз окажет решающее влияние на окончание

войны в Китае, ибо в этом случае правительство Чан Кайши окажется в изоляции.

Хотя предложение о первоначальном ударе в тыл Советскому Союзу базировалось на выводе о краткосрочном характере германской агрессии, учитывалась и возможность затяжной войны и даже поражения Германии. Считалось, что при всех обстоятельствах Японии лучше вступить в войну на севере, чем идти на риск вооруженного столкновения с США и Великобританией. Сторонники этой концепции полагали, что в случае, если Великобритания, поддержанная США, в конце концов одержит победу над Германией, Японию не будут строго судить «за нападение лишь на коммунизм».

Участники заседаний не высказывали возражений против доводов Мацуоки. Они соглашались с тем, что германское нападение на СССР с запада представляет весьма выгодную возможность реализовать вынашиваемые годами планы отторжения в пользу Японии его восточных районов. Однако далеко не все разделяли поспешные выводы сторонников немедленного нападения на СССР.

Из стенограммы 32-го заседания координационного совета правительства и императорской ставки от 25 июня 1941 г.:

«Министр иностранных дел Мацуока: Подписание пакта о нейтралитете (с СССР. — *А.К.*) не окажет воздействия или влияния на Тройственный пакт. Об этом я говорил после моего возвращения в Японию (из Германии и СССР. — *А.К.*). К тому же со стороны Советского Союза пока нет никакой реакции. Вообще-то я пошел на заключение пакта о нейтралитете, считая, что Германия и Советская Россия все же не начнут войну. Если бы я знал, что они вступят в войну, я бы, вероятно, занял в отношении Германии более дружественную позицию и не стал бы заключать пакт о нейтралитете. Я заявил Отту (посол Германии в Японии. — *А.К.*), что мы останемся верны нашему союзу, невзирая на положения (советско-японского) пакта, и если решим что-то предпринять, он будет проинформирован мною в случае необходимости. В том же духе мы говорили с советским послом.

Некто (фамилия в стенограмме не указана. — *А.К.*): Какое впечатление произвели ваши слова на советского посла?

Мацуока: «Япония сохраняет спокойствие, но ясности — никакой», — сказал он и, как мне кажется, говорил искренне.

Некто: Меня интересует, не сделал ли он вывод, что Япония по-прежнему привержена Тройственному пакту и не лояльна пакту о нейтралитете?

Мацуока: Не думаю, чтобы у него сложилось такое впечатление. Разумеется, с моей стороны ничего не говорилось о разрыве пакта о нейтралитете.

Я не сделал никаких официальных заявлений Отту. Мне хотелось бы, чтобы как можно скорее были приняты решения по вопросам нашей национальной политики. Отт снова говорил о переброске советских войск с Дальнего Востока.

Военный министр Тодзио: Переброска войск с Дальнего Востока на Запад, безусловно, имеет большое значение для Германии, но Японии, разумеется, не стоит слишком переживать по этому поводу. Нам не следует всецело полагаться на Германию.

Военно-морской министр Оикава: От имени флота могу высказать ряд соображений о нашей будущей дипломатии. Я не хочу касаться прошлого. В нынешней щекотливой международной обстановке без консультаций с верховным командованием едва ли уместно рассуждать (и) об отдаленном будущем. Флот уверен в своих силах в случае войны с Соединенными Штатами в союзе с Великобританией, но выражает опасение по поводу войны с США, Британией и СССР одновременно. Представьте, что Советы и американцы действуют вместе и США разворачивают военно-морские и авиационные базы, радиолокационные станции и тому подобное на советской территории. Представьте, что базирующиеся во Владивостоке подводные лодки передислоцируются в США. Это серьезно затруднит проведение морских операций. Во избежание такой ситуации следовало бы не планировать удар по Советской России, а готовиться к продвижению на юг. Флоту не хотелось бы провоцировать Советский Союз.

Мацуока: Вы сказали, что не боитесь войны с США и Великобританией. Почему же вы против вовлечения в войну Советов?

Оикава: Если выступят Советы, это будет означать ведение войны еще с одним государством, не так ли? В любом случае не стоит предвосхищать будущее.

Мацуока: ...Я считаю, что мы должны спешить и принять решение, исходя из принципов нашей национальной политики.

Если Германия возьмет верх и завладеет Советским Союзом, мы не сможем воспользоваться плодами победы, ничего не сделав для нее. Нам придется либо пролить кровь, либо прибегнуть к дипломатии. Лучше пролить кровь. Вопрос в том, чего пожелает Япония, когда с Советским Союзом будет покончено. Германию, по всей вероятности, интересует, что собирается делать Япония. Неужели мы не вступим в войну, когда войска противника из Сибири будут переброшены на Запад? Разве не должны мы прибегнуть по крайней мере к демонстративным действиям?

Военный и военно-морской министры: Существует множество вариантов демонстративных действий. Тот факт, что наша Империя занимает твердые позиции, сам по себе является демонстративным действием, не так ли? Разве мы не намерены реагировать подобным образом?

Мацуока: В любом случае, пожалуйста, поторопитесь и решите, что нам следует предпринять.

Некто: Что бы вы ни предприняли, не допускайте поспешности в действиях»^{272}.

Советская разведка внимательно следила за ходом обсуждения в японском правительстве вопроса о выступлении Японии против СССР и своевременно информировала центр о возникших в руководстве страны противоречиях. 25 июня военный атташе посольства СССР в Японии доносил начальнику разведуправления генштаба Красной Армии:

«...5. Генералы Араки и Сидо с прогнозами современной войны по-детски заявляют, что Германия разобьет СССР в два-три месяца. Соотношение сил строится арифметически, без политического анализа, без анализа запасов стратегического сырья и промышленных мощностей, следовательно, прогнозы звучат неубедительно и наивно, но народ, читая их, верит, что немцы сильнее.

6. Правительство уже три дня совещается и не может принять решение по вопросу своего отношения к войне, есть слухи, что они хотят протянуть недели три и приглядеться к войне, какое она примет направление. В Правительстве сейчас идет очень сложная борьба — проангличане и проамериканцы были яркими противниками СССР, но под влиянием речи Черчилля как будто меняют свои взгляды. Определить позицию правительства сейчас очень трудно...

7. Военщина не высказывает своего мнения по этому вопросу.

8. Американцы и англичане рады сложившейся обстановке и заявляют, что “теперь мы с вами будем сотрудничать по всем вопросам”.

9. Немцы нервничают, недовольны неопределенностью позиции правительства. Всеми силами стремятся втянуть Японию в войну. В ход пущены все средства фашистской клеветы и демагогии.

Вывод: ...Правительству доверять нельзя, оно может пойти на самые неожиданные шаги, даже вопреки здравому учету внутренней обстановки»^{273}.

Еще до нападения Германии на СССР, 10 июня, руководство военного министерства Японии разработало документ «Курс мероприятий по разрешению нынешних проблем». В нем предусматривалось: воспользовавшись удобным моментом, применить вооруженные силы как на юге, так и на севере; сохраняя приверженность Тройственному пакту, в любом случае вопрос об использовании вооруженных сил решать самостоятельно, продолжать боевые действия на континентальном фронте в Китае^{274}.

Эти положения легли в основу проекта документа «Программа национальной политики Империи в соответствии с изменениями обстановки», который должен был быть представлен императорскому совещанию. Документ являлся результатом компромисса между сторонниками вышеуказанных трех точек зрения на дальнейшую политику Японии. Хотя в нем провозглашалось, что «независимо от изменений в международном положении Империя будет твердо придерживаться политики построения сферы совместного процветания Великой Восточной Азии», окончательный выбор первоначального направления вооруженной экспансии сделан не был. Обсуждению этого документа были посвящены предшествовавшие императорскому совещанию заседания координационного совета.

* * *

Из стенограммы 33-го заседания координационного совета правительства и императорской ставки от 26 июня 1941 г.:

«Повестка заседания: Проект документа “Программа национальной политики Империи в соответствии с изменениями обстановки”.

Мацуока: Мне не понятна фраза “предпринять шаги для продвижения на юг” и слово “также” в фразе “также разрешить северную проблему”...

Начальник генерального штаба армии Сугияма: Что вы хотите понять? Вы хотите понять, что важнее — Юг или Север?

Мацуока: Совершенно верно.

Сугияма: Нет никакого различия в степени важности. Мы собираемся следить за тем, как будет развиваться ситуация.

Мацуока: Означает ли фраза “предпринять шаги для продвижения на Юг”, что мы не предпримем действий на Юге в ближайшее время? <...>

Заместитель начальника генерального штаба армии Цукада: Хорошо, выскажусь определенно. Между Севером и Югом нет различий в степени важности. Очередность и способ (действий) будет зависеть от обстановки. Мы не можем действовать в двух направлениях одновременно. На сегодняшний день мы не можем судить, что будет первым — Север или Юг...

Мацуока: Что случится, если обстановка не претерпит кардинальных изменений в благоприятном для нас смысле?

Цукада: Мы выступим, если почувствуем, что условия особенно благоприятны, и не сделаем этого, если они будут неблагоприятными. Поэтому мы включаем (в проект документа. — *А.К.*) слова “особенно благоприятные”. Кроме того, существует различие в точках зрения.

Даже если Германии ситуация будет казаться исключительно благоприятной, но она не будет благоприятной для нас, мы не выступим. И наоборот, даже если Германия будет считать условия неблагоприятными, но они будут благоприятны для нас, мы выступим.

Министр внутренних дел Хиранума: Можно вступить в войну, но не привлекая армии. Вступление в войну есть вступление в войну, даже если не использовать вооруженные силы. Хотя министр иностранных дел сказал, что состояние войны, то есть вступление в войну, неотделимо от использования вооруженных сил, нельзя ли все-таки вступить в войну, не привлекая вооруженных сил?

Мацуока: Согласен. Между вступлением в войну и использованием вооруженных сил может существовать временной промежуток...»^{275}.

Как уже отмечалось, японское руководство серьезно опасалось «опоздать на автобус», то есть к разделу территории поверженного Советского Союза. Об этом предупреждал посол в Германии Осима, активно толкавший японское правительство к немедленному нападению на СССР.

Из стенограммы 34-го заседания координационного совета правительства и императорской ставки от 27 июня 1941 г.:

«*Мацуока:* Я получил несколько сообщений от Осима. Их суть состоит в том, что политика нашей Империи столкнется с трудностями в том случае, если германо-советская война завершится в ближайшем будущем, а британо-германская — осенью или до конца года. Мы не можем слишком долго ждать выявления тенденций развития обстановки...

Ранее я составил план (координации) дипломатии и военных операций и с тех пор много о них размышлял. Хотя я оценивал вероятность начала германо-советской войны в 50%, эта война уже разразилась. Я согласен с вчерашним проектом генеральных штабов армии и флота, но у меня есть некоторые соображения с точки зрения дипломатии...

Между Германией и Советским Союзом началась война. Хотя какое-то время Империя может выжидать и следить за развитием обстановки, рано или поздно нам придется принять ответственное решение и как-то выйти из создавшегося положения. Если мы придем к заключению, что германо-советская война вскоре закончится, встанет вопрос о первоначальном направлении удара на Север или на Юг. Если мы решим, что война закончится быстро, надо нанести сначала удар на Севере. Если же мы начнем обсуждать советскую проблему после того, как немцы расправятся с Советами, дипломатическим путем мы ничего не добьемся. Если мы быстро нападём на Советы, Соединенные Штаты не выступят. США не могут помочь Советской России по одной той причине, что они ненавидят СССР. В общем Соединенные Штаты не вступят в войну. Хотя я могу в чем-то и ошибаться, тем не менее надо нанести удар сначала на Севере, а затем уже идти на Юг. Если мы пойдем вначале на Юг, нам придется воевать и с Великобританией, и с Соединенными Штатами...

Мною движет не безрассудство. Если мы выступим против СССР, я уверен, что смогу удерживать Соединенные Штаты в течение трех-четырех месяцев дипломатическими средствами. Если мы будем ждать и наблюдать за развитием событий, как это предлагается в проекте верховного командования, мы будем окружены Великобританией, США и Россией... Мы должны сначала ударить на Севере, а затем нанести удар на Юге. Ничего не предпринимая, ничего не получишь. Мы должны предпринять решительные действия.

Тодзио: Как соотносится (эта проблема) с китайским инцидентом?

Мацуока: До конца прошлого года я придерживался мнения о том, чтобы сначала выступить на Юге, а затем на Севере. Я считал, что, если мы нанесем удар на Юге, китайская проблема будет разрешена. Однако этого не произошло. Мы должны двинуться на Север и дойти до Иркутска. Я думаю, что, если мы пройдем даже половину этого пути, наши действия смогут повлиять на Чан Кайши, подтолкнув его к заключению мира с Японией.

Тодзио: Считаете ли вы, что мы должны ударить на Севере, даже если для этого нам придется отказаться от разрешения китайского инцидента?

Мацуока: Нам следует ударить на Севере, даже если мы в некоторой степени отступим в Китае.

Тодзио: Урегулирование китайского инцидента должно быть завершено.

Оикава: Мировая война продлится лет десять. За это время китайский инцидент уйдет в небытие. В течение этого периода мы сможем без труда нанести удар на Севере.

Мацуока: Я сторонник нравственных начал в дипломатии. Мы не можем отказаться от Тройственного пакта. Мы смогли бы с самого начала уклониться от заключения пакта о нейтралитете. Если мы намерены говорить об отказе от Тройственного пакта, тогда надо быть готовыми к неопределенному будущему. Мы должны нанести удар, пока ситуация в советско-германской войне еще не определилась.

Хиранума: Господин Мацуока, подумайте должным образом о проблеме, с которой мы имеем дело. Вы предлагаете незамедлительно вступить в войну против Советов, рассматривая это с точки зрения национальной политики?

Мацуока: Да.

Хиранума: Хотя в наши дни приходится вершить дела в спешке, мы должны быть хорошо подготовлены. Вы говорите об использовании военной силы, но это требует подготовки... Короче говоря, разве нам не требуется время для достижения полной готовности?

Мацуока: Я бы хотел располагать решением о нанесении первоначального удара на Севере, и я бы хотел сообщить об этом намерении Германии.

Сугияма: Нравственная и благородная дипломатия — это прекрасно, но в настоящее время наши крупные силы находятся в Китае. Хорошо говорить о честности, однако на практике мы не можем себе этого позволить. Верховное командование должно обеспечить готовность. А мы не можем сейчас решить, будем наносить удар (на Севере) или нет. Для приведения в готовность армии нам потребуется от сорока до пятидесяти дней. Необходимо дополнительное время и для организации наших наличных сил и подготовки их к наступательным операциям. К этому времени ситуация на германо-советском фронте должна проясниться. Если условия будут благоприятными, мы будем сражаться.

Мацуока: Я хотел бы принятия решения напасть на Советский Союз.

Сугияма: Нет».^{276}.

Несмотря на то что премьер-министр Коноэ и военно-морской министр Оикава, а также другие японские руководители не разделяли мнения Мацуоки и его сторонников о незамедлительном выступлении против СССР, японский министр иностранных дел был уверен, что ему удастся преодолеть их сопротивление. При этом он опирался на влиятельных японских политиков — министра внутренних дел Хирануму, председателя Тайного совета Хару и других. 26 июня Зорге сообщил в Москву: «...Мацуока сказал германскому послу Отту, что нет сомнения, что после некоторого времени Япония выступит против СССР».^{277}.

Главным доводом противников Мацуоки и его единомышленников была оценка экономического потенциала Японии, уязвимость империи в снабжении стратегическим сырьем, которое предлагалось до войны с СССР получить на юге. С этой целью предлагалось, повременив с вступлением в войну против СССР, быстро оккупировать по крайней

мере Южный Индокитай. Мацуока же считал, что это чревато столкновением с США и Великобританией.

* * *

Из стенограммы 36-го заседания координационного совета правительства и императорской ставки от 30 июня 1941 г.:

Мацуока: До сих пор я не ошибался в предсказаниях того, что произойдет в следующие несколько лет. Я предсказываю, что, если мы будем вовлечены в действия на Юге, нам придется столкнуться с серьезной проблемой. Может ли начальник генерального штаба армии гарантировать, что этого не произойдет? К тому же, если мы оккупируем Южный Индокитай, возникнут трудности с поставками в Японию нефти, каучука, олова, риса и т. д. Великие люди должны уметь менять свое мнение. Раньше я выступал за движение на Юг, а теперь склоняюсь в пользу северного направления.

Начальник управления военных дел военного министерства Японии Муро: Оккупировав Южный Индокитай, мы сможем там получить каучук и олово.

Хиранума: Я полагаю, мы должны идти на Север. Вопрос состоит в том, можем ли мы это сделать. Здесь мы должны положиться на мнение военных.

Начальник главного морского штаба Нагано: Что касается флота, то, если мы выступим на Севере, нам придется переключить всю нынешнюю подготовку с южного направления на северное. Это потребует пятидесяти дней...

Принц Хигасикуни: Что вы можете сказать о планах разрешения северной проблемы?

Премьер-министр Коноэ и начальник генерального штаба армии Сугияма: В нынешних условиях следует принять решение после дальнейшего изучения стратегической обстановки как с политической, так и с военной точек зрения. Мы уже обсудили эту проблему с точки зрения военной стратегии. Но решение о наших планах на Севере необходимо принять только после должного учета требований политической стратегии, определения уровня нашей готовности и ситуации в мире.

Принц Асака: Это похоже на то, как если бы мы сидели на заборе и решали, куда спрыгнуть — на Север или на Юг. Я считаю, было бы лучше сначала двинуться на Север.

Тодзио: Легко принимать решения в абстрактной форме. Трудность принятия решения состоит в том, что мы все еще вовлечены в китайский инцидент. Если бы не было китайского инцидента, было бы легко решать.

Хигасикуни: Каковы будут результаты движения на Юг? Что мы будем делать, если Британия, Соединенные Штаты и Советский Союз выступят против нас?

Сугияма: Существует несколько возможных вариантов движения на Юг с точки зрения выбора времени и методов, но с точки зрения обеспечения нашего выживания и самообороны мы думаем дойти до Голландской Ост-Индии. Территории не являются нашей целью. Мы намерены продвигаться таким образом, чтобы избежать худшей из возможностей, то есть одновременного выступления против нас Британии, Соединенных Штатов и Советского Союза. При этом мы не остановимся перед конфронтацией только с Британией и Соединенными Штатами.

Коноэ: Исходя из того, что говорит мне флот, следует, что нам не удастся достичь всех целей одним ударом. На данном этапе мы продвинемся до Французского Индокитая. Затем мы будем идти шаг за шагом.

Асака: Не слишком ли мы осторожны по сравнению с тем, как решает вопросы Германия?

Коноэ: Да, это так, но это вопросы огромной важности для судьбы нашей нации. В отличие от гипотетических ситуаций к ним нельзя относиться с легкостью»^{278}.

* * *

Из стенограммы 37-го заседания координационного совета правительства и императорской ставки от 1 июля 1941 г.:

Министр финансов Кавада: Осуществляет ли армия подготовку к войне?

Сугияма: Да, мы проводим подготовку. В первую очередь мы приводим войска в боевую готовность. Затем мы осуществим подготовку к наступательным операциям. В это время мы должны проявлять большую осторожность, чтобы войска не вышли из подчинения.

Цукада: Мы проводим подготовку, и это правильно, но мы намерены иметь минимальное количество войск, подготовленных к боевым действиям. Мы не собираемся готовить большое количество войск.

Кавада: А что думает флот?

Заместитель начальника главного морского штаба Кондо: Мы должны быть готовы к потере 100 подводных лодок.

Тодзио: Необходимо привести наши соединения и части в Маньчжурии в боевую готовность. Мы должны серьезно позаботиться о том, чтобы это осуществлялось втайне.

Министр торговли и промышленности Кобаяси: Скажу несколько слов о наших ресурсах. Я не считаю, что мы обладаем достаточными возможностями для обеспечения военных действий. Армия и флот могут прибегнуть к использованию вооруженной силы, но мы не имеем сырья и военных материалов для обеспечения войны на суше и на море. Армия, видимо, может провести подготовку. Но поскольку для этого будут реквизированы суда, мы не сможем обеспечивать транспортировку сырья и военных материалов. Все это серьезным образом скажется на расширении наших производственных возможностей и пополнении вооружениями. Я считаю, мы должны предусмотреть такие действия, которые вселяли бы уверенность в отсутствие опасности поражения от Британии, Соединенных Штатов и Советской России. Пойдем ли мы на Юг или на Север? Я бы хотел, чтобы этот вопрос был тщательно изучен. У Империи нет сырья и материалов. Сейчас мы должны подумать, как обрести уверенность в том, что мы не потерпим поражение, а также как разрешить китайский инцидент»^{279}.

Дипломатическая прелюдия войны

Императорское совещание, на котором в присутствии монарха (он же главнокомандующий армии и флота) должна была определиться политика Японии в условиях начала советско-германской войны, было назначено на 2 июля 1941 г. Накануне, 1 июля, японское правительство составило послание в адрес правительства СССР, в котором лицемерно заявляло об «искреннем желании поддерживать дружественные отношения с Советским Союзом», о «надежде на скорое окончание советско-германской войны, заинтересованности в том, чтобы война не охватила дальневосточные районы»^{280}. Верховное командование Японии охарактеризовало это послание «дипломатической прелюдией начала войны». При этом считалось, что меры по дезинформации советского правительства относительно подлинных планов Японии должны особо активно проводиться накануне предполагавшегося удара по СССР.

Принятая 2 июля на императорском совещании «Программа национальной политики Империи в соответствии с изменениями обстановки» предусматривала продолжение войны в Китае и одновременное завершение подготовки к войне как против США и Великобритании, так и против Советского Союза.

* * *

Из стенограммы императорского совещания (Годзэн кайги) 2 июля 1941 г.:

«Повестка обсуждения: “Программа национальной политики Империи в соответствии с изменениями обстановки”».

Содержание документа: Политика

1) Независимо от изменений в международном положении Империя будет твердо придерживаться политики построения сферы совместного процветания Великой Восточной Азии, что явится вкладом в достижение мира во всем мире.

2) Наша Империя будет продолжать свои усилия, направленные на разрешение китайского инцидента, и будет стремиться обеспечить

прочную основу безопасности и сохранения нации. Это предусматривает шаги для продвижения на Юг и в зависимости от изменений в обстановке включает также разрешение северной проблемы.

3) Наша Империя исполнена решимости устранить все препятствия на пути достижения вышеуказанных целей.

Резюме

1) Давление, осуществляемое из южных районов, будет усилено с целью принудить режим Чан Кайши к капитуляции. В соответствующий момент, в зависимости от будущего развития обстановки, наше право воюющей державы будет распространено на чунцинский режим, и враждебный иностранный сепаратизм перейдет под наш контроль.

2) С целью гарантировать безопасность и сохранение нации наша Империя будет продолжать все необходимые дипломатические переговоры по поводу южных районов, а также предпринимать другие меры, которые могут потребоваться.

Для достижения вышеуказанных целей будет проводиться подготовка к войне против Великобритании и Соединенных Штатов. Прежде всего на основе документов “Программа политики в отношении Французского Индокитаю и Таиланда” и “О форсировании политики в отношении Юга” будут предприняты различные меры применительно к Французскому Индокитаю и Таиланду с тем, чтобы форсировать наше продвижение в южные районы. При осуществлении указанных планов наша Империя не остановится перед возможностью оказаться вовлеченной в войну с Великобританией и Соединенными Штатами.

3) Наше отношение к германо-советской войне будет определяться в соответствии с духом Тройственного пакта. Однако пока мы не будем вмешиваться в этот конфликт. Мы будем скрытно усиливать нашу военную подготовку против Советского Союза, придерживаясь независимой позиции. В это время мы будем вести дипломатические переговоры с большими предосторожностями. Если германо-советская война будет развиваться в направлении, благоприятном для нашей Империи, мы, прибегнув к вооруженной силе, разрешим северную проблему и обеспечим безопасность северных границ.

4) При проведении различных указанных выше политических мероприятий (раздел 3) и особенно при принятии решений об использовании вооруженной силы мы должны быть уверены в отсутствии серьезных препятствий для сохранения нашей основной позиции в отношении войны с Великобританией и Соединенными Штатами.

5) В соответствии с принятым политическим курсом мы будем дипломатическими и другими методами прилагать усилия к тому, чтобы предотвратить вступление Соединенных Штатов в европейскую войну. Но если Соединенные Штаты вступят в войну, наша Империя будет действовать в соответствии с Тройственным пактом. Однако мы примем самостоятельное решение о времени и способах использования вооруженной силы.

6) Мы незамедлительно сосредоточим наше внимание на приведении страны в готовность к войне. Особенно будет усилена оборона метрополии.

7) Конкретные планы осуществления этой программы будут выработаны отдельно.

Выступление премьер-министра Коноэ:

Я хочу разъяснить основные положения сегодняшней повестки обсуждения.

Я считаю, что наиболее насущным для нашей Империи является незамедлительное принятие решения о том, какую политику мы должны проводить в связи с нынешней обстановкой в мире, а именно в связи с началом войны между Германией и Советским Союзом и ее последующим развитием, тенденциями в политике Соединенных Штатов, развитием военной обстановки в Европе и урегулированием китайского инцидента. Правительство и секции армии и флота императорской ставки соответственно провели продолжительное обсуждение этих вопросов. В результате был выработан документ “Программа национальной политики Империи в соответствии с изменением обстановки”, который вынесен сегодня на обсуждение.

Сначала я остановлюсь на политическом разделе. Как неоднократно указывалось в Императорских рескриптах, основой нашей национальной политики является установление сферы совместного процветания Великой Восточной Азии, что должно внести вклад в обеспечение всеобщего мира. Я считаю, что эта национальная

политика не должна ни в коей мере пересматриваться в зависимости от изменений и развития ситуации в мире.

Не приходится и говорить, что для создания сферы совместного процветания Великой Восточной Азии будет необходимо ускорить разрешение китайского инцидента, вопрос о котором все еще остается открытым. Далее, я также считаю, что для закладывания фундамента безопасности и сохранения нашей нации мы должны, с одной стороны, продвинуться на Юг, а с другой — избавиться от наших трудностей на Севере. Для этого мы должны в соответствующий момент разрешить северную проблему, воспользовавшись преимуществами ситуации в мире, особенно в связи с развитием германо-советской войны. Эта северная проблема является самой важной не только с точки зрения обороны нашей Империи, но также и для обеспечения стабильности во всей Азии.

Следует ожидать, что стремление достичь этих целей вызовет вмешательство и сопротивление различных государств. Но так как Империя должна, безусловно, достичь этих целей, мы со всей определенностью заявляем о нашей твердой решимости устранить все препятствия...

Выступление начальника генерального штаба армии Сугиямы:

...По поводу решения северной проблемы. Нет необходимости говорить, что мы должны в связи с германо-советской войны действовать в соответствии с духом Тройственного пакта. При этом наиболее подходящим для нас будет некоторое время не участвовать в этой войне, так как мы в настоящее время предпринимаем меры для урегулирования китайского инцидента, а наши отношения с Великобританией и США находятся в деликатном состоянии. Но если события германо-советской войны будут благоприятны для нашей Империи, я полагаю, мы используем силу для разрешения проблемы на Севере и обеспечения безопасности наших северных границ. Поэтому чрезвычайно важно для нас сохранять в тайне необходимую подготовку к военным операциям и обеспечить независимую позицию.

При этом считаю, что, осуществляя различные мероприятия для разрешения северной проблемы, особенно касающиеся использования вооруженных сил, мы должны придавать большое значение сохранению, несмотря на препятствия, нашей национальной позиции обеспечения постоянной готовности к войне с Великобританией и

Соединенными Штатами, так как отношение этих стран к Японии не вызывает оптимизма.

Выступление начальника главного морского штаба Нагано:

По поводу разрешения южной проблемы. Я считаю, что в нынешних условиях для того, чтобы поддерживать нашу оборону на Юге и добиться самообеспечения в рамках сферы совместного процветания Великой Восточной Азии, наша Империя должна предпринять незамедлительные шаги по неуклонному продвижению в южном направлении, используя в сочетании политические и военные меры в отношении ключевых районов на Юге и согласуясь с развитием обстановки.

Однако Великобритания, Соединенные Штаты и Голландия последовательно усиливают свое давление на Японию. Если они будут упорно продолжать создавать для нас препятствия и если наша Империя сочтет невозможным мириться с этим, мы, вероятно, и это следует предвидеть, в конце концов будем вынуждены пойти на войну с Великобританией и Соединенными Штатами. Поэтому мы должны быть готовы к этому, быть исполнены решимости не останавливаться перед такой возможностью..

...Нельзя предсказать, когда и при каких условиях Соединенные Штаты могут вступить в войну в Европе. Поэтому я считаю необходимым для нас принять независимое решение: когда и каким образом мы должны использовать вооруженные силы против Великобритании и Соединенных Штатов, учитывая при этом существующее на сегодняшний день положение.

Выступление министра иностранных дел Мацуоки:

Позвольте изложить вопросы, касающиеся дипломатии. Было определено и остается неизменным, что наша основная национальная политика состоит в создании сферы совместного процветания Великой Восточной Азии, что необходимо для достижения долговременного мира во всем мире. Мы проводили наш внешнеполитический курс, придерживаясь этой национальной политики и учитывая наличие таких проблем, как китайская, отношения с Соединенными Штатами, развитие европейской ситуации и южная проблема. Однако с началом войны между Германией и Советским Союзом возникла новая ситуация. В связи с этим в дипломатическом плане я считаю жизненно

важным вновь подтвердить нашу позицию по поводу нынешней национальной политики.

Как сейчас заявили начальники генеральных штабов армии и флота, для проведения нашей дипломатии необходимо заблаговременно решить, какие обязательства потребуют от нас использования силы. Однако не вызывает сомнения, что, даже если мы в конце концов будем вынуждены прибегнуть к силе, необходимо делать все от нас зависящее, чтобы попытаться достичь наших целей дипломатическими средствами. Например, в разрешении китайского инцидента мы будем, с одной стороны, прилагать усилия для укрепления национального правительства в Нанкине, а с другой оказывая воздействие на внутреннюю и внешнюю политику чунцинского режима, различными дипломатическими методами принуждать его к капитуляции. Имеется в виду реорганизация этого режима с целью или формирования коалиции с национальным правительством, или склонения его к мирным переговорам.

...Я считаю, что для нас важно быть готовыми к проведению нашей внешней политики в отношении Советского Союза таким образом, чтобы это отвечало реальностям, на которые указывает верховное командование. В наших отношениях с Соединенными Штатами мы должны проявлять величайшую осторожность в дипломатии, чтобы не допустить вступления Америки в европейскую войну и предотвратить ее столкновение с нашей страной...

Председатель Тайного совета Хара:

Я полагаю, все из вас согласятся, что война между Германией и Советским Союзом действительно является историческим шансом Японии. Поскольку Советский Союз поощряет распространение коммунизма во всем мире, мы будем вынуждены рано или поздно напасть на него. Но так как Империя все еще занята китайским инцидентом, мы не свободны в принятии решения о нападении на Советский Союз, как этого хотелось бы. Тем не менее я полагаю, что мы должны напасть на Советский Союз в удобный момент... Наша Империя хотела бы избежать войны с Великобританией и Соединенными Штатами, пока мы будем заняты войной с Советским Союзом. Наш народ желает сразиться с ним... Я прошу вас, действуя в соответствии с духом Тройственного пакта, оказать всяческое

содействие Германии. Направляла ли Германия какие-либо послания с просьбой к нам напасть на Советский Союз?

Мацуока: ...Что касается сотрудничества с Германией в германо-советской войне, Риббентроп запрашивал нас об этом 26 июня, а затем вновь телеграфировал по этому поводу 28 июня. В это время мы обсуждали содержание документа “О форсировании политики в отношении Юга”. Мы ожидали войну между Германией и Советским Союзом. Поэтому не следует создавать у Германии впечатление, будто мы уклоняемся от наших обязательств.

Хара: Высказывались какие-либо пожелания со стороны Советского Союза?

Мацуока: Четыре дня спустя после начала войны между Германией и Советским Союзом мы ответили, что война не имеет отношения к Тройственному пакту. И с тех пор Советский Союз не заявлял никаких протестов. Советский Союз запрашивал нас, каково будет отношение Японии к нынешней войне. Мы ответили, что у нас пока не принято решение по этому вопросу.

Несколько дипломатических замечаний по этому вопросу. Даже если наша Империя не примет участия в войне между Германией и Советским Союзом, это не будет актом предательства по отношению к букве Тройственного пакта. Что касается духа союза, то я думаю, что для нас было бы правильным принять участие в этой войне.

Хара: Кто-то может сказать, что в связи с пактом о нейтралитете для Японии было бы неэтично нападать на Советский Союз. Но Советский Союз и сам привык к несоблюдению соглашений. Если же мы нападём на Советский Союз, никто не сочтёт это предательством. Я с нетерпением жду возможности для нанесения удара по Советскому Союзу. Я прошу армию и правительство сделать это как можно скорее. Советский Союз должен быть уничтожен.

Я хотел бы избежать войны с Соединёнными Штатами. Я не думаю, что Соединённые Штаты предпримут какие-либо действия, если мы нападём на Советский Союз.

У меня есть ещё один вопрос. Было сказано, что, проводя нашу политику в отношении Французского Индокитая, мы готовы, если потребуется, к ведению войны против Великобритании и Соединённых Штатов. Предстоящее овладение базами в Индокитае рассматривается как подготовка к войне с Великобританией и Соединёнными Штатами.

Готовы ли мы уже к войне с ними? Я думаю, такая война может начаться, если мы предпримем действия против Индокитая. Каково ваше мнение по этому поводу?

Мацуока: На ваш вопрос ответить трудно. Нас беспокоит то, что офицеры на участках передовой линии настроены воинственно, они убеждены, что мы используем силу. Война против Великобритании и Соединенных Штатов едва ли начнется, если мы будем продвигаться с большими предосторожностями. Конечно же, я упомянул воинственное поведение офицеров, полагаясь на мудрость верховного командования.

Из-за войны между Германией и Советским Союзом германское вторжение в Великобританию будет отложено. Поэтому Великобритания и Соединенные Штаты могут полагать, что Германия не предпримет попытки вторжения на Британские острова. Но я считаю, что Германия, возможно, сделает это, еще будучи занятой в войне с Советским Союзом. Даже Риббентроп не знал, что война между Германией и Советским Союзом столь близка. Гитлер будет решать один, осуществлять вторжение на Британские острова в ходе германо-советской войны или нет. Если Германия вторгнется в Великобританию, Соединенные Штаты должны будут всерьез задуматься, принимать ли им активное участие в войне. Или, с другой стороны, они могут предпринять активные действия против Японии с севера. С точки зрения американского национального характера я склоняюсь к вероятности второго варианта. Поэтому сейчас очень трудно выносить какое-то суждение.

Хера: Я хотел бы прояснить для себя, вступят ли Соединенные Штаты в войну, если Япония предпримет действия против Индокитая?

Мацуока: Я не могу исключить такую возможность.

Сугияма:...Будущее развитие германо-советской войны окажет значительное воздействие на Соединенные Штаты. Если Советский Союз потерпит скорое поражение, сталинский режим, вероятно, развалится, а Соединенные Штаты, видимо, не вступят в войну. Если расчеты Германии не будут оправдываться и война затянется, возможность вступления Америки в войну возрастет. Пока ситуация в войне будет в пользу Германии, я не думаю, что Соединенные Штаты вступят в войну, если Япония и двинется во Французский Индокитай. Разумеется, мы предпочли бы осуществить это мирными средствами. Мы также хотели бы предпринять действия в Таиланде, но это может

вызвать серьезные последствия, так как Таиланд расположен рядом с Малайей. В настоящее время мы продвинемся только до Индокитая. Мы проявим осторожность в направлении наших войск в Индокитай, так как это окажет огромное влияние на нашу будущую политику в отношении Юга.

Хора: Понимаю. Я полностью согласен с вами. Думаю, правительство и верховное командование единодушны в этом вопросе, т. е. в том, что мы сделаем все от нас зависящее, чтобы избежать столкновения с Великобританией и Соединенными Штатами. Я считаю, что Япония должна избежать военных действий против Соединенных Штатов, по крайней мере в нынешней ситуации. При этом я также прошу правительство и верховное командование нанести удар по Советскому Союзу как можно скорее. Советский Союз должен быть уничтожен, поэтому я надеюсь, что вы проведете подготовку с целью приблизить начало боевых действий. Мне остается лишь надеяться, что эта политика будет осуществлена, как только будет принято решение. Из приведенных мною доводов следует, что я полностью согласен с вынесенными на сегодняшнее обсуждение предложениями.

Тодзио: Я разделяю мнение господина Хара, председателя Тайного совета. Однако наша Империя сейчас связана китайским инцидентом, и надеюсь, председатель Тайного совета понимает это.

Сугияма: ...Хочу воспользоваться возможностью изложить ситуацию, в которой находится Квантунская армия. Из тридцати дивизий Советского Союза четыре уже отправлены на Запад. Однако Советский Союз все еще обладает (на Дальнем Востоке. — *А.К.*) явно подавляющей силой, готовой к стратегическому развертыванию. С другой стороны, Квантунская армия находится в положении, о котором я ранее докладывал. Я хочу усилить Квантунскую армию настолько, чтобы она могла защитить себя, способствовать проведению дипломатических переговоров, быть в готовности к наступлению или предпринять наступление, когда появятся благоприятные условия. Я считаю, что результаты войны между Германией и Советским Союзом прояснятся через пятьдесят—шестьдесят дней. За это время мы должны определиться в вопросах разрешения китайского инцидента и переговоров с Великобританией и Соединенными Штатами. Вот почему в наши предложения внесена фраза “пока мы не будем вмешиваться в этот конфликт”^{281}.

Решением императорского совещания вооруженное нападение на СССР было утверждено в качестве одной из основных военных и политических целей империи. Приняв это решение, японское правительство по сути дела разорвало подписанный лишь два с половиной месяца назад советско-японский Пакт о нейтралитете. В принятом документе Пакт о нейтралитете даже не упоминался.

Пытаясь дезинформировать советскую сторону, в тот же день Мацуока на встрече с советским послом в Токио К.А. Сметаниным заявил, что Япония «намерена строго соблюдать Пакт о нейтралитете». Сразу после этого он встречался с германским послом Оттом для объяснения смысла этого заявления. «Мацуока сказал, — сообщал Отт в Берлин, — что причиной такой формулировки японского заявления советскому послу являлась необходимость ввести русских в заблуждение или по крайней мере держать их в состоянии неопределенности ввиду того, что военная подготовка еще не закончилась»^{282}.

Заверения японского правительства не могли скрыть конкретных действий, предпринимаемых в Японии по подготовке к вероломному удару. Вскоре Зорге узнал о решениях императорского совещания. 3 июля он информировал Москву:

«...Германский военный атташе сказал мне, что японский генеральный штаб наполнен деятельностью с учетом наступления немцев на большого противника и неизбежности поражения Красной Армии.

Он думает, что Япония вступит в войну не позднее чем через 6 недель. Наступление японцев начнется на Владивосток, Хабаровск и Сахалин с высадкой десанта со стороны Сахалина на советское побережье Приморья...

Источник Инвест думает, что Япония вступит в войну через 6 недель. Он также сообщил, что японское правительство решило остаться верным Пакту трех держав, но будет придерживаться и пакта о нейтралитете с СССР»^{283}.

По поводу императорского совещания 2 июля Зорге сообщил 10 июля следующее: «Источник Инвест сказал, что на совещании у императора решено не изменять плана действий против Сайгона (Индокитай), но одновременно решено и подготавливаться к действиям против СССР на случай поражения Красной Армии. Германский посол

Отт сказал то же самое — что Япония начнет воевать, если немцы достигнут Свердловска. Германский военный атташе телеграфировал в Берлин, что он убежден в том, что Япония вступит в ююну. Но не ранее конца июля или начала августа, и она вступит в войну сразу же, как только закончит подготовку...»

Одновременно Зорге сообщал в Москву, что «германский посол Отт получил приказ толкать Японию в войну как можно скорее»^{284}.

Сопротивление Красной Армии заставило германское руководство пересмотреть свои взгляды на участие Японии в войне против СССР. Оно стало требовать немедленного вступления Японии в войну. В инструкциях германского министра иностранных дел Риббентропа, на которые ссылался Зорге, послу Отту предписывалось: «Продолжать прилагать усилия к тому, чтобы добиться скорейшего участия Японии в войне против России... Используйте все имеющиеся в вашем распоряжении средства, потому что чем раньше осуществится это участие в войне, тем лучше. Как и прежде, цель, естественно, должна заключаться в том, чтобы Германия и Япония встретились на Транссибирской железной дороге до наступления зимы»^{285}.

Посол Отт телеграфировал 14 июля Риббентропу: «...Я пытаюсь всеми средствами добиться вступления Японии в войну против России в самое ближайшее время... Считаю, что, судя по военным приготовлениям, вступление Японии в войну в самое ближайшее время обеспечено...»^{286}.

Однако в Токио ждали сообщения о «решающей победе» Германии. Это побудило германское правительство перейти на язык угроз. Берлин довел до сведения японского правительства, что, если до 25 июля оно не примет решения, предусматривающего «уважение условий Тройственного пакта и антикоминтерновского соглашения, и не денонсирует русско-японский пакт к этой дате, Германия будет считать себя свободной в своих действиях и после победы над СССР будет искать наилучшие средства, чтобы использовать свое влияние и силы в своих собственных интересах»^{287}. Тем самым Германия давала понять, что без участия в войне Япония не может рассчитывать на овладение советскими территориями на Дальнем Востоке и в Сибири.

Хотя это вызывало беспокойство в Токио, японское руководство продолжало ожидать наступления «наиболее благоприятного момента» для нападения, заявляя при этом германскому правительству, что

Япония останется верной своим обязательствам по «Тройственному пакту».

В действительности же Япония готовилась обрушиться на СССР при условии явного поражения советских войск в войне с Германией. Военный министр Тодзио подчеркивал, что нападение должно произойти тогда, когда Советский Союз «уподобится спелой хурме, готовой упасть на землю».

Необходимый для завершения подготовки вооруженных сил империи к вторжению в СССР период японское правительство стремилось использовать для оказания давления на Советский Союз с целью вынудить его пойти на серьезные уступки Японии. Такой курс, кроме всего прочего, был направлен на то, чтобы дать Японии повод для агрессии, если советское правительство на поддастся шантажу. Германский посол в Японии сообщал в Берлин, что японское правительство намерено выдвинуть «решительные требования, которые советское правительство не сможет принять»^{288}.

В июле японский МИД совместно с руководством сухопутной армии согласовали требования, которые предусматривалось предъявить Советскому Союзу, воспользовавшись его тяжелым положением на советско-германском фронте. Эти требования были сформулированы в принятом

4 августа 1941 г. на заседании правительства и императорской ставки документе «Основные принципы дипломатических переговоров с Советским Союзом». В этом документе предписывалось заставить советскую сторону прекратить советскую помощь Китаю, передать или продать Японии Северный Сахалин, Камчатку, советские территории к востоку от Амура, добиться вывода советских войск со всей территории Дальнего Востока^{289}.

5 августа новый японский министр иностранных дел Т. Тоёда при встрече с советским послом Сметаниным попытался выдвинуть эти требования к Советскому Союзу.

По существу, правящие круги Японии требовали капитуляции Советского Союза еще до японского нападения. Перспектива захвата обширных советских территорий под угрозой нападения устраивала японских генералов, которые, помня уроки Халхин-Гола, опасались вооруженной борьбы с Красной Армией. В июле начальник и заместитель начальника японского генерального штаба разъяснили

начальникам отделов генштаба: «Применение оружия имеет своей целью разрешение северных проблем. Однако если они могут быть разрешены путем дипломатических переговоров, за которыми будут стоять наши вооруженные силы, то такое решение вопроса будет более желательно»^{290}.

Выработанная японским военно-политическим руководством «концепция дипломатии перед началом войны» с СССР предусматривала, что, «если в ходе непродолжительных переговоров будут достигнуты политические и стратегические цели, военные действия не будут начаты». С другой стороны, предписывалось «в случае провала переговоров осуществить вооруженное выступление»^{291}.

В ответ на попытки японского правительства применить методы шантажа и запугивания советское правительство твердо заявило, что в соответствии с договоренностью Япония должна ликвидировать свои концессии на Северном Сахалине, что пакт о нейтралитете не имеет никакого отношения к вопросу о помощи Китаю. Поскольку такой ответ противоречил планам японских правящих кругов, они продолжали подготовку к нанесению удара по СССР.

Японский вариант «блицкрига»

В соответствии с решением императорского совещания от 2 июля 1941 г. генеральный штаб армии и военное министерство Японии разработали комплекс широких мероприятий, направленных на форсирование подготовки к проведению наступательных операций против советских вооруженных сил на Дальнем Востоке и в Сибири. В японских секретных документах он получил шифрованное наименование «Кан-тогун токусю энсю» («Особые маневры Квантунской армии») — сокращенно «Кантокуэн». 11 июля 1941 г. императорская ставка направила в Квантунскую армию и японские армии в Северном Китае специальную директиву № 506, в которой подтверждалось, что целью «маневров» является усиление готовности к выступлению против Советского Союза^{292}. «Кантокуэн» основывался на оперативно-стратегическом плане войны против СССР, разработанном генеральным штабом на 1940 г.

Опыт поражения на Халхин-Голе заставлял японское командование использовать против СССР крупную группировку войск. Для действий на восточном (приморском) направлении формировался 1-й фронт в составе 19 дивизий, на северном (амурском) направлении должна была действовать 4-я армия в составе 3 дивизий, а на западном (район Большого Хингана) — 6-я армия (4 дивизии).

Резерв командующего Квантунской армии, на которого возлагалось непосредственное руководство действиями войск, составлял четыре дивизии^{293}.

Согласно стратегическому замыслу предполагалось рядом последовательных ударов на избранных направлениях разгромить группировки советских войск в Приморье, Приамурье и Забайкалье, захватить основные коммуникации, военно-промышленные и продовольственные базы и, сломив сопротивление советских войск, принудить их к капитуляции.

Военные действия разбивались на два этапа. На первом планировалось, наступая на уссурийском направлении, нанести поражение советским войскам в Приморье. На втором — захватить опорную базу советского Тихоокеанского флота — Владивосток, оккупировать Хабаровск, затем разгромить советские войска на

северном и западном направлениях. Параллельно силами размещенной на острове Хоккайдо 7-й дивизии и смешанной бригады на Южном Сахалине захватить Северный Сахалин и Петропавловск-на-Камчатке. Предусматривалось также в зависимости от обстановки осуществить операции на противоположном Сахалину побережье СССР.^{294}.

Особое внимание в плане уделялось широкому использованию в военных действиях японских ВВС, которые должны были «уничтожить авиацию противника до начала операции». Ставилась задача за шесть месяцев выйти к Байкалу и завершить войну.^{295}.

В ходе операций предполагалось захватить Ворошилов (Усурийск), Владивосток, Благовещенск, Иман, Куйбышевку, Хабаровск, Биробиджан, Бирокан, район Рухлово, Северный Сахалин, Николаевск-на-Амуре, Комсомольск, Советскую Гавань и Петропавловск-на-Камчатке.^{296}.

Важным свидетельством того, что мероприятия плана «Кантокуэн» были не чем иным, как подготовкой к нападению на СССР, является разработанный к 25 июня японским генеральным штабом и утвержденный ставкой график завершения подготовки и ведения войны:

Принятие решения по мобилизации — 28 июня.

Издание директивы о мобилизации — 5 июля.

Начало переброски и концентрации войск — 20 июля.

Принятие решения о начале войны — 10 августа.

Начало военных действий — 29 августа.

Переброска четырех дивизий из Японии — 5 сентября.

Завершение операций — середина октября.^{297}.

В соответствии с этим графиком 5 июля была издана директива верховного командования о проведении первой очереди мобилизации, по которой осуществлялось увеличение Квантунской армии на две дивизии (51-я и 57-я). 7 июля император санкционировал секретную мобилизацию 500 тыс. человек, а также судов общим водоизмещением 800 тыс. тонн для перевозки военных грузов в Маньчжурию.^{298}.

Поскольку в решении императорского совещания особо подчеркивалось требование «скрытно» завершить военную подготовку к нападению на СССР, были приняты меры по обеспечению секретности проводимой мобилизации. Она осуществлялась под видом учебных сборов для приписного состава и именовалась «внеочередным

призывом». Термин «мобилизация» во всех документах и инструкциях был заменен на «внеочередные формирования». Были запрещены всякие проводы.

22 июля с нарушением графика лишь на двое суток началась концентрация войск у советской границы. Однако скрыть масштабы секретной мобилизации было невозможно. Ведь во время переброски и сосредоточения войск по плану «Кантокуэн» только через пункты на территории Кореи в сутки пропускалось до 10 тыс. солдат и офицеров, 3,5 тыс. лошадей^{299}. Внимательно следившие за ходом мобилизации германский посол Отт и военный атташе Кречмер 25 июля 1941 г. сообщили в Берлин, что уже призвано 900 тыс. резервистов в возрасте от 24 до 45 лет. Отмечалось, что в японскую армию призываются лица, владеющие русским языком.

Об этом же сообщал в Москву Зорге. 30 июля он телеграфировал в центр: «Источники Инвест и Интерн (Ётоку Мияги. — А.К.) сказали, что в порядке новой мобилизации в Японии будет призвано более чем 200 000 человек. Таким образом, к середине августа месяца в Японии будет под ружьем около 2 миллионов человек. Начиная со второй половины августа Япония может начать войну, но только в том случае, если Красная Армия фактически потерпит поражение от немцев, в результате чего оборонительная способность на Дальнем Востоке будет ослаблена. Такова точка зрения группировки Коноэ, но как долго намерен выжидать японский генштаб, это трудно сейчас сказать.

Источник Инвест убежден, что, если Красная Армия остановит немцев перед Москвой, в этом случае японцы не выступят»^{300}.

В Маньчжурию прибывали многочисленные приданные части и подразделения. По плану первой и второй очереди в сформированные три фронта (восточный, северный и западный) направлялись 629 приданных частей и подразделений, общее число которых соответствовало численности 20 дивизий^{301}. Кроме того, военное министерство планировало дальнейшее усиление войск в Маньчжурии еще пятью дивизиями. Значительная часть войск перебрасывалась с китайско-японского фронта. В результате Квантунская армия была удвоена и насчитывала 700 тыс. человек^{302}. После проведения второй очереди мобилизации по приказу № 102 от 16 июля 1941 г. на территории Маньчжурии и Кореи было сосредоточено 850 тыс. солдат и офицеров японской армии^{303}.

Для участия в войне против СССР директивой ставки №519 от 24 июля была сформирована так называемая Квантунская армия обороны, выполнявшая роль резерва^{304}. В боевую готовность были приведены части 7-й дивизии на Хоккайдо, смешанной бригады на Южном Сахалине, а также воинские формирования на Курильских островах. Как было установлено на Токийском процессе, летом 1941 г. для нападения на СССР верховное командование создало группировку войск, общая численность которой составила около 1 млн. военнослужащих.

В Квантунской армии и в Корее были созданы запасы боеприпасов, горючего и продовольствия, необходимые для ведения военных действий в течение 2—3 месяцев^{305}.

По плану «Кантокуэн» в войне против СССР должны были участвовать войска марионеточных армий Маньчжоу-Го и Внутренней Монголии. Армия Маньчжоу-Го была создана после оккупации Маньчжурии. Все руководство этой армией осуществлялось штабом Квантунской армии. Непосредственное управление было возложено на многочисленных японских военных советников. С целью использования людских ресурсов Маньчжурии в подготовке к войне против СССР японцы накапливали здесь военнообученные резервы. В 1940 г. в Маньчжоу-Го был введен закон о воинской повинности.

Армия оккупированной японцами Внутренней Монголии предназначалась для вторжения в составе японских войск в Монгольскую Народную Республику. По плану «Кантокуэн» предусматривалось «создание обстановки, при которой произошло бы добровольное объединение Внешней Монголии с Внутренней Монголией»^{306}.

Не были забыты и бежавшие из Советской России белоэмигранты. С 1938 г. в Маньчжурии существовали сформированные по приказу командования Квантунской армии части белогвардейцев, предназначенные для участия в составе японских войск в войне против СССР. В их задачу входило разрушение железных дорог и других коммуникаций, нанесение ударов по базам снабжения в тылу советских войск, ведение разведки, диверсий, антисоветской пропаганды. После принятия плана «Кантокуэн» приказом командующего Квантунской армией из белоэмигрантов были сформированы специальные части для совершения диверсионных актов на советской территории^{307}.

Действия сухопутных сил планировалось поддержать военно-морским флотом. В его задачу входили обеспечение высадки десантов на Камчатке и Северном Сахалине, захват Владивостока, уничтожение военных кораблей Тихоокеанского флота. 25 июля, получив санкцию императора, военно-морское командование отдало приказ о формировании специально для войны против СССР 5-го флота^{308}.

Главные силы японской авиации предполагалось использовать на восточном направлении с тем, чтобы подавить советские войска в Приморье и способствовать развитию наступления наземных войск.

Для ведения военных действий против вооруженных сил Советского Союза на Дальнем Востоке и в Сибири первоначально планировалось создать группировку в 34 дивизии. Поскольку к началу германо-советской войны в Маньчжурии и Корее насчитывалось лишь 14 кадровых дивизий, предусматривалось перебросить в Квантунскую армию 6 дивизий из метрополии и 14 — с китайского фронта^{309}. Однако против этого выступило командование японской экспедиционной армии в Китае, которое заявило, что переброска с китайского фронта на север столь большого числа дивизий «означала бы забвение китайского инцидента»^{310}. В конце концов центр согласился с этим доводом.

В конце июня 1941 г. военным министерством и генеральным штабом было принято решение сократить количество выделяемых для войны против СССР дивизий до 25. Затем в июле основной удар было решено наносить силами 20 дивизий. Наконец, 31 июля на встрече начальника оперативного управления генштаба Танаки с военным министром Тодзио было окончательно решено о выделении для войны против СССР 24 дивизий^{311}. Это объяснялось тем, что японское командование намеревалось добиться целей войны против СССР «малой кровью».

В действительности же в результате проведения мобилизации, как отмечалось выше, в Маньчжурии и Корее была создана группировка японских войск в 850 тыс. человек, что по численности соответствовало 58—59 японским пехотным дивизиям. Ведь японский генштаб и командование сухопутных сил при разработке плана войны против СССР исходили из того, что на Дальнем Востоке и в Сибири было дислоцировано около 30 советских дивизий. Поэтому они и стремились

к созданию необходимого для проведения наступательных операций двойного превосходства.

К началу августа выделенная для вторжения в Советский Союз группировка была в основном подготовлена. Приближался установленный графиком срок принятия решения о начале войны — 10 августа. Однако правящие круги Японии проявляли нерешительность, ожидая поражения Советского Союза на Западе.

Глава VIII.
Хурма не поспела

Предупреждения разведки

Уже во второй половине июля, когда подготовка Японии к нападению на СССР осуществлялась полным ходом, среди японского генералитета появились первые сомнения в успехе германского «блицкрига». 16 июля в «Секретном дневнике войны» императорской ставки, в котором оценивались события и обстановка на фронтах Второй мировой войны, была сделана запись: «На германо-советском фронте не отмечается активных действий. Тихо». Затем 21 июля: «В развитии обстановки на советско-германском фронте нет определенности. Похоже на не прекращающийся несколько дней токийский дождь»^{312}.

Японские стратеги стали серьезнее анализировать перспективы Германии в войне против СССР. «Театр военных действий в России — огромен и его нельзя сравнивать с Фландрией. Равнинный характер театра войны в России, хотя и дает возможность быстрого продвижения для Германии, но, с другой стороны, он способствует правильному отступлению, на что и рассчитывает СССР. Ликвидировать советские войска в этом случае будет не так-то легко. Партизанская война также значительно усиливает обороноспособность СССР»^{313}.

Поскольку приближалась запланированная дата принятия окончательного решения о начале военных операций против СССР, японское руководство пыталось выяснить у германского правительства сроки завершения войны. Посол Японии в Берлине Х. Осима свидетельствовал после войны: «В июле — начале августа стало известно, что темпы наступления германской армии замедлились. Москва и Ленинград не были захвачены в намеченные сроки. В связи с этим я встретился с Риббентропом, чтобы получить разъяснения. Он пригласил на встречу генерал-фельдмаршала Кейтеля, который заявил, что замедление темпов наступления германской армии объясняется большой протяженностью коммуникаций, в результате чего отстают тыловые части. Поэтому наступление задерживается на три недели»^{314}.

Подобное разъяснение лишь усилило сомнения японского руководства в способности Германии завершить войну в короткий срок. О трудностях свидетельствовали и участвовавшие требования

германских руководителей как можно скорее открыть «второй фронт» на Востоке. Они все более откровенно давали понять Токио, что Японии не удастся воспользоваться плодами победы, если для этого ничего не будет сделано.

Однако японское правительство продолжало заявлять о «необходимости длительной подготовки». В действительности же в Токио боялись преждевременного выступления против СССР. 29 июля в «Секретном дневнике войны» было записано: «На советско-германском фронте по-прежнему без изменений. Наступит ли в этом году момент вооруженного разрешения северной проблемы? Не совершил ли Гитлер серьезную ошибку? Последующие 10 дней войны должны определить историю»^{315}. Имелось в виду время, оставшееся до принятия Японией решения о нападении на Советский Союз.

Ввиду того что «молниеносная война» не состоялась, японское правительство стало с большим вниманием относиться к оценке внутривойенного положения СССР. Еще до начала войны некоторые японские специалисты по Советскому Союзу высказывали сомнения по поводу быстрой капитуляции СССР. Так, например, один из сотрудников японского посольства в Москве, Ёситани, в сентябре 1940 г. предупреждал: «Полным абсурдом является мнение, будто Россия развалится изнутри, когда начнется война». 22 июля 1941 г. японские генералы вынуждены были признать в «Секретном дневнике войны»: «С начала войны прошел ровно месяц. Хотя операции германской армии продолжаются, сталинский режим вопреки ожиданиям оказался прочным»^{316}.

К началу августа 5-м отделом разведуправления генштаба (разведка против СССР. — *А.К.*) был подготовлен и представлен руководству военного министерства документ под названием «Оценка нынешней обстановки в Советском Союзе». Хотя составители документа продолжали верить в конечную победу Германии, они не могли не считаться с реальной действительностью. В главном выводе доклада указывалось: «Даже если Красная Армия в этом году оставит Москву, она не капитулирует. Намерение Германии быстро завершить решающее сражение не осуществится. Дальнейшее развитие войны не будет выгодным для германской стороны». Комментируя этот вывод, японские исследователи указывают: «В начале августа 5-й отдел разведуправления пришел к выводу, что в течение 1941 г. германская

армия не сможет покорить Советский Союз, да и на будущий год перспективы для Германии не самые лучшие. Все говорило о том, что война затягивается»^{317}. Хотя этот доклад не был определяющим в решении вопроса о начале войны, тем не менее он заставил японское руководство более трезво оценивать перспективы германо-советской войны и участия в ней Японии. «Мы должны осознать сложность оценки обстановки», — гласила одна из записей «Секретного дневника войны».

Армия в это время продолжала активную подготовку к осуществлению плана «Кантокуэн». Генеральный штаб и военное министерство выступили против включенного в документ японского МИДа от 4 августа 1941 г. положения о том, что германо-советская война затягивается. Начальник генерального штаба Сугияма и военный министр Тодзио заявили: «Существует большая вероятность того, что война закончится быстрой победой Германии. Советам будет чрезвычайно трудно продолжать войну. Утверждение о том, что германо-советская война затягивается, является поспешным заключением». Японские военные не желали упустить «золотую возможность» обрушиться совместно с Германией на Советский Союз и сокрушить его. Особое нетерпение проявляло командование Квантунской армии. Ее командующий Ё. Умэдзу передавал в центр: «Благоприятный момент обязательно наступит... Именно сейчас представился редчайший случай, который бывает раз в тысячу лет, для осуществления политики государства в отношении Советского Союза. Необходимо ухватиться за это... Если будет приказ начать боевые действия, хотелось бы, чтобы руководство операциями было предоставлено Квантунской армии... Еще раз повторяю, что главным является не упустить момент для осуществления политики государства». Командование Квантунской армии, не желая считаться с реальным положением, требовало от центра немедленного выступления. Начальник штаба Квантунской армии генерал-лейтенант Т. Ёсимото убеждал начальника оперативного управления генштаба С. Танаку: «Начало германо-советской войны является ниспосланной нам свыше возможностью разрешить северную проблему. Нужно отбросить теорию “спелой хурмы” и самим создать благоприятный момент... Даже если подготовка недостаточна, выступив этой осенью, можно рассчитывать на успех»^{318}.

Японское командование считало важным условием вступления в войну против СССР значительное ослабление советских войск на Дальнем Востоке, когда можно будет воевать, не встречая большого сопротивления со стороны Красной Армии. В этом состояла суть теории «спелой хурмы», а именно ожидания «наиболее благоприятного момента».

По замыслу японского генерального штаба военные действия против СССР должны были начаться при условии сокращения советских дивизий на Дальнем Востоке и в Сибири с 30 до 15, а авиации, бронетанковых, артиллерийских и других частей — на две трети. Однако масштабы переброски советских войск в европейскую часть СССР летом 1941 г. далеко не соответствовали ожиданиям японского командования. По данным разведуправления японского генштаба от 12 июля, за три недели после начала германо-советской войны с Дальнего Востока на Запад было переброшено лишь 17 процентов советских дивизий, а механизированных частей — около одной трети.^{319} При этом японская военная разведка сообщала, что взамен убывающих войск Красная Армия восполняется за счет призыва среди местного населения. Обращалось особое внимание на то, что перебрасываются на Запад в основном войска Забайкальского военного округа, а на восточном и северном направлениях группировка советских войск практически остается прежней.

Сдерживающее воздействие на решение о начале войны против СССР оказывало сохранение на Дальнем Востоке большого количества советской авиации. К середине июля японский генштаб имел сведения о том, что на Запад переброшено лишь 30 советских авиационных эскадрилий. Особое беспокойство вызывало наличие в восточных районах СССР значительного числа самолетов бомбардировочной авиации. Считалось, что в случае нападения Японии на Советский Союз создавалась реальная опасность массированных авиационных бомбовых ударов непосредственно по японской территории. Японский генштаб располагал разведанными о наличии в 1941 г. на советском Дальнем Востоке 60 тяжелых бомбардировщиков, 450 истребителей, 60 штурмовиков, 80 бомбардировщиков дальнего действия, 330 легких бомбардировщиков и 200 самолетов морской авиации. В одном из документов ставки от 26 июля 1941 г. указывалось: «В случае войны с СССР в результате нескольких бомбовых ударов в ночное время

десятью, а в дневное — двадцатью—тридцатью самолетами Токио может быть превращен в пепелище».^{320}.

Советские войска на Дальнем Востоке и в Сибири оставались грозной силой, способной дать решительный отпор японским войскам. Японское командование помнило сокрушительное поражение на Халхин-Голе, когда императорская армия на собственном опыте испытала военную мощь Советского Союза. Германский посол в Токио Отт доносил Риббентропу, что на решение Японии о вступлении в войну против СССР оказывают влияние «воспоминания о номонханских (халхингольских) событиях, которые до сих пор живы в памяти Квантунской армии».^{321}.

В Токио понимали, что одно дело — нанести удар в спину терпящему поражение противнику и совсем другое — вступить в сражение с подготовленной к современной войне регулярной армией такого мощного государства, как Советский Союз. Оценивая группировку советских войск на Дальнем Востоке, газета «Хоти» подчеркивала в номере от 29 сентября 1941 г.: «Эти войска остаются совершенно безупречными как в смысле обеспечения их новейшим вооружением, так и в смысле великолепной подготовки». 4 сентября 1941 г. другая газета, «Мияко», писала: «Дело еще не дошло до фатального удара по армии Советского Союза. Поэтому нельзя считать безосновательным вывод о том, что Советский Союз — силен».

Обещание Гитлера захватить Москву с задержкой лишь на три недели осталось невыполненным, что не позволяло японскому руководству начать в запланированные сроки военные действия против Советского Союза. Накануне намеченной даты начала войны, 28 августа, в «Секретный дневник войны» была внесена полная пессимизма запись: «Даже Гитлер ошибается в оценке Советского Союза. Поэтому что уж говорить о нашем разведуправлении. Война Германии продолжится до конца года... Каково же будущее империи? Перспективы мрачные. Поистине будущее не угадаешь...» 3 сентября на заседании координационного совета правительства и императорской ставки участники совещания пришли к выводу, что, «поскольку Япония не сможет развернуть крупномасштабные операции на севере до февраля, необходимо за это время быстро осуществить операции на юге».^{322}.

Имея опыт интервенции на территории Дальнего Востока и в Сибири в 1918—1922 гг., когда неподготовленные к ведению войны в сложных условиях сибирской зимы японские войска несли большие потери и не могли проводить крупные наступательные операции, командование японской армии во всех планах и вооруженных провокациях исходило из необходимости избегать военных действий против СССР зимой. Посол Японии в Берлине Осима разъяснял гитлеровскому руководству, которое все более настойчиво требовало начать войну Японии против СССР: «В это время года (имелись в виду осень и зима. — *А.К.*) военные действия против Советского Союза можно предпринять лишь в небольших масштабах.

Вероятно, будет не слишком трудно занять северную (русскую) часть острова Сахалин. Ввиду того что советские войска понесли большие потери в боях с немецкими войсками, их, вероятно, также можно оттеснить от границы. Однако нападение на Владивосток, а также любое продвижение в направлении озера Байкал в это время года невозможно, и придется из-за сложившихся обстоятельств отложить это до весны»^{323}.

В документе «Программа осуществления государственной политики империи», принятом 6 сентября на совещании в присутствии императора, было решено продолжить захваты колониальных владений западных держав на юге, не останавливаясь перед войной с США, Великобританией и Голландией, для чего к концу октября закончить все военные приготовления. Участники совещания высказали единодушное мнение о том, что для выступления против американцев и англичан «лучший момент никогда не наступит»^{324}.

14 сентября Зорге сообщил в Москву: «По данным источника Инвеста, японское правительство решило в текущем году не выступать против СССР, однако вооруженные силы будут оставлены в МЧГ (Маньчжоу-Го. — *А.К.*) на случай выступления весной будущего года в случае поражения СССР к тому времени»^{325}. И это была точная информация.

Итак, подготовленное японское нападение на СССР не состоялось не в результате соблюдения Японией пакта о нейтралитете, а вследствие провала германского плана «молниеносной войны» и сохранения надежной обороноспособности СССР в восточных районах страны.

Альтернативой выступлению на севере было начало военных действий против США и Великобритании. 7 декабря 1941 г. японские вооруженные силы нанесли внезапные удары по американской военно-морской базе Пёрл-Харбор и другим владениям США и Великобритании на Тихом океане и в Восточной Азии. Началась война на Тихом океане.

Однако война на юге не исключала возможности нападения японской армии на Советский Союз. И это было связано не столько с ближайшими планами Японии, руководство которой осознавало все тяготы и сложности ведения войны фактически на три фронта - в Китае, против англо-американских войск и против Советского Союза, сколько с ужесточившимися требованиями Гитлера и его генералов как можно скорее добиться нападения Японии на СССР с востока.

Сведения о том, что Германия прилагает большие усилия по вовлечению Японии в войну против СССР, поступали в Кремль из различных источников, в том числе и лично от президента США. Однако наряду с этим имелась и достаточно надежная информация о том, что «сотрудничество Японии с Германией далеко от совершенства». В докладе императору от 13 марта 1942 г. премьер-министр Японии (он же военный министр) генерал Х. Тодзио, начальник главного морского штаба О. Нагано и начальник генерального штаба армии Г. Сугияма в разделе «О политике в отношении СССР в современных условиях» писали:

«— Всеми силами препятствовать расширению войны другой стороной (видимо, имелось в виду не провоцировать СССР на военные действия. — *А.К.*);

— прилагать усилия к тому, чтобы во время операций против районов Южных морей всячески избегать войны с СССР;

— прилагать усилия к тому, чтобы сохранить спокойную атмосферу в японо-советских отношениях и вместе с тем препятствовать укреплению связей СССР с США и Англией, а при возможности оторвать СССР от этих стран.

Эта политика, конечно, совершенно не означает отказа от проведения соответствующих военных приготовлений против СССР. Необходимо находиться в полной готовности к военным действиям, чтобы одержать решительную победу в кратчайшие сроки...»^{326}.

Хотя политическая линия на то, чтобы «избегать войны с СССР», противоречила германскому замыслу как можно скорее вовлечь Японию в войну против СССР, в докладе подчеркивалась целесообразность не ослаблять «Тройственный пакт» с Германией и Италией: «С точки зрения достижения целей войны все настоятельнее чувствуется необходимость дальнейшего укрепления союза с Германией и Италией, поэтому необходимо придерживаться установленного курса на сотрудничество с ними».^{327}.

Эти предложения явились составной частью стратегического планирования Японией нового этапа войны. Основное содержание стратегических задач империи сводилась к «завоеванию и подчинению стратегических опорных пунктов за пределами оккупированной территории».^{328}. Воздерживаясь от нанесения удара по СССР в ближайшее время, вместе с тем японское руководство брало на себя обязательство перед Германией угрозой нападения сковывать советские войска на Дальнем Востоке и в Сибири, чтобы они не могли быть использованы на советско-германском фронте.

При этом планирование вероломного нападения Японии на СССР продолжалось. 18 февраля 1942 г. японский «Институт тотальной войны» представил правительству стратегическую программу войны против Советского Союза. «В случае войны с Советским Союзом, — говорилось в ней, — использовать стратегическую обстановку на главных театрах войны противника и отдаленность от основных оперативных баз, нанести максимально сильный первый удар, быстро уничтожить наличные силы и части усиления противника, стремясь к разрешению военного конфликта в короткий срок, и затем, захватив важные районы, вести затяжную войну».^{329}.

Одновременно японским генеральным штабом армии был составлен оперативный план наступательных операций против СССР на 1942 г. Операции должны были начаться внезапно. По плану в Маньчжурии на первом этапе кампании намечалось использовать 30 пехотных дивизий,

4 авиадивизии (1500 самолетов) и около 1000 танков. Главный удар планировался в направлении на город Ворошилов (Уссурийск) с последующим захватом всего Приморья. Одновременно намечалось наступление на направлении Свободный—Куйбышевка с целью

разгромить здесь советские войска и перерезать Транссибирскую железнодорожную магистраль^{330}.

Штаб Квантунской армии разработал график проведения операций на случай решения о начале войны против СССР весной 1942 г.:

- начало сосредоточения и развёртывания войск — день X минус 5 дней;
- завершение развёртывания — день X минус 2 дня;
- переход границы — день X;
- выход на южный берег реки Суйфыньхэ (Пограничная) — день X плюс 8—10 дней;
- завершение первого этапа наступления — день X плюс 21 день.

Решение о начале войны должно было быть принято в марте, а начало боевых действий — в мае 1942 г.^{331}.

Однако в отличие от командования Квантунской армии и ее сторонников в генштабе высшее военно-политическое руководство считало, что война с СССР чревата весьма серьезными последствиями для Японии. При этом важное значение придавалось опасениям того, что в ходе такой войны Японии будут противостоять объединенные советско-американские вооруженные силы.

В разработанном и одобренном на заседании координационного совета правительства и императорской ставки 7 марта 1942 г. документе «Оценка международного положения и достигнутых военных результатов» отмечалось, что «США и Англия... будут надеяться на то, чтобы СССР своими действиями сковал Японию или даже принял участие в войне против нее; в настоящее время США и Англия, возможно, рассчитывают на то, чтобы тайно приобрести в восточной части СССР базы для наступления против Японии».

Оценивая же в этом документе возможный «план действий Советского Союза», его составители указывали: «Исходя из затяжного характера мировой войны, СССР будет стремиться укрепить сотрудничество с США и Англией; основное внимание будет уделять войне против Германии; в настоящее время СССР будет стремиться сохранить существующую позицию в отношении Японии; нет опасности в том, что он вступит в войну против Японии по настоянию США и Англии; если же обстановка на германо-советском фронте во время весенней кампании сложится в пользу СССР, а военная мощь Японии будет ослаблена в результате боевых действий США и Англии,

то не исключается возможность вступления СССР в войну против Японии; немалая опасность существует и в том, что СССР предоставит США военные базы на своей территории для нанесения внезапного удара по Японии, если последняя сочтет неизбежным использование вооруженной силы против СССР»^{332}.

Стремление руководства США в той или иной форме привлечь СССР к войне против Японии с наступлением весны 1942 г. стало еще более очевидным. При этом американские представители, убеждая Москву в неизбежности японского нападения, по сути дела, подталкивали Сталина на «превентивный» удар по Японии. 23 апреля 1942 г. состоялась беседа Сталина с новым послом США в СССР У. Стэндли, в ходе которой был затронут вопрос о советско-японских отношениях. Из записи беседы:

«...Стэндли спрашивает, какие новости имеются с фронта на Дальнем Востоке. Сталин отвечает, что со стороны японцев не было попытки спровоцировать инциденты на границе. Наша разведка сообщает, что японцы перебрасывают дополнительные силы на север. Мы не верим заверениям японцев, что они против нас ничего не имеют, и принимаем соответствующие меры в области укрепления нашей обороны на Востоке.

Стэндли говорит, что следует помнить пример Порт-Артура и Пёрл-Харбора. Сталин говорит, что Стэндли, вероятно, имеет в виду внезапность нападения. Мы хорошо об этом помним. Стэндли отвечает, что они также хорошо знали об этом, но, тем не менее, были застигнуты врасплох»^{333}.

Предупреждения американцев основывались на достоверных данных разведки. Как уже отмечалось, решение избегать столкновения с СССР на период движения на юг имело временный характер и не означало окончательного отказа Японии от участия в войне против СССР.

По расчетам японского командования шансы на успех в войне против СССР во многом зависели от того, будут ли дальневосточные дивизии переброшены на советско-германский фронт в европейскую часть СССР. Однако к весне 1942 г. ожидавшегося японским командованием значительного сокращения численности советских войск на Дальнем Востоке и в Сибири не произошло. В феврале разведуправление генерального штаба армии представило данные,

согласно которым «переброска советских войск с Востока на Запад не вела к ослаблению группировки Красной Армии, пополнявшейся за счет местных резервов»^{334}.

В связи с этим командование армии обратилось к императору с рекомендацией приостановить военные действия на юге, закрепиться в оккупированных районах с тем, чтобы перебросить на север четыре дивизии. Вокруг этого предложения возникли серьезные споры. Сторонники продолжения операций на юге, напротив, требовали увеличения численности сухопутных сил для ведения военных действий не только на островах Тихого океана, но и с целью высадки и захвата Австралии. По расчетам командования армии для осуществления этих планов требовалось, кроме основных сил флота, привлечь от сухопутных сил до 12 дивизий. При этом только для переброски этих сил требовалось мобилизовать суда общим водоизмещением около 1,5 млн. тонн. Командование сухопутных сил не могло согласиться с этим в связи с планами войны против СССР. Его позиция сводилась к следующему: «Чтобы выделить такие крупные силы, необходимо значительно сократить военные приготовления против СССР в Маньчжурии и военные действия в Китае, что создаст для Японии крайне неблагоприятную общую стратегическую обстановку»^{335}.

В конце концов, было достигнуто согласие армейского и военноморского командования провести на юге ряд операций по захвату островов Самоа, Фиджи, Новой Каледонии, что не требовало значительного количества сухопутных сил. По планам японского генерального штаба предусматривалось оставить на южном направлении только такое количество войск, которое бы обеспечивало поддержание общественного порядка и проведение операций на внешних рубежах. Высвобождавшиеся войска должны были быть перебросены в Маньчжурию и Китай, а также частично в метрополию. Весной 1942 г. Квантунская армия была вновь усилена (сюда были направлены дополнительно две дивизии), достигнув своей максимальной численности^{336}.

Предупреждения об опасности японского нападения на СССР с Востока имели основания, и их нельзя было рассматривать лишь как проявление стремления Рузвельта в своих интересах скорее втянуть Советский Союз в военные действия на Дальнем Востоке. Безусловно,

фиксирувавшеся разведками обеих стран (СССР и США) увеличение японских войск на севере было связано с планами выступления Японии против СССР в случае успеха летней военной кампании Германии, на который японские сторонники войны против СССР возлагали немалые надежды.

В середине июля развернулось наступление германской армии на южном участке советско-германского фронта с целью прорваться к Волге в районе Сталинграда, захватить этот стратегически важный пункт и крупнейший промышленный район и тем самым отрезать центр СССР от Кавказа. Понимая, что от результатов этого наступления во многом зависит успех всей военной кампании против СССР, Гитлер решительно требовал от Японии выполнения союзнических обязательств по совместному сокрушению Советского Союза. При этом он не обращал никакого внимания на наличие между Японией и СССР пакта о нейтралитете.

15 мая 1942 г. министр иностранных дел Германии Риббентроп телеграфировал японскому правительству: «Без сомнения, для захвата сибирских приморских провинций и Владивостока, так жизненно необходимых для безопасности Японии, никогда не будет настолько благоприятного случая, как в настоящий момент, когда комбинированные силы России предельно напряжены на европейском фронте»^{337}.

Однако Япония была готова обрушиться на СССР с востока лишь при условии переброски если не всех, то большей части советских дивизий на советско-германский фронт. Только в этом случае она могла рассчитывать на захват советской территории имевшимися в наличии силами без ущерба положению на других фронтах, в первую очередь китайском.

Весной 1942 г. генеральный штаб сухопутных сил Японии разработал новый план «Операция 51», согласно которому против советских войск на Дальнем Востоке предусматривалось использовать 16 пехотных дивизий Квантунской армии, а также три пехотные дивизии, дислоцировавшиеся в Корее. При необходимости намечалось перебросить в Маньчжурию еще семь пехотных дивизий из Японии и четыре из Китая. В наступлении должна была принять участие танковая армия в составе трех танковых дивизий^{338}.

Замысел операции состоял в том, чтобы путем нанесения внезапного авиационного удара по аэродромам уничтожить советскую авиацию и, добившись господства в воздухе, прорвать линию обороны советских войск на восточном направлении — южнее и севернее озера Ханка и захватить Приморье. Одновременно предполагалось форсировать Амур, прорвать линию обороны советских войск на северном направлении — западнее и восточнее Благовещенска и, овладев железной дорогой на участке Свободный—Завитинск, не допустить подхода подкреплений с запада. Осуществить операцию предполагалось в течение двух месяцев^{339}.

Наличие этого плана не означало, что в японском руководстве было единодушное мнение о вступлении летом 1942 г. в войну с СССР. Серьезное поражение японцев в сражении за остров Мидуэй свидетельствовало о том, что война на юге против США и Великобритании потребует концентрации всех сил империи. 20 июля 1942 г. начальник оперативного управления генерального штаба армии С. Танака записал в своем дневнике: «В настоящее время необходимо решить вопрос о принципах руководства войной в целом. Видимо, в 1942—1943 гг. целесообразно будет избегать решающих сражений, вести затяжную войну. Операцию против Советского Союза в настоящее время проводить нецелесообразно».

В это время среди иностранных наблюдателей и аналитиков высказывалась «гипотеза», согласно которой к лету 1942 г. между СССР и Японией было достигнуто что-то вроде «джентльменского соглашения». Смысл этого соглашения якобы состоял в том, что «русские, возможно, взяли на себя обязательство не позволять американцам использовать Сибирь для действий против Японии, на что взамен японцы заверили русских, что не осуществят нападения в Сибири»^{340}.

Было такое «джентльменское соглашение» или нет, неизвестно. Известно другое — резко ухудшившаяся для СССР обстановка на юге страны, где германские войска разворачивали новое широкомасштабное наступление, заставляла Сталина сохранять нейтралитет с Японией. Отвечая на запрос Японии по поводу советско-английского союзного договора и советско-американского соглашения, советское правительство заявило, что эти соглашения не касаются советско-японских отношений, базирующихся на пакте о нейтралитете 1941 г.

Настойчивость американского правительства в зондировании позиции Москвы в отношении Японии была понятна. Ведь получи они возможность бомбить Японию с территории советского Приморья или Камчатки, Тихоокеанская война могла завершиться в считанные месяцы. Но в этом случае было не избежать советско-японской войны в весьма сложный для СССР период. Как показали последовавшие события, сдержать германский натиск и разгромить под Сталинградом крупную группировку немецких войск в значительной степени удалось благодаря переброске с советско-маньчжурской границы свежих и боеспособных дивизий.

5 августа Рузвельт телеграфировал Сталину: «До меня дошли сведения, которые я считаю определенно достоверными, что Правительство Японии решило не предпринимать в настоящее время военных действий против Союза Советских Социалистических Республик. Это, как я полагаю, означает отсрочку какого-либо нападения на Сибирь до весны будущего года». Это было подтверждением аналогичных сведений, поступавших в Москву и по линии советской разведки.

Возможность сотрудничества СССР с США в интересах войны против Японии не исключалась не только японцами, но и германским руководством. При этом Берлин использовал опасность для Японии такого развития ситуации с целью подталкивания Токио к нападению на СССР «до размещения на территории советского Дальнего Востока американской военной авиации». 9 июля 1942 г. Риббентроп запугивал японского посла в Берлине Осиму тем, что Владивосток может стать базой американцев для нанесения ударов по Токио. При этом он заявил, что 60 или 80 советских подводных лодок, находящихся во Владивостоке, якобы не могут причинить никакого вреда японскому флоту. Разъясняя стратегию Гитлера в отношении японо-советской войны, Риббентроп говорил: «До сих пор Гитлер считал, что Япония, достигнув таких больших успехов, должна сначала укрепиться на новых территориях, а затем уже осуществить нападение на Россию... Однако сейчас он пришел к выводу, что наступил благоприятный момент для того, чтобы Япония вступила в общую борьбу с Россией... Если Япония стремительным ударом захватит Владивосток, а возможно, и территорию Советского Союза вплоть до озера Байкал, положение русских на обоих фронтах будет необычайно тяжелым.

Таким образом, конец войны будет предрешен». На это Осима отвечал, что «уверен в необходимости нападения Японии на Россию»^{341}.

Но в Токио считали иначе. В ответе японского правительства германскому руководству от 30 июля 1942 г. сообщалось, что «выступление Японии против СССР приведет к чересчур большому распылению сил Японии», что японское правительство «предполагает в сложившейся ситуации ограничиться военными операциями на юге Китая». По словам японского посла, одним из серьезных доводов против японского выступления против СССР было «опасение, что во время этой операции США получают базы в Восточной Азии, с которых смогут бомбить Токио». При этом было заявлено, что ответ японского правительства не является окончательным и, «может быть, выступление против России окажется возможным еще до октября, а если нет, то не ранее следующей весны»^{342}.

Между тем положение Японии на тихоокеанском театре военных действий ухудшалось. В начале февраля 1943 г. японские войска после длительных боев были вынуждены оставить имевшие важное стратегическое значение острова Гуадалканал (Соломоновы острова). Это совпало с капитуляцией германских войск в Сталинграде.

План «примирения» СССР с Германией

Понимая, что определившийся перелом в мировой войне произошел не в пользу стран оси, японское правительство решило прибегнуть к дипломатическим маневрам с целью попытаться выйти из войны на условиях выгодного Токио компромисса. Для этого был разработан план «посредничества» Японии в организации мирных переговоров между Германией и СССР. По замыслам японцев, в случае согласия Москвы на такие переговоры, даже если они не приведут к перемирию, сам факт подобных контактов СССР и Германии должен был посеять подозрения и недоверие в отношении Кремля со стороны США и Великобритании. В случае же успеха задуманного японцы рассчитывали на создание ситуации, когда, если прекратится война на основном фронте — советском, все силы Германии будут обращены против Великобритании и США. А это в свою очередь ослабит силы западных союзников на Тихом океане, что позволит Японии добиться здесь коренного изменения обстановки в свою пользу. В январе 1943 г. в Анкаре состоялась конференция руководителей японских информационных (разведывательных) отделов в Европе, которая определила, что основная задача этих бюро должна заключаться в том, чтобы прекратить советско-германскую войну путем соглашения между СССР и Германией^{343}.

Первые попытки осуществить этот план были предприняты вскоре после поражения Германии в Сталинградской битве. Не исключено, что японцы постарались организовать «утечку информации» для американцев. 5 февраля помощник президента Гопкинс счел необходимым через советского посла поставить Москву в известность о том, что «будто бы немцы в последнее время делали настойчивые представления Японии и сам Гитлер говорил с японским послом о прекращении американских поставок во Владивосток. Япония будто бы на это ответила вопросом, зачем Германия ввязалась в войну с Союзом и почему она не старается, заключив мир с СССР, сделать его своим союзником»^{344}.

Отреагировал на эту информацию и Рузвельт, который в тот же день в поздравительной телеграмме Сталину по случаю победы советских войск под Сталинградом особо подчеркнул необходимость

«приложить всю энергию к тому, чтобы добиться окончательного поражения и безоговорочной капитуляции общего врага». В ответ Сталин выразил уверенность, что «совместные боевые действия вооруженных сил Соединенных Штатов, Великобритании и Советского Союза в скором времени приведут к победе над нашим общим врагом»^{345}. Тем самым было дано понять, что ни о каком «перемирии» с Германией речь идти не может.

В результате очередной победы советских вооруженных сил летом 1943 г. в Курской битве соотношение сил на советско-германском фронте окончательно изменилось в пользу СССР. Лишь после этого японский генеральный штаб впервые за всю историю своего существования приступил к составлению на 1944 г. плана, в котором предусматривались не наступательные, а оборонительные действия в случае войны с Советским Союзом.

В августе 1943 г. в Берлине состоялось очередное совещание руководителей японских информационных бюро в Европе. Его участники пришли к выводу, что Германия, по-видимому, проиграла войну и ее поражение -лишь вопрос времени. К такому же выводу стали склоняться и наиболее здравомыслящие политики в Токио. При этом японское руководство учитывало, что после победы над Германией, а может быть и до нее, СССР может прийти на помощь союзникам по антифашистской коалиции и в целях скорейшего завершения войны выступить против Японии. Поэтому сторонники «замирения» СССР с Германией активизировали свои дипломатические маневры. МИД Японии дал указание своему посольству в Москве попытаться реализовать этот план. Однако в Кремле твердо придерживались союзнических договоренностей, которые не допускали сепаратных переговоров. Попытка посла Японии в СССР Н. Саго затронуть в беседе с Молотовым 10 сентября 1943 г. вопрос о посреднической миссии Японии была решительно пресечена советской стороной^{346}. Не проявил интереса к японской дипломатической «инициативе» и Гитлер, который понимал, что после совершенных германскими войсками и оккупационной администрацией чудовищных преступлений против советского народа ни о каком компромиссном мире не могло быть и речи.

Встрече Сталина, Рузвельта и Черчилля в Тегеране предшествовала Московская конференция министров иностранных дел

СССР, США и Великобритании (19—30 октября 1943 г.). В подготовленных для переговоров Объединенным комитетом начальников штабов США инструкциях особо указывалось: «Полное участие России в войне против Японии после разгрома Германии имеет важное значение для более быстрого и сокрушительного разгрома Японии с наименьшими потерями для США и Великобритании».^{347}

Вопрос о возможности участия СССР в войне с Японией был затронут Хэллом на состоявшейся сразу после Московской конференции 30 октября беседе со Сталиным. Сталин заявил тогда о готовности помочь нанести поражение Японии после разгрома Германии. Характеризуя занятую Сталиным позицию по дальневосточному вопросу, Хэлл сообщал в Вашингтон, что глава советского правительства «проявил глубокое стремление к сотрудничеству с США и Великобританией». Как писал Хэлл в своих мемуарах, Сталин сделал это заявление «уверенно, совершенно бескорыстно, не требуя ничего взамен». При этом он считал слова советского руководства «заявлением исключительной важности».^{348}

На проходившей с 28 ноября по 1 декабря 1943 г. в Тегеране конференции «большой тройки» — Рузвельта, Сталина и Черчилля — обсуждались вопросы разгрома Германии, Японии и их союзников, а также проблемы послевоенного мирного урегулирования. Для советской делегации в качестве основной стояла задача добиться от союзников твердого и окончательного обязательства открыть «второй фронт» в Европе не позднее 1944 г. На поставленный Рузвельтом вопрос об оказании Советским Союзом помощи США против Японии Сталин сделал в Тегеране важное заявление. Он сказал: «Мы, русские, приветствуем успехи, которые одерживались и одерживаются англо-американскими войсками на Тихом океане. К сожалению, мы пока не можем присоединить своих усилий к усилиям наших англо-американских друзей потому, что наши силы заняты на Западе и у нас не хватает сил для каких-либо операций против Японии. Наши силы на Дальнем Востоке более или менее достаточны лишь для того, чтобы вести оборону, но для наступательных операций надо эти силы увеличить, по крайней мере, в три раза. Это может иметь место, когда мы заставим Германию капитулировать. Тогда — общим фронтом против Японии».^{349}

Рузвельт не мог скрыть своего удовлетворения занятой Сталиным позицией и сразу попытался добиться от советского лидера решения ряда военных вопросов, связанных с предполагавшимися совместными действиями против Японии. Речь шла о предварительном планировании военно-воздушных операций в северо-западной части Тихого океана. При этом президент предложил начать такое планирование «незамедлительно». 29 ноября Рузвельт говорил Сталину: «Мы считаем, что в целях сокращения сроков войны бомбардировка Японии с баз вашего Приморского края немедленно после начала военных действий между СССР и Японией будет иметь весьма большое значение, поскольку это предоставит нам возможность разрушить военные и промышленные центры».

На Тегеранской конференции впервые состоялся разговор о возможных результатах разгрома Японии для восстановления территориальных прав СССР на Дальнем Востоке. Причем инициативу такой постановки вопроса проявили западные союзники. Черчилль начал с того, «чтобы советский флот плавал свободно во всех морях и океанах». Отвечая на вопрос Сталина, что может быть сделано для России на Дальнем Востоке, Рузвельт предложил превратить, например, Дайрен в свободный порт. Сталин, заметив, что СССР фактически заперт японцами на Дальнем Востоке, на это отвечал, что «Порт-Артур больше подходит в качестве военно-морской базы». Как бы подводя итог предварительному обсуждению этого вопроса, Черчилль заявил, что «совершенно очевидным является тот факт, что Россия должна иметь выход в теплые моря». При этом, помня, что в результате поражения в Русско-японской войне 1904—1905 гг. Россия лишилась части своей территории на Дальнем Востоке, он особо отметил, что «управление миром должно быть сосредоточено в руках наций, которые полностью удовлетворены и не имеют никаких претензий».

Во время беседы зашел разговор об отношении Сталина к Каирской декларации США, Великобритании и Китая, в которой, в частности, отмечалось, что Япония должна быть лишена всех захваченных и оккупированных территорий. Советский руководитель заявил, что «русские, конечно, могли бы к этому коммюнике кое-что добавить, но после того, как они станут активно участвовать в военных действиях на Дальнем Востоке»^{350}.

Как известно, окончательно политические условия участия Советского Союза в войне против Японии были сформулированы и закреплены на Крымской (Ялтинской) конференции глав правительств СССР, США и Великобритании.

Победы советских вооруженных сил в войне с Германией, ухудшение военного положения Японии в Тихоокеанской войне, дальнейшее сближение СССР с США и Великобританией в интересах скорейшего разгрома государств-агрессоров понуждали японское правительство предпринимать шаги для недопущения изменения позиции Советского Союза в отношении Японии, сохранения им нейтралитета. После провала попыток выступить посредником в переговорах между СССР и Германией о «перемирии» японское правительство поставило перед своей дипломатией задачу добиться подтверждения Советским Союзом положений пакта о нейтралитете 1941 г. Было решено в «обмен» на такое подтверждение, а также на согласие СССР подписать новую рыболовную конвенцию на выгодных Японии условиях вернуться к переговорам о ликвидации японских угольной и нефтяной концессий на Северном Сахалине.

Японское правительство при заключении пакта о нейтралитете взяло на себя обязательство ликвидировать эти концессии не позже октября 1941 г. Однако, воспользовавшись тяжелым положением Советского Союза после начала германской агрессии, правительство Японии вероломно нарушило свои обязательства, заявив в декабре 1941 г., что «для японской стороны разрешить вопрос о ликвидации концессий стало затруднительным»^{351}. Японское правительство строило расчет на том, что советское руководство ради соблюдения Японией нейтралитета согласится «забыть» договоренности о ликвидации концессий. Более того, МИД Японии попытался добиться согласия советского правительства на продление еще на пять лет прав проведения японцами на Северном Сахалине разведки нефти. Хотя это предложение было отвергнуто советской стороной, японские концессионеры продолжали эксплуатировать недра Северного Сахалина, получая столь необходимые Японии нефть и уголь. Не желая обострять до крайности советско-японские отношения вокруг концессий, что могло быть использовано японским правительством и военными кругами как повод для развязывания войны, советское руководство, хотя и заявляло о необходимости выполнить соглашение о

ликвидации концессий, вместе с тем было вынуждено мириться с созданным положением.

Однако по мере упрочения позиций СССР на советско-германском фронте, возрастания его роли на международной арене правительство СССР стало требовать выполнения Японией своих обязательств. В июне 1943 г. японскому послу в СССР Н. Сато была вручена памятная записка, в которой говорилось: «Советское правительство считает необходимым настаивать на выполнении японским правительством всех обязательств, вытекающих из пакта о нейтралитете».

В стремлении не допустить выхода СССР из договора о нейтралитете 19 июня 1943 г. координационный совет правительства и императорской ставки принял принципиальное решение о ликвидации концессий. Переговоры шли медленно и продолжались до марта 1944 г. Однако было очевидно, что японское правительство не желает ухудшения отношений с СССР и сознательно первоначально зависило свои условия с тем, чтобы затем, отказавшись от них, представить достигнутые договоренности как «жест доброй воли» в адрес СССР. Стремление продемонстрировать «дружелюбие» Советскому Союзу было связано с опасениями японского правительства по поводу возможных договоренностей союзников в Тегеране в отношении Японии. Хотя японцы едва ли могли знать о данном в Тегеране обещании Сталина выступить против Японии после победы над Германией, подозрения на этот счет в Токио существовали.

Во время состоявшейся 2 февраля 1944 г. беседы с послом США Гарриманом Сталин отмечал, что «японцы очень перепуганы, они очень беспокоятся за будущее». Он говорил: «Мы имеем с японцами договор о нейтралитете, который был заключен около трех лет тому назад. Этот договор был опубликован. Но кроме этого договора состоялся обмен письмами, которые японцы просили нас не публиковать. В этих письмах шла речь о том, что японцы обязуются отказаться до окончания срока от своих концессий на Сахалине: от угольной и от нефтяной... Нас особенно интересуют нефтяные концессии, так как на Сахалине много нефти. При обмене письмами японцы обязались отказаться от концессий в течение шести месяцев, то есть до октября 1941 года. Но они этого не сделали до настоящего времени, несмотря на то что мы несколько раз ставили перед ними этот вопрос. А теперь

японцы сами обратились к нам и говорят, что они хотели бы урегулировать это дело».

Гарриман заметил, что это очень хорошее известие.

Сталин продолжал: «Наши люди, имеющие дело с японцами, сообщают, что японцы всячески стараются расположить нас в их пользу. Японцы идут на большие уступки, и поэтому не исключено, что по вопросу о концессиях скоро будет заключен договор.

Другой случай был во время приема в Токио по случаю Нового года. Мы не имеем в Японии военного атташе; там имеются лишь некоторые сотрудники аппарата военного атташе. И вот на этом приеме к одному нашему подполковнику подошел начальник генерального штаба японской армии Сугияма. Сугияма был, очевидно, навеселе и стал говорить этому подполковнику, что он не дипломат и что он хочет поговорить с ним откровенно. Сугияма сказал, что немцы для него никакого значения не имеют, что договор между Японией и Германией — пустая бумажка. При этом Сугияма спросил, может ли он поехать в Москву, чтобы встретиться со Сталиным... Мы, конечно, ничего не ответили и не собираемся ничего отвечать японцам. Но сам факт обращения Сугияма к какому-то подполковнику характерен. Это значит, что японцы боятся...»^{352}.

30 марта был подписан протокол о передаче Советскому Союзу японских нефтяной и угольной концессий на Северном Сахалине. Советская сторона обязалась выплатить в качестве компенсации 5 млн. рублей и после окончания войны ежегодно экспортировать в Японию по 50 тыс. тонн нефти. Одновременно был подписан протокол о сохранении в силе еще на пятилетний срок рыболовной конвенции 1928 г. В этом протоколе в значительной степени были закреплены положения, которые СССР отстаивал в ходе рыболовных переговоров^{353}.

В день заключения соглашений с японцами посол США был проинформирован о том, что теперь сахалинскую нефть Япония сможет получать лишь «после войны», а рыболовная конвенция заключена с выгодными для советской стороны изменениями условий.

В США в целом положительно отреагировали на советско-японские договоренности, расценив их как «показатель определенной победы Советского Союза». Вместе с тем в американских правительственных кругах мнения разделились. Большинство

склонялись к тому, что заключение соглашения о ликвидации концессий является положительным явлением, во-первых, потому, что Япония лишилась сахалинского источника нефти, во-вторых, потому, что оно являлось показателем ослабления Японии. Другие же считали, что потеря сахалинской нефти для Японии не имеет существенного значения. Между тем факт заключения соглашений рассматривался как свидетельство того, что СССР и Япония могут находить общий язык при решении спорных вопросов. Последней точки зрения, сообщал посол Громыко, придерживаются многие в Госдепартаменте.^{354}.

Хотя в Тегеране Сталин говорил о возможности вступления СССР в войну против Японии через шесть месяцев после разгрома Германии, западные союзники продолжали рассчитывать на немедленное нанесение Советским Союзом по крайней мере воздушных ударов по японской метрополии сразу же после капитуляции Германии. На этом особенно настаивал Черчилль, который 27 сентября 1944 г. писал Сталину: «Я искренне желаю, и я знаю, что этого желает и Президент, вмешательства Советов в японскую войну, как было обещано Вами в Тегеране, как только германская армия будет разбита и уничтожена. Открытие русского военного фронта против японцев заставило бы их гореть и истекать кровью, особенно в воздухе, так что это значительно ускорило бы их поражение. Судя по тому, что я узнал о внутреннем положении Японии, а также о чувстве безнадежности, гнетущем ее народ, я считаю вполне возможным, что, как только нацисты будут разгромлены, трехсторонние призывы к Японии капитулировать, исходящие от наших трех великих держав, могут быть решающими. Конечно, мы должны тщательно рассмотреть все эти планы вместе. Я был бы рад приехать в Москву в октябре, если я смогу отлучиться отсюда...»

В своем ответном послании от 30 сентября Сталин подтвердил данное обещание, заявив: «Что касается Японии, то наша позиция остается той же, что была в Тегеране».^{355}.

В тот же день, 30 сентября, в Токио на императорском совещании была утверждена «Основная программа руководства войной», предусматривавшая укрепление обороны оккупированных территорий и метрополии. На этом совещании была названа «последняя линия обороны» — линия от Курильских островов до территории Бирмы. Корея и Китай (с Маньчжурией) рассматривались как стратегический

тыл. В Токио считали, что стойкая оборона войск на этой «последней линии» могла бы открыть для Японии возможность избежать капитуляции и закончить войну компромиссным миром на основе удержания значительной части оккупированных территорий. Для этого были определенные основания, ибо англо-американские войска, одержав ряд морских побед на Тихом океане, оказались неспособными воспрепятствовать развернувшемуся в 1944 г. новому наступлению японской армии в Китае, где оккупированные ранее территории на севере и в центре страны были соединены с Индокитаем, а через Малайю — с Сингапуром.

В целом руководство Японии делало ставку на затягивание войны. Перейдя к стратегической обороне, они рассчитывали стабилизировать фронты, выиграть время для пополнения военно-экономического потенциала, а также по возможности нарушить союзническую коалицию СССР, США и Великобритании.

Планируя свои дальнейшие действия, японская ставка исходила из того, что боеспособность военно-морского флота Японии заметно снижалась, а военно-экономический потенциал противника обладал явным преимуществом. Однако Япония сохраняла возможности сдерживать наступление союзников. Перед японским объединенным флотом в мае 1944 г. даже была поставлена задача «уничтожить флот противника в решающем сражении».^{356}.

28 сентября 1944 г. Рузвельт одобрил стратегический план разгрома Японии, по которому на СССР возлагалось выполнение следующих задач: «Прервать транспортную связь между японской метрополией и азиатским континентом; разгромить японские войска в Маньчжурии и уничтожить их авиационные части и соединения; обеспечить господство в воздухе над Южным Сахалином и Хоккайдо».^{357}.

Между тем в Японии осознание неизбежности поражения стран оси в войне крепло не только у политиков, но, что было весьма важно, и у высших военных чинов. Особую активность в поисках пути достижения почетного мира как для Германии, так и для Японии проявил назначенный 22 июля 1944 г. военным министром фельдмаршал Сугияма, ранее занимавший пост начальника генерального штаба армии. Он предлагал не отказываться от идеи

выступить посредником на переговорах о прекращении советско-германской войны.

Как отмечалось выше, советское правительство решительно отвергло подобное «предложение» японцев, сделанное в первый раз еще в 1943 г. Позиция СССР по этому вопросу была четко определена в приказе Верховного главнокомандующего от 1 мая 1943 г. В нем указывалось: «Болтовня о мире в лагере фашистов говорит лишь о том, что они переживают тяжелый кризис. Но о каком мире может быть речь с империалистическими разбойниками из немецко-фашистского лагеря, залившими кровью Европу и покрывшими ее виселицами? Разве не ясно, что только полный разгром гитлеровских армий и безоговорочная капитуляция гитлеровской Германии могут привести Европу к миру? Не потому ли болтают немецкие фашисты о мире, что они чувствуют приближение грядущей катастрофы?»^{358}.

В 1943 г. советское правительство отказалось принять предложение Японии о приеме в Москве специальной «миротворческой миссии», заявив: «При существующей обстановке в условиях нынешней войны Советское правительство считает возможность перемирия или мира с гитлеровской Германией или ее сателлитами в Европе совершенно исключенной».

Несмотря на заявленную советским правительством твердую позицию по поводу «перемирия», спустя год Сугияма и его единомышленники сочли возможным вновь предложить СССР свои «услуги». Считалось, что изменившаяся обстановка якобы этому способствует. 5 сентября 1944 г. Сугияма на заседании Высшего совета по руководству войной следующим образом оценил ситуацию и шансы на успех посреднической роли Японии: «Командование сухопутных сил, основываясь на данные разведки, считает, что Советский Союз с начала войны с Германией уже потерял более 15 миллионов человеческих жизней, лишился большей части материальных средств и испытывает усталость от войны. К тому же международная обстановка такова, что наблюдаются противоречия между СССР и Великобританией в Средиземном море, в Юго-Восточной Европе, районе северных морей и других местах. Не исключена даже возможность военного столкновения между США и СССР. С другой стороны, хотя Гитлер вновь планирует наступление на Восточном фронте, он вполне сознает невыгодность продолжения войны с СССР.

Таково реальное положение, существующее между Германией и Советским Союзом. Именно поэтому складывается благоприятный момент для активной посреднической помощи Японии в достижении перемирия между Германией и СССР»^{359}.

Вскоре японское правительство предприняло конкретные шаги, направленные на организацию такого посредничества, направив через японского посла в Москве Сато предложение советскому правительству о посылке в Москву специальной японской миссии. Японское правительство мотивировало свое предложение желанием обменяться мнениями по вопросам советско-японских отношений.

Послу СССР в Вашингтоне было поручено информировать американское правительство о зондаже Японии. В телеграмме Молотова от 23 сентября послу Громыко поручалось конфиденциально довести до сведения американцев следующее: «Советское правительство, зная хорошо, что указанная миссия имеет своей задачей не столько вопрос об отношениях между Японией и СССР, сколько выяснение вопроса о возможности заключения сепаратного мира между Германией и СССР, отклонило предложение японского правительства»^{360}.

В октябре после очередной беседы со Сталиным американский посол Гарриман информировал Вашингтон о том, что СССР не только дал согласие на вступление в войну, но и обязался направить на Дальний Восток максимальные силы.

Сталин решает вступить в войну

7 ноября 1944 г. Рузвельт в четвертый раз был избран на пост президента США. Своеобразным подарком Сталина американскому президенту стало упоминание им Японии в докладе, посвященном 27-й годовщине Октябрьской революции, как «агрессивного государства». Тем самым, по существу, было выражено отношение к Японии как к государству, враждебному целям и задачам Советского Союза по скорейшему достижению мира. Слова Сталина взволновали японское правительство, были восприняты им как указание на возможность присоединения СССР к борьбе с японскими агрессорами. По достоинству был оценен этот шаг Сталина американцами. «Гарриман не скрывал, — писал Громыко из Вашингтона, — что ему больше всего понравилось то место доклада Сталина, где он упоминает о Японии. Такая прямота, по словам Гарримана, в настоящее время явилась даже несколько неожиданной...»^{361}.

Посол США в Москве Гарриман на встрече со Сталиным 14 декабря 1944 г. сообщил, что президент просил его поставить перед маршалом Сталиным политические вопросы, относящиеся к Дальнему Востоку. Сталин ответил, что Советский Союз хотел бы получить Южный Сахалин, то есть вернуть то, что было передано Японии по Портсмутскому договору, а также получить Курильские острова.

Возвращение этих ранее отторгнутых от России территорий не было продиктовано намерением получить их в виде «платы» за участие в войне против Японии. Советское правительство никогда не отказывалось от этих земель, считая их российскими по праву открытия и освоения. Об этом прямо было заявлено министру иностранных дел Японии Мацуоке в апреле 1941 г. в ходе переговоров о заключении советско-японского пакта о нейтралитете.

Факты истории свидетельствуют о том, что после отторжения в 1905 г. в свою пользу южной половины Сахалина Япония уже не обладала законными правами на Курильские острова. Россия, а затем Советский Союз имели серьезные основания потребовать возвращения этих островов. Причем это укладывалось в рамки положений англо-американской Атлантической хартии от 14 августа 1941 г., к которой 24

сентября 1941 г. присоединилось и правительство СССР. Текст Атлантической декларации гласил:

«Президент США Рузвельт и премьер-министр Черчилль, представляющий правительство Ее Величества в Объединенном Королевстве, после совместного обсуждения сочли целесообразным обнародовать следующие принципы национальной политики своих стран — принципы, на которых они основывают свои надежды на лучшее будущее для мира:

1. США и Великобритания не стремятся к территориальным или другим приобретениям.

2. Они не согласятся ни на какие территориальные изменения, не находящиеся в согласии со свободно выраженным желанием заинтересованных народов».

В декларации Правительства СССР отмечалось: «...Советское Правительство, имея в виду, что практическое применение указанных выше принципов неизбежно должно будет соотносываться с обстоятельствами, нуждами и историческими особенностями той или другой страны, считает необходимым заявить, что последовательное осуществление этих принципов обеспечит им самую энергичную поддержку со стороны Советского Правительства и народов Советского Союза»^{362}. Выдвигая претензии на Курильские острова, советское правительство стремилось не к «территориальным приобретениям» за счет чужих земель, а к восстановлению прав на территории, которые ранее принадлежали России и в силу известных обстоятельств оказались под японским управлением.

Не противоречили предложения об изъятии из-под юрисдикции Японии Курильских островов и положениям Каирской декларации США, Китая и Великобритании от 3 декабря 1943 г., в которой со всей определенностью указывалось: «Япония будет... изгнана со всех других территорий, которые она захватила при помощи силы и в результате своей алчности»^{363}. Курильские острова в полной мере подходили к этой формулировке, ибо именно в результате развязанной Японией войны Россия была вынуждена как проигравшая сторона согласиться на уступку не только Южного Сахалина, но и фактически Курильских островов. Едва ли кто сможет отрицать, что эти территории Япония получила именно «в результате своей алчности».

Все это, безусловно, было принято во внимание, когда Сталин в беседе с Гарриманом 14 декабря 1944 г. формулировал пожелания советского правительства в связи с участием СССР в войне против Японии.

Так как во время этой встречи политические условия вступления СССР в войну были изложены Сталиным наиболее полно и именно они легли в основу переговоров в Ялте по дальневосточному вопросу, приведем подробнее содержание беседы:

«...Гарриман заявляет, что президент просил его поставить перед маршалом Сталиным политические вопросы, относящиеся к Дальнему Востоку, о чем маршал Сталин говорил ему, Гарриману, в октябре. Так как намеченная на ноябрь встреча маршала Сталина с президентом не состоялась, он, Гарриман, уполномочен президентом обсудить эти вопросы с маршалом Сталиным сейчас или позднее, когда будет удобно маршалу Сталину.

Сталин говорит, что он готов изложить Гарриману пожелания Советского Союза. Советский Союз хотел бы получить Южный Сахалин, то есть вернуть то, что было передано Японии по Портсмутскому договору, а также получить Курильские острова. Кроме того, в Тегеране президент по собственной инициативе поднял вопрос о предоставлении Советскому Союзу выхода к теплым морям на Дальнем Востоке. При этом президент говорил о Порт-Артуре и Дайрене, которыми пользовалась раньше Россия на условиях аренды. Советский Союз хотел бы восстановить пользование на условиях аренды этими портами, а также ведущей к ним через Мукден, Чанчунь, Харбин железной дорогой и Китайско-Восточной железной дорогой, которая сокращает Советскому Союзу пути сообщения с Владивостоком. При этом Китай должен полностью сохранить свой суверенитет на территориях, по которым проходят эти дороги. Далее Советское правительство желает, чтобы было полностью сохранено статус-кво Внешней Монголии.

Гарриман говорит, что ему кажется, что президент в Тегеране имел в виду интернационализацию Дайрена и Порт-Артура, так как это более соответствовало бы современным идеям. Однако он, Гарриман, не помнит этого точно.

Сталин отвечает, что этот вопрос может быть обсужден.

Гарриман заявляет, что он передаст президенту о высказанных маршалом Сталиным пожеланиях»^{364}.

Выдвинутые Сталиным предложения рассматривались американскими специалистами из Госдепартамента. Не желая признавать права России и СССР на Южный Сахалин и Курильские острова, чиновники Госдепартамента разработали для президента материалы, в которых предлагалось передать после войны Южный Сахалин и Курилы под международную опеку. Однако Рузвельт не проявил интереса к этому предложению^{365}. Он отмахнулся, заметив, чтобы к нему не приставали с «пустяками»^{366}. Рузвельт выдвинутые Сталиным условия отнюдь не считал чрезмерными. Хорошо известно заявление американского президента о том, что ему «представляется резонным предложение со стороны советского союзника». «Русские, — заявил Рузвельт, — хотят вернуть то, что у них было отторгнуто»^{367}.

Такая позиция президента объяснялась тем, что участие СССР в войне становилось для США и Великобритании не просто желательным, а в высшей степени необходимым. Американское командование было серьезно озабочено перспективой переброски на Японские острова войск из Маньчжурии и Китая для отражения высадки союзного десанта. Особую тревогу вызывала Квантунская армия, которую военная разведка США расценивала как «крупную и опасную силу». В 1944 г. командующий американскими войсками на Дальнем Востоке генерал Д. Макартур заявил в беседе с военно-морским министром США, что нужно по крайней мере 60 советских дивизий, чтобы разбить Японию. В меморандуме Объединенного комитета начальников штабов президенту США от 23 декабря 1944 г. подчеркивалось: «Вступление России в войну как можно скорее... необходимо для оказания максимальной поддержки нашим операциям на Тихом океане»^{368}.

Активное участие СССР в войне против Японии фактически по настоянию США должно было, кроме всего прочего, укрепить доверие между Сталиным и Рузвельтом, придать конкретные очертания и наполнить содержанием предложение Рузвельта о создании эффективной международной системы обеспечения прочного мира и безопасности на земле. Отправляясь в Ялту, Сталин считал создание такой системы необходимым и вполне реальным делом.

Направляясь в Ялту, Сталин еще не знал, как отреагирует Рузвельт на выдвинутые советской стороной условия вступления СССР в войну с Японией, в частности по вопросам, затрагивавшим интересы Китая. Можно сказать, от того, какую позицию займут союзники по дальневосточным проблемам, во многом зависел политический климат на заседаниях конференции. Это понимал и Рузвельт. Стремясь не раздражать советского лидера «мелкими вопросами», а сосредоточиться в первую очередь на координации действий в войне против Японии, он счел целесообразным еще до начала обсуждения дальневосточных проблем письменно сообщить Сталину о согласии с политическими условиями и пожеланиями СССР. Как рассказывал тогдашний посол СССР в США Громыко, уже утром следующего дня после открытия конференции Сталин через специального посыльного получил «весьма срочный пакет от президента». Вот как описывает этот эпизод Громыко:

«...Когда я вошел в его кабинет, Сталин там был один. Поздоровавшись, я спросил:

— Как вы себя чувствуете после довольно напряженного начала конференции?

Сталин ответил:

— Вполне нормально.

Но я заметил, что его занимают совсем другие заботы, а не тема о личном самочувствии.

Сталин протянул мне какую-то бумагу и сказал:

— Вот письмо от Рузвельта. Я только что его получил. А затем, чуть помедлив, добавил:

— Я хотел бы, чтобы вы перевели мне это письмо устно. Хочу до заседания хотя бы на слух знать его содержание.

Я с ходу сделал перевод. Сталин, по мере того как я говорил, просил повторить содержание той или иной фразы. Письмо посвящалось Курильским островам и Сахалину. Рузвельт сообщал о признании правительством США прав Советского Союза на находившуюся под японской оккупацией половину острова Сахалин и Курильские острова.

Этим письмом Сталин остался весьма доволен. Он расхаживал по кабинету и повторял вслух:

— Хорошо, очень хорошо! Я заметил:

— Занятой теперь позицией США как бы реабилитируют себя в наших глазах за то, что они сочувствовали Японии в 1905 году. Тогда в Портсмуте, после русско-японской войны, велись мирные переговоры между японской делегацией и делегацией России, которую возглавлял глава правительства граф Витте. В то время США, по существу, помогали Японии оторвать от России ее территории.

По всему было видно, что Сталин мнение о попытке США “реабилитировать себя” полностью разделяет.

Он несколько секунд помолчал, обдумывая содержание письма. Потом начал высказывать свои мысли вслух. Он заявлял:

— Это хорошо, что Рузвельт пришел к такому выводу.

Закончил Сталин эту тему разговора словами:

— Америка заняла хорошую позицию. Это важно и с точки зрения будущих отношений с Соединенными Штатами.

...Не скрою, выходя из кабинета, я подумал, что настроение Сталина, его удовлетворенность позицией правительства США, изложенной в письме Рузвельта, конечно же, окажут большое влияние на Крымскую встречу трех...

Сталин с каким-то, я бы сказал, особым удовлетворением держал в руке письмо Рузвельта, после того как ознакомился с его содержанием. Несколько раз он прошелся с ним по комнате, служившей кабинетом, как будто не желал выпускать из рук то, что получил. Он продолжал держать письмо в руке и в тот момент, когда я от него уходил...

Можно сказать, что позиция президента США и его администрации по вопросу о Сахалине и Курильских островах, а также по вопросу о втором фронте в немалой степени объясняла отношение Сталина к Рузвельту и как к человеку»^{369}.

Приведенное выше свидетельство Громыко опровергает существующую в историографии версию о том, что якобы в Ялте «американцы пытались добиться согласия СССР на превращение Южного Сахалина в подопечную территорию, на установление международного контроля над частью Курильских островов... но в результате острой борьбы победила советская точка зрения»^{370}. Как уже отмечалось, идея «интернационализации» этих ранее принадлежавших России территорий с самого начала была отвергнута Рузвельтом. Документы Ялтинской конференции свидетельствуют о том, что никакой «острой борьбы» по поводу Южного Сахалина и

Курильских островов между Сталиным и Рузвельтом не было. Черчилль же вообще не принимал активного участия в определении будущего этих островов.

«Ключ» для понимания того, почему Рузвельт сразу же согласился на предложение Сталина о возвращении ЧХСР Южного Сахалина и Курильских островов, лежит в искренней заботе Рузвельта о будущем советско-американских отношений, стремлении перенести дух сотрудничества с СССР в годы войны и на послевоенный период, считая, что гарантами обеспечения прочного мира в будущем должны стать именно США и СССР.

В связи с этим сомнительной представляется версия о том, что, соглашаясь на передачу Советскому Союзу Курильских островов, Рузвельт якобы имел тайное намерение тем самым создать сложности в советско-японских отношениях в будущем. Подобные замыслы существовали не у Рузвельта, а у традиционно антисоветски настроенных чиновников американского Госдепартамента, которые впоследствии стремились осуществить эти замыслы через сменившего Рузвельта Трумэна. Приписывание Рузвельту коварного плана «столкнуть СССР с Японией», на долгие годы не допустить нормализации отношений этих двух соседних государств по своей необоснованности и недоказуемости сродни распространяемой в последние годы ложной версии о «плане Сталина столкнуть США с Японией в Тихоокеанской войне».

Заседания «большой тройки» в Ялте начались 4 февраля 1945 г. в резиденции Рузвельта во время конференции — Ливадийском дворце. В перечне вопросов, переданном американцами генеральному штабу Красной Армии, указывалось, что начальники штабов США предлагают рассмотреть на конференции вопросы о координации военных действий между Западным и Восточным фронтами и об участии СССР в войне с Японией.^{371}.

Хотя вопрос об участии СССР в войне с Японией был в перечне проблем на последнем месте и до 8 февраля в ходе ежедневных совещаний практически не затрагивался, западные союзники считали его приоритетным. Рузвельт, похоже, откладывал его обсуждение на конец конференции сознательно, стремясь сначала договориться со Сталиным по другим проблемам, а уж затем на базе достигнутых договоренностей в атмосфере согласия ставить вопрос о Японии. При

этом он сразу после начала работы конференции дал понять Сталину, что рассчитывает уже в ходе конференции окончательно решить вопрос о вступлении СССР в войну с Японией.

Тактика Рузвельта на конференции полностью оправдалась. Видя конструктивную позицию американского президента практически по всем рассматривавшимся вопросам, Сталин был готов отвечать взаимностью. Тем более что по вопросу о вступлении СССР в войну решение уже было принято. По сути дела, оставалось лишь определить конкретные сроки объявления Советским Союзом войны Японии.

Объединенный комитет начальников штабов США настоятельно просил Рузвельта добиться скорейшего вступления СССР в войну. Накануне отъезда президента в Ялту высшие чины американских вооруженных сил представили ему документ, в котором, в частности, говорилось: «... Мы желаем вступления России как можно скорее в меру ее способности вести наступательные операции и готовы оказать максимально возможную поддержку, не нанеся ущерба нашим основным операциям против Японии...»^{372}.

Соглашаясь с тем, что вступление СССР в войну против Японии может состояться лишь после окончательного разгрома Германии, главы правительств США и Великобритании не скрывали от Сталина своей заинтересованности в том, чтобы это произошло как можно раньше. Из официальных американских документов следует, что «основная задача американского правительства состояла в том, чтобы добиться скорейшего вступления СССР в войну с Японией с тем, чтобы не допустить передислокации Квантунской армии в метрополию в момент вторжения»^{373}.

Сталин с пониманием отнесся к этим опасениям. Если в Тегеране он дал принципиальное согласие вступить в войну против Японии «через шесть месяцев после завершения войны в Европе», то в Ялте, несмотря на большие сложности переброски советских войск на Восток, этот срок был сокращен вдвое. Войну с Японией Сталин пообещал начать «через два-три месяца после капитуляции Германии». Это решение с большим удовлетворением было воспринято союзниками.

Практически все основные вопросы, связанные со вступлением СССР в войну, были согласованы во время встречи Сталина с Рузвельтом 8 февраля 1945 г. в Ливадийском дворце.

Эта беседа носила весьма откровенный характер и во многом предопределила будущие события. Весьма существенным было заявление Рузвельта о том, что он не хочет высаживать войска в Японии и пойдет на такой шаг только в случае крайней необходимости. Тем самым прямо давалось понять, что проведение крупномасштабных наземных операций против японских войск, в первую очередь в Маньчжурии, будет возложено на вооруженные силы СССР. Свое нежелание сражаться с японцами президент открыто объяснял стремлением обойтись без больших потерь. Услышав твердое обещание Сталина вступить в войну, Рузвельт, как это и было запланировано, полностью согласился с заявленными советской стороной условиями и даже обещал помочь в их реализации.

Ниже приводятся наиболее важные эпизоды этой без преувеличения исторической беседы руководителей США и СССР:

«...Рузвельт заявляет, что американцы намерены установить авиабазы на островах Бонин к югу от Японии, и на островах вблизи Формозы (Тайвань. — *А.К.*). Он думает, что настало время для проведения крупных бомбардировок Японии. Он, Рузвельт, не хочет высаживать войска в Японии, если он сможет обойтись без этого. Он высадит войска в Японии только в случае крайней необходимости. На островах у японцев имеется 4-миллионная армия, и высадка будет сопряжена с большими потерями. Однако если подвергнуть Японию сильной бомбардировке, то можно надеяться, что все будет разрушено, и, таким образом, можно будет спасти много жизней, не высаживаясь на острова.

Сталин отвечает, что он не возражает против того, чтобы американцы имели свои авиабазы в Комсомольске. В послании, которое он получил от Рузвельта (от 5 февраля. — *А.К.*), выражено желание иметь базы в Комсомольске. Базы могут быть предоставлены там или в Николаевске. Что касается Камчатки, то там базы можно было бы предоставить американцам лишь в последнюю очередь. На Камчатке сидит сейчас японский консул. Была надежда, что он уедет, но он остался. Кроме того, Ново-Николаевск или Комсомольск расположены ближе к Японии.

Рузвельт говорит, что самый главный вопрос — это посылка судов из Соединенных Штатов на советский Дальний Восток со снабжением для авиабаз.

Сталин говорит, что в послании президента сказано, что нужно будет держать открытыми линии снабжения. Непонятно, что это означает.

Рузвельт отвечает, что речь идет лишь о том, чтобы доставить суда со снабжением в Ново-Николаевск.

Сталин говорит, что все это хорошо, но он хотел бы знать, как обстоит дело с политическими условиями, на которых Советский Союз готов вступить в войну против Японии. Речь идет о тех политических вопросах, о которых он, Сталин, беседовал с Гарриманом в Москве.

Рузвельт отвечает, что южная часть Сахалина и Курильские острова будут отданы Советскому Союзу. Что касается теплого порта, то в Тегеране он, Рузвельт, предлагал, чтобы Советский Союз получил порт Дайрен, расположенный на конце Южноманьчжурской железной дороги. Но он, Рузвельт, пока еще не беседовал по этому вопросу с Чан Кайши. Он, Рузвельт, полагает, что существует два пути использования Советским Союзом этого порта. Первый путь — создание свободного порта, подчиненного контролю международной комиссии. Вторым путем — сдача китайцами указанного порта в аренду Советскому Союзу. Однако последний способ связан с вопросом о Гонконге. Причина того, почему он, Рузвельт, желает избежать аренды, заключается в том, что он надеется, что Англия отдаст Китаю Гонконг и что он может быть превращен в свободный порт для всего мира. Черчилль, наверное, будет против этого сильно возражать, и будет трудно убедить Черчилля, если Советский Союз получит в аренду порт на севере. Поэтому он, Рузвельт, думает, что в качестве первого шага целесообразнее было бы учредить открытый порт.

Сталин спрашивает, что думает президент о сохранении статус-кво Внешней Монголии.

Рузвельт отвечает, что он еще не говорил по этому вопросу с Чан Кайши, но думает, что статус-кво Внешней Монголии должно быть сохранено.

Сталин спрашивает, что думает Рузвельт об аренде Китайско-Восточной железной дороги.

Рузвельт отвечает, что пока он не говорил об этом с Чан Кайши, но он уверен, что по этому вопросу можно будет договориться. Имеются два способа использования железной дороги в интересах Советского Союза. Первый способ — установление контроля над железной

дорогой со стороны смешанной комиссии, состоящей из русских и китайских представителей.

Сталин говорит, что если будут приняты советские условия, то советский народ поймет, почему СССР вступает в войну против Японии. Поэтому важно иметь документ, подписанный президентом, Черчиллем и им, Сталиным, в котором будут изложены цели войны Советского Союза против Японии. В этом случае можно будет внести вопрос о вступлении Советского Союза в войну против Японии на рассмотрение Президиума Верховного Совета СССР, где люди умеют хранить секреты.

Рузвельт отвечает, что не может быть никаких сомнений в отношении сохранения секретности в Ялте. Могут быть сомнения лишь в отношении китайцев.

Сталин отвечает, что, как только можно будет высвободить 20—25 дивизий с Западного фронта и перебросить их на Дальний Восток, китайцев можно будет информировать. В конце апреля в Москву приезжает Сун Цзывень (премьер-министр и министр иностранных дел в гоминьдановском правительстве Китая. — *А.К.*), с которым он, Сталин, очень хочет встретиться.

Рузвельт говорит, что очень рад, что маршал Сталин примет Сун Цзывеня.

Рузвельт говорит, что имеется еще один вопрос, о котором он хотел бы переговорить с маршалом Сталиным, — это вопрос о Корее.

Сталин заявляет, что сначала он хотел бы ответить на вопрос, каким образом Советский Союз мог бы пользоваться теплым портом на Дальнем Востоке. Он говорит, что международный контроль приемлем для Советского Союза».^{374}.

Довольно быстро были согласованы подходы к будущему Корее. Стороны согласились, что над этой страной будет установлена международная опека, а попечителями выступят Китай, Советский Союз и США. При этом Сталин заметил, что «чем короче будет срок опеки, тем лучше». Общность взглядов двух лидеров проявилась и при оценке ситуации в Китае и Индокитае, а также по некоторым другим вопросам.

Без какого-либо торга и разногласий союзники четко определили условия, на которых СССР соглашался вступить в войну с Японией, и

официально подтвердили, что эти условия будут выполнены «безусловно».

В исторических работах, в частности японских исследователей, до сих пор предпринимаются попытки объяснить «уступчивость» Рузвельта в Ялте его слабым здоровьем^{375}. При этом не учитывается тот факт, что достигнутые в Ялте соглашения, в том числе по Дальнему Востоку, были поддержаны и одобрены ведущими американскими политическими деятелями и высшим командованием вооруженных сил США (госсекретарь Стетиниус, генерал Маршалл и другие). Более того, перед началом Ялтинской конференции соображения Рузвельта были одобрены на заседании Объединенного комитета начальников штабов, состоявшемся в январе 1945 г. на острове Мальта. Если бы Рузвельт действительно в силу своей физической слабости пошел на ущемляющие интересы Запада уступки, этому мог воспротивиться Черчилль. Однако он этого не сделал, ибо документ о вступлении СССР в войну полностью отвечал интересам разгрома Японии без риска кровопролитных сражений с огромными жертвами. В действительности, получив гарантии столь необходимого им участия СССР в войне, в большем выигрыше считали себя именно американцы и англичане. Участие мощных сухопутных сил СССР в войне на Востоке рассматривалось весной 1945 г. в Вашингтоне и Лондоне как важнейшее условие победы над Японией в кратчайшие сроки и с минимальными потерями. Поэтому утверждения некоторых историков о том, что в Ялте Рузвельт якобы пошел на «неоправданные уступки» Сталину, «купил» его участие в войне, представляются неубедительными и далекими от понимания реально складывавшейся к весне 1945 г. военно-стратегической обстановки в мире.

Несостоятельными следует признать и утверждения о том, что Сталин якобы вступил в войну «для захвата исконно японских территорий». Как свидетельствуют японские документы, для возвращения ранее принадлежавших России дальневосточных земель Сталину вовсе не нужно было вступать в войну. Японское правительство было готово «добровольно» вернуть Южный Сахалин и Курильские острова, о чем Сталин имел достоверную информацию.

Во второй половине 1944 г. положение Японии на фронтах Тихоокеанской войны продолжало ухудшаться. Однако силы для сопротивления у японцев еще были. В то же время японское

правительство все больше беспокоила позиция СССР. Оно допускало, что после разгрома Германии Советский Союз может прийти на помощь союзникам и в целях скорейшего окончания Второй мировой войны выступить против Японии. В этом случае у Японии не оставалось другого выхода, кроме капитуляции. Стремясь избежать столь неблагоприятного для себя развития событий, японское правительство решило прибегнуть к активной дипломатии. Были предприняты попытки заключить компромиссный мир с Китаем, а также с США и Великобританией. Однако эти попытки не увенчались успехом. Поэтому родилась идея попытаться использовать СССР для организации перемирия в Тихоокеанской войне. Считалось, что, даже если этот план провалится, Москве будет продемонстрировано стремление Токио к установлению мира. По мнению японского правительства, сам факт участия СССР в переговорах об окончании войны исключал бы его вступление в войну против Японии. Министр иностранных дел Японии Сигэмицу рекомендовал правительству «в случае разгрома Германии или заключения ею сепаратного мира... не теряя времени, предпринять усилия для изменения обстановки в лучшую сторону, используя с этой целью Советский Союз»^{376}.

Однако в Токио понимали, что проводившаяся Японией на протяжении войны враждебная по отношению к СССР политика едва ли позволит ей использовать Москву для достижения почетного мира. Поэтому японская дипломатия прилагала усилия, чтобы создать видимость якобы искреннего стремления «открыть новую страницу» в советско-японских отношениях. С этой целью еще в сентябре 1944 г. Сигэмицу разработал «проект предварительного плана для японо-советских переговоров». Главной целью переговоров было добиться подтверждения Советским Союзом обязательств, предусмотренных пактом о нейтралитете. Такое подтверждение предполагалось оформить либо продлением действия пакта, либо заключением нового соглашения, желательно о ненападении.

С февраля 1945 г. японское правительство активизировало дипломатические шаги с тем, чтобы как можно скорее втянуть СССР в качестве посредника в переговоры о достижении перемирия. Это объяснялось тем беспокойством, которое испытывало японское правительство в связи с Ялтинской конференцией глав союзных держав. Хотя ялтинские договоренности по вопросам Дальнего Востока

были секретными и о них ничего не сообщалось, в Японии понимали, что после разгрома Германии в Европе внимание союзников будет перенесено на азиатские проблемы. В японских средствах массовой информации сразу после окончания работы Ялтинской конференции высказывались тревожные догадки и предположения о том, что на конференции обсуждался вопрос о совместном ведении тремя державами войны против Японии.

Японские официальные историки утверждают, что правительство Японии вплоть до окончания войны ничего не знало о достигнутых в Ялте соглашениях по вопросам Дальнего Востока. Однако существуют указания на то, что японская разведка располагала сведениями о договоренностях в Крыму, касавшихся Японии. Так, например, в 1985 г. в Японии были опубликованы воспоминания шифровальщицы японского представительства в Стокгольме Онодэра Юрико, которая утверждала, что содержание достигнутых в Ялте секретных соглашений о Японии было своевременно передано в японский МИД^{377}.

Едва ли случайным совпадением является то, что 14 февраля 1945 г., через два дня после завершения Ялтинской конференции, трижды возглавлявший японское правительство влиятельный политический деятель Японии князь Коноэ спешно представил императору Хирохито секретный доклад, в котором призывал японского монарха «как можно скорее закончить войну». При этом в качестве основного довода в пользу такого решения приводилась опасность «вмешательства» Советского Союза. Коноэ писал: «Мне кажется, наше поражение в войне, к сожалению, уже является неизбежным... Хотя поражение, безусловно, нанесет ущерб нашему национальному государственному строю... одно только военное поражение не вызывает особой тревоги за существование нашего национального государственного строя. С точки зрения сохранения национального государственного строя наибольшую тревогу должно вызывать не столько само поражение в войне, сколько коммунистическая революция, которая может возникнуть вслед за поражением.

По зрелом размышлении я пришел к выводу, что внутреннее и внешнее положение нашей страны в настоящий момент быстро изменяется в направлении коммунистической революции. Вовне это выражается в необычайном выдвигании Советского Союза... По тем

маневрам, которые Советский Союз в последнее время открыто проводит в отношении европейских стран, ясно видно, что он так и не отказался от своей политики красного наступления на весь мир...

Хотя Советский Союз внешне и стоит на позиции невмешательства во внутренние дела европейских государств, в действительности же он осуществляет активнейшее вмешательство в их внутренние дела и стремится повести внутреннюю политику этих стран по просоветскому пути.

Совершенно аналогичные замыслы Советского Союза и в отношении Восточной Азии. В настоящее время в Яньани создана Лига освобождения Японии во главе с Оканом, приехавшим из Москвы, которая, установив связь с такими организациями, как Союз независимости Кореи, Корейская добровольческая армия и Тайваньский авангард, обращается с призывами к Японии.

Размышления по поводу подобных обстоятельств приводят к выводу, что существует серьезная опасность вмешательства в недалеком будущем Советского Союза во внутренние дела Японии».

Главный смысл доклада Коноэ сводился к тому, чтобы до вступления в войну СССР успеть капитулировать перед США и Великобританией, «общественное мнение которых еще не дошло до требований изменения нашего государственного строя»^{378}.

15 февраля руководители японской разведки проинформировали участников заседания Высшего совета по руководству войной о том, что «Советский Союз намерен обеспечить себе право голоса в решении вопросов будущего Восточной Азии». Прозвучало предупреждение, что к весне СССР может расторгнуть пакт о нейтралитете и присоединиться к союзникам в войне против Японии. На следующий день об этом говорил императору Хирохито министр иностранных дел Сигэмицу: «Дни нацистской Германии сочтены. Ялтинская конференция подтвердила единство Великобритании, США и Советского Союза». Он рекомендовал Хирохито не полагаться на пакт о нейтралитете. Генерал Тодзио также предупреждал японского монарха о возможности выступления СССР против Японии, оценив такую вероятность как «50 на 50»^{379}.

Однако император полагал, что в любом случае не следует отказываться от попытки привлечь СССР в качестве посредника для достижения перемирия с США.

Хотя далеко не все японские руководители верили в успех привлечения СССР на сторону Японии в ее стремлении выторговать почетные условия мира, ситуация требовала незамедлительных действий. Первые неофициальные попытки выяснить позицию СССР по вопросу о посредничестве были предприняты японским МИДом сразу после Ялтинской конференции. 15 февраля 1945 г. японский генеральный консул в Харбине Ф. Миякава под благовидным предлогом посетил советского посла в Токио Я.А. Малика и с расчетом на передачу в Москву в прозрачной форме попытался изложить японское предложение о посредничестве. Вот как об этой беседе сообщал в Москву посол Малик: «Прибывший в командировку в Токио японский генеральный консул в Харбине Миякава (бывший советник японского посольства в Москве) посетил меня 15 февраля. Из обстоятельств визита явствует, что он преследовал особую цель — позондировать мое мнение относительно Крымской конференции. Основное из его вопросов и рассуждений:

1. Советский Союз до сих пор не участвовал в международных конференциях совместно с Чунцином, и поэтому когда он, Миякава, прочел в Крымском коммюнике, что на предстоящей конференции в Сан-Франциско Советский Союз будет принимать участие совместно с Чунцином, то он был этим крайне удивлен. Не является ли это изменение в позиции СССР в отношении Чунцина показателем изменения его позиции в отношении Японии?

2. Когда долго живешь с кем-либо вместе, то начинаешь постепенно привыкать к нему и все больше втягиваться в компанию с ним. За время войны Советский Союз все время общается и сотрудничает с Англией и США. Не означает ли это, что советская сторона уже никогда не расстанется с этими странами? Не будет ли Советский Союз все время следовать Америке и Англии?

3. Мы, японцы, заключая союз с Германией, ни в какой степени не имели при этом в виду Советский Союз. Этот союз был и остается направленным только против США и Англии, наших злейших врагов. Мы еще задолго до войны вынашивали и выдвигали идею тройственного пакта — Японии, СССР и Германии. Нельзя ли реализовать эту идею после войны?

4. Миякава распространялся на тему о расширении, углублении и развитии максимально дружественных отношений между СССР и

Японией. Вы, конечно, подозреваете, сказал он при этом, что это для нас основной и главный вопрос. Я прошу Вас понять, что японский народ хочет жить, мы жить хотим. Он также пытался доказать, что в истории японо-советских отношений было немало достойных сожаления недоразумений, но что теперь никаких подобного рода недоразумений быть не должно, постепенно все предрассудки в отношении Советского Союза в Японии изживаются и японцы-де искренне (телеграфный пропуск)... с Советским Союзом.

5. На основании Крымской конференции и из развития отношений Советского Союза со своими союзниками у Миякава создается впечатление, что Советский Союз все больше втягивается в союзное общение и орбиту влияния США и Англии.

В процессе беседы он много и настойчиво говорил и дважды возвращался к вопросу о том, что в развитии войны сейчас настал такой момент, когда кто-либо из наиболее выдающихся международных деятелей, пользующийся достаточным престижем, авторитетом и располагающий необходимой силой для убедительности, должен выступить в роли миротворца, потребовать от всех стран прекратить войну. Таким авторитетным деятелем, по мнению Миякава, может быть только маршал Сталин. Если бы он сделал такое предложение, то Гитлер прекратил бы войну, а Рузвельт с Черчиллем не осмелились бы возражать против подобного предложения Сталина...

В ответах и репликах на эти вынужденно-дружественные разглагольствования Миякава, я ответил в том смысле, что не следует вычитывать из Крымского коммюнике больше того, чем там написано, что Миякава сам прекрасно знает, что Советский Союз всегда проводил и проводит самостоятельную политику и ни под чьим влиянием он не находился даже в самые тяжелые времена. Миякава с этим согласился. Относительно возможного нажима на нас союзников ответил в том смысле, что мы следуем правилу "людей слушай, а свой разум имей".

Касательно идеи тройственного союза я заметил, что в случае осуществления этой идеи, история, возможно, могла бы развиваться в ином направлении, но, как показал опыт последних лет, Гитлер думал лишь о себе и возомнил, что ему все позволено. Что касается всякой новой идеи, то над ней надо подумать. Неясно еще, что из себя будет представлять Германия после войны и каково будет у японцев чувство к немцам, которые, по существу, подвели японцев. Миякава согласился,

что индивидуальные чувства японцев к немцам будут неважными, однако-де с государственной точки зрения японцы не прочь были бы возродить идею такого тройственного союза.

На его выводы в связи с Крымским коммюнике, что СССР все более втягивается в орбиту США и Англия, я ответил, что у меня после прочтения коммюнике создалось иное впечатление, что СССР все глубже втягивается в европейские дела, которым и была посвящена конференция. Миякава явно был удовлетворен этим ответом и прямо заявил, что это его успокаивает.

Касательно трактовки Миякава японо-германского военного сотрудничества как не направленного против СССР, я высказался в том смысле, что именно так и понимал этот союз до и после начала войны, но однажды был крайне удивлен трактовкой этого союза, когда Мацуока в беседе со Сметаниным в начале июля 1941 г., уже после нападения Германии на СССР, говорил, что союз с Германией является основным курсом внешней политики Японии и что если Германия обратится с просьбой к Японии, то последняя должна будет учесть эту просьбу. Миякава смутился, заерзал, удивленно переспросил и сказал, что это было весьма странно со стороны Мацуока. Затем я добавил, что Мацуока затем ушел в отставку и в последующем японо-германский союз вновь, кажется, начал трактоваться как не направленный против СССР. Заметно было, что Миякава был успокоен последним формальным замечанием.

На мою реплику, что недоразумения в истории японо-советских отношений происходили отнюдь не по нашей вине, Миякава настороженно спросил: “Вы так думаете?”. Я ответил, что уверен в этом...

В заключение Миякава благодарил меня за оказанный ему прием, заявил, что за время его пребывания в Токио беседа со мной была-де у него самым приятно проведенным временем и он уходит от меня успокоенным.

Несомненно, Миякава был специально послан посетить меня и позондировать мое мнение по тем вопросам, которые больше всего тревожат японцев в результате Крымской конференции. Благовидным предлогом у него для этого визита явилось то, что я был у него на обеде в Харбине при возвращении из Москвы, а он нанес теперь мне ответный визит...»[{380}](#).

Так как посол Малик не отреагировал на фактическое предложение Миякава о «посредничестве» Сталина в деле прекращения войны, японский зондаж позиции СССР был продолжен. С этой целью в марте советское посольство посетил президент японской крупной рыболовецкой компании «Нитиро» С. Танакамару. Он также намекал на то, что с инициативой о посредничестве между Японией и США и Великобританией должна выступить именно советская сторона. При этом, судя по всему, японцы пытались «сохранить лицо» и не оказаться стороной, просящей о мире. Однако советский посол продолжал избегать прямых ответов на японский зондаж.

В связи с этим среди японского руководства стали высказываться предложения попытаться «заинтересовать» советское правительство уступками, на которые могла бы пойти Япония в обмен на сохранение Советским Союзом нейтралитета и согласие выступить посредником в переговорах о перемирии с США и Великобританией. Перечень таких уступок первоначально был разработан японским МИДом еще в сентябре 1944 г. Предполагаемые уступки сводились к следующему:

«1. Разрешение на проход советских торговых судов через пролив Цугару

2. Заключение между Японией, Маньчжоу-Го и Советским Союзом соглашения о торговле.

3. Расширение советского влияния в Китае и других районах “сферы сопроцветания”.

4. Демилитаризация советско-маньчжурской границы.

5. Использование Советским Союзом Североманьчжурской железной дороги.

6. Признание советской сферы интересов в Маньчжурии.

7. Отказ Японии от договора о рыболовстве.

8. Уступка Южного Сахалина.

9. Уступка Курильских островов.

10. Отмена “Антикоминтерновского пакта”.

11. Отмена Тройственного пакта»^{381}.

Согласие на те или иные уступки предусматривалось в зависимости от хода советско-японских переговоров. Так, отказ от Южного Сахалина и Курильских островов допускался в крайнем случае, а именно «при резком ухудшении советско-японских

отношений» и возникновении опасности вступления Советского Союза в войну против Японии^{382}.

Разрабатывая «Принципы проведения мирных переговоров» с советским правительством, японские лидеры были готовы в качестве репараций направить японских военнослужащих в трудовые лагеря. Американский исследователь Г. Бикс, обращая на это внимание, пишет: «Вот что говорилось по этому вопросу в “Принципах...”»: “Мы демобилизуем дислоцированные за рубежом вооруженные силы и примем меры к их возвращению на родину. Если подобное будет невозможно, мы согласимся оставить личный состав в местах его настоящего пребывания”. В “пояснительной записке” есть комментарий данного положения: “Рабочая сила может быть предложена в качестве репараций”. Идея интернировать японских военнопленных, чтобы использовать их труд для восстановления советской экономики (осуществленная на практике в сибирских лагерях), возникла не в Москве, а среди ближайшего окружения императора»^{383}.

Готовясь к войне с Японией, советское правительство стремилось соблюсти нормы международного права. 5 апреля правительству Японии было официально объявлено о денонсации советско-японского Пакта о нейтралитете от 13 апреля 1941 г. В заявлении советского правительства указывалось, что пакт был подписан до нападения Германии на СССР и до возникновения войны между Японией, с одной стороны, и Англией и США — с другой. Текст заявления гласил: «С того времени обстановка изменилась в корне. Германия напала на СССР, а Япония, союзница Германии, помогает последней в ее войне против СССР. Кроме того, Япония воюет с США и Англией, которые являются союзниками Советского Союза.

При таком положении Пакт о нейтралитете между Японией и СССР потерял смысл, и продление этого Пакта стало невозможным...

В соответствии со статьей 3 упомянутого Пакта, предусматривающей право денонсации за один год до истечения пятилетнего срока действия Пакта, Советское правительство настоящим заявляет... о своем желании денонсировать Пакт от 13 апреля 1941 года».

Денонсировав пакт о нейтралитете, советское правительство за четыре месяца до вступления в войну фактически информировало японское правительство о возможности участия СССР в войне с

Японией с целью скорейшего завершения Второй мировой войны. Естественно, о возможном сроке вступления СССР в войну японскому правительству не сообщалось. Более того, стремясь по возможности обеспечить скрытность подготовки советских вооруженных сил к вступлению в войну, советская сторона, отвечая на японский запрос, соглашалась, что действие пакта о нейтралитете может сохраняться до истечения пятилетнего срока.

Нельзя исключать, что при этом советское правительство допускало ситуацию, когда японское правительство прекратит войну еще до вступления в нее Советского Союза. Официальное объявление о денонсации пакта рассматривалось в Москве как серьезное предупреждение японскому правительству, призванное убедить его в бесполезности продолжения войны.

После денонсации пакта о нейтралитете японский МИД стал настойчиво выступать за то, чтобы принять все требования, которые может выдвинуть СССР в качестве условия сохранения своего нейтралитета. Одновременно были активизированы усилия по привлечению советского правительства в качестве посредника на переговорах о перемирии Японии с США и Великобританией. При этом в действительности японское правительство, особенно генералитет, не верили в возможность устраивающего Японию компромиссного мира с США и Великобританией. Важная цель вовлечения СССР в дипломатические маневры о «перемирии» состояла в том, чтобы поссорить Советский Союз с США и Великобританией, нарушить их союз. По замыслу японского правительства сам факт советско-японских дипломатических контактов по вопросу о «перемирии» мог быть истолкован западными державами как односторонняя закулисная деятельность советского правительства для сговора с Японией за спиной США.

В принятом 20 апреля 1945 г. Высшим советом по руководству войной документе «Общие принципы мероприятий в случае капитуляции Германии» прямо ставилась задача: «Приложить усилия к тому, чтобы умелой пропагандой разобщить США, Англию и СССР и подорвать решимость США и Англии вести войну».^{384}.

В США было известно об этих замыслах японского руководства. На одном из заседаний американского Объединенного комитета начальников штабов, в частности, отмечалось, что Япония «в случае

необходимости может предложить Советскому Союзу существенные территориальные и иные уступки, попытаться убедить его сохранять нейтралитет и в то же время прилагать все усилия, чтобы посеять разногласия между американцами и англичанами с одной стороны и русскими — с другой»^{385}.

20 апреля состоялась беседа советского посла в Японии Малика с вновь назначенным министром иностранных дел С. Того, в ходе которой последний зондировал возможность его личной встречи с Молотовым на обратном пути из Сан-Франциско, где открывалась международная конференция по вопросам учреждения Организации Объединенных Наций. Организовать такую встречу Того рассчитывал в случае, если Молотов будет возвращаться в Москву через Сибирь. Цель Того была очевидна — попытаться использовать шанс прямого и в то же время как бы «неофициального» контакта с Молотовым для выяснения намерений советского правительства в отношении Японии. Очевидно, что японский министр хотел воспользоваться своим опытом общения с советским наркомом в бытность послом Японии в СССР с тем, чтобы убедить его все же согласиться на посредничество советского правительства в организации переговоров Японии с США и Великобританией. Не исключено, что Того собирался лично предложить советскому министру и разработанный МИДом Японии перечень уступок Советскому Союзу.

По итогам беседы с Того посол Малик доносил в Москву 21 апреля 1945 г.:

«В 3 часа дня 20 апреля я был у Того с первым официальным визитом. Беседа продолжалась более часа. Того пространно говорил о пакте о нейтралитете и просил меня передать Вам свое глубокое сожаление по поводу решения Советского правительства о непродолжении этого пакта. По окончании беседы, когда я уже поднялся с намерением раскланяться и уйти, Того несколько задержал меня и, продолжая беседу стоя, начал путано и с многочисленными оговорками и паузами не говорить, а буквально выдавливать из себя слова по следующему вопросу: “Газеты сообщают, что господин Молотов будет присутствовать на конференции в Сан-Франциско 25 апреля 1945 г. Интересно знать, выехал ли он уже туда или нет?” Я ответил, что пока не располагаю сведениями об этом. “Мне хотелось бы знать, — продолжал Того, — поедет ли господин Молотов через

Атлантический океан или может быть через Сибирь и Берингов пролив. Очевидно, в любом случае он полетит самолетом, но какой он изберет путь? Если бы на обратном пути он избрал маршрут через Берингов пролив и Сибирь, то я лично был бы чрезвычайно рад воспользоваться случаем встретиться с ним лично. Конечно, я прошу принять это не как официальное приглашение, а как сугубо мое личное желание, исходящее из моих личных чувств, основанных на том, что мне раньше в Москве приходилось часто непосредственно встречаться и беседовать с господином Молотовым”.

Пообещав принять к сведению это его пожелание, я указал, что насколько мне известно в настоящее время года авиатрасса через Сибирь и Берингов пролив несколько затруднительна густыми туманами, поэтому я не уверен, что господин Молотов изберет этот маршрут. Не исключено, что он проследует через Атлантический океан.

Того ответил: “Я хорошо понял ваше объяснение о состоянии маршрута через Берингов пролив и еще раз хочу подчеркнуть, что это не официальное приглашение, а мое личное, но очень сильное желание встретиться с господином Молотовым, если бы он паче чаяния возвращался через Сибирь. Пусть это Вас ни к чему не обязывает, но я просил бы, если Вам будет известно, каким маршрутом, когда и в какое время господин Молотов будет направляться в Сан-Франциско или возвращаться обратно, то сообщить мне об этом. Вообще бы я лично хотел с ним встретиться. Таковы мои личные чувства”.

Заметно было, что ему трудно было говорить все это, но говоря через силу, он твердил об этом своем “личном чувстве” весьма учтиво и настоятельно».^{386}.

Верное данным союзникам обязательствам, советское правительство уклонялось от каких-либо переговоров с правительством Японии и информировало руководителей союзных держав о подозрительных маневрах японских дипломатов. Тем более что уже с конца марта 1945 г. советское Верховное командование начало осуществлять переброску своих вооруженных сил на Дальний Восток. Это не осталось незамеченным японским руководством, которое регулярно получало информацию о передислокации советских войск по разведывательным каналам. В середине апреля сотрудники аппарата военного атташе японского посольства в Москве докладывали в Токио: «Ежедневно по Транссибирской магистрали проходит от 12 до 15

железнодорожных составов... В настоящее время вступление Советского Союза в войну с Японией неизбежно. Для переброски около 20 дивизий потребуется приблизительно два месяца»^{387}. Об этом же сообщал и штаб Квантунской армии.

Попытки «договориться» с Советским Союзом заметно активизировались после капитуляции Германии, когда Япония осталась одна перед коалицией союзных держав. В это время японское командование, потерпев поражение на Окинаве, начало спешно готовиться к сражению за метрополию. А для этого необходимо было сохранить Квантунскую армию, которую при резком осложнении положения планировалось перебросить на территорию Японии^{388}. Поскольку вступление в войну СССР могло нарушить эти планы, японское высшее командование еще более решительно требовало от правительства сделать все возможное, чтобы разрешить все связанные с Советским Союзом вопросы дипломатическим путем.

15 мая на заседании Высшего совета по руководству войной было принято решение добиваться начала официальных японо-советских переговоров. Для этого считалось необходимым продемонстрировать Советскому Союзу «позитивный характер» политики нейтралитета и склонять СССР к посредничеству в деле окончания войны на приемлемых для Японии условиях^{389}. Вслед за этим японское руководство демонстративно аннулировало все японо-германские соглашения и дало указание прессе поддерживать дипломатические шаги японского правительства в отношении СССР.

Однако обстановка складывалась явно не в пользу Японии. Советское правительство, понимая существо японских замыслов, продолжало уклоняться от попыток правительства Японии вовлечь СССР в официальные переговоры. 6 июня на очередном заседании Высшего совета по руководству войной была дана весьма пессимистическая оценка складывавшегося положения. В представленном членам совета анализе ситуации говорилось: «Путем последовательно проводимых мер Советский Союз подготавливает почву по линии дипломатии, чтобы при необходимости иметь возможность выступить против Империи; одновременно он усиливает военные приготовления на Дальнем Востоке. Существует большая вероятность того, что Советский Союз предпримет военные действия

против Японии... Советский Союз может вступить в войну против Японии после летнего или осеннего периода»^{390}.

Тем не менее у японского правительства и командования оставались надежды на резкое ухудшение советско-американских и советско-английских отношений. Участники совещания с нескрываемым удовлетворением отмечали, что «после окончания войны против Германии сотрудничество между США и Англией, с одной стороны, и Советским Союзом — с другой, ослабевает». При этом японские лидеры тешили себя надеждой на то, что, в конце концов, советское руководство поймет выгоду для себя от затягивания войны между Японией и США и Великобританией, в которой обе стороны лишь ослабляют друг друга. Поэтому ставилась задача использовать все возможности для поиска какой-либо договоренности с Советским Союзом. Вместе с тем на заседании Высшего совета по руководству войной 6 июня был подтвержден курс Японии на продолжение войны. В принятом на заседании решении указывалось: «Империя должна твердо придерживаться курса на затяжной характер войны, не считаясь ни с какими жертвами. Это не может не вызвать к концу текущего года значительных колебаний в решимости противника продолжать войну»^{391}. Из этого следует, что «мирная дипломатия» Японии в отношении СССР преследовала цель избежать капитуляции, сохранить в стране существующий режим и продолжать войну до тех пор, пока США и Великобритания не пойдут на уступки в определении условий перемирия. В Токио всерьез рассчитывали на принятие США и Великобританией компромиссных условий мира, которые, в частности, предусматривали сохранение за Японией Кореи и Тайваня.

В Москве внимательно изучили информацию из Токио о стремлении японской стороны незамедлительно начать официальные переговоры с целью заключения нового договора теперь уже о ненападении. Думается, советское руководство обратило серьезное внимание на выраженную японцами готовность идти ради такого договора на существенные уступки СССР, в том числе территориальные.

Японские лидеры понимали, что добиться согласия советского правительства на начало официальных переговоров о заключении нового долгосрочного японо-советского соглашения без изложения конкретных предложений японской стороны едва ли удастся. Однако

тактика Токио состояла в том, чтобы до изложения возможных уступок Японии прежде выяснить, чего пожелал бы СССР взамен договора о ненападении. Японское правительство опасалось, что может предложить Советскому Союзу больше, чем то, на что он рассчитывает. Отсюда продолжение попыток убедить Москву согласиться на начало переговоров с тем, чтобы обмен мнениями об условиях проектировавшегося японцами соглашения состоялся уже в ходе переговоров. Естественно, это не могло устроить советскую сторону, которая со всей определенностью давала понять, что вести неофициальные переговоры, тем более без конкретизации их целей, Москва не намерена.

Одной из важных причин стремления Того как можно скорее выяснить позицию Сталина и Молотова по поводу советско-японских отношений было то, что в конце июня в печати появилось сообщение о предстоящей встрече глав союзных держав в Берлине. Зная, что на этой встрече неизбежно будут обсуждаться вопросы войны с Японией, японский министр задался целью организовать переговоры со Сталиным до его отъезда в Берлин. В Москве же считали нецелесообразным начало каких-либо официальных переговоров с японским правительством накануне берлинской встречи, понимая, что это может осложнить отношения Советского Союза с США и Великобританией, посеять у лидеров этих держав подозрения в неискренности советской позиции в отношении обязательств, данных в Ялте.

10 июля Того на заседании кабинета министров после соответствующих консультаций с младшим братом императора Такамацу, председателем Тайного совета Хиранумой и премьер-министром Судзуки предложил направить в Москву в качестве специального посла императора бывшего премьер-министра Японии князя Коноэ. Согласие самого Коноэ на такую поездку Того получил 8 июля во время личной встречи.

Правительство согласилось с предложением министра иностранных дел. 12 июня поездку Коноэ в Москву официально санкционировал император Хирохито^{392}. Вслед за этим Того направил в Москву послу Сато срочную телеграмму, в которой сообщал о принятом решении и поручал посетить Молотова и поставить вопрос о

желании Токио направить в Советский Союз специального японского представителя.

Однако среди японских лидеров не было достигнуто согласие по главному вопросу — с чем должен был направиться в Москву Коноэ. Между военным министром, с одной стороны, и министром иностранных дел — с другой, возник спор по поводу перспектив Японии в войне. Военный министр утверждал, что «пока речь не идет о поражении Японии». Его оппоненты же считали, что «необходимо проявить заботу и на случай наилучшего развития ситуации»^{393}.

Учитывая эти разногласия, Коноэ не пожелал связывать себя той или иной позицией и заявил: «Мне не нужны никакие инструкции, я намерен ехать без заранее принятых решений. Я намерен по итогам поездки в Москву непосредственно передать императору то, что думает Сталин»^{394}.

Мнение противников безоговорочной капитуляции было учтено при составлении послания императора, которое надлежало доставить в Москву. Оно было составлено в общих словах о стремлении императора «положить конец войне». Указывалось, что ввиду требования США и Великобритании о безоговорочной капитуляции Япония вынуждена вести войну до конца, что неизбежно приведет «к усиленному кровопролитию». В заключении послания император «изъявил пожелание, чтобы на благо человечества в кратчайший срок был восстановлен мир». Необычность послания императора состояла в том, что оно не было никому адресовано.

13 июля посол Сато посетил заместителя наркома иностранных дел СССР С.А. Лозовского и вручил ему письмо на имя Молотова, в котором сообщалось о желании японского императора направить в СССР князя Коноэ в качестве своего официального представителя. При этом было передано и вышеупомянутое письменное послание Хирохито о стремлении «положить конец войне». К этому времени советское правительство было официально проинформировано послом Сато о готовности и желании японского правительства «идти на заключение соглашения вплоть до пакта о ненападении»^{395}.

Согласие на приезд Коноэ в Москву в качестве специального посланника японского императора означало начало официальных переговоров Москвы с Токио. Сталин же счел целесообразным

уклониться от любых контактов с официальными представителями японского правительства.

Последняя попытка привлечь СССР к «посредничеству» с целью затруднить его вступление в войну была предпринята японским руководством уже после обнародования Потсдамской декларации об условиях капитуляции Японии перед США, Великобританией и Китаем.

Отсутствие под Потсдамской декларацией подписи Советского Союза во многом определило отношение к ней японского правительства, удерживало японских лидеров от ее незамедлительного принятия, позволяло им сохранять надежду на возможность продолжения войны, ибо в Японии неизбежность поражения связывали лишь со вступлением в нее СССР. После опубликования декларации и обсуждения ее текста на совещании Высшего совета по руководству войной Того телеграфировал 27 июля послу Сато: «Позиция, занятая Советским Союзом в отношении Потсдамской совместной декларации, будет с этого момента влиять на наши действия». Послу предписывалось срочно выяснить, «какие шаги Советский Союз предпримет против японской империи»^{396}.

Как известно, 28 июля японское правительство отвергло Потсдамскую декларацию, заявив о намерении «продолжать движение вперед для успешного завершения войны». Продолжение в этих условиях зондажа позиции советского правительства теряло смысл. Тем не менее Токио стремился использовать последний шанс на посредничество Сталина в целях избежать безоговорочной капитуляции. Дело дошло до того, что японское правительство ради этого просило правительство СССР изложить свои «пожелания и указания». В этот критический для империи момент японское правительство было уже готово идти на удовлетворение любых требований СССР, в том числе территориальных.

Об этом, по сути дела, заявил 30 июля заместителю министра иностранных дел СССР Лозовскому японский посол Сато. Причем речь шла о просьбе, чтобы на переговорах с руководителями союзных государств в Потсдаме Сталин занял благоприятную Японии позицию, учел ее пожелания.

31 июля Лозовский следующим образом сообщил о содержании разговора с Сато послу Малику:

«Ко мне 30 июля обратился Сато за ответом по вопросу о посредничестве.

Я сказал, что для ответа требуется известное время. Сегодня, к сожалению, я не могу дать ответ послу.

Сато заявил, что 26 июля Трумэн, Черчилль и Чан Кайши опубликовали обращение к Японскому правительству, содержащее в себе намерение навязать Японии безоговорочную капитуляцию. Однако Японское правительство придерживается своего мнения. Япония не может сдаться на таких условиях. Если честь и существование Японии будут сохранены, то Японское правительство для прекращения войны проявит весьма широкую примиренческую позицию. Сато просит, чтобы тов. Сталин учел эти пожелания. Далее Сато пояснил, что Коноэ едет с широкими полномочиями для обмена мнениями с Советским правительством в широких пределах по вопросу о том, как Японское правительство желает снова строить мир на Дальнем Востоке. Он хочет знать, не будет ли со стороны Советского правительства тех или иных пожеланий или указаний.

В заключение Сато сказал, что у него имеются опасения, что обращение Трумэна, Черчилля и Чан Кайши может помешать посредничеству. Однако поскольку руководители Советского правительства находятся в Берлине, то он надеется, что они уделят соответствующее внимание этому вопросу и устранят помехи. Сато просил меня довести об этом до сведения Советского правительства возможно скорее.

Я сказал, что постараюсь довести его заявление до сведения Советского правительства еще сегодня, если этому представится малейшая возможность»^{397}.

Однако к этому времени советское руководство приняло окончательное решение выступить против Японии на стороне союзников. Поэтому дипломатические шаги японского правительства уже не имели для Сталина серьезного значения. Впоследствии бывший министр иностранных дел Того признал, что попытки Японии привлечь СССР к посредничеству в окончании войны были запоздалыми и не могли привести к успеху. Того писал в своих мемуарах:

«...Позиция Японии и особенно японской армии в течение многих лет вызывала у русских сильнейшие подозрения и обусловила их твердую решимость нейтрализовать нашу страну. Поэтому Япония не

только не могла питать реальных надежд на проявление какой-либо благосклонности со стороны СССР, но должна была понимать, что, когда истощение ее национального потенциала в ходе войны станет очевидным, он вместо переговоров с нею, вероятно, окончательно солидаризируется с Соединенными Штатами и Англией с целью принять участие в дележе плодов победы. В тот момент, когда СССР был связан тесными узами с Америкой и Англией, нам уже было слишком поздно строить какие-либо планы в попытке побудить его действовать в наших интересах. Даже наши усилия, направленные на то, чтобы убедить СССР придерживаться нейтралитета, могли быть вознаграждены только в том случае, если бы они прилагались в то время, когда Япония еще сохраняла какие-то резервы могущества. И если бы она была готова предложить щедрый *quid pro quo* за любые виды содействия. В этот момент важно было обеспечить достижение единого мнения по названным аспектам данной проблемы в самой Японии»^{398}.

С мнением бывшего министра можно согласиться лишь частично. Делая упор на то, что основной целью советского руководства при вступлении в войну было якобы стремление «принять участие в дележе плодов победы», Того уводит читателя от главного. Это главное состоит в том, что СССР в первую очередь стремился выполнить свой союзнический долг, как можно скорее завершить Вторую мировую войну и, разгромив милитаристскую Японию, надолго обеспечить безопасность своих дальневосточных границ. Что же касается «плодов победы», то, как указывалось выше, СССР мог получить их и без вступления в войну в случае отхода от союзнических обязательств. Отказ советского руководства от весьма щедрых японских посулов и предложений свидетельствовал о честности его позиции, стремлении искоренить челоноконенавистническую идеологию не только германского фашизма, но и японского милитаризма. Сделать это было возможно лишь в результате военного разгрома носителей этой идеологии объединенными силами сложившейся в годы войны коалиции союзных держав.

В точном соответствии с обещанием, данным в Крыму, ровно через три месяца после капитуляции Германии правительство СССР 8 августа объявило Японии войну.

Следует отметить, что вступление в войну против милитаристской Японии являлось не только выполнением союзнического долга, но и отвечало стратегическим целям и интересам Советского Союза.

Сталин не хотел допустить ситуацию, когда СССР был бы отстранен от послевоенного политического процесса в Восточной Азии, и в первую очередь в Китае. Он не мог не знать или, по крайней мере, догадываться, что американцы намеревались после войны занять господствующее положение в этом обширном регионе мира, вытеснив оттуда все другие государства, в том числе своих союзников в годы войны — Великобританию, Францию и, уж конечно, СССР. Так, во время Каирской конференции 23 ноября 1943 г. Рузвельт в беседе с глазу на глаз с Чан Кайши предложил китайскому лидеру заключить после войны американо-китайский военный союз, предусматривавший размещение по всей территории Китая, в том числе у советских границ, военных баз США. Чан Кайши с энтузиазмом приветствовал это предложение. При этом Порт-Артур и ряд других стратегически важных районов отдавались под прямое американское управление. Корейский полуостров предусматривалось оккупировать и удерживать совместно американскими и китайскими войсками. Оба лидера договаривались и о том, что Франция лишится своих колоний в Юго-Восточной Азии. Рузвельт обещал сотрудничать с правительством Чан Кайши и в устранении английского влияния в Китае (Гонконг, Шанхай, Кантон). Малайя, Бирма, Индия также должны были стать зонами преобладающего влияния США. Со своей стороны Чан Кайши ставил вопрос о помощи США во включении в состав Китая Монгольской Народной Республики. Рузвельт соглашался вести переговоры по этому поводу с СССР.^{399}.

Односторонний ввод американских войск на территорию Китая был чреват поражением коммунистических сил этой страны и установлением непосредственно у границ СССР недружественного проамериканского режима. Хотя Сталин избегал открытой демонстрации поддержки Компартии Китая в борьбе за власть в стране, в действительности ставка делалась в первую очередь и главным образом на Мао Цзэдуна. Поэтому вступление в войну на Дальнем Востоке преследовало цель не только скорейший разгром японских вооруженных сил, но и одновременно было направлено на создание

благоприятных для СССР военно-стратегических и геополитических позиций в Восточноазиатском регионе.

Что же касается часто упоминающегося в Японии факта «нарушения Советским Союзом пакта о нейтралитете 1941 года», то следует принять во внимание то обстоятельство, что в статье второй пакта предусматривалось: «В случае, если одна из договаривающихся сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав, другая договаривающаяся сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта». Неоспоримым фактом истории является то, что в ходе Второй мировой войны Япония оказалась «объектом военных действий» не в результате нападения третьих стран на Японию, а вследствие агрессивных действий самой Японии. В связи с этим видный российский востоковед С.Л. Тихвинский прямо указывает в своей работе: «С декабря 1941 года этот пакт уже не накладывал на Советский Союз никаких обязательств и превращался в пустой лист бумаги, так как Япония сама вероломно напала 7 декабря 1941 года на США и Великобританию, к тому времени ставших союзниками нашей страны по антигитлеровской коалиции»^{400}. Японское же правительство стало рассматривать это пакт как «пустой лист бумаги» еще раньше, а именно сразу же после нападения на СССР Германии, ближайшего военного союзника Японии.

Возлагая «ответственность» за нарушение пакта о нейтралитете на СССР, японское правительство и официальная историография избегают упреков в адрес США и Великобритании, которые своими требованиями выполнения Советским Союзом союзнического долга во многом предопределили участие СССР в войне против Японии. При этом в документах периода войны ни Рузвельт или Трумэн, ни Черчилль никогда даже не упоминали советско-японский пакт о нейтралитете, считая, что все соглашения предвоенного периода не должны препятствовать достижению главной цели — победы над коалицией враждебных государств — Германии, Японии и Италии.

После вступления СССР в войну отношения между Сталиным и новым президентом США Г. Трумэном осложнились. Обладание атомной бомбой побудило американцев отказаться от плана выделения для СССР зоны оккупации на территории собственно Японии и предоставить всю полноту власти в этой стране генералу Макартуру^{401}. Более того, в направленном 15 августа Сталину

«Общем приказе № 1» о капитуляции японских вооруженных сил Трумэн «забыл» указать, что японские гарнизоны на Курильских островах должны сдаваться и капитулировать перед войсками СССР. Это явилось сигналом того, что Трумэн может нарушить ялтинскую договоренность о переходе Курил к Советскому Союзу.

Сталин ответил сдержанно, но твердо, предложив внести в «Общий приказ № 1» следующие поправки:

«1. Включить в район сдачи японских вооруженных сил советским войскам все Курильские острова, которые согласно решению трех держав в Крыму должны перейти во владение Советского Союза.

2. Включить в район сдачи японских вооруженных сил советским войскам северную половину острова Хоккайдо, примыкающего на севере к проливу Лаперуза, находящемуся между Карафуто и Хоккайдо. Демаркационную линию между северной и южной половиной острова Хоккайдо провести по линии, идущей от гор. Кусиро на восточном берегу острова до города Румоэ на западном берегу острова, с включением указанных городов в северную половину острова».

Объясняя желательность иметь район оккупации на территории собственно Японии, Сталин указал, что «это... имеет особое значение для русского общественного мнения. Как известно, японцы в 1919—1921 годах держали под оккупацией своих войск весь советский Дальний Восток. Русское общественное мнение было бы серьезно обижено, если бы русские войска не имели района оккупации в какой-либо части собственно японской территории»^{402}. Свои предложения Сталин назвал скромными и выразил надежду, что они не встретят возражений.

Как известно, Трумэн согласился «включить все Курильские острова в район, который должен капитулировать перед Главнокомандующим советскими вооруженными силами на Дальнем Востоке». Что касается второго предложения по поводу занятия советскими войсками северной части Хоккайдо, то оно было отвергнуто Трумэном без каких-либо объяснений. При этом Трумэн от имени американского правительства выразил желание «располагать правами на авиационные базы для наземных и морских самолетов на одном из Курильских островов, предпочтительно в центральной группе».

Не скрывая своего недовольствия безапелляционным отказом Трумэна на допущение советских войск на Хоккайдо, Сталин в довольно резкой форме отверг требование США о предоставлении баз на Курильских островах, указав, что «требования такого рода обычно предъявляются либо побежденному государству, либо такому союзному государству, которое само не в состоянии защитить ту или иную часть своей территории»^{403}. Тем самым было дано понять, что в соответствии с Ялтинским соглашением СССР обладает правом распоряжаться всеми Курильскими островами по собственному усмотрению.

В связи с вышеизложенным трудно согласиться с утверждением японского правительства о том, что советское командование якобы намеревалось оккупировать Курильские острова только вплоть до острова Уруп, а острова Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи оккупировали, лишь «узнав об отсутствии (на них) американских войск»^{404}. Как следует из вышеприведенных документов, и Сталин, и Трумэн вели речь о включении в советскую зону оккупации всех Курильских островов. Это было со всей определенностью подтверждено в изданном 29 января 1946 г. Меморандуме главнокомандующего союзных держав Макартура японскому императорскому правительству, в котором указывалось, что из-под юрисдикции государственной или административной власти Японии исключаются все находящиеся к северу от Хоккайдо острова, в том числе «группа островов Хабомаи (Хапомандзе), включая острова Сусио, Юри, Акиюри, Сибоцу и Тараку, а также остров Шикотан»^{405}.

Япония могла избежать вступления СССР в войну, а также атомной бомбардировки, своевременно приняв содержащиеся в Потсдамской декларации союзников условия капитуляции и объявив о прекращении военных действий. В связи с этим очевидна ответственность правительства милитаристской Японии за последовавшие события, принесшие неоправданные новые жертвы.

Факты истории свидетельствуют о том, что окончательное решение о капитуляции японское правительство приняло только после вступления в войну СССР. Это признавалось в Японии. В императорском рескрипте «К солдатам и матросам» Хирохито, не упоминая атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, указал: «Теперь, когда в войну против нас вступил и Советский Союз,

продолжать сопротивление... означает поставить под угрозу саму основу существования нашей империи».

Война против Японии принесла новые дополнительные жертвы, на которые наша страна шла для достижения окончательной победы во Второй мировой войне и обеспечения мира и безопасности азиатских народов.

Глава IX.

Долгий путь к миру

Громыко говорит «нет»

В конце 40-х гг. ситуация на Дальнем Востоке принципиально изменилась — бывшие союзники по антигитлеровской коалиции становились непримиримыми противниками. По мере все большего осложнения советско-американских отношений и перехода к политике открытой «холодной войны» в Вашингтоне поставили задачу превратить Японию в дальневосточный бастион борьбы против Советского Союза и его союзников. После образования в 1949 г. Китайской Народной Республики государственный секретарь США Д. Ачесон в январе 1950 г. призвал «восстановить Японию как один из основных барьеров против коммунизма в Азии»^{406}. В одной из американских работ тогдашняя ситуация описывалась следующим образом: «...В этих условиях США отчаянно нуждались в союзнике на Дальнем Востоке, который был бы достаточно сильным, чтобы обеспечить некоторую местную поддержку в деле защиты от распространения коммунизма в этом районе... Таким образом, через два года после окончания войны наиболее опасный противник США стал превращаться в их главного союзника в Азии».

В известной степени ответом на создание КНДР и КНР было участие США в войне с Кореей, в которой Япония активно использовалась как тыловая база американской армии. В нарушение принятой в 1947 г. послевоенной конституции Японии американские власти встали на путь воссоздания японских вооруженных сил. С другой стороны, правительство США изыскивало возможность обойти 12-й пункт Потсдамской декларации о выводе в результате урегулирования с Японией всех иностранных войск с ее территории, чего настойчиво добивался СССР. В Вашингтоне стремились заключить с Японией мирный договор на условиях сохранения в стране американского военного присутствия и определяющего экономического и политического влияния. Скорейшее подписание подобного договора было необходимо американцам еще и потому, что в широких слоях японского народа росли антиамериканские настроения, усиливались протесты против затянувшегося оккупационного режима. Командующий американскими войсками в Японии генерал Макартур в

своих донесениях в Вашингтон особо подчеркивал, что продолжение оккупации «может навсегда посорить США с Японией»^{407}.

Впервые штаб Макартура предложил заключить мирный договор с Японией еще в 1947 г. после принятия в стране новой конституции. Однако предложенный проект договора носил явно проамериканский характер, что вызвало возражения не только Советского Союза, но и других союзных держав. Победа коммунистов в гражданской войне в Китае подтолкнула администрацию США форсировать предоставление Японии формальной независимости с тем, чтобы превратить ее в полноценного военного союзника по борьбе с коммунизмом в Азии. Социалистические страны открыто объявлялись противниками США и Японии, от которых надо было якобы обороняться. В мае 1950 г. генерал Макартур обнародовал новую концепцию обороны: «...Теперь Тихий океан превратился в англосаксонское озеро, и наша линия обороны проходит через цепь островов, окаймляющих берега Азии. Эта цепь берет свое начало с Филиппинских островов, продолжается архипелагом Рюкю, в который входит главный остров Окинава, затем она, поворачивая назад, проходит через Японию, Алеутские острова и Аляску»^{408}. Премьер-министр Японии С. Ёсида не возражал против пристегивания своей страны к военной стратегии США. Он заявлял: «Мы тоже ведем борьбу с коммунизмом, и у нас есть очень опасный враг на севере»^{409}. Японское правительство втайне от народа обращалось к американцам с просьбой оставить в Японии свои войска и после заключения мирного договора.

1 декабря 1949 г. Госдепартамент США объявил, что американское и английское правительства приступили к разработке и согласованию проекта мирного договора с Японией. При этом появилась информация о том, что одновременно планируется заключить и соглашение об «обеспечении обороны Японии», то есть японо-американский военно-политический союз. По замыслам Пентагона мирный договор должен был формально юридически оформить существование «фактического мира», на деле сохраняя оккупационный режим. Зная о решительном сопротивлении советского правительства вовлечению Японии в военную стратегию США на Дальнем Востоке, американцы стали изучать возможность заключения мирного договора с Японией без участия СССР. В феврале 1950 г. руководитель дипломатической секции штаба Макартура, впоследствии заместитель помощника госсекретаря

США У. Себолд заявил, что «необходим очень решительный маневр, а именно заключение сепаратного мира с Японией без участия России»^{410}. Эту позицию разделяли в Госдепартаменте США. Нетрудно было привлечь на свою сторону и связанное с США определенными договорными обязательствами японское правительство. Выступая в парламенте, премьер-министр Ёсида явно с американских слов заявил, что мирный договор с участием СССР и КНР якобы невозможен. Заметим, что это происходило тогда, когда премьер получил от штаба Макартура директиву о формировании так называемых японских «оборонительных сил» в количестве 75 тыс. человек и отрядов морской охраны в составе 8 тыс. человек. Одновременно японское министерство иностранных дел разрабатывало совместно со штабом Макартура проект японо-американского военного соглашения.

Участие СССР в подготовке мирного договора могло сорвать эти замыслы. Это вынуждало спешить с заключением сепаратной сделки с Японией. Американцы сознательно создавали такие условия, при которых Советский Союз не смог бы принять участие в конференции, созываемой для заключения мирного договора. Расчет был на то, что после подписания 14 февраля 1950 г. Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи с КНР советское правительство не согласится с таким урегулированием с Японией, которое предусматривало бы одновременное заключение японо-американского военного союза, открыто нацеленного против СССР и КНР.

Как уже отмечалось, творцы американской внешней политики с самого начала поставили задачу отстранить СССР от процесса послевоенного урегулирования с Японией. Инициативы Советского Союза по этому вопросу неизменно отвергались. Так, когда в ноябре 1947 г. на заседании Совета министров иностранных дел великих держав в Лондоне представитель СССР предложил созвать очередную сессию этой организации в Китае и обсудить вопрос о мирном урегулировании с Японией, американское правительство выступило с возражениями. И не случайно, ведь планы США находились в «принципиальном противоречии с позицией СССР, который в рамках урегулирования настаивал на принятии мер против возрождения милитаризма в Японии, ее перевооружения. Д. Ачесон с раздражением признавал: «...Коммунисты доставляли нам больше всего

неприятностей. Их оппозиция любой идее была непримиримой. Ее можно было только игнорировать».

Однако полностью игнорировать СССР при подготовке мирного договора с Японией американцы не посмели — этому могли воспротивиться даже ближайшие союзники США, не говоря уж о странах—жертвах японской агрессии. Поэтому 26 октября советскому представителю в ООН в порядке ознакомления были переданы американские соображения о характере будущего мирного договора. Вносилось предложение о сохранении в Японии на неопределенное время американских войск для поддержания «международного мира и безопасности». Предлагалось также передать японские острова Рюкю и Бонин под опеку ООН, а фактически под управление США. Подвергался пересмотру давно решенный союзными державами вопрос о принадлежности островов Тайвань и Пенхуледао (Пескадорские острова) Китаю, а Южного Сахалина и Курильских островов — Советскому Союзу.^{411}.

В ноте от 20 ноября 1950 г., а затем в переданном американцам 7 мая 1951 г. документе «Замечания по проекту США мирного договора с Японией» советское руководство поставило вопрос о сроках вывода с территории Японии всех оккупационных войск, осудило попытки Вашингтона, игнорируя международные соглашения о послевоенном урегулировании с Японией, установить в этой стране угодные США порядки, не допустить к работе мирной конференции главных жертв японской агрессии — КНР и КНДР. Вопрос о приглашении к подписанию мирного договора представителей Китайской Народной Республики приобретал принципиальное значение. Общая позиция СССР и КНР в этом вопросе была зафиксирована в Договоре о дружбе, союзе и взаимной помощи. Стороны договорились «в порядке взаимного согласия добиваться заключения в возможно более короткий срок совместно с другими союзными во время Второй мировой войны державами мирного договора с Японией». При этом предусматривалось, что стороны будут едины в стремлении «воспрепятствовать возрождению японского империализма и повторению агрессии со стороны Японии или какого-либо другого государства, которое бы объединилось с Японией в актах агрессии».^{412}. Против намерения заключить с Японией сепаратный

мирный договор наряду с СССР выступили КНР, КНДР, Демократическая Республика Вьетнам, Индия, Индонезия, Бирма.

Назначенный в начале 1950 г. главой американской миссии по заключению мирного договора с Японией Дж. Даллес не скрывал намерения отстранить СССР от разработки положений мирного договора. На одной из пресс-конференций он прямо заявил: «Как вы знаете, СССР настаивает, чтобы любая дискуссия в отношении будущего Японии проводилась Советом министров иностранных дел, который предусматривает право “вето”. Япония же должна сама сделать выбор и взять на себя ответственность за оборону страны против угрозы косвенной агрессии»^{413}. Подобная риторика о мифической «косвенной агрессии» понадобилась для того, чтобы прикрыть очевидное намерение превратить Японские острова в военный плацдарм, необходимый для осуществления жандармских функций американских войск на Дальнем Востоке. В перспективе планировалось создать под эгидой США некий тихоокеанский «пакт безопасности», с включением в него Японии.

Конференция для подписания мирного договора была назначена на 4 сентября 1951 г., местом церемонии подписания был избран Сан-Франциско. Речь шла именно о церемонии, ибо какого-либо обсуждения и внесения поправок в составленный Вашингтоном и одобренный Лондоном текст договора не допускалось. Для того чтобы проштамповать англо-американскую заготовку, был подобран состав участников подписания, в основном из стран проамериканской ориентации. Было создано «механическое большинство» из стран, с Японией не воевавших. В Сан-Франциско приглашались представители 21 латиноамериканского, 7 европейских, 7 африканских государств. Страны же, много лет сражавшиеся с японскими агрессорами и больше всех пострадавшие от них, на конференцию допущены не были. Не получили приглашения КНР, КНДР, ДРВ, Монгольская Народная Республика. В знак протеста против игнорирования интересов азиатских стран при послевоенном урегулировании, в частности по проблеме выплаты Японией репараций, отказались направить в Сан-Франциско своих представителей Индия и Бирма. С требованиями репараций выступили также Индонезия, Филиппины, Голландия. Создавалась абсурдная ситуация, когда вне процесса мирного урегулирования с Японией оказалось большинство воевавших с ней

государств. По сути дела, это был бойкот Сан-Францисской конференции. Однако американцев это не смущало — они твердо и открыто взяли курс на заключение сепаратного договора и рассчитывали, что в сложившейся ситуации Советский Союз присоединится к бойкоту, предоставив США и их союзникам полную свободу действий. Однако эти расчеты не оправдались. Советское правительство решило использовать трибуну Сан-Францисской конференции для разоблачения сепаратного характера договора и выдвижения требования «заключения с Японией такого мирного договора, который действительно отвечал бы интересам мирного урегулирования на Дальнем Востоке и содействовал укреплению всеобщего мира».

Направлявшаяся в сентябре 1951 г. на Сан-Францисскую конференцию советская делегация во главе с А.А. Громько имела директивные указания ЦК ВКП(б) «главное внимание сосредоточить на вопросе о приглашении Китайской Народной Республики к участию в конференции». При этом китайское руководство было проинформировано о том, что без удовлетворения этого требования советское правительство подписывать составленный американцами документ не будет. 12 августа 1951 г. МИД СССР направил послу в Пекине Н.В. Рошину следующее указание: «Посетите Чжоу Эньлая и сообщите ему, что Вам поручено информировать правительство КНР о том, что Советское правительство решило направить свою делегацию на созываемую 4 сентября с. г. в Сан-Франциско конференцию по мирному договору с Японией. Советское правительство считает, что Советскому Союзу было бы трудно отказаться от участия в указанной конференции, так как такой отказ может быть расценен общественным мнением как нежелание Советского Союза иметь нормальные отношения с Японией. Советские представители примут участие в Сан-Францисской конференции и будут добиваться, чтобы были приняты предложения Советского Союза. Само собой разумеется, что на конференции нашей делегацией будет поставлен вопрос об обязательном приглашении представителей Китайской Народной Республики, без участия которой не может быть заключен мирный договор с Японией. О ходе конференции правительство Китайской Народной Республики будет нами информироваться»^{414}.

Директивами предусматривалось добиваться внесения поправок по территориальному вопросу. СССР выступил против того, что правительство США вопреки подписанным ими международным соглашениям фактически отказывалось признать в договоре суверенитет СССР над территориями Южного Сахалина и Курильских островов. «Проект находится в грубом противоречии с обязательствами в отношении этих территорий, взятыми на себя США и Англией по Ялтинскому соглашению», — заявил на Сан-Францисской конференции Громыко. Объясняя отрицательное отношение к американо-английскому проекту мирного договора, представитель СССР указал:

1. Проект не содержит никаких гарантий против восстановления японского милитаризма, превращения Японии в агрессивное государство. Проект не содержит гарантий обеспечения безопасности стран, пострадавших от агрессии милитаристской Японии. Проект создает условия для возрождения японского милитаризма, угрозу повторения японской агрессии.

2. Проект договора фактически не предусматривает вывода оккупационных иностранных войск. Наоборот, он закрепляет пребывание на территории Японии иностранных вооруженных сил и содержание иностранных военных баз в Японии и после подписания мирного договора.

Под предлогом самообороны Японии проект предусматривает участие Японии в агрессивном военном союзе с Соединенными Штатами.

3. Проект договора не только не предусматривает обязательств Японии не вступать ни в какие коалиции, направленные против любого из государств, участвовавших в войне с милитаристской Японией, но, наоборот, расчищает дорогу для участия Японии в агрессивных блоках на Дальнем Востоке, создаваемых под эгидой США.

4. Проект договора не содержит никаких положений о демократизации Японии, об обеспечении демократических прав японскому народу, что создает прямую угрозу возрождения довоенных фашистских порядков в Японии.

5. Проект договора грубо нарушает законные права китайского народа на неотъемлемую часть Китая — Тайвань (Формозу), Пескадорские, Парасельские острова и другие территории, отторгнутые от Китая в результате японской агрессии.

6. Проект договора противоречит тем обязательствам, которые взяли на себя США и Великобритания по Ялтинскому соглашению о возвращении Сахалина и о передаче Курильских островов Советскому Союзу.

7. Многочисленные экономические постановления рассчитаны на то, чтобы закрепить за иностранными, в первую очередь американскими, монополиями приобретенные ими в период оккупации привилегии. Японская экономика ставится в кабальную зависимость от этих иностранных монополий.

8. Проект фактически игнорирует законные требования государств, пострадавших от японской оккупации, о возмещении Японией понесенного ими ущерба. Вместе с тем, предусматривая возмещение ущерба непосредственно трудом японского населения, он навязывает Японии кабальную форму репараций.

9. Американо-английский проект является не договором мира, а договором подготовки новой войны на Дальнем Востоке.^{415}

Позицию СССР поддержали не только союзные Польша и Чехословакия, но и ряд арабских стран — Египет, Саудовская Аравия, Сирия и Ирак, представители которых потребовали исключить из текста договора указание на то, что иностранное государство может содержать на японской земле свои войска и военные базы. «Египет, территория которого до сих пор оккупирована иностранными вооруженными силами, — заявил египетский представитель, — прекрасно понимает, что, пока территория Японии оккупирована союзными войсками, не будут созданы условия свободы»^{416}.

Хотя шансов на то, что американцы прислушаются к мнению Советского Союза и солидарных с ним стран, было немного, на конференции на весь мир прозвучали соответствовавшие договоренностям и документам военного времени предложения советского правительства, которые сводились к следующему.

По статье 2.

а) Вместо пунктов «b» и «f» включить пункт в следующей редакции: «Япония признает полный суверенитет Китайской Народной Республики над Маньчжурией, островом Тайванем (Формоза) со всеми прилегающими к нему островами, над островами Пенхуледао (Пескадорскими), островами Дуишацуньдао (о-ва Иратас), а также над островами Сишацуньдао и Чжуншацуньдао (о-ва Парасельские,

группа Анфитриты и банка Макксилфилд) и островами Наньшацоньдао, включая о-в Спратли, и отказывается от всех прав, правооснова- ний и претензий на названные в этой статье территории».

б) Пункт «с» изложить в следующей редакции:

«Япония признает полный суверенитет Союза Советских Социалистических Республик на южную часть острова Сахалина, со всеми прилегающими к ней островами, и на Курильские острова и отказывается от всех прав, правооснований и претензий на эти территории».

По статье 3.

Изложить статью в следующей редакции:

«Суверенитет Японии будет распространяться на территорию, состоящую из островов Хонсю, Кюсю, Сикоку, Хоккайдо, а также Рюкю, Бонин, Розарио, Волкано, Парес-Вела, Маркус, Цусима и другие острова, входившие в состав Японии до 7 декабря 1941 г., за исключением тех территорий и островов, которые указаны в ст. 2».

По статье 6.

Пункт «а» изложить в следующей редакции:

«Все вооруженные силы Союзных и Соединенных Держав будут выведены из Японии в возможно короткий срок, и, во всяком случае, не более чем в 90 дней со дня вступления в силу настоящего договора, после чего ни одна из Союзных или Соединенных Держав, а также никакая другая иностранная держава не будут иметь своих войск или военных баз на территории Японии»...

9. Новая статья (в главу III).

«Япония обязуется не вступать ни в какие коалиции или военные союзы, направленные против какой-либо Державы, принимавшей участие своими вооруженными силами в войне против Японии»...

13. Новая статья (в главу III).

1. «Проливы Лаперуза (Соя) и Нэмуру по всему японскому побережью, а также Сангарский (Цугару) и Цусимский должны быть демилитаризованы. Эти проливы будут всегда открыты для прохода торговых судов всех стран.

2. Проливы, указанные в пункте 1 настоящей статьи, должны быть открыты для прохода лишь тех военных судов, которые принадлежат державам, прилегающим к Японскому морю».

Было также высказано предложение о созыве специальной конференции по вопросу о выплате Японией репараций «с обязательным участием стран, подвергшихся японской оккупации, а именно КНР, Индонезии, Филиппин, Бирмы, и с приглашением на эту конференцию Японии».

Советская делегация обратилась к участникам конференции с просьбой обсудить эти предложения советского правительства. Однако США и их союзники отказались вносить в проект какие-либо изменения и 8 сентября поставили его на голосование. В этих условиях советское правительство было вынуждено заявить об отказе подписывать мирный договор с Японией на американских условиях. Не поставили свои подписи под договором также представители Польши и Чехословакии.

Отклонив предложенные советским правительством поправки о признании Японией полного суверенитета СССР и КНР над перешедшими к ним в соответствии с договоренностями членов антигитлеровской коалиции территориями, составители текста мирного договора не смогли вовсе не учитывать ялтинские и потсдамские соглашения. В текст договора было включено положение о том, что «Япония отказывается от всех прав, правооснований и претензий на Курильские острова и на ту часть острова Сахалин и прилегающих к нему островов, суверенитет над которыми Япония приобрела по Портсмутскому договору от 5 сентября 1905 г.». Включая этот пункт в текст договора, американцы отнюдь не стремились «безусловно удовлетворить претензии Советского Союза», как об этом говорилось в Ялтинском соглашении. Напротив, есть немало свидетельств того, что США сознательно вели дело к тому, чтобы и в случае подписания СССР Сан-Францисского договора противоречия между Японией и Советским Союзом сохранялись.

Следует отметить, что идея использовать заинтересованность СССР в возвращении Южного Сахалина и Курильских островов для привнесения раздоров между СССР и Японией существовала в Государственном департаменте США еще со времени подготовки Ялтинской конференции. В разработанных для Рузвельта материалах особо отмечалось, что «уступка Советскому Союзу южнокурильских островов создаст ситуацию, с которой Японии будет трудно примириться... Если эти острова будут превращены в форпост

(России), для Японии возникнет постоянная угроза»^{417}. В отличие от Рузвельта администрация Трумэна решила воспользоваться ситуацией и оставить вопрос об Южном Сахалине и Курильских островах как бы в «подвешенном состоянии».

Протестуя против этого, Громыко заявил, что «при решении территориальных вопросов в связи с подготовкой мирного договора не должно быть никаких неясностей». США же, будучи заинтересованы в недопущении окончательного и всеобъемлющего урегулирования советско-японских отношений, стремились именно к таким «неясностям». Как можно иначе расценить американский курс на то, чтобы, включив в текст договора отказ Японии от Южного Сахалина и Курильских островов, в то же время не допустить признания Японией суверенитета СССР над этими территориями? В результате усилиями США создавалась странная, если не сказать абсурдная, ситуация, когда Япония отказывалась от указанных территорий как бы вообще, без четкого определения, в чью пользу совершается этот отказ. И это происходило тогда, когда Южный Сахалин и все Курильские острова в соответствии с Ялтинским соглашением и другими документами уже были официально включены в состав СССР. Конечно же, не случайно американские составители договора предпочли не перечислять в его тексте поименно все Курильские острова, от которых отказывалась Япония, сознательно оставляя для японского правительства возможность предъявить претензии на их часть, что и было сделано в последующий период. Это было настолько очевидно, что правительство Великобритании даже попыталось, хотя и безуспешно, воспрепятствовать столь явному отходу от договоренности «большой тройки» — Рузвельта, Сталина и Черчилля — в Ялте.

В меморандуме британского посольства Государственному департаменту США от 12 марта 1951 г. указывалось: «В соответствии с Ливадийским (Ялтинским) соглашением, подписанным 11 февраля 1945 г., Япония должна уступить Советскому Союзу Южный Сахалин и Курильские острова». В американском ответе англичанам было заявлено: «США считают, что точное определение пределов Курильских островов должно стать предметом двустороннего соглашения между японским и советским правительствами или должно быть юридически установлено Международным судом»^{418}. Занятая США позиция противоречила изданному 29 января 1946 г.

Меморандуму главнокомандующего войсками союзных держав генерала Макартура японскому императорскому правительству, в котором указывалось, что из-под юрисдикции государственной или административной власти Японии исключаются все находящиеся к северу от Хоккайдо острова, в том числе «группа островов Хабомаи (Хапомандзё), включая острова Сусио, Юри, Акиюри, Сибоцу и Тараку, а также остров Сикотан (Шикотан)»^{419}. Ради закрепления Японии на проамериканских антисоветских позициях Вашингтон был готов предать забвению основополагающие документы военного и послевоенного периода.

Это нашло свое подтверждение при ратификации Сан-Францисского договора. Тогда, 20 марта 1952 г., сенат США во всеуслышание заявил: «Предусматривается, что условия договора не будут означать признания за Россией каких бы то ни было прав или претензий на территории, принадлежавшие Японии на 7 декабря 1941 года, которые наносили бы ущерб правам и правооснованиям Японии на эти территории, равно как не будут признаваться какие бы то ни были положения в пользу России в отношении Японии, содержащиеся в Ялтинском соглашении». Тем самым американские сенаторы росчерком пера «отменили» соглашение глав великих держав о переходе Южного Сахалина и Курильских островов к Советскому Союзу. Причина такого волюнтаристского решения состояла не столько в трогательной заботе об интересах своего недавнего заклятого врага — Японии, сколько в намерении попытаться, «вернув» эти территории Японии, использовать их для нужд военной машины США в ходе Корейской войны и при осуществлении других авантюр на Дальнем Востоке.

В день подписания сепаратного мирного договора в клубе сержантского состава американской армии был заключен японо-американский «договор безопасности», означавший сохранение военно-политического контроля США над Японией. Согласно статье I этого договора, японское правительство предоставляло США «право размещать наземные, воздушные и морские силы в Японии и вблизи нее». Иными словами, территория страны на договорной основе превращалась в плацдарм, с которого американские войска могли совершать военные операции против соседних азиатских государств. Ситуация усугублялась тем, что из-за своекорыстной политики

Вашингтона эти государства, в первую очередь СССР и КНР, оставались в состоянии войны с Японией, что не могло не сказываться на международной обстановке в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Современные японские историки и политики расходятся в оценках содержащегося в тексте мирного договора отказа Японии от Южного Сахалина и Курильских островов. Одни требуют отмены этого пункта договора и возвращения всех Курильских островов вплоть до Камчатки. Другие пытаются доказать, что южнокурильские острова (Кунашир, Итуруп, Хабомаи и Шикотан) не входят в понятие «Курильские острова», от которых Япония отказалась в Сан-Францисском договоре. Сторонники последней версии утверждают: «...Не подлежит сомнению, что по Сан-Францисскому мирному договору Япония отказалась от южной части Сахалина и Курильских островов. Однако адресат принадлежности этих территорий определен в этом договоре не был... Советский Союз отказался подписать Сан-Францисский договор. Следовательно, это государство с юридической точки зрения не имеет права извлекать для себя преимущества из этого договора... Если бы Советский Союз подписал и ратифицировал Сан-Францисский мирный договор, это, вероятно, усилило бы среди государств—участников договора мнение об обоснованности позиции Советского Союза, заключавшейся в том, что южная часть Сахалина и Курильские острова принадлежат Советскому Союзу»^{420}. Однако в действительности в 1951 г., как будет показано ниже, официально зафиксировав в Сан-Францисском договоре свой отказ от этих территорий, Япония еще раз подтвердила свое согласие с условиями безоговорочной капитуляции, оговорив лишь право претендовать на острова Хабомаи и Шикотан.

Отказ советского правительства поставить подпись под Сан-Францисским мирным договором подчас и в нашей стране трактуется как ошибка Сталина, проявление негибкости его дипломатии, ослабившие позиции СССР в отстаивании прав на владение Южным Сахалином и Курильскими островами. На наш взгляд, подобные оценки свидетельствуют о недостаточном учете специфики тогдашней международной обстановки. Мир вступил в длительный период «холодной войны», которая, как показала война в Корее, в любой момент могла перерасти в «горячую». Для Сталина в тот период отношения со своим военным союзником — Китаем были важнее отношений с окончательно перешедшей на сторону США Японией. К

тому же, как показали последовавшие события, подпись СССР под предложенным американцами текстом мирного договора не гарантировала безоговорочного признания Японией суверенитета Советского Союза над Курильскими островами. Добиваться этого предстояло на прямых советско-японских переговорах.

«Не поверил своим ушам»

Заключение военного союза между Японией и США серьезно затруднило послевоенное советско-японское урегулирование. Односторонним решением американского правительства были ликвидированы Дальневосточная комиссия и Союзный совет для Японии, через которые СССР стремился оказывать влияние на процессы демократизации японского государства. В стране усиливалась антисоветская пропаганда. Советский Союз вновь стал рассматриваться как потенциальный военный противник. Однако японские правящие круги сознавали, что отсутствие нормальных отношений со столь крупным и влиятельным государством, как СССР, не позволяет вернуть страну в мировое сообщество, препятствует взаимовыгодной торговле, обрекает Японию на жесткую привязку к США, серьезно ограничивает самостоятельность внешней политики. Без нормализации отношений с СССР трудно было рассчитывать на вступление Японии в ООН, установление дипломатических отношений с социалистическими странами, в первую очередь с КНР.

Неурегулированность отношений с Японией не отвечала интересам и Советского Союза, ибо не позволяла налаживать торговлю с быстро восстанавливавшим экономическую мощь дальневосточным соседом, затрудняла сотрудничество в столь важной для обеих стран отрасли экономики, как рыболовство, препятствовала контактам с японскими демократическими организациями и как следствие этого способствовала все большему вовлечению Японии в антисоветскую политическую и военную стратегию США. Односторонняя ориентация на США вызывала недовольство в японском народе. Все большее число японцев из различных слоев стали требовать проведения более независимой внешней политики, нормализации отношений с соседними социалистическими странами. В 1952 г. в Японии был учрежден Комитет по развитию японо-советской торговли, а с 1954 г. стал активно действовать Национальный совет за нормализацию отношений с СССР и КНР. Образованная в январе 1955 г. Ассоциация японо-советской торговли объединяла уже около 60 промышленных и торговых компаний.

В значительной степени благодаря поддержке набравшего силу движения за восстановление отношений с СССР на парламентских выборах осенью 1954 г. победила Демократическая партия во главе с Итиро Хатоямой. Этот политик с националистических позиций открыто выступал за переход Японии к новому внешнеполитическому курсу. В своей программной речи в парламенте в качестве премьер-министра страны Хатояма заявил, что важнейшей задачей страны является как можно более быстрое достижение полной самостоятельности и независимости. В обстановке расширения в стране антивоенного движения резонанс в обществе вызвал его призыв развивать торговлю с социалистическими странами как наиболее эффективный метод для устранения недоверия и предотвращения новой войны.

«Я уверен, что мы все вздохнем с облегчением и наша страна получит новые возможности для процветания, когда будут установлены связи с Советским Союзом, Китаем и другими странами, с которыми у нас нет еще дипломатических отношений, когда разовьется наша торговля с ними, когда между нами будут установлены отношения не вражды, а мирного сотрудничества, когда будет налажен обмен взаимонеобходимыми товарами, когда, наконец, будут установлены между нашими странами отношения мира... Я ни на минуту не сомневаюсь, что здесь, и только здесь лежит столбовая дорога ко всеобщему миру», — заявил Хатояма под бурные аплодисменты депутатов парламента^{421}.

В Советском Союзе сочли момент благоприятным, и министр иностранных дел СССР Молотов 11 сентября в ответах японскому журналисту заявил о готовности своей страны «нормализовать отношения с Японией, имея в виду, что со стороны Японии будет проявлена такая же готовность». Для начала министр предложил обсудить вопрос об «обмене официальными торговыми миссиями на условиях равноправия и взаимности».

После окончания войны объем советско-японской торговли был незначительным — 8,5 млн. рублей в 1949 г. С началом войны в Корее торговля между двумя странами практически полностью прекратилась — в 1952 г. товарооборот составил всего 0,5 млн. рублей. Поэтому предложение Москвы не могло остаться без реакции с японской стороны, которая понимала ущербность ориентации в международной торговле главным образом на США.

Сигнал Молотова был услышан, и в январе 1955 г. новый премьер-министр Японии выразил готовность проявить инициативу в вопросе прекращения состояния войны с Советским Союзом и восстановления дипломатических и торгово-экономических отношений. Однако не все в кабинете Хатоямы соглашались на кардинальное улучшение отношений с СССР. Проамерикански настроенная группировка во главе с министром иностранных дел М. Сигэмицу была против полномасштабных переговоров с советским правительством и скорейшего восстановления дипломатических отношений. Находились и такие, кто с подачи американцев пытался объяснять предложения СССР о нормализации советско-японских отношений стремлением «вбить клин между Японией и США». Противниками переговоров выступили лидеры Либеральной партии Японии — ее председатель Т. Огата заявил, что переговоры с СССР — «игра с огнем», а генеральный секретарь этой партии Х. Икэда договорился до того, что «это равносильно поджогу отчего дома». Их поддержали председатель Федерации экономических организаций Японии Т. Исидзака и его единомышленники из числа крупных бизнесменов, заявлявшие, что восстановление дипломатических отношений с Советским Союзом приведет к тому, что, «с одной стороны, Япония откроет двери коммунизму, а с другой — породит напряженность в отношениях с США».

Однако политическая атмосфера в стране была не в пользу крайне правых. Опасаясь идти наперекор общественному мнению, реакционные политики избрали тактику затягивания переговоров путем выдвижения к Советскому Союзу неприемлемых требований. В этом их поддерживала американская администрация, представители которой недвусмысленно намекали на возможность пересмотра курса на помощь Японии в восстановлении экономики страны.

В создавшейся обстановке советское правительство сочло своевременным проявить инициативу с целью усилить позиции сторонников скорейшей нормализации отношений, внося предложение о начале прямых советско-японских переговоров. В начале 1955 г. представитель СССР в Японии обратился с таким предложением «к министру иностранных дел М. Сигэмицу. Однако министр уклонился от переговоров. Тогда 25 января по поручению Москвы лично Хатояме было сообщено, что «советская сторона полагает целесообразным

обменяться мнениями по вопросу о возможных шагах, направленных к нормализации советско-японских отношений». Была выражена готовность назначить представителей для переговоров, которые можно было бы провести в Москве или Токио-^{422}.

После продолжительных дебатов о месте проведения встреч дипломатов двух стран был достигнут компромисс — полномочные делегации должны были прибыть в Лондон. 3 июня в здании посольства СССР в английской столице начались советско-японские переговоры о прекращении состояния войны, заключении мирного договора и восстановлении дипломатических и торговых отношений. Советскую делегацию возглавлял известный дипломат Я.А. Малик, в годы войны являвшийся послом СССР в Японии, а затем в ранге заместителя министра иностранных дел представителем Советского Союза в ООН. С 1953 по 1960 г. он представлял СССР в Великобритании. Во главе японской правительственной делегации был близкий к премьер-министру Хатояме японский дипломат в ранге посла Сюнъити Мацумото. В своей вступительной речи глава японской делегации отметил, что «прошло почти 10 лет с того дня, когда, к сожалению, между обоими государствами возникло состояние войны. Японский народ от души желает разрешения ряда открытых вопросов, возникших за эти годы, и нормализации отношений между обоими государствами». На следующей встрече Мацумото зачитал меморандум, который японская сторона предлагала положить в основу предстоящих переговоров. В этом меморандуме МИДом Японии выдвигались следующие условия восстановления отношений между обеими странами: передача Японии Курильских островов и Южного Сахалина, возвращение на родину осужденных в Советском Союзе японских военных преступников и положительное разрешение вопросов, связанных с японским рыболовством в северо-западной части Тихого океана, а также содействие приему Японии в ООН и др.^{423}. При этом японская сторона не скрывала, что основной упор в ходе переговоров будет делаться на «разрешение территориальной проблемы».

Позиция Советского Союза состояла в том, чтобы, подтвердив уже состоявшиеся итоги войны, создать условия для всестороннего взаимовыгодного развития двусторонних отношений во всех областях. Об этом свидетельствовал предложенный 14 июня 1955 г. советской

делегацией проект советско-японского мирного договора. Он предусматривал прекращение состояния войны между обеими странами, восстановление между ними официальных отношений на основе равенства, взаимного уважения территориальной целостности и суверенитета, невмешательства во внутренние дела и ненападения; подтверждал и конкретизировал действующие международные соглашения в отношении Японии, подписанные союзниками во время Второй мировой войны. В проекте предусматривались последующие переговоры сторон о заключении отдельных договоров и конвенций о торговле и мореплавании, рыболовстве, культурном сотрудничестве, консульских отношениях и по другим практическим вопросам советско-японского сотрудничества. Советский Союз отказывался от репарационных претензий к Японии и обязался поддержать ее просьбу о приеме в ООН^{424}.

Соглашалось советское правительство рассмотреть и просьбу о досрочном освобождении и репатриации осужденных в СССР японских военных преступников. Таким образом, Советский Союз, проявляя добрую волю, шел на удовлетворение практически всех просьб и пожеланий японской стороны. Камнем преткновения оставался лишь вопрос о необоснованных территориальных претензиях японского правительства. Этот вопрос требует особого рассмотрения.

Как указывалось выше, в Сан-Францисском мирном договоре японское правительство официально отказалось от Южного Сахалина и Курильских островов. Однако впоследствии, ссылаясь на то, что СССР не подписал этот договор и в договоре не указано, в чью пользу произошел отказ, появились утверждения об отсутствии окончательного решения о принадлежности этих территорий. Однако обязательность для Японии предусматривавшего переход Южного Сахалина и Курильских островов к Советскому Союзу Ялтинского соглашения вытекает из Сан-Францисского договора, в котором зафиксировано, что Япония признает все решения и все договоры союзников периода Второй мировой войны, а следовательно, и Ялтинского соглашения. Неправомерными являются и утверждения о «незаконной аннексии» этих территорий, ибо в Каирской и Потсдамской декларациях, а затем и в Сан-Францисском договоре подтверждался принцип международного права о возможности ограничения территориального суверенитета государства-агрессора в

качестве меры наказания за осуществленную агрессию. Сознавая это, японские защитники подсудимых на Токийском процессе в заключительной речи со всей определенностью заявили: «Если Япония была побеждена в войне, вся нация должна испытывать на себе последствия этого. Она должна в зависимости от обязательств платить репарации, или возместить ущерб, или должна быть лишена своей территории»^{425}.

Видимо, из этого исходил и представлявший Японию на Сан-Францисской конференции премьер-министр Ёсида, который в своей речи высказал претензии своей страны только на острова Хабомаи и Шикотан, выделив их из Курильской гряды. Проблема трактовки географического понятия «Курильские острова» возникла при ратификации Сан-Францисского договора в парламенте Японии. От имени японского правительства разъяснения депутатам давал заведующий договорным департаментом МИДа Японии Нисимура Кумао. 6 октября 1951 г. он сделал в палате представителей парламента следующее заявление: «Поскольку Японии пришлось отказаться от суверенитета на Курильские острова, она утратила право голоса на окончательное решение вопроса об их принадлежности. Так как Япония по мирному договору согласилась отказаться от суверенитета над этими территориями, данный вопрос, в той мере, в какой он имеет к ней отношение, является разрешенным»^{426}. Еще более определенно позиция японского МИДа, а значит, и правительства, была сформулирована К. Нисимурой 19 октября 1951 г. на заседании специального комитета по вопросу ратификации Сан-Францисского мирного договора палаты представителей японского парламента, когда он заявил: «Территориальные пределы архипелага Тисима (Курильских островов. — *А.К.*) о которых говорится в договоре, включают в себя как Северные Тисима, так и Южные Тисима»^{427}. Таким образом, при ратификации японским парламентом Сан-Францисского мирного договора высший законодательный орган японского государства констатировал факт отказа Японии от всех островов Курильской гряды.

После подписания Сан-Францисского мирного договора в политическом мире Японии существовал консенсус по поводу того, что территориальные претензии к СССР следует ограничить лишь двумя островами, а именно Хабомаи и Шикотан. Это было зафиксировано, например, в совместной парламентской резолюции всех политических

партий Японии от 31 июля 1952 г. В резолюции перед правительством страны ставилась задача добиваться возвращения оккупированных Соединенными Штатами Окинавы, островов Огасавара и некоторых других, а также островов Хабомаи и Шикотан^{428}. [3] Правительство Японии было согласно с мнением парламентариев. Премьер-министр Ёсида, как отмечалось, настаивал на том, чтобы только острова Хабомаи и Шикотан не причислялись к Курильским островам, от прав на которые Япония отказывалась; в отношении же островов Итуруп и Кунашир со стороны премьера таких возражений не выдвигалось. Более того, на конференции он дал этим территориям следующее определение: «Два острова в южной части Тисима, называемые Итуруп и Кунашир...»

В Лондоне же японская делегация, выполняя директиву правительства, предъявила претензии на «острова Хабомаи, Шикотан, архипелаг Тисима (Курильские острова) и южную часть острова Карафуто (Сахалин)». В предложенном японской стороной проекте соглашения было записано: «1. На территориях Японии, оккупированных Союзом Советских Социалистических Республик в результате войны, в день вступления в силу настоящего Договора, будет полностью восстановлен суверенитет Японии. 2. Войска и государственные служащие Союза Советских Социалистических Республик, находящиеся в настоящее время на указанных в пункте 1 настоящей статьи территориях, должны быть выведены в возможно более короткий срок, и, во всяком случае, не позднее чем по истечении 90 дней со дня вступления в силу настоящего Договора».

Однако вскоре в Токио поняли, что эта попытка коренным образом ревизовать итоги войны обречена на провал и приведет лишь к обострению двусторонних отношений с СССР. Это могло сорвать переговоры о репатриации осужденных японских военнопленных, достижение договоренности по вопросам рыболовства, заблокировать решение вопроса о принятии Японии в ООН. Поэтому японское правительство было готово для достижения согласия ограничить свои территориальные претензии южной частью Курил, заявив, что она якобы не подпадает под действие Сан-Францисского мирного договора. Это было явно надуманное утверждение, ибо на японских картах довоенного и военного времени южнокурильские острова входили в

географическое и административное понятие Тисима, то есть Курильский архипелаг.

Стремясь получить поддержку этой новой позиции со стороны подписавших Сан-Францисский договор ведущих государств мира, в октябре 1955 г. японское правительство обратилось к правительствам США, Великобритании и Франции с дипломатическим запросом. Правительствам этих государств предлагалось ответить на вопрос: «Существует ли у вас понимание того, что в “Курильские острова”, о которых говорится в Сан-Францисском договоре, не включаются острова Кунашир и Итуруп?» Поддержку своей позиции Япония получила только от Вашингтона. Великобритания и Франция же в своих официальных ответах, по существу, отказались согласиться с ничем не обоснованным вариантом толкования Сан-Францисского мирного договора^{429}.

Выдвигая так называемый «территориальный вопрос», японское правительство давало себе отчет в иллюзорности надежд на какие-либо серьезные компромиссы со стороны Советского Союза. Скорее всего, расчет был на то, чтобы использовать территориальные претензии как разменную карту для выторговывания уступок СССР по другим спорным проблемам послевоенного урегулирования. Об этом, в частности, свидетельствовала полученная Мацумото инструкция, которой он должен был придерживаться при обсуждении территориального вопроса.

Инструкция предусматривала три этапа: «Сначала требовать передачи Японии Южного Сахалина и всех Курильских островов с расчетом на дальнейшее обсуждение; затем, несколько отступив, добиваться уступки Японии “южных Курильских островов” по “историческим причинам” и, наконец, настаивать как минимум на передаче Японии островов Хабомаи и Шикотан, сделав это требование непременным условием успешного завершения переговоров».

О том, что конечной целью дипломатического торга были именно Хабомаи и Шикотан, неоднократно говорил сам японский премьер-министр. Так, во время беседы с советским представителем в январе 1955 г. Хатояма заявил, что «Япония будет настаивать во время переговоров на передаче ей островов Хабомаи и Сикотан». Ни о каких других территориях речи не было. Отвечая на упреки со стороны оппозиции, Хатояма подчеркивал, что нельзя смешивать вопрос о

Хабомаи и Шикотане с вопросом о всех Курильских островах и Южном Сахалине, который был решен Ялтинским соглашением. Премьер неоднократно давал понять, что Япония, по его мнению, не вправе требовать передачи ей всех Курил и Южного Сахалина и что он ни в коей мере не рассматривает это как неперемное предварительное условие для нормализации японо-советских отношений. Хатояма признавал также, что, поскольку Япония отказалась от Курильских островов и Южного Сахалина по Сан-Францисскому договору, у нее нет оснований требовать передачи ей этих территорий^{430}. Демонстрируя свое недовольство такой позицией Токио, правительство США отказалось в марте 1955 г. принять в Вашингтоне японского министра иностранных дел. Началось беспрецедентное давление на Хатояму и его сторонников с тем, чтобы воспрепятствовать японо-советскому урегулированию. В этих условиях советское правительство стремилось сбалансировать свою твердую позицию по территориальному вопросу компромиссами и уступками по другим проблемам двусторонних отношений.

Кроме территориального к трудным проблемам переговоров относился вопрос о репатриации осужденных военных преступников. Среди таких осужденных, по японским данным находилось 1016 бывших военнопленных и 357 гражданских лиц. Сначала советское правительство заверило японскую сторону в том, что осужденные будут амнистированы и досрочно освобождены после восстановления дипломатических отношений. Однако японские представители на переговорах настоятельно требовали незамедлительной репатриации еще в ходе переговоров. Учитывая, что вопрос о возвращении на родину оставшихся военнопленных широко использовался Хатоямой и его сторонниками для обоснования необходимости начала мирных переговоров с СССР и исходя из соображений гуманности, советское правительство пошло навстречу японским пожеланиям. Осуществлявшаяся в ходе переговоров репатриация осужденных, по мнению советской стороны, должна была способствовать достижению договоренности по поводу других проблем и скорейшему подписанию мирного договора. Однако японцы, видимо, расценили этот жест доброй воли как уступку под давлением, а потому вознамерились «дожимать» советское руководство и по территориальному вопросу.

На переговорах в Лондоне незримо присутствовали американцы. Дело доходило до того, что чиновники Госдепартамента заставляли руководство японского МИДа знакомить их с советскими нотами, дипломатической перепиской, с докладами делегации и инструкциями Токио о тактике ведения переговоров. На это в доверительных беседах с советскими дипломатами сетовали японские переговорщики.

Советские участники переговоров сообщали из Лондона, что «С. Мацумото, члены и советники японской делегации давали понять, что территориальный вопрос, вопрос о международных обязательствах и военных союзах Японии, а также пункт проекта мирного договора о режиме прохода военных судов через японские проливы — все это были области, по которым Япония не могла принимать самостоятельных решений без согласования с США. Эти вопросы фактически были изъяты Соединенными Штатами из ведения правительства Японии»^{431}.

Подобная «откровенность» японцев, с одной стороны, преследовала цель возложить ответственность за возможный срыв переговоров на американцев, а с другой, убедить советское правительство в том, что заключить мирный договор возможно лишь на условиях, которые будут устраивать не только японцев, но и американцев. В обстановке, когда провал переговоров еще больше оттолкнул бы Японию от СССР в сторону США, тогдашний руководитель Советского Союза Н.С. Хрущев вознамерился «организовать прорыв», предложив компромиссное решение территориального спора. Стремясь вывести переговоры из тупика, он дал указание главе советской делегации предложить вариант, по которому Москва соглашалась передать Японии острова Хабомаи и Шикотан, но только после подписания мирного договора.

Сообщение о готовности советского правительства на передачу Японии находящихся поблизости от Хоккайдо островов Хабомаи и Шикотан было сделано 9 августа в неофициальной обстановке в ходе беседы Малика с Мацумото в саду японского посольства в Лондоне. При этом не менее существенным было заявление советского посла о том, что «советская сторона не ставит условием нормализации советско-японских отношений и заключения мирного договора отказ Японии от ее обязательств, вытекающих из имеющихся у нее международных договоров»^{432}. В переводе с дипломатического языка

советское правительство соглашалось не связывать проблему заключения советско-японского мирного договора с союзническими отношениями Японии с США, в частности с вопросом об использовании японских проливов американскими военными кораблями.

Столь серьезное изменение советской позиции весьма удивило японцев и даже вызвало растерянность. Как признавал впоследствии глава японской делегации Мацумото, когда он впервые услышал предложение советской стороны о готовности передать Японии острова Хабомаи и Шикотан, то «сначала не поверил своим ушам», а «в душе очень обрадовался»^{433}. И это неудивительно. Ведь, как показано выше, возврат именно этих островов ставился в задачу японскому правительству. К тому же, получая Хабомаи и Шикотан, японцы на законных основаниях расширяли свою зону рыболовства, что было весьма важной целью нормализации японо-советских отношений. Казалось, что после столь щедрой уступки переговоры должны были быстро завершиться успехом. Однако, как отмечалось выше, 16 августа Токио представил свой проект договора, 5-й пункт которого предусматривал «возвращение» Японии не только всех Курил, но и Южного Сахалина. Более того, японское правительство выдвигало претензии на некие «права» на рыболовство в районах, прилегающих к территориальным водам СССР. Было очевидно, что предъявление абсолютно неприемлемых для СССР требований было инспирировано США и преследовало цель сорвать переговоры.

То, что было выгодно японцам, не устраивало американцев. США открыто воспротивились заключению между Японией и СССР мирного договора на предложенных советской стороной условиях. Оказывая сильное давление на кабинет Хатоямы, американское правительство не останавливалось перед прямыми угрозами. Госсекретарь США Дж. Даллес в октябре 1955 г. в ноте правительству Японии предупредил, что расширение экономических связей и нормализация отношений с СССР «может стать препятствием для осуществления программы помощи Японии, разрабатываемой правительством США». Впоследствии он «строго-настрого наказал послу США в Японии Аллисону и его помощникам не допустить успешного завершения японо-советских переговоров»^{434}.

Вопреки расчетам Хрущева вывести переговоры из тупика не удалось. Линия премьер-министра Хатоямы на то, чтобы «сначала прекратить состояние войны, а затем решать неурегулированные вопросы», встречала упорное сопротивление со стороны не только американцев, но и антисоветски настроенных сторонников бывшего премьера Ёсиды, которые, кроме всего прочего, вознамерились превратить так называемую «территориальную проблему» в средство политической борьбы за власть в стране. С другой стороны, несвоевременное и недостаточно обдуманное решение Хрущева пойти на территориальные уступки Японии привело к противоположному результату. Как это бывало и раньше в российско-японских отношениях, Токио воспринял предложенный компромисс не как щедрый жест доброй воли, а как сигнал для ужесточения предъявляемых Советскому Союзу территориальных требований. Принципиальную оценку самовольных действий Хрущева дал один из членов советской делегации на лондонских переговорах С.Л. Тихвинский: «Я.А. Малик, остро переживая недовольство Хрущева медленным ходом переговоров, и, не посоветовавшись с остальными членами делегации, преждевременно высказал в этой беседе с Мацумото имевшуюся у делегации с самого начала переговоров утвержденную Политбюро ЦК КПСС (т. е. самим Н.С. Хрущевым) запасную позицию, не исчерпав до конца на переговорах защиту основной позиции. Его заявление вызвало сперва недоумение, а затем радость и дальнейшие непомерные требования со стороны японской делегации... Решение Н.С. Хрущева отказаться в пользу Японии от суверенитета над частью Курильских островов было необдуманным, волюнтаристическим актом... Уступка Японии части советской территории, на которую без разрешения Верховного Совета СССР и советского народа пошел Хрущев, разрушала международно-правовую основу ялтинских и потсдамских договоренностей и противоречила Сан-Францисскому мирному договору, в котором был зафиксирован отказ Японии от Южного Сахалина и Курильских островов...»^{435}.

Свидетельством того, что японцы решили дожидаться дополнительных территориальных уступок от советского правительства, было прекращение лондонских переговоров.

Фиаско Хрущева

С января начался второй этап лондонских переговоров, который из-за обструкции правительства США также не привел к какому-либо результату. 20 марта 1956 г. глава японской делегации был отозван в Токио и, к удовлетворению американцев, переговоры практически прекратились. Посол Мацумото при отъезде, желая смягчить сложившуюся ситуацию и, возможно, объяснить свое отбытие из Лондона не столько неуступчивостью Токио, сколько давлением извне, говорил на заключительном заседании: «...Стороны имеют большие успехи, что видно из того факта, что десять статей проекта мирного договора уже полностью согласованы. Стороны почти полностью пришли к общей точке зрения и по статье о торговле и мореплавании: за исключением нескольких уточнений. В целом же и эту статью можно считать согласованной. В связи с тем, что переговоры вступили в нынешнюю стадию, он, Мацумото, получил от своего правительства указание временно выехать в Токио для доклада правительству о ходе переговоров и получения новых инструкций по их дальнейшему ведению»^{436}. Столь вежливое и доброжелательное по форме объяснение мотивов прекращения переговоров не могло, конечно, прикрыть подлинную причину их срыва, которая состояла в невозможности для японского правительства самостоятельно, без вмешательства США, решать внешнеполитические вопросы.

Сам Мацумото остро переживал неспособность японской дипломатии действовать в интересах своей страны, а не заокеанского союзника. В своей критике японского МИДа он призывал реально оценивать происшедшие в мире изменения, отбросить обветшалые стереотипы. «Те, кто не любит Советский Союз, не освободились еще от своих впечатлений о нем времен Сталина. Нынешний Советский Союз представляет собой мощную индустриальную державу, обладающую современными видами вооружения, включая водородную бомбу и реактивные самолеты. С точки зрения национальной мощи он занимает по крайней мере второе место в мире. Совершенно не желая считаться с этими фактами, эти люди строят свои умозаключения исходя из того, каким был Советский Союз двадцать лет назад... Я

думаю, что именно здесь лежит корень всех ошибок японской дипломатии»^{437}, — заявлял Мацумото.

В Москве внимательно анализировали ситуацию и своими действиями стремились подтолкнуть японское руководство к пониманию насущной необходимости скорейшего урегулирования отношений с Советским Союзом, даже вопреки позиции США. Вывести переговоры из тупика помогли переговоры в Москве о рыболовстве в Северо-Западной части Тихого океана. 21 марта 1956 г. было опубликовано постановление Совета Министров СССР «Об охране запасов и регулировании промысла лососевых в открытом море в районах, смежных с территориальными водами СССР на Дальнем Востоке». Объявлялось, что в период нереста лососевых ограничивался их вылов как для советских, так и иностранных организаций и граждан. Это постановление вызвало в Японии переполох. В отсутствие дипломатических отношений с СССР было весьма трудно получать установленные советской стороной лицензии на лов лососевых и согласовывать объемы вылова. Влиятельные рыбопромышленные круги страны потребовали от правительства скорейшего разрешения возникшей проблемы, а именно до окончания путины. Не полагаясь на правительство, владельцы некоторых рыболовческих компаний стремились самостоятельно вступать в контакты с советскими представителями для достижения договоренности по условиям лова. Многие из них активно включились в движение общественности за скорейшее урегулирование отношений с Советским Союзом, в том числе в области рыболовства. Состоявшийся в апреле всеяпонский съезд рыбаков принял специальную резолюцию с требованием скорейшего восстановления отношений с СССР и заключения конвенции по рыболовству.

В те годы в рыболовной отрасли было занято около 1 млн. японцев. К тому же из-за введенных США и Канадой запретных для лова зон в открытом море именно северо-западная часть Тихого океана стала основным районом труда японских рыбаков. Опасаясь роста недовольства в стране затягиванием вопроса о восстановлении дипломатических и торгово-экономических отношений с СССР, японское правительство в конце апреля срочно направило в Москву министра сельского и лесного хозяйства Итиро Коно, которому надлежало на переговорах с советским правительством добиться

понимания возникших для Японии трудностей. В Москве Коно вел переговоры с первыми лицами государства и занимал конструктивную позицию, что позволило довольно быстро прийти к согласию. 14 мая была подписана двусторонняя Конвенция о рыболовстве и Соглашение по оказанию помощи людям, терпящим бедствие на море. Однако документы вступали в силу лишь в день восстановления дипломатических отношений. Это потребовало от японского правительства решения о скорейшем возобновлении переговоров о заключении мирного договора. Коно по своей инициативе предложил советским руководителям вернуться делегациям двух стран за стол переговоров.

Новый раунд переговоров проходил в Москве. Японскую делегацию возглавил министр иностранных дел Сигэмицу, который вновь стал убеждать собеседников в «жизненной необходимости для Японии» островов Кунашир и Итуруп. Однако советская сторона твердо отказалась вести переговоры по поводу этих территорий. Так как эскалация напряженности на переговорах могла привести к отказу советского правительства и от ранее сделанного обещания по поводу Хабомаи и Шикотана, Сигэмицу стал склоняться к прекращению бесплодной дискуссии и подписанию мирного договора на предложенных Хрущевым условиях. 12 августа министр сообщил в Токио, что «переговоры уже пришли к концу. Дискуссии исчерпаны. Все, что можно было сделать, сделано. Необходимо определить нашу линию поведения. Дальнейшая оттяжка способна лишь больно ударить по нашему престижу и поставить нас в неудобное положение. Не исключено, что вопрос о передаче нам Хабомаи и Сикотана будет поставлен под сомнение»^{438}.

И вновь грубо вмешались американцы. В конце августа, не скрывая своего намерения сорвать советско-японские переговоры, госсекретарь США Дж. Даллес пригрозил японскому правительству, что в случае, если по мирному договору с СССР Япония согласится признать советскими Кунашир и Итуруп, США навечно сохранят за собой остров Окинаву и весь архипелаг Рюкю. Для того чтобы поощрить японское правительство продолжать выдвижение неприемлемых для Советского Союза требований, США пошли на прямое нарушение Ялтинского соглашения. 7 сентября 1956 г. Госдепартамент направил правительству Японии меморандум, в

котором заявил, что США не признают никакого решения, подтверждающего суверенитет СССР над территориями, от которых Япония отказалась по мирному договору. Играя на националистических чувствах японцев и пытаясь представить себя чуть ли не защитниками государственных интересов Японии, чиновники Госдепартамента США изобрели следующую формулировку: «Правительство США пришло к заключению, что острова Итуруп и Кунашир (наряду с островами Хабомаи и Шикотан, которые являются частью Хоккайдо), всегда были частью Японии и должны по справедливости рассматриваться как принадлежащие Японии». Далее в ноте говорилось: «США рассматривали Ялтинское соглашение просто как декларацию об общих целях стран—участниц Ялтинского совещания, а не как имеющее законную силу окончательное решение этих держав по территориальным вопросам»^{439}. Смысл этой «новой» позиции США состоял и в том, что Сан-Францисский договор якобы оставил открытым территориальный вопрос, «не определив принадлежность территорий, от которых Япония отказалась». Тем самым под сомнение ставились права СССР не только на Южные Курилы, но и на Южный Сахалин и все Курильские острова. Это было прямое нарушение Ялтинского соглашения. Столь беспринципное поведение Госдепартамента США было продиктовано стремлением во что бы то ни стало не допустить нормализации и последующего развития японо-советских отношений, сохранить Японию в качестве «бастиона антикоммунизма на Дальнем Востоке».

Открытое вмешательство США в ход переговоров Японии с Советским Союзом, попытки угроз и шантажа японского правительства вызвали решительные протесты как оппозиционных сил страны, так и ведущих средств массовой информации. При этом критика звучала не только в адрес США, но и собственного политического руководства, которое безропотно следует указаниям Вашингтона. Однако зависимость, в первую очередь экономическая, от США была настолько велика, что японскому правительству было весьма трудно идти наперекор американцам. Тогда всю ответственность взял на себя премьер-министр Хатояма, который считал, что японо-советские отношения могут быть урегулированы на основе заключения мирного договора с последующим решением территориального вопроса. Несмотря на болезнь, он решил отправиться в Москву и подписать

документ о нормализации японо-советских отношений. Для того чтобы успокоить своих политических оппонентов по правящей партии, Хатояма пообещал после выполнения своей миссии в СССР оставить пост премьер-министра. 11 сентября Хатояма направил на имя председателя Совета Министров СССР письмо, в котором заявил о готовности продолжить переговоры о нормализации отношений с условием, что территориальный вопрос будет обсужден позднее. 2 октября 1956 г. кабинет министров санкционировал поездку в Москву японской правительственной делегации во главе с премьер-министром Хатоямой. В делегацию были включены И. Коно и С. Мацумото.

И все же жесткое давление со стороны США и антисоветских кругов в Японии не позволили добиться поставленной цели — заключить полномасштабный советско-японский мирный договор. К удовлетворению Госдепартамента США, правительство Японии ради прекращения состояния войны и восстановления дипломатических отношений согласилось подписать не договор, а советско-японскую совместную декларацию. Это решение было для обеих сторон вынужденным, ибо японские политики, оглядываясь на США, до последнего настаивали на передаче Японии, кроме Хабомаи и Шикотана, еще и Кунашира и Итурупа, а советское правительство решительно отвергало эти притязания. Об этом свидетельствуют, в частности, интенсивные переговоры Хрущева с министром Коно, которые продолжались буквально до дня подписания декларации.

Как уже отмечалось, предложение о передаче Японии Хабомаи и Шикотана было сделано по личному указанию Хрущева, который, однако, считал это «большой уступкой» Японии. В ходе состоявшихся 16, 17 и 18 октября 1956 г. бесед Хрущева с прибывшим в составе японской делегации министром сельского и лесного хозяйства Коно выяснилось, что японская сторона желала получить острова Хабомаи и Шикотан «немедленно, не связывая это с другими вопросами». То есть речь шла о том, чтобы СССР возвратил эти два острова безотносительно к вопросу о заключении мирного договора, а затем стороны обсуждали проблему принадлежности других Курильских островов. Хрущев же считал, что «передача Хабомаи и Шикотана представляет собой окончательное решение территориального вопроса». При этом он решительно отверг попытки выторговать у СССР другие территории. Хрущев заявил Коно 16 октября: «Японская

сторона хочет получить Хабомаи и Шикотан без заключения мирного договора и решить впоследствии какие-то другие, не известные нам, территориальные вопросы, которых в действительности не существует. Советское правительство хочет как можно скорее договориться с Японией, и оно не использует территориальный вопрос для торга. Но я должен еще раз совершенно определенно и категорически заявить, что никаких претензий Японии по территориальному вопросу, кроме Хабомаи и Шикотан, мы принимать не будем и отказываемся обсуждать какие бы то ни было предложения в этом отношении... Мы не можем и не пойдем ни на какие дальнейшие уступки. Хабомаи и Шикотан можно было бы передать Японии по мирному договору, но с передачей указанных островов территориальный вопрос целиком и полностью следует считать разрешенным».

Хрущев не скрывал своего намерения использовать нормализацию советско-японских отношений для внесения противоречий между Токио и Вашингтоном, в частности по территориальному вопросу, и по возможности для ослабления американского влияния на политику Японии. С этой целью он настаивал на том, чтобы передача островов Хабомаи и Шикотан «последовала после заключения мирного договора и после того, как США передадут Японии Окинава и другие исконно японские территории, которые захвачены США». Советский лидер убеждал собеседника: «Г-н Коно должен понять, что наше предложение дает фактическое и юридическое право Японии вести борьбу за возвращение Окинава и других территорий. Я знаю, что в Японии есть проамериканская группа, которая недовольна нашими переговорами, но с этим можно и не считаться. Главное заключается в том, что в итоге решения вопроса по нашему варианту Япония получит возможность оказать сильное давление на США. Имейте в виду, что без борьбы вам не вернуть ваших территорий, находящихся в руках американцев».

Отвечая на вопрос Коно, «согласно ли Советское правительство вернуть нам Кунашир и Итуруп, если Соединенные Штаты уйдут с Окинавы», Хрущев заявил: «Кунашир и Итуруп здесь совершенно ни при чем, вопрос о них давно решен. Экономически эти территории не имеют никакого значения. Наоборот, они нам приносят сплошной убыток и ложатся тяжелым бременем на бюджет. Но тут играют решающую роль соображения престижа страны, а также стратегическая сторона дела». Разгадав намерение Хрущева разыграть «американскую

карту» и опасаясь бурной реакции США, Коно высказал настоятельную просьбу удалить из представленного советской стороной проекта соглашения упоминание о передаче Соединенными Штатами Японии островов Окинава. В конце концов Хрущев был вынужден с этим согласиться.

На беседе с Хрущевым 18 октября Коно предложил следующий вариант соглашения: «Япония и СССР согласились на продолжение после установления нормальных дипломатических отношений между Японией и СССР переговоров о заключении Мирного Договора, включающего территориальный вопрос.

При этом СССР, идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая интересы японского государства, согласился передать Японии острова Хабомаи и Сикотан с тем, однако, что фактическая передача этих островов Японии будет произведена после заключения Мирного Договора между Японией и СССР».

Хрущев заявил, что советская сторона в общем согласна с предложенным вариантом, но просит исключить выражение «включающего территориальный вопрос». Как бы в качестве компенсации он сообщил о согласии снять ту часть советского проекта, где говорилось о передаче Японии Окинавы и других территорий. Просьбу снять упоминание «территориального вопроса» Хрущев объяснил следующим образом: «...Если оставить указанное выражение, то можно подумать, что между Японией и Советским Союзом, кроме Хабомаи и Сикотан, есть еще какой-то территориальный вопрос. Это может привести к кривотолкам и неправильному пониманию документов, которые мы намерены подписать»^{440}. Хотя Хрущев называл свою просьбу «замечанием чисто редакционного характера», в действительности речь шла о принципиальном вопросе, а именно о фактической согласии Японии с тем, что территориальная проблема будет ограничена вопросом о принадлежности только островов Хабомаи и Шикотан. На следующий день 18 октября Коно сообщил Хрущеву: «После консультации с премьер-министром И. Хатояма мы решили принять предложение г-на Хрущева об исключении слов “включающего территориальный вопрос”». В результате 19 октября 1956 г. была подписана Совместная декларация Союза Советских Социалистических Республик и Японии, в 9-м пункте которой СССР соглашался на «передачу Японии островов Хабомаи и острова Сикотан

с тем, однако, что фактическая передача этих островов Японии будет произведена после заключения Мирного Договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией».

Одновременно с совместной декларацией был подписан протокол, в котором устанавливалось, что до заключения договоров или соглашений, предусмотренных статьей 7 декларации (отношения в области торговли, торгового мореплавания и другие коммерческие взаимоотношения), обе стороны приложат все возможные усилия с целью развития торговли между обоими государствами, для чего предоставят друг другу режим наиболее благоприятствуемой нации в отношении всех видов таможенных пошлин, сборов, таможенных формальностей, а также в отношении судов каждой из договаривающихся сторон в портах. Тем самым закладывалась основа будущего торгового договора, значительного расширения торгово-экономического сотрудничества двух соседних народов.

27 ноября совместная декларация единогласно была ратифицирована палатой представителей японского парламента, а 2 декабря при 3 голосах против — палатой советников. 8 декабря ратификацию совместной декларации и других документов утвердил император Японии. В тот же день она была ратифицирована Президиумом Верховного Совета СССР. Затем 12 декабря 1956 г. в Токио состоялась церемония обмена грамотами, что означало вступление совместной декларации и прилагаемого к ней протокола в силу.

После ратификации совместной декларации из Москвы в Сахалинскую область были направлены разъяснения по поводу предстоящей, как тогда считалось, передачи островов Хабомаи и Шикотан под японскую юрисдикцию. Одновременно подтверждалась линия на развертывание хозяйственного развития остальных островов Курильской гряды. Это свидетельствовало о готовности тогдашнего советского правительства выполнить достигнутые договоренности. Однако США в ультимативной форме потребовали отказаться от заключения советско-японского мирного договора на условиях совместной декларации. После отставки кабинета Хатоямы новый кабинет министров Японии возглавил Т. Исибаси, а спустя три месяца его сменил проамерикански настроенный Нобусукэ Киси. Хотя сначала он заявлял в парламенте о намерении заключить мирный договор с

СССР, затем, уступая давлению США, стал уходить от переговоров по этому вопросу. Для «обоснования» этой позиции вновь были выдвинуты требования вернуть Японии четыре южнокурильских острова. Это был явный отход от положений совместной декларации. Советское же правительство действовало в строгом соответствии с достигнутыми договоренностями. СССР отказался от получения репараций с Японии, согласился досрочно освободить отбывавших наказание японских военных преступников, поддержал просьбу Японии о приеме в ООН.

В соответствии с условиями совместной декларации 6 декабря 1957 г. были подписаны советско-японский торговый договор и соглашения о товарообороте и платежах. Следует отметить, что это был первый за всю историю советско-японских отношений документ такого рода. Он предоставлял каждой из сторон режим наиболее благоприятствуемой нации. Срок договора был определен в пять лет. Результат не замедлил сказаться — в 1958 г. обіuarf сумма товарооборота между двумя странами составила 40 млн. долларов: вдвое больше, чем в 1957 г. В следующем, 1959 г. товарооборот составил уже 63 млн. долларов, превысив показатели предыдущего года в полтора раза. Важное значение для дальнейшего торгово-экономического сотрудничества имел визит летом 1961 г. в Японию первого заместителя председателя Совета Министров СССР А.И. Микояна. Затем СССР посетила делегация представителей крупнейших японских компаний во главе с президентом машиностроительного концерна «Комацу сэйсакудзё» И. Каваи. Эти визиты во многом способствовали заключению впоследствии соглашения о товарообороте и платежах на 1963—1965 гг., предусматривавшее увеличение объема японо-советской торговли за три года до 700 млн. рублей. Новой формой сотрудничества стала так называемая «прибрежная торговля», открывшая прямой обмен товарами между портами советского Дальнего Востока и западного побережья Японии^{441}.

Результаты торгово-экономического и культурного сотрудничества двух соседних народов могли быть еще более впечатляющими, если бы не сознательное противодействие японских заокеанских противников советско-японского добрососедства. Достаточно сказать об обструкции антисоветских сил заключению между двумя странами культурного соглашения, с предложением подписания которого выступило советское

правительство в июне 1958 г. В этом вопросе также проявилось давление Вашингтона, не заинтересованного в знакомстве японцев с подлинным образом Советского Союза и его народа. Вскрывая подоплеку отказа правительства подписывать соглашение, японские газеты писали, что «аппарат министерства иностранных дел крайне пассивно относится к вопросу о заключении культурного соглашения, считая, что развитие связей с СССР в области культуры может принести социальный вред», «если бы Япония пошла на заключение культурного соглашения с СССР, то она навлекла бы на себя недоверие со стороны стран свободного мира (читай — США. — А. К.)»^[442].

Весьма негативное воздействие на двусторонние политические отношения оказывал курс кабинета Киси на дальнейшее вовлечение Японии в военную стратегию США на Дальнем Востоке. Заключение в 1960 г. направленного против СССР и Китайской Народной Республики нового японо-американского Договора безопасности еще более осложнило разрешение вопроса о линии прохождения границы между Японией и СССР, ибо в сложившейся военно-политической обстановке «холодной войны» любые территориальные уступки Японии способствовали бы расширению территории, используемой иностранными войсками. К тому же укрепление военного сотрудничества Японии с США было весьма болезненно воспринято лично Хрущевым. Он был возмущен действиями Токио, расценил их как оскорбление, неуважение его усилий, направленных на нахождение компромисса по территориальному вопросу. Провалился и план Хрущева по «отрыву» Японии от США.

Реакция советского лидера была бурной. По его указанию МИД СССР 27 января 1960 г. направил правительству Японии памятную записку, в которой указал, что «только при условии вывода всех иностранных войск с территории Японии и подписания мирного договора между СССР и Японией острова Хабомаи и Шикотан будут переданы Японии, как это было предусмотрено Совместной декларацией СССР и Японии от 19 октября 1956 года». На это Токио ответил: «Правительство Японии не может одобрить позицию Советского Союза, выдвинувшего новые условия осуществления положений Совместной декларации по территориальному вопросу и пытающегося тем самым изменить содержание декларации. Наша страна будет неотступно добиваться возвращения нам не только

островов Хабомаи и о-ва Сикотан, но также и других исконных японских территорий».

Отношение японской стороны к Совместной декларации 1956 г. сводится к следующему: «В ходе переговоров о заключении мирного договора между Японией и Советским Союзом в октябре 1956 года высшие руководители обоих государств подписали Совместную декларацию Японии и СССР, по которой стороны договорились продолжить переговоры о мирном договоре и нормализовали межгосударственные отношения. Несмотря на то что в результате этих переговоров Советский Союз согласился “передать Японии группу островов Хабомаи и остров Шикотан”, на возвращение острова Кунашир и острова Итуруп согласия СССР получено не было.

Совместная декларация Японии и Советского Союза 1956 года представляет собой важный дипломатический документ, который был ратифицирован парламентами каждого из этих государств. Этот документ равен по своей юридической силе договору. Она не является документом, содержание которого можно было бы изменить только одним уведомлением. В Совместной декларации Японии и СССР было ясно записано, что Советский Союз “соглашается передать Японии группу островов Хабомаи и остров Шикотан”, и эта передача не сопровождалась никакими условиями, которые бы представляли собой оговорку...»^{443}.

С подобной трактовкой смысла совместной декларации можно было бы согласиться, если бы не одно важное «но». Японская сторона не желает признавать очевидное — указанные острова по соглашению могли стать объектом передачи только после заключения мирного договора. И это являлось главным и неременным условием. В Японии же почему-то решили, что вопрос о Хабомаи и Шикотане уже решен, а для подписания мирного договора якобы надо решить еще и вопрос о Кунашире и Итурупе, на передачу которых советское правительство никогда не соглашалось. Такая противоречащая содержанию совместной декларации позиция является новым, дополнительным условием Токио. Эта позиция была изобретена в 50—60-е гг. теми силами, которые, задались целью, выдвигая заведомо неприемлемые для Москвы условия, на долгие годы заблокировать процесс заключения японо-советского мирного договора.

Для оправдания нежелания окончательно урегулировать двусторонние отношения японское правительство поощряло нагнетание в стране антисоветских настроений, открыто обвиняло СССР в «захвате исконно японских земель». Из средств государственного бюджета и «пожертвований» крупного бизнеса формировался фонд для финансирования шумной кампании «за возвращение северных территорий», под которыми понимались находящиеся в составе Советского Союза южнокурильские острова Кунашир, Итуруп, Хабомаи и Шикотан. Началась «картографическая агрессия» — на всех географических картах Японии, включая школьные, эти острова, а подчас и все Курилы стали закрашиваться в цвет японской территории. При этом Южный Сахалин оставался незакрашенным как якобы «спорная территория». О том, что претензии на южнокурильские острова лишь первый шаг, свидетельствовало опубликованное в октябре 1961 г. так называемое «единое мнение» правящей Либерально-демократической партии. В этом документе утверждалось, что «острова Хабомаи и Сикотан являются частью Хоккайдо», острова Кунашир и Итуруп принадлежат Японии, а «вопрос о Южном Сахалине и северных Курильских островах должна решать международная конференция заинтересованных стран».

Характеризуя избранную официальным Токио политику в отношении СССР, профессор Калифорнийского университета этнический японец Ц. Хасэгава отмечает: «Изменения, которые наступили в годы “холодной войны”, произошли не в советско-японских отношениях, они произошли в отношениях США и СССР, когда союзники в годы войны стали врагами, а США и Япония, которые были врагами во время войны, стали союзниками... Цель США состояла в том, чтобы вовлечь Японию в свою глобальную стратегию... США стремились избежать антиамериканизма и национализма... Проблема северных территорий позволила встроить Японию в глобальную стратегию США и, отводя японский национализм от себя, направить его против Советского Союза... Фактически после восстановления дипломатических отношений с Москвой можно сказать, что у Токио не было внешней политики на советском направлении — только “политика северных территорий”... Проблема северных территорий выполняла роль клапана для стравливания пара в международных отношениях на Дальнем Востоке. С этой точки зрения

было важно, чтобы территориальный спор оставался нерешенным. Отсюда жесткая позиция Японии с требованиями немедленного возвращения всех островов и отказ обсуждать предложения о передаче части территорий»^{444}.

Политический курс на нагнетание недружественных настроений в отношении СССР путем эксплуатации искусственно созданной «проблемы северных территорий» во многом определил последующие политические отношения двух государств. Однако заблокировать контакты двух народов-соседей не удалось — расширение связей и объективной информации друг о друге способствовало ослаблению антисоветских предрассудков, росту взаимного интереса к достижениям в области науки, техники, культуры. Расширялся межпартийный, профсоюзный, молодежный обмен, связи по линии обществ дружбы, научных и учебных коллективов. В годы начавшейся разрядки международной напряженности советская и японская общественность находились в первых рядах борцов за недопущение новой мировой войны, прекращение локальных вооруженных конфликтов, ядерное разоружение.

Глава X.

На исходе «холодной войны»

Япония как «непотопляемый авианосец» США

Несмотря на укрепление и расширение военного союза с США, в 60—70-е гг. японское правительство считало важным развивать контакты и с соседним Советским Союзом. Увеличивалась двусторонняя внешняя торговля, заключались соглашения об экономическом сотрудничестве, между Москвой и Токио было открыто регулярное авиасообщение.

Важной вехой в развитии советско-японских отношений стал состоявшийся в октябре 1973 г. официальный визит в СССР премьер-министра Японии Какуэй Танаки. В ходе переговоров на высшем уровне было выражено обоюдное удовлетворение по поводу того, что с момента восстановления дипломатических отношений на основе Совместной декларации 1956 г. советско-японские отношения получили благоприятное развитие, в частности, значительно продвинулись в политической, экономической и культурной областях. Стороны подтвердили свое намерение прилагать усилия для дальнейшего развития отношений между СССР и Японией. Как отмечалось в Совместном советско-японском заявлении, подписанном 10 октября 1973 г., «сознавая, что урегулирование нерешенных вопросов, оставшихся со времени мировой войны, и заключение мирного договора внесут вклад в установление подлинно добрососедских и дружественных отношений между обеими странами, стороны провели переговоры по вопросам, касающимся содержания мирного договора». Была достигнута договоренность продолжить переговоры о заключении мирного договора. При этом стороны выступили за то, чтобы разрешение двусторонних проблем проходило в обстановке «взаимного понимания и доверия».

Серьезное внимание в ходе переговоров в Москве было уделено расширению экономических связей между Советским Союзом и Японией. Было признано желательным осуществление экономического сотрудничества между обеими странами в возможно более широких областях на основе принципов взаимной выгоды и равенства. Было достигнуто единство мнений о необходимости форсировать сотрудничество в экономической области, в том числе в связи с разработкой природных ресурсов Сибири. При этом было подчеркнуто,

что развитие деловых отношений между Советским Союзом и Японией не направлено против каких-либо других государств, не преследует цели нанести ущерб каким-либо интересам последних, а, напротив, при добросовестном выполнении достигнутых договоренностей может быть одним из примеров сотрудничества стран с различным общественно-политическим строем.

Однако позитивные изменения в советско-японских отношениях не устраивали представителей тех политических кругов Японии, которые солидаризировались с глобальной политикой США, сделавших в середине 70-х гг. ставку на возврат к «холодной войне», отказ от разрядки в пользу противоборства и конфронтации. Для обоснования нежелания строить с СССР отношения на основе мира и взаимовыгодного экономического сотрудничества вновь был поднят «территориальный вопрос». Параллельно разыгрывалась «китайская карта». Негативное влияние на советско-японские отношения оказало включение в подписанный в августе 1978 г. японо-китайский договор о мире и дружбе направленного против СССР положения о «противодействии усилиям любой третьей страны (или группы стран) установить гегемонию в Азиатско-Тихоокеанском регионе». Соглашаясь с подобной формулировкой, японское правительство рассчитывало оказать давление на Советский Союз с тем, чтобы вынудить его на территориальные и иные уступки ради недопущения объединения Японии с Китаем в «едином антисоветском блоке». Тогда Москва вынуждена была заявить в ООН о своей озабоченности проявлением в японской политике «настораживающих тенденций».

Начало 80-х гг. было отмечено дальнейшим ухудшением советско-японских отношений. Задавшись целью укрепить глобальные позиции в противоборстве с лагерем социализма, администрация США потребовала от своего дальневосточного союзника ужесточения политики в отношении Москвы. Поводом для развертывания широкомасштабного наступления на СССР был использован ввод в Афганистан контингента советских войск.

29 декабря 1979 г. министр иностранных дел Японии С. Окита выступил с заявлением о поддержке линии Вашингтона на свертывание процесса разрядки, развертывание очередного витка гонки вооружений. МИД Японии разработал секретный доклад, в котором формулировалась задача добиваться «согласования позиций Западной

Европы, США и Японии в отношении СССР». Было заявлено, что Япония должна присоединиться к санкциям в отношении Советского Союза, наращивать свои вооруженные силы в целях более равномерного распределения «бремени обороны» западного мира^{445}. Было объявлено об «общности судеб» Японии и США, повышении роли Японии в глобальной военной стратегии США. Для обоснования этого курса была развернута массированная пропагандистская кампания вокруг надуманного тезиса о «возрастании советской угрозы». Японцев убеждали, что «Афганистан — это лишь одна из жертв советского экспансионизма», в числе которых может оказаться и Япония. Солидаризируясь с администрацией США, японское правительство сократило политические контакты с СССР, приняло решение о торможении развития экономического сотрудничества, сдерживании культурных и туристических связей. Следуя за США, Япония отказалась от участия в Московской Олимпиаде 1980 г.

В безапелляционной форме были отвергнуты предложения советского правительства о заключении Договора о добрососедстве и сотрудничестве. При этом депутаты от правящей Либерально-демократической партии Японии договаривались до того, что представляли предложенный советской стороной проект такого договора как ...«первый шаг к захвату Японии»^{446}.

Один из японских советологов Х. Кимура признавал: «Если бы даже не произошли Афганские события, то все равно рано или поздно японо-советские отношения зашли бы в тупик, ибо позиции Японии и СССР, как и прежде, коренным образом отличались: СССР требовал заключения “Советско-японского договора о добрососедстве и сотрудничестве” без включения в него положений по территориальной проблеме, а для Японии смысл имели лишь переговоры о заключении “мирного договора” при условии возвращения четырех северных островов... Тот факт, что сам Афганистан, заключивший именно Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве с Советским Союзом, оказался объектом военной интервенции со стороны СССР, содействовал укреплению решимости Японии окончательно отказаться от заключения “Советско-японского договора о добрососедстве и сотрудничестве”... В этом смысле Афганские события стали для японского правительства как бы спасительным священным ветром “Камикадзэ”»^{447}. Иными словами, афганские события были

использованы как удобный повод для осуществления ранее спланированного курса на ужесточение позиции в отношении СССР, развертывания широкого пропагандистского наступления, направленного на дискредитацию советских мирных инициатив.

С этой целью было использовано также обострение внутривосточной обстановки в Польше. Японские средства массовой информации заполнялись материалами, «предсказывавшими» скорое военное вторжение СССР в это государство. Различные японские организации при поощрении правительства открыто оказывали моральную и материальную помощь антикоммунистическому профсоюзному объединению «Солидарность». Все это добавляло напряженности в советско-японские отношения.

Одновременно для мобилизации японского населения на поддержку курса на нагнетание антисоветских настроений была активизирована кампания «за возвращение северных территорий». Эта нацеленная на переход к Японии южнокурильских островов пропагандистская кампания после официального учреждения в стране в 1981 г. «дня северных территорий — 7 февраля» приобрела характер государственной. Цель «дня северных территорий» состояла в том, чтобы «вплоть до окончательного возвращения Японии Северных территорий проводить в этот день специальные мероприятия, направленные на то, чтобы подтвердить свою решимость добиваться возвращения Северных территорий»^{448}. Одновременно во всех префектурах Японии были созданы «Префектуральные советы по вопросам возвращения северных территорий», участились поездки для «осмотра северных территорий» членами кабинета министров и даже премьер-министром Японии.

Столь явно провокационные действия официального Токио вызвали решительный протест советского правительства. 16 февраля 1981 г. в заявлении МИДа СССР обращалось внимание правительства Японии на то, что кампания территориальных притязаний к Советскому Союзу «в последнее время приобретает граничащий с враждебностью в отношении нашей страны характер» и что такие шаги японского правительства «могут квалифицироваться лишь как сознательно направленные на ухудшение советско-японских отношений»^{449}. Председатель Совета Министров СССР Н. Тихонов со всей определенностью заявил: «Мы неоднократно, в том числе на самом

высоком уровне, заявляли, что в наших отношениях нет такой темы, как якобы нерешенный “территориальный вопрос”... Утверждать же, что Советский Союз признал существование “территориального вопроса”, — значит преднамеренно извращать нашу позицию и вводить в заблуждение общественность Японии. Такие действия японской стороны отнюдь не приближают перспективу достижения договоренности по мирному договору»^{450}.

В связи с этим следует отметить, что правительство СССР не отказывалось продолжить переговоры о заключении между двумя странами мирного договора. Так, в 1977 г. Л. Брежнев отмечал: «В совместном советско-японском заявлении от 10 октября 1973 г. была зафиксирована договоренность продолжить переговоры о заключении мирного договора. Советский Союз готов, если, разумеется, с японской стороны не будет выдвигаться неприемлемых условий, довести это важное для наших стран дело до конца. При трезвом подходе японской стороны к реальностям, сложившимся в итоге Второй мировой войны, это можно было бы сделать — и сделать быстро»^{451}. Это было и ответом на утверждения японской стороны о якобы «признании» Брежневым существования «нерешенной территориальной проблемы». Отвергая подобное толкование Совместного заявления 1973 г., советская сторона определяла его как «одностороннее и неверное».

Таким образом, в первой половине 80-х гг. позиция правительства СССР состояла в том, что в советско-японских отношениях отсутствует какая-либо «нерешенная территориальная проблема». Поэтому задачей-минимум японского правительства являлось побудить советское руководство по крайней мере признать существование территориального вопроса и дать согласие на его обсуждение. С этой целью в Японии был объявлен принцип «нераздельности политики и экономики», согласно которому развитие японо-советских экономических отношений ставилось в прямую зависимость от «разрешения территориального вопроса». Увязка бизнеса с политикой привела к застою в двусторонних отношениях.

С другой стороны, американцы стали открыто требовать от Японии расширения рамок военного союза с США, укрепления японских вооруженных сил. Родилась идея создания военно-политического альянса, объединяющего США, Западную Европу и Японию с целью «блокирования» СССР. Вынашивавшие замыслы

приведения военной мощи страны в соответствие с мощью экономической правые силы Японии с энтузиазмом восприняли эту идею. Для подведения под нее идейно-политической основы была дана команда всячески раздуть миф о якобы усиливающейся «советской военной угрозе». Характеризуя эту политику, профессор Калифорнийского университета этнический японец Ц. Хасэгава отмечает: «... Когда Японии потребовалось увеличить свою военную мощь, приведя ее в соответствие со статусом экономической державы, “советская угроза” была избрана в качестве удобного повода осуществить это без риска раскола общественного мнения... Ухудшение отношений с СССР соответствовало японским национальным интересам. Японцы самостоятельно выбрали эту стратегию»^{452}.

Тем не менее советские руководители не прекращали усилий, направленных на то, чтобы все же попытаться «оторвать» Японию от США, побудить ее на проведение более самостоятельной внешней политики, в том числе, конечно, и на советском направлении. Они предлагали японскому правительству разработать совместно меры доверия, заключить конвенцию о взаимном ненападении и неприменении силы, создать в Азиатско-Тихоокеанском регионе систему коллективной безопасности. Москва выражала готовность гарантировать неприменение ядерного оружия против Японии при сохранении «трех неядерных принципов» — не производить, не приобретать и не размещать на своей территории ядерное вооружение.

Однако японское правительство, игнорируя мирные инициативы СССР, солидаризировалось с курсом администрации Р. Рейгана, поставившей цель экономически измотать Советский Союз путем раскручивания очередного витка гонки вооружения. Японский премьер поддержал ядерную стратегию Рейгана и одобрил размещение новых американских ракет в Западной Европе. Тем самым Япония впервые за послевоенный период высказалась за важнейшее решение, касающееся Европы и прямо направленное против СССР. При этом японское правительство призвало США действовать с «глобальных позиций», что означало попытку найти предлог для размещения американских ядерных ракет не только в Западной Европе, но и в Азии^{453}.

Избранный японскими правящими кругами курс был чреват подрывом всей системы советско-японских отношений, созданной

усилиями двух стран в послевоенный период. Это вынудило советское правительство выступить 4 февраля 1983 г. со специальным заявлением, в котором подчеркивалось, что соседние с Японией государства не могут не сделать соответствующие выводы из фактов резкого усиления милитаристских тенденций в политике японского правительства и будут вынуждены принять соответствующие меры для обеспечения своей безопасности.

В то же время правительство СССР стремилось не допустить сокращения объема торговли между двумя странами. В феврале 1983 г. в Москве была проведена советско-японская встреча по торговле и экономическому сотрудничеству, в которой приняла участие влиятельная и многочисленная (более 250 человек) делегация во главе с президентом торгово-промышленной палаты Японии С. Нагано. Хотя стороны выразили заинтересованность в развитии взаимовыгодного сотрудничества, добиться существенных конкретных результатов не удалось. В 1983 г. товарооборот между двумя странами сократился по сравнению с 1982 г. на 18,5 процента — с 3,7 млрд. до 3 млрд. рублей, а в 1984 г. он составил 2,9 млрд. рублей^{454}. Экспорт промышленного оборудования из Японии в СССР упал на 25,6 процента. В результате Япония, занимавшая в 70-е гг. второе место в торговле СССР с промышленно развитыми капиталистическими странами, оказалась на пятом.

К позитивным моментам можно отнести лишь сотрудничество в традиционной и весьма важной для обеих стран области рыболовства. После введения в мире 200-мильных экономических зон межправительственный переговорный процесс по вопросам рыболовства в 80-е гг. приобрел еще большее значение и, можно сказать, стал основным и наиболее стабильным во всем комплексе советско-японских отношений. Стали ежегодно проводиться межправительственные переговоры о взаимном промысле в 200-мильных зонах и японском промысле лососевых в северо-западной части Тихого океана. Существенное значение имело то, что в 1980—1984 гг. расширялось сотрудничество в области рыболовства не только на правительственном уровне, но и на уровне частных фирм и организаций. Появилась новая форма двустороннего сотрудничества в виде совместных экспедиций по промыслу рыбы и морепродуктов в 200-мильной экономической зоне СССР.

В 1981—1986 гг. советское правительство в ответ на обращения японских рыбаков, которые поддерживали депутаты японского парламента, дало разрешение продолжить добычу морской капусты (комбу) в районе острова Сигнальный (Южные Курилы). Партнером Министерства рыбного хозяйства СССР выступила Хоккайдская ассоциация рыбопромышленников, которая соглашалась, что «японские рыбаки, занимающиеся промыслом морской капусты... должны соблюдать законы, постановления и правила Союза Советских Социалистических Республик, действующие в этом районе, а также положения настоящего Соглашения». Все это способствовало улучшению на острове Хоккайдо политического климата в пользу японо-советского сотрудничества.

В то же время весьма негативное влияние на советско-японские отношения оказал происшедший 1 сентября 1983 г. инцидент, в результате которого в воздушном пространстве СССР средствами советских ПВО был сбит южнокорейский пассажирский лайнер. Хотя существует немало свидетельств тому, что этот самолет совершал разведывательный полет и его пилоты сознательно вторглись на 500 километров в глубь Советского Союза, в США и Японии всю вину возложили на советскую сторону. Последовали новые «санкции», дело дошло даже до прекращения между Японией и СССР авиационного сообщения. В Японии отношение к северному соседу приобрело не только антисоветский, но уже и антирусский характер.

Военная составляющая антисоветского курса Японии наиболее ярко проявилась в 1983 г. Японский премьер-министр Я. Накасонэ во время своего первого официального визита в США со всей определенностью заявил, что в концепцию японо-американского союза безусловно входит и военный союз. При этом подчеркивалось, что «Япония и США стали полноправными членами одной команды». Накасонэ назвал свою страну «непотопляемым авианосцем» и объявил о намерении «блокировать три пролива». Было обещано американцам обеспечить минирование международных проливов Лаперуза, Сангарского и Корейского, с тем чтобы, как заявил Накасонэ, «по ним не могли пройти советские подводные лодки и другие корабли». На японо-американской встрече «было достигнуто согласие о проведении жесткого курса в отношении Советского Союза». По окончании совещания было заявлено, что «правительство Японии готово к

охлаждению отношений с СССР». И это были отнюдь не конъюнктурные заявления.

Еще в 1978 г. в официальном документе «Белая книга по вопросам обороны» Советский Союз был назван гипотетическим противником Японии, а в ежегоднике МИДа Японии («Голубая книга») за 1979 г. подчеркивалась «потенциальная советская угроза»^{455}. В программе развертывания вооруженных сил Японии намечалось создание к 1987 г. крупной армии, которая должна быть готовой к ведению всех видов боевых действий, включая применение ядерного оружия^{456}.

Объявление новой «доктрины Накасонэ» означало дальнейшее повышение роли Японии в стратегии военной конфронтации с Советским Союзом. Более того, японское правительство стало заявлять о перспективе установления тесных контактов с НАТО. Было даже высказано пожелание вступить в НАТО в качестве «ассоциированного государства». При этом подчеркивалась необходимость «солидарности и сплоченности США, Японии, Западной Европы, а также других стран свободного мира». Одновременно США приступили к созданию на Дальнем Востоке нового военно-политического блока, включающего в себя Японию и Южную Корею. Этот блок был назван «восточным флангом НАТО».

Начиная с 1982 г. увеличилось число совместных японо-американских военных учений. Если раньше они ограничивались ВВС и ВМФ, то с 1983 г. к ним были подключены и сухопутные силы Японии. Главным противником в ходе этих учений рассматривался Советский Союз. Министр обороны К. Уайнбергер открыто заявлял, что Япония отныне будет занимать такое же место в глобальной военной стратегии США, какое занимают страны НАТО^{457}.

Столь явное военное блокирование Японии с США заставляло руководство СССР проявлять заботу об укреплении обороноспособности страны на Дальнем Востоке — в ответ на размещение на севере Японии американских истребителей-бомбардировщиков F-16 усиливались средства противовоздушной обороны на Курильских островах, в состав Тихоокеанского флота был включен авианесущий крейсер «Новороссийск». Это были вынужденные меры, реакция советского правительства на нежелание японских властей укреплять доверие, вести дело к ослаблению военного противостояния на Дальнем Востоке.

В Японии эти меры советского правительства трактовались не иначе как «подтверждение усиления советской угрозы». В начале 80-х гг. в стране была развернута идеологическая кампания, направленная на привитие японскому населению, в первую очередь молодежи, сознания якобы «исторически обусловленной неизбежности конфронтации между Японией и Советским Союзом». Одним из направлений этой кампании стало внесение в школьные учебники антисоветских концепций истории японо-советских отношений, в частности в период Второй мировой войны. Чиновники министерства просвещения открыто требовали внесения в школьные учебники утверждений о «миролюбивом» характере политики Японии в отношении СССР в довоенный и военный периоды, «постоянной угрозе, которую испытывала Япония со стороны имевшей подавляющее преимущество советской армии». Особый упор делался на обвинении советского правительства в «нарушении пакта о нейтралитете с Японией». Извращая и замалчивая факты истории, подрастающее поколение японцев убеждали, что якобы «Япония добросовестно соблюдала этот пакт, а СССР напал на нее, стремясь к экспансии, захвату территорий». На основе такого рода утверждений доказывалась «невозможность заключения с СССР каких-либо политических соглашений». С другой стороны, прямо ставилась задача «воспитать японских детей в духе понимания территориальной проблемы». Вместо разъяснения фактов истории и содержания международных соглашений министерство просвещения Японии издает школьные карты, где южная часть Курильской гряды обозначена как японская территория, а южная часть Сахалина оставлена незакрашенной как «спорная территория».

Министр иностранных дел Японии С. Абэ признавал в начале 1984 г., что «из всех отношений Японии с зарубежными странами связи с Советским Союзом находятся на самом низком уровне». Однако следует отметить, что нагнетание антисоветских настроений в Японии все же не смогло полностью заблокировать связи двух стран по общественной линии, воспрепятствовать культурному обмену. В первой половине 80-х гг. активно развивались двусторонние отношения по линии профсоюзов, обществ дружбы, городов-побратимов. Налаживались связи между областями (краями) СССР и префектурами Японии. В эти годы на Хоккайдо возникло движение по созданию

Домов японо-советской дружбы, укреплялись связи этого острова с Сахалинской областью.

На Японских островах ежегодно гастролировали известные советские балетные, драматические, цирковые труппы, народные ансамбли. Хотя и медленно, но увеличивался туристический обмен. Все это в известной степени ослабляло накал политического противостояния, способствовало уменьшению настороженности и недоверия друг к другу.

О своем желании наладить полномасштабные добрососедские отношения советское правительство в те годы заявляло неоднократно, призывая японскую сторону убрать искусственно возводимые препятствия. В январе 1984 г., отвечая на вопросы корреспондента газеты «Ёмиури», глава правительства СССР Н. Тихонов отмечал, что «Советский Союз неизменно проявляет конструктивный подход к развитию отношений со своим дальневосточным соседом». Он подчеркнул, что в СССР «с уважением и симпатией относятся к народу Японии и искренне желают, чтобы в наших отношениях взяли верх доверие и добрососедство. Никаких других помыслов у советских людей не было и нет». Однако японское правительство продолжало следовать согласованному с США курсу, заявляя, что еще-де «не сложилась такая обстановка, когда можно отменить санкции в отношении Советского Союза».

Попытки сделки вокруг Курил

Приход в марте 1985 г. к власти в СССР М. Горбачева, хотя и вызвал интерес в Японии, но поначалу не привел к каким-либо серьезным изменениям в советско-японских отношениях. В Японии, особенно в МИДе этой страны, появление нового советского лидера сначала воспринимали как событие больше внутреннего, чем международного масштаба. К тому же считалось, что на международной арене для СССР по-прежнему приоритетными являются отношения с США и Западной Европой.

Налаживанию советско-японских отношений в те годы препятствовало согласие Токио безоговорочно следовать в фарватере военной политики США, что нашло отражение в поддержке американской программы «звездных войн» — так называемой «стратегической оборонной инициативы (СОИ)». В заявлении МИДа СССР японскому правительству от 11 октября 1986 г. подчеркивалось, что участие Японии в СОИ «не согласовывается с декларируемой Токио оборонительной военной доктриной страны... и свидетельствует о дальнейшем вовлечении Японии в военно-стратегические планы США, что не может не сказаться отрицательно на советско-японских отношениях».

Нельзя не учитывать ту роль, которую объективно играла Япония в осуществлении программы экономического изматывания СССР в навязанной ему гонке вооружений. Представление о том, что СССР проиграл в «холодной войне» с США, не является верным. В гонке вооружений Советскому Союзу противостояли не только США, но и мощные экономики стран Западной Европы и Японии. Не следует забывать и то, что значительные материальные средства СССР вынужден был использовать также на поддержание баланса сил с КНР, отношения с которой были напряжены. Не приходится говорить, что подобное состояние советско-китайских отношений было выгодно США и Японии и всячески ими стимулировалось. На это справедливо обращают внимание некоторые исследователи. Так, в одной из работ последних лет указывается: «...Военный вклад Японии в “сдерживание” Советского Союза определялся участием в системе безопасности с США, собственными вооруженными силами и

предоставлением японских территорий для размещения американских баз... На все это Советский Союз должен был отвечать, т. е. только “японская” часть его военных расходов должна была составлять в начале 80-х гг. сумму, приблизительно равную 12—15 млрд. долл. ежегодно. Это не считая, “американской части” на Дальнем Востоке.

Политический вклад с выходом на военно-политические аспекты связан с «играми» в стратегические треугольники с Китаем, особенно после подписания договора о мире и дружбе в 1978 г. В ответ на это Советский Союз, поверивший в перспективу подобного альянса, затратил немало средств как на укрепление своих границ с КНР, так и с Японией».^{458}.

Для снижения уровня военно-политического противостояния на Дальнем Востоке было решено возобновить прямой политический диалог с Японией. В январе 1986 г. новый министр иностранных дел Э. Шеварднадзе посетил с официальным визитом Токио. Хотя в японском МИДе в целом позитивно оценили согласие советской стороны обсуждать вопрос о заключении мирного договора, в то время горбачевское руководство предпочло придерживаться прежней позиции в отношении претензий японского правительства на южнокурильские острова. Так, принимая японскую парламентскую делегацию, в ответ на выдвижение территориальных претензий к СССР как условия заключения мирного договора Шеварднадзе вынужден был заявить: «Что касается так называемого “территориального вопроса”, то советская сторона считает этот вопрос решенным на соответствующей исторической и международно-правовой базе. У Советского Союза территория большая, но лишней земли у нас нет».^{459}. Это было повторение известного высказывания А. Громыко.

В Японии подобные заявления вызывали разочарование и раздражение. Однако надежды на «новое мышление» Горбачева сохранялись. Как писал один из японских советологов, «... советская сторона, отнюдь не думая уступать Японии северные территории, все же стала считать невозможным для себя препятствовать намерению Японии вести речь об этих территориях».^{460}. Будучи еще не готовым «решать» территориальную проблему, новое правительство СССР предпринимало шаги для улучшения отношений в других областях. Было возобновлено посещение японцами мест захоронения на советской территории японских военнопленных, подписан договор о

налогообложении, соглашения о торговле и платежах, соглашения о культурном сотрудничестве, возобновлена деятельность комиссии по научно-техническому сотрудничеству и др.

Для того чтобы наполнить эти соглашения конкретным содержанием, советская сторона предложила ряд проектов: участие в освоении лесных ресурсов вдоль трассы БАМ, разработка месторождений асбеста и др. Состоялся обмен мнениями о реконструкции ряда предприятий, построенных с участием японских фирм, заключении четвертого Генерального соглашения по лесу. В результате несколько увеличился советско-японский товарооборот. Однако объем торгово-экономического сотрудничества все же нельзя было признать удовлетворительным — в 1986 г. он составлял лишь чуть больше 3 млрд. рублей, что, конечно же, не соответствовало потенциалам таких держав, как СССР и Япония. В Кремле искали возможность изменить ситуацию к лучшему, побудить японское правительство отойти от принципа «нераздельности политики и экономики».

Советское руководство стало активно призывать японскую сторону привлечь «экономическую дипломатию» для вывода советско-японских отношений из состояния застоя. Об этом говорилось в речи Горбачева во Владивостоке в июле 1986 г. Стремясь придать двусторонним отношениям новый импульс, генсек призвал к «повороту к лучшему», заявив: «Об отношениях с Японией. Здесь также намечаются признаки поворота к лучшему. Было бы хорошо, если бы этот поворот произошел. Объективное положение наших двух стран в мире таково, что требует углубленного сотрудничества на здоровой реалистической основе, в атмосфере спокойствия, необремененной проблемами прошлого. Начало в этом году положено. Состоялся обмен визитами министров иностранных дел. На повестке дня — обмен визитами на высшем уровне»^{461}.

В Японии уловили примирительные нотки этого «послания», вскоре здесь родилась идея попытаться воспользоваться заинтересованностью Горбачева и его соратников по «новому мышлению» в получении японской экономической помощи. По мере появления признаков провала политики перестройки японские советологи стали писать о том, что без финансовой помощи из-за рубежа Горбачёву не удастся оздоровить ситуацию в СССР и он будет

вынужден ради получения такой помощи все дальше идти на уступки Западу. Для японцев в качестве главной уступки понималось «возвращение» Курил. Так, в одной из посвященных политике Горбачева японских книг прямо указывалось: «Для того, чтобы поправить экономическое положение, советскому правительству требуется от нескольких миллиардов до десятков миллиардов долларов... Япония, которая вот уже 42 года требует возвращения северных территорий, должна учитывать эту ситуацию. Сколько бы московское правительство не отвергало японские требования, по мере изменения внутреннего положения в стране, оно может изменить свое отношение к проблеме северных территорий».^{462}.

Однако в Японии не спешили расширять торгово-экономические отношения с СССР, ожидая, когда Горбачев «созреет» до решения идти на уступки Японии в территориальном вопросе. Для обоснования такой позиции в апреле 1987 г. с участием американцев официальным Токио было инициировано так называемое «дело Тосиба» вокруг поставок в СССР некоторых видов станочного оборудования, которое было отнесено к подпадающим под запрет КОКОМ. Японские власти развернули кампанию шпиономании, пошли на высылку из Японии советских дипломатов. Правительство СССР, естественно, ответило тем же, что послужило очередному этапу охлаждения двусторонних отношений.

Следует отметить, что в первые годы пребывания у власти Горбачев еще не был готов согласиться на беспринципный торг по поводу Курильских островов. Более того, его раздражала та напористость, с которой зачистившие в Москву японские политики требовали от СССР территориальных уступок как проявления «нового мышления» на японском направлении. Однажды он даже в сердцах бросил одному из японских гостей: «А почему, собственно, Япония предъявляет ультиматум Советскому Союзу, — ведь мы ей войну не проигрывали?»

Однако в 1989—1990 гг., когда в результате фиаско идей перестройки экономическое положение СССР резко ухудшилось, в горбачевском окружении все больше стали соблазняться идеей получения за Курилы «хорошей цены». К этому толкали и новые партнеры по «большой семерке». Так, в 1988 г. во время визита в Москву президент США Р. Рейган настойчиво «советовал» Горбачеву

пойти навстречу Японии в территориальном споре. Делал это Рейган не бескорыстно — ему было важно привлечь японские капиталы для финансирования слабеющей на глазах власти Горбачева, спасения его «реформаторского» курса. Эту позицию всемерно поддерживал Шеварднадзе, который впоследствии признал, что «хотел отдать острова Японии».

Подвергаясь обработке из-за рубежа и со стороны своих ближайших сподвижников, Горбачев стал склоняться к уступке Японии южнокурильских островов. В 1990 г., видимо, не без согласования с Горбачевым его помощник по международным вопросам прямо заявил японскому послу в СССР С. Эдамуре, что «в душе Горбачев не исключает возможность передачи островов», но «нужно создать атмосферу для решения вопроса»^{463}. Это был намек на то, что Москва заинтересована в «экономической компенсации» за острова. В Японии такую компенсацию Горбачеву назвали «камфорной припаркой, реанимирующей теряющую динамизм перестройку»^{464}.

В Токио не преминули воспользоваться ситуацией. Японские политики стали спешно разрабатывать план обмена Курил на финансовую помощь, а фактически «выкупа» островов. Ориентировочная сумма такого выкупа была определена в 26—28 млрд. долларов. Согласно японским источникам это предложение было сделано Горбачеву через его ближайших соратников и «рассматривалось в ЦК КПСС»^{465}.

Однако план фактической продажи Курильских островов был разрушен депутатом и предпринимателем А. Тарасовым, который, руководствуясь не до конца выясненными мотивами, публично обвинил Горбачева в намерении сдать Японии южные Курилы в обмен на экономическую поддержку в 200 млрд. долларов. В обстановке разразившегося скандала Горбачев не осмелился рассматривать соответствующее японское предложение, озвученное в конце марта 1991 г. во время беседы в Кремле с генеральным секретарем правящей Либерально-демократической партии Японии И. Одзавой.

Хотя официальный Токио поспешил отмежеваться от предпринятого Одзавой зондажа, а Горбачев, назвав заявление Тарасова «ложью», пригрозил подать на него в суд, в действительности идея «выкупа» южнокурильских островов рассматривалась всерьез. Достаточно напомнить о высказывании в 1990 г. одного из лидеров

ЛДП С. Канэмару, который публично говорил, что «Япония в конце концов могла бы и купить острова у Советского Союза».

Склоняя Горбачева к признанию суверенитета Японии на южнокурильские острова, Одзава прозрачно намекнул на возможность сделки, заявив, что в этом случае японская сторона готова оказать «существенную экономическую помощь Советскому Союзу». Видимо, опасаясь утечки информации о сути переговоров с Одзавой, Горбачев считал необходимым «решительно отвергнуть» попытку вести прямой торг вокруг судьбы Курил. По словам присутствовавшего на беседе его помощника, «Горбачев отреагировал сразу и довольно резко: он не склонен и не может вести разговор в таком плане — что-то вы даете и за это мы вам тоже даем то, что вы хотите... Вы хотите конкретного результата. Но подход: “даешь — даю” совершенно неприемлем и не только между Японией и Советским Союзом, но и вообще».

Вместе с тем Горбачев обещал начать обсуждение всего комплекса вопросов, включая мирный договор и в его контексте — о прохождении границы. “Хорошо понимаю, — добавил он, — настроения общественного мнения в Японии и связь вашей позиции с ним. Но и руководство Советского Союза тоже должно теперь учитывать общественное мнение”.

Это не удовлетворило собеседника. Одзава перевел разговор в такую плоскость: мы, мол, не объявим вашего конкретного решения. Это останется между нами. Но давайте уже сейчас договоримся о том, на что вы пойдете во время своего визита в Японию».^{466}.

Хотя Горбачев не дал на это прямого ответа, именно он первым за послевоенную историю признал существование «территориального вопроса» с Японией и выразил готовность обсуждать его на официальных переговорах. Он согласился включить в текст подписанного по итогам его визита в Японию (апрель 1991 г.) «Совместного заявления» выгодную для Японии формулировку о том, что стороны «провели обстоятельные и углубленные переговоры по всему комплексу вопросов, касающихся разработки и заключения мирного договора между Японией и СССР, включая проблему территориального размежевания, учитывая позиции обеих сторон о принадлежности островов Хабомаи и Шикотан, Кунашир и Итуруп».

Вопреки созданному впоследствии впечатлению о том, что эта формулировка была вынужденной крайней уступкой японской стороне,

на самом деле ее предложил сам Горбачев, который заявил на переговорах в Токио: «...Мы могли бы пойти вам навстречу и сделать в этом документе такую компромиссную запись: стороны обсудили территориальные вопросы, вернее, вопросы о территориальном размежевании, учитывая позиции, которые стороны занимают по вопросу о принадлежности островов Кунашир и Итуруп и Малой Курильской гряды (т. е. островов Хабомаи и Шикотан). И советской, и японской общественности было бы видно, что проблема принадлежности островов обсуждалась и будет обсуждаться в ходе подготовки мирного договора».

В Японии сделанную в «Совместном заявлении» запись по территориальному вопросу расценили как ограниченный успех. К позитивам для Японии было отнесено признание СССР существования территориальной проблемы, а указание четырех островов облегчало японской стороне возможность отстаивать свою точку зрения. Как определенное достижение было воспринято обещание Горбачева установить безвизовый режим посещения четырех южнокурильских островов японскими гражданами, а также сократить в ближайшее время численность советского военного контингента, размещенного на этих островах.

Как отмечалось выше, Горбачев «в душе» был готов на уступки Японии в территориальном споре. Однако ослабление его политических позиций внутри страны, активизация противников линии на ущербные для СССР компромиссы со странами Запада вынуждали его «делать хорошую мину при плохой игре», представлять свою политику на международной арене как якобы отстаивающую интересы СССР. Это проявилось в выступлении Горбачева на сессии Верховного Совета СССР 26 апреля 1991 г., в котором он попытался предстать защитником этих интересов на Дальнем Востоке. По поводу итогов визита в Японию было сказано следующее: «Премьер Кайфу настаивал на том, чтобы декларация 1956 г. была названа в заявлении. Мы на это не пошли. И вот почему: в ней говорится не только об окончании состояния войны и восстановлении дипломатических отношений, но и о передаче Японии двух островов после заключения мирного договора. Мы считаем, что следует опираться только на ту часть документа, которая стала исторической реальностью, имела международно-правовые и физические последствия. А то, что не состоялось, что

последующая история как бы “стерла”, невозможно, спустя 30 лет, просто так реанимировать. Шанс тогда был упущен. С тех пор возникли новые реальности. Из них и надо исходить.

В итоге мы имеем в заявлении такую, а не иную формулу... Могут спросить, в обиходе так и говорят — мне это известно, чего, мол, темнить, скажите прямо: отдадим острова или не отдадим...

Я уверен, что могут быть найдены обоюдно приемлемые решения. Но для этого нужна другая обстановка, другой характер отношений, наработка их необратимости, большая взаимозависимость и взаимосвязанность»^{467}.

«Экспромты» российского президента

Хотя Горбачев назвал результаты визита «ничьей», в действительности это была серьезная уступка, отступление от прежней позиции СССР в территориальном споре с Японией. И это явилось проявлением осознанного решения Горбачева. Впоследствии, лишившись всех своих постов, он сетовал: «Если бы я остался на своем посту, вопрос о северных территориях, вероятно, уже давно был бы разрешен»^{468}.

Сетуют по этому поводу и в Японии: «Он (Горбачев) должен был заявить: “Я собираюсь вернуть четыре северных острова Японии и получить взамен долгосрочный кредит под низкие проценты... Однако четыре дня, проведенные М. Горбачевым в Японии в апреле 1991 г., со всей ясностью показали, что характер его лидерства уже изменился, превратившись из “новаторского” в “представительское”. Они показали также, что Горбачев опустился до уровня политика, который думает только о том, как удержаться у власти...”»^{469}.

Одной из причин, по которым Горбачев не смог совершить сделку «Курилы за кредиты», была позиция Б. Ельцина. Последний стремился перехватить инициативу в переговорах с японским правительством, не допустить, чтобы разрешение территориального спора было связано с именем Горбачева. Речь шла, конечно, не об отстаивании прав России на Курилы, а о том, чтобы японская финансовая помощь была получена не союзным, а российским руководством. Следует согласиться с оценкой расчетов российского руководства во главе с Ельциным, данной в одной из посвященных «курильской проблеме» книг: «Демократы, боровшиеся тогда за то, чтобы отобрать власть у КПСС, остро нуждались в каком-либо крупном прорыве на любом участке

борьбы, осуществленным ими в пику коммунистам. Японское направление представлялось им чрезвычайно перспективным. Многие говорят о том, что демократы, особенно их радикальное крыло, склонялись тогда к тому, чтобы в том или ином объеме принять японские требования в отношении так называемых “северных территорий”... Они рассчитывали, что в ответ на это Япония окажет мощную финансовую поддержку, которая поможет демократам прийти к власти и решить сложные экономические трудности, стоявшие перед страной».^{470}.

Другими словами, замыслы Ельцина и его команды в отношении Курил практически не отличались от замыслов Горбачева и его сторонников. И те и другие намеревались превратить Курильские острова в предмет торга с Японией. Различие состояло лишь в том, что Горбачев стремился получить японскую помощь как можно скорее для спасения перестройки, а Ельцин уговаривал японцев, оказывая финансовую поддержку России, подождать с получением островов. Именно на это был направлен так называемый «пятиэтапный план Ельцина», согласно которому территориальный спор должен был найти свое разрешение в пользу Японии по прошествии 15—20 лет.

Смысл «личного плана» Ельцина сводился к следующему. На первом этапе предлагалось отойти от занятой СССР позиции и признать, что территориальная проблема между двумя странами существует. Это должно было способствовать формированию в СССР соответствующего общественного мнения. Затем — через 3—5 лет (второй этап) — предполагалось объявить острова свободными для японского предпринимательства. Третий этап — демилитаризация островов в течение 5—7 лет. На четвертом этапе стороны должны подписать мирный договор. Что же касается судьбы южнокурильских островов, то для ее определения выделялся пятый этап. При этом предлагались следующие варианты разрешения территориального спора: 1. Острова будут находиться под общим протекторатом двух стран. 2. Островам дается статус свободных территорий. 3. Передача островов Японии. 16 января 1990 г. во время пресс-конференции в Токио Ельцин заявил: «...В рамках третьего этапа я считал бы возможным подписание мирного договора Японии с Российской Федерацией. Такова моя позиция. И ее я буду излагать и в нашей стране точно так же, как излагаю ее здесь».^{471}.

После распада Советского Союза российское правительство стало склоняться к тому, чтобы в расчете на японскую помощь достичь соглашения с Токио о Курилах как можно скорее. К этому его активно подталкивали сотрудники японского посольства в Москве сразу после фиаско ГКЧП. Они настойчиво предлагали руководителям вновь образованного МИДа Российской Федерации незамедлительно «разрубить гордиев узел территориальной проблемы путем коротенького заявления Ельцина» о согласии с японскими требованиями. Как писала газета «Известия», российскому президенту предлагалось заявить, что-де в «советско-японских отношениях было много наносного, что уходящий режим многое натворил, но что демократическая Россия, отрекаясь от прошлого, готова открыть совершенно новую страницу...».

Новые «творцы» внешней политики России были готовы к подобным действиям. В недрах сформированного из «демократов» российского МИДа была рождена формула «два плюс альфа». Согласно этой формуле Японии безотлагательно передавались острова Малой Курильской гряды — Хабомаи и Шикотан, а по поводу самых крупных островов Курильского архипелага — Кунашира и Итурупа — предлагалось вести переговоры. Эту формулу российский МВД предполагал осуществить в ходе намеченного на сентябрь 1992 г. официального визита президента РФ в Японию. Однако развернувшееся в России широкое движение протеста против ничем не обоснованных территориальных уступок Японии заставило Ельцина отменить этот визит.

Думается, не последнюю роль в принятии такого решения сыграло направленное Ельцину и опубликованное в прессе открытое письмо российских специалистов по Японии, которые предупреждали, что уступка Курил не приведет к крупномасштабной японской помощи России. Ученые писали: «Глубоким заблуждением, навязанным руководством нашей страны японской пропагандой, является мысль, будто территориальные уступки или же обещания уступок в будущем... приведут к тому, что на нашу страну прольются обильные “неновые дожди”: японские банки и предпринимательские фирмы не подчиняются токийским политикам и дипломатам и никогда не пойдут на альтруистические, благотворительные финансовые и экономические операции»^{472}.

Осложнение экономической и политической ситуации в России в 1993 г. заставляло Ельцина учитывать настроение народа. В июле 1993 г. он вынужден был заявить японским журналистам: «Российскому народу сейчас трудно. Добавить ему еще территориальную проблему — он не выдержит и взорвется. Из Японии я уеду под аплодисменты, а в Россию меня не пустят».

Поэтому состоявшийся после трагических событий осени 1993 г. в Москве визит Ельцина в Японию уже не мог привести к каким-либо незамедлительным радикальным решениям территориального спора. В подписанной в Токио российско-японской декларации фиксировалось: «Президент Российской Федерации и Премьер-министр Японии, придерживаясь общего понимания о необходимости преодоления в двусторонних отношениях тяжёлого наследия прошлого, провели серьёзные переговоры по вопросу о принадлежности островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи. Стороны соглашаются в том, что следует продолжать переговоры с целью скорейшего заключения мирного договора путём решения указанного вопроса, исходя из исторических и юридических фактов и на основе выработанных по договорённости между двумя странами документов, а также принципов законности и справедливости, и таким образом полностью нормализовать двусторонние отношения».

Хотя подобные формулировки были на руку японской дипломатии и свидетельствовали о намерении Ельцина «решать вопрос», в действительности они не выходили за рамки декларативных заявлений. Существенное значение имело и то, что российская сторона вопреки настояниям японцев уклонилась от включения в текст документа подтверждения действенности пункта Советско-японской совместной декларации 1956 г., в которой говорилось о возможности передачи Японии островов Хабомаи и Шикотан после подписания мирного договора. По существу, в «Токийской декларации» содержалось лишь признание российским правительством факта существования «территориальной проблемы» и заявлялось о намерении сторон искать пути для её решения.

В те годы позиция российского правительства на японском направлении отличалась двойственностью и непоследовательностью. При явном стремлении российского МИДа удовлетворить японские требования более здравомыслящие политики считали, что этого делать

не следует. Так, например, премьер-министр В. Черномырдин заявлял: «Курильские острова Россия никому не собирается отдавать. Чужого нам не надо, но своё останется при нас». О том, что в Москве не рассматривали «Токийскую декларацию» как некую «прелюдию» сдачи Курил, Черномырдин недвусмысленно заявил в ноябре 1994 г. в интервью японской газете «Ёмиури». Он тогда прямо сказал, что не собирается превращать наши острова в предмет разговора и у него нет намерений возвращать территории Японии^{473}.

В очередной раз иллюзии и обманчивые надежды были порождены так называемыми «встречами без галстуков» Ельцина и премьер-министра Японии Р. Хасимото. Во время этих встреч Ельцин в форме «экспромта» неожиданно заявил о намерении подписать мирный договор с Японией не позднее 2000 г. Это было воспринято как решение уступить японским требованиям о «возвращении» южнокурильских островов. Однако вскоре в Токио поняли, что данное в неофициальной обстановке обещание российского президента нельзя рассматривать всерьёз. Японская газета «Майнити» писала не без сарказма: «Похоже, в России только один Ельцин верит, что территориальную проблему можно будет решить до 2000 года»^{474}.

Не увенчалась успехом и попытка Ельцина предложить японской стороне без разрешения территориального вопроса подписать сначала «Договор о мире, дружбе и сотрудничестве». Это предложение сразу же было отвергнуто японской стороной, для которой именно удовлетворение территориальных претензий является главной и единственной целью заключения мирного договора. В конце концов под сильным давлением российской общественности, требующей неукоснительного соблюдения положений Конституции РФ о целостности и неприкосновенности территории государства, Ельцин и его правительство вынуждены были отказаться от попыток форсировать заключение мирного договора с Японией.

Тем не менее политика уступок продолжалась. В феврале 1998 г., уступая японскому давлению, российское правительство сочло возможным заключить «Соглашение о некоторых вопросах сотрудничества в области промысла живых ресурсов» в районе южных Курил. По соглашению российская сторона пошла на практически свободный доступ японских рыбаков в российские территориальные воды в районе южнокурильских островов. Это было беспрецедентное

решение, ибо в соглашении речь шла не о 200-мильной экономической зоне, а о 12-мильной прибрежной зоне, в которую без разрешения вход иностранным судам запрещен. Японцам было разрешено явочным порядком вести промысел в непосредственной близости от берегов именно тех островов, на которые они претендуют. При этом японская сторона не только не предоставила российским рыболовным судам аналогичные права на промысел в японских территориальных водах, но и не взяла на себя никаких обязательств по соблюдению ее гражданами и судами законов и правил рыболовства, действующих в российских водах. Другими словами, японской стороне было предоставлено своеобразное «право экстерриториальности», ущемляющее российский суверенитет в пределах собственной морской территории. Не случайно депутаты Сахалинской областной думы направили президенту РФ, премьер-министру и другим российским руководящим работникам специальное обращение, в котором выступили решительно против этого ущемляющего суверенитет государства и законные интересы российских рыбаков соглашения с Японией.

Хотя президент и правительственные чиновники не сочли нужным прислушаться к мнению дальневосточников, они не могли полностью игнорировать усилившиеся в центре и на местах протесты против потакания японским требованиям. Для того чтобы несколько успокоить озабоченную судьбой Курил российскую общественность и приглушить протесты, министр иностранных дел России И. Иванов счел необходимым с большей степенью внятности, чем ранее, озвучить позицию правительства. В частности, было заявлено:

«...Абсолютно ясно, в каких рамках следует вести поиск возможного решения. Оно должно быть взаимоприемлемым, не наносить ущерба суверенитету и территориальной целостности Российской Федерации, отвечать нашим национальным интересам, базироваться на существующих реалиях, получить широкую поддержку общественности, быть одобренным в соответствии с установленным конституционным порядком высшими законодательными органами обеих стран.

Руководствуясь такими подходами, Борис Ельцин передал премьер-министру Японии в ноябре прошлого года (1998 г. — *А.К.*) соответствующие предложения российской стороны по вопросу о будущем договоре между двумя странами и о его разделе, касающемся

территориального размежевания. Эти предложения составлены, исходя из убеждения, что для нас неприемлемы любые варианты, которые означали бы отказ России от суверенитета над Южными Курилами... В целом хотел бы подчеркнуть: у жителей Южных Курил нет оснований для беспокойства по поводу якобы неопределённости их судьбы в связи с ведущимися нами переговорами с Японией. Земля, на которой они живут, есть и останется неотъемлемой частью России»^{475}.

Итак, на рубеже 80—90-х гг. в СССР происходили события, которые не могли не оказать влияние и на советско-японские, а затем российско-японские отношения. Период жесткой конфронтации, ознаменовавшийся новым раундом «холодной войны», постепенно стал сменяться поисками путей оздоровления двусторонних связей. Однако направленные на развитие контактов в различных областях инициативы неизменно наталкивались на «территориальную проблему», решить которую к взаимному согласию не удавалось. Хотя Горбачев и Ельцин проявляли склонность идти на территориальные уступки Японии ради ожидавшихся экономических выгод, они не могли игнорировать позицию российской общественности и оппозиционных сил, которые решительно выступали против каких бы то ни было территориальных потерь. Немаловажное значение имело и то, что проблема подписания мирного договора с Японией на условиях уступки Курил трансформировалась в объект острой внутривнутриполитической борьбы, в том числе на федеральных и местных выборах. В результате ни Горбачев, ни Ельцин так и не осмелились выступить против воли большинства народа, в последний момент они все же предпочли избежать вовлечения в неприглядную сделку вокруг Курил. Что касается японской стороны, то ее ошибка состояла в том, что Токио сделал основную ставку на единоличное решение по поводу Курил того или иного российского руководителя. Негативную роль сыграло и то, что лидеры двух государств прибегали к устаревшим методам «тайной дипломатии», тщательно скрывали свои намерения и содержание переговоров. Однако времена изменились. Период напряженного противостояния в конце 80-х — начале 90-х гг. по вопросу о судьбе южнокурильских островов убедительно продемонстрировал возросшую роль общественных институтов в нашей стране, рост политического влияния сил, придерживающихся государственных патриотических позиций.

Глава XI.
Иркутское обещание

Поиск компромисса

Выдвижение сначала на пост премьер-министра, а затем избрание президентом РФ Владимира Путина поначалу всерьез озадачили японцев. Особенно беспокоила их биография нового российского лидера, а именно его прежняя принадлежность к советским спецслужбам. По предыдущему опыту они усвоили, что так называемые «силовики», к которым в Японии относят не только военных, офицеров ФСБ, но и сотрудников внешней разведки, менее коррумпированы, патриотичны и в своем большинстве занимают достаточно твердые позиции в отстаивании интересов своей страны. Наиболее хорошо осведомленные о внутренней ситуации в России японские журналисты и политологи не без основания высказывали предположение о том, что при Путине роль выходцев из силовых структур в управлении государством заметно возрастет, а это в свою очередь может негативно для Японии сказаться на ходе переговоров о судьбе Курильских островов. Правда, были и такие, кто высказывал надежду на то, что, будучи ставленником Ельцина, новый президент продолжит прежнюю внешнюю политику, в том числе и на японском направлении.

В известной степени правы оказались и первые, и вторые. В отличие от много чего наобещавшего японцам своего предшественника, Путин действовал во время первых контактов с японскими лидерами весьма осмотрительно. Чувствовалось, что в сложной и новой для него материи российско-японских отношений он старался до поры до времени избегать прямого обсуждения вопроса об условиях подписания между двумя государствами мирного договора. Фактически этот вопрос был обойден и при встрече Путина с японским премьер-министром Мори Ёсиро в апреле 2000 г. в Санкт-Петербурге, и во время саммита глав «большой восьмерки» на Окинаве в июле того же года. Однако бесконечно долго отмалчиваться было невозможно.

Впервые новый президент высказался по поводу территориальных претензий Японии, отвечая на вопрос не японцев, а своих сограждан. Накануне первого официального визита в Японию в сентябре 2000 г. он посетил Сахалин, где заверил жителей области в том, что «возвращать острова не собирается»^{476}. Это высказывание обескуражило японцев,

но ненадолго. Со времен Ельцина токийские политики научились различать заявления российских высокопоставленных лиц, сделанные «для внутреннего пользования», то есть на российскую аудиторию, и подлинные цели и намерения Москвы, проявляемые в ходе переговоров за закрытыми дверями.

Хотя высокий российский гость старался склонять японскую сторону к обсуждению в первую очередь вопросов развития торгово-экономических отношений, обойти вопрос о границе японцы позволить не могли. Так как никаких принципиально новых подходов к разрешению территориального спора ни у Токио, ни у Москвы не было, решили ограничиться повторением прежних, «ельцинских» формулировок. В российско-японское совместное заявление по итогам визита был включен пункт, который гласил: «Стороны согласились продолжать переговоры с тем, чтобы, опираясь на все достигнутые до сих пор договоренности... выработать мирный договор путем решения вопроса о принадлежности островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи». Тем самым, как и при Ельцине, эти входящие по Конституции РФ в состав России земли, по сути дела, признавались спорными.

Соглашаясь на такую запись, Путин в то же время отверг идею японского правительства о так называемой «демаркации японо-российской границы», в соответствии с которой пограничная линия двух стран переносилась на север и проходила бы между островами Итуруп и Уруп, что означало переход всех южных Курил во владение Японии. Вместо этого президент в беседе с японским премьером довольно прозрачно намекнул на возможность иного подхода, упомянув, что российская сторона руководствуется не только подписанными Ельциным совместными заявлениями 1993 и 1998 гг., но и Совместной декларацией СССР и Японии 1956 г. При этом он дезавуировал посулы Ельцина «подписать мирный договор к 2000 году». Было разъяснено, что в заявлениях бывшего президента речь шла лишь о стремлении «прилагать усилия» к достижению взаимоприемлемых договоренностей.

Намек был понят — японские газеты подчеркивали, что Путин впервые признал действительность совместной декларации, а, значит, предстоит продолжение переговоров по территориальному вопросу.

Отмечалось, что «Путин стал первым из нынешних российских лидеров, признавшим действительность декларации и возможность ее использования в качестве юридической основы для продолжения переговоров двух стран, связанных с их территориальным спором»^{477}. Делался вывод о склонности нового президента искать развязки политического противоречий с Японией, что порождало у официального Токио определенный оптимизм.

То, что Путина поняли правильно, фактически подтвердили представители МИДа РФ, которые в своих разъяснениях японским журналистам предпочли не подтверждать, но и не отрицать подобного толкования замечаний президента. Сам же Путин на пресс-конференции в Токио ограничился лишь констатацией сложности ситуации. «Что нужно сделать для окончательного решения проблемы, которая существует между Россией и Японией?» — задал он вопрос и сам ответил на него: «Если бы мы это знали на сто процентов, то, наверное, сейчас отвечали бы на другие вопросы»^{478}.

Следует отметить, что занятая Путиным, а вернее навязанная дипломатами еще из ельцинского окружения, позиция содержала в себе явное противоречие. С одной стороны, в совместном заявлении объектами спора вновь назывались все южнокурильские острова, на которые претендует Япония, а с другой — намечалась линия на возвращение к условиям Совместной декларации 1956 г., где речь идет лишь об островах Хабомаи и Шикотан.

Уловив желание Путина искать пути «окончательного разрешения проблемы», японские политики решили помочь в таком поиске. Наибольшую активность в этом направлении развернул занимавший на протяжении ряда лет важные посты в правящей партии и правительстве Судзуки Мунэо. Являясь депутатом парламента от расположенного на Хоккайдо избирательного округа, этот политик задался целью «внести личный вклад» в разрешение территориального спора с Россией. Для этого он установил тесные связи с отвечающими за японо-российские отношения чиновниками МИДа Японии, а через них с российскими дипломатами и политиками. Довольно скоро Судзуки, удалось «приватизировать» территориальную проблему, добившись полного контроля над ходом ее обсуждения внешнеполитическими ведомствами двух стран.

План Судзуки и его помощников в японском МИДе состоял в том, чтобы втянуть российское правительство в обсуждение конкретных вопросов о «возвращении» для начала островов Хабомаи и Шикотан.

Во время бесед с российскими политиками и дипломатами в Токио и Москве основное внимание Судзуки уделял именно островам Малой Курильской гряды, намекая на якобы существовавшую возможность при определенных условиях для начала ограничиться передачей лишь этих территорий. В то же время своим японским коллегам он обещал побуждать российскую сторону не отказываться и от поиска решения вопроса о Кунашире и Итурупе. Однако многое говорит о том, что сам-то Судзуки в своих тайных замыслах был согласен на получение лишь Хабомаи и Шикотана, ибо в этом случае эти острова, а главное — богатые морепродуктами омывающие их воды, скорее всего, административно вошли бы в район его избирательного округа со всеми вытекающими материальными выгодами. О том, что этот политик при решении государственных вопросов не забывал про свой карман, свидетельствовал разразившийся впоследствии громкий коррупционный скандал, итогом которого стал арест Судзуки и его подручных из числа высокопоставленных дипломатов. Однако это было потом.

В период же 2000—2001 гг. политические маневры Суцзуки находили поддержку у премьер-министра Мори, который, как и все его предшественники на этом посту, желал оставить свое имя в истории, добившись «возвращения исконно японских территорий». Это проявилось в его нескрываемой заинтересованности расширить контакты с президентом Путиным с тем, чтобы убедить последнего в большой выгоде для России разрешения территориального спора и подписания между двумя государствами мирного договора. В связи с тем, что популярность Мори в стране падала, премьер-министр рассчитывал поправить свои дела, организовав как можно скорее очередную встречу с Путиным для внесения «новых» предложений по территориальному вопросу.

Сначала японо-российский саммит в Иркутске был назначен на конец февраля 2001 г., но затем перенесен российской стороной на 25 марта. По всей вероятности, Москве нужно было время для проверки достоверности информации о готовности Токио к компромиссу, которую поставлял «друг России» Суцзуки. Суцзя по последовавшим

событиям, в Кремле было принято решение с большей определенностью дать японцам понять, что территориальную проблему можно было бы разрешить, вернувшись к условиям 1956 г.

В Иркутске, в конфиденциальном порядке, Путин согласился обсуждать вариант передачи Японии Малой Курильской гряды. Если верить тогдашнему премьер-министру Мори, Путин заявил, что в случае переизбрания президентом на второй срок готов вести переговоры по поводу Шикотана и Хабомаи. По утверждению бывшего японского премьера, дословно было сказано следующее: «Передачу Японии Хабомаи и Шикотана сейчас трудно реализовать. А вот если меня переизберут на второй срок, то я приложу все силы для возвращения Японии этих островов». Впоследствии МИД РФ отказался подтвердить это высказывание.

Услышав подобное из уст президента, Мори принялся «ковать железо, пока горячо». Он всячески убеждал собеседника согласиться на возвращение всех южнокурильских островов, заявляя о готовности Японии получить желаемое не одновременно, а как бы в рассрочку — сначала Хабомаи и Шикотан, а затем, по прошествии некоторого времени, — Кунашир и Итуруп. При этом японская позиция подавалась как якобы проявление нового, более гибкого подхода к решению территориальной проблемы.

Естественно, Путин не мог согласиться с таким «расширительным» толкованием своего согласия на продолжение переговоров о двух островах, о чем и было прямо сказано японскому премьеру. Более того, президент счел необходимым указать на существующие разночтения записанного в совместной декларации, заявив, что статья 9 «нуждается в дополнительной работе экспертов для выработки единообразного понимания» ее положений. Суть же «разночтений» состоит в том, что японская сторона почему-то считает, что текст 9-й статьи якобы предполагает передачу Японии островов Хабомаи и Шикотан вне зависимости от подписания мирного договора. Договор же, по японской версии, может быть заключен лишь после разрешения в пользу Японии вопроса о принадлежности островов Кунашир и Итуруп.

Подобное толкование, по меньшей мере, странно, ведь в этой статье совместной декларации записано: «При этом Союз Советских Социалистических Республик, идя навстречу пожеланиям Японии и

учитывая интересы японского государства, соглашается на передачу Японии островов Хабомаи и острова Шикотан с тем, однако, что фактическая передача этих островов Японии будет произведена после заключения Мирного Договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией». Отсюда со всей очевидностью вытекает, что по Совместной декларации 1956 г. возможность передачи Японии островов Хабомаи и Шикотан предусмотрена лишь на условии согласия японской стороны с отказом от иных территориальных претензий и подтверждения этого фактом заключения мирного договора. В связи с этим выдвижение претензий на Кунашир и Итуруп является не чем иным, как произвольным шагом японской дипломатии.

Несмотря на то что в Иркутске президент Путин вежливо отверг предложение японской стороны о начале так называемых «переговоров по двум колеям», а именно отдельно по Хабомаи и Шикотану и отдельно по Кунаширу и Итурупу, он подписал согласованный российскими и японскими дипломатами документ, в котором повторялись и даже расширились выгодные Японии формулировки с перечислением всех южных Курильских островов.

Так как определившиеся на переговорах в Иркутске позиции сторон сопряжены и с сегодняшними взаимоотношениями двух стран, приведем полный текст Иркутского заявления:

«Президент Российской Федерации и Премьер-министр Японии в ходе своей встречи в Иркутске 25 марта 2001 года с удовлетворением констатировали динамичное развитие российско-японских отношений во всех областях после визита Премьер-министра Японии в Санкт-Петербург в апреле 2000 года и визита Президента Российской Федерации в Токио в сентябре 2000 года.

Проведено углубленное обсуждение проблемы мирного договора на основе положений, согласованных в Заявлении Президента Российской Федерации и Премьер-министра Японии по проблеме мирного договора 5 сентября 2000 года.

Стороны констатировали, что в 90-х годах наблюдалась качественная активизация переговорного процесса, углубилось представление обеих сторон о позициях друг друга. Важный позитивный импульс переговорам дала Красноярская договоренность приложить максимальные усилия с целью заключения мирного

договора к 2000 году на основе Токийской декларации о российско-японских отношениях 1993 года. Стороны отмечают, что работа по реализации Красноярской договоренности принесла весомые результаты, и ее созидательный потенциал необходимо поддерживать и впредь.

В этой связи стороны, руководствуясь уверенностью в том, что заключение мирного договора способствовало бы дальнейшей активизации поступательного развития российско-японских отношений и открывало бы их качественно новый этап:

— договорились вести дальнейшие переговоры о заключении мирного договора на основе принятых до настоящего времени документов, включая Совместную декларацию СССР и Японии 1956 года, Совместное советско-японское заявление 1991 года, Токийскую декларацию о российско-японских отношениях 1993 года, Московскую декларацию об установлении созидательного партнерства между Россией и Японией 1998 года, Заявление Президента Российской Федерации и Премьер-министра Японии по проблеме мирного договора 2000 года и настоящее Заявление;

— подтвердили, что Совместная декларация СССР и Японии 1956 года представляет собой базовый юридический документ, положивший начало процессу переговоров о заключении мирного договора после восстановления дипломатических отношений между двумя странами;

— исходя из этого, согласились ускорить дальнейшие переговоры с целью заключения мирного договора путем решения вопроса о принадлежности островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи и таким образом достичь полной нормализации двусторонних отношений на основе Токийской декларации о российско-японских отношениях 1993 года;

— договорились активизировать переговоры с целью достижения взаимоприемлемого решения и в ближайшее возможное время определить конкретное направление движения к заключению мирного договора;

— подтвердили, что будут продолжать сотрудничество, связанное с островами Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи, направленное на создание благоприятных условий для скорейшего заключения мирного договора;

— подтвердили важность реализации подписанного 16 января 2001 года в Москве министрами иностранных дел И.С. Ивановым и Ё. Коно Меморандума о новом издании Совместного сборника документов по истории территориального размежевания между Россией и Японией и деятельности по разъяснению общественности важности заключения мирного договора.

Стороны исходят из того, что при проведении переговоров весьма важным является поддержание в российско-японских отношениях атмосферы взаимопонимания, доверия, широкого взаимовыгодного сотрудничества по различным направлениям.

Иркутск, 25 марта 2001 года.

Президент Российской Федерации В. Путин

Премьер-министр Японии И. Мори».

Текст иркутского заявления, как и содержание аналогичных двусторонних документов ельцинского периода, хотя и был во многом навязан японской стороной и содержал выгодные ей констатации, не выходил за рамки «меморандума о намерениях». Указание на стремление «заключить мирный договор путем решения вопроса о принадлежности островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи» не означало, что вопрос о принадлежности этих островов априори должен быть решен в пользу Японии, как считают некоторые. Обратило на себя внимание появление в заявлении, видимо по инициативе российской стороны, пункта, характеризующего Совместную декларацию 1956 г. как «базовый юридический документ». Это являлось свидетельством намерения российского руководства на определенном этапе вынести условия 1956 г. в центр российско-японских переговоров о заключении мирного договора.

Однако замысел втянуть Москву в конкретные переговоры о передаче островов Хабомаи и Шикотан на условиях согласия с последующим обсуждением вопроса о принадлежности Кунашира и Итурупа осуществить не удалось. Можно сказать, что инспирированная Судзуки и его российскими партнерами комбинация с «реанимацией» условий 1956 г. обернулась как для японской, так и российской стороны фиаско. Кремлю было дано понять, что при любом развитии хода переговоров японское правительство не пойдет на отказ от притязаний на Кунашир и Итуруп. Одна из ведущих газет Японии «Асахи симбун» отмечала после иркутской встречи: «...Россия все еще утверждает,

будто бы согласно Декларации территориальные переговоры завершаются с возвращением Японии лишь двух островов. Но если это так и Россия не готова идти дальше возврата Японии двух островов, то это чревато не чем иным, как провалом переговоров. В то же время если предположить, что Япония, требующая четыре острова, согласилась бы сейчас на получение лишь двух островов, то это все равно приведет в дальнейшем к переговорам о возврате ей двух других оставшихся островов. А поэтому на нынешней встрече руководителей двух стран подобные расхождения в их позициях остались абсолютно непреодоленными»^{479}. Тем не менее, итоги Иркутской встречи внесли новый акцент в российско-японский диалог по проблеме заключения мирного договора, продемонстрировали стремление Москвы искать компромиссные варианты.

«Все или ничего»

Конец закулисной деятельности вокруг Курил положил пришедший к власти в апреле 2001 г. новый премьер-министр Японии Коидзуми Дзюньитиро. Уже в своем первом выступлении в японском парламенте он особо подчеркнул, что будет неуклонно добиваться возвращения Японии всех четырех южнокурильских островов. Это означало, что сделанное российской стороной предложение о возможности передачи двух островов было отвергнуто. Критике был подвергнут и японский план ведения переговоров «по двум колеям», то есть отдельно о передаче островов Хабомаи и Шикотан и о принадлежности Кунашира и Итурупа.

Однако тесные контакты российских дипломатов с Судзуки и его помощниками продолжались до тех пор, пока в Японии вокруг этого дельца от политики не разразился небывалый по масштабам коррупционный скандал, вовлекший в себя как предпринимателей, так и немало чиновников японского МИДа. И лишь после этого, поняв, наконец, с кем оно имело дело, российское руководство несколько охладело к закулисным контактам с японскими политиками. Более того, было принято решение продемонстрировать твердую позицию в отношении японских притязаний на дальневосточные земли России. 18 марта 2002 г. в Государственной думе были проведены открытые слушания «Южные Курилы: проблемы экономики, политики и безопасности». Слушания были организованы совместно Комитетом по безопасности, Комитетом по международным делам и Комитетом по геополитике, в которых преобладали лояльные правительству депутаты.

По итогам слушаний были приняты «Рекомендации», направленные президенту, правительству и органам государственной власти Российской Федерации. В них, в частности, указывалось: «Исходя из юридического, исторического и морального обоснования принадлежности южных Курильских островов, а также принимая во внимание их исключительную важность с геополитической, военно-стратегической, морально-политической и экономической точек зрения, участники парламентских слушаний заявляют о том, что так называемый территориальный вопрос нашел свое законное и справедливое решение по итогам Второй мировой войны, закрепленное

соответствующими международными соглашениями, и в повестке дня российско-японских отношений стоять не должен».

Участники слушаний выразили свое убеждение в том, что «мирный договор с Японией ценой территориальных уступок России неприемлем». Было предложено, чтобы глава государства ориентировал МВД России на отказ от бесплодных переговоров и на заключение с Японией всеобъемлющего договора о добрососедстве и сотрудничестве.

Какой-либо публичной реакции президента на это обращение не последовало. Более того, высокопоставленный представитель МИДа РФ поспешил заверить японцев, что Москва «будет и дальше продолжать переговоры с Токио по поводу четырех островов». Это позволило министру иностранных дел Японии Кавагути Ёрико высказать мнение о том, что «позиция российского правительства отличается от позиции Думы» и следует «доверять заявлениям Правительства России о его готовности обсуждать все вопросы, связанные с переговорами о мирном договоре двух стран».^{480}.

Складывается впечатление, что целями проведения парламентских слушаний и формулирования депутатским корпусом жесткой отрицательной позиции в отношении притязаний на Курильские острова было, с одной стороны, подтолкнуть токийских политиков к осознанию бесперспективности выдвижения заведомо неприемлемых для России требований «возвращения всех четырех островов», а с другой — продемонстрировать, что даже в такой неблагоприятной обстановке внутри страны российское руководство не отказывается от намерения заключить с Японией мирный договор на определенных компромиссных условиях. Однако сигналов о том, что эти цели достигнуты, из Токио не поступало.

В августе 2002 г., находясь на Дальнем Востоке для встречи с руководителем КНДР Ким Чен Иром, российскому президенту пришлось ответить на прямо поставленный журналистами вопрос о территориальных претензиях Японии. Тогда Путин ограничился высказыванием о том, что «Япония считает южные Курилы своей территорией, в то время как мы считаем их нашей территорией». Сообщения же средств массовой информации о намерении Москвы «возвратить» эти территории были названы «только слухами».

В это же время совершал поездку по Сахалинской области председатель Совета Федерации Сергей Миронов, неоднократно заявлявший о полном совпадении своих взглядов с политическими позициями президента Путина. Не будучи связанным дипломатическими условностями и какими бы то ни было обязательствами перед японцами, этот политик счел необходимым развеять иллюзии по поводу возможности отторгнуть от России Курильские острова. Он заявил на встрече с руководством области: «Позиция России по вопросу территориальной целостности и существующих на Дальнем Востоке границ, в том числе и Сахалинской области, неоспорима. Я полностью поддерживаю эту точку зрения и исхожу из того, что так называемый территориальный вопрос о принадлежности островов Сахалинской области нашел свое законное и справедливое решение по итогам Второй мировой войны, закрепленное соответствующим соглашением... Сахалинские законодатели правильно делают, когда выступают с законодательными инициативами по укреплению территориальной целостности Российской Федерации, и Совет Федерации поддерживает их инициативу в этом направлении».

Тем временем дипломатические ведомства двух стран стали готовить визит в Москву премьер-министра Японии Коидзуми. Озабоченный проблемами отношений с КНДР японский лидер возлагал определенные надежды на посредничество России в разрешении японо-северокорейских проблем. Это побудило его несколько ослабить риторику по территориальному спору. Готовясь к поездке, он позволил себе весьма примечательное высказывание о том, что у Японии и России «гораздо больше сфер сотрудничества, чем конфронтации». Затем Коидзуми довольно определенно дал понять, что нерешенность территориальной проблемы не должна быть причиной отказа от сотрудничества с Россией. Такая позиция в известной степени нашла отражение в ходе состоявшихся 10 января 2003 г. переговоров руководителей двух стран в Кремле.

Как и ожидалось, никаких «прорывов» по территориальному вопросу не состоялось. В совместное заявление по итогам визита было внесено положение о «решимости посредством энергичных переговоров по возможности скорее заключить мирный договор путем решения вопроса о принадлежности островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомай». Хотя южнокурильские острова вновь

фигурировали как объект спора, данная запись, как и ранее, не выходила за рамки ставшего традиционным при встречах лидеров двух стран «меморандума о намерениях». И уж конечно, из нее не следовало, что в результате «энергичных переговоров» все указанные территории должны перейти к Японии.

На январском российско-японском саммите территориальный вопрос хотя и поднимался, но центральным не стал. И этому есть объяснение. В условиях обострения ситуации на Корейском полуострове, войны на Ближнем Востоке в японских политических и деловых кругах появились настроения в пользу расширения сотрудничества с Россией в области обеспечения безопасности, поставок российских энергоносителей и др. Среди здравомыслящих политиков и представителей бизнеса хотя и медленно, но формировалось понимание того, что в перспективе Россия может стать привлекательным деловым партнером. Не выпадало из поля зрения японских аналитиков и то, что на фоне весьма скромного торгово-экономического обмена с Японией Россия быстро и успешно расширяет деловое сотрудничество с КНР, Республикой Корея, Индией, странами АСЕАН, стремится активно участвовать в работе АТЭС, формировании Восточноазиатского сообщества. Не желая, как говорят японцы, «опоздать на автобус», деловой мир этой страны смелее, чем прежде, стал идти на капиталовложения в российскую экономику, создание в России своих предприятий.

Это не на шутку обеспокоило тех японских политиков, для которых главным в отношениях с Россией является «дожимание» российского правительства по вопросу о Курилах, демонстрация твердости японской позиции. 25 марта 2003 г. была учреждена так называемая «Парламентская ассоциация за возвращение северных территорий», целью которой объявлено «скорейшее возвращение Россией Японии островов Итуруп, Кунашир, Хабомаи и Шикотан».

Новая провокационная затея части японских парламентариев заставила российское внешнеполитическое ведомство в отличие от прошлых лет занять принципиальную позицию. Российская сторона, заявили тогда в МИДе РФ, «считает этот шаг группы японских законодателей недружественным, контрпродуктивным и идущим вразрез с позитивными тенденциями, доминирующими в настоящее время в российско-японских отношениях».

В период начавшейся в России подготовки к выборам в Государственную думу, а затем и к избранию президента японское правительство воздерживалось от излишнего нагнетания страстей по поводу Курил, понимая, что это может спровоцировать стремившихся продемонстрировать патриотизм и защиту российских интересов российских политиков на ужесточение позиции в отношении территориальных притязаний Японии. Официальный Токио решил дожидаться переизбрания Путина на второй срок, рассчитывая, что, будучи уже не связанным последующими выборами, он сможет пойти на смелые волевые решения по «окончательному разрешению проблемы». Российский японовед Игорь Латышев так описал тогдашнюю ситуацию: «Хотя сам Путин нигде, ни разу в своих официальных заявлениях не подтвердил эту версию (о готовности передать Японии острова Хабомаи и Шикотан. — *А.К.*), тем не менее, японские политологи были склонны видеть в его молчании некий скрытый знак согласия, а в самом Путине были склонны видеть тайного друга, лишь ждущего момента, когда его политический вес станет достаточно велик, чтобы пойти наперекор отношению российской общественности к японским притязаниям на Курилы. Именно в лице Путина видели японские аналитики такого политика, который способен был решить территориальный спор на приемлемых для Японии условиях, а именно путем передачи японцам требуемой ими части Курильского архипелага»^{481}.

Справедливости ради следует заметить, что не все японские специалисты по России были столь оптимистичны. Наиболее искушенные аналитики предупреждали, что максимум, чего можно ожидать от Путина, — это согласие вернуться к рассмотрению условий 1956 г. Так, например, упоминавшийся выше профессор Кимура, оценивая сделанное Путиным в беседе с премьер-министром Коидзуми в дни празднования 300-летия Санкт-Петербурга замечание о том, что тот «не собирается топить территориальный вопрос в болоте», открыто подверг сомнению искренность российского президента, употребив слова «риппу сабису», что даже в облегченном варианте можно перевести, как «мягко стелет, да жестко спать».

Отнюдь не воодушевили Токио и слова нового министра иностранных дел РФ Сергея Лаврова о том, что российская сторона в

вопросе о территориях руководствуется положениями российской Конституции, которые необходимо строго соблюдать.

В ответ в очередную годовщину подписания акта о капитуляции милитаристской Японии — 2 сентября 2004 г. — был организован широко освещавшийся японскими СМИ демонстративный «инспекционный осмотр» премьер-министром Коидзуми «японских северных территорий». Причем, в отличие от предшественников, «инспектирование» было осуществлено не с вертолета, а с борта приблизившегося к российским территориальным водам японского сторожевика. На состоявшейся после вояжа в сторону российских земель встрече японского лидера с представителями местного населения он объяснил, что данную акцию предпринял «для того, чтобы японский народ глубже осознал: северные территории — это не проблема жителей Хоккайдо, это проблема всей страны». Вместе с тем было подчеркнуто, что «заклучения мирного договора с Россией не будет без решения проблемы северных территорий».

И все же Путин выполнил данное Мори обещание. В октябре 2004 г. было обнародовано российско-китайское соглашение, по которому Россия уступала КНР остров Большой на реке Аргунь, остров Тарабарова на реке Амур и часть Большого Уссурийского острова. Площадь переданных Китаю земель составила 337 квадратных километров. Хотя принятое без согласования с местными властями и населением Хабаровского края решение вызвало удивление и недовольство как на Дальнем Востоке, так и в Москве, каких-либо серьезных массовых акций протеста не последовало. Это вселило у российских руководителей надежду на то, что нечто подобное можно осуществить и на японском направлении.

14 ноября 2004 г., участвуя в напоминающей «ток-шоу» телепрограмме «Апельсиновый сок», министр иностранных дел РФ Лавров без какого-либо очевидного повода вдруг заявил на всю страну: «Мы хотим урегулировать отношения с Японией в полной мере. Для этого важно подписать мирный договор, в рамках которого должна быть урегулирована территориальная проблема... Среди обязательств СССР есть и декларация 1956 года... Как государство-продолжатель мы эту декларацию признаем, но ее реализация требует, чтобы разговаривали две стороны».

Конечно же, это был не экспромт Лаврова, а согласованная с высшим руководством страны акция. Не случайно уже на следующий день на заседании правительства президент Путин похвалил Лаврова за сделанное им накануне телевизионное заявление. В развитие обнародованной министром позиции он сказал: «Мы всегда выполняли и будем выполнять взятые на себя обязательства, тем более ратифицированные документы, но, разумеется, в том объеме, в каком наши партнеры готовы выполнять те же самые договоренности. Пока же, как мы знаем, нам не удалось выйти на понимание этих объемов, так, как мы это видим и как это видели в 1956 году». Как в России, так и в Японии эти заявления министра и президента были восприняты не иначе как предложение заключить мирный договор на условиях передачи Японии островов Хабомаи и Шикотан.

Каковы же были цели столь неожиданных заявлений? Думается, их было несколько. Во-первых, это был зондаж российского общественного мнения, попытка выяснения реакции народа на возможное изъятие части Курильских островов в пользу Японии. Во-вторых, важно было понять, насколько непримирима позиция японского правительства к идее компромисса. Наконец, для Москвы была выгодна ситуация, когда мяч перебрасывался на японскую сторону и в отсутствие прогресса на переговорах по мирному договору можно было винить Токио. Не случайно представители кремлевской администрации сразу заговорили о том, что, дескать, Россия прошла свою часть пути и теперь дело за Японией.

Реакция в России была весьма бурной. Незамедлительно активизировались противники любых территориальных уступок Японии. С резкими заявлениями выступили видные политики из числа депутатов Государственной думы, волна демонстраций и митингов протеста прокатилась по Дальнему Востоку, особенно на Сахалине и Курилах. Депутаты Сахалинской думы направили в Москву обращение, в котором указывалось: «Мы полагаем, что без предварительного заявления по вопросу о Курильских островах визит Президента РФ в Японию (намеченный на начало 2005 года) является потенциально опасным для России, и просим воздержаться во время этого визита от подписания двусторонних документов, касающихся передачи Курильских островов». Одновременно было опубликовано «Заявление Сахалинского совета общественных организаций» о намерении всеми

средствами защитить российские земли. В нем, в частности, говорилось: «Мы заявляем, что в случае проведения переговоров с Японией по вопросу передачи ей южных Курильских островов, а тем более в случае подписания договора об их передаче без согласования с населением Сахалинской области мы оставляем за собой право призвать население к гражданскому неповиновению. Мы заявляем, что в случае передачи Курильских островов Японии мы оставляем за собой право обратиться к Федеральному Собранию РФ с требованием об отрешении от должности Президента Путина В.В. по обвинению в государственной измене. Мы призываем политические партии, общественные организации, всех, кто неравнодушен к судьбе России, кто согласен с нами, поддержать нас и проявить свою волю»^{482}. Заметим, что в акциях по отстаиванию Курил принимали тогда участие и местные отделения пропрезидентской «Единой России».

Следует отметить, что телевизионные высказывания российских руководителей по поводу Курильских островов, на наш взгляд, были не до конца продуманы и небезупречны с юридической точки зрения. Они основывались на документе полувековой давности без учета существенных изменений, произошедших за столь продолжительный срок. На это указывалось депутатами Сахалинской областной думы в «Открытом обращении к министру иностранных дел РФ С. Лаврову» (опубликовано 24 мая 2005 г.). В обращении говорится: «В 1956 году не существовало международно-признанных 200-мильных экономических зон, исходной точкой отсчета которых являются в данном случае побережья Курильских островов. Таким образом, сейчас в случае передачи территорий объектом передачи уже являются не только и не столько острова, сколько неотделимые от них прилегающие экономические зоны, которые только контрабандных морепродуктов дают на сумму до 1 млрд. долларов США в год. Разве появление в мире после 1956 года морских экономических зон не является существенным изменением обстановки?»

В связи с этим заявление Путина о готовности «выполнять взятые на себя обязательства, тем более ратифицированные документы» выглядит в ином свете. Что касается зафиксированного в Совместной декларации 1956 г. обещания передачи на определенных условиях Хабомаи и Шикотана, то здесь, по мнению юристов, могут быть применимы положения Венской конвенции ООН о праве

международных договоров (1969 г.). В ней, в частности, предусмотрено, что «основанием для прекращения договора или выхода из него» может стать ситуация, когда «последствие изменения обстоятельств коренным образом изменяет сферу действия обязательств, все еще подлежащих выполнению по договору» (ст. 62, п. 1 «б»). Используя это и другие обстоятельства, депутаты Сахалинской думы поставили вопрос об «отказе от обязательств, данных российской стороной в части 2 статьи 9 Совместной декларации». Если ссылки на изменившиеся обстоятельства признать правомерными, поддержанное президентом Путиным предложение министра иностранных дел Лаврова будет выглядеть уже не как «выполнение обязательств», а как жест доброй воли, причем весьма щедрый.

Однако в Японии этот жест не был оценен. 16 ноября 2004 г. премьер-министр Коидзуми высокомерно заявил: «До тех пор, пока ясно не определится принадлежность Японии всех четырех островов, мирный договор заключен не будет... Этот курс правительства останется неизменным». Такой бескомпромиссный «курс» совпадает с позицией японских правых сил, которые открыто объявляют: «В настоящее время вопрос с японской стороны стоит принципиально: возврат всех северных островов Хабомаи, Шикотан, Кунашир и Итуруп или — ни одного». И это при том, что, по опросам общественного мнения, около трети японцев заявляют об «отсутствии необходимости упорно цепляться за возвращение территорий». Даже в «Центре движения за возвращение северных территорий» хоккайдском городе Нэмуру, где проживает большинство выходцев с южных Курил, 42 процента населения соглашается на частичную передачу островов или на совместное владение ими.

Свой ответ на объявленную непримиримую позицию японского правительства Путин дал 23 декабря 2004 г. во время большой пресс-конференции в Кремле. Тогда, отвечая на вопрос японского журналиста, он, в частности, сказал: «...Когда вы мне сегодня говорите: мы два острова не хотим, мы хотим четыре — для меня это несколько странно. Зачем было ратифицировать тогда?.. Если Япония ратифицировала эту Декларацию, почему сейчас японская сторона поднимает снова вопрос о четырех островах?»

Несмотря на отказ российского президента выходить за рамки Совместной декларации 1956 г., прибывший в середине января 2005 г. в

Москву министр иностранных дел Японии Матимура Нобутака продолжал упорно настаивать на том, что только «четкое заявление обеих сторон о принадлежности всех четырех островов Японии позволит его стране пойти на подписание мирного договора». Хотя на пресс-конференции по итогам переговоров министр иностранных дел Лавров по поводу территориального спора ограничился заявлением о том, что «наши позиции на этот счет расходятся, они противоположны», как стало известно потом, между руководителями внешнеполитических ведомств произошел весьма нелестный разговор. Одна из японских центральных газет сообщала: «В ответ на требование Матимуры министр иностранных дел Лавров ясно сказал, что он намерен в дальнейшем вести переговоры на основе Совместной декларации... Если же Япония не захочет видеть окончательное решение вопроса в возврате ей двух островов, то тогда наш ответ будет нулевым...».

В сложившейся обстановке российская сторона благоразумно решила не спешить с визитом президента в Японию, тем более в период 150-й годовщины подписания Симодского трактата, по которому входившие в состав Российской империи южные Курилы ради установления дипломатических и торговых отношений передавались Японии.

Видимо, осознав бесперспективность дальнейших переговоров с целью нахождения взаимоприемлемого компромисса, президент Путин решил расставить точки над «i», внося наконец-то ясность в позицию Кремля по поводу Курильских островов. Незадолго до официального визита в Японию во время проведенной 27 сентября 2005 г. телевизионной «Прямой линии» он со всей определенностью заявил, что Курильские острова «находятся под суверенитетом России и в этой части она не намерена ничего обсуждать с Японией... Это закреплено международным правом, это результат Второй мировой войны».

Заявление произвело в Японии эффект разорвавшейся бомбы. Токио был обескуражен тем, что в высказывании Путина уже не упоминался «компромиссный вариант» по поводу двух островов. Смоленской площади пришлось объясняться. Дипломатам было поручено растолковать японским журналистам существо фактически новой позиции российского руководства. Она, как выяснилось, состоит в том, что правительство Японии сначала должно подписать мирный

договор, в котором был бы официально подтвержден суверенитет Российской Федерации над всеми четырьмя Курильскими островами, и только после этого российская сторона сможет вступить в переговоры о принадлежности островов Хабомаи и Шикотан. Это и был «нулевой ответ», о котором предупреждал своего коллегу министр Лавров.

Хотя горячие головы в Японии стали предлагать в ответ расширить претензии к России, заявив о непризнании правомерности владения ею всем Курильским архипелагом и Южным Сахалином, потребовав выплаты денежных компенсаций переселенным с южных Курил японцам и их семьям и прочее, руководители страны в обстановке фактического прекращения контактов на высшем уровне с правительствами КНР и Республикой Корея, не говоря уж о КНДР, постарались избежать ухудшения отношений еще и с Россией. Поэтому состоявшийся в ноябре 2005 г. непродолжительный визит Президента РФ Путина в Японию внешне был обставлен как дипломатическое мероприятие с целью продолжения обмена мнениями по двусторонним и международным вопросам. Однако в действительности произошло качественное изменение характера обсуждения вопроса о заключении мирного договора. Если при Горбачеве и Ельцине японское правительство позволяло себе насаждать на партнеров по переговорам, открыто требовать необоснованных уступок, то теперь, столкнувшись с принципиальной позицией российского руководства, тактику приходилось менять.

Новым моментом стал и неожиданный для японцев отказ российской стороны подписывать и публиковать совместное заявление по итогам визита. Для японского правительства это было небывалое ранее фиаско, ведь в таких совместных заявлениях из раза в раз Токио добивался фиксации согласия сначала Горбачева, а затем Ельцина вести переговоры о принадлежности Курильских островов, тем самым в нарушение Конституции РФ подвергая сомнению их принадлежность России. Отказавшись подписываться под выгодными японцам формулировками ельцинского периода, Путин тем самым еще раз подтвердил серьезность своего заявления о нежелании обсуждать вопрос о принадлежности Курильских островов. Вместе с тем в Токио им вновь было заявлено о готовности к совместному поиску взаимоприемлемых условий, на которых можно было бы подписать мирный договор. 9 сентября 2006 г. во время проходившей в Ново-

Огареве встречи с иностранными политологами он говорил: «С Японией нам бы хотелось урегулировать все наши спорные вопросы, в том числе территориального характера. Мы не хотим их консервировать — мы искренне хотим решать, но на приемлемых условиях и для России, и для Японии».

Хотя, похоже, президент Путин продолжал оставаться сторонником разрешения территориального спора путем возврата к положениям Совместной декларации 1956 г., становилось очевидным, что как в Японии, так и в России отсутствуют политические и, что еще важнее, психологические условия для согласия на такой компромисс. Согласно проведенным опросам общественного мнения против передачи Японии как четырех, так и двух островов выступило подавляющее большинство граждан России. По данным ВЦИОМ, в октябре 2005 г. о своем несогласии с уступкой Японии южных Курил заявили 73 процента опрошенных и только 2 процента посчитали это допустимым. Эти цифры были опубликованы накануне визита президента РФ в Японию и, по всей видимости, были должным образом учтены.

Власть новая — претензии старые

Как отмечалось выше, на протяжении многих лет японское правительство стремилось использовать заинтересованность Москвы в развитии торгово-экономического сотрудничества с Японией для достижения своих политических целей. Во времена Горбачева и Ельцина с различными вариациями Токио применял принцип «нераздельности политики и экономики». Японские лидеры открыто заявляли, что широкое экономическое сотрудничество с Россией возможно только при разрешении в полном объеме в пользу Японии территориальной проблемы. Расчет делался на то, что в обстановке дальнейшего обострения экономического и финансового кризиса в России руководство этой страны рано или поздно будет вынуждено идти на поклон к Японии, пересматривать свою политику в отношении японских территориальных требований. Следует признать, что эта тактика приносила определенные плоды. В нашей стране было сформировано хотя и малочисленное, но весьма активное «японское лобби», которое убеждало российское руководство идти на уступки требованиям Токио ради получения материальных благ — финансовых займов, кредитов и инвестиций.

Однако в действительности пассивность японского бизнеса в отношении России объяснялась не столько нерешенностью территориальной проблемы, сколько отсутствием в России привлекательного инвестиционного климата. Политическая нестабильность, законодательная чехарда, повсеместная коррупция, разгул организованной преступности — все это отпугивало японских бизнесменов, привыкших к понятным и безопасным правилам ведения международной торговли и экономического сотрудничества с зарубежными государствами. Россия негласно была объявлена «зоной повышенного риска для бизнеса», страной, где могли преуспеть не солидные инвесторы, а различного рода международные спекулянты и авантюристы.

Подтверждением вышесказанному является то, что, как только в России приступили к наведению элементарного порядка в отношении условий работы на российском рынке иностранных компаний, японский крупный капитал не пожелал оказаться обойденным на этом

рынке корпорациями других стран. Позитивные изменения в течение последних лет в российской экономике способствовали оживлению двусторонних деловых связей, росту востребованности российского рынка японским бизнесом для наращивания сбыта своей продукции.

Качественные подвижки в инвестиционной политике Японии в России начали проявляться в 2005—2006 гг. в связи с принятыми в этот период решениями корпораций «Тойота» и «Ниссан» о строительстве крупных сборочных предприятий в Ленинградской области. За ними последовали японские автомобилестроительные компании «Судзуки», «Исудзу», «Мицубиси моторе». Заявили о своем желании создать свои предприятия в России и выпускающие дорожно-строительную технику компании «Комацу» и «Хитати».

Нестабильная ситуация на Ближнем Востоке, откуда Япония импортирует 80 процентов необходимой ей нефти, заставила японский крупный бизнес искать пути диверсификации источников углеводородного топлива. В связи с этим японские компании возлагают немалые надежды на сотрудничество с российским топливно-энергетическим комплексом. К настоящему времени запущены нефтегазовые проекты «Сахалин-1», «Сахалин-2», существуют проекты инвестиционного участия в освоении якутских нефтегазовых и угольных месторождений, программах энергосбережения на предприятиях российского ТЭК, в сфере атомной энергетики.

Японские власти и бизнес не скрывают своей заинтересованности в скорейшем сооружении нефтепровода «Восточная Сибирь — Тихий океан», что позволит значительно расширить импорт российских углеводородов. В обстановке, когда не удалось подписать межправительственное соглашение о сотрудничестве в осуществлении этого проекта, ведутся переговоры об участии японских компаний в строительстве нефтепровода. Японские компании проявляют интерес к участию в геолого-разведочных и нефтегазодобывающих проектах, в особенности в Иркутской области.

По данным ученых, в России сконцентрировано 30 процентов мировых запасов угля, причем более 60 процентов российских запасов угля находится в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Среди этих запасов имеются месторождения, уголь которых уже сейчас экспортируется или перспективен для экспорта в страны Северо-Восточной Азии, в том числе в Японию. Немалые возможности и в

развитии международной кооперации в части разработки и реализации современных технологий преобразования угля в жидкое и газообразное топливо.^{483}.

Весьма перспективным может стать проект модернизации Транссибирской железнодорожной магистрали. В этом весьма заинтересованы японские концерны, возводящие свои заводы в европейской части России. Эффективное использование российских железных дорог позволило бы экономить время и значительные средства при доставке на эти заводы комплектующих деталей и необходимого оборудования. Модернизация Транссибирской магистрали и вследствие этого ее большая загрузка выгодны и для экспортно-импортных грузоперевозок между восточноазиатскими и европейскими государствами.

Позитивные явления в российско-японских торгово-экономических отношениях с удовлетворением отмечали японские дипломаты. Так, тогдашний посол Японии в России Сайто Ясуо, подводя промежуточные итоги, говорил: «Объем товарооборота в 2005 году впервые превысил 10 миллиардов долларов, а в 2006 году достиг 13,7 миллиарда. В этом (2007) году высока вероятность, что падет планка в 20 миллиардов. Когда я приехал в вашу столицу, в Японский бизнес-клуб в Москве входило 130 японских компаний, сейчас их 169, и каждый месяц становится больше в среднем на две компании».^{484}.

Видимо, возымели эффект и слова бывшего председателя Правительства Российской Федерации Михаила Фрадкова, который при посещении Японии с официальным визитом в феврале 2007 г., обращаясь к представителям крупного бизнеса этой страны, заявил: «Сейчас риска инвестировать в Россию нет, есть риск потери прибылей из-за боязни инвестировать в Россию».^{485}.

Отрадно, что необходимость совершенствования структуры российско-японских торгово-экономических связей находит понимание в Японии. Посол Сайто отмечал: «...Обе страны взаимно дополняют друг друга. У России богатые природные ресурсы, а у Японии — высокие технологии. Сотрудничество в освоении ресурсов, несомненно, очень выгодно обеим странам. Кроме того, для России, стремящейся к диверсификации структуры промышленности и повышению ее добавочной стоимости, большой интерес должны представлять технологические мощности и ноу-хау Японии. Россия

серьезно заинтересована в освоении Дальнего Востока и Восточной Сибири, а в ходе встречи на высшем уровне в июне этого года Япония предложила “Инициативу по укреплению японо-российского сотрудничества в регионах Дальнего Востока и Восточной Сибири”. Этот документ затрагивает сферы интересов обеих стран в различных областях, включая энергетику, транспорт, информацию и связь, охрану окружающей среды, обеспечение безопасности и так далее. Президент Владимир Путин на встрече на высшем уровне в сентябре заявил, что Россия также хотела бы вести освоение Дальнего Востока и Восточной Сибири в сотрудничестве с Японией».^{486}.

Такое сотрудничество во многом способствовало бы осуществлению принятой 15 июня 2007 г. Правительством РФ «Восточной программы» развития азиатской части страны. На состоявшихся в декабре 2007 г. переговорах делегации Газпрома с японскими партнерами стороны отметили значительные перспективы взаимодействия в рамках этой программы. В частности, особое внимание было уделено сотрудничеству в области развития на Востоке России газоперерабатывающих и газо-химических производств и маркетинга произведенной продукции.^{487}.

Идея необходимости разумного баланса дипломатического диалога и экономического сотрудничества овладевает и умами японских политиков высшего звена. Японский политический истеблишмент начинает сознавать, что использование экономического сотрудничества в качестве политического инструмента для оказания давления на российское руководство в новых условиях возрождения России не даст ожидаемых результатов. Подкрепляемый реальной политикой курс на восстановление России в качестве одной из великих держав убеждает официальный Токио в необходимости отказываться от принципа «неразрывности политики и экономики».

Объем товарооборота между Японией и Россией в 2008 г. вырос почти до 30 млрд. долларов, что означало пятикратный рост за пять лет. Однако такое поступательное развитие торгово-экономических связей двух соседних стран оказалось не по нраву тем силам в Японии, которые продолжают настаивать на необходимости использовать заинтересованность России в экономическом сотрудничестве для усиления давления на Москву по «территориальному вопросу». Принадлежащие к правому крылу японского политического

истеблишмента экспертные группы и общества регулярно направляют в правительство «рекомендации», в которых призывают не поддерживать крупные проекты с Россией, увязывать такую поддержку с конкретными уступками Москвы в вопросе о принадлежности Курил. Они фактически отвергают постулат о том, что именно широкие торгово-экономические и культурные связи создают необходимый политический климат, при котором возможны какие-либо подвижки в политических вопросах, особенно таких сложных, как территориальные. Эти мысли пытался довести до тогдашнего премьер-министра Асо Таро президент Медведев, пригласивший в феврале 2009 г. своего японского коллегу на Сахалин на церемонию открытия сооруженного с участием японского капитала завода по сжижению природного газа. Видимо, желая привнести какой-то элемент новизны в российскую позицию, президент предложил поиск «нестандартного решения» пограничного вопроса. Скорее всего, это был намек на то, чтобы подумать о возможности компромиссного разрешения противоречий.

Японский премьер это понял и устами спецпредставителя правительства, бывшего первого замминистра иностранных дел Яти Сётаро, предложил решение, которое можно назвать «арифметическим». Была выдвинута идея сложить площади «спорных островов» и поделить полученную сумму пополам. По японским расчетам, в этом случае к Японии должны были отойти группа острова Малой Курильской гряды — Хабомаи и Шикотан, весь остров Кунашир и около четверти острова Итуруп. При этом Россия лишалась не только островов, но и омывающих их 200-мильных экономических зон и имеющих важное военно-стратегическое значение глубоководных проливов. Естественно, российское руководство не могло согласиться с таким «разделом», тем более что для его реализации не существует никаких юридических оснований.

В обстановке приближавшихся всеобщих парламентских выборов премьер-министр Асо решил продемонстрировать твердые позиции своей партии как поборника интересов Японии. Отбросив дипломатический этикет, он сделал в мае 2009 г. в парламенте заявление о том, что южная часть Курильских островов якобы находится под «оккупацией России». Необходимо подчеркнуть, что формулировка «незаконная оккупация северных территорий» — это

пропагандистское клише из арсенала японских националистических организаций. До последнего времени официальные лица Страны восходящего солнца, тем более премьер-министры и министры, избегали подобных высказываний. Это был явный вызов, не отвечать на который было невозможно.

Ответ был дан 29 мая 2009 г. во время церемонии вручения в Кремле верительных грамот вновь прибывшими в российскую столицу зарубежными послами, среди которых был и новый чрезвычайный и полномочный посол Японии в России Коно Масахару. В своем приветственном слове российский президент Медведев твердо заявил: «Мы стремимся к новому качеству взаимовыгодного партнерства с Японией, но не можем не отметить попытки японской стороны поставить под сомнение суверенитет России над Курильскими островами. Такие действия, конечно, не способствуют продолжению переговоров, на них следует обратить внимание. Надеюсь, что в Токио адекватно оценят ситуацию и сделают правильные выводы по этому поводу»^{488}.

Однако внутренние интересы токийских политиков возобладали над соображениями дипломатии. Летом 2009 г. депутаты японского парламента, причем как правящих, так и оппозиционных партий, пошли на явно провокационную акцию. В июне — июле сначала нижняя, а затем верхняя палаты парламента единогласно приняли специальную резолюцию, объявляющую принадлежащие России острова «исконными территориями Японии» и призывающую добиваться скорейшего их «возвращения». Попытка закрепления в законодательном порядке притязаний на входящие по Конституции РФ в состав Российской Федерации земли вызвали резкую реакцию российских законодателей, потребовавших от японских коллег дезавуировать этот провокационный документ. В противном случае Правительству РФ предлагалось прекратить всяческое обсуждение с официальным Токио проблем территориального размежевания. Однако представители японского МИДа ограничились лишь комментарием о том, что-де принятая обеими палатами резолюция не имеет обязательной силы и не должна повлиять на ход японо-российских переговоров по мирному договору.

Естественно, подобные «разъяснения» не могли удовлетворить Москву. МИД РФ предупредил: «Рассматриваем необоснованное

нагнетание территориальных требований к России как неуместное, неприемлемое и несоответствующее поиску взаимоприемлемых решений по вопросу заключения мирного договора». Высказался на эту тему и президент Медведев, встретившийся в рамках саммита G8 в итальянском городе Л'Аквила с премьер-министром Японии Асо. Было обращено внимание на то, что обсуждение таких сложных и важных тем, как заключение мирного договора и территориальная проблема, должно проходить в соответствующей атмосфере. А эта атмосфера, по оценкам российской стороны, «в последнее время не сильно улучшилась, и даже наоборот, ряд шагов привел к всплеску эмоций»^{489}.

В августе 2009 г. на парламентских выборах в Японии победила Демократическая партия, новым премьер-министром стал Юкио Хатояма. С этим политиком в России связывали определенные надежды на реалистический подход к проблемам, по которым позиции не совпадают. Принималось во внимание, что дед нового японского лидера в бытность в 1956 г. премьер-министром восстановил японо-советские дипломатические отношения, а сам он, возглавляя до последнего времени Общество «Япония—Россия», вносил немалый вклад в расширение двусторонних связей. В Москве с удовлетворением восприняли объявленную Хатоямой в парламенте политическую платформу, в которой провозглашались партнерские отношения Японии с Россией. ВТ посвященной нашей стране части выступления отмечается: «Если говорить об японо-российских отношениях, то я намерен продвигать вперед и политические, и экономические отношения, как “два колеса одной телеги”, и активно работать над тем, чтобы подписать мирный договор, окончательно разрешив вопрос о северных территориях — главный нерешенный вопрос между нашими странами. Также, рассматривая Россию как партнера в Азиатско-Тихоокеанском регионе, я намерен и в дальнейшем укреплять отношения сотрудничества»^{490}.

Как показали первые шаги нового кабинета, в нем существуют различные подходы к территориальным проблемам с соседними государствами — Россией, КНР, Республикой Корея. Часть министров понимают, что, объявляя приверженность идее создания Восточноазиатского сообщества, не следует искусственно нагнетать страсти вокруг противоречий по вопросам границ. Однако занимающие

ключевые министерские посты политики склонны продолжать «прессинговать» российское правительство, открыто добиваясь уступок. Зная, что российское руководство решительно отвергает обвинения в «незаконном владении Курилами», они, тем не менее, пошли на очередную политическую провокацию. В конце ноября 2009 г. было обнародовано правительственное заявление о том, что южнокурильские острова «находятся под оккупацией России».

Притязания японского правительства на законно перешедшие к России (СССР) территории подпадают под понятие «реваншизм», что в данном случае означает «стремление к пересмотру результатов поражения в прошлом, к возвращению потерянных в войне территорий». Поэтому понятна жесткая реакция российского руководства на подобные попытки в одностороннем порядке подвергнуть ревизии итоги Второй мировой войны. В направленной 24 ноября 2009 г. в МИД Японии официальной ноте, в частности, говорится: «В Москве обратили на упомянутый шаг правительства Японии самое серьезное внимание. Считаем необходимым подчеркнуть, что южные Курильские острова являются неотъемлемой частью территории Российской Федерации на законных основаниях по итогам Второй мировой войны в соответствии с имеющими обязательную юридическую силу для Токио соглашениями и договоренностями между союзными державами, а также Уставом ООН, который ратифицирован Японией. Одобрение японским правительством документа, воспроизводящего вышеуказанную формулировку, не может быть расценено иначе, как неприемлемое»^{491}.

Соответствующее предупреждение прозвучало и из уст министра иностранных дел Лаврова: «Мы стремимся к новому качеству взаимовыгодного партнерства с Японией, но не можем не отметить попытки японской стороны поставить под сомнение суверенитет России над Курильскими островами. Такие действия, конечно, не способствуют продолжению переговоров, на них следует обратить внимание. Надеюсь, что в Токио адекватно оценят ситуацию и сделают правильные выводы по этому поводу»^{492}.

Занятая японским правительством позиция заводит вопрос о заключении мирного договора в тупик. Это сознают не только политики, но и подавляющее число граждан нашей страны. По данным

проведенного ВЦИОМ в июле 2009 г. в России опроса, 89 процентов ответивших выступают против территориальных уступок Японии. При этом 79 процентов считают, что пора перестать обсуждать этот вопрос. Важно и то, что 63 процента ответили, что их отношение к президенту Медведеву изменится в худшую сторону в случае уступки Курил Японии.^{493}.

Все говорит о том, что в обозримом будущем найти какие-либо устраивающие обе стороны компромиссы маловероятно. А посему следует развивать отношения, не выдвигая вопрос о мирном договоре на первый план. В конце концов, у нас нет мирного договора с главным противником в войне — Германией, и это не мешает добрососедству и активному сотрудничеству между двумя странами.

С другой стороны, затянувшийся период конфронтации и недоверия не может продолжаться вечно. При всей сложности выпавшей на долю наших стран истории рано или поздно будет положен конец непродуктивной и вредной политике различного рода претензий друг к другу и XXI век явит пример плодотворного взаимодействия двух соседних великих народов.

Послесловие

История взаимоотношений России и Японии дает достаточно оснований утверждать, что наша страна законно владеет Курильскими островами при соблюдении соответствующих норм международного права. Претензии на эти территории напрямую затрагивают суверенитет Российской Федерации, противоречат международным документам послевоенного урегулирования, уставу ООН. С другой стороны, согласие вести переговоры о государственной принадлежности входящих по Конституции в состав России земель не согласуется с требованиями основополагающих документов нашей страны.

В «Концепции внешней политики Российской Федерации» провозглашается: «Высшим приоритетом внешнеполитического курса России является защита интересов личности, общества, государства. В рамках этого процесса главные усилия должны быть направлены на обеспечение надежной безопасности страны, сохранение и укрепление ее суверенитета и территориальной целостности». «Концепция национальной безопасности» обязывает центральные и местные органы власти в своей практической деятельности исходить из положения о том, что «интересы государства состоят в незыблемости конституционного строя и территориальной целостности России, в политической, экономической и социальной стабильности, в безусловном обеспечении законности и поддержании правопорядка, в развитии равноправного и взаимовыгодного международного сотрудничества». В связи с этим имевшие место в 90-е гг. попытки некоторых российских политиков и государственных чиновников склоняться к уступкам Японии в ее территориальных требованиях к нашей стране следует признать противоречащими законодательству РФ и несовместимыми с интересами безопасности страны.

Курильские острова являются частью границы РФ, которая не только служит линией пограничного размежевания с Японией, но и представляет собой естественный передовой рубеж защиты всего дальневосточного побережья России, позволяющий контролировать всю акваторию Охотского моря, обеспечивать свободный выход российского военно-морского флота в Тихий океан. При этом особую

важность имеют незамерзающие и глубоководные проливы между южнокурильскими островами, на которые претендует Япония. Именно здесь российские подводные лодки могут выходить в Тихий океан в подводном положении. Потеря этих проливов создаст ситуацию, когда Охотское море в известном смысле превратится во «внутреннее», а Тихоокеанский флот не сможет в полной мере выполнять возложенные на него боевые задачи.

При рассмотрении военно-стратегического аспекта ситуации в зоне южнокурильских островов следует исходить из того, что Япония является военно-политическим союзником США в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а в последнее время и в глобальном масштабе. Об этом свидетельствует направление по требованию США японского воинского контингента в Ирак, поддержка военных операций в Афганистане, дебаты в японском парламенте по поводу исключения из конституции страны положений об отказе от обладания вооруженными силами и права ведения войны, преобразование управления сил самообороны в министерство обороны, последовательное наращивание боевых возможностей японских вооруженных сил, высказывания в пользу обладания ядерным оружием и др. Продолжается проведение различных мероприятий оперативной и боевой подготовки японских вооруженных сил в районах так называемого «передового базирования» близ границ Российской Федерации, КНДР и КНР.

Курильские острова имеют важное хозяйственное значение. Немалую ценность представляют запасы минеральных ресурсов южнокурильских островов: углеводороды — около 2 млрд. тонн, золото и серебро соответственно около 2 тыс. тонн и около 10 тыс. тонн, титана — около 40 млн. тонн, железа — свыше 270 млн. тонн, серы — 117 млн. тонн. На острове Итуруп имеется источник исключительно важного для электронной промышленности редкого металла рения, ежегодный вынос которого составляет 36 тонн — годовое потребление в мире. Другого месторождения рения в России нет. Курильские острова богаты местными энергетическими ресурсами, используя которые возможно решить проблему энергообеспечения по количеству, качеству и с более низким тарифом. Особенно перспективна геотермальная энергетика, запасы которой на Курилах огромны.

Согласно имеющимся расчетам при соответствующих капиталовложениях местные энергетические ресурсы позволяют

решать проблему теплоснабжения островов без поставок энергоносителей извне. Разнообразны рекреационные ресурсы Курил — минеральные источники и лечебные грязи, своеобразная и неповторимая природа. Большие доходы можно получать при создании на островах современной туристической индустрии.

Главным же богатством региона являются крупнейшие ресурсы ценных пород рыб и морепродуктов. Район южных Курил является местом, где отмечается довольно редкое явление, именуемое апвеллинг, а именно зона встречи теплого и холодного морских течений. В результате происходит турбуленция воды и подъем с морского дна корма для рыб и морепродуктов. Это привлекает сюда огромные стада рыб. Считается, что на планете подобных мест всего десять.

Общие запасы морепродуктов и других возобновляемых биоресурсов в данном регионе составляют более 5 млн. тонн, а общедопустимые уловы — 800 тыс. тонн. Фактически же среднегодовые объемы вылова морепродуктов составляют 1-1,2 млн. тонн. Стоимость добываемых ресурсов превышает 4 млрд. долларов. В районе южных Курил в больших количествах добываются минтай, треска, навага, камбала, окуни, сайра, скумбрия, лосось, анчоус, тунцы, крабы, креветка, морские ежи, гребешок и многие другие виды. Курильские острова располагают мощной сырьевой базой для развития производства биофармацевтической продукции. В настоящее время существуют уникальные отечественные и зарубежные технологии по переработке имеющихся в изобилии на Курилах бурых, красных и зеленых водорослей, из которых изготавливают весьма ценные биопрепараты. Единственная промысловая база в России по добыче анфельции (сырья для производства агара) имеется только на острове Кунашир в заливе Измены. Потребность России в агаре — 3 тыс. тонн, применение его — от кондитерской до оборонной промышленности. Из-за неразвитости собственного производства агара тратится ежегодно более 10 млн. долларов на его закупку за рубежом.

Вопрос о судьбе южнокурильских островов не может быть ограничен лишь соображениями военно-стратегических и экономических интересов. Это весьма острый вопрос чести и национального достоинства государства и народа. Происходившее в 90-е гг. ослабление России, падение ее престижа и влияния в мире до сих пор весьма болезненно воспринимается населением страны,

независимо от места проживания людей. Постановка японским правительством в близкой к ультимативной форме вопроса о «возвращении» Курильских островов воспринимается как проявление реваншизма, неуважение вклада СССР в победу над фашистской Германией и милитаристской Японией, стремление воспользоваться временными трудностями нашей страны для отторжения законно принадлежащих ей земель.

Следует сознавать, что навязанная нам японцами и бывшим руководством страны так называемая «курильская проблема» давно переросла из дипломатической в острую проблему внутривнутриполитической борьбы, что оказывает воздействие на расстановку политических сил в центре и в регионах. Территориальные уступки в период сложных и болезненных социально-экономических преобразований, да еще под жестким давлением из-за рубежа, явятся социальной травмой в сознании народа, могут стать фактором внутривнутригосударственной и международной нестабильности. Народ едва ли согласится с ситуацией, когда Россия приобретет имидж страны, по существу торгующей территориями.

Принимаемые российским правительством меры по социально-экономическому развитию Курильских островов объективно направлены на укрепление позиций России в территориальном споре с Японией. Как известно, в 90-е гг. японской стороне удавалось добиваться заключения соглашений, позволявших своим гражданам уклоняться от соблюдения, а подчас и нарушать существующее российское законодательство (безвизовое посещение Курильских островов, ловля рыбы и добыча морепродуктов в территориальных водах РФ по ущербным для нашей страны соглашениям, ведение на российской территории пропаганды отторжения Курил в пользу Японии, поощрение браконьерского лова в акватории Курил и др.). В связи с этим следует добиваться неукоснительного соблюдения иностранцами существующего российского законодательства, за исключением случаев, когда создаются особые, способствующие более успешному хозяйствованию условия (создание специальных экономических зон, введение льготного налогообложения и т. д.).

В случае продолжения хищнического вылова, нарушения экологической среды, недостаточного внимания к процессам воспроизводства водных биоресурсов существует реальная опасность

сокращения объемов добычи, исчезновения ценных пород рыб и морепродуктов, как это имело место из-за загрязнения в акватории добычи нефти по международным проектам «Сахалин-1» и «Сахалин-2».

По мнению ученых, в случае ослабления влияния России в районе Курильских островов или его утраты наша страна понесет несомненные экономические потери, лишившись природных ресурсов общегосударственного значения. Будут потеряны биологические и минеральные ресурсы шельфа и морской экономической зоны; лососи, нерестящиеся в реках крупнейших из южных Курильских островов; химические компоненты геотермальных вод; рекреационные, в основном туристические, и бальнеологические ресурсы; возможность базирования и обслуживания рыбохозяйственного флота, как отечественного, так и других стран. При этом произойдет потеря не только ресурсов, непосредственно связанных с островами, но и неизбежная перекройка границ экономических зон, особенно сложная в Охотском море, где дополнительный интерес представляют нефть и газ на шельфе.

В 90-е гг. в результате фактического игнорирования насущных социально-экономических проблем Курил, молчаливого согласия московских и местных чиновников с оказанием «гуманитарной помощи» жителям островов со стороны Японии появились признаки утраты Российской Федерацией своих стратегических позиций в данном регионе. В результате не только в Японии, но и в других государствах стали рассматривать Курилы как территории, не имеющие для России практического значения.

Интерес к данному району проявляет не только Япония, но и США. Уход России с южных Курил и переход их под японский контроль могут привести к тому, что на них будут созданы новые рубежи передового развертывания объединенной японо-американской военной группировки. Территория южных Курил может быть использована для передислокации части военных баз США на Окинаве, чего упорно добивается население этого острова. Так как Пентагон не намерен сокращать свое присутствие в Японии, размещение американских баз на Курилах в случае их передачи было бы подходящим решением и для Токио, и для Вашингтона. Насколько можно полагаться на заверения о том, что этого не произойдет,

свидетельствует опыт вывода наших войск из Германии. Тогда тоже обещали «не расширять НАТО на Восток».

По еще недавним расчетам японских политиков, неблагоприятная социально-экономическая ситуация на Курильских островах, забвение интересов населяющих их людей рано или поздно должны были привести к согласию местного населения «возвратить» южные Курилы Японии. Подобные мысли вкладывались в умы как курильчан, так и представителей центральной российской власти. Так, например, в изданной на русском языке специально для политиков и руководящего состава властных структур РФ японской книге «Вехи на пути к заключению мирного договора между Японией и Россией» ее авторы утверждают: «Эти острова никаких прибылей России не дают. Наоборот, большинство из 14 тыс. жителей островов претерпевают жизненные невзгоды. Вследствие того, что правительство России не в состоянии оказывать в достаточной степени основному населению эффективную помощь, оно поддерживает свое существование, находясь в значительной мере в зависимости от гуманитарной помощи со стороны Японии». При этом в японской печати высказывались надежды на то, что тяжелое положение курильчан будет побуждать их покидать острова и искать лучшей жизни в других местах. И эти расчеты не лишены основания. А потому особое внимание должно быть в первую очередь сосредоточено на осуществлении комплекса неотложных мероприятий по закреплению населения Курильских островов, а в перспективе его увеличению. Без решения этой кардинальной проблемы реализация программ социально-экономического возрождения Курил может оказаться под угрозой.

Необходимо в ближайшее время принять правительственное решение о возвращении к прежней практике установления для жителей островов различного рода льгот, существенных надбавок к окладам, а также выплат «за отдаленность». При этом важно не допустить сопровождающего повышение доходов роста потребительских цен, витка местной инфляции. Одновременно должны быть приняты меры по созданию на островах привлекательных рабочих мест. Для успешного осуществления вышеуказанных мероприятий важно развернуть в российских средствах массовой информации кампанию по разъяснению преимуществ условий работы и жизни на островах.

С другой стороны, на межгосударственных переговорах с японским правительством следует, не прибегая к дипломатическим двусмысленностям и невнятным формулировкам, вести честный диалог, разъяснять невозможность для России поступаться принадлежащими ей территориями. Примером такого подхода является заявление президента РФ В. Путина о том, что он «не считает южнокурильские острова спорными». Это укладывается в положения Совместной декларации 1956 г., где говорится не о «возвращении» островов Хабомаи и Шикотан, а об их возможной «передаче» в виде жеста доброй воли. Согласие российского политического руководства вернуться к положениям пятидесятилетней давности не ведет к автоматическому переносу этих условий в наши дни, ибо с тех пор произошли кардинальные изменения, требующие специального обсуждения таких вопросов, как рыболовство в 200-мильной экономической зоне, разработка месторождений на шельфе островов, использование их в военных целях и др.

Было бы разумным эффективно использовать наметившуюся в последнее время тенденцию на развитие политических, торгово-экономических, культурных и иных связей для создания в общественном мнении обеих стран позитивного образа страны-соседа. Ибо, как показывает опыт, только при условии взаимопонимания, доверия, уважения интересов друг друга и искреннего, а не конъюнктурного стремления к добрососедству и взаимовыгодному сотрудничеству возможны какие-либо новые идеи и подвижки в решении столь деликатных, затрагивающих глубокие национальные чувства народов территориальных проблем.

Документы и материалы

ГЛАВА I

1. 1772 г. ноября 28. — Из инструкции иркутского губернатора генерал-поручика А.И. Бриля главному командиру Камчатки премьер-майору М.К. Бему.^{494}

21. Ис приложенной при сем карты усмотрите и о сем, что от самой Курильской Лопатки в полуденную сторону в море находятся Курильские острова, на которых живут верноподданные ея И. В. ясашные курильцы, а на самых дальних называемые мохнатые. А простираются те острова даже до японских городов, т. е. до первого Матмая. И в прошлом 768-м году как для збору с них ясаку, а протчйх дальних мохнатых курильцов для приведения в подданство ея И. В., а сверх тово описания и разведывания тамошних жителей послан был ис Камчатки в бытность там командира флота капитана Извекова казачей сотник Черной... На всех же тех островах он, Черной, ясаку несколько собрал и в казну объявил.

И для того, я за необходимостью почитаю на первый случай предписанным же судовым компаньонам объявить, а при том, и увещевать, не пожелает ли кто из них согласиться зделать в Камчатке особливое небольшое тамошним манером судно и следовать в предписанные Курильские острова, даже и до последнего двадцать второго называемого Аткисом (в действительности такого острова не существовало, за него было ошибочно принято северо-восточное побережье острова Хоккайдо. — *А.К.*), а смотря по обстоятельству, и до японского Матмая или до других в близости к тем Курильским островам берегов.

2. Указ Екатерины II Коллегии иностранных дел о сохранении права России на земли и острова, открытые русскими мореплавателями в Тихом океане, от 22 декабря 1786 г.^{495}

Указ нашей Кольлегии иностранных дел:

По случаю покушения со стороны аглинских торговых промышленников на производство торгу и промыслов звериных на Восточном море поданное нам мнение наших действительнаго тайного

советника и Комерц-коллегии президента графа Воронцова и гофмейстера графа Без-бородка, препровождая сим, повелеваем нашей Коллегии иностранных дел все тут представленное к сохранению права нашего на земли, мореплавателями российскими открытыя, произвести в действо, поколику то от оной зависит.

Что же касается до посылки судов к тем местам из Балтийского моря мимо мыса Доброй Надежды, о том дали мы повеление Адмиралтейской коллегии, равно как и правящему должность генерала-губернатора иркутскаго и колыванскаго генералу-порутчику Якобию, о чем следовало, от нас предписано.

Подлинный подписан собственною ея И. В. рукою тако: Екатерина В Санкт-Петербурге.

3. 1786 г., не позднее декабря 22. — Записка графа А.Р. Воронцова и члена Коллегии иностранных дел действительного тайного советника графа А.А. Безбородко Екатерине II о правах России на острова и земли, открытые русскими мореплавателями в Тихом океане, и необходимости объявления об этом морским державам.^{496}

Северо-западный берег Америки с островами, около онаго находящимися, и другими грядями, оттоле до Камчатки и от сего полуострова до Японии простирающимся, открыт из давних времен одними российскими мореплавателями, в чем и свидетельствуют поденные их записки, из коих для сведения составленный тем же генерал-майором Соймоновым экстракт при сем всеподданнейше подносится. Но как по общепринятому правилу на неизвестныя земли имеют право те народы, которые первое открытие оных учинили, как то в прежния времена и по сыскании Америки обыкновенно делалось, что какой-либо европейский народ, нашедши неизвестную землю, ставил на оной свой знак, а римскаго исповедания государям римские папы к большему онаго утверждению щедро давали свои на то буллы, в чем и все доказательство права к завладению заключалось, то вследствие сего неоспоримо должны принадлежать России:

1-е. Берег американский, от 55°21' широты на север простирающийся, обойденный капитанами Берингом, Чириковым и другими российскими мореходами.

2-е. Все острова, около сея матерья земли и полуострова Аляски находящаяся, как-то: найденный Берингом и Куком названный

Монтагю, Свят. Стефана, Св. Далматия, Евдокийския, Шумагины и другия, заключающаяся между курсом сих мореходцов и матерю землею.

3-е. Все острова, отгуду к западу грядою лежащая под названием Лисьих и Алеутских, и другия, к северу простирающиеся, ежегодно российскими промышленниками посещаемыя.

4-е. Гряда Курильских островов, касающиеся Японии, открытая капитаном Шпанбергом и Вальтоном.

И посему делаемое агличанами под начальством капитана Кука присвоение реки, по имени его названной, открытой прежде его капитаном Чириковым, которую он взял во владение на имя аглинскаго короля, и, выставя флаг, велел зарыть в землю несколько аглинских денег, равномерно вход Принца Вильгельма и острова Ке основательности не имеет, что подробно доказывается морскими поденными записками капитанов Беринга и Чирикова, которые великое пространство сего берега объехали, что яснее усмотрится из карты, сочиненной генерал-майором Соймоновым.

Но как всех оных в неизвестности бывших островов к державе вашего величества принадлежность, основанная на праве первого их россиянами открытия, произведеннаго с великими иждивениями как со стороны казенной, так и частных подданных ваших, которые, поощряясь весьма многими от тамошней мягкой рухляди прибытками, далее и далее в открытиях своих успевали, доселе еще никоим образом от правительства явственною не учинена, то и нужно, по мнению нашему, чтобы о присвоении Россиею тех островов с высочайшаго вашего повеления объявлено было чрез российских министров при дворах всех морских европейских держав, что сии открытыя земли Россиею не могут иначе и признаваемы быть, как империи вашей принадлежащими.

Подлинное подписали:

Гр. Александр Воронцов

Граф Александр Безбородко

4. 1787 г. не ранее апреля 17. — Из наставления Адмиралтейств-коллегий начальнику первой кругосветной

экспедиции капитану первого ранга Г.И. Муловскому о ее задачах.
{497}.

Ея И. В. наставление из Государственной адмиралтейской коллегии, г-ну флота капитану 1-го ранга Григорью Муловскому, начальствующему над эскадрою, назначенною чрез Индийское море в Восточный океан, для плавания между Камчаткою, Японию и западными американскими берегами. Ея И. В. высочайше повелеть соизволила: вооружить и отправить из Балтийскаго моря небольшую эскадру, состоящую из четырех вооруженных судов, как бы в состоянии были в сохранение права на земли, российскими мореплавателями открытия на Восточном море, утвердить и защитить. Причины же и намерения, побудившия снарядить и отправить сию эскадру, усмотрите вы достаточно из копий при сем приложенных с имяннаго ея И. В. высочайшаго указа, даннаго Адмиралтейской коллегии декабря 22 дня прошлаго 1786 года.

Для сведения вашего и поколику можно руководства в той наипаче части Восточного океана, коея владычество вам имянно утвердить препоручается, даются вам со всех доселе российскими мореплавателями в тех морях, между Камчаткою, Япониею и Америкею содержанных журналов, сколько их ни есть, выписки и копии, начиная от 1724 по 1779 годы, равным образом разных 14 карт с приобщенным при том каталогом и из них генеральная, при Коллегии сочиненная, на коих означены учиненные доселе по сим морям плавания и открытия.

7. Будучи в соседстве Японии, не упускайте ни малейшего случая получить достовернейшия известия о сей земле, а наипаче о северной ея части и лежащих близ ее в северную сторону больших островов, кои без сомнения мнимую землю Эзо представляют, и, сверх того, во всех случаях с японцами и курильцами, на ближайших островах живущими, обходиться дружеским образом и стараться завести с ними торги. Сообразуясь в том для приобретения лучшаго успеха и пользы с предписанием в последнем отделении перваго пункта сего наставления и с известиями, заключающимися в записках, при том прилагаемых...

12. При отделении старшаго по себе капитана по вышеописанному для описания Курильских островов в наставлении ему следующее предписать имеете:

1) Обойти плаванием и описать все малые и большие Курильские острова от Японии до Камчатской Лопатки, положить их наивернее на карту и от Матмая до той Лопатки все причислить формально ко владению Российскаго государства, поставя или укрепя гербы и зарыв медали в пристойных местах с надписью на российском и латинском языках, означающею ево путешествие или приобретение, во всем, согласно нижеописанному предписанию в 17 пункте.

5) Дабы сия часть экспедиции во всем с равною пользою, как и другая, под собственным вашим начальством будущая, произведена быть могла, то отделите вы из будущих у вас ученых и рисовальщиков для всех нужных по их званию наблюдений и собирания редкостей, предписав притом командуящему все то исполнить, что вам по вашей части предписывается, имея главнейшим предметом при совершении всего его путешествия недопущение иностранных к совместничеству или разделению российскими подданными в мягкой рухляди торга или мены на островах, берегах или землях, открытых российскими мореплавателями и по праву сего России принадлежащих...

17. На сей конец даются вам одни гербы без надписей с тем, чтоб их ставить в тех токмо местах, кои уже прежними российскими мореплавателями описаны, и, следовательно, по старому праву должны принадлежать России, другие ж, с российскою и латинскою надписью и годом, ставить на тех землях и островах, кои вы сами откроите и к российскому владению присовокупите.

5. Из указа Павла I «О Привилегиях Высочайше пожалованных Российско—Американской Компании»^{498}.

Под Высочайшим Е. И. В. покровительством Российско-Американской Компании даруются от сего времени впредь на двадцать лет следующие Привилегии: Первое. По открытию из давних времен Российскими мореплавателями берега Северо-Восточной части — Америки, начиная от 55 гр. северной широты, и гряд островов, простирающихся от Камчатки на Север к Америке, а на Юг к Японии, и по праву обладания оных Россиею, пользоваться компании всеми промыслами и заведениями, находящимися ныне на Северо-Восточном берегу Америки от вышеозначенных 55 гр. до Берингового пролива и за оный, також на островах Алеутских, Курильских и других по Северо-Восточному Океану лежащих.

Второе. Делать ей новыя открытия не токмо выше 55 гр. северной широты, но и за оный далее к Югу и занимать открываемыя ею земли в Российское владение на прежде предписанных правилах, ест ли оныя никакими другими народами не были заняты и не вступили в их зависимость...

На подлинном подписано собственною Е. И. В. рукою тако: «быть по сему» Павел 1799 года июля 8-го дня в Петергофе.

ГЛАВА II

1. Из Трактата, заключенного между Россией и Японией в Петербурге 25 апреля (7 мая) 1875 года^{499}.

Статья 1.

Его Величество Император Японский, за Себя и Своих Наследников, уступает Его Величеству Императору Всероссийскому часть территории острова Сахалина (Крафто), которою он ныне владеет, со всеми верховными правами, истекающими из этого владения, так что отныне означенный остров Сахалин (Крафто) весь вполне будет принадлежать Российской Империи и пограничная черта между Империями Российской и Японскою будет проходить в этих водах чрез Лаперузов пролив.

Статья 2.

Взамен уступки России прав на остров Сахалин, изъясненной в статье первой, Его Величество Император Всероссийский, за Себя и Своих Наследников, уступает Его Величеству Императору Японскому группу островов, называемых Курильскими, которыми он ныне владеет, со всеми верховными правами, истекающими из этого владения, так что отныне сказанная группа Курильских островов будет принадлежать Японской Империи. Эта группа включает в себе нижеозначенные восемнадцать островов, а именно:

1) Шумшу, 2) Алайд, 3) Парамушир, 4) Маканруши, 5) Онекотан, 6) Ха-римкотан, 7) Экарма, 8) Шиашкотан, 9) Муссир, 10) Райкоке, 11) Матуа, 12) Растуа, 13) островки Среднева и Ушисир, 14) Кетой, 15) Симусир, 16) Бротон, 17) островки Черпой и Брат Черпоев и 18) Уруп, так что пограничная черта между Империями Российской и Японскою

в этих водах будет проходить через пролив, находящийся между мысом Лопаткою полуострова Камчатки и островом Шумшу.

ГЛАВА III

1. Из журнала военного совещания под личным председательством его императорского величества 24 мая 1905 г. в Царском Селе^{500}:

Государь император открыл заседание и сообщил членам совещания, что им сделан был запрос главнокомандующему о том, как отразилась на настроении армии потеря нашего флота и какие изменения она должна вызвать в дальнейших действиях армии. От главнокомандующего получены по сему поводу две телеграммы, которые и разосланы членам совещания накануне.

Его величество предложил на обсуждение следующие четыре вопроса:

1. Возможно ли удовлетворить, при нынешнем внутреннем положении России, тем требованиям, которые ставит главнокомандующий для успеха действий нашей армии против японцев?

2. Имеемые боевые средства дают ли возможность воспрепятствовать японцам занять в ближайшем будущем Сахалин, устье Амура и Камчатку?

3. Какой результат может дать при заключении мира успех нашей армии в Северной Маньчжурии, если Сахалин, устье Амура и Камчатка будут заняты японцами?

4. Следует ли немедленно сделать попытку к заключению мира?

...Великий князь Владимир Александрович (главнокомандующий Петербургским военным округом и войсками гвардии) высказал, что он убежден, что главнокомандующий генерал Линевиц доложил его величеству свое мнение с полной откровенностью и со знанием дела. Но, несмотря на это, нельзя быть уверенным в безусловном успехе с нашей стороны. Если же нам суждено вынести еще удар, то условия мира могут тогда оказаться настолько тяжелыми, что ни один русский не захочет их принять. Переговоры о мире могут — и даже, вероятно, должны будут — затянуться, поэтому в это время необходимо, если и

нельзя удовлетворить желаний генерала Линевича полностью, отправить ему скорее еще два просимых им лишних корпуса. На Сыпингайской позиции, он говорит, что может удержаться; по его словам, Владивосток обеспечен продовольствием на 15 месяцев; по всей вероятности, он может продержаться долгое время, как наместник говорил, около 3 месяцев. Великий князь прибавил: «Если вашему величеству угодно начать переговоры о мире, то я считаю, что тем не менее все-таки надо дать главнокомандующему просимые им два корпуса и еще два корпуса добавочных, чтобы он был во всеоружии в ожидании окончательных переговоров».

Государь император подтвердил безусловную необходимость такой отправки на подмогу действующей армии.

Великий князь, продолжая, сказал: «Мы не знаем, какие условия могут быть нам поставлены для мира; может быть, самые тяжелые, на которые нельзя будет согласиться. Но Россия согнуть не может, ее стереть с лица земли нельзя; она всегда останется незыблемою; Россия всегда будет Россией, я в это верю, глубоко верю, что она выйдет из этого тяжелого положения, в котором она находится, — может быть, с новою жертвою, но это нас пугать не должно. Россия всегда останется великой державой».

Военный министр (генерал Сахаров) заявил, что он получил от нашего военного агента в Лондоне письмо со сведениями, полученные им от сведущего лица в Токио, и прочел следующее извлечение:

«Лицо, сообщившее мне эти сведения, показало мне письмо от 24 марта с. г., полученное им из Токио. Привожу нижеследующие наиболее интересные справки и отрывки из этого письма: “Получить какие-либо сведения о мирных условиях, к которым стремятся японцы, очень трудно. В возможность близкого мира здесь не верят, причем утверждают, что и в Петербурге к миру совершенно не склонны. Во всяком случае, можно с уверенностью сказать, что Япония не начнет первая говорить о мире и что она не пожелает посредничества, решив ожидать первых предложений непосредственно от России.

Не следует ли России сделать эти предложения, хотя бы только с тем, чтобы они были отвергнуты? Тогда ответственность за продолжение войны падет всецело на Японию... Вероятно, притязания Японии, само собой разумеется, очень возросли после Мукденского боя. Вот в чем, как можно думать, заключаются эти притязания:

1. Уступка Японии всей русской области на Ляодунском полуострове, причем, однако, сильно побаиваются протеста держав по этому поводу.

2. Водворение китайской администрации во всей остальной Маньчжурии, открываемой для всемирной торговли при условии: а) оставления в некоторых пунктах японского гарнизона, содержимого за счет Китая, б) отдачи в пользование Японии всех минеральных богатств края и в) предоставления Японии права продолжить в Маньчжурии железную дорогу из Кореи.

3. Уплата денежной контрибуции, равной сумме всех внешних и внутренних займов, заключенных за время войны, что составит к маю сего года около 600—700 миллионов иен. В Японии очень распространено, однако, мнение, что Россия ни в каком случае не согласится на уплату контрибуции, а потому весьма многие рекомендуют правительству быть очень сдержанными в этом смысле и постараться найти нужные выгоды в новом торговом договоре. Мелькнула также мысль о том, что Россия может уступить Японии свои права на получение уплаты по китайскому займу, заключенному после боксерского восстания...

Что же касается собственно Маньчжурской железной дороги, то японцы считают ее безусловно собственностью русского правительства и потому полагают себя вправе распорядиться ею по своему усмотрению. Некоторые требуют отобрания от России всей Маньчжурской дороги, другие же считают возможным ограничиться одной южной веткою от Харбина. Вероятнее всего, что решение этого вопроса будет зависеть, главным образом, от того, какая часть линии окажется во власти маршала Оямы. Вероятно, также и то, что японцы, установив на занятой дороге свое управление, постараются вернуть ее Китаю за приличное вознаграждение.

Слух о том, что Маньчжурскую железную дорогу предполагают нейтрализовать, отдав ее в международное управление, представляется совершенно невероятным: дорога эта потребует еще больше расходов на постройку и эксплуатацию; кто же даст эти деньги?.. Весною японцы предпримут, вероятно, экспедицию против Сахалина, так как общественное мнение и депутаты требуют возвращения этого острова Японии. Непривычные и не склонные к колонизации в холодном климате японцы, можно думать, ограничатся захватом там только

необходимых им рыбных промыслов... В отношении Владивостока японцы, вероятно, потребуют обращения его в коммерческий порт, со срытием укреплений, с закрытием военного адмиралтейства и с передачею всех военных судов Японии. Надо, однако, полагать, что это требование вряд ли будет предъявлено Японией, если мирные переговоры будут начаты ранее, чем действия против Владивостока дадут какие-либо осязательные результаты.

Наконец, Япония может согласиться на перемирие, но, вероятно, потребует для этого возвращения в Европу 2-й эскадры и отхода сухопутной армии за Харбин, быть может, даже в Забайкалье...

Очень многое из изложенного в этом письме из Токио теперь уже потеряло свое значение; тем не менее некоторые соображения, мне кажется, не лишены интереса, так как исходят от лица, стоявшего очень близко к японцам и до известной степени пользовавшегося их доверием».

...Генерал Гродеков сказал: «Доставить четыре корпуса мы могли бы к 1 октября, но японцы не будут этого ожидать. Имея теперь большую армию в порядке, мы имеем большой козырь в наших руках при решении вопроса о мире. Генерал Линевиц и армия, как явствует из телеграммы главнокомандующего, в подавленном настроении; после потери флота положение для них тяжелое. Я согласен с мнением великого князя Владимира Александровича, что, пока армия цела, надо торопиться выяснить условия мира. Не надо забывать, что на Сахалине и в Николаевске продовольствия очень мало, а при предполагаемом усилении местных частей (Сахалина на 6000 и Николаевска на 5000) продовольственный вопрос станет еще тяжелее.

Сахалин находится в критическом положении, море во власти Японии. В китайских портах были заготовлены запасы муки для Сахалина, которые должны были быть доставлены по приходе эскадры адмирала Рожественского, но теперь на них рассчитывать нельзя. Гражданское население Владивостока, числом до 15 000, обеспечено хлебом лишь до июня. Хотя военное ведомство ассигновало огромную сумму на заготовку довольствия для владивостокского гражданского населения, но это довольствие придется доставлять из Европейской России и из Сибири, так как в Приамурском крае лишнего хлеба нет, а вывоз продовольствия из пределов Маньчжурии воспрещен. С большою вероятностью можно сказать, что довольствие во Владивосток

своевременно не дойдет. Теперь, пока у нас в кулаке есть сила, следует этим воспользоваться и приступить к зондированию мирных условий».

Великий князь Алексей Александрович (генерал-адмирал) сказал: «Я не позволю себе входить в соображения касательно сухопутных войск, но должен сказать, что в случае продолжения войны положение Владивостока, устья Амура и Камчатки будет весьма опасное; нет сомнения, что японцы обратят туда все свое внимание и положение армии будет тяжелое, так как она не в состоянии будет помочь. Миноноски нельзя принимать в соображение. Пока нам не нанесен решительный удар, надо зондировать почву относительно условий мира. Южная часть Сахалина с рыбными промыслами могла бы быть уступлена в случае необходимости».

Великий князь Владимир Александрович сказал: «Конечно, условия мира могут быть и слишком тяжелы, неприемлемы; поэтому, не теряя времени, надо сейчас начать прощупывать почву для переговоров и тем временем непременно продолжать усиливать армию. Это — следует, ибо армия будет нам сильной опорной точкой в вопросе мира и для внутреннего успокоения государства».

Генерал-адъютант барон Фредерике (министр императорского двора) сказал: «По моему глубокому убеждению, переговоры надо вести открыто, так как если условия мира нельзя будет нам принять и они всем будут известны, то последует реакция, война станет национальная. Немедленное начатие переговоров о мире должно благоприятно отозваться на внутреннем положении страны и безусловно облегчит мобилизацию»...

...Генерал-адъютант адмирал Дубасов (член Государственного совета) сказал: «Несмотря на тяжелые поражения на суше и в особенности на море, Россия не побеждена. Мало того, Россия, продолжая борьбу, непременно должна победить своего врага. Наше движение на восток есть движение стихийное — к естественным границам; мы не можем здесь отступить, и противник наш должен быть опрокинут и отброшен. Для достижения этого надо посылать на театр действия самые лучшие войска. Что касается Владивостока, то его нетрудно взять с моря, и он более трех месяцев, вероятно, не продержится; но, несмотря на это, войну следует продолжать, так как мы в конце концов можем и должны возвратить обратно все взятое противником. Финансовое положение Японии, конечно, хуже нашего:

она делает последние усилия; наши же средства борьбы далеко не исчерпаны. Для обеспечения успеха нашей армии нам необходимо начать немедленно укладку второго пути и упорядочить наши водные сообщения. Я уверен, что после последних поражений условия мира, предложенные Японией, будут чрезвычайно тягостны, и потому, по моему глубокому убеждению, для того, чтобы изменить эти условия в нашу пользу, необходимо продолжать борьбу до полного поражения противника».

Великий князь Владимир Александрович сказал: «Всем сердцем разделяю сокровенные чувства, высказанные адмиралом Дубасовым, но я полагаю, что мы в таком положении, что мы все сбиты с толку; так продолжать жить мы не можем. Мы все будем охотно и с радостью умирать, но нужно, чтобы от этого была польза для России. Мы должны сознаться, что мы зарвались в поспешном движении к Порт-Артуру и на Квантунг; мы поторопились; не зная броду, мы сунулись в воду; мы должны остановиться; со временем мы дойдем, но теперь мы находимся в таком, если не отчаянном, то затруднительном положении, что нам важнее внутреннее благосостояние, чем победы. Необходимо немедленно сделать попытку *К.* выяснению условий мира. С глубоким убеждением, всем сердцем преданный вашему величеству и России, я повторяю, что надо теперь же приступить к переговорам о мире, и если условия будут неприемлемы, то мы пойдем все в ряды войск умирать за ваше величество и Россию; Из двух бед надо выбирать меньшую. Мы живем в ненормальном состоянии, необходимо вернуть внутренний покой России».

Государь император выразил свое полное согласие с высказанным великим князем мнением.

Генерал Рооп (член Государственного совета, командующий войсками Одесского военного округа) сказал: «Я не могу согласиться с тем, чтобы немедленно просить мира. Попытка предложить мирные условия есть уже сознание бессилия. Ответ будет слишком тягостный. Заключение мира было бы великим счастьем для России, он необходим, но нельзя его просить. Надо показать врагам нашу готовность продолжать войну, и, когда японцы увидят это, условия мира будут легче».

Государь император изволил сказать: «До сих пор японцы воевали не на нашей территории. Ни один японец не ступал еще на русскую

землю, и ни одна пядь русской земли врагу еще не уступлена. Этого не следует забывать. Но завтра это может перемениться, так как, при отсутствии флота, Сахалин, Камчатка, Владивосток могут быть взяты, и тогда приступить к переговорам о мире будет еще гораздо труднее и тяжелее».

Генерал-адъютант Алексеев (наместник на Дальнем Востоке) заметил на возражение генерала Роопа, что осведомиться о почве для переговоров о мире и узнать возможные условия — не значит просить мира. Япония понимает, что с Россией надо ей считаться и в будущем, и она сама пойдет навстречу; Сыпингайские же позиции не обеспечивают нас, а если суждено еще испытание, если мы их не удержим, — тогда что будет?

Великий князь Владимир Александрович добавил: «Не на посрамление, не на обиду или унижение могу я предлагать идти, а на попытку узнать, на каких условиях мы могли бы говорить о прекращении кровопролитной войны. Если они окажутся неприемлемыми, мы будем продолжать драться, а не продолжать начатую попытку».

Генерал Рооп возразил: «В вопросе о мире и войне необходимо считаться с мнением народа. Кроме того, по статье 6-й положения о Государственном совете, он может привлекаться к суждению о мире и войне. Война может быть только тогда успешна, когда существует единодушное национальное, как в данном случае теперь у японцев. С другой стороны, если 135 миллионов будут противиться желанию мира, то положение будет хуже еще, чем оно есть. В этих вопросах надо считаться с общественным мнением. Переговоры о мире, если их начать сейчас, не улучшат внутреннего положения. Недовольство возрастет. Начать переговоры без уяснения, готов ли народ на все жертвы для продолжения войны или жаждет мира, — весьма рискованно.

Если Япония будет знать, что Россия ищет мира, то, конечно, условия ее будут для России настолько тягостными, что они окажутся неприемлемыми, и мы потерпим лишь унижение».

Военный министр сказал: «При нынешних условиях кончать войну — невозможно. При полном нашем поражении, не имея ни одной победы или даже удачного дела, это — позор. Это уронит престиж России и выведет ее из состава великих держав надолго. Надо

продолжать войну не из-за материальных выгод, а чтобы смыть это пятно, которое останется, если мы не будем иметь ни малейшего успеха, как это было до сего времени. Внутренний разлад не уляжется, он не может улечься, если кончить войну без победы. Не знаю настроения народа, не знаю, как он отнесется к этому вопросу, но получаемые мною письма и запросы отовсюду говорят о продолжении борьбы для сохранения достоинства и военной чести России».

Генерал-адъютант барон Фредерике сказал: «Я всею душою разделяю мнение военного министра, что мира теперь заключать нельзя, но узнать, на каких условиях японцы готовы бы теперь прекратить войну, по моему глубокому убеждению, — следует».

Великий князь Владимир Александрович прибавил: «Я вполне, — как и всякий военный, я в этом уверен, — понимаю военного министра. Нам нужен успех. Но до сих пор мы все время ошибались в наших расчетах и надеждах, и в самые критические моменты эти надежды рвались, и мы не имели ни одного успеха».

Генерал-адъютант Гриппенберг (бывший командующий 2-й Маньчжурской армией) возразил: «Ваше императорское величество, под Сандепу успех был, но нам приказали отступить, а японцы были в критическом положении: они считали сражение проигранным и были крайне удивлены, что мы отступили».

Великий князь Владимир Александрович сказал: «Мы еще не отдали врагу ни одной пяди русской земли. Мы должны продолжать посылать войска. Переговоры о мире ни к чему нас не обязывают, а для войны оборонительной у нас вполне достаточно сил».

Великий князь Алексей Александрович заметил, что переговоры о возможности мира должны вестись втайне.

Генерал-адъютант Дубасов сказал: «Каковы бы ни были условия мира, они все-таки будут слишком тяжелы для престижа России. Это будет поражение, которое отзовется на будущем России как тяжелая болезнь».

Генерал Лобко (государственный контролер) сказал: «Я далек от полного знакомства с военным положением и с нашими шансами на успех, но все-таки я должен сказать, что, по-моему, удовлетворить требованиям главнокомандующего, несмотря на внутреннее положение страны, безусловно следует. Что же касается до заключения мира, то возвращение в Россию армии, угнетенной и не одержавшей ни одной

победы, ухудшит, а не улучшит внутреннее положение страны. Это положение может стать настолько серьезным и тревожным, что с ним нельзя будет совладать. Население, в состав которого вольются чины этой армии, неудовлетворенной, без славы и без почета, нельзя будет удержать от мысли, что государственный режим недостаточно тверд. Я думаю, что успех войны возможен, только когда есть полное народное воодушевление, когда силы и мысли всего народа сосредоточены на одном предмете и организованы вокруг одной воли, как мы видим это теперь в Японии. Есть ли в настоящий момент это воодушевление в России, мы не знаем, и пока мы не получим убеждения, что Россия готова вести войну со всякими жертвами, что она этого действительно желает, до тех пор мы не можем решить, должны ли мы продолжать войну. Главное в том, чтобы поддержать бодрость духа в народе. Правительство сейчас через свои органы и сотрудников не имеет для сего средств. Если народ чувствует упадок духа и тяготится продолжением войны, если дух армии потрясен, то нужен мир, но мир этот, повторяю, ухудшит внутреннее положение страны».

Великий князь Владимир Александрович сказал: «Легко сказать: узнать мнение России, ее населения, но как это сделать? Земским Собором, который будет состоять в большинстве из болтунов?»

Генерал Рооп заметил: «Если Земский Собор будет состоять из болтунов, то толку из него, конечно, не будет. Но семилетнее управление краем с 10-миллионным населением дало мне уверенность, что в среде его имеются люди, высоко понимающие интересы государства и истинно преданные России. Именно через таких людей узнать можно, нужна ли война или мир. Такое единодушие, как у японцев, нужно и нам для примирения, а теперь этого-то и нет».

Генерал Лобко сказал: «Мнение великого князя Владимира Александровича, сколько я понимаю, сводится не к тому, чтобы прекратить войну теперь же, а чтобы не вести ее с завязанными глазами, не пытаясь узнать об условиях заключения мира; и против этого мнения я ничего не имею возразить. Добавлю только, что в истории России уже бывали примеры, когда вопросы войны и мира решались мнением народа»

Великий князь Владимир Александрович в заключение сказал: «Возвращаюсь еще раз к тому же вопросу — если условия мира будут

неприемлемы для нас по совести, тогда, конечно, придется продолжать войну».

2. Мирный Договор между Россией и Японией, заключенный в Порт-смуте 23 августа (5 сентября) 1905 года.^{501}

Его Величество Император Всероссийский, с одной стороны, и Его Величество Император Японии, с другой, будучи одушевлены желанием восстановить пользование благами мира для их стран и народов, решили заключить Мирный Договор и назначили для сего Своими Уполномоченными, а именно:

Его Величество Император Всероссийский — Его Высокопревосходительство г. Сергея Витте, Своего Статс-секретаря и Председателя Комитета Министров Российской Империи, и

Его Превосходительство Барона Романа Розена, Гофмейстера Императорского Российского Двора и Своего Чрезвычайного и Полномочного Посла при Американских Соединенных Штатах; и

Его Величество Император Японии — Его Превосходительство Барона Комура Ютаро, Юсамми, кавалера Императорского ордена Восходящего Солнца первой степени, Своего Министра Иностранных Дел, и

Его Превосходительство г. Такахира Когоро, Юсамми, кавалера Императорского Ордена Священного Сокровища первой степени, Своего Чрезвычайного Посланника и Полномочного Министра при Американских Соединенных Штатах,

Каковые, по размене своих полномочий, найденных в надлежащей форме, постановили следующие Статьи:

Статья I.

Мир и дружба пребудут отныне между Их Величествами Императором Всероссийским и Императором Японии, равно как между Их Государствами и обоюдными подданными.

Статья II.

Российское Императорское Правительство, признавая за Японией в Корее преобладающие интересы политические, военные и экономические, обязуется не вступаться и не препятствовать тем мерам руководства, покровительства и надзора, кои Императорское Японское Правительство могло бы почтить необходимым принять в Корее.

Условлено, что русскоподданные в Корее будут пользоваться совершенно таким же положением, как подданные других иностранных

Государств, а именно, что они будут поставлены в те же условия, как и подданные наиболее благоприятствуемой страны.

Равным образом установлено, что, во избежание всякого повода к недоразумениям, обе Высокие Договаривающиеся Стороны воздержатся от принятия на русско-корейской границе каких-либо военных мер, могущих угрожать безопасности русской или корейской территории.

Статья III.

Россия и Япония взаимно обязуются:

1) Эвакуировать совершенно и одновременно Маньчжурию, за исключением территории, на которую распространяется аренда Ляодунского полуострова, согласно постановлениям дополнительной I Статьи, приложенной к сему Договору, и

2) Возвратить в исключительное управление Китая вполне и во всем объеме все части Маньчжурии, которые ныне заняты русскими или японскими войсками или которые находятся под их надзором, за исключением вышеупомянутой территории.

Российское Императорское Правительство объявляет, что оно не обладает в Маньчжурии земельными преимуществами либо преференциальными или исключительными концессиями, могущими затронуть верховные права Китая или не совместимыми с принципом равноправности.

Статья IV.

Россия и Япония взаимно обязуются не ставить никаких препятствий общим мерам, которые применяются равно ко всем народам и которые Китай мог бы принять в видах развития торговли и промышленности в Маньчжурии.

Статья V.

Российское Императорское Правительство уступает Императорскому Японскому Правительству, с согласия Китайского Правительства, аренду Порт-Артура, Талиена и прилегающих территорий и территориальных вод, а также все права, преимущества и концессии, связанные с этой арендой или составляющие ее часть, и уступает равным образом Императорскому Японскому Правительству все общественные сооружения и имущества на территории, на которую распространяется вышеупомянутая аренда.

Обе Высокие Договаривающиеся Стороны взаимно обязуются достигнуть упоминаемого в вышеуказанном постановлении согласия Китайского Правительства.

Императорское Японское Правительство заверяет, со своей стороны, что права собственности русскоподданных на вышеупомянутой территории будут вполне уважены.

Статья VI.

Российское Императорское Правительство обязуется уступить Императорскому Японскому Правительству, без вознаграждения, с согласия Китайского Правительства, железную дорогу между Чан-чунь (Куан-ченцзы) и Порт-Артуром и все ее разветвления со всеми принадлежащими ей правами, привилегиями и имуществом в этой местности, а также все каменноугольные копи в названной местности, принадлежащие означенной железной дороге или разрабатываемые в ее пользу.

Обе Высокие Договаривающиеся Стороны взаимно обязуются достигнуть упоминаемого в приведенном постановлении согласия Китайского Правительства.

Статья VII.

Россия и Япония обязуются эксплуатировать принадлежащие им в Маньчжурии железные дороги исключительно в целях коммерческих и промышленных, но никоим образом не в целях стратегических.

Установлено, что это ограничение не касается железных дорог на территории, на которую распространяется аренда Ляодунского полуострова.

Статья VIII.

Императорские Правительства Российское и Японское, в видах поощрения и облегчения сношений и торговли, заключат, в скорейшем по возможности времени, отдельную Конвенцию для определения условий обслуживания соединенных железнодорожных линий в Маньчжурии.

Статья IX.

Российское Императорское Правительство уступает Императорскому Японскому Правительству в вечное и полное владение южную часть острова Сахалина и все прилегающие к последней острова, равно как и все общественные сооружения и имущества, там находящиеся. Пятидесятая параллель северной широты принимается за

предел уступаемой территории. Точная граничная линия этой территории будет определена согласно постановлениям дополнительной II Статьи, приложенной к сему Договору.

Россия и Япония взаимно соглашаются не возводить в своих владениях на острове Сахалин и на прилегающих к нему островах никаких укреплений, ни подобных военных сооружений. Равным образом они взаимно обязуются не принимать никаких военных мер, которые могли бы препятствовать свободному плаванию в проливах Лаперузовом и Татарском.

Статья X.

Русским подданным, жителям уступленной Японии территории, предоставляется продавать свое недвижимое имущество и удаляться в свою страну, но, если они предпочтут остаться в пределах уступленной территории, за ними будут сохранены и обеспечены покровительством, в полной мере, их промышленная деятельность и права собственности, при условии подчинения японским законам и юрисдикции. Япония будет вполне свободна лишить права пребывания в этой территории всех жителей, не обладающих политической или административной правоспособностью, или же выселить их из этой территории. Она обязуется, однако, вполне обеспечить за этими жителями их имущественные права.

Статья XI.

Россия обязуется войти с Японией в соглашение в видах предоставления японским подданным прав по рыбной ловле вдоль берегов русских владений в морях Японском, Охотском и Беринговом.

Условлено, что таковое обязательство не затронет прав, уже принадлежащих русским или иностранным подданным в этих краях.

Статья XII.

Так как действие Договора о торговле и мореплавании между Россией и Японией упразднено было войною, Императорские Правительства Российское и Японское обязуются принять в основание своих коммерческих сношений, впредь до заключения нового Договора о торговле и мореплавании на началах Договора, действовавшего перед настоящей войной, систему взаимности на началах наибольшего благоприятствования, включая сюда тарифы по ввозу и вывозу, таможенные обрядности, транзитные и тоннажные сборы, а также

условия допущения и пребывания агентов, подданных и судов одного Государства в пределах другого.

Статья XIII.

В возможно скорейший срок по введении в действие настоящего Договора, все военнопленные будут взаимно возвращены. Императорские Правительства Российское и Японское назначат каждое со своей стороны особого комиссара, который примет на свое попечение пленных. Все пленные, находящиеся во власти одного из Правительств, будут переданы комиссару другого Правительства или его представителю, надлежащим образом на то уполномоченному, который примет их в том числе и в тех удобных портах передающего Государства, кои будут заблаговременно указаны последним комиссару принимающего Государства.

Российское и Японское Правительства представят друг другу, в скорейшем по возможности времени, после окончания передачи пленных, документами оправданный счет прямых расходов, произведенных каждым из них по уходу за пленными и их содержанию со дня пленения или сдачи до дня смерти или возвращения. Россия обязуется возместить Японии, в возможно скорейший срок по обмене этих счетов, как выше установлено, разницу между действительным размером произведенных таким образом Японией расходов и действительным размером равным образом произведенных Россией издержек.

Статья XIV.

Настоящий Договор будет ратификован Их Величествами Императором Всероссийским и Императором Японии. О таковой ратификации, в возможно короткий срок и во всяком случае не позднее, как через пятьдесят дней со дня подписания Договора, будет взаимно сообщено Императорским Правительствам Российскому и Японскому через посредство Посла Американских Соединенных Штатов в С.-Петербурге и Французского Посланника в Токио, и со дня последнего из таковых оповещений этот Договор вступит, во всех своих частях, в полную силу.

Формальный обмен ратификаций последует в Вашингтоне в возможно скорейшем времени.

Статья XV.

Настоящий Договор будет подписан в двух экземплярах на Французском и Английском языках. Оба текста совершенно сходны; но, в случае разногласия в толковании, Французский текст будет обязательным.

В удостоверение чего, обоюдные Уполномоченные подписали настоящий Мирный Договор и приложили к нему свои печати.

Учинено в Портсмуте (Нью-Гэмпшир) двадцать третьего августа (пятого сентября) тысяча девятьсот пятого года, что соответствует пятому дню девятого месяца тридцать восьмого года Мейджи.

(М. П.) (Подписал): Ютаро Комура.

(М. П.) (Подписал): Сергей Витте.

(М. П.) (Подписал): К. Такахира.

(М. П.) (Подписал): Розен.

Дополнительные Статьи.

Согласно постановлениям Статей III и IX Мирного Договора между Россией и Японией от сего числа, нижеподписавшиеся Уполномоченные постановили следующие дополнительные Статьи:

I. К Статье III.

Императорские Правительства Российское и Японское взаимно обязуются начать вывод своих военных сил из территории Маньчжурии одновременно и немедленно по введении в действие Мирного Договора в течение восемнадцати месяцев с того дня войска обеих Держав будут совершенно выведены из Маньчжурии, за исключением арендной территории Ляодунского полуострова.

Войска обеих Держав, занимающие фронтальные позиции, будут отведены первыми.

Высокие Договаривающиеся Стороны предоставляют себе право сохранить стражу для охраны своих железнодорожных линий в Маньчжурии. Количество этой стражи не будет превышать пятнадцати человек на километр; и, в пределах этого максимального количества, Командующие русскими и японскими войсками установят, по обоюдному соглашению, число стражников, которые будут назначены, в возможно меньшем количестве, согласно действительным потребностям.

Командующие русскими и японскими войсками в Маньчжурии условятся обо всех подробностях, относительно выполнения эвакуации, согласно вышеуказанным началам и примут, по обоюдному

соглашению, меры, необходимые для осуществления эвакуации в возможно скорейший срок и во всяком случае не позднее как в течение восемнадцати месяцев.

II. К Статье IX.

В возможно скорейший срок по введении в действие настоящего Договора, Разграничительная Комиссия, составленная из равного числа членов, назначенных каждой из Высоких Договаривающихся Сторон, обозначит на месте постоянными знаками точную линию между владениями русскими и японскими на острове Сахалине. Комиссия будет обязана, поскольку топографические условия позволят, придерживаться 50-й параллели северной широты для проведения разграничительной линии, и в случае, если отклонения от таковой линии на некоторых пунктах будут найдены необходимыми, должны компенсации будут установлены соответственными отклонениями в других местах. Упомянутая Комиссия обязана будет также изготовить перечень и описание прилегающих островов, входящих в состав уступленного, а в заключение Комиссия изготовит и подпишет карты, устанавливающие пределы уступленной территории. Работы Комиссии будут представлены на утверждение Высоких Договаривающихся Сторон.

Вышеупомянутые дополнительные Статьи будут считаться ратификованными путем ратификации Мирного Договора, к коему они приложены.

Портсмут, двадцать третьего августа (пятого сентября) тысяча девятьсот пятого года, что соответствует пятому дню девятого месяца тридцать восьмого года Мейджи.

(Подписал): Ютаро Комура.

(Подписал): Сергей Витте.

(Подписал): К. Такахира.

(Подписал): Розен.

Того ради, по довольном рассмотрении сего Договора и двух дополнительных Статей, Мы приняли таковые за благо, подтвердили и ратификовали, яко же сим за благо приемлем, подтверждаем и ратификуем во всем их содержании, обещая Императорским Нашим Словом за Нас, Наследников и Преемников наших, что все в вышеозначенных актах изложенное соблюдается будет ненарушимо. В удостоверение чего Мы, сию Нашу Императорскую Ратификацию

собственноручно подписав, повелели утвердить Государственной Нашею печатью.

Дано в Петергофе, октября первого дня в лето от Рождества Христова тысяча девятьсот пятое, царствования же Нашего в одиннадцатый год.

На подлинной собственной Его Императорского Величества рукою написано тако:

«НИКОЛАЙ».

(М. П.)

Контрасигнировал: Министр Иностранных Дел, Статссекретарь Граф Ламздорф.

ГЛАВА IV

1. Русско-японская (общеполитическая) конвенция 1907 года (Извольский — Мотоно: С.-Петербург)^{502}.

I. Договор опубликованный

Правительство его величества императора всероссийского и правительство его величества императора Японии, желая упрочить мирные и добрососедские отношения, столь счастливо восстановившиеся между Россией и Японией, и устранить всякое поводы к недоразумениям в будущем в сношениях между двумя империями, согласились на следующие условия:

Ст. 1. Каждая из высоких договаривающихся сторон обязуется уважать существующую территориальную целостность другой и все права, вытекающие для той и другой стороны из действующих трактатов между ними и Китаем, копии которых были обменены между договаривающимися сторонами, поскольку эти права совместимы с принципом общего равноправия, из Портсмутского договора 5 сентября — 23 августа 1905 года, а равно из специальных соглашений, заключенных между Россией и Японией.

Ст. 2. Обе высокие договаривающиеся стороны признают независимость и целостность территории Китайской империи и принцип общего равноправия (*opportunité égale*) по отношению к торговле и промышленности всех наций в этой империи и обязуются поддерживать и защищать сохранение статус-кво и означенный

принцип всеми мирными средствами, имеющимися в их распоряжении...

II. Договор секретный

Правительство его величества императора всероссийского и правительство его величества императора Японии, желая устранить на будущее время всякие причины трений или недоразумений касательно некоторых вопросов, относящихся до Маньчжурии, Кореи и Монголии, согласились в следующих положениях.

Ст. 1. Принимая во внимание естественное тяготение интересов, политической и экономической деятельности в Маньчжурии и желая избежать всякие осложнения, которые могли бы возникнуть из соревнования, Япония обязывается не искать за свой счет или в пользу японских или иных подданных никакой железнодорожной или телеграфной концессии в Маньчжурии к северу от линии, установленной дополнительной статьей к настоящей конвенции, и не затруднять ни прямо, ни косвенно всякого рода действия, поддержанные российским правительством, имеющие в виду такого рода концессии в указанном районе; и Россия, со своей стороны, руководимая тем же миролюбивым побуждением, обязывается не искать за свой счет или в пользу российских или иных подданных никакой жел.-дор. или телеграфной концессии к югу от вышеназванной линии и не затруднять ни прямо, ни косвенно всякого рода действия, поддержанные японским правительством, имеющие в виду такого рода концессии в указанном районе.

При сем твердо разумеется, что все права и привилегии, принадлежащие О. К.-В. ж. д. 3 силу договоров о сооружении этой железной дороги от 16/28 августа 1896 и от 13/25 июня 1898 гг., останутся в силе на части этой железной дороги, расположенной к югу от демаркационной линии, установленной дополнительной статьей.

Ст. 2. Россия, признавая отношения политической солидарности между Японией и Кореей, вытекающие из конвенций и соглашений, ныне имеющих силу между ними, копии коих были сообщены росс. правительству яп. прав-м, обязывается не вмешиваться и не чинить препятствий дальнейшему развитию этих отношений; и Япония, со своей стороны, обязывается распространить на правительство, консульских агентов, подданных, торговлю, промышленность и мореплавание России в Корее во всех отношениях права наиболее

благоприятствуемой нации впредь до заключения окончательного договора.

Ст. 3. Импер. яп. прав-о, признавая во Внешней Монголии специальные интересы России, обязывается воздержаться от всякого вмешательства, способного нанести ущерб этим интересам.

Ст. 4. Настоящая конвенция будет строго конфиденциальной между двумя высокими договаривающимися сторонами...

Дополнительная статья

Демаркационная линия между Сев. и Южн. Маньчжурией, упомянутая в ст.1 настоящей конвенции, устанавливается следующим образом:

Исходя из сев.-зап. пункта русско-корейской границы и представляя совокупность прямых линий, линия идет, проходя через Хунчун и крайний северный пункт озера Пиртанг на Сюшуйган; отсюда она следует по Сунгари до устья Няньцзяня и подымается отсюда вверх по течению этой реки до устья реки Толахо. Начиная от этого пункта линия следует по течению этой реки до пересечения ее с 122-м меридианом к вост. от Гринвича.

2. Русско-японское соглашение 4 июля и. ст. 1910 г. (Извольский — Мотоно)^{503}.

1. Договор опубликованный

Импер. росс, правительство и имп. яп. прав., искренно преданные принципам, установленным конвенцией, заключенной между ними 30 (17) июня 1907 г. и желая развить результаты этой конвенции в целях укрепления мира на Д. Востоке, согласились дополнить названное соглашение нижеследующими соглашениями:

Ст. 1. В целях облегчения сношения и развития международной торговли, высок, догов, стороны взаимно обязываются оказывать друг другу дружественное содействие для улучшения соответственных их жел.-дор. линий в Маньчжурии и для усовершенствования соединительной службы вышеуказанных жел. дор., воздерживаясь от всякого соревнования в достижении этой цели.

Ст. 2. Каждая из вые. дог. сторон обязывается поддерживать и уважать status quo в Маньчжурии, как он определяется всеми договорами, конвенциями и другими соглашениями, ранее заключенными, как между Россией и Японией, так и между этими

двумя державами и Китаем. Копии вышеназванных соглашений были обменены между Россией и Японией.

Ст. 3. В случае, если бы возникло обстоятельство, угрожающее вышеназванному *status quo*, две вые. догов, стороны вступят незамедлительно в переговоры между собой в целях соглашения относительно мер, которые они сочтут нужным принять для сохранения названного *status quo*.

II. Договор секретный

Имп. росс. прав, и имп. яп прав., желая укрепить и точнее установить положения секретной конвенции, подписанной в Петербурге 30/17 июля 1907 г., согласились о нижеследующем:

Ст. 1. Россия и Япония признают как разграничивающую сферу их специальных интересов в Маньчжурии демаркационную линию, определенную добавочной статьей к секретной конвенции 1907 г.

Ст. 2. Обе вые. догов, стор. обязуются взаимно не нарушать специальных интересов каждой из них в вышеуказанных сферах. Они признают, следовательно, право свободно принимать, за каждой в ее сфере, все необходимые меры ограждения и защиты этих интересов.

Ст. 3. Каждая из вые. догов, сторон обязуется не противодействовать никоим образом дальнейшим укреплению и развитию специальных интересов другой стороны в пределах вышеуказанных сфер.

Ст. 4. Каждая из вые. догов, сторон обязуется воздерживаться от всякой политической активности в сфере специальных интересов другой стороны в Маньчжурии. Кроме того, условлено, что Россия не будет стремиться в русской сфере к получению какой-либо привилегии или какой-либо концессии, могущей нанести ущерб соответствующим специальным интересам каждой из них и что оба прав-а, — русское и японское, — не будут нарушать никакие права, приобретенные каждым из них в своей сфере, согласно договоров, конвенций и других соглашений, указанных в ст. 2 явной конвенции от с. числа.

Ст. 5. В целях обеспечения хорошего действия своих взаимных обязательств, обе вые. догов, стор. войдут во всякое время открыто и лояльно в сношение по поводу всего, что касается дел, относящихся, общим образом, к их специальным интересам в Маньчжурии. В случае, если бы возникла угроза этим специальным интересам, обе вые. догов, стор. сговорятся о мерах, которые нужно будет принять в целях общего

действия или оказания себе взаимной поддержки и ограждения и защиты этих интересов.

Ст. 6. Настоящая конвенция будет совершенно конфиденциальной между обоими вые. догов, сторонами. В удостоверение чего и т. д.

3. Секретная русско-японская конвенция 25 июня 1912 г. (Сазонов — Мотоно; С.-Петербург)^{504}.

В целях уточнения и дополнения постановлений секретных договоров от 30/17 июля 1907 г. и от 4 июля/21 июня 1910 г. и во избежание всякого недоразумения относительно их специальных интересов в Маньчжурии и Монголии, имп. русск. и имп. яп. прав, решили продлить демаркационную линию, установленную в дополнит. Статье к конвенции от 30/17 июля 1907 г. и разграничить сферы их специальных интересов во Внутр. Монголии. Посему постановлено следующее:

Ст. 1. Начиная от пункта пересечения реки Толахо и 122-го мерид. к вост. от Гринвича, демаркационная линия следует течению рек Улунчурх и Мушиша и реки Халдайтай; отсюда она идет по границе Хэйлундзянской провинции и Внутр. Монголии, доходя до крайнего пункта границы между Внутр. и Внешней Монголией.

Ст. 2. Внутр. Монг. разделяется на две части: одна на восток, другая на запад от пекинского меридиана (116°27' вост. долг, от Гринвича). Имп. росс, прав-о обязуется признавать и не нарушать специальных яп. интересов в части Внутр. Монголии, находящейся к востоку от вышеозначенного меридиана; и имп. яп. прав, обязуется признавать и не нарушать специальных русск. интересов в части Внутр. Монголии, находящейся к западу от означенного меридиана.

Ст. 3. Наст. конв. Будет храниться двумя вые. догов, стор. в строгом секрете.

Гримм Э.Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842—1925). М., 1927. С. 180.

4. Секретный русско-японский (союзный) договор 3/VII — 20/VI 1916 года

Императорское российское правительство и императорское японское правительство, желая укрепить свои искренно дружеские отношения, установленные их секретными конвенциями от 30/17/VII 1907 года, от 4/VII—21/VI 1910 года, и от 8/VII — 25/VI 1912 г.

согласились в нижеследующих статьях, предназначенных дополнить указанные соглашения:

Ст. 1. Обе высокие договаривающиеся стороны, признавая, что их жизненные интересы требуют, чтобы Китай не подпал владычеству какой-либо третьей державы, враждебной России или Японии, вступят в откровенные и дружеские сношения каждый раз, когда обстоятельства того потребуют, и согласятся относительно мер, которые должны быть приняты, дабы воспрепятствовать тому, чтобы создалось подобное положение.

Ст. 2. В случае, если вследствие мер, принятых по взаимному согласию, согласно предшеств. статье, будет объявлена между одной из договаривающихся сторон и одной из третьих держав, подразумеваемых предшествующей статьей, война, другая договаривающаяся сторона обязуется, по просьбе (*demande*) своей союзницы, прийти ей на помощь, и в таком случае каждая из высоких договаривающихся сторон обязуется не заключать мира без предварительного согласия другой договаривающейся стороны.

Ст. 3. Условия, при которых каждая из высоких договаривающихся сторон предоставит свою вооруженную помощь другой договаривающейся стороне, как постановлено в предшествующей статье, и средства, коими эта помощь будет осуществлена, будут установлены компетентными властями двух высоких договаривающихся сторон.

Ст. 4. Твердо установлено, однако, что ни одна из высоких договаривающихся сторон не будет обязана оказать своей союзнице вооруженную помощь, предусмотренную ст. 2 настоящей конвенции, не обеспечив себе со стороны своих союзниц содействия, соответствующего серьезности грозящего конфликта.

Ст. 5. Настоящая конвенция вступит в силу тотчас по подписании и сохранит силу до 14/VII 1921 г. В случае, если ни одна из высоких договаривающихся сторон не нотифицирует за 12 месяцев до наступления срока своего намерения прекратить действие конвенции, последняя сохранит обязательную силу впредь до истечения одного года, считая со дня, когда та или другая из высоких договаривающихся сторон его денонсирует.

Ст. 6. Настоящая конвенция будет храниться между двумя высокими договаривающимися сторонами в строгом секрете.

№1. Из Конвенции об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией от 20 января 1925 г. [{505}](#).

Статья 1

Высокие договаривающиеся стороны соглашаются, что со вступлением в силу настоящей конвенции между ними устанавливаются дипломатические и консульские отношения.

Статья 2

Союз Советских Социалистических Республик соглашается, что договор, заключенный в Портсмуте 5 сентября 1905 года, остается в полной силе.

Условлено, что договоры, конвенции и соглашения, кроме указанного Портсмутского договора, заключенные между Японией и Россией до 7 ноября 1917 года, будут пересмотрены на конференции, которая должна состояться впоследствии между правительствами договаривающихся сторон, и что они могут быть изменены или отменены, как того потребуют изменившиеся обстоятельства...

Статья 5

Высокие договаривающиеся стороны торжественно подтверждают свое желание и намерение жить в мире и дружбе друг с другом, добросовестно уважать несомненное право каждого государства устраивать свою собственную жизнь в пределах своей же юрисдикции по своему собственному желанию, воздерживаться и удерживать всех лиц на их правительственной службе и все организации, получающие от них какую-либо финансовую помощь, от всякого открытого или скрытого действия, могущего каким бы то ни было образом угрожать порядку или безопасности какой-либо части территории Союза Советских Социалистических Республик или Японии.

Условлено далее, что ни одна из высоких договаривающихся сторон не будет разрешать присутствия на территории, находящейся под ее юрисдикцией:

а) организаций или групп, претендующих быть правительством какой-либо части территории другой стороны, или

б) чужеземных подданных или граждан, относительно которых было бы обнаружено, что они фактически ведут политическую работу для этих организаций или групп.

Статья 6

В интересах развития экономических отношений между обеими странами и принимая во внимание нужды Японии в отношении естественных богатств, правительство Союза Советских Социалистических Республик готово предоставить японским подданным, компаниям и ассоциациям концессии на эксплуатацию минеральных, лесных и других естественных богатств на всей территории Союза Советских Социалистических Республик.

Декларация

Приступая сего дня к подписанию Конвенции об основных принципах взаимоотношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией, нижеподписавшийся уполномоченный Союза Советских Социалистических Республик имеет честь заявить, что признание его правительством действительности Портсмутского договора от 5 сентября 1905 г. никоим образом не означает, что правительство Союза разделяет с бывшим царским правительством политическую ответственность за заключение названного договора.

Пекин, 20 января 1925 г.

ГЛАВА VI

№ 1. Пакт о нейтралитете между Японией и Советским Союзом^{506}.

Подписан 13 апреля 1941 года

Великая Японская Империя и Союз Советских Социалистических Республик, руководимые желанием укрепить мирные и дружественные отношения между обеими странами, решили заключить пакт о нейтралитете и договорились о нижеследующем:

Статья 1. Обе договаривающиеся стороны обязуются поддерживать мирные и дружественные отношения между собой и взаимно уважать территориальную целостность и неприкосновенность другой договаривающейся стороны.

Статья 2. В случае, если одна из договаривающихся сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или

нескольких третьих держав, другая договаривающаяся сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта.

Статья 3. Настоящий пакт вступает в силу со дня его ратификации обеими договаривающимися сторонами и сохраняет силу в течение пяти лет. Если ни одна из договаривающихся сторон не денонсирует пакт за год до истечения срока, он будет считаться автоматически продленным на следующие пять лет.

Статья 4. Настоящий пакт подлежит ратификации в возможно короткий срок. Обмен ратификационными грамотами должен произойти в Токио также в возможно короткий срок.

ГЛАВА VIII

1. Ялтинское соглашение Трех Великих Держав по вопросам Дальнего Востока^{507}.

Руководители Трех Великих Держав — Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании — согласились в том, что через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе Советский Союз вступит в войну против Японии на стороне союзников при условии:

1. Сохранения status quo Внешней Монголии (Монгольской Народной Республики).

2. Восстановления принадлежавших России прав, нарушенных вероломным нападением Японии в 1904 г., а именно:

а) возвращения Советскому Союзу южной части о. Сахалина и всех прилегающих к ней островов;

б) интернационализации торгового порта Дайрена с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза в этом порту и восстановления аренды на Порт-Артур как на военно-морскую базу СССР;

в) совместной эксплуатации Китайско-Восточной железной дороги и Южноманьчжурской железной дороги, дающей выход на Дайрен, на началах организации смешанного Советско-Китайского Общества с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза; при этом имеется в виду, что Китай сохраняет в Маньчжурии полный суверенитет.

3. Передачи Советскому Союзу Курильских островов. Предполагается, что соглашение относительно Внешней Монголии и вышеупомянутых портов и железных дорог потребует согласия генералиссимуса Чан Кайши. По совету Маршала И.В. Сталина Президент примет меры к тому, чтобы было получено такое согласие.

Главы правительств Трех Великих Держав согласились в том, что эти претензии Советского Союза должны быть безусловно удовлетворены после победы над Японией.

Со своей стороны Советский Союз выражает готовность заключить с Национальным Китайским Правительством пакт о дружбе и союзе между СССР и Китаем для оказания ему помощи своими вооруженными силами в целях освобождения Китая от японского ига.

1945 года, 11 февраля

И.Сталин

Франклин Рузвельт

Уинстон Черчилль

2. Акт о капитуляции Японии.^{508}

1. Мы, действуя по приказу и от имени императора, японского правительства и японского императорского генерального штаба, настоящим принимаем условия декларации, опубликованной 26 июля в Потсдаме главами правительств Соединенных Штатов, Китая и Великобритании, к которой впоследствии присоединился и СССР, каковые четыре державы будут впоследствии именоваться союзными державами.

2. Настоящим мы заявляем о безоговорочной капитуляции союзным державам японского императорского генерального штаба, всех японских вооруженных сил и всех вооруженных сил под японским контролем вне зависимости от того, где они находятся.

3. Настоящим мы приказываем всем японским войскам, где бы они ни находились, и японскому народу немедленно прекратить военные действия, сохранять и не допускать повреждения всех судов, самолетов и военного и гражданского имущества, а также выполнять все требования, которые могут быть предъявлены верховным командующим союзных держав или органами японского правительства по его указаниям.

4. Настоящим мы приказываем японскому императорскому штабу немедленно издать приказы командующим всех японских войск и

войск, находящихся под японским контролем, где бы они ни находились, безоговорочно капитулировать лично, а также обеспечить безоговорочную капитуляцию всех войск, находящихся под их командованием.

5. Все гражданские, военные и морские официальные лица должны повиноваться и выполнять все указания, приказы и директивы, которые верховный командующий союзных держав сочтет необходимыми для осуществления данной капитуляции и которые будут изданы им самим или же по его уполномочию; мы предписываем всем этим официальным лицам оставаться на своих постах и по-прежнему выполнять свои небоевые обязанности, за исключением тех случаев, когда они будут освобождены от них особым указом, изданным верховным командующим союзных держав или по его уполномочию.

6. Настоящим мы даем обязательство, что японское правительство и его преемники будут честно выполнять условия Потсдамской декларации, отдавать те распоряжения и предпринимать те действия, которые в целях осуществления этой декларации потребует верховный командующий союзных держав или любой другой назначенный союзными державами представитель.

7. Настоящим мы предписываем японскому императорскому правительству и японскому императорскому генеральному штабу немедленно освободить всех союзных военнопленных и интернированных гражданских лиц, находящихся сейчас под контролем японцев, и обеспечить их защиту, содержание и уход за ними, а также немедленную доставку их в указанные места.

8. Власть императора и японского правительства управлять государством будет подчинена верховному командующему союзных держав, который будет предпринимать такие шаги, какие он сочтет необходимым для осуществления этих условий капитуляции.

Подписано в Токийском заливе, Япония,
2 сентября 1945 года в 9 часов 04 минуты.

*На основании приказа и от имени Его величества императора
Великой Японской империи и японского правительства*

Сигэмицу Мамору

*На основании приказа и от имени Японской имперской Главной
ставки*

Умэдзу Ёсидзиро

Принято в Токийском заливе, Япония, в 9 часов 08 минут 2 сентября 1945 года в интересах Соединенных Штатов Америки, Китайской Республики, Соединенного Королевства и Союза Советских Социалистических Республик, а также в интересах других союзных государств, находящихся в состоянии войны с Японией.

Верховный главнокомандующий союзных держав

Дуглас Макартур

Представитель Соединенных Штатов Америки

Ч.В. Нимиц

Представитель Китайской Республики

Су Юнчан

Представитель Соединенного Королевства

Брус Фрэнгер

Представитель Союза Советских Социалистических Республик

Кузьма Николаевич Деревянко

Затем акт подписывают представитель Австралии генерал Томас Блэ-ми, главнокомандующий австралийскими войсками, представители Канады, Франции, Голландии, Новой Зеландии.

ГЛАВА IX

1. Из мирного договора с Японией, подписанного в Сан-Франциско 8 сентября 1951 г. [{509}](#).

Статья 1

а) Состояние войны между Японией и каждой из Союзных Держав прекращается с момента вступления в силу настоящего договора между Японией и соответствующей Союзной державой, как это указано в Статье 20.

б) Союзные Державы признают полный суверенитет японского народа над Японией и ее территориальными водами.

Статья 2

а) Япония, признавая независимость Китая, отказывается от всех прав, оснований и претензий на Корею, включая острова Квельпарт, порт Гамильтон и Дагелет.

b) Япония отказывается от всех прав, правооснований и претензий на Формозу и Пескадорские острова.

c) Япония отказывается от всех прав, правооснований и претензий на Курильские острова и на ту часть острова Сахалин и прилегающих к нему островов, суверенитет над которыми Япония приобрела по Портсмутскому договору от 5 сентября 1905 г.

d) Япония отказывается от всех прав, правооснований и претензий, связанных с мандатной системой Лиги Наций, и принимает решение Совета Безопасности Организации Объединенных Наций от 2 апреля 1947 г., по которому система опеки распространяется на Тихоокеанские острова, находившиеся ранее по мандату у Японии.

e) Япония отказывается от всех претензий на какие-либо права, правооснования или интересы в отношении любой части Антарктического района, независимо от того, вытекали ли они из деятельности японских граждан или были получены иным образом.

f) Япония отказывается от всех прав, правооснований и претензий на остров Спратли и острова Парасельские...

Статья 6

a) Все оккупационные войска Союзных Держав будут выведены из Японии в возможно короткий срок после вступления в силу настоящего договора, и во всяком случае, не позднее, чем через 90 дней после вступления договора в силу. Ничто в этом положении не должно, однако, воспрепятствовать размещению или сохранению иностранных вооруженных сил на японской территории в соответствии или вследствие каких-либо двусторонних или многосторонних соглашений, которые заключены или могут быть заключены между одной или несколькими Союзными Державами, с одной стороны, и Японией, с другой стороны...

Статья 8

a) Япония признает полную силу всех договоров, заключенных Союзными Державами в настоящее время или в будущем, для прекращения состояния войны, начатой 1 сентября 1939 г., а также любые другие соглашения Союзных Держав, заключенные для восстановления мира или в связи с восстановлением мира. Япония также признает все соглашения, относящиеся к прекращению деятельности бывшей Лиги Наций и Постоянной Палаты Международного Суда...

Статья 11

Япония признает приговор Международного Военного Трибунала для Дальнего Востока и приговоры других Союзных судов по военным преступлениям как внутри, так и за пределами Японии и будет приводить в исполнение приговоры, вынесенные ими в отношении японских граждан, находящихся в заключении в Японии. Право помилования, смягчения приговора и досрочного освобождения в отношении таких преступников не может осуществляться иначе, как по решению правительства или правительств, которые вынесли приговор в каждом отдельном случае, и по рекомендации Японии. В отношении лиц, осужденных Международным Военным Трибуналом для Дальнего Востока, такое право не может осуществляться иначе, как по решению большинства правительств, представленных в Трибунале, и по рекомендации Японии...

Статья 26

С любым государством, которое подписало Декларацию Объединенных Наций от 1 января 1942 г. или присоединилось к ней и которое находится в состоянии войны с Японией или любым государством, которое раньше составляло часть территории государства, указанного в статье 23, и не является стороной, подписавшей настоящий договор, Япония будет готова заключить двусторонний Мирный договор на тех же или в основном на тех же условиях, которые предусмотрены в настоящем договоре, но это обязательство со стороны Японии истечет через три года после первого вступления в силу настоящего договора. В случае, если Япония договорится о мирном урегулировании или об урегулировании военных претензий с каким-либо государством, предоставляющих этому государству большие преимущества, чем те, которые предусмотрены настоящим договором, те же самые преимущества будут распространены на стороны настоящего договора.

2. Письмо полномочного представителя правительства Японии С. Мацумото Первому заместителю министра иностранных дел СССР А.А. Громько от 29 сентября 1956 года^{510}.

Господин первый заместитель министра,

Имею честь сослаться на послание премьер-министра г-на Хатояма от 11 сентября 1956 г. и на ответное послание Председателя

Совета Министров СССР от 13 сентября сего года и заявить нижеследующее:

Правительство Японии готово вступить в переговоры в Москве о нормализации советско-японских отношений без заключения в настоящее время мирного договора, как было сказано в вышеуказанном послании премьер-министра г-на Хатояма. При этом японское правительство считает, что и после восстановления дипломатических отношений в результате нынешних переговоров весьма желательно, чтобы японо-советские отношения достигли более прочного развития на основе формального мирного договора, включающего в себя и территориальный вопрос.

В этой связи японское правительство будет считать, что переговоры относительно заключения мирного договора, включающего территориальный вопрос, будут продолжены и после восстановления нормальных дипломатических отношений между нашими странами. Приступая к переговорам в соответствии с посланием премьер-министра г-на Хатояма, я буду весьма признателен, если советское правительство также предварительно подтвердит, что и оно придерживается такого же мнения.

Полномочный представитель правительства Японии
С. Мацумото.

3. Письмо первого заместителя министра иностранных дел СССР А.А. Громыко полномочному представителю правительства Японии С. Мацумото от 29 сентября 1956 года.^{511}

Господин полномочный представитель,

Имею честь подтвердить получение Вашего письма от 29 сентября 1956 года следующего содержания:

«Имею честь сослаться на послание премьер-министра г-на Хатояма от 11 сентября 1956 г. и на ответное послание Председателя Совета Министров СССР от 13 сентября сего года и заявить нижеследующее:

Правительство Японии готово вступить в переговоры в Москве о нормализации советско-японских отношений без заключения в настоящее время мирного договора, как было сказано в вышеуказанном послании премьер-министра г-на Хатояма. При этом японское правительство считает, что и после восстановления дипломатических отношений в результате нынешних переговоров весьма желательно,

чтобы японо-советские отношения достигли более прочного развития на основе формального мирного договора, включающего в себя и территориальный вопрос.

В этой связи японское правительство будет считать, что переговоры относительно заключения мирного договора, включающего территориальный вопрос, будут продолжены и после восстановления нормальных дипломатических отношений между нашими странами. Приступая к переговорам в соответствии с посланием премьер-министра г-на Хатояма, я буду весьма признателен, если советское правительство также предварительно подтвердит, что и оно придерживается такого же мнения».

В связи с этим по поручению правительства СССР имею честь сообщить, что Советское правительство разделяет указанное выше мнение японского правительства и заявляет о своей согласии на продолжение после восстановления нормальных дипломатических отношений между нашими странами переговоров о заключении мирного договора, включающего и территориальный вопрос.

Примите, господин полномочный представитель, уверения в моем высоком к Вам уважении.

Первый заместитель министра иностранных дел Союза СССР А.А. Громыко.

4. Протокольная запись беседы между Н.С. Хрущевым и И. Коно от 16 октября 1956 года^{512}.

Беседа состоялась 16 октября с 14 часов дня до 15 час. 45 мин.

КОНО. Внутреннее положение Японии очень трудное. Надеюсь, что г-н Хрущев хорошо информирован по этому вопросу советским представителем в Токио Тихвинским.

В связи с поездкой в Советский Союз премьер-министра Хатояма и всей нашей делегации со стороны ряда партийных группировок были серьёзные возражения. Однако, несмотря на эти возражения, мы с премьером Хатояма твёрдо решили отправиться в Москву и довести переговоры до конца.

Я должен выразить благодарность Советскому Правительству за то, что оно проявило добрую волю в мае этого года, когда велись переговоры по вопросам рыболовства. Однако мне кажется, что Советское Правительство ещё не совсем полно представляет себе наше сложное внутреннее положение и не знает, что в Японии внутри

политических партий происходит острая борьба целого ряда группировок.

Через министра Ишкова было послано письмо председателю Совета Министров СССР Булганину от имени премьера Хатояма и Коно, в котором излагались некоторые просьбы японской стороны. Знаете ли Вы об этом?

ХРУЩЁВ отвечает, что знает.

КОНО. Вчера я вновь встречался с Ишковым и подробно изложил ему свои взгляды. Информированы ли Вы об этом?

ХРУЩЁВ отвечает утвердительно.

КОНО. Если нужно что-либо добавить к тому, что я говорил раньше, то я согласен это сделать.

КОНО. Премьер-министр и я считаем, что нормализация отношений между СССР и Японией должна быть достигнута на основе 5 пунктов, изложенных в письме премьер-министра Хатояма и в ответе Булганина. Как известно, после обмена письмами в Москву был направлен наш уполномоченный Мацумото для более подробного изложения наших взглядов об организации переговоров. Мы полагаем, что переговоры должны быть завершены в духе указанных пяти пунктов. Но внутривнутриполитическое положение Японии и, прежде всего, острый конфликт внутри правящей политической партии (имеется в виду группировка Иосида) делают нашу позицию в Москве исключительно трудной и мешают решению целого ряда вопросов. Японская сторона считает, что нужно как можно скорее нормализовать отношения. Но для того, чтобы нормализация отношений прошла гладко, без последствий, необходимо вернуть Японии острова Хабомаи и Сикотан (Шикотан. — *А.К.*). Всё остальное можно было бы решить в последующее время. Я извиняюсь, что предлагаю некоторое отступление от пяти пунктов, но к этому меня вынуждает внутривнутриполитическое положение Японии.

ХРУЩЁВ. Переговоры, которые ведутся между нашими странами, носят затяжной характер. Мы имеем полное представление о тех вопросах, по которым стороны уже достигли общей точки зрения, и о тех моментах, которые неприемлемы для японской стороны. Если я правильно понимаю, главным и единственным вопросом, тормозящим нормализацию отношений, является территориальный вопрос. Все другие вопросы, кажется, достаточно полно обсуждены и разрешены.

По территориальному вопросу мы учли возможные трудности, и в своё время предлагали заключить мирный договор, в котором предусмотреть все условия, включая и территориальный вопрос, для нормализации отношений. Идя навстречу Японии, Советское Правительство готово было отказаться от своих прав на принадлежащие нам острова Хабомаи и Сикотан. При этом мы руководствовались тем, что указанные острова очень близко расположены к острову Хоккайдо и что это обстоятельство могло бы в будущем служить поводом для трений между нашими странами. Вместе с тем передача указанных территорий пошла бы на пользу укрепления дружественных отношений. Обо всём этом было поручено сообщить японской стороне через г-на Мацумото в Лондоне. Впоследствии японская сторона заявила, что эти условия мирного договора для неё неприемлемы, так как японское правительство связано определёнными обязательствами перед партиями, и что этому мешает внутривнутриполитическое положение в стране. Учитывая это заявление, Советское Правительство отложило вопрос о заключении мирного договора, надеясь, что придёт время, когда силы, выступающие в Японии за мир и дружбу с Советским Союзом, победят, и тогда можно будет возобновить переговоры о заключении договора.

В прошлом году я подробно и ясно изложил точку зрения Советского Правительства находившейся в Москве японской парламентской делегации. Далее, после приезда г-на Сигэмицу в Москву во время его переговоров с министром иностранных дел т. Шепиловым наша позиция была вновь чётко и ясно изложена. Однако японская сторона оказалась не в состоянии заключить мирный договор, и в сентябре этого года, по предложению японского премьер-министра, возник новый вопрос о форме завершения переговоров. Речь идёт о так называемых пяти пунктах, изложенных в письме премьер-министра Хатояма, которое было адресовано председателю Совета Министров СССР т. Булганину. Советское Правительство согласилось с основными положениями письма, и пять пунктов Хатояма были приняты в качестве исходного момента. При этом было решено, что территориальный вопрос не будет решаться. Обо всём об этом и было сказано в ответном письме т. Булганина.

Документы, которые были вручены вчера японской делегации, строго вытекают из упомянутых пяти пунктов. Мы не можем понять,

почему новые условия завершения переговоров представляются неприемлемыми для Японии, как заявил г-н Коно, и что они не будут поддержаны общественным мнением Японии.

Г-н Коно ставит вопрос о передаче Хабомаи и Сикотана. Но это такой вопрос, который может быть решён только мирным договором. Но ведь японская сторона заявила, что она не готова к заключению такого договора. Как же можно решать территориальный вопрос без основного договора, регулирующего отношения?

Японская сторона хочет получить Хабомаи и Сикотан без заключения мирного договора и решить впоследствии какие-то другие, не известные нам, территориальные вопросы, которых в действительности не существует. Советское Правительство хочет как можно скорее договориться с Японией, и оно не использует территориальный вопрос для торга. Но я должен ещё раз совершенно определённо и категорически заявить, что никаких претензий Японии по территориальному вопросу, кроме Хабомаи и Сикотан, мы принимать не будем и отказываемся обсуждать какие бы то ни было предложения в этом отношении.

Японское правительство должно понять также положение Правительства Советского Союза. Наш народ знает, что мы пошли по территориальному вопросу на большие уступки. Мы отдаём Японии острова Хабомаи и Сикотан. Но наш народ не понял бы нас, если бы мы пошли на ещё большие уступки и передали бы Японии новые территории, законно принадлежащие нашему государству. Мы не можем и не пойдём ни на какие дальнейшие уступки. Хабомаи и Сикотан можно было бы передать Японии по мирному договору, но с передачей указанных островов территориальный вопрос целиком и полностью следует считать разрешённым.

Я думаю, что указанные условия вполне приемлемы для Японии. Насколько можно судить по японской прессе, большинство японского народа согласно с предлагаемыми нами условиями мирного договора, которые позволят прекратить состояние войны между нашими странами, нормализовать отношения, развивать торговлю, обмениваться культурными достижениями и тем самым создать условия для дружбы между нашими народами. Такое решение вопроса в интересах японского народа. При этом я имею в виду интересы сегодняшней и будущей Японии.

Мы будем сожалеть, если Япония не сможет теперь же пойти на нормализацию отношений. В этом случае нам пришлось бы ждать, пока в Японии не созреют условия для нормализации.

Мы очень ценим усилия, которые прилагает премьер-министр Хатояма в деле улучшения отношений между нашими странами. Я об этом говорил вчера и повторяю сегодня. Несмотря на свой возраст и физический недуг, он не остановился ни перед чем и приехал в Москву, чтобы завершить переговоры. Мы очень ценим и Ваши усилия, г-н Коно. Вы очень энергично работали, чтобы добиться нормализации отношений между СССР и Японией. Я хочу отметить, что в итоге этой нормализации Япония получит гораздо больше преимуществ, чем Советский Союз.

Может быть, для японской стороны окажется приемлемым такой вариант: мы можем записать, что Советский Союз согласен передать Японии Хабомаи и Сикотан. Но это будет означать, что в этом случае исключается известное положение о том, что при заключении мирного договора между сторонами будут вестись переговоры по территориальному вопросу, ибо передача Хабомаи и Сикотан представляет собой окончательное решение территориального вопроса. Можно было бы оформить этот вопрос следующим образом. Мы уступим указанные острова Японии и зафиксируем это положение в документе. Однако фактическая передача указанных территорий Японии последует после заключения мирного договора и после того, как США передадут Японии Окинава и другие исконно японские территории, которые захвачены США. Советская сторона готова пойти на такое решение вопроса с тем, чтобы облегчить положение японской делегации. Разумеется, японская сторона имеет возможность выбора: либо она согласна завершить переговоры на условиях только пяти пунктов, либо к этим пяти пунктам в виде дополнения может быть внесена статья о Хабомаи и Сикотан.

КОНО. Простите за то, что японская сторона надоедает Вам всякого рода просьбами. Врученный нам вчера проект совместной декларации и протокол нами изучены. Мы считаем эти документы вполне удовлетворительными, кроме территориального вопроса. У нас есть ряд дополнительных просьб в связи с этими документами.

1. Японская сторона просила бы провести расследование с тем, чтобы найти японских граждан, пропавших без вести и не включённых

в список, полученный от советской стороны.

Японская сторона выражает благодарность Советскому правительству за его позицию в вопросе о приёме Японии в ООН. Я не нахожусь во власти фразы, как Сигэмицу, поэтому для меня достаточно будет Вашего заверения, что Вы поддержите просьбу Японии о приёме её в ООН на очередной сессии в этом году.

ХРУЩЁВ. По вопросу о японских гражданах, пропавших без вести, я Вам ничего не могу сказать сверх того, что уже было сказано ранее. У нас нет других японцев, кроме тех, которые внесены в список, врученный Вам. Но если японская делегация считает, что для облегчения её положения полезно будет внести в текст декларации общую фразу, то мы, очевидно, не будем возражать против этого, хотя должен ещё раз заметить, что у нас нет японцев, кроме тех, о которых уже было сообщено. Если бы такие лица нашлись, мы бы их немедленно отправили в Москву.

КОНО. Просьба такую фразу в текст включить.

ХРУЩЁВ. Относительно просьбы о приёме Японии в ООН всё будет зависеть от самой Японии, вернее, от того, в какой мере будут юридически оформлены документы о нормализации отношений к моменту возникновения вопроса о приёме Японии в ООН. Наше слово крепкое, в чём Вы сможете убедиться.

КОНО. Разрешите высказать несколько мыслей по территориальному вопросу. Мы хотим решить вопрос о территориях безотносительно к Сан-Францисскому мирному договору, т. е. без привлечения для этого США и других союзных держав. Япония готова решить территориальный вопрос, стоя на свободных позициях. Мы не смогли пойти на заключение мирного договора, но мы согласны на подписание ряда документов, которые по своему содержанию ничем не отличаются от договора. В этих документах можно решить почти всё, что можно решить мирным договором.

К сожалению, по территориальному вопросу мы не можем принять позицию Советского Союза в силу внутривнутриполитического положения в стране.

Мы настоятельно просим, чтобы Советское правительство вернуло нам острова Хабомаи и Сикотан немедленно, не связывая это с другими вопросами.

Что касается принадлежности остальных территорий, то в данный момент трудно что-либо сказать об этом. Никаких изменений в этом отношении в ближайшее время не наступит, поскольку Советский Союз владеет указанными территориями. Ваше предложение о том, чтобы вопрос о передаче Хабомаи и Сикотан включить в общую декларацию, но фактически вернуть их только после того, как Соединённые Штаты вернут Японии Окинава, произвело бы весьма неблагоприятное впечатление на общественное мнение и народ Японии, ибо Советский Союз уже согласился передать эти территории Японии в случае заключения мирного договора, о чём известно всем японцам.

Нас очень разочаровало ваше заявление о том, что передача указанных территорий ставится в прямую зависимость от возвращения Соединённым Штатам Окинава и других территорий. Мы не хотели бы ставить знак равенства между указанными японскими землями. Я вновь повторяю нашу просьбу о том, чтобы Советское правительство немедленно передало нам Хабомаи и Сикотан.

Мы считаем, что нормализация отношений должна быть обязательно завершена в настоящий момент, ибо премьер Хатояма уже больше не сможет приехать в Москву. Следовательно, если мы упустим нынешний благоприятный случай, то это будет означать, что мы на многие годы упустим возможность урегулировать наши отношения.

ХРУЩЁВ. Хочу уточнить сказанное мною относительно передачи Японии островов Хабомаи и Сикотан, чтобы не было никакого недопонимания.

Советское Правительство согласно передать Японии Хабомаи и Сикотан в том случае, если сейчас будет заключён мирный договор. Сама передача происходит после ратификации этого договора. Я не знаю, какие могут быть технические трудности в связи с передачей. Очевидно, на этих островах есть какое-то имущество, которое нужно вывезти или передать, я хочу лишь отметить, что передача указанных территорий связывается с ратификацией договора. Если же мирный договор не будет подписан, а японская сторона согласна с теми документами, которые мы вчера ей вручили, то вопрос, очевидно, можно было бы решить следующим образом:

Советское Правительство согласно передать Хабомаи и Сикотан. Об этом можно будет записать в соответствующем документе и открыто объявить. Советское Правительство юридически откажется от своих

прав на указанные острова, но практически передача последует после заключения мирного договора и после того, как Японии будут возвращены Окинава и другие территории, которые находятся в руках США. Мы не хотим в этом отношении неравного положения. Почему Соединённые Штаты держат в руках японские острова, строят там военные базы, направленные против нас, а от нас требуют, чтобы мы отдали Японии принадлежащие нам территории? Это несправедливо. Мы протестуем против такой дискриминации. Советское Правительство хочет решить все вопросы для быстрой нормализации, но мы никогда не пойдём на ещё большие уступки, чем те, о которых уже известно японской стороне. Подумайте, г-н Коно, может быть, мы сможем ещё раз встретиться и обсудить этот вопрос? Предложенные нами условия улучшают ваше положение, ибо вы имеете возможность выбрать одно из двух решений.

КОНО. Считает ли г-н Хрущёв, что Соединённые Штаты когда-либо вернут Японии Окинава?

ХРУЩЁВ. Мне трудно говорить за Соединённые Штаты, но я думаю, что решение о Хабомаи и Сикотан, которое мы предлагаем, будет содействовать делу освобождения Окинава. Никто не сомневается в том, что Окинава — это японская территория. Мы же передадим Японии Хабомаи и Сикотан в любое время, когда для этого будут выполнены соответствующие условия. Думаю, что Соединённые Штаты рано или поздно вернут Японии Окинава и другие территории. Конечно, я не могу сказать, когда это будет.

КОНО. Согласно ли Советское правительство вернуть нам Кунашир и Итуруп, если Соединённые Штаты уйдут с Окинава?

ХРУЩЁВ. Я не знал, что японцы такие упорные. Вы бьёте всё в одну точку.

КОНО. Конечно, Кунашир и Итуруп не имеют существенного экономического значения для Японии. Но если бы мы имели возможность развернуть движение в стране за возвращение Окинава и других территорий, связывая этот вопрос с возвращением Кунашира и Итурупа, то, может быть, мы добились бы успеха, ибо довод об одновременном возвращении Японии двумя великими державами территорий, принадлежащих Японии, звучит весьма убедительно.

ХРУЩЁВ. Кунашир и Итуруп здесь совершенно ни при чём, вопрос о них давно решён. Экономически эти территории не имеют

никакого значения. Наоборот, они нам приносят сплошной убыток и ложатся тяжёлым бременем на бюджет. Но тут играют решающую роль соображения престижа страны, а также стратегическая сторона дела.

КОНО. Прошу Вас учесть наше положение и подумать над нашими просьбами, которые я сегодня высказал.

ХРУЩЁВ. Мы посоветуемся с Министром иностранных дел относительно того, как оформить документально вопрос о Хабомаи и Сикотан.

КОНО. Если Вы не возражаете, я хотел бы с Вами увидеться ещё раз.

ХРУЩЁВ. Насколько мне известно, на завтра назначена встреча между господином Хатояма и т. Булганиным.

КОНО. Я хотел бы увидеться с Вами ещё до этой встречи. Разрешите к Вам прийти в 10 часов.

ХРУЩЁВ отвечает согласием.

КОНО. В заключение я хочу сказать, что положение японской делегации очень трудное; все решения она принимает без одобрения из Токио, ибо если бы мы и запросили согласие, то обязательно получили бы отказ. Нам очень трудно будет убедить японский парламент и общественное мнение согласиться с теми актами, которые мы подпишем в Москве. Поэтому мы очень нуждаемся в поддержке со стороны Советского правительства.

5. Протокольная запись беседы между Н.С. Хрущёвым и И. Коно от 17 октября 1956 года.^{513}

Беседа началась в 10.00, закончилась в 10.50.

КОНО. Я сегодня не буду слишком много полемизировать, хочу лишь изложить некоторые обстоятельства, связанные с нашей линией поведения во время московских переговоров.

Либерально-демократическая партия, к которой Хатояма и я принадлежим, выработала новую линию в связи с переговорами. Я хочу объяснить Вам, почему и при каких обстоятельствах появилась эта новая линия. Внутри нашей партии есть такие элементы, которые резко возражали против нашей поездки в Москву, ибо они считали, что если мы окажемся в Москве, то соглашение будет обязательно подписано, чего они, эти элементы, боятся. На этом основании определённая группа членов партии создавала систематические помехи и препятствия в решении вопросов, связанных с нормализацией отношений. Хатояма

и я пытались добиться того, чтобы большинство партий и правительство приняли бы нашу линию и поручили бы нам выехать в Москву. Мы этого добились, но добились вот на каких условиях: прошлый раз, когда я был в Москве в связи с переговорами о рыболовстве, я посетил Председателя Совета Министров Булганина и имел с ним беседу по территориальному вопросу. Г-н Булганин заявил мне следующее: Советское правительство передаст Японии острова Хабомаи и Сикотан. Об этом уже неоднократно говорилось в Лондоне, но передача указанных территорий — это максимум, на что может пойти Советский Союз в территориальном вопросе. Я знаю, — продолжал г-н Булганин, — что японский народ требует возвращения Кунашира и Итурупа, но передача указанных территорий Японии совершенно невысказана и невозможна. Сейчас речь идёт о передаче Японии Хабомаи и Сикотан, всё остальное мы будем решать потом. Пока же стороны должны договориться по тем вопросам, по которым точки зрения совпали.

Таково было в общих чертах заявление г-на Булганина.

Я должен отметить, что Либерально-демократическая партия в своё время приняла такой жёсткий курс ведения переговоров, который был совершенно неприемлем для Советской стороны. Поэтому было решено выработать новый курс, новую линию поведения, и этот новый курс был целиком основан на вышеуказанном заявлении г-на Булганина, о котором я докладывал партии и правительству. Мне было сказано, чтобы я вместе с Хатояма поехал в Москву и чтобы я добился нормализации отношений в той форме, в какой это было изложено в заявлении Булганина. Другими словами, речь шла о возвращении Японии Хабомаи и Сикотан.

ХРУЩЁВ. Г-н Коно несколько неточно толкует беседу с т. Булганиным. Советское правительство неоднократно сообщало японской стороне и в Лондоне через т. Малика, и в неоднократных беседах в Москве о том, что мы согласны передать Японии острова Хабомаи и Сикотан при условии заключения Мирного Договора и установления дипломатических отношений между нашими странами. Но оказалось, что в Либерально-демократической партии Японии нет единства по вопросу о переговорах, поэтому японская сторона предложила не касаться пока территориального вопроса, а

ограничиться ликвидацией состояния войны и восстановлением нормальных дипломатических отношений, на что мы и согласились.

Но, давая своё согласие на этот новый вариант, мы имели в виду, что передача островов Хабомаи и Сикотан последует только после заключения Мирного Договора.

Таковы наши предложения.

Желая пойти навстречу японской делегации, я вчера выдвинул новый, иной вариант, который выгоден для Японии. При этом я хочу в конфиденциальном порядке подчеркнуть, что наш вариант может быть успешно использован Японией также и в пропагандистских целях, ибо обязательства Советского Союза передать Японии указанные территории могут служить достаточным основанием для того, чтобы оказать давление на Соединённые Штаты и требовать от них возвращения Окинава и других территорий, находящихся под контролем США. Можно было бы в совместную декларацию включить пункт о передаче Японии островов Хабомаи и Сикотан после заключения мирного договора и возвращения Японии Окинава и других территорий, находящихся под контролем США, но помимо этого устно, без записи, договориться, что мы передадим указанные территории после заключения мирного договора и не будем связывать эту передачу с возвращением Окинава и других территорий. Мы хотим помочь Японии добиться освобождения Окинава и других территорий, а для этого наш вариант решения территориального вопроса был бы весьма приемлем. Япония в этом случае смогла бы привести в пример Советский Союз и на этом примере мобилизовать внутреннее и международное общественное мнение на поддержку борьбы за освобождение Окинавы.

Г-н Коно вчера спрашивал, уверен ли я, что США передадут Японии Окинава. Конечно, я в этом уверен. Я понимаю, что США не хотят вернуть эту территорию, но история часто заставляет делать то, чего не хочешь, и США будут вынуждены отдать Японии то, что ей принадлежит, если японский народ будет вести борьбу за это. Я думаю, что Япония после нормализации отношений очень скоро убедится в пользе и необходимости заключения мирного договора, и тогда, т. е. после заключения договора, мы вернём Японии острова Хабомаи и Сикотан, не связывая это с вопросом об Окинава.

КОНО. Я хорошо понял Вашу мысль, и поэтому я предложил бы следующий вариант редакции статьи о территориальном вопросе (вручает следующий вариант):

«Идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая интересы японского государства, Союз Советских Социалистических Республик передаёт Японии острова Хабомаи и Сикотан.

Союз Советских Социалистических Республик и Япония будут продолжать переговоры о заключении Мирного Договора также и после восстановления нормальных дипломатических отношений между обоими государствами и обеспечат всестороннее урегулирование вопросов, которые между ними возникли в результате состояния войны».

О сроке передачи указанных островов можно и не договариваться сейчас.

ХРУЩЁВ. Формулировка первой части о передаче Хабомаи и Сикотан составлена неудачно. Здесь всё изложено в очень категоричной форме, и если бы мы после такой формулировки немедленно не передали бы Японии указанных территорий, то общественное мнение Японии расценило бы это как отказ Советского правительства выполнить им же данное обязательство. Мы хотим честной нормализации отношений, мы хотим, чтобы общественное мнение нас правильно поняло, ибо все обязательства, которые берёт на себя Советский Союз, он выполняет честно и аккуратно. Мы всегда сдерживаем своё слово.

КОНО. Если эта редакция неприемлема, я прошу предложить Ваш вариант.

ХРУЩЁВ. Г-н Коно должен понять, что наше предложение даёт фактическое и юридическое право Японии вести борьбу за возвращение Окинава и других территорий. Я знаю, что в Японии есть проамериканская группа, которая недовольна нашими переговорами, но с этим можно и не считаться. Главное заключается в том, что в итоге решения вопроса по нашему варианту Япония получит возможность оказать сильное давление на США. Имейте в виду, что без борьбы вам не вернуть ваших территорий, находящихся в руках американцев.

КОНО. Японская сторона согласна рассмотреть любой вариант, который Вы предложите. Хатояма и я решили подписать документы без консультации со своим правительством.

ХРУЩЁВ. Поймите, г-н Коно, что мы хотим только одного — создать благоприятные политические условия для развёртывания борьбы за возвращение японских территорий, находящихся под американским контролем. Мы уже решили передать вам острова Хабомаи и Сикотан, поэтому мы потеряли к ним всякий интерес, речь идёт лишь о том, чтобы сама передача пошла бы на пользу Японии. После ликвидации состояния войны между нашими странами не будет каких-либо вопросов, которые по-прежнему будут нас разделять. Мы сейчас договоримся обо всём, включая и территориальный вопрос. Впоследствии мы подпишем Мирный Договор и тогда мы вам передадим Хабомаи и Сикотан. Когда Советский Союз передаст Японии эти острова, вы сможете использовать это обстоятельство для борьбы за возвращение своих территорий, находящихся у американцев, ибо к тому моменту Советский Союз уже вернёт территории, обещанные Японии, а США по-прежнему будут придерживаться прежних позиций. Таким образом, на примере Советского Союза можно заставить США пересмотреть своё отношение к японским землям.

КОНО. Прошу Вас изучить мой вариант, и, если Вы посчитаете необходимым его исправить, я хотел бы с Вами встретиться ещё раз по этому вопросу. Поэтому прошу Вас после того, как Вы исправите мой вариант, прислать мне один экземпляр и назначить мне любое время для посещения Вас.

ХРУЩЁВ. Мы Вам пришлём в письменном виде наши соображения, изучите их, и, если Вам нужна будет встреча, я всегда готов принять.

6. Протокольная запись беседы между Н.С. Хрущевым и И. Коно от 18 октября 1956 года^{514}.

Беседа началась в 16.15, закончилась в 16.55.

КОНО. Японская сторона тщательно изучила врученный вчера вечером советский проект по территориальному вопросу. В итоге мы решили просить Вас, чтобы из Вашего проекта удалить упоминание о передаче Соединенными Штатами Японии островов Окинава. Если советская сторона не возражает, то мы хотели бы предложить следующий вариант, который составлен на основе советского проекта.

«Япония и СССР согласились на продолжение после установления нормальных дипломатических отношений между Японией и США

переговоров о заключении Мирного Договора, включающего территориальный вопрос.

При этом СССР, идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая интересы японского государства, согласился передать Японии острова Хабомаи и Сикотан с тем, однако, что фактическая передача этих островов Японии будет произведена после заключения Мирного Договора между Японией и СССР».

ХРУЩЁВ. Советская сторона в общем согласна с предлагаемым вариантом. Мы хотим пойти навстречу Японии и поэтому готовы снять ту часть нашего проекта, где говорится о передаче Японии Окинава и других территорий.

У нас есть одно замечание чисто редакционного характера: из первой части японского проекта мы просим исключить выражение «включающего территориальный вопрос». Наше предложение объясняется тем, что если оставить указанное выражение, то можно подумать, что между Японией и Советским Союзом, кроме Хабомаи и Сикотан, есть еще какой-то территориальный вопрос. Это может привести к кривотолкам и неправильному пониманию документов, которые мы намерены подписать.

КОНО. Японская сторона, к сожалению, сообщила в Токио представленный Вам сегодня проект и уже получила одобрение правительства. Поэтому любые дальнейшие изменения, естественно, требуют санкции правительства. Практически это означает, что мы, очевидно, не можем подписать завтра эти документы, если бы оказалось необходимым сделать запрос в Токио.

ХРУЩЁВ. Я поздравляю Вас с тем, что Вы уже получили санкцию своего правительства на подписание документов. Однако мы все же настаиваем на исключении указанного выражения. При этом, как Вы сами понимаете, речь идет только о редакционном улучшении, смысловое содержание этой статьи остается неизменным.

КОНО. Я вполне с Вами согласен, что советская поправка не меняет содержания нашего проекта, но коль скоро он уже согласован и мы получили определенную санкцию из Токио, было бы весьма затруднительным что-либо менять после того, как уже все согласовано.

ХРУЩЁВ. Я думаю, что Вы можете и не запрашивать свое правительство по этому поводу, ибо каждому ясно, даже Вашим врагам, что статья по территориальному вопросу составлена в интересах

Японии. Подумайте, г-н Коно. Мы сняли заключительную часть своего варианта. Мы, таким образом, сделали Вам большую уступку, а Вы не хотите согласиться с чисто редакционным уточнением.

КОНО. Я очень прошу Вас понять, что мы связаны определенным решением японского правительства и нам трудно было бы что-либо изменить.

ХРУЩЁВ. Еще раз повторяю, что мы просим исключить эти несколько слов только для того, чтобы устранить возможность возникновения в будущем конфликта на почве толкования настоящего соглашения. Ведь мы заключаем документы не на один год. Может быть, они будут действовать и 10, а может быть еще 100 лет, следовательно, их нужно составлять так, чтобы ничто не допускало неправильного толкования. Вы знаете, что могут найтись такие крючкотворы, которые постараются использовать любое упущение, даже редакционное, для того, чтобы создать конфликт вокруг толкования наших соглашений. Давайте прекратим дальнейшее обсуждение этого вопроса. Вы принимаете наше предложение об исключении этих нескольких слов, и мы с Вами заключаем соглашение и, таким образом, кладем начало новой эпохе в японо-советских отношениях.

КОНО. К сожалению, я должен еще раз подчеркнуть, что внести какие-либо исправления для нас будет очень трудно. Все уже согласовано между премьером и Токио. Нам пришлось бы вновь запрашивать Токио, и это привело бы только к оттяжке сроков подписания.

ХРУЩЁВ. Речь идет о редакционной поправке. Мы идем Вам навстречу в целом ряде вопросов, а Вы хотите заставить нас принять то, что мы считаем нецелесообразным. Я Вам советую, не откладывая в долгий ящик, принять нашу поправку и согласиться на подписание документов.

КОНО. Лично я согласен, но разрешите мне посоветоваться с премьер-министром. Если премьер-министр найдет необходимым, то придется, очевидно, послать запрос в Токио.

ХРУЩЁВ. Сделайте все, что необходимо, но имейте в виду, что мы будем и впредь настаивать на исключении выражения «включающего территориальный вопрос».

КОНО. У меня есть просьба к Вам. Я получил из Токио предписание, чтобы обратиться к Вам с просьбой об освобождении 100 рыбаков, задерживаемых в Советском Союзе. Я думаю, что освобождение этих лиц явилось бы знаменательным в связи с подписанием документов о нормализации наших отношений.

ХРУЩЁВ. Даю Вам слово, что я в Правительстве буду поддерживать Вашу просьбу об освобождении указанных рыбаков. Кроме того, Вы просили и о том, чтобы советские власти провели дополнительное расследование на предмет выяснения — нет ли на территории Советского Союза лиц японской национальности, не включенных в списки, врученные в свое время советской стороной. После проверки было установлено, что у нас действительно обнаружена очень небольшая группа японцев, которая не вошла в указанный список. Если указанные лица этого пожелают, то я думаю, что их можно будет вернуть в Японию.

КОНО. Я весьма благодарен Вам за Ваше заявление. По поручению г-на Хатояма разрешите мне Вам вручить письмо, адресованное г-ну Булганину. Это письмо составлено на основе беседы между гном Булганиным и премьер-министром Хатояма, которая состоялась вчера.

7. Повторная беседа Н.С. Хрущева с И. Коно от 18 октября 1956 года [{515}](#).

Состоялась в 18 час.

КОНО. После консультации с премьер-министром И. Хатояма мы решили принять предложение г-на Хрущева об исключении слов «включающего территориальный вопрос».

ХРУЩЁВ. Очень хорошо. Следовательно, можно договориться о подписании.

КОНО. Мы очень спешим и хотели бы подписать документы 20 октября.

ХРУЩЁВ. Можно было бы подписать к 20-му числу, но подписание желательно было бы провести 21 октября. Дело в том, что часть членов Правительства должна выехать из Москвы на некоторое время. Конечно, если японская сторона очень спешит, то можно подписать документы и в наше отсутствие, но мы хотели бы обязательно присутствовать во время свершения этого исторического акта.

КОНО. Мы очень спешим. Правительство настаивает на скорейшем возвращении премьера в Японию. Кроме того, мы ещё связаны особыми обстоятельствами, не зависящими от нас. Я имею в виду, что мы должны предварительно забронировать самолёты от Стокгольма до Токио. Однако мы не хотели бы, чтобы подписание происходило в отсутствие г-на Хрущёва, который приложил столько усилий для завершения переговоров.

ХРУЩЁВ. Всё наше Правительство придерживается единой точки зрения по вопросу о нормализации отношений с Японией.

КОНО. Я хочу проконсультироваться с премьером, после чего Вам сообщу окончательно наше предложение о дате подписания.

8. Совместная декларация Союза Советских Социалистических Республик и Японии от 19 октября 1956 года ^{516}.

С 13 по 19 октября 1956 года в Москве состоялись переговоры между Делегациями Союза Советских Социалистических Республик и Японии.

Со стороны Союза Советских Социалистических Республик в переговорах приняли участие:

*Председатель Совета Министров СССР Н.А. Булганин,
Член Президиума Верховного Совета СССР Н. С. Хрущёв,
Первый Заместитель Председателя Совета Министров СССР
А.И. Микоян,*

Первый Заместитель Министра Иностранных дел СССР А.А. Громыко и Заместитель Министра Иностранных дел СССР Н.Т. Федоренко.

Со стороны Японии в переговорах участвовали:

*Премьер-министр Хатояма Ициро,
Министр Земледелия и Лесоводства Коно Ициро и
Депутат Палаты Представителей Мацумото Сюничи.*

В ходе переговоров, проходивших в обстановке взаимопонимания и сотрудничества, состоялся широкий и откровенный обмен мнениями по вопросам взаимоотношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией. Союз Советских Социалистических Республик и Япония полностью согласились, что восстановление дипломатических отношений между ними будет

служить развитию взаимопонимания и сотрудничества между обоими государствами в интересах мира и безопасности на Дальнем Востоке.

В результате этих переговоров между Делегациями Союза Советских Социалистических Республик и Японии было достигнуто соглашение о нижеследующем:

1. Состояние войны между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией прекращается со дня вступления в силу настоящей Декларации, и между ними восстанавливаются мир и добрососедские дружественные отношения.

2. Между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией восстанавливаются дипломатические и консульские отношения. При этом имеется в виду, что оба государства незамедлительно обменяются дипломатическими представителями в ранге Посла, а вопрос об учреждении консульств соответственно на территории СССР и Японии будет разрешён в дипломатическом порядке.

3. Союз Советских Социалистических Республик и Япония подтверждают, что они в своих отношениях будут руководствоваться принципами Устава Организации Объединённых Наций, в частности, нижеследующими принципами, изложенными в статье 2 этого Устава:

а) разрешать свои международные споры мирными средствами таким образом, чтобы не подвергать угрозе международный мир и безопасность и справедливость;

б) воздерживаться в их международных отношениях от угрозы силой или её применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с целями Организации Объединённых Наций.

СССР и Япония подтверждают, что, в соответствии со статьёй 51 Устава Организации Объединённых Наций, каждое из государств имеет неотъемлемое право на индивидуальную или коллективную самооборону.

СССР и Япония взаимно обязуются не вмешиваться прямо или косвенно во внутренние дела друг друга по любым мотивам экономического, политического или идеологического характера.

4. Союз Советских Социалистических Республик поддержит просьбу Японии о принятии её в члены Организации Объединённых

Наций.

5. Все осуждённые в Союзе Советских Социалистических Республик японские граждане со вступлением в силу настоящей Совместной Декларации будут освобождены и репатриированы в Японию.

Что же касается тех японцев, судьба которых неизвестна, то СССР, по просьбе Японии, будет продолжать выяснять их судьбу.

6. Союз Советских Социалистических Республик отказывается от всех репарационных претензий к Японии.

СССР и Япония взаимно отказываются от всех претензий соответственно со стороны своего государства, его организаций и граждан к другому государству, его организациям и гражданам, возникших в результате войны с 9 августа 1945 года.

7. Союз Советских Социалистических Республик и Япония соглашаются в возможно короткий срок вступить в переговоры о заключении договоров или соглашений для того, чтобы поставить на прочную и дружественную основу их отношения в области торговли, торгового мореплавания и другие коммерческие взаимоотношения.

8. Конвенция о рыболовстве в открытом море в северо-западной части Тихого океана между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией и Соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией о сотрудничестве при спасании людей, терпящих бедствие на море, подписанные в Москве 14 мая 1956 года, вступят в силу одновременно со вступлением в силу настоящей Совместной Декларации.

Учитывая заинтересованность как СССР, так и Японии в сохранении и рациональном использовании природных ресурсов рыбы и других морских биологических ресурсов, СССР и Япония будут в духе сотрудничества принимать меры в целях сохранения и развития рыболовных ресурсов, а также регулирования и ограничения ловли рыбы в открытом море.

9. Союз Советских Социалистических Республик и Япония согласились на продолжение после восстановления нормальных дипломатических отношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией переговоров о заключении Мирного Договора.

При этом Союз Советских Социалистических Республик, идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая интересы японского государства, соглашается на передачу Японии островов Хабомаи и острова Сикотан с тем, однако, что фактическая передача этих островов Японии будет произведена после заключения Мирного Договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией.

10. Настоящая Совместная Декларация подлежит ратификации. Она вступит в силу в день обмена ратификационными грамотами. Обмен ратификационными грамотами должен быть произведён в возможно более короткий срок в Токио.

В удостоверение вышеизложенного нижеподписавшиеся Уполномоченные подписали настоящую Совместную Декларацию.

Составлено в двух экземплярах, каждый на русском и японском языках, причём оба текста имеют одинаковую силу.

Москва, 19 октября 1956 года.

По уполномочию Правительства Японии

Хатояма Итиро

Коно Итиро

Мацумото Сюнъити

По уполномочию Союза Советских Социалистических Республик

Н. Булганин

Д. Шепилов

9. Указ Президиума Верховного Совета СССР о ратификации Сов местной декларации Союза Советских Социалистических Республик и Японии [{517}](#).

8 декабря 1956 года

Утверждённую Советом Министров СССР и представленную на ратификацию Совместную декларацию Союза Советских Социалистических Республик и Японии, подписанную в Москве 19 октября 1956 года, ратифицировать.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. ВОРОШИЛОВ Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. ГОРКИН

10. Из памятной записки Правительства СССР Правительству Японии от 27 января 1960 года

«...Советский Союз не может, разумеется, проходить мимо такого шага, как заключение Японией нового военного договора,

подтачивающего устои Дальнего Востока, создающего препятствия развитию советско-японских отношений. В связи с тем, что этот договор фактически лишает Японию независимости и иностранные войска, находящиеся в Японии в результате её капитуляции, продолжают своё пребывание на японской территории, складывается новое положение, при котором невозможно осуществление обещания Советского правительства о передаче Японии островов Хабомаи и Сикотана.

Соглашаясь на передачу Японии указанных островов после заключения мирного договора, Советское правительство шло навстречу пожеланиям Японии, учитывало национальные интересы японского государства и миролюбивые намерения, выражавшиеся в то время японским правительством в ходе советско-японских переговоров. Но Советское правительство, учитывая, что новый военный договор, подписанный правительством Японии, направлен против Советского Союза, как и против Китайской Народной Республики, не может содействовать тому, чтобы передачей указанных островов Японии была бы расширена территория, используемая иностранными войсками. Ввиду этого Советское правительство считает необходимым заявить, что только при условии вывода всех иностранных войск с территории Японии и подписания мирного договора между СССР и Японией острова Хабомаи и Сикотан будут переданы Японии, как это было предусмотрено Совместной декларацией СССР и Японии от 19 октября 1956 года.

11. Из памятной записки Правительства Японии Правительству СССР от 5 февраля 1960 года^{518}.

«Правительство Японии считает необходимым следующим образом изложить позицию Японии в связи с памятной запиской, врученной 27 января министром иностранных дел СССР Громыко послу Японии в СССР Кадоваки, относительно подписанного недавно между Японией и Соединёнными Штатами договора о взаимном сотрудничестве и гарантии безопасности.

...Совершенно трудно объяснить то обстоятельство, что Советское правительство в своей памятной записке связывает новый японо-американский договор с вопросом о передаче островов Хабомаи и о-ва Сикотан. По поводу островов Хабомаи и Сикотан в японо-советской Совместной декларации имеется следующее ясное указание: “Союз

Советских Социалистических Республик, идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая интересы японского государства, соглашается на передачу Японии островов Хабомаи и о-ва Сикотан с тем, однако, что фактическая передача этих островов Японии будет произведена после заключения мирного договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией”.

Указанная Совместная декларация представляет собой международное соглашение, регулирующее основы японо-советских отношений; она является официальным международным документом, ратифицированным высшими органами обеих стран. Следовательно, вряд ли есть необходимость говорить о том, что нельзя в одностороннем порядке менять содержание этого торжественного международного обязательства. Кроме того, когда подписывалась японо-советская Совместная декларация, уже существовал договор безопасности, не ограниченный никаким сроком действия. В тот период в Японии уже находились иностранные войска. Следовательно, Совместная декларация заключалась с учетом этих фактов. Уже этих фактов достаточно, чтобы заявить, что указанные выше обстоятельства не могут влиять на взаимное согласие, зафиксированное в японо-советской Совместной декларации.

Правительство Японии не может одобрить позицию Советского Союза, выдвинувшего новые условия осуществления положений Совместной декларации по территориальному вопросу и пытающегося тем самым изменить содержание декларации. Наша страна будет неотступно добиваться возвращения нам не только островов Хабомаи и о-ва Сикотан, но также и других исконных японских территорий».

ГЛАВА X

1. Из Совместного советско-японского заявления от 18 апреля 1991 года^{519}.

1. По приглашению Правительства Японии Президент Союза Советских Социалистических Республик М.С. Горбачёв с 16 по 19 апреля 1991 г. находился с официальным визитом в Японии. Президента СССР М.С. Горбачёва сопровождали министр иностранных дел СССР А.А. Бессмертных и другие официальные лица.

2. 16 апреля в императорском дворце состоялась встреча Президента СССР М.С. Горбачева и его супруги с Императором и Императрицей Японии.

3. Президент СССР М.С. Горбачёв провёл с Премьер-министром Японии Тосики Кайфу откровенные и конструктивные переговоры по вопросам советско-японских отношений, включая переговоры о заключении мирного договора, а также по основным международным проблемам, представляющий взаимный интерес. Президент СССР М.С. Горбачёв передал Премьер-министру Японии Тосики Кайфу приглашение посетить Союз Советских Социалистических Республик с официальным визитом. Приглашение было с благодарностью принято. Конкретные сроки визита будут согласованы по дипломатическим каналам.

4. Президент СССР М.С. Горбачёв и Премьер-министр Японии Тосики Кайфу провели обстоятельные и углублённые переговоры по всему комплексу вопросов, касающихся разработки и заключения мирного договора между СССР и Японией, включая проблему территориального размежевания, с учётом позиций сторон о принадлежности островов Хабомаи, острова Шикотан, острова Кунашир и острова Итуруп.

Проделанная ранее совместная работа и в особенности переговоры на высшем уровне позволяют констатировать ряд концептуальных положений: мирный договор должен стать документом окончательного послевоенного урегулирования, включая разрешение территориальной проблемы, открыть долгосрочную перспективу советско-японских отношений на дружественной основе, исключить нанесение ущерба безопасности другой стороны.

Советская сторона внесла предложение в ближайшие сроки осуществить меры по расширению общения между населением Японии и населением названных выше островов, установлению упрощённого безвизового режима посещения этих островов японскими гражданами, налаживанию совместной взаимовыгодной хозяйственной деятельности в этом районе и сокращению советского военного контингента, размещённого на этих островах. Японская сторона заявила своё намерение в дальнейшем консультироваться по этим вопросам.

В ходе встречи Президент и Премьер-министр подчеркнули первостепенную важность ускорения работы по завершению

подготовки мирного договора и выразили твёрдое намерение действовать с этой целью конструктивно и динамично, используя весь позитив, который накоплен в двусторонних переговорах в разные годы, начиная с 1956 года, когда СССР и Япония совместно декларировали прекращение состояния войны и восстановление дипломатических отношений между ними.

Одновременно было признано целесообразным развёртывание конструктивного сотрудничества, которое осуществляется в атмосфере добрососедства, взаимной выгоды и доверия во взаимных отношениях Советского Союза, включая РСФСР, непосредственно граничащую с Японией, и Японии в торгово-экономической, научно-технической, политической областях, по линии общественности, культуры, образования, туризма, спорта, широкого и свободного общения между людьми.

2. Письмо Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина гражданам РФ ^{520}.

Дорогие соотечественники!

Получив ваше обращение, в котором выражена обеспокоенность судьбами южнокурильских островов, считаю своим долгом разъяснить позицию руководства Российской Федерации.

Я полностью согласен с вами о том, что нынешнее поколение россиян не несёт ответственности за политический авантюризм прежних руководителей нашей страны. Вместе с тем безусловной обязанностью нового российского руководства является поиск путей решения тех унаследованных от политики прошлых эпох проблем, которые и сегодня препятствуют налаживанию нормальных взаимоотношений России с мировым сообществом. В конечном счёте будущее новой демократической России как члена этого сообщества, её международный авторитет во многом зависят от того, насколько быстро мы сумеем преодолеть нелёгкое наследие прошлого, воспринять нормы цивилизованного международного общения, а значит, сделать главным критерием своей политики законность, справедливость, неукоснительное соблюдение принципов международного права.

Одной из проблем, за решение которой нам предстоит взяться в ближайшее время, является достижение окончательного послевоенного урегулирования отношений с Японией. Убеждён, что с точки зрения интересов россиян было бы непростительно продолжать мириться с

тем положением, при котором отношения с Японией остаются фактически замороженными по причине отсутствия между нашими странами мирного договора. Известно, что главным препятствием на пути к этому договору выступает вопрос пограничного размежевания между Россией и Японией. Вопрос этот имеет долгую историю, а в последнее время концентрирует на себе всеобщее внимание, самые разные эмоции граждан России. В своём подходе к нему мы будем руководствоваться принципами справедливости и гуманизма, будем твёрдо отстаивать интересы и достоинство россиян и прежде всего жителей Южных Курил. Могу заверить вас в том, что ни одна судьба жителей Южных Курил не будет сломана. В полной мере, с учётом сложившихся исторических реалий, будут обеспечены и их социально-экономические и имущественные интересы.

Исходным принципом любых договорённостей с Японией будет забота о благе нашего единого и неделимого великого Отечества. Как первый в истории демократически избранный Президент России, заверяю вас в том, что российская общественность будет своевременно и полностью информироваться о намерениях и планах своего правительства.

Искренне рассчитываю на ваше понимание и поддержку.

16 ноября 1991 года

Б. Ельцин

3. Токийская декларация о российско-японских отношениях от 13 октября 1993 г.^{521}.

Президент Российской Федерации и Премьер-министр Японии, руководствуясь пониманием того, что в результате окончания холодной войны мир движется от структуры конфронтации к сотрудничеству, открывающему новые перспективы развития международного взаимодействия, на глобальном и региональном уровнях и в двусторонних отношениях между государствами, что создаёт благоприятные предпосылки для полной нормализации российско-японских двусторонних отношений;

провозглашая, что Российская Федерация и Япония разделяют универсальные ценности свободы, демократии, верховенства права и уважения основных прав человека;

памятуя о том, что поддержка рыночной экономики и свободной торговли способствует процветанию экономик обеих стран и здоровому

развитию мировой экономики в целом;

будучи уверенными в том, что успех реформ, осуществляемых в Российской Федерации, имеет решающее важное значение для строительства нового мирового политического и экономического порядка;

подтверждая важность строительства двусторонних отношений на основе уважения целей и принципов Устава ООН;

будучи убеждёнными в том, что Российская Федерация и Япония должны преодолеть наследие тоталитаризма и взаимодействовать друг с другом в духе международного сотрудничества в целях строительства нового международного порядка и полной нормализации двусторонних отношений, заявляют о нижеследующем.

1. Президент Российской Федерации и Премьер-министр Японии едины в понимании того, что демократические преобразования и экономическая реформа, проводимые в России, имеют чрезвычайно важное значение не только для народов этой страны, но и для всего мира в целом, причём успех перехода России к подлинно рыночной экономике и плавная интеграция Российской Федерации в мировое демократическое сообщество, по мнению сторон, являются неотъемлемым фактором укрепления международной стабильности, необратимости процесса формирования нового мирового порядка.

В этой связи Премьер-министр Японии передал Президенту Российской Федерации следующее послание лидеров стран «семёрки».

«Мы сожалеем, что в результате спровоцированных в Москве сторонниками бывшего парламента вооружённых столкновений имели место многочисленные человеческие жертвы, но вместе с тем приветствуем, что обстановка нормализуется, восстанавливаются законность и порядок, включая уважение прав человека.

Мы вновь подтверждаем, что наша поддержка проводимому Президентом Б.Н. Ельциным курсу демократических и экономических реформ остаётся неизменной, и выражаем большую надежду на то, что в результате проведения свободных и справедливых, с широким народным участием выборов в новый парламент, родится подлинно демократическое общество, которое будет отражать волю народа, и реформы получат дальнейшее продолжение».

2. Президент Российской Федерации и Премьер-министр Японии, придерживаясь общего понимания о необходимости преодоления в

двусторонних отношениях тяжелого наследия прошлого, провели серьёзные переговоры по вопросу о принадлежности островов Итуруп, Куна-шир, Шикотан и Хабомаи. Стороны соглашаются в том, что следует продолжать переговоры с целью скорейшего заключения мирного договора путём решения указанного вопроса, исходя из исторических и юридических фактов, и на основе выработанных по договорённости между двумя странами документов, а также принципов законности и справедливости и таким образом полностью нормализовать двусторонние отношения. В этой связи Правительство Российской Федерации и Правительство Японии подтверждают, что Российская Федерация является государством-продолжателем СССР и что все переговоры и другие международные договорённости между Советским Союзом и Японией продолжают применяться в отношениях между Российской Федерацией и Японией.

Правительство Российской Федерации и Правительство Японии отмечают также, что в рамках рабочей группы по мирному договору между двумя странами до настоящего времени осуществлялся конструктивный диалог и одним из его результатов явилось совместное опубликование российской и японской сторонами в сентябре 1992 года «Совместного сборника документов по истории территориального размежевания между Россией и Японией».

Правительство Российской Федерации и Правительство Японии соглашаются предпринять ряд шагов в целях углубления взаимопонимания, прежде всего в плане дальнейшего совершенствования проведения взаимных поездок постоянных жителей упомянутых выше островов и жителей Японии, которые осуществляются в рамках установленной на основе договорённости между двумя сторонами процедуры.

3. Президент Российской Федерации и Премьер-министр Японии, будучи уверенными, что расширение политического диалога является полезным и эффективным средством развития российско-японских отношений, соглашаются продолжать, углублять и развивать политический диалог путём осуществления регулярных взаимных визитов на уровне высших руководителей, министров иностранных дел, а также заместителей министров иностранных дел.

4. Президент Российской Федерации и Премьер-министр Японии, приветствуя результаты, достигнутые до настоящего времени в области

контроля над вооружениями и разоружения, и подтверждая необходимость их добросовестного воплощения, едины в понимании важности дальнейшего продвижения этого процесса и придания ему необратимого характера.

Стороны, придерживаясь общего понимания важности для обеспечения безопасности во всём мире вопроса о демонтаже ядерного оружия и возникающей в этой связи проблемы хранения ядерных материалов, контроля над ними и их обработки, подтверждают стремление сотрудничать в указанных сферах. Стороны, подтверждая также, что сброс радиоактивных отходов в море вызывает серьёзную озабоченность в глобальном масштабе, особенно с точки зрения своего влияния на окружающую среду в прилегающих государствах, соглашаются в целях дальнейшего рассмотрения этой проблемы осуществлять тесные консультации по линии совместной российско-японской рабочей группы.

Стороны приветствуют подписание в январе 1993 года в Париже Конвенции о запрещении химического оружия и выражают надежду на то, что к данной Конвенции присоединится как можно большее число государств и она будет способствовать миру и стабильности во всём мире. Стороны соглашаются также тесно сотрудничать друг с другом в целях эффективного обеспечения режима нераспространения оружия массового уничтожения и средств его доставки, а также связанных с ним материалов, оборудования, технологий и знаний и в целях повышения транспарентности поставок обычных вооружений.

5. Президент Российской Федерации и Премьер-министр Японии придерживаются общего мнения о наличии возможностей для динамичного развития, которое может продемонстрировать Азиатско-Тихоокеанский регион в мире XXI века на основе общих принципов свободы и открытости. Стороны подтверждают значение того, что Российская Федерация путём претворения в жизнь принципов законности и справедливости станет активным и конструктивным партнёром в этом регионе и будет вносить дальнейший вклад в развитие политических и экономических связей между расположенными в нём государствами, а также едины в том, что существенную важность для реализации этой задачи имеет полная нормализация отношений между играющими важную роль в этом регионе Российской Федерацией и Японией, в той связи, что она

позволит сделать этот регион зоной мира и стабильности, а также районом развития экономического сотрудничества на основе системы свободной торговли, открытой для всех стран и регионов, включая Российскую Федерацию.

Президент Российской Федерации и Премьер-министр Японии, исходя из общего понимания необходимости укрепления мира и стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, подтверждают важность диалога между правительственными органами двух стран по широкому кругу вопросов, включая аспекты обеспечения безопасности, и соглашаются и далее активизировать подобные обмены мнениями.

6. Президент Российской Федерации и Премьер-министр Японии, принимая во внимание ведущиеся в ООН дискуссии, в том числе по вопросу о том, каковы должны быть функции и структура Организации с тем, чтобы она, адаптируясь к изменяющейся международной обстановке, могла играть центральную роль в поддержании и созидании мира во всём мире, соглашаются активизировать вклад обеих стран в усилия ООН, направленные на урегулирование глобальных и региональных проблем, и предпринимать тем самым совместные усилия для дальнейшего повышения авторитета Организации.

Президент Российской Федерации Б.Н. Ельцин
Премьер-министр Японии М. Хосокава

ГЛАВА XI

1. Совместное заявление Президента Российской Федерации и Премьер-министра Японии о принятии Российско-Японского плана действий

Президент Российской Федерации и Премьер-министр Японии, разделяя точку зрения о том, что в современных условиях, когда в международном сообществе идёт процесс активного образования новых форм межгосударственного взаимодействия, основанных на принципах свободы и демократии, роль и ответственность Российской Федерации и Японии в мире возрастают и им необходимо ещё теснее сотрудничать;

понимая важность активизации совместных усилий по укреплению на основе целей и принципов Устава ООН международного мира,

безопасности и решению актуальных глобальных проблем, в первую очередь в вопросах противодействия международному терроризму;

исходя из того, что укрепление взаимодействия Российской Федерации и Японии на глобальном и региональном уровнях будет способствовать развитию отношений между ними и отвечает интересам всего международного сообщества;

подтверждая, что Российская Федерация и Япония, разделяющие универсальные ценности свободы, демократии, верховенства права и уважения основных прав человека, и впредь намерены прилагать усилия к строительству отношений созидательного партнёрства, отвечающего стратегическим и геополитическим интересам двух стран;

осознавая, что в условиях, когда во взаимоотношениях Российской Федерации с её ведущими зарубежными партнёрами происходят кардинальные позитивные изменения, требуется путём активизации сотрудничества в различных сферах вывести российско-японские отношения на уровень, который соответствовал бы их потенциальным возможностям, что имело бы стратегическое значение для ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе и в мире в целом;

стремясь к окончательному преодолению трудного наследия прошлого в двусторонних отношениях и открытию новых горизонтов для широкого российско-японского партнёрства и подтверждая решимость посредством энергичных переговоров по возможности скорее заключить мирный договор путём решения вопроса о принадлежности островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи и достичь таким образом полной нормализации двусторонних отношений на основе достигнутых до настоящего времени договорённостей, в том числе Совместной декларации СССР и Японии 1956 года, Токийской декларации о российско-японских отношениях 1993 года, Московской декларации об установлении созидательного партнёрства между Российской Федерацией и Японией 1998 года, Заявления Президента Российской Федерации и Премьер-министра Японии по проблеме мирного договора 2000 года и Иркутского заявления Президента Российской Федерации и Премьер-министра Японии о дальнейшем продолжении переговоров по проблеме мирного договора 2001 года;

высоко оценивая роль подписанной в сентябре 2000 года «Программы углубления сотрудничества в торгово-экономической области» в развитии двусторонних торгово-экономических связей и

отмечая необходимость ещё более широкой и эффективной реализации потенциала сотрудничества между двумя странами в этой сфере;

отмечая роль технического содействия со стороны Японии, в том числе по линии японских центров, которое способствовало переходу Российской Федерации к рыночной экономике, а также выражая уверенность в том, что полная интеграция Российской Федерации в систему мировой экономики, в том числе присоединение России к деятельности ВТО, поддерживаемое Японией, отвечает интересам всего мирового сообщества в целом;

будучи убеждёнными в том, что проведение комплекса японских культурных и иных мероприятий в России в 2003 году и осуществление в будущем аналогичных российских акций в Японии, а также широкое развитие обменов между представителями различных слоев общественности двух стран будет способствовать дальнейшему углублению дружбы, доверия и взаимопонимания между российским и японским народами;

подчёркивая важность осуществления конкретных мер для обеспечения динамичного и всестороннего развития российско-японского сотрудничества,

приняли прилагаемый Российско-Японский план действий и заявили о намерении обеих стран вести совместную работу по претворению в жизнь его положений.

Москва, 10 января 2003 года

Об авторе

Фото РИА «Новости»

КОШКИН Анатолий Аркадьевич

Доктор исторических наук, профессор Восточного университета, действительный член (академик) Российской академии естественных наук, член исполнительного совета Российской ассоциации историков Второй мировой войны, один из ведущих специалистов по современной Японии и российско-японским отношениям. Автор ряда научных трудов по истории Второй мировой войны и международных отношений, в том числе монографий «Крах стратегии ”спелой хурмы”». «Военная политика Японии в отношении СССР, 1931—1945 гг.», «Кто нарушил пакт о нейтралитете» (на япон. языке), «Японский фронт маршала Сталина. Тень Цусимы длиной в век», «Борьба великих держав. Советско-японская война 1945 года» (на япон. языке). Автор глав в коллективных трудах: «1939 год. Уроки истории», «Вторая мировая война. Актуальные проблемы», «Война и политика. 1939—

1941», «Русские Курилы. История и современность», «Мировые войны XX века (в 4-х книгах)», «Война и общество в XX веке (в 3-х книгах)» и других.

Иллюстрации

Император Пётр I. Художник Г. Неллер. 1700-е гг.

Императрица Екатерина II. Портрет второй половины XVIII в.

Н.П. Резанов. Гравюра XVIII в.

Е.В. Путятин. Гравюра XIX в.

Фрагмент карты Иркутскаго намѣстничества из Атласа Россійской имперіи, изданного в Спб. в 1796 г.

Император Мэйдзи. Фото 1883 г.

Того Хэйхатиро. Фото 1900-х гг.

Ояма Ивао. Фото 1900-х гг.

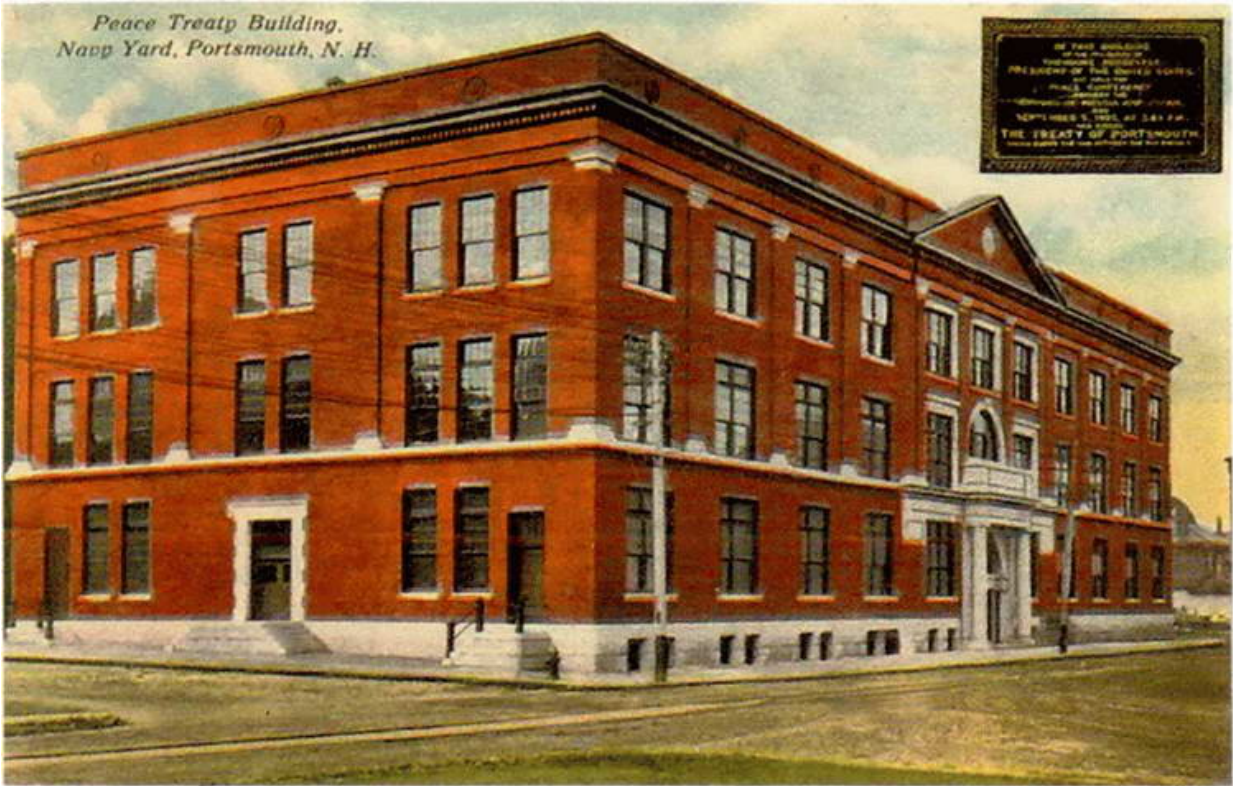
З.П. Рожественский. Гравюра начала XX в.

А.Н. Куропаткин. Гравюра конца XIX в.

Бой «Варяга» и «Корейца» под Чемульпо. Литография 1904 г.

Здание в Портсмуте, где проходили русско-японские переговоры о мире. 1905 г.

Переговоры в Портсмуте. 1905 г. С русской стороны (дальняя часть стола) — Коростовец, Навохов, Витте, Розен, Планков, с японской (ближняя часть стола) — Адаги, Отиай, Комура, Такахира, Сато

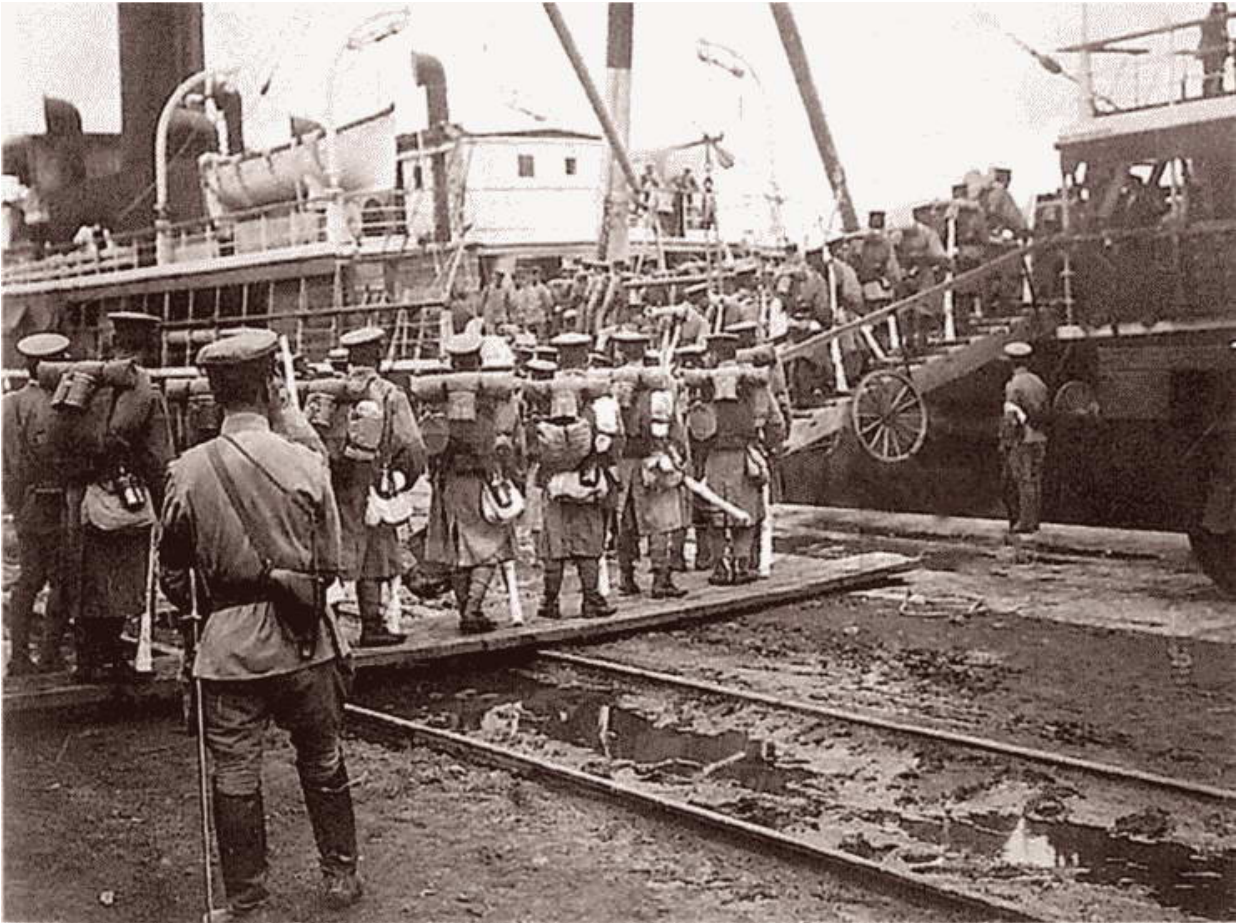
Общий снимок участников переговоров в Портсмуте. Фото 1905 г.

С.Ю. Витте. Этюд к картине «Торжественное заседание Государственного совета 7 мая 1901 года». Художник И.Е. Репин. 1903 г.

*Японские гвардейцы приветствуют прибывшие во Владивосток американские войска.
Август 1918 г.*

Эвакуация японских войск из Владивостока на корабль «Кумамоту Мару». Фото 1922 г.

Танака Гиити. Фото 1920-х гг.

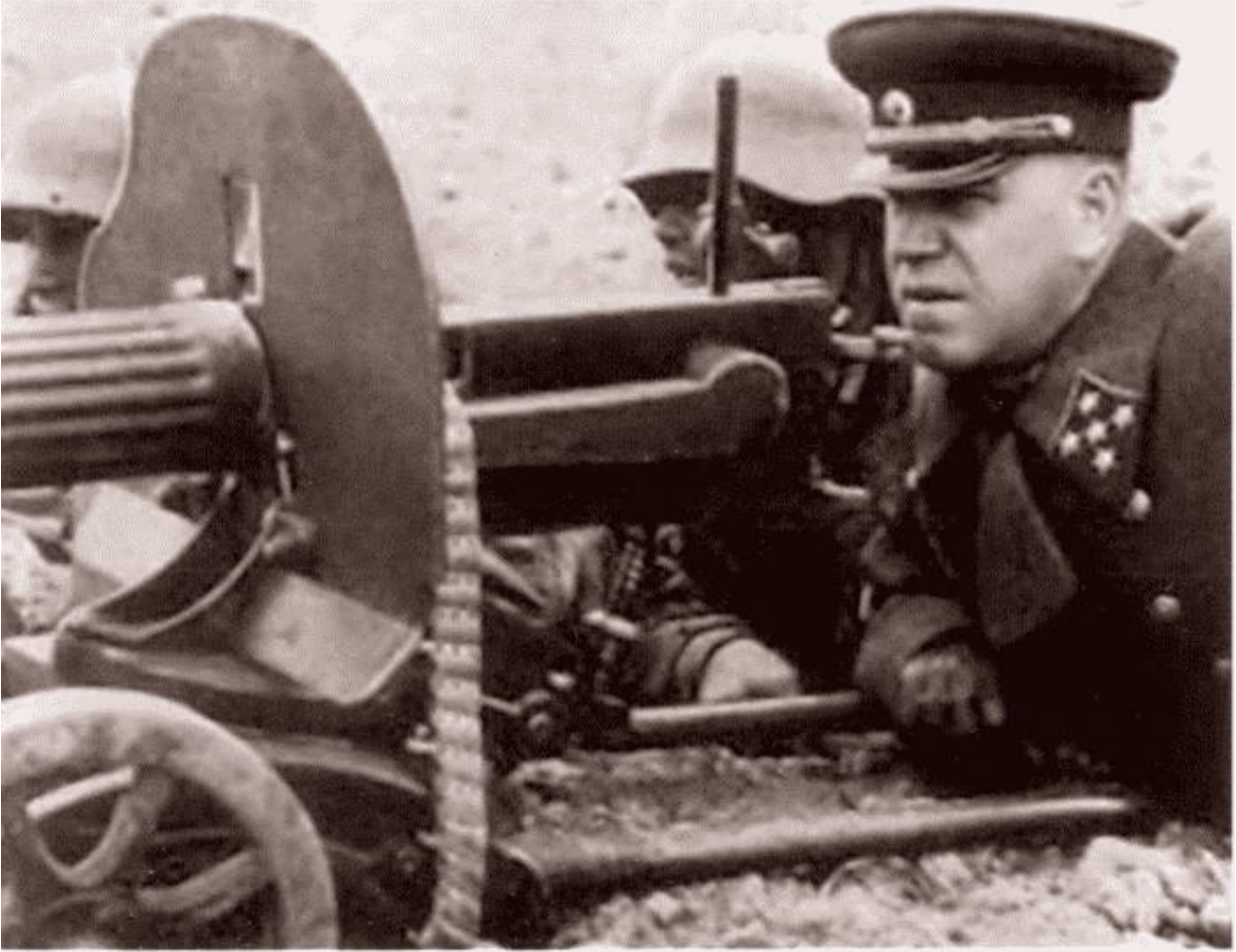
Коноз Фумимаро. Фото 1938 г.

Император Японии Хирохито. Фото 1926 г.

Советские бойцы на позиции у озера Хасан. Август 1938 г.

Г.К. Жуков в сражении у реки Халхин-Гол. 1939 г.

Министр иностранных дел Японии Ёсукэ Мацуока. Рисунок 1941 г.

Того Сигэнори. Фото 1940-х гг.

Министр иностранных дел Японии Ё. Мацуока подписывает Пакт о нейтралитете между СССР и Японией в присутствии И.В. Сталина и наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова. 13 апреля 1941 г.

ПАКТ О НЕЙТРАЛИТЕТЕ
МЕЖДУ СОВЕТОМ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК И
ЯПОНИЕЙ.

Президиум Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик и Его Величество Император Японии, руководимым приказом укрепить мирные и дружественные отношения между обеими странами, решили заключить Пакт о нейтралитете, и для этой цели назначили своих Уполномоченных:

Президиум Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик:

Владислав Михайлович Молотов, Председателя Совета Народных Комиссаров и Народного Комиссара Иностранных Дел Союза Советских Социалистических Республик;

Его Величество Император Японии:

Дзоюме Мадзума, Министра Иностранных Дел, Японии, Кавалера ордена Священного Сокровища первой степени, и

Косидзугу Татезава, Чрезвычайного и Полномочного Посла в Союзе Советских Социалистических Республик, Генерал-лейтенанта, Высшим, Кавалера ордена Восходящего Солнца первой степени и ордена Золотого Норуна четвертой степени,

которые, по пред'явлению друг другу своих соответственных полномочий, прозвонили составленные в надлежащей и законной форме, договорились о нижеследующем:

Составлен в Токио, 13 апреля 1941 года, что соответствует
13-му числу четвертого месяца 16-го года Сюэи.

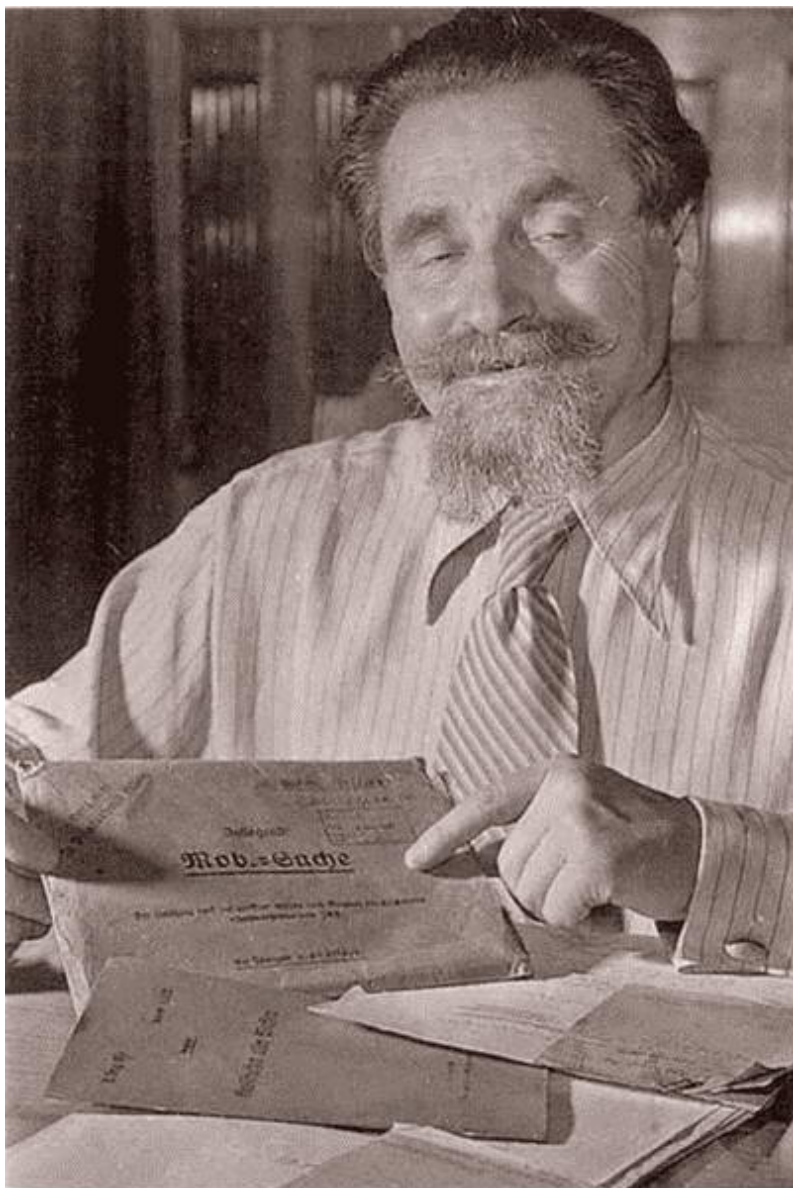
А. Молотов

松石 海 松

井川 美 次

Пакт о нейтралитете между СССР и Японией

С.А. Лозовский. Фото 1941 г.

Я.А. Малик — посол СССР в Японии в 1942—1945 гг.

*В штабе 1-го Дальневосточного фронта. К.А. Мерецков и А.М. Василевский дают указания
начальнику главного штаба Квантунской армии С. Хата о порядке капитуляции японских
войск. Август 1945 г.*

Встреча советских войск в Харбине. Август 1945 г.

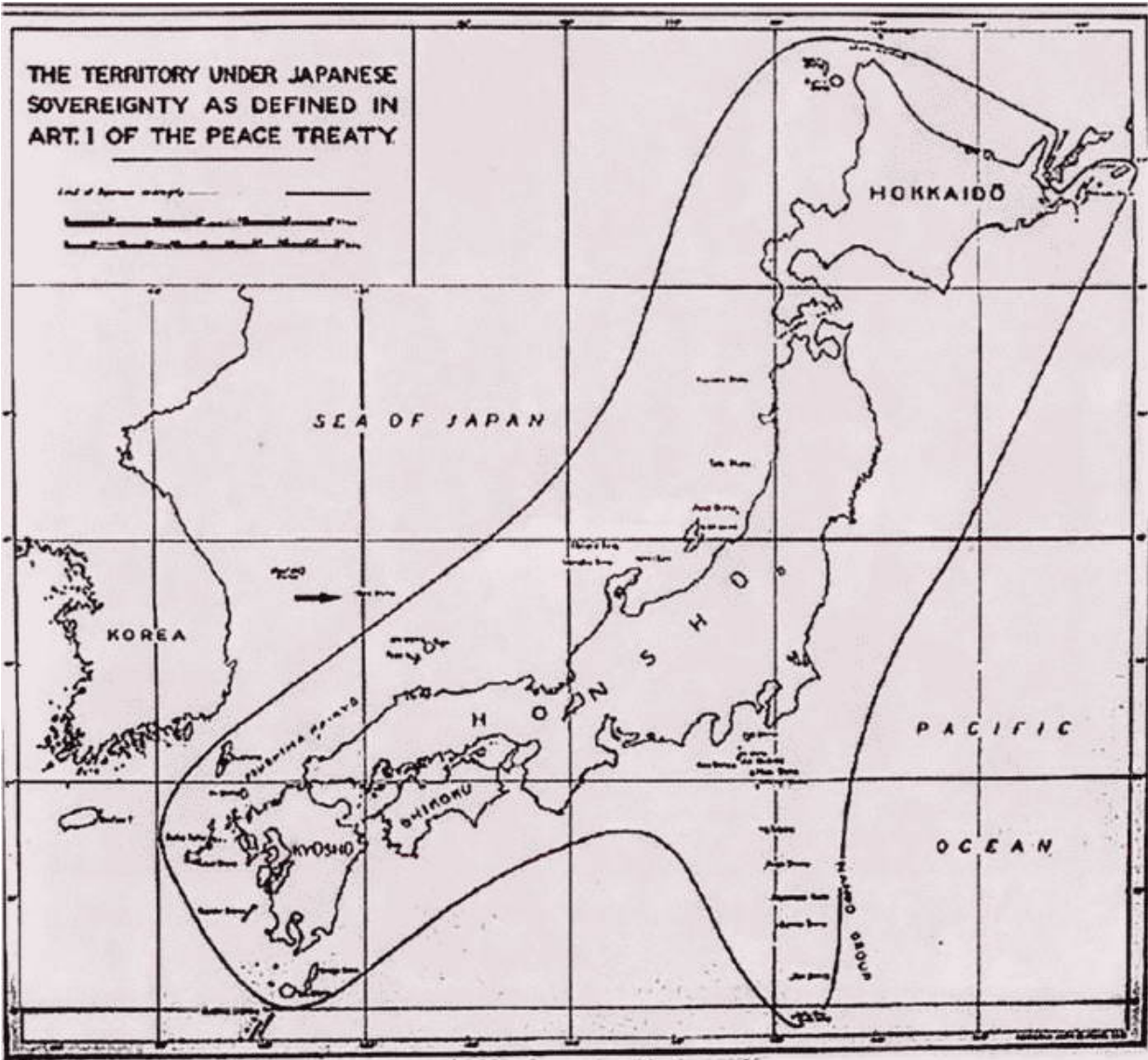
Арест штаба Квантунской армии. Фото 1945 г.

*Подписание капитуляции Японии на борту американского линкора «Миссури». 2 сентября
1945 г.*

Подписание Сан-Францисского мирного договора японской делегацией. Фото 1951 г.

Карта японских территорий, определенных Сан-Францисским мирным договором. 1951 г.

Советская делегация во главе с Н.С. Хрущёвым на советско-японских переговорах. 1956 г.

С.Л. Тихвинский, академик РАН, участник советско-японских переговоров о восстановлении дипломатических отношений. 1955-1956 гг.

Партийный работник, профессор И.И. Коваленко, игравший важную роль в развитии отношений между СССР и Японией в 1960-1980-е гг.

В.В. Путин на российско-японских переговорах в Иркутске. 25 марта 2001 г.

Встреча Президента России Д.А. Медведева с Премьер-министром Японии Юкио Хатоямой. Нью-Йорк. 23 сентября 2009 г.

Православный крест, установленный в 1997 году на острове Танфильева (Малая Курильская гряда)

актуальная история

Книга посвящена сложным вопросам межгосударственных отношений России и Японии. Один из них – вопрос принадлежности южных Курильских островов.

Е.В. Путятин: «Гряда Курильских островов, лежащая к северу от Японии, издавна принадлежала России и находится в полном ее заведывании» (1853).

И.В. Сталин: «...Южный Сахалин и Курильские острова отойдут к Советскому Союзу, и отныне они будут служить не средством отрыва Советского Союза от океана и базой японского нападения на наш Дальний Восток, а средством прямой связи Советского Союза с океаном и базой обороны нашей страны от японской агрессии» (1945).

В.В. Путин: «Курильские острова находятся под суверенитетом России, и в этой части она не намерена ничего обсуждать с Японией... Это закреплено международным правом, это результат Второй мировой войны» (2005).

ISBN 978-5-9533-4707-5
9 785953 347075

РОССИЯ И ЯПОНИЯ
УЗЛЫ ПРОТИВОРЕЧИЙ

notes

Примечания

На наш взгляд, название «Японско-русская война» более соответствует исторической действительности, ибо именно Япония явилась инициатором начала военных действий. Так эта война именуется и в японской историографии.

Приводятся и другие цифры: «Подсчитано, что с августа 1918 года по октябрь 1919-го Япония ввела на территорию дальневосточного края 120 тысяч своих войск. Общая же численность войск интервентов здесь в начале 1919 года составила 150 тысяч человек» (*Шишов А. Указ. соч. С. 289*).

Российские исследователи Л.Г. Арешидзе и М.И. Крупялко в статье «Старые и новые факты о “Курильской проблеме” в российско-японских отношениях» указывают, что согласно рассекреченным в 1994 г. японским документам, подготовленным в 1946 г. для заключения мирного договора, тогда Япония включала в понятие «Курильские острова» все острова Тихого океана от оконечности полуострова Камчатка до северной части острова Хоккайдо, в том числе Кунашир и Итуруп, кроме группы островов Хабомаи и Шикотан. На приложенной к документам карте остров Шикотан и группа островов Хабомаи окрашены в такой же цвет, как и территория собственно Японии, однако Кунашир и Итуруп окрашены в другой цвет, что означает их вхождение в состав Курильских островов, отошедших по Ялтинскому соглашению и Сан-Францисскому мирному договору под юрисдикцию Советского Союза. (“Восток”, №5. 2002. С. 86).

comments

Ссылки

Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. Первая. М, 1973. С. 50.

Цит по: *Черевко К.Е.* Зарождение русско-японских отношений. XVII—XVIII века. М., 1999. С. 51.

Там же. С. 55.

Кимура Хирочи. Курильская проблема: история японо-российских переговоров по пограничным вопросам. Киев, 1996. С. 31—32.

См. *Зиланов В.К., Кошкин А.А., Латышев И.А., Плотников А.Ю., Сенченко И.А.* Русские Курилы. История и современность. Сборник документов по истории формирования русско-японской и советско-японской границы (далее — Русские Курилы). М, 2002. С. 14.

Неопубликованная диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук А.Ю. Плотникова «Русско-японские отношения в период их становления. Посольство Н.П. Резанова и экспедиция 1806—07 годов». М, 1994. С.198.

Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 1. С. 51.

Цит по: *Черевко К.Е.* Указ соч. С. 83—84.

Русские Курилы. М, 2002. С. 14.

Там же. С. 27—28.

Вехи на пути к заключению мирного договора между Японией и Россией. 88 вопросов от граждан России /Пер. с яп./ М, 2000. С. 45—47.

См. подробнее: *Арутюнов С.А., Щебеньков В.Т.* Древнейший народ Японии. Судьбы племени айнов. М, 1992. С. 68—69.

Русские Курилы. М, 2002. С. 14.

См. Русские открытия на Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке. М, 1948. С. 284.

Накамура Синтаро. Нихондзин то росиадзин (Японцы и русские).
Токио, 1978. С. 48, 59.

Корияма Ёсимицу. Бакумацу нитиро канкэй си кэнкю
(Исследование истории японо-русских отношений в период бакумацу).
Токио, 1980. С. 231.

Черевко К.Е. Указ. соч. С. 127.

Вехи на пути... С. 47.

Там же.

Накамура Синтаро. Указ. соч. С. 105.

См. *Файнберг Э.Я.* Русско-японские отношения в 1697—1875 гг. М., 1960. С. 79—80.

См. *Черевко К.Е.* Указ. соч. С. 148—149.

Накамура Синтаро. Японцы и русские. Из истории контактов /
Пер. с яп./ М., 1983. С. 131.

Сибя Рётаро. О России. Изначальный облик Севера /Пер. с яп./
М., 1999.С. 108—109.

Накамура Синтаро. Указ. соч. С. 128.

Русские Курилы. М, 2002. С. 40.

См. *Плотников А.Ю.* Указ. соч. С. 77.

Цит. по: *Черевко К.Е.* Указ соч. С. 162.

См. *Сенченко И.А.* Их не забудет Россия. Южно-Сахалинск, 1961.
С. 7.

Плотников А.Ю. Указ соч. С. 89.

Вехи на пути... С. 49—50.

Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 1. С. 56.

Плотников А.Ю. Указ. соч. С. 92.

Черевко К.Е. Зарождение русско-японских отношений. XVII—XIX века. М., 1999. С. 178.

Накамура Синтаро. Японцы и русские. Из истории контактов /
Пер. с яп. М., 1983. С. 159.

Международные отношения на Дальнем Востоке. Книга 1. М., 1973. С.90.

Там же. С. 113—114.

Накамура Синтаро. Указ. соч. С. 162.

Там же. С. 165.

Там же. С. 165—166.

Цит. по: *Черевко К.Е.* Указ. соч. С. 189.

Там же.

Цит. по: Русские Курилы. История и современность. Сборник документов по истории формирования русско-японской и советско-японской границы. М., 2002. С. 41—42.

Накамура Синтаро. Указ. соч. С. 167.

Там же. С. 169.

Там же. С. 166.

Цит. по: *Черевко К.Е.* Указ. соч. С. 190.

Русские Курилы... С. 43—44.

Сборник действующих трактатов, конвенций и соглашений, заключенных Россией с другими государствами. Т. I. СПб., 1889. С. 369—370.

Вехи на пути к заключению мирного договора между Японией и Россией/Пер. с яп. 2000. С. 53.

См.: Русско-китайские отношения. 1689—1916. М., 1958.С. 33.

Накамура Синтаро. Указ. соч. С. 193.

Вехи на пути... С. 54.

Накамура Синтаро. Указ. соч. С. 206—207.

Там же. С. 222.

Международные отношения на Дальнем Востоке. Книга 1. С. 112
—113.

Накамура Синтаро. Указ. соч. С. 226.

Там же. С. 228—229.

Вехи на пути... С. 54—55.

Курилы — острова в океане проблем / Сост. Ю.В. Георгиев. М., 1998. С. 80.

Письмо Н. Распопова — А.Н. Щеглову от 7/19 августа 1882 г. Цит. по: Россия и Япония на заре XX столетия. Аналитические материалы отечественной военной ориенталистики. М., 1994. С. 190.

А.Н.Куропаткин. Русско-японская война 1904—1905. Итоги войны. СПб., 2002. С. 138.

Международные отношения на Дальнем Востоке. Книга 1. С конца XVI в. до 1917 г. М., 1973. С. 164.

Там же. С. 172.

Россия и Япония на заре XX столетия. Аналитические материалы отечественной военной ориенталистики. М., 1994. С. 57—58, 60.

См. *Б.А. Романов. Очерки дипломатической истории русско-японской войны 1895—1907. М., 1955. С. 30—34.,*

В. Шаццлло, Л. Шаццлло. Русско-японская война 1904—1905. М., 2004. С 23—24.

Цит. по: Малоизвестные страницы Русско-японской войны 1904—1905 годов. Книга 1. М., 2005. С.21.

Подробнее см.: Международные отношения на Дальнем Востоке...
С. 208—209.

Там же. С. 214—215.

Куропаткин А.Н. Указ. соч. С. 145—146.

Подробнее см.: *Гальперин А.* Англо-японский союз. 1902—1921
годы. М., 1947. С. 420.

Международные отношения на Дальнем Востоке... С. 221.

Там же. С. 227.

Цит. по: Малоизвестные страницы русско-японской войны...
Книга 1. С. 20.

Россия и Япония на заре XX столетия... С. 463.

Вехи на пути к заключению мирного договора между Японией и Россией. /Пер. с яп. М., 2000. С. 55—57.

Цит. по: Малоизвестные страницы русско-японской войны... С. 37
—38.

Там же. С. 50.

Lensen G.A. The Russo-Chinese War.: Florida, Tallahassee, 1967. P. 282.

См. Японский милитаризм (Военно-историческое исследование).
М., 1972. С. 59.

История Русско-японской войны 1904—1905 гг. / Под ред. И.И. Ростунова. М., 1977. С. 94—95.

Там же. С. 99.

Подробнее см. *Вотинов А.* Японский шпионаж в русско-японскую войну 1904—1905 гг. М., 1939.

Русско-японская война 1904—1905 гг. Т.1. СПб., 1910. С. 750.

Японский милитаризм. С. 59.

Русско-японская война 1904—1905 гг. Действия флота. Документы.
Кн.1, вып. 2. СПб., 1911.С. 69.

Русско-японская война 1904—1905 гг. Сборник документов. М., 1941. С. 22—23.

История Русско-японской войны 1904—1905 гг. С. 153.

Подробнее см.: *Сорокин А.И.* Оборона Порт-Артура. М., 1952.

Шаццлло В., Шаццлло Л. Указ. соч. С. 255.

См. История русской армии и флота. Вып. 14. М., 1913. С. 179.

История русско-японской войны 1904—1905 гг. С. 331.

Там же. С. 341.

Куропаткин А.Н. Указ. соч. С. 516.

Там же. С. 518—519.

Левцкий Н.А. Русско-японская война 1904—1905 гг. М., 1935. С. 305.

Международные отношения на Дальнем Востоке... С. 230.

Л.Н. Кутаков. Портсмутский мирный договор. М., 1961. С. 11.

Шаццлло В., Шаццлло Л. Указ. соч. С. 376.

Там же. С. 379.

Романов Б.А. Указ.соч. С. 425.

Цит. по: *Шаццлло В., Шаццлло Л.* Указ. соч. С. 397—410.

См. подробнее: *Кутаков Л.Н. Указ.соч. С. 28—86.*

Цит. по: *Шаццлло В., Шаццлло Л.* Указ. соч. С. 431.

Цит. по: Малоизвестные страницы русско-японской войны...
Книга 2. С. 336—341.

Извольский А.Л. Воспоминания. Петроград; М., 1924. С. 91.

Маринов В.А. Россия и Япония перед Первой мировой войной (1905—1914). Очерки истории отношений. М., 1974. С. 21.

Там же. С. 30.

Подробнее см.; Григорцевич С.С. Дальневосточная политика империалистических держав в 1906—1917 гг. Томск, 1965. С. 126—131.

Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 1. М., 1973.
С. 240.

Канторович А. Америка в борьбе за Китай. М, 1935. С. 130—131.

Гримм Э.Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842—1925). М., 1927. С. 91—92.

Маринов В.А. Указ. соч. С. 85.

Японский милитаризм (военно-историческое исследование). М., 1972. С. 71.

Montgomery M. Imperialist Japan. The Yen to Dominate. London, 1987. P.233.

Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 1. С. 283—
284.

Гришин Э.Д. Указ. соч. С. 191.

Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 30. С. 188.

Того С. Воспоминания японского дипломата /Пер. с англ. М., 1996.
С. 49.

Имаи Сэйдзиро. Рококу какумэй дзицудзё (Истинное положение революции в России). Токио, 1918. С. 82—83.

Тайхэйё сэпсо си (История войны на Тихом океане). Т. 1. Токио, 1972. С. 45.

Кадзухигэ Угаки. Гумби то сэйсин кёйку (Подготовка армии и моральное воспитание). Токио, 1921. С. 9—10.

Документы внешней политики СССР. Т. I. М., 1959. С. 225.

См. *Шишов А.* Разгром Японии и самурайская угроза. М., 2005. С. 279—280.

История дипломатии. Т. III. М., 1965. С. 128.

Шерешевский Б.М. В битвах за Дальний Восток (1920—1922).
Новосибирск, 1974. С. 15.

Там же. С. 13—14.

Цит. по: *Шишов А.* Указ. соч. С. 297.

Документы внешней политики СССР. Т.Н. С. 389.

Вехи на пути к заключению мирного договора между Японией и Россией /Пер. с япон./ М., 2000. С. 57—58.

Шишов А. Указ. соч. С.314.

Japanese Intervention in the Russian Far East. Washington, 1922. P.60.
Цит. по: Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 2. С. 32.

См. подробнее: *Никифоров П. М* Записки премьера ДВР. М., 1974.
С. 164—175.

Там же. С. 180.

Шерешевский Б.М. Указ. соч. С. 172.

Документы внешней политики СССР. Т. V. М., 1960. С. 624.

Подробнее см.: СССР—Япония. К 50-летию установления советско-японских дипломатических отношений. М., 1978; *Кушаков Л.Н.* История советско-японских дипломатических отношений. М., 1962.

Русские Курилы. История и современность. М., 2002. С. 54.

Токио нити-нити. 21.8.1922.

Дайхонъэй рикугун бу (Секция сухопутных сил императорской ставки). Часть 1. Токио, 1968. С. 258—259.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф.7867, оп.
1, д. 275, л. 92.

Дайхонъэй рикугун бу. Часть 1. С. 302.

Очерки новейшей истории Японии. М., 1957. С. 64.

ΓΑΡΦ, φ.7867, οπ. 1, δ.257, λ. 90.

История Второй мировой войны 1939—1945. Т. 1. М., 1973. С. 90.

Фудзивара Акира. Тайхэйё сэнсо си рон (Рассуждения об истории войны на Тихом океане). Токио; 1982. С.5.

Дайхонъэй рикугун бу. Часть 1. С. 319.

ΓΑΡΦ, φ.7867, οπ.1, δ. 257, λ. 91—92.

Документы внешней политики СССР. Т. XIV. М, 1968. С.746.

Цит. по: *Рагиский М.Ю., Розенбит С.Я.* Международный процесс главных японских военных преступников. М.; Л., 1950. С. 237.

Документы внешней политики СССР. Т. XVI. М., 1970. С. 17.

Дайхонъэй рикугун бу. Часть 1. С. 339—340.

Bergamini D. Japan's Imperial Conspiracy. London, 1971. P. 552.

Цит по: *Марушкин Б.И.* Американская политика «невмешательства» и японская агрессия в Китае (1937—1939). М., 1957. С. 30.

История внешней политики СССР. Т.1. М., 1976. С. 296.

Там же. С. 277.

Международные отношения на Дальнем Востоке. Книга 2. М., 1973. С. 112— 113.

ГАРФ, ф.7867, оп. 1, д. 195. Стенограмма Международного военного трибунала для Дальнего Востока. С. 5754.

Документы внешней политики СССР. Т. XX. М., 1976. С.654—655.

История Второй мировой войны 1939—1945. Т. 2. С. 72.

Сапожников Б.Г. Японо-китайская война и колониальная политика Японии в Китае (1937—1939). М., 1970. С. 76.

Дайхонъэй рикугун бу. Часть 2. С. 2.

ΓΑΡΦ, φ.7867, οπ.1, д. 275, л. 172—173.

Гэндай си сирё (Материалы по новейшей истории. Документы).
Токио, 1976. Т. 9. С. 727—729.

Тайхэйё сэнсо си (История войны на Тихом океане). Т.3. Токио, 1972. С. 108—111.

Фудзивара Акира. Указ. соч. С. 74.

Русский архив. Т. 18. Великая Отечественная. Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30 —40-е годы. Документы и материалы. М., 1997. С. 147.

Фудзивара Акира. Нитпо дзэммен сэнсо (Всеобщая японо-китайская война). Токио, 1982. С. 154—155.

Дайхонъэй рикугун бу. Часть 1. С. 585.

Сёва-но рэкиси (История периода Сева). Т. 5. Токио, 1982. С. 200.

Русский архив. Т. 18. С. 156.

War in Asia and the Pacific 1937—1949. A fifteen volume collection.
Vol. 10. Japan and the Soviet Union. New York; London, 1980. P. 105—106.

Русский архив. Т. 18. С. 114.

Симада Тосихико. Кантогун (Квантунская армия). Токио, 1982. С. 135.

Русский архив. Т. 18. С. 158.

Рахманин О.Б. К истории отношений России-СССР с Китаем в XX веке. М, 2002. С. 9.

Тайхэйё сэпсо си. Т. З.С. 283.

Вехи на пути к заключению мирного договора между Японией и Россией /Пер. с яп. М., 2000. С. 59.

Дайхонъэй рикугун бу. Часть 2. С. 4.

Нихон рэкиси (История Японии). Т.20. Токио, 1977. С. 8.

Дайхонъэй рикугун бу. Часть 2. С. 9.

Кудо Митихиро. Ниссо тюрицу дзаяку-но кэнкю (Исследование японо-советского пакта о нейтралитете). Токио, 1985. С. 62—63.

Документы внешней политики (Далее ДВП). 1939 год. Т. XXII. Кн. 2. М., 1992.С.616.

Presseisen E.L. Germany and Japan. The Hague, 1958. P. 219.

Montgomery M. Imperialist Japan. The Yen to Dominate. London, 1987. P. 436.

«Мияко». 1939. 13 декабря.

История Второй мировой войны 1939—1945 гг. Т. 3. М., 1974. С. 182.

ДВП. 1939 г. С. 267.

ДВП. 1940—22 июня 1941. Т.ХХШ. Кн.1. 1 января — 31 октября
1940. М., 1995. С. 29.

Lensen G.A. The Strange Neutrality: Soviet-Japanese Relations during the Second World War 1941—1945. Florida, 1972. P. 6.

«Асахи». 1940. 17 января.

Шестая сессия Верховного Совета СССР, 29 марта — 4 апреля 1940 г. Стенографический отчет. М., 1940. С. 41.

ДВП. Т. XXIII..С. 304.

Там же. С. 120—121.

Того Сигэнори. Воспоминания японского дипломата /Пер. с англ.
М., 1996. С. 207—208.

ДВП. Т.ХХІІІ. С. 400—406.

Того Сигэнори. Указ. соч. С. 208—209.

ДВП. Т.ХХІІІ. С.441.

Там же. С. 447.

Тайхэйё сэпсо си. Т. 3. С. 316.

«Токио нити-нити». 1940. 16 июля.

Цит. по: Милитаристы на скамье подсудимых: По материалам Токийского и Хабаровского процессов. М., 1985. С. 108.

Там же. С. 137.

1939 год. Уроки истории. М., 1990. С. 28.

Presseisen E. Germany and Japan: A Study in Totalitarian Diplomacy
1933—1941. The Hague, 1958. P. 32.

Fox J.P. Germany and the Far Eastern Crisis. 1931—1938. London, 1982. P. 81.

1939 год. Уроки истории. С. 28—29.

Нихон-но тайсо имбо (Замыслы Японии против Советского Союза). Токио, 1948. С. 153.

ΓΑΡΦ, φ.7867, οπ.1, δ. 482, λ. 141.

1939 год. Уроки истории. С. 45.

Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма: Исторические очерки. Документы и материалы. Т. I. М., 1973. С. 137.

1939 год. Уроки истории. С. 49.

Смирное Л.Н., Зайцев Е.Б. Суд в Токио. М., 1978. С. 169.

Мировые войны XX века. Книга 3. Вторая мировая война.
Исторический очерк. М., 2002. С.95—96.

Там же.

Дайхонъэй рикугун бу. Часть 2. С. 10.

Мировые войны XX века. Книга 3. С. 99.

Нихон-но тайсо имбо. С. 158.

Тайхэйё сэнсо-э но мити (Бэжкан). Сирехэн (Путь к войне на Тихом океане. Приложение: Сборник документов). Токио, 1963. С. 341.

Там же. С. 341—342.

Нихон-но тайсо имбо. С. 159.

История Второй мировой войны 1939—1945. Т. 2. С. 320.

ΓΑΡΦ φ.7867,οπ.1,δ.482,λ.833.

См. подробнее: *The Ciano Diaries 1939—1943*. N.Y., 1946.

Цит. по: СССР — Япония. К 50-летию установления советско-японских дипломатических отношений (1925—1975). М., 1978. С. 192.

Мировые войны XX века. Книга 3. С. 101.

Тихвинский. С.Л. Заключение советско-японского пакта о нейтралитете 1941 г. // Новая и новейшая история. 1990. №1. С. 26.

ДВП. Т. XXIII. С. 543—544.

Там же. С. 572—574.

Там же. С. 678.

Кудо Митихиро. Указ. соч. С.80.

David J. Lu. From the Marco Polo Bridge to Pearl Harbor. Washington, 1961. P. 112.

ДВП. Т. XXIII. С 677—678.

Там же. С. 685—686.

Того Сигэнори. Указ. соч. С. 209.

ДЗП. Т. XXIII. 1940—22 июня 1941. Кн. 2. Часть 1. М., 1998. С. 10.

Там же. С. 10—11.

Там же. С. 111—ИЗ.

Кудо Митихиро. Указ соч. С. 87—88.

ДВП. Т. XXIII. Кн. 2.С. 126.

Тamura Сатисаку. Сэкай гайко си (История мировой дипломатии).
Токио, 1964. С. 546.

Тайсэн-но хироку (Секретные документы периода мировой войны). Токио, 1948. С. 326.

Дайхонъэй рикугун бу. Ч. 2. С. 207—208.

ДВП. Т. XXIII. Кн.2. С. 191.

Montgomery M. Imperialist Japan. P. 461.

Нихон гайко нэмпё нараби сюё бунсё. (Хронология японской дипломатии и основные документы). Т. 2. Токио, 1965. С. 481.

ДВП. Т. XXIII. Кн. 2.С. 61—62.

Ikle F.W. German-Japanese Relations 1936—1940. New York, 1956. P. 133.

Japan's Decision for War. Records of the 1941 Policy Conferences. California, Stanford. 1967. P. 22.

ΓΑΡΦ, φ.7876, оп. 2, д. 272, л. 12—14.

Русский архив. Т. 18. С. 173.

Кудо Митихиро. Указ. соч. С. 80.

Там же.

Тайхэйё сэпсо-э но мити. Т. 5. Токио, 1963. С. 300.

Тайхэйё сэпсо си. Т. 4. Токио, 1972. С. 66.

Дайхонъэй рикугун бу. Часть 2. С. 243—244.

Там же. С. 248.-

Bergamini D. Japan's Imperial Conspiracy. New York, 1971. P. 743.

Такусио Хаттори. Япония в войне 1941—1945. М., 1973. С. 43 /
Пер. с япон.

Рагинский М.Ю., Розенбит С.Я. Международный процесс главных японских военных преступников. М.; Л., 1950. С. 254—255.

Русский архив. Т. 18. С. 179.

Там же. С. 180.

Там же. С. 181.

Там же. С. 183.

Там же. С. 182.

Тайхэйё сэпсо-э но мити. Сирёхэн. (Путь к войне на Тихом океане. Сборник документов). Токио, 1963. С. 458.

Тайхэйё сэпсо си (История войны на Тихом океане). Т. 4. Токио, 1972. С. 84.

Тайхэйё сэпсо-э но мити. Сирёхэн. С. 445—446.

Русский архив. Т. 18. С. 183—184.

Кантогун (Квантунская армия). Часть 2. Токио, 1974. С. 8.

Тайхэйё сэпсо-э но мити. Сирёхэн. С. 455—456.

Там же. С. 457-58.

Русский архив. Т. 18. С. 185.

Тайхэйё сэпсо-э но мити. Сирёхэн. С. 460—461.

Там же. С. 462.

Там же. С. 463.

Там же. С. 463-469.

Рагинский М.Ю., Розенблит С.Я. Указ. соч. С. 244.

Русский архив. Т. 18. С. 186.

Там же. С. 187.

ΓΑΡΦ. φ.7867, оп. 1, д. 482, л. 836.

Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. Т. 1. М., 1955. С 422.

Д.И. Гольдберг. Указ. соч. С. 165.

Там же. С. 159.

Тайхэйё сэно си. Т. 4. С. 98; Симада Тосихико. Кантогун (Квантунская армия). Токио, 1982. С. 174.

ΓΑΡΦ. φ.7867, оп. 1, д. 297, л. 306—307.

Кантогун. Ч. 2. С. 17.

Там же. С. 21.

Дайхонъэй рикугун бу. Часть 2. С. 15—16.

Там же.

Рикугун гундзю дойн (Мобилизация вооружения и военного снаряжения для сухопутных сил). Токио, 1970. С. 409.

ГАРФ. ф. 7867, оп. 1. Стенограмма Токийского процесса. С. 49365—49366.

Дайхонъэй рикугун бу. Часть 2. С. 322; Кантогун. Часть 2. С. 22—
23.

Рикугун гундзю дойн. С. 460.

Симада Тосихико. Указ. соч. С. 164.

Русский архив. Т. 18. С. 189.

Кантогун. Ч. 2. С. 23-24.

Фудзивара Акира. Тайхэйё сэнсо си рон. (Рассуждения об истории войны на Тихом океане). Токио, 1982. С. 79.

Дайхонъэй рикугун бу. Ч. 2. С. 329.

Кантогун. Ч. 2. С. 24.

Там же. С. 33.

Там же. С. 38.

Там же. С. 53—54.

Там же. С. 15.

Симада Тосихико. Указ. соч. С. 153—154.

Тайхэйё сэно си. Т. 4. С. 98.

Симада Тосихико. Указ. соч. С. 168.

Кантогун (Квантунская армия). Ч. 2. Токио, 1974. С. 21, 63.

Сапожников Б.Т. Китайский фронт во Второй мировой войне. М., 1971. С.21.

Нихон-но тайсо имбо (Замыслы Японии против Советского Союза). Токио, 1948. С. 180.

Кантогун. Ч. 2. С. 64.

Симада Тосихико. Кантогун (Квантунская армия). Токио, 1965. С. 166.

Кантогун. Ч. 2. С. 64.

Тайхэйё сэпсо-э но мити. Сирёхэн (Путь к войне на Тихом океане. Сборник документов). Токио, 1963. С. 486.

Дайхонъэй рикугун бу (Секция сухопутных сил императорской ставки). Ч. 2. Токио, 1967. С. 351.

Кантогун. Ч. 2. С. 66.

Гольдберг Д.И. Внешняя политика Японии (сентябрь 1939 г. — декабрь 1941 г.). М., 1959. С. 167.

Там же. С. 68.

ΓΑΡΦ φ.7867,οπ.1,δ.275,λ.33.

Тайхэйё сэпсо-э но мити. Сирёхэн. С. 507, 510.

Русский архив. Т. 18. Великая Отечественная. Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противостояния двух держав в 30—40-е годы. Документы и материалы. М., 1997. С. 192.

Такуси́ро Хаттори́. Япония в войне 1941—1945 гг. /Пер. с яп. М., 1973. С. 192.

Там же. С. 193.

История войны на Тихом океане /Пер. с яп. Т. 3. М, 1958. С. 273.

ΓΑΡΦ, φ.7867, οπ. 1, δ. 275, λ. 84.

Там же, д. 196, л. 394—396.

331

Кантогун.Ч.2.С81.

Такуси́ро Хаттори. Указ. соч. С. 180—181.

Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Документы и материалы. Т. 1. М., 1984. С. 171.

Кантогун. Ч. 2. С. 95.

Такусио Хаттори. Указ. соч. С. 187.

Фудзивара Акира. Тайхэйё сэнсо си рон (Рассуждения о войне на Тихом океане). Токио, 1982. С. 81.

ΓΑΡΦ, φ. 7867, οπ. 1, δ. 275, λ. 284.

Дайхонъэй рикугун бу. Ч. 4. Токио, 1972. С. 380—381.

См. *Савин А.С.* Срыв планов агрессии Японии против СССР в 1942 — 1943 гг. // Военно-исторический журнал. 1983. № 1.

Русский архив... Т. 18. С. 205.

Цит. по: *Кутаков Л. Н.* История советско-японских дипломатических отношений. М., 1962. С. 378—379.

Там же. С. 379—380.

Там же. С. 405.

Советско-американские отношения... Т. 1. С. 284.

Переписка председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Т. 2. М., 1976. С. 51—52.

Кудо Митихиро. Ниссо тюрицу дзёяку-но кэнкю (Исследование японо-советского пакта о нейтралитете). Токио, 1985. С. 188—189.

Lensen G. The Strange Neutrality. Soviet-Japanese Relations during the Second World War 1941 — 1945. Tallahassee, 1972. P. 259.

Hull C. The Memories. Vol. 2. P. 1309—1310.

Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны. Т. II: Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября-1 декабря 1943 г.). Сборник документов. М., 1978. С. 95.

Советско-американские отношения... Т. 1. С. 454—455.

Кудо Митихиро. Указ. соч. С. 166.

Советско-американские отношения... Т. 2. С. 20—21.

Подробнее см.: Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т. V (июнь 1941 — сентябрь 1945). М., 1947. С. 364—365, 366—369.

Советско-американские отношения... Т.2. С. 78.

Переписка... Т. 1. С. 299—301.

Кампании войны на Тихом океане /Пер. с англ. М., 1956. С. 282.

Нихон дзёрику сакусэн. Бэйкоку кимицу бунсё (Операции по высадке на территорию Японии. Секретные документы США). Токио, 1985. С. 94—95.

Правда. 1943. 1 мая.

Цит. по: *Кудо Митихиро*. Указ. соч. С. 197.

Советско-американские отношения... Т. 2. С. 218.

Там же. С. 256.

Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 1. М., 1946. С. 166—167.

Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XI. М., 1955. С. 105—106.

Советско-американские отношения... Т. 2. С. 270—273.

См. *Кадзуира Ацуси*. Ярута кётэй-о мэгуру бэйкоку-но сэйсаку. САС бунсё то Рудзубэруто (Политика США на Ялтинской конференции. Документы Си-Эй-Си и Рузвельт). Росиа кэнкю (Исследования по России). № 25, 1997. С. 102—116.

Курилы. Острова в океане проблем. М., 1998. С. 176.

Leahy W. I was there: The Personal Story of the Chief of Staff to Presidents Roosevelt and Truman. London, 1950. P. 373.

История Второй мировой войны 1939 — 1945 гг. Т. 9. М., 1978. С. 485—486.

Громыко А.А. Памятное. Кн. 1. М, 1988. С. 189—191.

Кушаков Л.Н. Указ. соч. С. 427.

Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг. Т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4—11 февраля 1945 г.). Сборник документов. М., 1984. СИ.

Herbert Feis. Churchill — Roosevelt — Stalin. The War they Waged and Peace they Sought. New Jersey, 1970. P. 503.

United States Relations with China. Reference to the Period 1944 —
1949. Washington, 1949. P. 8.

Крымская конференция... С. 129—131.

Росиа кЭНКЮ. №25, 1997. С. 115—116.

Такусиро Хаттори. Указ. соч. С. 524.

Онодэра Юрико. Барутокай хотори нитэ (У Балтийского моря).
Токио, 1985. С. 148.

История войны на Тихом океане. Т. 4. С. 252—258.

Bix H.P. Hirohito and the Making of Modern Japan. New York, 2000. P. 490.

Вестник Министерства иностранных дел СССР. № 19 (77), октябрь
1990. С.45-46.

Кудо Митихиро. Указ. соч. С. 219—220.

Там же. С. 219.

Герберт Бикс. Хирохито и создание современной Японии / Пер. с англ. М., 2002. С. 442.

Такусиро Хаттори. Указ. соч. С. 532.

The Entry of the Soviet Union into the War against Japan: Military Plans, 1941 — 1945. Washington, 1955. P. 86.

Кантогун. Ч. 2. С. 325.

Фудзивара Акира. Указ. соч. С. 200.

Нисидзима Ариацу. Гэмбаку ва надзэ токасарэта ка (Почему была сброшена атомная бомба?). Токио, 1985. С. 220.

Такусиро Хаттори. Указ. соч. С. 541.

391

Там же.

Сюсэн сироку (Документы истории окончания войны). Т. 3. Токио, 1977. С. 129—130.

Там же. С. 131.

Там же.

FRUS. The Conference of Berlin (The Potsdam Conference). 1945.
Vol. II. Washington, 1960. P. 1292—1293.

Того Сигэнори. Воспоминания японского дипломата / Пер. с англ.
М., 1996. С. 435.

Юхаси Сигэто. Сэндзи ниссо косе сёси. 1941—1945 (Краткая история японо-советских переговоров в годы войны: 1941—1945). Токио, 1974. С. 142—143.

Тихвинский С.Л. Россия и Япония. Обречены на добрососедство.
М., 1996. С. 25—26.

Нихон бункацу (Раздел Японии). Токио, 1978. С. 73—75.

Переписка... С. 285.

Там же. С. 286—287.

«Северные территории Японии». Министерство иностранных дел Японии. Токио, 1996. С. 6.

От «холодной войны» к трехстороннему сотрудничеству в Азиатско-Тихоокеанском регионе. М., 1993. С. 139.

Материалы и документы по истории послевоенной Японии за двадцать лет. 1945—1965 гг. М.; Токио, 1967. Т. 6. С. 24 (на япон. яз.)

Международные отношения на Дальнем Востоке в послевоенные годы. Т. I. (1945—1957). М., 1978. С. 216.

Nippon Times. 8.V. 1950.

Эйдус Х.Т. СССР и Япония. Внешнеполитические отношения после Второй мировой войны. М., 1964. С. 44.

410

Nippon Times. 16.II.1950.

Тихвинский С.Л. Россия — Япония. Обречены на добрососедство.
М., 1996. С. 43.

Советско-китайские отношения: 1917 — 1957. М., 1959. С. 219.

Цит по: Mainichi Daily News. 30.IX. 1982.

Цит. по: *Тихвинский С.Л.* Указ. соч. С. 53—54.

415

Правда. 7.IX. 1951.

Международные отношения на Дальнем Востоке в послевоенные годы. Т. I. С. 220.

Росиа кэнкю (Исследования по России). 1997. № 25. С. 104 (на япон. яз.)

От «холодной войны» к трехстороннему сотрудничеству в Азиатско-Тихоокеанском регионе. М., 1993. С. 144—145.

Там же. С. 139.

Вехи на пути к заключению мирного договора между Японией и Россией. / Пер. с япон. М., 2000. С. 80—82.

Цит по: *Петров Д.В.* Внешняя политика Японии после Второй мировой войны. М., 1965. С. 140.

См. подробнее: *Тихвинский С.Л.* Указ. соч. С. 61—62.

423

Там же. С. 67.

См. *Кушаков Л.Н.* Внешняя политика и дипломатия Японии. М., 1964. С.289.

Зиланов В.К., Кошкин А.А., Латышев И.А., Плотников А.Ю., Сенченко И.А. Русские Курилы. История и современность. Сборник документов по истории формирования русско-японской и советско-японской границы. М., 2002. С. 19.

Акахата. 6.Ш.1969. Цит по: *Черевко К.Е.* Япония на дальневосточных рубежах России и СССР (XVII—XX вв.). М., 1987. С. 97.

Цит по: *Фува Тэг^удзо*. Тисима мондай то хэйва дзёяку (Проблема островов Тисима и мирный договор). Токио, 1998. С. 19 (на япон. яз.).

Сугимори Кодзи. Горубатефу-но сэкай сэйсаку то ниссо канкэй (Политика Горбачева в мире и японо-советские отношения). Токио, 1989. С. 220 (на япон. яз).

См. *Фува Тэиудзо*. Указ. соч. С. 17—19.

Петров Д. В. Указ. соч. С. 143—144.

Тихвинский С.Л. Указ. соч. С. 70.

Там же. С. 71.

См. подробнее: *Мацумото Сюнъити*. Мосукува-ни какэру нидзи. Ниссо кок- ко кайфуку хироку (Радуга над Москвой. Секретные документы о восстановлении японо-советских отношений). Токио, 1966 (на япон. яз.).

Синсо. 1956. Июнь. Цит по: Международные отношения на Дальнем Востоке в послевоенные годы. Т. I. С. 230.

Тихвинский С.Л. Указ. соч. С. 73.

436

Там же. С. 77.

437

Петров Д.В. Указ. соч. С. 159.

СССР и Япония. М., 1987. С. 287.

The Japan Times. 8.IX. 1956.

Источник. 1996. №6 (25). С. 116—121.

См. подробнее: *Петров Д.В.* Указ. соч. С. 300—305.

Майнити симбун. 13.X.1961. Цит по: СССР и Япония. М., 1987. С. 299—300.

Вехи на пути... М., 2000. С. 83.

Хасэгава Цуёси. «Хоппо рёдо» то сэнсо 50 нэн («Северные территории» и пятьдесят лет после войны). Тюо корон. 1995. Октябрь. С. 162—180.

445

Нихон кэйдзай симбу. 1982. 17 авг.

Накаяча М. Вакариясуй сорэн си. Кёи-но кэнсё (Популярная история Советского Союза. Подтверждение угрозы). Токио, 1982. С. 274.

Кимура Х. Курильская проблема. История японо-российских переговоров по пограничным вопросам. Киев, 1996. С. 147—148.

Там же. С. 150.

Цит. по: *Латышев И.А.* Покушение на Курилы. Южно-Сахалинск, 1992, С. 50.

450

Правда. 1982. 17 февр.

451

Правда. 1977. 7 апр.

Хасэгава Ц. «Хоппо рёдо» то сэнсо 50 нэн («Северные территории» и 50 лет после войны) // Тюо корон. 1995. Октябрь. С. 179.

Кушаков Л.Н. Москва—Токио. Очерки дипломатических отношений 1956—1986. М., 1988. С. 177—178.

Проблемы Дальнего Востока. 1984. №2. С. 16.

Ёмиури. 1980. 20 авг.

Кушаков Л.Н. Указ. соч. С. 230—231.

457

Там же. С. 241.

Арин О. Россия в стратегическом капкане. М., 2003. С. 113—114.

459

Правда. 1988. 8 мая.

Кимура Х. Указ.соч. С. 159—160.

461

Правда. 1986. 29 июля.

Насу К. Ябурэдасита сорэн тэйкоку. Пэрэсуторойка ва хокай-но хадзимари (Развалившаяся советская империя. Начало краха перестройки). Токио, 1988. С. 94.

Новая и новейшая история. 2000. № 3, С. 146.

Кимура Х. Указ.соч. С. 169—170.

Хасэгава Ц. Хоппо рёдо мондай то нитиро канкэй (Проблема северных территорий и японо-российские отношения). Токио, 2000. С. 210—211.

Новая и новейшая история. 2000. № 3. С. 149.

467

Правда. 1991. 27 апр.

Вехи на пути к заключению мирного договора между Японией и Россией / Пер. с япон. М, 2000. С. 142.

Кимура Х. Указ. соч. С. 170.

Курилы. Острова в океане проблем. М., 1998. С. 318.

471

Цит. по: *Латышев И.А.* Указ. соч. С. 109.

Русские Курилы. История и современность. М., 2002. С. 193.

473

Известия. 1994. 9 нояб.

474

Майнити. 1998. 20 нояб.

475

Независимая газета. 1999. 23 февр.

476

Коммерсант. 5 сентября 2000 г.

Латышев И.А. Путин и Япония. Будут ли уступки? М., 2005. С. 100.

479

Асахи симбун. 26 марта 2001 г.

The Japan Times. March 20. 2002.

Латышев Н.А. Указ. соч. С. 340.

См. Южно-Сахалинск сегодня. 15 ноября 2004 г.

Отчет о 5-м японо-российском форуме. Токио, 2007. С. 215.

Эксперт. №47. 2007. С. 136.

Отчет о 5-м японо-российском форуме. С. 210.

486

Эксперт. №47. С. 137.

487

Finam.ru 21.12.2007.

488

<http://www.ltv.ru/news/polit/144698>

489

[http:// zamirror.ucoz.ru/news/2009-07-09-98](http://zamirror.ucoz.ru/news/2009-07-09-98)

Посольство Японии в России, <http://www.ru.emb-japan.go.jp>

491

Россия. № 45. 2009. 26 нояб.

492

<http://www.1tv.ru/news/polit/144698>

493

<http://rosbalt.ru/2009/07/24/657879.html>

Русские Курилы. С. 33.

Русские Курилы. С. 34.

Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. М., 1989. С. 229,232.

Русские экспедиции... С. 233—235,237,239.

Русские Курилы. С. 38.

Сборник пограничных договоров, заключенных Россией с соседними государствами. СПб, 1891. С. 292—299.

Красный архив. М.; Л., 1928. Т. 3. С. 191—204. Цит. по: *Шаццлло В., Шаццлло Л.* Русско-японская война 1904—1905. М., 2004. С. 397—410.

МИД. Сб. договоров и дипдокументов по делам Д.В. 1895—1905
гг. СПб., 1906 г.

Гримм Э.Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842—1925). М., 1927. С. 168—170.

Гримм Э.Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842—1925). М., 1927. С. 176—177.

Гримм Э.Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842—1925). М., 1927. С. 191—192.

Документы внешней политики СССР. М., 1963. Т. 8. С. 70—73,77.

Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т. 4. М., 1946. С. 550.

Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 3. М., 1947. С. 111—112.

Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 3. М., 1946. С. 480—481.

Сборник документов и материалов по Японии (1951—1954 гг.).
ДВО МИД СССР. М., 1954. С. 89—104.

Русские Курилы. С. 126—127.

Русские Курилы. С. 127—128.

Источник. 1996. № 6 (25). С. 116—121.

Источник. 1996. № 6 (25). С. 122—124.

Источник. 1996. № 6 (25). С. 127-129.

Источник. 1996. № 6 (25). С. 129.

Сборник действующих договоров соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XVII—XVIII. С. 257-260.

517

«Известия» от 29 января 1960 г.

Совместный сборник документов по истории территориального размежевания между Россией и Японией. МИД РФ и МИД Японии, М., 1992. С. 46 -47.

519

«Правда» от 20 апреля 1991 г.

Совместный сборник документов по истории территориального размежевания между Россией и Японией. МИД РФ и МИД Японии. М., 1992. С. 52—53.

Новое издание сборника документов по истории территориального размежевания между Россией и Японией. МИД РФ и МИД Японии. М., 2001. С. 6—9.